Роксана Майал

Я, ЕЛИЗАВЕТА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Роман написан в форме мемуаров английской королевы Елизаветы Первой, правившей в 1558-1603 гг. Долгая, полная приключений жизнь позади. Королева вспоминает дворцовые интриги и религиозные войны, которые одних ее сподвижников привели к вершинам власти, а других – на эшафот. Она пишет о своем отце, короле Генрихе VIII, убийце ее матери; о двоюродной сестре Марии Стюарт, павшей жертвой в борьбе за престол; о себе самой – забитой девочке, превратившейся в великую правительницу…

- Розалин Майлз
  - Книга 1 Незаконнорожденная
    -
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
  - Книга 2 Девственница
    -
      - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11

- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20

- Книга 3 Королева
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
- Книга 4 Беллона
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11

- Книга 5 Глориана
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Эпилог
- Действующие лица в моей истории

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12

- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17

- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25

Розалин Майлз
Я, Елизавета

Книга 1 Незаконнорожденная

Предисловие

Пока я работала над этой книгой, самые разные люди, от министра и до таксиста, говорили мне, что Елизавета – их любимый исторический персонаж. Похоже, у каждого писателя, обращавшегося к той эпохе, своя Елизавета; надеюсь, коя придется читателям по душе.

Как все, кто приступал к жизнеописанию Елизаветы, я бесконечно обязана ее прошлым биографам, поклонникам и критикам; с удовольствием выражаю им свою признательность. Годы, посвященные работе над книгой, убедили меня, что богатство нашей истории уступает лишь гению наших историков.

Однако это – роман, и я стремилась создать живой образ великой женщины «с душою, исполненной очарования, и яркой, подобно свечению морской воды», какой увидел ее Филипп 11, женщины, которая стала самой прославленной из английских королев. Для простоты я избирала простейший путь в дебрях елизаветинских имен, титулов и этикета, старалась показывать людей и события такими, какими их бы видела сама Елизавета, а не как они» привычно видятся издалека.

Впрочем, откуда ни посмотри, история нежеланной девочки, явившейся на свет в горечи и заклейменной печатью незаконнорожденности, теряющей голову в подростковых сексуальных скандалах и рискующей лишиться ее навсегда, заслуживает внимания. Если кто-то после этой книги скажет, что знает о Елизавете больше прежнего, значит, моя главная задача выполнена.

От всей души благодарю тех, кто своей любовью и верой поддержал меня в создании этой книги.

Розалии Майлз

Пролог

Дворец Уайт-холл, 24 февраля 1601. Полночь.

Говорят, он умрет достойно. Тем лучше для него, раз не сумел достойно прожить. Природа, одарила, его по-царски, я – осыпала монаршими милостями. Однако Сесил, неизменно мудрейший из моих советников, называл его Дикий жеребец, и вполне

справедливо, потому что его нельзя было ни осадить, ни укротить.

Все знают, что я его любила, однако никто не знает, за что и почему. Когда он пренебрег выигрышем в тысячу фунтов (ему пришли все карты червонной масти, целый букет сердец, а он со смехом бросил их мне на, колени), когда сражался в мою честь на ристалище, все видели в нем Любимца Англии, как называют его в балладах, и думали, он – мой. Но я, как никто другой, знала: он рожден любить себя превыше остальных, он повенчан с собственной волей и вожделеет власти. И вот чем он кончил: в приступе ярости объявил, что, мол, не намерен больше служить женщине, да еще и незаконнорожденной.

Топор и плаха – не худшая смерть. Бывает и нестрашнее. За все эти годы я так и не научилась праздновать казнь изменника, как это делал мой отец – телячьей головой, молочным поросенком и жареным лебедем, и все так же задыхаюсь от смрада, выпотрошенных кишок, сопровождаемого предсмертными стонами[1]. Моего безупречного лорда ждет завтра острый топор, не мясницкий нож, хотя нанесенное им оскорбление заслуживало бы худшего. Я – женщина подлого рождения? Незаконной меня сделал опять-таки палач, когда мой отец – гореть ему в аду! – обезглавил «французскую шлюху», мою мать, на той же самой плахе, шестьдесят с лишним лет назад.

Мой отец… Народ называл его добрый король Генрих» и «великий Гарри», превозносил его жирное красномордое величество до небес. Что знает народ о тех днях, когда он…

Мой отец…

Уж не отца ли напомнил мне он той далекой-далекой зимой, когда впервые прибыл ко двору в свите графа Лестера? Ему только-только минуло восемнадцать, и он был самым горячим из своих сверстников в целой Англии, да и самым юным и бедным из тех, кто домогался славы и богатства при моем дворе. Единственное, чем он мог тогда похвалиться – своим происхождением из древнего и знатного рода Эссексов. Лестер сам привез его ко двору – мой верный Робин, всегда готовый услужить, вплоть до того, чтоб взамен себя, потускневшего, явить моим очам новый бесценный алмаз, нового, неиспорченного обожателя.

Мне меня одну поймал юный Эссекс в силки густых золотисто-русых кудрей, ярких карих глаз, сверкавших надеждою и лукавством, улыбки, что освещала мои покои даже в самый сумрачный день. Однако он был еще слишком молод и непривычен к выкрутасам придворной моды, его ноги – ноги наездника – слишком длинны для модных французских рейтуз, шея – слишком нежна для плоеного крахмального воротника. И еще ему, всего лишь «пасынку лорда Лестера», было тесно в свите Робина.

Он не у мел тогда зубоскалить и волочиться, как прочие господа, светлая кожа заливалась жарким румянцем, стоило только осведомиться о его сердечных делах. Помню, как он покраснел, когда однажды вечером за жарким леди Уорвик спросила, отыскал ли он лакомый кусочек себе по вкусу? Впрочем, мне этот румянец казался краше самой благородной бледности, девическая застенчивость ничуть не портила его в моих глазах.

И все это мой Робин видел и остался весьма доволен – поначалу он собирался просто вывести юношу в свет, посмотреть, как тот придется ко двору. Теперь же, словно шеф-повар, дав мне нюхнуть ароматное кушанье, он оттягивал пиршество. В конце того же года мороз сковал землю и реки своим железным панцирем, и Робин отбыл в стонущие под львиной пятой Нидерланды, увозя в своей свите одним украшением больше – тем самым украшением, которое я более всего желала бы удержать при себе.

– Не тревожьтесь, мадам, – были его последние гадкие слова, – я забираю мальчишку, верну – зрелого мужа».

Истинная правда. Спустя два года майским днем восемьдесят седьмого в присутственные покои вошел настоящий Майский Лорд, и рядом с ним померкли остальные лорды – да, и мой Робин тоже. Что-то мальчишеское оставалось в быстрых, ясных глазах, в улыбчивости – и это сохранилось на всю жизнь. Но девический взгляд сменился орлиным, ниспадающие локоны исчезли, вместо них вились рыжеватые кудри не крупнее венчиков майорана. Серьга в ухе возвещала, что перед вами не новичок, впервые вышедший в плаванье, но закаленный в житейских бурях, обстрелянный в любовных битвах капер[2]. О, эта. pulchritudo viriliss, краса мужская, которую воспевали древние! Я погибла… погибла ..и спаслась.

От чего он спас меня, знала только я; от ночного страха перед заговорами, которые множились и разрастались в восьмидесятых, от Шотландии и безумных интриг нашей королевы-кузины Марии, которая и спустя двадцать лет заемной жизни заигрывала со смертью куда более рьяно, чем с кем-либо из прежних любовников; и это помимо мильона терзаний, мильона напоминаний, что корона – хочешь не хочешь – должна наследоваться.

И все это он снял с моих плеч, он облегчил бремя, которое я столько несла одна, покуда даже мои испанские враги не смирились с тем, что мне позволено жить и любить. Снова, как во дни Робина, я вставала с птицами и мчалась верхом по полям, когда роса еще блестела на траве, а вероника открывала синий глазок навстречу встающему солнцу. Снова нашла я наездника себе под стать, который, как и я, не ведал усталости, сколько ни скачи во

весь опор, способного миля за, милей мчаться вровень со мной по лесам от зари до зари, а после отплясывать со мной всю веселую ночь, покуда солнце не позовет вновь скакать в поля и леса… весь день, каждый день, все лето.

Однако это был не просто кентавр, получеловек-полуконь, а рыцарь в седле, кавалер в зале. Ему везло в картах, но по широте натуры он не гнался за выигрышем и мог со смехом бросить игру. Он любил кости, но больше всего – бросок, когда выпадает одно очко, бросок, который другие игроки почитают дурным предзнаменованием, худшей из неудач. Он верил, что любой человек – хозяин своей у дачи, своей судьбы; что ж, в этом он оказался прав.

Впрочем, поначалу он в меня влюбился – да, мне довелось изведать обожание. Он просиживал со мной ночи напролет, когда бессонница – материнское проклятие – касалась меня серебристыми перстами, и тогда в его молчании было истинное товарищество, простое желание услужить – и только. Чтоб меня развлечь, он читал вслух прелестную чепуху или пел с такой сладостной грустью, что свинцовые часы становились легкими как пух минутами, а, тьма – светом. Из ночи в ночь он сидел у меня до первых птиц, а после, лишь на минуту заглянув к себе, едва позволив слуге поправить рубаху или сменить камзол и рейтузы, он возвращался и объявлял, что: «Я всецело к услугам и удовольствиям Вашего Величества».

Сила его любви была такова, что он не желал делиться мною ни с кем, не позволял мне и взглянуть на другого. Когда юный Блант сразился в мою честь на турнире и я наградила его золотой шахматной фигуркой, инкрустированной белой и алой эмалью, мой милый лорд пренебрег правилами и вызвал Бланта на поединок. Я ругала его за наглость, горевала о ранах, которые он нанес и получил сам, однако в душе я ликовала, ликовала, как никогда прежде.

Тогда – все помнят, как это было тогда. А теперь?

Теперь я дрожу, я горю – как всегда с той минуты, когда его увидела, был ли он со мной или вдали. Теперь он отправится туда, куда рано или поздно последуют все, ибо все мы смертны. Интересно, знает ли он, что это – последний жест любви, столь великий, что не оставит места ревности и ненависти?

Но нет. Знает ли он, что последнее оскорбление, эта последняя рана не умрет вместе с ним, но будет жить в моем сердце, открытая, кровоточащая, как и в тот миг, когда он ее нанес. Он солгал: я не просто незаконнорожденная, я трижды проклятая. Однако не по факту самого рождения, а только в глазах и сердцах ублюдков.

Ну, вы еще узнаете об этом.

А пока – прислушайтесь.

О, можете не сомневаться в моей истории – это слово королевы, великой королевы, величайшей правительницы христианского мира. Ибо все империи и королевства – в моей руке, малейшая из моих улыбок повелевает миром. Английские корабли бороздят моря, английские армии покоряют земли, какие Англия – то бишь королева Англии, потому что королева и есть Англия, – пожелает.

Однако так было не всегда. Теперь его нет, теперь я брожу по коридорам памяти и могу сколько угодно гадать, что за шаги привели сюда. Мне давно пора разрешиться от бремени знания, поведать мою историю.

Ибо обо мне, как и о нем, многое скажут посмертно. И опять-таки, как ив его случае, среди сказанного будет очень мало истины. «Что есть истина?» – любил спрашивать этот острослов, Фрэнсис Бэкон, его протеже, и, несмотря на весь свой ум, ответа не находил. Но я знаю то, что знаю, и никто не знает этого, как я. Теперь говорят (а я слышу каждое перешептывание), что я, мол, все забыла. И простила, спросите вы? С какой стати? Когда его душа дрожит на пороге, а моя рвется вослед, что я должна забыть или простить? Судите сами из того, что прочтете.

Елизавета

Одни рождаются ублюдками, другие становятся ублюдками, третьих ублюдками делают, как сказал этот малый в пьесе на прошлой масленице[3] – или сказал бы, вступи он на эти шутовские подмостки, как я на свои. Мое рождение подходит под последнее определение. Меня сделали ублюдком, поскольку те, кто объявил шлюхой мою мать, Анну Болейн, не упустили случая провозгласить незаконнорожденной ее дочь.

Вина Анны была проста – она приглянулась женатому мужчине, которому опротивела жена. Некогда любящая супруга короля Генриха обернулась сущей мегерой и, чуть что, вцеплялась ему в глотку. Это она, королева Екатерина, первая окрестила свою соперницу Анну блудницей, а в придачу – французской блудницей, великой блудницей, наложницей, потаскухой, ведьмой, девкой из сатанинского борделя.

Говорят, злая жена – наказание Господне. Генрих желал освободиться – и от Екатеринина гнева, и от Божьего. Будь у Екатерины сын, хоть один, ей бы нечего было страшиться. Но из всех ее детей выжила одна дочь, жалкая принцесса Мария, хилый клочок Евиной плоти, и это грозило ввергнуть Англию обратно в кровавую пучину междуусобиц. Дни Екатерины были сочтены.

Однако и у нее были защитники.

– Королева рожала, и не раз! – горячо убеждал посол Священной Римской Империи. – У Вашего Величества есть дочь.

– Дочь! – бросил Генрих в лицо посланнику.

Однако Шапюи был не робкого десятка.

– Похоже, – говорил он, – Господь показывает нам, милорд, что английская корона будет передаваться по женской линии.

Генрих зло расхохотался.

– Вы так полагаете, почтенный посланник? А вот я – нет!

Ибо женщины не наследуют трон – это знает каждый мужчина. Женщина не способна править. Она станет орудием в руках интриганов, и те смогут вертеть ею, как захотят, кроя на куски истерзанное тело Англии.

Значит, нужен сын!

И поскорее, Господи ты Боже, по-ско-ре-е!

Все свалилось на голову Генриху в один день, когда фаворитка Анна Болейн тронула его за рукав и шепотом сообщила, что беременна. Этого Генрих ждал, об этом молился. Может быть, слишком долго, по крайней мере, для Анны.

Семь долгих лет утекло с того дня, когда Генрих увидел новую фрейлину, только что из Франции, в зеленом с головы до пят, и до дня, когда он одним махом сделал ее женой, королевой и законной матерью своего ребенка. Значит, то была не мимолетная страсть, но привязанность, которой нипочем любые невзгоды, а она – не кобылка на одну ночь, но создание чистых кровей, под стать королю. Однако за это время успели развязаться самые сдержанные языки, безжалостные жернова государства и церкви перемололи в костную муку любовь, жизнь и все остальное, а Папа развонялся новыми буллами, превзойдя в непотребстве даже первую, разрешившую отцу родственный брак[4].

Первая булла, объявившая меня незаконнорожденной, появилась вместе со слухами, что «мадам Болейн» в интересном положении. Как попотел тогда Генрих, тщась узаконить свое дитя! Сильнее, чем потел при его зачатии! Однако ребенок стал ублюдком еще в материнском чреве – таковым его сделала булла высочайшего авторитета в христианском мире, Святого Отца.

Так меня впервые объявили внебрачным ребенком; но тогда король, мой отец, был на моей стороне. Через час конный гонец скакал из Гринвичского королевского дворца в Йоркский за кардиналом Вулси.

– Развод, Вулси! – крикнул Генрих, едва его главный советник слез с мула и втащил свои жирные телеса и алые шелка пред государевы очи. Еще бы королю не спешить – ведь долгожданный принц должен вот-вот явиться на свет.

– Это серьезное дело, мой повелитель! – в ужасе проговорил Вулси, мысленно воображая месть Испании и гнев Священной Римской Империи, чей император приходился королеве Екатерине племянником. К тому же Вулси был добрый папист и ненавидел Анну Болейн, подозревая, что она столь же слаба в вере, как и на передок.

– Плевать! – орал король. – Добивайся развода!

Теперь, когда интересы династии и похоть требовали одного, Генрих хотел, чтоб его сын родился законным наследником английского престола. Это значило, что он должен появиться на свет после свадьбы. «Со времен Завоевателя у нас не было королей-ублюдков», – напоминал он Вулси.

Кардинал взялся за дело. День и ночь горели свечи в здании капитула – писцы готовили документы. Вновь самый скорый, самый надежный гонец вскочил в седло и помчался во весь опор – на этот раз в южную сторону, к Святому Отцу, за разводом, который позволил бы Генриху жениться на Анне.

К Святому Отцу? Согласитесь, странная ересь – назначить бездетного девственника Отцом над всеми нами?

И все тщетно.

Ибо император Карл, прослышав, что Генрих уже потеснил его старую тетку и открыто рядит Анну в Екатеринины драгоценности, разозлился не на шутку. Шапюи из Лондона подогревал августейший гнев. Его лазутчики проникали повсюду.

«Шлюха блюет каждое утро, – писал Шапюи в шифрованном послании императору, – об этом мне доносит мужик, который прислуживает смотрителю ее стульчака. Также швея из Чипсайда доносит, что получила от нее платье с приказом расставить в талии…»

Карл предпринял шаги, и Папа снова ринулся в бой. Новая булла достигла Англии, когда Анна была на седьмом месяце.

«Генрих VIII, король Англии, Франции, Ирландии, Шотландии, Уэльса и прочая, и прочая, – с быстротой молнии разнеслось по Европе, – живет нынче в прелюбодейственном союзе и незаконном сожительстве с мистрис Анной Болейн, великой блудницей Англии. Посему ребенок, которого она носит, внебрачный и законным быть признан не может».

Значит, уже дважды незаконнорожденная. Мало кто может сказать о себе такое. А едва стало известно, что Бог отказал Генриху в желанном сыне, что «великая блудница» выродила всего-навсего никчемную девку, меня почтили еще одним титулом, насмешкой и над ней, и надо мной – «маленькая блудница».

Вы скажете, теперь я смеюсь? Почему бы и нет – мне нечего

страшиться. Кто сегодня посмеет повторить это прозвище вслух – дай кто помнит? Но тогда… тогда…

Значит, мы обе – блудницы, большая и маленькая.

Но кто же блудодей?

Король Генрих, мой отец. Монарх, супруг, мужчина – кто же он?

Глава 1

Это был мужчина в расцвете сил, не знающий слова «нет». Он смотрел на мир сорок лет, из них двадцать – королем. Годы, потворство своим слабостям, удовольствия и труды сделали этого рослого человека крупным и сильным, богатые бархатные мантии и атласные камзолы, подбитые мехом, расшитые золотом, сидели на нем, как и должны сидеть на короле.

Он всегда возвышался над окружающими. Он шагал по миру, попирая ногами четыре угла земли[5], словно владел ею целиком, его изукрашенный каменьями кинжал небрежно болтался рядом с большим выпирающим гульфиком. В зеленом и золотом, алом и белом, в пурпуре, серебре и мехах, он затмевал всех.

Я говорю о нем, каким его помню в то время – о его мощи, о его великолепии, об опасности, которая от него исходила, – так, будто бы он был не отцом моим, а возлюбленным. Все может быть – несмотря ни на что – ведь в ту пору каждый был хоть немного в него влюблен.

Это было мое первое, а его последнее десятилетие, годы, которые принесли отцу немало болезней, измен и страданий. Однако у алтаря, во всем своем великолепии, он был по обыкновению величав и красив; к тому же его так и распирало от счастья.

То был его шестой поход под венец, шестая попытка заключить брак, найти женщину себе по вкусу и вечное блаженство. Рядом с ним у алтаря стояла Екатерина Парр, богатая, набожная, миловидная, в белом подвенечном платье. Три месяца назад она потеряла супруга, лорда Латимера, а еще раньше – другого богатого и старого мужа. Я молилась на коленях, косясь сквозь пальцы на молодых, про себя же гадала: что за тайна такая заключена в браке и зачем отец вновь вверяет свою судьбу столь бурным волнам житейского моря?

Это была единственная из отцовских свадеб, на которую меня пригласили. Первую – с Екатериной Арагонской, инфантой Кастилии, – сыграли задолго до моего появления на свет, Генриху самому тогда только-только минуло восемнадцать. На втором бракосочетании, с Анной Болейн, я, надо сознаться, присутствовала, хотя и незвано-непрошено; собственно, это обстоятельство и послужило причиной торопливой церемонии, проведенной с грехом пополам в январе 1533 года: незадолго до того Анна поняла, что, как многие девицы до нее, получила дитя во чрево раньше, чем мужа в постель[6].

Третье венчание короля, с невзрачной Джейн Сеймур, тоже

прошло тихо. Четвертое, с принцессой Клевской (тоже Анной!) было урезано, насколько позволяли приличия: невеста с первого взгляда не понравилась королю, и он желал по возможности меньше связываться с женщиной, которую называл «Фландрская кляча» и с которой намеревался побыстрей развязаться, что вскорости и осуществил. Пятую, снова Екатерину, свою девочку-королеву из семьи Говард, королю не терпелось отвести под венец и в постель – еще один дорогостоящий урок на тему старой пословицы: «Быстро жениться, долго каяться».

Только эту свадьбу с мадам Парр, самой домашней из его женщин, решил король справить в семейном кругу. В тот день рядом со мной во дворцовой церкви Гемптона преклонила колени его старшая дочь, моя сестра Мария, окруженная своими фрейлинами. Судя по тому, как побелели костяшки ее пальцев и как шевелились бледные губы, Мария молилась достаточно горячо, чтобы удовлетворить и людей, и Бога, но только – и все мы это знали – не короля, ведь она со всей врожденной страстностью цеплялась за старую католическую веру своей матери, Екатерины Арагонской. Каково ей придется, судачили во дворе, при новой королеве Екатерине Парр, приверженной реформистской протестантской церкви столь же рьяно, сколь Мария – римской?

По другую руку от меня молился сын, ради которого Генрих порвал с Папой и Римом, мой брат Эдуард. Наши глаза встретились, и его бледное, чересчур серьезное личико расцвело улыбкой. Он доверчиво придвинулся ближе ко мне.

– А нам дадут потом цукатов и леденцов, сестрица? – шепотом спросил он.

Тут же на него шикнула леди Брайан, его гувернантка. Моя добрая Кэт, хоть и держала ухо востро, продолжала спокойно молиться – она знала, что мне, почти взрослой десятилетней девушке, воспитание не позволит шептаться в церкви. Однако я тайком улыбнулась Эдуарду и легонько кивнула – мне хотелось, чтоб он больше походил на других шестилеток, чем на юного Соломона, каким желали видеть наследника.

В церкви было холодно, как в склепе, хотя на дворе стояло жаркое лето. Снаружи не проникало ни лучика, только горели толстые восковые свечи во много рядов; ни звука, только приглушенно играли скрытые за престольной оградой королевские музыканты. По невидимому сигналу воцарилась тишина: епископ Винчестерский подошел к алтарю и начал церемонию.

«…Соединить сих Мужчину и Женщину Святым Браком, коий есть Почетное Состояние, заповеданное нам в Сохранение от

Греха, дабы не впасть в Блуд, и для взаимной Помощи, Утешения, Поддержки…»

Мое детское внимание рассеялось, мысли устремились вслед за тонкими белыми дымками свечей, плывущими поверх склоненных голов крохотной конгрегации.

Интересно, где сейчас другие жены моего отца? Может быть, их души витают здесь и слушают, как он вновь приносит те же обеты, клянется в том, в чем, уже клялся им? И почему, если он так всемогущ, так статен, так мудр, так добр, почему ни одна из них не оправдала его ожиданий?

Я опустила лицо на руки и от всего детского сердца воззвала к Богу, чтобы Он благословил этот брак ради моего отца.

Уже после церемонии в личных покоях короля на приеме для ближайших придворных и советников были поданы и цукаты, и леденцы, и желе, и айва, и персики, и пироги с голубятиной – все, что могла пожелать душа моего милого братика Эдуарда.

И еще. Удивительно, до какой степени взрослые не замечают ребенка, особенно – девочку. Я улизнула от гувернантки Кэт – они с леди Брайан оживленно обсуждали трудности воспитания монарших отпрысков – и бродила по зале. Визит ко двору, возможность видеть отца и великих людей – все было мне в новинку. Зачем же упускать время, цепляясь за юбку Кэт!

Я стояла у шпалеры в углу, рядом с несколькими вельможами. Собственно говоря, подошла я с намерением потянуть одного из них за рукав. И не потому, что это был епископ Кентерберийский, просто я знала: Томас Кранмер – добрейший человек при дворе и обязательно найдет для меня ласковое словечко.

С ним разговаривали двое членов Тайного совета – сэр Томас Ризли и сэр Вильям Паджет, секретарь.

Ризли был маленький, сердитый и напыщенный человечек, он постоянно переминался с ноги на ногу.

– Значит, король, наш повелитель, словно крестьянин, снова прогулялся на ярмарку! – неприятно рассмеялся он. – И привез оттуда не фландрскую клячу, не молоденькую горячую кобылку Говард, а добрую старую английскую корову.

– Отнюдь не такую старую, милорд, – вкрадчиво заметил Паджет, вертя в пальцах бокал с густым золотистым вином. – Наша королева видела лишь тридцать с небольшим зим.

– И с Божьей помощью увидит еще, – мягко добавил Кранмер.

– Да, и, поди, зим тридцать еще пройдет, покуда она произведет на свет то, что нам так нужно! – зло сказал Ризли. – Уверяю вас, земли и деньги она ему принесла еще от прошлых мужей, приданое, достойное королевы. Но вот что касается

ребенка – ни разу не дала она всходов, хоть и дважды вспахана! Боюсь, король получит от своей коровы вдоволь молока, но только не телочка – золотого тельца, о котором мы все молимся, нашего языческого идола – второго принца, чтобы уже ни о чем не тревожиться!

– Господь уже благословил нас принцем, милорд, – сказал Кранмер, с нежностью глядя в другой конец приемного покоя, где Эдуард под присмотром своего дяди, графа Гертфорда, забавлялся с королевиными болонками.

Помню, граф выглядел грустным – еще бы ему не печалиться в такой день. Наверняка он вспоминал свадьбу своей сестры Джейн с королем семь лет тому назад и ее смерть при рождении Эдуарда спустя короткое время.

– Гертфорд повесил нос! – вставил ехидный Ризли. Он жадно допил вино и тут же подозвал проходившего мимо слугу – наполнить бокал. – И есть от чего – вдруг родственники новой королевы порасхватают должности, как в свое время они с братцем!

– Верно, граф не единственный Сеймур, которому этот брак – нож острый, – с легкой усмешкой заметил Паджет. – Слышал, что братец Том покорил сердце вдовушки и уже считал ее – и ее богатства – у себя в кармане, но тут король перешел ему дорогу. А теперь негодяй счел разумным отправиться за границу, покуда ее сердце не успокоится на своем законном месте – на груди нового супруга.

– И все же мадам Парр еще может нас удивить, – задумчиво сказал Кранмер, украдкой разглядывая статную фигуру королевы, проходившую в эту минуту по комнате. – Похоже, за ней дело не станет. Вспомните, до сих пор она делила подушку только со стариками, а это не лучший способ добиться приплода.

– А что, теперь иначе? – фыркнул Ризли.

Все трое посмотрели на короля – он сидел на троне, тяжело опираясь на золотой набалдашник жезла. Жезл был черного дерева – придворный плотник сказал королю, что другому дереву не выдержать его веса. Даже тогда я поняла смысл воцарившегося между ними молчания.

Король стар… в его объятиях мадам, Парр не понесет.

Теперь они разглядывали Эдуарда с непонятной мне пристальностью.

– Бодритесь, милорды, – мягко возразил Кранмер. – Господь милостив. Наш принц достиг шести годов и, похоже, будет жить.

Все промолчали. Я отвлеклась. В другом конце покоя моя сестра Мария беседовала с несколькими духовными лицами, обступившими епископа. Тот еще не переменил богатый

церемониальный наряд, в котором проводил венчание. Здесь же стояли герцог Норфолк, смуглолицый политик, – вот кого я всегда боялась, хотя и знала, что мы состоим в отдаленном родстве, – и его сын, юный воин намного выше меня ростом, граф Серрей.

– А что, если, мои добрые лорды, – пробормотал Ризли яростно, но тихо, словно едва осмеливался говорить, – что, если Господь захочет избавить принца от тягот земной жизни и до срока возвести его к венцу вечному?

Паджет резко отступил назад, зыркнул пронзительными серыми глазами.

– Опасные речи, Ризли!

Ризли зло сплюнул на свежесрезанный зеленый тростник под ногами.

– Разве только старые умирают?

– Все в руках Господних! – сурово оборвал его Кранмер. – И мы, и то, что нам предстоит. Да будет воля Его!

Словно услышав эти слова, Мария повернула худую шею и близоруко взглянула в нашу сторону.

– Сестра! – позвала она (меня она не видела, только различала мое новое алое платье). – Елизавета, иди сюда, познакомься – это милорд Гардинер, епископ Винчестерский.

Уходя, я поймала последнюю реплику Ризли:

– Если папистка Мария спелась с Гардинером, за ним стоит приглядеть…

Позади низкорослой худышки Марии высился дородный мужчина в епископской мантии и с большим наперсным крестом. За ним, молчаливо ожидая его приказаний, толпились клирики помельче.

– Эта девочка – леди Елизавета? Епископ Гардинер спесиво нахмурился, его глубоко посаженные глазки не соизволили заглянуть в мои. Лицо смуглое, нос хищно изогнут, грубое обхождение больше пристало бы завсегдатаю пивных, чем служителю Божию. Хмурые кустистые брови, изрытая оспинами кожа пугающе безобразны, зато красный рот под жесткими усами – мягкий и безвольный, как у женщины.

Он не может не знать, кто я! Зачем же это грубое притворство? Однако Мария глядела на него с таким обожанием, что не замечала ничего вокруг. С трудом она отвлеклась на меня.

– Его преосвященство наставлял меня, сестрица, во… во многом. – Снова восторженный взгляд, который гордый прелат принял как должное. – Познакомься с ним, Елизавета, молю тебя, ради спасения твоей души.

– Души, миледи? – рявкнул герцог Норфолк, сердито хватаясь

за рукоять шпаги. – Все идет гладко, покуда заботиться о душах предоставляют его преосвященству и иже с ним. А вот наши дела – телесные! Если король намерен воевать во Франции, нам нужны люди – люди и деньги! И в Нидерландах тоже…

Я незаметно отошла. Свадьба отца, способность новой мачехи произвести потомство, любовь Марии к Богу – или к епископу? – всего этого для моего десятилетнего ума было более чем достаточно. Надо сознаться, многое я не стала тогда обдумывать, оставила на потом и забыла. Вскоре меня вновь отослали от двора, и мы с Кэт и фрейлинами вернулись к тихой жизни в Хэтфилде, Гертфордширском захолустье. И здесь Судьба, зная, что меня ждет, позволила мне проспать остаток детства тем сном невинности, от которого все мы пробуждаемся слишком рано.

Глава 2

Он приехал на Благовещенье, в марте лета Господня тысяча пятьсот пятьдесят шестого. В тот год весна была дружная, ее дыхание проникало в затхлые, завешанные на зиму покои, в холодные, заброшенные углы. Сама природа словно радовалась уходу суровой зимы. Раскинувшийся на холме Хэтфилд подставил сияющее утреннее лицо новорожденному солнцу. Зима умирала, пробуждалась новая жизнь, в хлевах день и ночь ревели, тоскуя по коровам, быки.

У тех, кто живет в домах, тоже играла кровь. Покой старого поместья все чаще нарушали шепот и грудной смех; мои ровесницы вздыхали о суженом или мечтали увидеть его во сне в канун дня святой Агнессы. Однако я встречала свою четырнадцатую весну, думая о другом, – игры матушки-природы еще не влекли меня.

В ту пору моей любовью были книги. С замиранием сердца бежала я по темным коридорам, чтобы поспеть на урок прежде наставника, и голова моя была забита выученным вчера:

«Могущество Рима в те дни было столь велико, что многие злоумышляли захватить верховную власть. И среди них Катилина, муж многих добродетелей, но поддавшийся великой алчности и властолюбию…»

Черная молчащая фигура на фоне окна показалась мне выходцем с того света. Я замерла на пороге – солнце слепило глаза – и сказала про себя: «Сгинь!» Привидений я не боялась, зная: это не что иное, как мы сами, вернее, то, что с нами станет потом.

Однако он развернулся, как змея, и двинулся на меня. Я закрыла глаза и прижала к себе книги, так что окованный медью угол Псалтири впился в грудь. «Conserva me, Domine… Сохрани меня. Господи, только на Тебя уповаю…».

– Леди Елизавета?

В ярком утреннем свете передо мной по-прежнему стоял человек в черном с головы до пят. В черном, но одет богато – видно, что придворный, и не из последних, судя по мерцанию расшитого золотом атласа, по лоснящимся шелковым чулкам. В глазах его вспыхивал тот же холодный блеск, словно на подернутой пленкой стоячей воде.

– Сэр?

Я видела его впервые, однако я давно не была при дворе, а новые люди появляются там часто. Эдакую сороку заметишь в любом обществе. На шее – алмазное ожерелье, на шляпе, которую

он снял с головы, блеснули плоскогранные алмазы размером с ноготь. Поклонился он низко, но как-то небрежно. Судя по речи, он учился в университете, но свой вызывающий тон усвоил явно не там. Черные, как у ящерицы, глаза на старчески-юном лице смотрели прямо на меня.

– Я прислан отвезти вас ко двору, мадам. Мы отбываем немедленно.

– Ко двору? Но моя гувернантка мистрис Кэт ничего об этом не знает! Мои домашние не могут собраться в одну секунду. Мои фрейлины…

– Мистрис Эшли уведомлена – сейчас она занята сборами, вместе со всеми вашими фрейлинами и кавалерами.

Он замолчал и вновь взглянул угрожающе-дерзко.

У меня кровь прихлынула к лицу.

– Сэр, я возражаю…

Его ответ выбил почву у меня из-под ног:

– Неужели вы посмеете противиться воле вашего отца – короля?

– Король?

– ..велел поторапливаться. Когда высшие приказывают, – он мрачно усмехнулся, – низшие повинуются. А в вашем положении, миледи, не следует прекословить королю.

У меня перехватило дыхание.

– В моем положении?.. Он пожал плечами.

– Мадам, кто будет столь неучтив, чтобы напоминать об измене вашей матери и о той форме, которую эта измена приняла? – Снова пауза. – Однако и король, и великие мира сего подчиняются судьбе – силе, над которой никто не властен…

Вокруг него плясали пылинки, солнце согревало золоченые дубовые рамы, со двора веяло сладким медвяным ароматом сот. От страха мне ужасно захотелось есть. О зеленое стекло беспомощно билась мушка, такая же черная против света, как и мой посетитель. За окнами солнце заливало парк, ярко освещало большую восточную галерею, вспыхивало огнем на бутонах в саду. На полях из влажной земли поднимались всходы, бальзамин у дороги, казалось, осыпали падучие звездочки.

В углу оконной рамы, в сплетенной недавно паутине, притаился огромный черный паук. Мушка почуяла опасность, затрепыхалась еще отчаянней – и еще больше запуталась в розовых сетях. Теперь паук расправил длинные, черные, мохнатые ноги и двинулся к жертве.

Domine, conserva me…

Я бросилась в угол и порвала паутину, высвободила мушку, открыла окно и проследила взглядом, как она улетает в чистое

голубое небо. Потом повернулась к черному гостю и, натянутая, как струна, удостоила его улыбкой – под стать его собственной.

– Мы все – слуги Его Величества, – произнесла я благоговейно, сложив ладони в жесте девической покорности. – А забуду моего господина, пусть забудет меня Бог, как учит нас Библия. Пусть будет, как желает король.

И, чтобы довершить впечатление, присела в глубоком реверансе.

Он оторопело сморгнул, но тут же пришел в себя и ответил поклоном – его берет описал в воздухе идеальную черную дугу.

– В таком случае, я последую за вашей милостью ко двору.

– А ваше имя, сэр? Чтобы мне величать вас, как положено?

– Мое имя, миледи, не имеет ни малейшего значения. Я всего лишь посланник тех, кто стоит неизмеримо выше, и смиренный, преданный слуга вашей милости.

Вот он опять, этот многозначительный тон, этот знакомый, пристальный взгляд. Все во мне возмутилось. Он еще смеет ставить себя выше меня, королевской дочери? Что он знает такого, чего не знаю я?

– До свидания, миледи. – Он повернулся к дверям.

– Сэр… – Я выдавила небрежный смешок. – Что нового при дворе? Как мой отец король? И мадам королева?

Он изобразил еще одну фальшивую, мимолетную улыбку.

– Вы все увидите сами, миледи. Мне хотелось его убить.

– Но разве вы не привезли придворных сплетен в нашу забытую Богом глушь?

С неимоверной тщательностью он надел берет и поправил матовые черные локоны.

– Вам недолго оставаться в этой глуши. – Вытащил расшитые золотом перчатки, расправил кружева. – Что до новостей, мадам Елизавета… – Комната внезапно наполнилась угрозой. – Я же сказал, вы все увидите своими глазами – или услышите своими ушами.

Он повернулся на цветных каблуках и вышел.

В комнате стало холодно и пусто, словно сквозь нее прошел дьявол. Стук каблуков затихал в темной галерее. Я ухватилась за край стола и постаралась превозмочь стиснувший сердце страх.

Измена моей матери… форма, которую эта измена приняла.

Глухой стук каблуков замер. Наступила долгая тишина. В следующую минуту в комнату вбежала верная Кэт. За ней, в развевающейся мантии, вошел мой наставник, мастер Гриндал. Оба прятали глаза.

– Как могло случиться, Кэт, – спросила я нарочито ровным голосом, – что этот… этот придворный вошел, не предупредив, и

застал меня одну, без присмотра воспитательницы или другой женщины?

Милое круглое лицо Кэт было искажено гневом и страхом, ее маленькое тело тряслось от обиды.

– Мадам, он так велел!

Я не могла сдержать ярость.

– Велел? Он велел? А кто он такой, Кэт, чтобы распоряжаться в моем доме?

– Мадам, он показал нам королевский приказ!

– Подписанный самим королем?

– Позвольте мне, миледи. – Высокий, худощавый мастер Гриндал выступил вперед и неуклюже поклонился. – Мы с мистрис Эшли, – он кивнул в сторону Кэт, – изучили бумаги этого утреннего посланца. Они и впрямь подлинные и скреплены личной печатью короля.

Значит, все правда. Приказ подписал либо сам король, либо кто-то из ближайших советников.

– О, миледи! – Кэт, бледная как смерть, заламывала свои пухленькие ручки.

Мне было нестерпимо видеть ее страдания. Десять лет она была мне верной наставницей, воспитательницей, больше чем матерью. Всего лишь год назад она еще крепче привязалась ко мне, выйдя замуж за родственника моей матери – моего старшего кавалера, Джона Эшли.

За последнее время я заметно вытянулась (ростом я пошла в отца) и скорее с удивлением, чем с радостью обнаружила, что смотрю на нее сверху вниз. Однако я никогда не стала бы нарочно ее унижать или ставить под сомнение ее авторитет.

– Ладно, – сказала я как можно веселее, – значит, у нас есть приказ короля, в котором выражена его воля. Едем ко двору! Когда?

Озабоченность Кэт приняла теперь новое направление: она вздохнула так тяжко, что натянулась шнуровка на груди.

– Он говорит, прямо сейчас! – Кэт потянулась к связке ключей на поясе. – Но мне надо еще переделать кучу дел! Сегодня мы с мастером Парри должны проверить счета, потом…

– Тогда скажи ему, Кэт, – меня саму удивил мой спокойный голос, – что здесь ты хозяйка, а не он. Мы выедем по твоему слову, не по его. Такова моя воля. Так и скажи ему.

Озабоченное лицо Кэт просветлело.

– Скажи ему… – Я на минуту задумалась. – Что я во всем дочь своего отца. Еще скажи, что отец меня не забывает, так что и он пусть не забывается – а то ему не поздоровится!

Кэт кивнула, глаза ее зажглись праведным негодованием.

– И еще скажи, – я дерзко улыбнулась Гриндалу, – что у меня урок! И покуда он не закончился, мы с мастером Гриндалом бродим по Древнему Риму в обществе Цицерона и мерзостного Катилины!

Кэт присела и убежала. Гриндал подошел к столу и положил на него сумку с книгами. Солнечный луч прыгал на его ветхой ученой мантии, на пыльной шапочке, на волосах, причесанных с одной стороны и всклокоченных с Другой.

Однако по сравнению с черным утренним гостем он казался мне ангелом красоты. Да и не только сегодня: вот уже три года он самоотверженно руководил моими штудиями, а через них – становлением моего ума. Он научил меня думать и спрашивать; он ненавидел слепую веру, вбиваемую силой, ту веру, которой придерживалась моя сестра Мария – ее воспитывали в испанском духе и пороли каждый день. Мадам Екатерина Парр сама выбрала его мне, когда стала королевой. Она в письмах советовала ему, что мне читать, к тому же он переписывался со своим Кембриджским наставником, мастером Эскемом. Вместе с Кэт он был частью моей души, более того, одним из ее проводников. Я, не задумываясь, доверила бы ему свою жизнь.

Сейчас, открывая сумку, он был странно погружен в свои мысли. Из сумки он вынул пачку писем и тщательно спрятал за пазуху. Потом выложил на стол учебные принадлежности: перья, чернильницы, букварь и даже мою старую грифельную доску. Я села, открыла вчерашний урок и с чувством прочла:

«Как повествует Саллюстий[7], когда великий Цицерон был римским консулом, восстал человек суетный и мерзкий, именем Катилина. Сей Катилина презирал закон и доброе управление, он жаждал только власти, которую надеялся снискать хитростью, силой или кровью. Он возмущал простонародье, после поднялся и пошел на самый Рим. Его гнусное тщеславие…»

– Власть всегда влечет! – настойчиво, но тихо перебил мой ментор. – Ярче червонного золота, искуснее женских чар и всегда… всегда!

Для начитанной по истории девочки это была не новость.

– Учитель?

– Всегда! Суетные, алчные и честолюбивые люди рвутся к власти! – Он рассеянно провел рукой по волосам. – Они собираются вокруг каждого трона! Даже здесь!

Здесь? Не о черном ли это посетителе? Или о дворе? Кто эти люди?

Гриндал прочел вопрос в моих глазах.

– Довольно Саллюстия! – быстро проговорил он. – Вы захватили с собой басни, миледи? Эзоповы?

Мои пальцы потянулись к знакомому кожаному томику.

– «Басня о состарившемся Льве, повелителе Зверей, когда он лежал при смерти».

Повелитель… состарившийся… при смерти. Я не могла отыскать страницу. Тонкая ладонь Гриндала накрыла мою, голос снизился до шепота:

– Вообразите, мадам, что старый Лев, умирающий повелитель, оставил совсем немногочисленное потомство. И сейчас все животное царство ждет, кому он передаст трон.

За оконным переплетом возникали и стихали ласковые утренние шумы. Высоко в небе пел жаворонок. Однако в залитой солнцем классной комнате стояла тишина.

– Свою старшую, молодую львицу Лев отослал в пустыню, затем что не ужился с первой супругой. Однако там, в пустыне, львица наша друзей, и многие собрались вокруг, кто сочувствовал ее невзгодам. Теперь она собирается заявить о своих правах, и приверженцы ее накапливают силы.

Мария. Моя старшая сестра Мария. Мой отец развелся с ее матерью, отрекся от Марии и сделал ее прочь.

Мария копит силы – против меня?

Гриндал с опаской глянул через плечо. За дверью на стене висел ковер; по Рождественским играм я знала, что за ним легко может спрятаться человек.

Мне показалось, что ковер шевельнулся. Я повернулась к Гриндалу, но он смотрел в стол, на перистые золотые извилины дубовых волокон.

– Скажем больше, – прошептал он. – У старого Льва, умирающего повелителя, есть еще отпрыск женского пола, младшая львица, и что она любезнее отцовскому сердцу и ближе ему по образу мыслей.

Это обо мне.

Больше не о ком.

– У нее тоже есть приверженцы, те, кто любят ее и новую веру. Однако сестра ее входит в силу, и эти люди напуганы. Их письма вскрывают, их собственные слова обращаются против них. – Он постучал пальцами по запрятанным в мантию письмам. – Так что сейчас они пребывают в смятении и неведении. Друзьям маленькой львицы приказано… отвернуться от нее… предать ее.

Гриндал смолк. За ковром что-то зашуршало. Я встала, оправила платье – пальцы, коснувшиеся шершавого бархата, были потны – и шагнула к двери.

Предать…

В дверях меня затрясло, однако рука продолжала тянуться к занавесу. Я узнаю, кто меня предает, пусть это будет стоить мне

жизни.

«Каждый свой собственный Эдип, говорит Софокл, рожденный разрешить загадки своего неведения».

Ну и дурочку же я сваляла! За ковром было пусто. Серая мышка пробежала вдоль стены – ее шуршанье и достигло моих чутких со страху ушей. Я села рядом с Гриндалом и взяла Эзопа – руки у меня еще дрожали.

– Вы говорили, сэр: «Маленькая львица! Предадут ли ее?».

Молчание. Гриндал вздохнул, отодвинул букварь в серебряном чеканном переплете – давнишний подарок Кэт – и взял книгу изречений.

– Давайте займемся грамматическим разбором, миледи.

Его тощий палец уткнулся в латинский стих.

Si labat fortuna,
Itidem amid collabascunt:
fortuna amicus invenit.

– Плавт. – сказала я наугад и начала переводить:

– «Когда отворачивается удача, отворачиваются друзья; друзей обретешь с удачей».

Что Гриндал хочет этим сказать: что друзья со мной, лишь пока мне улыбается Фортуна? Остальные не в счет. Но Гриндал?..

– Еще одно упражнение, мадам Елизавета.

Он потянулся за доской и коряво, даже сердито, вывел слова, которых я прежде не видела:

VIDE AMPLISQUE ETIAM.

Таких простых упражнений мне не задавали давно – с тех пор как мы с Кэт начинали учить латынь, десять лет назад.

Я мысленно повертела фразу и торопливо перевела:

– Vide amplisque etiam? смотри и смотри снова.

– Нет! Неверно! Еще раз! Еще раз! Снова. Лихорадочный жест, которым он сопроводил свои слова, окончательно уверил меня в важности задания.

Я попыталась перевести иначе – получилось довольно коряво:

– Смотри больше – и смотри больше снова.

– Да! Да! Именно так. – Он закрыл глаза и чуть слышно прошептал:

– Запомните, миледи: смотри больше и смотри больше снова.

Длинным рукавом он вытер дощечку, пачкая мелом черную ткань. Потом нахмурился и нарисовал две фигуры, одну рядом с другой. Я схватила доску обеими руками и уставилась на рисунок.

Сердце… и река… или ручей? Мой наставник подался

вперед… приложил палец к губам.

– Запомните, миледи. – Пальцем он провел черту от сердца к воде. – Запомните! – Голос его звучал теперь спокойнее. – И еще помните слова великого Цицерона, когда он ждал, чтобы заговор Катилины сделался явным, – прежде чем нарыв можно будет вскрыть, надо чтоб он созрел и весь гной собрался в головке.

– Помню, учитель, – сказала я осторожно. – Я читала об этом вчера. «Vide: Tace», – сказал Цицерон друзьям. Смотрите и храните молчание. Что ж, сэр, пусть отныне «Video et Taceo» будет моим девизом. Я буду смотреть и молчать, не бойтесь!

Он поклонился, встал, собрал книги и вышел. Снаружи надвратные часы пробили одиннадцать. Неужели еще так рано?

О, Гриндал!

Он почти напрямик сказал, что предаст меня.

Et tu. Brute? И ты, Брут?

Обеденное время настало и прошло, а я все сидела в классной комнате, и холод обступал меня изнутри и снаружи.

Глава 3

Холод, который пронизывал меня до костей, был холод сиротства – смертный озноб, проникающий в плоть и кровь ребенка с последним вздохом матери. Моя мать прожила мало, так мало, что ее жизнь почти не коснулась моей. Однако, если содеянное зло живет и после смерти… а как же иначе, ведь каждому ведомо, что женщины – Евины дщери, рожденные грешить, дети Божьего гнева.

Что ж дивиться, если ее грехи не успокоились вместе с ней, если они преследуют меня даже из могилы. Я металась и плакала, падала на колени и молилась весь тот нескончаемый день, чуя нутром, что за всеми сегодняшними ужасами скрывается ее тень. Умирая, она передала мне свою душевную чуму, и теперь я понимала, что никогда не освобожусь от нее. Лучше б она умерла раз и навсегда, лучше б вечно мучилась в чистилище (если оно и впрямь существует), лишь бы не терзала меня из могилы!

Вы скажете, я совсем ее не жалела?

А она, когда изменяла, разве жалела и любила отца?

Да, я знала про нее все, знала про ее измену, про всю ее жизнь. Мне не исполнилось и трех, когда сэр Томас Брайан прискакал с новостями. Гости редко наезжали в Хэтфилд, и наша уютная нора редко пробуждалась от спячки. Однако в тот день громкий стук подков и крики во дворе возвестили о важном событии.

– Эй, в доме! Милорд приехал!

– Позовите миледи!

– Эй, скажите леди Брайан, пусть приготовит принцессу к аудиенции с милордом.

– Слушаюсь, сэр!

– Пошевеливайся, болван!

– Сейчас, сэр!

Он опустился передо мной на колени как был – в высоких запыленных от долгой дороги сапогах для верховой езды. Стояла майская жара, и от него резко пахло потом и конским мылом. Рядом с моим парадным креслом стояла его супруга, леди Брайан, – до рождения Эдуарда она воспитывала меня, и сэра Томаса послали сообщить новость не только мне, но и жене.

Как сейчас помню ее застывшее от ужаса лицо, прямую спину, нервные движения пальцев. И еще запах (тогда я ощутила его впервые – кислее блевотины, въедливее кошачьей мочи), который невозможно забыть, невозможно скрыть: запах страха…

Этот запах наполнял комнату, когда, стоя на одном колене,

обреченно уронив голову, сэр Томас сообщил, что сегодня казнена Анна Болейн, моя мать и бывшая супруга короля.

– Где?

– На площади перед Тауэром.

– Как?

– Ей отрубили голову.

– За что?

– Она изменила королю, своему супругу.

– Изменила?

– Она совершила измену. Измена карается смертью.

Вот как.

Измена. Изменила. Смерть.

И, как ни странно, этого вполне хватило моему детскому разумению – ведь я не понимала значения произнесенных слов, мне не было ни стыдно, ни страшно.

И я совсем не знала своей матери, которой так внезапно лишилась. Миниатюра, которую Кэт держала в ящике стола возле моей кровати, была для меня портретом знатной дамы, не больше. Вскоре после рождения король пожаловал мне Хэтфилд, который стал мне домом, приютом, кровом, дворцом и маленьким королевством. В возрасте трех месяцев меня забрали у матери и с первой моей торжественной процессией перевезли в новый дом, подальше от двора. И хотя я видела ее еще раза два-три…

Да-да, я ее помню, я видела ее, хоть и совсем, мельком, – глаза черные, словно уголья, и глубоко-глубоко в них горит затаенный огонь… я помню ее, даже отчетливее, чем хотелось бы, – обрывки воспоминаний тревожат меня днем и, непрошеные, являются бессонными ночами…

Однако тогда она виделась мне всего лишь сиятельной дамой, одной из многих, и значила гораздо, гораздо меньше, чем те, кто обо мне заботился – ласковая Маргарита Брайан и моя вторая воспитательница, мистрис Кэт.

Кэт приехала сменить Брайан, когда мне было четыре года. Бедная перепуганная Брайан, она натерпелась страху куда больше моего! У нее были причины бежать с прежней должности без оглядки, – выйдя замуж за сэра Томаса, она породнилась с Анной Болейн по линии Говардов. Падение Анны бросило тень на всех Болейнов, всех Говардов, и не у одной Брайан голова тогда зашаталась на плечах. Всех родственников королевы-изменницы как ветром сдуло, но Брайанам хватило ума не прятаться в крысиные норы. Они выжидали и, когда увидели, что звезда Говардов закатилась, распрощались с Хэтфилдом и возложили упования на новое восходящее светило, нового наследника,

малютку-принца – моего брата Эдуарда.

Однако король попросил сэра Томаса и его жену, прежде чем они оставят воспитанницу, оказать ему одну последнюю услугу. Мне шел тогда пятый год, я превратилась в настоящую знатную даму, по крайней мере в собственных глазах, – разве я не стала первой принцессой, когда сестру Марию потеснили, освобождая место мне, единственной законной наследнице Тюдоров и принцессе Уэльсской в придачу? Пусть меня не возят ко двору, пусть король никогда за мной не посылает – я-то знаю, кто я. Всякий, подходя ко мне, неизменно преклоняет колени, неизменно обнажает голову, все держатся со мной в высшей степени почтительно.

И вновь сэр Томас приехал прямиком от двора. И снова я принимала его, сидя в парадном кресле, и снова леди Брайан стояла рядом. Но на этот раз все было непривычно. Сэр Томас не преклонил колен и не смотрел на меня, когда кланялся.

– Миледи… Я не поняла.

– Как это, воспитатель, вчера я еще была принцессой, а сегодня – просто Елизавета?

– Да, мадам. – Сэр Томас был не из тех, кто путается в значениях слов. – Его Величество король, ваш отец, постановил, что его брак с покойной Анной Болейн, вашей матерью, недействителен и вы прижиты вне брака. Посему вы – его побочная дочь, а следовательно – не принцесса.

Брак с моей матерью – недействителен?

Я – прижита вне брака?

Не принцесса?

Побочная дочь: дочь женщины, которая, зачала, не будучи замужем, – как называется такая женщина?..

Сэр Томас продолжал:

– Все это король сделал из любви к вам, миледи. Теперь вы больше не дочь изменницы Анны Болейн, вас будут именовать «дочерью короля». И Его Величество велел сказать: «Что в сравнении с этим „принцесса“, „наследница Уэльсская“ и прочие титулы?»

И снова я плыла в океане неведения, снова не ощутила разящей силы слов. Отец меня любит! – вот все, что я уяснила.

Что еще могла я понять? Мне было четыре года. Брайан, поди, был рад-радехонек, что ему пришлось объясняться всего лишь с неразумным младенцем, и, оставив краткий приказ, чтобы в дальнейшем ко мне обращались дочь Его Величества короля, леди Елизавета!», он так легко отделался от своего тягостного поручения, уступив место Кэт, моей обожаемой Кэт, которая одна стала для меня якорем и маяком, лоцманом и путеводной звездой

в бурном море наступивших за этим лет.

Кэт. Моя Кэт, мое утешение, мой котенок, моя киска, моя королева кошек.

Кэт явилась ко двору короля Генриха свеженькая, словно только что снятая сметана. За ней не числилось постыдного родства с Говардами или Болейнами, только честная девонширская юность на молоке и сыре, клубнике и сливках. А также ученость, предмет гордости ее брата, одного из придворных короля. Брат этот расхваливал Кэт на все лады, покуда король не пожелал самолично взглянуть на такое диво.

– Поелику, – сказал он, – нам нужны просвещенные девицы, дабы просвещать наших придворных девиц, особенно одну.

Под «одной девицей» он разумел мою царственную особу.

– Миледи принцесса, – мягко проворковала Кэт на своем девонширском наречии, – ибо вы принцесса, хоть мне и велено впредь именовать вас «мадам Елизавета».

– Мистрис Екатерина, – начала я и открыла рот, силясь выговорить ее девонширское прозвание:

– Чампернаун?

Она ласково улыбнулась:

– Зовите меня просто Кэт, миледи. И так она стала Кэт.

Мне было четыре – пора приниматься за латынь. Как все, кто любит знания, Кэт обожала греческий. И географию, и итальянский, и азы еврейского, и математику, и грамматику, и риторику, и астрономию, и архитектуру, и многое, многое другое. Она сама была как целая библиотека, да что там библиотека – университет! Со смехом она пообещала мне «ответы на все вопросы во всех книжках на свете!». От нее я научилась что-то принимать на веру, до чего-то доходить своим умом, и мы обитали в раю невинности, словно в первозданном Эдеме.

Холодные ветры из внешнего мира почти не коснулись меня. Новая жена моего отца, Джейн Сеймур, умерла раньше, чем я ее увидела, и в мои четыре года ее смерть показалась небольшой платой за рождение маленького братца, моего милого Эдуарда.

Потом появилась принцесса Клевская, долговязая костлявая старуха. От нее разило, словно она никогда не меняла исподнего, таких жутких платьев, как на ней, мне прежде видеть не доводилось, вдобавок она ни слова не понимала по-английски. Один мой визит ко двору, один парадный обед в ее честь – этим наше знакомство и ограничилось: вскорости отцу удалось тихомирно спровадить ее в Ричмонд с титулом «досточтимой королевской сестры». Мне не было до них никакого дела. Зато мне нравилось ездить ко двору; днем и ночью меня возили на носилках, люди останавливались и смотрели, а я махала им

рукой. А когда они кричали: «Бог да благословит дочку короля Гарри!», «Дай тебе Бог здоровья, крошка Бесс!» – я по своей детской наивности полагала, что это выражение любви ко мне, а не к нему.

Однако, когда я приехала ко двору в следующий раз, кого бы, как вы думаете, я обнаружила рядом с отцом под парадным балдахином в присутственных покоях? Юную хохотушку, старинную свою знакомую. Она приходилась мне кузиной: мой дед Болейн взял жену из рода Говардов, и моя бабушка Говард доводилась Екатерине теткой. Этой кузине Говард только что исполнилось восемнадцать – на одиннадцать больше, чем мне, – она была миниатюрная, живая, пухленькая, миловидная, с яркими карими глазами. Мы все веселились – она, я и король – ее нежный жених. Я была от нее без ума.

И было за что ее любить – по крайней мере мне, ребенку.

– Елизавета, я тебя избалую! – объявила она.

Она дарила мне сласти и безделушки, катала на королевской барке, я гостила у нее в подаренном королем прекрасном доме с видом на реку в Челси. И главное, она взяла меня на самый свой большой пир, когда впервые сидела во главе праздничного стола в качестве королевской супруги. Здесь, в парадной зале Гемптонского дворца мы сидели под гербами: королевским – ало-белой розой Тюдоров[8].

– и ее собственным, позолоченным, увитым розовым шелком, с девизом, который выбрал для нее сам король: «Румяная роза без шипов». Не удивительно, что в милый тихий Хэтфилд я уезжала, пьяная от восторга.

Но роз без шипов не бывает, не бывает радостей, за которые не пришлось бы расплачиваться болью. Зимой того же года я простудилась и вынуждена была сидеть в опочивальне. Я то читала, то дремала у камелька, не обращая внимания на смешки и перешептывания прибиравших постель горничных. Все их разговоры я знала наизусть – любовная чепуха и вздор, а мне уже исполнилось восемь и я была серьезна не по годам. Горничные мне не нравились. От них всегда воняло стряпней, если не хуже, они смотрели на меня как-то странно и украдкой шушукались. Сейчас они думали, что я в классной комнате, и меня это устраивало. Пока не услышала:

– А точно, она умрет?

– Точнее некуда. Гонец сказал, уже и приговор вынесли.

– А вдруг она попросит о помиловании?

– Уже просила! Говорят, она сбежала из своих покоев в Гемптонском дворце и с воплями помчалась к королю. Он был у обедни – она думала, он увидит ее и пожалеет.

– А он не простил?

– Ее поймали у входа в дворцовую церковь и заткнули рот раньше, чем она добежала до короля. Да он бы ее и не помиловал. Она ведь изменщица, вот она кто!

– Изменщица?

– Изменила королю. А за это, – в голосе мелькнула злобная радость, – ей отрубят голову!

– Как… как…

– Точно! Как матушке нашей госпожи! Точно так же! И поделом им – изменщицам, распутницам, греховодницам. Сама посуди – если обычную потаскуху привязывают голой к телеге, тащат по городу и бьют плетьми, пока с нее кожа не полезет клочьями, то как же тогда наказывать королеву?

Вторая девушка не ответила. Что-то бормоча себе под нос, горничные вышли.

Да, тогда я поняла, что змей проник в мой сад, и, подобно Еве на заре времен, я пробудилась и поняла, что нага. Как мне удалось столько проспать в неведении? Кэт обещала мне ответы на все мои вопросы, а я зарылась в греческий и географию, Бокаччио и Библию. И вдруг у меня остался один-единственный вопрос – что-то, что зрело во мне невидимо и подспудно, словно гнойник, который я теперь должна выдавить или умереть.

Пробило четыре, ночь спускалась, черная, как воды Стикса. Я уже не просто продрогла, я посинела от холода и тоски в своем креслице под окном, когда вошла Кэт в сопровождении слуг со свечами и позвала ужинать.

Один взгляд на меня, и по ее слову вошедшие следом прислужницы опрометью забегали по дому.

– Доркада, огня сюда, живее неси уголь! Пришли Питера из кухни, пусть принесет еще и жаровню! Бегом, кому сказано! Джоанна, принеси миледи глинтвейна, мигом, и чтоб с пылу с жару, не то уши надеру! – Потом, упав возле меня на колени и сжав мои окоченевшие руки:

– Что с вами, дитя мое? Вы можете говорить?

Сколько раз мы сидели в обнимку у камина, при свечах, ведя дружескую беседу после дневных трудов. Теперь все переменилось. Когда камин затопили, глинтвейн принесли и вложили кружку в мои онемевшие от холода руки, служанок отослали и между нами воцарилась тишина – настал час для иного рассказа.

– Кэт.

– Мадам?

Я собралась с духом.

– Моя кузина, королева Екатерина… девушки болтали…

Кэт тяжело вздохнула:

– Я думала оградить вас от этих известий.

– Я хочу знать. Еще вздох.

– Мне известно лишь то, что сообщил утренний гонец. Мадам Екатерину, вашу кузину, казнят за измену – она оказалась непорядочной женщиной. У нее был любовник еще в девичестве, в бабкином доме, и, говорят, она завела другого уже будучи королевой – привечала его ночью в своей опочивальне и ни в чем ему не отказывала.

– И это правда?

– Ее любовники во всем сознались.

– Как в прошлый раз?

– В прошлый раз?

Кэт всполошилась. Она этого не ждала.

– «Как в прошлый раз», сказала горничная, «как наша прошлая». Я знаю, о ком она.

Кэт застыла. Ее расширенные зрачки и частое, прерывистое дыхание выдавали крайний испуг.

– Моя мать – ведь они говорили о ней. Она была такая же, как Екатерина?

Кэт словно онемела. Потом она заговорила:

– Вам известно, мадам, что вашу матушку обвинили… обвинили в измене королю.

– Что значит «измена»?

– Говорят, она злоумышляла против супруга, против его душевного спокойствия. Будто бы она насмехалась над его мужскими способностями, дескать, в постели Его Величество не такой – не всегда такой, – как другие мужчины.

Мне показалось, что мою голову стянуло стальным канатом.

– Кэт, это измена? За это ее казнили? Лицо Кэт было бледно и печально, как зимний день.

– Королеву Анну также обвинили в распутстве, госпожа. Будто бы она завлекала придворных господ и тешила с ними свою похоть, и будто бы они миловались с ней в ее опочивальне и даже на королевской половине.

В том же виновна и Екатерина.

Продолжай.

– Кто?..

– Трое придворных. Один из них был любимый друг короля, Генри Норрис…

– И?..

– И ее музыкант, миледи, – лютнист Марк Смитон.

– И?..

– И ее брат, мадам. Ваш дядя, виконт Рочфорд.

Мы сидели – я и Кэт – словно два мраморных изваяния, две обращенные в камень женщины. Я узнала, что хотела.

То была моя первая бессонная ночь – первая ночь, когда я не сомкнула глаз до рассвета.

И первый озноб первого страха, который не отпускал меня с той поры, как ни старалась я схоронить его под грудой прочитанных книг, под своими записками, под спудом усвоенных знаний. И вот сейчас требование явиться ко двору, зловещий придворный вернули былой страх: он притаился в углу комнаты, он был частью меня, он таился в уголке моей души.

А как хорошо начинался день – Благовещенье, весна, солнце окрасило Хэтфилд розовым и золотым. А теперь, несмотря на ласковые заботы Кэт, на лишние одеяла, на теплые перинки, на дрова в очаге, горевшие так ярко, что в опочивальне стало светло как днем, я всю ночь продрожала от холода.

Ибо озноб, который бил меня давно, в детстве, и вернулся в эти минуты, был не случайным поцелуем проказницы-стужи, но кладбищенским объятием смертного страха.

Страха?

Двух страхов.

Первый – что король, несмотря на свою доброту и любовь ко мне, однажды – и очень скоро, прямо сейчас – обратит свой гнев на дочь изменницы-жены. В голове у меня звучало погребальным звоном: «Когда бы отец твой, или Отец Наш, который над ним, поступал с тобой по твоим грехам, как велики были бы твои страдания, как суров приговор, как тяжела кара». Вдруг я напомню ему женщину, которая так подло его предала, – а опасность эта возрастает день ото дня, по мере того как я взрослею и, как всякая дочь, становлюсь все более похожей на мать.

И второй страх, глубже, холоднее. Если, по Божьему слову, грехи матерей падут на головы детей, значит, мне суждено унаследовать ее грех? Ужели слабая Евина плоть, плоть, которую каждая мать передает дочери, предаст и меня, как когда-то ее, женскому ничтожеству, женскому вероломству, женской похоти?

Если я вырасту такой, как она, достойна ли я жизни, мне дарованной? Или болезнь, что она передала мне по наследству, неисцелима и я за нее расплачиваюсь? Неужто этот темный гость, этот придворный, сегодняшний королевский гонец, явился призвать меня и живущий во мне призрак матери, ее неумершие желания, на последний суд?

И как преодолеть темную, безвестную пучину лежащей впереди ночи, за которой, быть может, брезжит ответ?

Глава 4

Мы выехали до рассвета следующего дня, в самый темный беззвездный час. Промозглый воздух пронизывали гнусные испарения, вчерашней весны как не бывало. В большом дворе Хэтфилда гнедые вьючные мулы, бедные бесплодные твари, били маленькими копытами по заиндевевшей гальке, согревая замерзшие бабки. Позади жалобно ржали кобылы моих фрейлин, недовольные из-за того, что их разбудили в неурочный час.

Спускаясь во двор бок о бок с Кэт, я плотнее закуталась в плащ. Повсюду в спешке бегали прислужники, кричали, бранились, что-то тащили, грузили телеги и возки. Погонщики покрикивали, ругались, хлопали бичами, срывая злость на двуногих и четвероногих существах без разбору. Под стеной слуги опорожняли дымящуюся зловонием ночную посуду в чавкающие выгребные ямы. Гвалт, дрожание фонарей, смрад – все напоминало преисподнюю. Однако на душе у меня было ничуть не лучше.

Всю долгую ночь, час за часом, в свете белесой луны я билась над загадками Гриндала, словно угодившая в ловушку крыса. Заговор Катилины – значит ли это, что и против отца готовится то же самое? Или Гриндал просто предупреждал меня накануне отъезда ко двору, что у трона собираются опасные люди?

Эзопова басня… Да, отец стар, ему пятьдесят три, ближе к пятидесяти четырем. Но разве его отец не дожил до…

«…пятидесяти двух!» – прошептал у меня в голове незнакомый голос.

Однако отец такой крепкий! Такой плечистый, дородный, он совсем не похож на умирающего льва! А что до «львиных отпрысков», то откуда тут взяться «львицам»? И я, и Мария в династии Тюдоров – пустое место. «За две тысячи лет ни одна женщина не правила Англией, – следовало возразить мне, – и не будет!»

И вдруг меня словно ударило – в одном-то притча, безусловно, правдива! Да, в злонамеренность сестры Марии я поверила сразу, и тут есть о чем задуматься.

Мария – само имя означает «горечь». Интересно, знал ли тот, кто ее называл, что ей придется испить чашу горечи до последней капли, и даже сверх того?

Я дрожала, но не от холода.

Довольно!

Довольно кукситься! С таким лицом, какое я утром увидела в зеркале – краше в гроб кладут, – нельзя показываться на люди!

– Дорогу!

– Эй, посторонись!

– Чтоб ты сдох, черт косорукий! Пошевеливайся!

– Куда прешь, ублюдок!..

Меня, впрочем, приветствовали как водится – улыбками, реверансами, пожеланиями доброго утра.

– Будьте здоровы, хозяйка!

– Хорошего вам дня, миледи!

Два моих старших джентльмена, братья Джеймс и Ричард Верноны, сыновья соседского помещика, поклонились, протискиваясь вперед под грузом конской сбруи. Чуть поодаль стоял Эшли, немногословный и уверенный в себе муж Кэт, а с ним сэр Джон Чертей, молодой рыцарь из здешнего графства, которого незадолго до смерти пристроил к моему двору его отец, старый сэр Джон.

Дальше в свете фонарей я различила вчерашнего черного посетителя: он так помыкал конюхами и стремянными, будто коня подают ему одному. Даже в столь ранний час, в преддверии тяжелого дня в седле, он успел натянуть винного цвета наряд – в шелках, атласе и бархате он походил на щеголеватую ехидну. Я люто ненавидела его блестящую змеиную чешую, и при этом боялась – отчего, не знаю сама.

– Его зовут Паджет, – объяснила Кэт, тряхнув головой в сторону нашего франта.

Кэт совершенно расхрабрилась после вчерашнего, когда дала ему отпор, сославшись на высокую хозяйкину волю. «Каковую, мадам, – весело объявила она, – он не дерзнул оспорить, хоть и зыркнул на меня, словно кабацкий бузила».

– Паджет? – У меня пробудилось любопытство. – Сын Вильяма Паджета, главы Тайного совета?

– Нет, не сын. – Голос Кэт терял задор с каждым шагом к середине двора, где нас поджидал дорожный паланкин, а подле него – тот, о ком мы говорили. – Даже не родственник, а, как он сам сказал, доверенное орудие. Я бы скорее назвала его приживальщиком, недоноском и проходимцем…

– Миледи! – Он отвесил церемонный поклон. – И с ней, разумеется, мистрис Эшли!

Если в наших реверансах сквозила прохладца, то исключительно по причине холодного времени суток.

– К вашим услугам, сэр, – произнесли мы ледяным тоном.

Тем временем Кэт уложила меня в дорожную постель и накрыла одеялом.

– Спите, душенька, – ласково сказала она, оправляя последнюю подушку и запечатлевая на кончике моего носа

сладкий и сочный, как летняя вишня, поцелуй. – К рассвету будем в Исткоте, а там уж, будьте покойны, я найду, чем вам заморить червячка! – Задвигая тяжелые парчовые занавески, она, под стук деревянных колец, рассмеялась ободряющим грудным смехом. – Что ж до него, – кивком указала она на Паджета, который сквозь толчею слуг протискивался к собственной лошади, – пусть проказница-стужа ему нос отморозит, да и срамные части тоже, не при вас будет сказано, миледи. Спите спокойно!

Сон, родной брат смерти[9], неотлучно вьется вблизи дорожных носилок. Мягкое покачивание, мерный перестук копыт, тихое позвякивание сбруи, ржание сменяемых мулов даже лунатика увлечет в тот край, где нет сновидений.

Однако в тот день сон мой тревожили загадки Гриндала. Мне снилось, что злобный Катилина с окровавленным кинжалом бродит вокруг королевского трона, а старый король смотрит на него беспомощно, словно смертельно раненный зверь. Тем временем львица – а когти ее тоже в крови – выписывает петли вокруг юного львенка, маленького и слабого, а из ее желтых глаз сыплются смертоносные стрелы. В небесах наверху огненными кометами проносятся огромные выкаченные глаза, и голос Гриндала размеренно повторяет: «Смотри в оба, смотри в оба!» – словно безумный жрец в святилище темного божества. Потом хлынул поток, и на берегу серна искала брода, но брода не было, и ее, сердечную, захлестнуло и увлекло на дно.

И серной, как и львенком, была я.

Я знала, что, если не разгадаю загадок, умру. А разгадаю – умру еще скорее. Я раскрыла рот, чтобы закричать, но черный кулак в черной перчатке сдавил мне горло, забил глотку сыпучим пеплом, жженой костью, сажей и мертвечиной. Я проснулась с привкусом смерти на губах.

Забот заклинатель, благодатный Морфей…

– Миледи?

Прочь прогони тревоги, печали мои развей…

– Как вы, миледи?

Тени рассеялись, остался только гадкий привкус во рту, паланкин уже не раскачивался, солнце согрело мое уютное гнездышко, и, что лучше всего, Кэт раздвинула занавеску и в руках у нее было то, о чем я даже не мечтала.

– Кэт, что это? Молоко? Белый хлеб? Яйца, сваренные в

масле? Да откуда, скажи на милость…

– Откуда? – Она тряхнула головой, и в ее голосе прорезались рокочущие девонские нотки, как случалось только в самые радостные минуты. – Вот уж пустяки, мадам. Надо только знать, как раздобыть съестное в такой забытой Богом дыре, где не привыкли встречать и холить принцесс!

Я с любопытством выглянула из-за занавесок. Мы остановились в большом и чистом дворе, вокруг еще стояли последние скирды сена, толстые хохлатки суетливо бегали от разошедшегося поутру петуха.

– Мадам?

С наицеремоннейшим реверансом к носилкам приблизилась моя фрейлина Бланш Парри. Если Кэт я любила за простоту, то Парри – напротив, за чинность, присущую ей в любом окружении, будь то королевский двор или скотный. И она, и ее брат Томас, мой теперешний казначей, оставили родной Уэльс, чтобы в один день поступить ко мне на службу. Вдвоем с Кэт они составляли мою семью – ту самую семью, которой у меня никогда не было, чего я, впрочем, благодаря их заботам вовсе не замечала.

Сейчас, сопровождаемая двумя маленькими горничными, Парри пожелала мне доброго утра.

– Скажите, мадам… – Она деликатно помолчала, показывая, что просьба исходит не от нее. – Вы бы не возражали показаться людям?

– Показаться людям?

– Здешние селяне, миледи… они увидели ваш поезд… ваши носилки… и покорнейше просят дозволения засвидетельствовать свое почтение. Они ждали… на столь ужасном морозе… с таким терпением…

– Да ради Бога!

Я передала горничной остатки завтрака и взяла у Парри – она только что достала мой дорожный туалетный прибор – маленькое зеркальце. В него я внимательно наблюдала, как Парри расчесывает мне волосы.

– Сюда… на эту сторону… да, спасибо. Мои серьги, Кэт? Нет, нет, большие жемчужные. А теперь шапочку… коричневую бархатную… да.

Из гладкого металлического кружка на меня смотрело собственное лицо. По-моему, бледновато! Я потерла кулаками скулы, и на щеках тотчас же проступили два карминных пятна. Теперь я выглядела в точности как резная деревянная кукла.

– Мадам! – Парри была шокирована. – У леди на лице не должно быть красноты, это неприлично. Принцессе невозможно равняться с телятницей!

С телятницей! Кэт не знала, смеяться ей или сердиться. «Краснота!» – у Парри это прозвучало как страшное ругательство. Ворча, я покорилась, и вскоре розовая вода и молотая яичная скорлупа убрали с моих щек этот чахоточный румянец.

Теперь я выглядела, как если бы Господь пожелал сотворить меня писаной красавицей. А природная бледность, которую я в минуту тщеславия называла про себя «лилейной», куда больше розового или алого румянца шла к моим русалочьим волосам, отливавшим то золотом, то рыжиной в зависимости от освещения – на солнце они вспыхивали, как у ангела, в пасмурный день отсвечивали литой медью. Признаюсь, я гордилась своими волосами, а в тот день они искрились нитями спряденного солнечного света. Я оправила платье, закуталась в мех, приняла подобающую принцессе осанку и приготовилась к встрече со своими подданными.

– Пусть приблизятся.

В углу двора пританцовывали от холода мои джентльмены, рядом переминалась стража. Чуть дальше терпеливо ждали крестьяне: арендатор в суконном платье и грубых коричневых чулках, с обветренным лицом, его домочадцы обоего пола, дети от десяти лет до грудного младенца на руках, сгорбленный дедушка с палкой. Кто грел замерзшие ладони в подмышках, кто дышал на синие от холода пальцы.

Я с волнением ждала, когда они подойдут. Мне нравилось разговаривать по дороге с простолюдинами. Когда они громко желали многолетия отцу и неизменно добавляли: «Храни Бог и тебя, маленькая дочурка нашего Гарри!» – я чувствовала редчайшую, ни с чем не сравнимую гордость своей принадлежности.

И вдруг как обухом по голове:

– В путь, мадам Елизавета! – Это был голос Паджета. – Нам некогда точить лясы с этой деревенщиной. Его Величество велел поспешать! – Он выдержал паузу. – Что до вашего здоровья и удобств, полагаю, ваша милость предпочтет путешествовать скрытно.

Он потянулся опустить занавески на моем портшезе, отрезать меня от внешнего мира.

Он мной командует, запрещает говорить с селянами, велит ехать тайно, словно государственной преступнице.

Да как он смеет!

И сколько еще ждать, покуда я узнаю, Как он смеет?

– Минуточку, сэр, пожалуйста! – Поддерживаемая с тылу разъяренной Парри, Кэт смело бросилась наперерез врагу. – В дневные часы, когда можно не опасаться зловредных ночных

испарений, миледи путешествует с раздвинутым пологом, – твердо объявила она, вновь разводя занавески.

– Здоровье здоровью рознь, мистрис Эшли, – проговорил Паджет, сверкая черными глазами. – Ее милости небезопасно показываться простонародью.

Этого Парри уже спустить не могла.

– Госпоже грозит опасность со стороны английского народа? – вскричала , она. – Думайте, что говорите, сэр! Да ее обожают с самого младенчества! Всякий раз, как она проезжает, люди сбегаются посмотреть! Ни одна живая душа в Англии не тронет ее волоска… мизинчика на ее ноге!

– И все же, – мстительно кивнул Паджет в сторону своих стражников, – будет лучше, если леди Елизавета поедет с опущенными занавесками.

Стражники вразвалку двинулись к нам. Паджет торжествующе улыбнулся.

– У меня приказ, – добавил он елейным голосом.

– Приказ? – И тут меня осенило:

– Чтобы я ехала за занавесками и не показывалась народу? Все это написано в приказе моего отца – короля?

Лицо его потемнело от гнева, и я поняла, что одержала верх.

– Не так многословно, миледи. Но… я почел за лучшее…

– А я, сэр, почитаю за лучшее во всем слушаться мою воспитательницу мистрис Эшли – после короля, разумеется. – Я снова изо всех сил разыгрывала паиньку. – Если она скажет, мы поедем с поднятыми занавесками.

Кэт победно сверкнула глазами, однако она понимала – сейчас не время трубить победу.

Голос Паджета, когда он наконец заговорил, хрипел от ярости:

– Как пожелаете, миледи. По коням! Эй, вы! Трогаемся!

Он – мой враг, в этом сомневаться не приходится.

Но отчего? И когда я это узнаю?

Закричали погонщики, портшез вздрогнул и закачался. В другом конце двора Эшли, Чертей и братья Верноны торопливо распрощались с крестьянами и вскочили в седла. На простодушных замерзших лицах селян было написано горькое разочарование.

– Кэт! Кэт! Прошу тебя, пошли к этим людям! Скажи, я сожалею, что не поговорила с ними, но король, наш повелитель, велел поторапливаться, и мы должны исполнить его волю. Скажи, что я желаю им здоровья и благодарю за доброту. Скажи, я не забуду Исткот и его жителей, их вкусное молоко и хлеб, их радушный прием!

Кэт быстро отрядила младшую горничную передать мои слова. Двор быстро уменьшался, с каждым конским шагом люди становились меньше. Однако, когда девушка добежала до них, все заулыбались, словно солнышко проглянуло после дождя. Арендатор обнажил голову, все его люди сделали то же самое; они махали шапками и кричали: «В добрый путь, леди принцесса! Дай тебе Бог здоровья и всяческих благ!»

Я что было сил замахала в ответ, глаза защипало от горячих слез радости. Вдруг одна из крестьянских девчушек выбежала вперед и со всех ног припустила за нами. Один из стражников выругался вполголоса и повернулся, чтобы ее отогнать. Паджет натянул поводья и схватился за шпагу.

Неужели они обидят ребенка?

– Вложите шпагу в ножны, сэр! – завопила я. – Не мешайте ей! Пропустите ко мне!

Девочка, сверкая глазенками, подбежала к носилкам и, умело размахнувшись, бросила мне что-то на колени. Это оказался букет первых вешних цветов – глянцевитый бальзамин, кивающие белыми головками анемоны, примулы, белые, словно пальчики знатной дамы, четыре или пять баранчиков-первоцветов с желтыми в алую крапинку зевами. Самой девчушке было от силы лет восемь, ее худощавое личико побледнело от холода, грязные волосы выбились из-под платка, грубые от работы ручки – почти лапки, как у звереныша, – были в трещинках и ранках. Однако на улыбку ее, когда я стала благодарить, стоило подивиться.

За спиной послышались скрежет вынимаемой из ножен шпаги и поступь стражников.

– Теперь беги! – прошептала я девочке. – И берегись этих людей!

Она кивнула, еще раз улыбнулась и побежала прочь. Я чувствовала, что в воздухе вокруг меня нависла угроза, и понимала – больше мне сегодня с народом не говорить. Однако мы продолжали ехать сквозь села и деревушки, и повсюду люди видели, кто едет, и маленькая замарашка не последняя в тот день лицезрела свою принцессу.

Глава 5

Казалось, испытание не кончится никогда. Каждый новый рассвет был холоднее и слякотнее вчерашнего, темнело рано и с наступлением сумерек снова холодало. Между рассветом и закатом непогода свирепствовала еще больше – не было дня, чтоб у нас не охромел мул или не перевернулся возок. Когда же мы доберемся до Лондона, где сейчас находится король со своим двором?

Младший Верной сочинил балладу в минорном ключе, которая отнюдь не согревала мне душу.

А при дворе-то, говорят,
Целуют в ручки и в уста,
Да только в очи не глядят,
Затем что совесть не чиста.

И так день за днем мое печальное сердце билось в такт печальному перестуку копыт. От Хэтфилда до Исткота, от Вайлд-Хилла до Вуд-сайда, от Белл-бара до Уотер-энда, от Мимса до Грин-стрит, черепашьим шагом, всего по несколько миль в день.

А я так и не приблизилась к разгадке, сколько ни листала Саллюстия в надежде, что он прольет свет на мрачное бормотание Гриндала. Может быть, при дворе он объяснится напрямик. А может, что-нибудь я сама выясню в жужжащем королевском улье: кто теперь пьет мед, а кто желчь, и от чьих острых жал мне следует бежать, как от огня.

И вот наконец долгожданная весть.

– Мужайтесь, миледи! – крикнул старый Фрэнсис Вайн, мой церемониймейстер, понуждая коренастую лошадку, такую же старую и осторожную, как ее хозяин, приблизиться к носилкам. – Сегодня будем ночевать во дворце!

«Мужайтесь!» – добрый совет. В Лондоне все сомнения разрешатся, все вопросы получат ответы. Прощайте, одинокие раздумья, когда не хочется обращаться за утешеньем даже к милой Кэт. Прощайте, бессонные ночи, когда никого нет рядом, кроме холодной луны. И прости-прощай, Паджет!

Он по-прежнему был рядом, он засел, словно заноза в мозгу, и не шел у меня из головы. Сегодня он расфрантился пуще обычного – в новое бутылочно-зеленое платье. Однако власть его кончится с приездом ко двору. А с глаз долой Паджет – из сердца вон страх!

Из сердца вон страх. Как я мечтала об этом в бессонные ночные часы!

Уайт-холл.

Над сверкающей гладью Темзы, как всегда испещренной лодочками – каждая не больше ореховой скорлупки, – садилось в огненном блеске солнце. Как только мы проехали Коспер-стрит и повернули к Уайтхоллу, перед нами встали купающиеся в золоте и багрянце башни и башенки дворца. И снова величавость Уайтхолла пробудила во мне жгучую гордость.

Мне хотелось закричать: «Это построил мой отец. Великий Гарри возвел красивейший дворец во всем христианском мире!»

Ведь каждому известно, что Уайт-холл занимает двадцать четыре акра, а дворцы других королей – от силы два. Он раскинулся, словно огромный дуб, однако его размеры – лишь последнее из его достоинств. По всей Европе собрал король самых искусных каменщиков, самых талантливых зодчих, самых одаренных садовников, лучших художников разного рода, чтобы замок его мечты стал реальностью.

И любого эта ярмарка надежд манила обещанием исполнить и его мечту: мечту о богатстве или славе, о почестях или служении королю. Это был город грез, и ежедневно почти две тысячи отнюдь не мечтателей сражались в нем за место, за предпочтение, за один-единственный знак монаршего благоволения.

О чем же мечтаю я?

Я знала: мой женский удел – ждать, покуда другие направят мою судьбу, и мечтать в моем положении – чистейшая блажь.

И все же…

И все же…

Добрые братья Верноны ускакали вперед – известить о моем приближении. Вдоль всего Уайтхолла выстроилась королевская гвардия, многоликая шеренга из алых камзолов и сверкающей стали, длинный ряд честных неподвижных лиц, английских, как ростбиф и эль, знакомых мне по прошлым приездам. И снова во мне всколыхнулась гордость за свою кровь – кровь Гарри, кровь Тюдоров, кровь древнейших королей. И все же я знала: я уже не та, что прежде. Не заметь я этого сама, встреча с Паджетом уверила бы меня окончательно.

«Боже, не дай мне измениться слишком сильно, – молилась я, – не дай измениться слишком…»

Ибо я любила мир своего детства, мир Хэтфилда, и не хотела его покидать.

У больших ворот с башенками, под аркой из красного и желтого кирпича, ждали братья Вер-ноны. Длинная вереница

возков, всадников и мулов медленно остановилась.

– Эй! Эй! Эй, там!

– Держи поводья… поводья, черт!

– Позвольте мне, мадам.

– Спасибо, сэр.

По обе стороны от меня господа спешивались, чтобы подать руку дамам, кучера слезали с седел и начинали распрягать, позади слуги и служанки спрыгивали с телег. Мулы и лошади уперлись копытами в грязь и опустили головы, словно говоря: «Ни дюйма дальше!»

– Добро пожаловать в Уайт-холл, миледи! С низким поклоном Ричард Верной с одной стороны и Джеймс с другой вынули меня из портшеза. Испытание осталось позади. Мои трубачи звонко возвестили двору о прибытии леди Елизаветы. Эхо серебряных труб еще отдавалось в гулких стенах, а из ворот уже выбежал лорд-гофмейстер, королевский эконом, в сопровождении свиты. Я затылком почувствовала, что Паджет отошел в сторону, чтобы все видеть, но никому не попадаться на глаза.

– Миледи!

– Лорд Сент-Джон!

Старый лорд-гофмейстер давно оттанцевал свое. Но если его поклону недоставало изящества и проворства, радушия в нем было хоть отбавляй. Со скрипом опустившись на одно колено, лорд Сент-Джон поцеловал мне руку и произнес:

– Добро пожаловать в Уайтхолл, прекрасная миледи.

Я поблагодарила, с трудом пряча торжествующую улыбку. Значит, при дворе я вовсе не persona non grata, и напрасно Паджет старался меня в этом уверить! Я обернулась. Он уже куда-то исчез.

«Пошел докладывать, – рассмеялась я про себя, – своему дяде, сэру Вильяму, или у кого он там на посылках».

Скатертью дорожка, Паджет – сэр Змей, меняющий кожу! Твоя власть в прошлом! Скоро я разгадаю твою игру!

– Сюда, миледи.

Лорд-гофмейстер учтиво повел нас через ворота во двор. Господи, я и позабыла, до чего красив Уайтхолл! Да он гораздо больше и величественнее, чем в моих воспоминаниях! Я вдруг почувствовала себя сельской мышкой из сказки, даже хуже…

Чем меня тут встретят? Лорд-гофмейстер заговорил, я затаила дыхание.

– Его Величество король распорядился поселить вас на королевиной половине, мадам Елизавета.

На королевиной половине! Рядом с королевой, дамой Екатериной Парр, как все продолжали ее называть даже на

четвертом году замужества. Отличная новость, лучше некуда! Екатерина ко мне благоволила, при всякой возможности приглашала нас вместе с моим милым Эдуардом к себе, а когда мы разлучались, непременно писала или посылала обо мне справиться.

Я не в силах была дольше терпеть.

– Когда я увижу Ее Величество? Сент-Джон улыбнулся.

– Скорее, чем вы полагаете, миледи. Королева Екатерина намерена посетить вас сегодня вечером, как только вы отдохнете с дороги.

С поклоном он провел нас в маленький сад с аккуратно разбитыми клумбами, потом под колоннадой и на залитое вечерним светом открытое место. У меня перехватило дыхание. Король пристроил новое здание! Расширять «Белый дворец» – его страсть. И новое здание, как, впрочем, и все в его любимом замке, все, что вышло из-под рук его мастеров, было лучшим в мире, наиновейшим, непревзойденным.

Мы стояли внутри изумительного мощеного двора. В серебристом вечернем свете безупречная симметрия и каменная резьба придавали ему сходство с церковью. И притом каменные листья на каменных деревьях по стенам были как живые: казалось, каменные птички сейчас взлетят с каменных ветвей или поуютнее устроятся на ночь в каменных гнездышках, упрятав каменные головки под каменные крылышки.

Это было волшебно. Мы стояли словно в окаменевшем лесу. Впереди, обнимая двор двумя длинными крыльями, стоял дворец королевы, из сводчатых окон струился свет, высокий фронтон украшали гербы, возвещая, что это дворец внутри дворца, чертог, достойный королевской супруги.

Лорд-гофмейстер провел меня к массивным дубовым дверям в два человеческих роста, сплошь украшенных резьбой на библейские темы. Здесь, возле Иова, Блудного сына и Даниила во рву львином, он остановился.

– Королева приглашает вас в свое новое обиталище, леди Елизавета. Ее милость выражает надежду, что за этим последуют и другие радости.

Мое юное сердце подпрыгнуло.

– А что, будут развлечения и представления? Спектакли? Пантомимы?

– Увидите, миледи.

Он поднял руку. Дверь растворилась, из нее с поклоном выступил дворецкий. За ним стояли слуги, темные силуэты на фоне теплого сияния горящих внутри свечей.

– Добро пожаловать во дворец королевы, миледи, –

почтительно произнес дворецкий. – Королева Екатерина просит передать, что все здесь – ваше с той минуты, как вы вступите под этот кров. Она приглашает вас поселиться в лучших покоях, на первом верхнем этаже. Еще она велела накормить вас и ваших людей и просит вас указать, если что упущено – я немедленно все исправлю.

Это было уже слишком.

– Благодарю вас, сэр. Пожалуйста, скажите Ее Величеству, я благодарю Бога за ее великую доброту, каковой нимало не заслужила.

Я едва могла говорить. Если сама королева печется обо мне, защищает меня, неужели я испугаюсь кучки соглядатаев, вроде Паджета?

Дворецкий поклонился:

– Прошу сюда, миледи.

– Кэт! Кэт! Что ты об этом скажешь? Глянь Только! Разве не красота?

Кэт распоряжалась обустройством моей опочивальни, когда я влетела в комнату и чуть не сбила ее с ног. Мне достаточно было обежать отведенные нам покои, чтобы убедиться в полном расположении ко мне королевы. Из большого коридора дверь открывалась в просторную прихожую, за которой располагалась большая, ярко освещенная комната, завешанная французскими шпалерами и обшитая гладкими деревянными панелями, такими новыми, что от них еще пахло воском и льняным маслом.

Кровать была такая широкая, что в нее кроме меня свободно поместились бы полдюжины служанок. Балдахин из алого, розового и кремового шелка был заткан изнутри и снаружи прелестными гвоздиками – я сразу представила, что во сне буду обонять их летнее благоухание или рвать их на салат. Дубовые доски под длинным – в целый ярд – подзором покрывал не срезанный тростник, но лучший дамасский ковер – роскошь, милому старомодному Хэтфилду неведомая.

На столе рядом с кроватью стоял обещанный ужин, от которого аппетит разыгрался бы даже у воробья: золотистые пироги в форме дворцов, полдюжины щук в желе из телячьих ножек, грудки каплунов в желтой сметане с тмином, блюда с орехами, айвой, марципанами и вафлями и, наконец, густой глинтвейн – лучшее средство отогреть замерзшие тело и душу.

– Гляди, Кэт! – вскричала я. – Мы и впрямь при дворе! Мне кажется, мы – в раю!

Верно говорят, что неведение – мать всех опрометчивых суждений. Но откуда мне было знать?

– Миледи! Миледи! – Голос Парри срывался от отчаяния.

Через секунду она влетела в комнату сама не своя – куда только подевалось ее обычное спокойствие! – Мадам! Сюда идет королева!

– Королева?

В тревожной тишине раздались поступь сопровождающих, шаги, крики: «Дорогу ее милости! Расступись! Посторонись! С дороги!»

– Сказали, она дождется, пока вы приготовитесь, и вот она идет! – кричала Парри в ужасе оттого, что королева застанет нас усталых и неприбранных, меня – в дорожном платье, не набеленную, не украшенную серьгами, кольцами, ожерельями и браслетами.

– Однако королевы тоже меняют решения на ходу! – рассмеялась я. – Королева меня не осудит. – Я хлопнула в ладоши. – Живее, вы обе! Живее, живее, живее!

С каждой секундой шум приближался, времени оставалось в обрез.

– Дорогу ее милости!

– Иди встречай ее, не стой! Сбиваясь с ног, женщины торопливо приводили меня в мало-мальски божеский вид.

– Поправь мне волосы, Парри! Кэт, подай шапочку – да, эта сгодится. Парри, у меня чистое лицо? Ладно, поплюй на рукав, не до церемоний! Кэт, платье!

Они были уже у дверей.

– Эй, внутри! Откройте! Откройте ее милости!

Что могли, мы успели. Мое коричневого бархата просторное дорожное платье годилось разве что для сельской местности, но переодеваться было уже некогда. Мы быстро оправили одежду и заспешили в парадный покой. Мои фрейлины и кавалеры, застигнутые врасплох внезапным явлением королевы, жужжали, как растревоженный улей. Я огляделась. Более-менее готовы.

Бух! Бух! Бух! – колотили в дверь. Я торопливо кивнула старому Фрэнсису Вайну. Тот махнул слуге. Дверь медленно повернулась на огромных петлях. Я потупила глаза, склонила голову и присела в глубочайшем реверансе.

– Ваша покорная слуга и все ее люди в высшей степени польщены визитом вашей милости.

Покончив с формальностями, я подняла глаза навстречу королеве, готовая кинуться ей на шею. Однако вместо Екатерины я увидела прямо перед собой горящие глаза и желтое трясущееся лицо моей дорогой сестрицы Марии.

Глава 6

– Ее милость принцесса Мария! – гаркнул вошедший следом церемониймейстер.

В мгновение ока приемный покой заполонили яркие плащи и шуршащие платья приближенных Марии. Еще недавно король держал ее в черном теле, чтоб наказать за приверженность папизму. Откуда же такая роскошь?

А свита! Меня окружали меньше пятнадцати человек, ее – на глазок – по меньшей мере сорок. Можно представить, что чувствовали братья Верноны, Эшли, Чертей, Кэт. В мире, где числа означают ранг, враг превосходил нас численно.

Враг – Мария.

Мария, единокровная сестра и кровный враг.

Родная сестра, однако, судя по выражению лица, отнюдь не родная душа.

Но почему враг? Почему не родная душа? Надо перебороть страх, внушенный Гриндаловыми притчами и моими дурными снами. Мария всегда была ко мне добра. Всегда присылала подарки: на шесть лет – желтое атласное платье, над которым я от радости залилась слезами, а однажды, когда я болела, – прелестный набор серебряных ложечек с головками апостолов. Мы не виделись три с лишним года – со свадьбы отца и мадам Парр, когда отец в последний раз собирал своих детей вместе. Тогда между нами царили мир и любовь. При встрече мы горячо расцеловались, расстались тоже довольно тепло.

Да, она нагрянула неожиданно и застигла меня врасплох – я даже не знала, что она при дворе. Однако я была еще ребенком: вспомнила умильные лики святых мужей на блестящих ложечках и настроилась встретить ее по-хорошему.

Да иначе и нельзя. Как-никак она – дочь моего отца, пусть даже упорно ему противится; она – старше меня на семнадцать зим, я обязана ее чтить. И, как все, приезжающие сюда, я нуждаюсь в друзьях при дворе. Станет ли Мария моим другом?

– Сестра!

Она схватила меня за руки, подняла, лицо ее просветлело, глаза сверкнули радостью. Ясное дело, она приняла на свой счет глубокий реверанс, предназначавшийся королеве. Пусть так и будет. Приветствие «ваша милость» может относиться и к ней, Мария не узнает про мою оплошность, друзья не выдадут. Я поцеловала ей руку.

– Госпожа принцесса!

Как изменилась Мария! За три года, что мы не виделись, она

постарела на все десять. Треугольное личико осунулось – кожа да кости, подбородок заострился, под глазами – черные мешки. Тонкие губы стали совсем серыми, тусклые карие глазки, и раньше-то никогда ее не красившие, смотрели еще более подслеповато.

И все же она преобразилась с нашей последней встречи. Такого великолепного платья я не видела ни на ней, ни на ком другом – в разрезах буферированных рукавов выглядывает шелковая подкладка цвета слоновой кости, в тон молочно-белому платью, червленая верхняя роба, отделанная по запястьям и воротнику крупными, с горошину, жемчужинами, играет в свете свечей, словно расшитая самоцветами. Мария улыбалась, приглашая обняться, как в доброе старое время, однако что-то заставило меня подождать, пока она заговорит.

– Значит, вот и вы, мадам Елизавета? Она держала меня на расстоянии вытянутых рук и удивленно разглядывала мое скромное дорожное платье.

– В одежде, как я погляжу, вы маленькая пуританочка. Впрочем, вовсе не такая маленькая! – Она издала резкий, отрывистый смешок. – Клянусь небом, сестрица, вы меня обогнали!

– Позволю предположить, мадам, что ни в чем не могу вас обогнать.

Да, конечно, я лицемерила – скрепя сердце и мысленно стиснув зубы.

А как было не притворяться? С какой стороны ни посмотри, я на голову переросла низкорослую Марию, которая пошла в мать – та не доходила нашему отцу и до подмышек, Ее изможденное лицо снова просияло.

– Да! Истинная правда! Вам нечего со мной равняться, и я рада, что Господь в Своей великой мудрости внушил вам подобное разумение! Ибо Господь послал меня впереди вас, дабы я направляла ваши шаги! Дабы спасти вас, сестрица, от ошибок прошлого, от тех, кто словами и делами увлекает вас на тернистый путь, который ведет к погибели!

Она сложила руки, словно на молитве, и возбужденно заходила по зале, отмахиваясь от окружавших ее дам.

– Прочь, не суетитесь под ногами! Сестрица, видит Бог, вы невиновны в великом грехе короля, разорвавшего брак с моей матерью, чтобы усладить похоть вашей… – ладно, ладно. Господь покарал за это и его, и ее! Но теперь вы взрослая и сами распоряжаетесь своей душой. Помните, сестрица, слова нашего Спасителя: «Что посеешь, то и пожнешь!» Подумайте об этом, молю вас, ради спасения вашей собственной души!

За спиной у меня послышалось яростное шипение, кто-то шумно выдохнул. Потом наступила тишина. Я застыла от гнева и стыда – сказать такое о моей матери! Однако сильнее гнева был страх – смертельный страх, который разделяли со мной все окружающие.

Это ересь – и к тому же измена! Король под угрозой смерти запретил обсуждать его религиозные нововведения и развод с Екатериной Арагонской. Людей сжигали заживо просто за то, что они слушали подобные разговоры, не то что дерзали их заводить. Марию как королевскую дочь миновало самое страшное из того, что грозило ее единоверцам. Однако сейчас я испугалась: она на свою голову превозносит старую религию – и где! В моих покоях, в моем обществе!

– Ваше высочество… – начала я.

– Не бойтесь! – Ее глаза цвета болотной жижи горели странным торжеством; никогда прежде я не видела в них такого огня. Она рассмеялась. – Вы испугались, что подобные речи приведут меня на костер? И вас заодно?

Мое молчание было знаком согласия.

– Ах, Елизавета, вы не знаете, какое случилось чудо! – Ее экзальтация была неестественной, она походила на горячечный жар. – Всемогущий Господь в своей великой мудрости смягчил королевское сердце и склонил его на нашу сторону! Наш отец отринул реформированную религию, отвернулся от лживой гордыни протестантизма и на последней стадии своего земного странствия обратился к Старой Вере, истинной вере Господней!

Король отвернулся от церкви, которую создал своими руками? И от ее чад?..

Снова, как в Хэтфилде, на меня дохнуло смертью.

– Король, мой отец? Он болен?

На лице сестры слабая, но ликующая улыбка.

– Здоров, как никогда, сестрица! Ибо теперь его душа спокойна, впервые с тех пор, как он расторг благословенный союз с моей матерью!

Я набрала в грудь воздуха и пересилила гнев.

– Простите, мадам, но всем известно, что брак короля и был причиной его душевных страданий. Библия говорит: «Если кто возьмет жену брата своего, это гнусно», и мой отец снизошел к вашей матери только из жалости к ее вдовству.

Странная радость Марии померкла, словно зимнее солнце. Теперь был ее черед гневаться.

– Поостерегитесь, леди, подобных разговоров – времена меняются!

Угроза была недвусмысленной. Но тут ее настроение вновь

изменилось.

– Довольно хмуриться! Не бойтесь, дорогая сестрица! Вы еще дитя, никто не станет карать вас за гнусные ереси и ошибки прошлого!

Ветер изменил направление; снова проглянуло зимнее солнце.

– Впрочем, вы уже не дитя! Взрослая женщина! – Постное личико изобразило улыбку, которая у любой другой женщины означала бы подвох. Словно маленькое суденышко при смене галса, Мария вдруг сделалась резва, даже развязна. – А что вы думаете о замужестве, сударыня? Девица ваших лет должна каждый вечер досаждать святой Винифриде, покровительнице дев, просьбами послать ей красавчика муженька!

Муженька? Мужа?

Господи Боже мой!

Куда ее теперь занесло?

Легкий топот бегущих ног, девичий вскрик в пустом, коридоре эхом, прозвучали в моем мозгу.

Замужество?

«Берегись!» – шепнула я себе, напрягаясь для ответного удара. Укол за укол.

– Девица вольна мечтать, миледи Мария, если она свободна в своем выборе. Однако моей рукой, как и вашей, распоряжается отец, наше же дело – покоряться. А поскольку вы, сестрица, старше, то, конечно, и ваша свадьба будет раньше.

Touche![10] – укол был настолько болезненным, что я сама устыдилась своей жестокости. Плотно сжатые губы скривились и задрожали, непрошеные слезы выступили в уголках болотно-бурых глаз.

– Да, сестренка, легко вам меня дразнить – ведь я уже отчаялась! Я давно поняла, что король в своей мудрости решил оставить меня незамужней – несчастнейшей леди во всем христианском мире!

В толпе придворных никто не осмелился открыть рот, все затаили дыхание. Мне стало безумно жалко Марию, я виновато принялась подыскивать слова утешения.

– Даже самый долгий день когда-нибудь кончается, сестрица. Быть может, вы очень скоро выйдете замуж, и, уж конечно, гораздо раньше меня!

Однако Мария была горда, как все Тюдоры. Она не хотела ничьей жалости, а уж моей – тем более.

– Вы забыли, сестрица, что меня уже много раз «выдавали замуж» – и вас, кстати, тоже – всякий раз, как отец принимался заигрывать с чужеземными государями. Вот только до брачного

ложа дело ни разу не доходило!

А за гордостью Тюдоров идет опасность и желание ранить. Глаза Марии сверкнули, в воздухе запахло кровью.

– Впрочем, вам ли об этом помнить? Вам, чья мать всю жизнь только и делала, что прыгала из постели в постель, дочери потаскухи, которая запамятовала, с кем делит ложе, непотребной девки, которая стелилась направо и налево и до замужества с моим отцом, и после – не удивительно, что вы забыли своих бывших нареченных, а заодно и забылись в моем присутствии!

Краем глаза я видела, как оба Вернона схватились за шпаги. Будь Мария мужчиной, ей бы живой не выйти. Однако что я могла поделать, я – девочка, даже не женщина? Мне осталось одно – опустить голову, чтобы спрятать невольные слезы стыда и ярости.

Никто не проронил ни слова, все стояли как вкопанные. Тишину нарушил далекий шум людских шагов. Мария деланно рассмеялась.

– А теперь, в свои тридцать, я скоро смогу сама выбрать себе мужа, с согласия короля или без оного!

С согласия… или без оного?.. Что за мрачный намек на состояние моего отца?

За окнами слышался смех, кто-то с кем-то перекликался, на траве вспыхивали зеленые отблески фонарей.

Я спросила с вызовом:

– Скоро, мадам? Почему вы сказали «скоро»? Она продолжала, не обращая внимания на вопрос:

– Но я забочусь о вас, сестрица, гораздо больше, чем вы полагаете. Будь моя воля, вы бы не томились без мужа, сколько томлюсь я, вынужденная сохнуть в лучшие годы девичества. Опять о муже? Я выпрямилась.

– Мадам, в мои годы я еще не помышляю о замужестве.

Шум во дворе становился все громче – он явно приближался. Мария словно ничего не замечала.

– «В ваши годы»! – передразнила она. – Да в ваши годы многие давным-давно стали женами и матерями! Нашего дедушки Генриха не было бы на свете, когда бы его матушка не пошла под венец и в постель двенадцати весен от роду. Ведь через шесть месяцев ее мужа не стало, с ним бы оборвался и наш род, если бы юная леди Маргарита не разрешилась по Божьей милости сыном! Первый долг Тюдоров – вступить в брак. И в первую очередь это касается нас, женщин! Разве не в этом наше предназначение?

Я собралась с духом и выпалила:

– Я не хочу выходить замуж. Шаги слышались уже за дверью.

– Е-ли-за-ве-та. – Мария наступала на меня, раздельно

произнося мое имя. Я чувствовала въевшийся в ее платье запах ладана, видела совсем близко ее грудь, в крапинках, как старое сало. Изо рта у нее дурно пахло. – Помните: человек предполагает, а Бог располагает. Все мы исполняем Его волю. И, быть может, муж, которого Он вам избрал, приближается с каждой минутой, с каждым днем, с каждым шагом, и даже сейчас, когда мы разговариваем!

Словно в грубой рождественской пантомиме, в ответ на эти слова кто-то заколотил в дверь.

– Эй! – послышался голос. – Открывайте! Мария улыбнулась, глаза ее зажглись – явно неспроста. Она махнула рукой. Один из ее кавалеров оттеснил моего церемониймейстера и распахнул дверь.

Приторно-сладким голосом Мария позвала:

– Это вы, милорд? Если да, то назовитесь и входите без промедления!

Глава 7

– «Если это вы?..» – повторил за дверью насмешливый голос. – Кому же это быть, мадам Мария, как не вашему слуге Серрею, которого вы милостиво соизволили сюда пригласить?

С этими словами говоривший вошел в комнату. Педантично-церемонный Паджет рядом с ним показался бы дворовым мужиком. Вошедший был очень высок, выше сопровождавших его прислужников, выше моих Вернонов, выше всех собравшихся. Однако в каждом его движении сквозила такая томная грация, что поневоле залюбуешься.

– Миледи принцесса.

Он приветствовал Марию с величайшей учтивостью, но голос его намекал на что-то большее. Прорезной камзол цвета яркой охры на коричневой, как ясеневые почки в марте, шелковой подкладке великолепно оттенял густую гриву сверкающих кудрей, перекликаясь с золотистыми отблесками в глазах цвета старого хереса.

– И мадам Елизавета?

Берет, осыпанный драгоценными камнями и с перьями, словно у принца, описал в воздухе замысловатую дугу. Поклон был низкий, взгляд – небрежный и в то же время ласкающий; мне захотелось спрятать глаза. Он держался как король. Мне вдруг показалось, что я – бедная горничная, а он – прирожденный королевич.

И таким его видели все. С его приходом комната будто стала светлее, даже свечи, казалось, засияли уверенней. Теперь он улыбался, и я чувствовала, что заливаюсь краской. Его взгляд скользил по моей фигуре, по нескладному дорожному платью. Боже, почему Ты не дал мне времени переодеться?

Он… он…

– Генри Говард Серрей, моя маленькая госпожа, и ваш слуга до гроба.

Он глядел мне в глаза. Я не могла вымолвить ни слова.

– Познакомьтесь с лордом Серреем, сестрица Елизавета! – настойчиво торопила Мария. Видимо, она думает, что я совсем утратила светские манеры. По правде сказать, я утратила совсем другое – гораздо большее.

Конечно, мы знакомы. Я его помню – он наследник всех Говардов, сын герцога Норфолка и юная надежда рода. Мало того, мы. – родственники: его отец был братом моей бабки Говард. Но как случилось, что такой яркий человек не оставил у меня ярких воспоминаний?

– Милорд. – Я сделала реверанс и опустила голову, чтобы спрятать лицо.

Мария довольно кивнула, потом обратила все внимание на Серрея. Она улыбалась, опрометчиво показывая гнилые зубы – изъеденные временем надгробья на ее кладбищенском лице.

– Мы говорили о замужестве, милорд! – воскликнула она с той же натужной игривостью, которая так мало ей шла. – Сестра утверждает, будто никогда не выйдет замуж. Что вы на это скажете?

Снова дерзкий взгляд ожег меня, словно плеть. Серрей рассмеялся.

– Нам, мужчинам, должно быть стыдно! Это значит, ни один из нас не затронул ее сердце и не пробудил в нем стремления к браку! – Он помолчал, холодно разглядывая меня, однако его медленная улыбка и чувственный взгляд добавили обжигающей силы следующим словам:

– И, простите меня, леди, что не разбудил ее чувств! – Затем он обратился прямо ко мне, его тихие слова предназначались исключительно для моих ушей:

– Ибо жизнь девы – суровое послушание, госпожа; куда проще следовать религии плоти.

Религии плоти?..

Я была как в огне, щеки мои пылали.

– Вы смеетесь надо мной, милорд!

Он снова рассмеялся, томно, в самое мое ухо.

– О нет, леди. Впрочем, что я знаю о девах? – Голос его перешел в шепот:

– Ведь я предпочитаю общество тех, кто желал бы с моей помощью сбросить одеяния девической стыдливости…

– Что вы говорите, милорд? – весело вскричала Мария. – Он поучает вас виршами, сестрица? Ведь он поэт, знаете? Вы сочините ей сонет, милорд?

Да, она заметно оживилась в его обществе!

Он пожал плечами:

– При дворе вашего отца все мужчины становятся поэтами, а таким красавицам воздал бы хвалу и немой. Лучше скажите, что я – солдат, что с радостью обнажал свой меч за короля, будь то в Шотландии или во Франции, что имею честь с мечом в руке служить ему, его божественным дочерям, всему, что он называет своим…

Такая беззастенчивая лесть не обманула бы и ребенка! Однако Мария сияла, как деревенская дурочка. Она робко погладила его рукав, игриво похлопала по плечу…

Разумеется! Где были мои глаза, почему я не поняла сразу?

Она собирается за него замуж!

А почему бы и нет? Он – ее ровесник или чуть моложе, ему лет двадцать восемь – тридцать. За такого не стыдно выйти и принцессе – даже мой неопытный взгляд различил редкую мужскую красоту, и даже эта царственная манера держаться ее не портила. Происхождение самое знатное, его отец Норфолк – герцог крови. После нас он стоит ближе всех к трону – их род идет от Плантагенетов и от самого святого Эдуарда Исповедника.

Однако Марии нужен не просто мужчина. Я догадывалась, что в ее глазах он – истинный сын Божий. Хотя Норфолки, как и тысячи других, по велению короля склонились перед новой верой, все знали, что они тайно тяготеют к старой. Вот оно что! Католик или почти католик, принц крови или почти принц, и в таких летах, что ей не придется стоять у алтаря с двадцатилетним мальчишкой, годящимся ей в сыновья.

Если отец, не дай Бог, действительно серьезно болен, Мария сможет выбирать сама. Нет ничего удивительного, что, подобрав себе пару в масть, она стремится и меня вовлечь в марьяжные игры.

Да как она смеет, ведя атаку на него, использовать меня как пешку! Обида закипала в моей груди. Что он обо мне думает, видя, как я в самом безобразном из своих платьев терпеливо смотрю на глупые заигрывания Марии? Я не могла поднять на него глаз.

– Что я сказал, миледи? – Он мягко предвосхитил мой вопрос. – Только то, что благословен я между мужами, коли нахожусь в распоряжении не одной, а сразу двух принцесс. Вы велели мне прийти сюда, леди Мария; леди Елизавета шепнула мне на ухо, что приглашает меня зайти снова, дабы она смогла ближе узнать меня, – его глаза весело сверкнули, не давая возразить, – а мне – ее. А сегодня вечером я прислуживаю еще более высокой леди – Ее Величество королева поручила мне проводить леди Елизавету в королевские покои, как только она будет готова повидаться со своей любящей матушкой.

Любящей матушкой. Любящей мачехой. Да. Мадам Екатерина Пар? старалась заменить мне мать с тех самых пор, как вышла замуж за короля. По крайней мере, на ее честность и открытость я могу рассчитывать, если желаю поскорее рассеять удушливые испарения страха и неведения.

Тем же вечером лорд Серрей пришел сопроводить меня к Екатерине, и я встретила его так холодно, как только дозволяет учтивость. На этот раз мне было не стыдно ему показаться: в промежутке я без конца переодевалась и прихорашивалась и теперь готова была предстать перед самой царицей Савской, а не

то что перед английской королевой. Мои тщательно расчесанные и разделенные на пробор волосы сверкали кованой медью и водопадом струились по спине – высший знак девственной чистоты. Их венчал горделивый убор в форме сердца, дивное сооружение из лилового атласа, украшенное маргаритками из аметистов и жемчуга.

Такие же букетики шли по вороту моего темно-лилового бархатного платья и по всему корсажу, чей острый, сужающийся книзу мыс не позволял мне нагнуться или сесть, а только стоять навытяжку, как отцовские телохранители. Руки тоже не сгибались в широких рукавах робы с крылышками из той же узорчатой золотой парчи, что и юбка. Парри умастила мое лицо белилами «с легчайшим намеком на розовый оттенок, мадам», и по внезапному наитию надушила лесными фиалками – с тех пор их нежный, розовато-лиловый аромат всякий раз представляется мне дыханием неразбуженной девственности, непорочности и чистоты.

– И тут оказалось, что принцесса, ваша сестра, держала козыри до последнего и выиграла!

Сейчас, когда мы шли по лабиринтам Уайтхолла, лорд Серрей говорил легко и продуманно – каждое его слово должно было подбодрить меня и развеселить. А мой язык словно прилип к гортани – я тщетно силилась побороть те страшные подозрения и то смятение, которое он во мне пробудил. Однако за все сокровища мира я бы не согласилась, чтобы он замолк…

Внезапно в темную ночную вселенную, где мы были одни, ворвались чужие. В галерее впереди показалась свита знатного лорда, освещенная, как и мы, факелами. В середине шагал высокий человек, с головы до пят закутанный темным плащом. Несколько минут – и они прошли мимо.

Рядом со мной Серрей шумно втянул воздух.

– Ваша милость видели, кто это прошел? – Он выдавил смешок. – Великий человек нашего времени. Полагаю, за то время, что ваша милость не были при дворе, он еще подрос. Лорд-наместник королевства – таков его теперешний титул, и мало кто верит, что он на этом остановится. Поистине граф Гертфорд расцвел, как зеленое лавровое дерево! И его братец Сеймур, гордый Том, тоже! Король дает им все, что они ни попросят. Удивительное дело! Разве мало быть дядей вашего брата принца? Без этих Сеймуров тут дышалось полегче!

Фонари мерцали, чадили и покачивались, удаляясь во тьму. Окруженный своими людьми, высокий граф скрылся в ночи, не ведая, что его провожают взглядами.

Гертфорд прибрал к рукам власть, теперь вся Англия – его

вотчина! Да еще полагают, что он на этом, не остановится, что он метит выше. Не он ли тот «Катилина», которого мне ведено остерегаться, честолюбивый гордец из Гриндаловых загадок? Сеймур… Сеймур… Имя шипело и эхом отдавалось у меня в голове. А брат черного лорда Гертфорда, «гордый Том», как назвал его Серрей? Если он честолюбив, как. Гертфорд, но не имеет братнего влияния, возможно, и в нем закипают страсти, некогда сгубившие Катилину?

Однако и в том, как Серрей произносил ненавистные имена «Сеймур», «Гертфорд», без труда угадывается его собственная гордыня – она рвется и скалится, словно лев на цепи. Сколько же Катилин теснится вкруг Генрихова трона?

– Пусть идет, гордый Люцифер! – Серрей с усилием взял себя в руки. Теперь он улыбался по-прежнему ехидно, его лицо в свете фонарей горело ярким, дьявольским огнем. Он взял мою руку и поднес к губам. – Замерзли, мадам? – прошептал он. Я вздрогнула от его прикосновения, и он снова улыбнулся, заглядывая мне прямо в глаза. – Вас надо согреть. К большому моему сожалению, боюсь, не сейчас, мадам, но мы у цели. Король, ваш отец, удалился почивать, однако мадам королева ждет вашу милость здесь, в королевских покоях.

Из темного двора в освещенный ярким светом королевский покой. Красные камзолы стражи, богатые ливреи слуг, даже ковры по стенам – от всего этого разноцветья уже стало рябить в моих усталых глазах. Сводчатый приемный покой гудел от разговора. Расплывчатые лица повернулись к дверям, обдавая меня холодным любопытством. После тихого Хэтфилда это было невыносимо. А где же королева?

– Елизавета… душенька!

Посреди самой толчеи поднялась с трона, протягивая ко мне руки, королева. Ее широкий, чистый лоб, аккуратно расчесанные на пробор каштановые волосы под знакомым высоким убором, приветливый взгляд – все осталось прежним. Сдерживаясь, чтобы не броситься ей на грудь и не разрыдаться, как маленькая девочка, я присела в глубочайшем реверансе и выпрямилась с приличествующей случаю улыбкой на устах. Однако от внимательной королевы не укрылись еле заметные признаки моего настроения. Покои были полны людьми: леди Гертфорд, жена графа, мистрис Герберт, сестра королевы, ее брат маркиз Нортгемптон. Сэр Энтони Денни, один из главных королевских советников, беседовал со своей супругой. Впрочем, королева тут же коротко поблагодарила Серрея, пожелала всем доброй ночи и дала церемониймейстеру знак освободить залу. Мы остались наедине.

– Идите сюда, дитя мое!

Она взяла меня за руки и повела в свои личные покои. Я тут же узнала слабый, темно-зеленый аромат можжевелового масла, которым всегда пахло в комнатах королевы, узнала и ее всегдашних спутников – пару красавцев борзых, дремавших у камина рядом с вечерней миской молока. На столике лежал мой последний подарок к Новому году – маленький требник, переплет для которого я собственноручно вышила анютиными глазками.

В камине приветливо горел огонь.

– Садитесь, голубушка! – Королева нежно взяла меня за подбородок и повернула лицом к большому настенному канделябру. – Дайте-ка на вас взглянуть! Ну, а теперь выкладывайте, что у вас на сердце – что тревожит мою Елизавету?

Вот и первый страх.

– Мадам, король… как он?

Она замялась.

– Боюсь, не очень. С наступлением весны у него вновь открылась язва на ноге, он очень страдает. Если б он хоть немного похудел, чтобы меньше утруждать больную ногу, так ведь нет! Сами знаете. – Она невесело улыбнулась. – Для короля воздержание в пище страшнее смерти! А его аппетит, увы, похоже, усиливается вместе с болезнью! Однако теперь я сама его пользую. Поглядите, что прислал мой аптекарь…

Она стремительно встала и подошла к инкрустированному шкапчику. Внутри была целая аптека: снадобья в пакетиках, склянках, коробочках, бутылочках и бутылях, с ярлыками, подписанными ровным готическим шрифтом, – всего этого достаточно, чтобы поставить на ноги лазарет. Королева улыбнулась.

– «Коричные цукаты», – прочла она. – «Лакричные пастилки». «Желудочные капли короля». Успокойтесь, душенька, у меня есть все, чтобы облегчить его страдания – пластырь от желчи в селезенке, примочки от боли в ноге, набрюшники от желудочной колики – нет такой части тела, которой не коснулись бы заботы доктора Екатерины!

У меня отлегло от сердца, я рассмеялась:

– Значит, он поправится? Все будет хорошо? С легким вздохом королева опустилась в кресло.

– Вы вскорости сможете составить собственное мнение – завтра король собирается лично заседать в присутствии, вам велено быть. Вы заметите, что он – уже не тот, что прежде; будьте готовы к перемене. – Она не сводила глаз с огня. – Однако мы не так скоро его лишимся. Я уверена, его время еще не пришло!

Не так скоро его лишимся… С главным страхом покончено.

– Но, мадам, меня вызвали ко двору… так спешно… я опасалась худшего… Королева покачала головой.

– Король с годами делается нетерпелив. Пожелав вас видеть, он распорядился, чтобы вас доставили спешно.

– Но посыльный… он обошелся со мной, как с последней служанкой… Она печально кивнула.

– Это был мастер Паджет, не так ли? Увы, за ним стоит дядя – сэр Вильям Паджет, секретарь Тайного совета, один из самых влиятельных лордов.

У меня вырвался вопрос:

– Но зачем сэр Вильям или король распорядились, чтобы меня везли чуть ли не тайком, как преступницу, в закрытом портшезе, и запрещали людям ко мне подходить?

Королева опечалилась.

– Король смертей и в последнее время много думает о преемстве. Ваш брат в свои девять лет еще совсем дитя. Король желает, чтобы в случае его смерти никто не оспаривал права Эдуарда на престол. – Она помолчала, потом взглянула на меня в упор. – Вас очень любит народ, с самого вашего младенчества, когда отец торжественно пронес вас по улицам Лондона как законную принцессу…

Законную тогда, внебрачную теперь…

Как такое возможно?

Однако сейчас было не время это обсуждать.

– Но чем я могу повредить Эдуарду? Женщина не может править, и, значит, я не могу претендовать на его место.

Королева сказала почти весело:

– В английских законах такого нет. Мы не во Франции с ее Салическим законом[11] против нашего пола.

– Однако в Англии никогда не правила женщина. Лорды этого не поддержат. Да и народ не потерпит.

– Они предпочтут власть женщины возврату к междуусобице, к войне Алой и Белой розы, которая столько лет истощала нашу страну.

– Но если женщина может править, то первый черед за старшей. Моя сестра Мария…

– ..становится в таком случае самостоятельной силой, – грустно закончила королева. – А так оно и есть. Пройдет по меньшей мере пять лет, прежде чем король женится и произведет на свет сына. Тюдоры рано вступают в брак, вы знаете – ваш отец венчался в восемнадцать, его брат Артур – тремя годами раньше. Но Эдуарду только девять. Мы можем надеяться на сына от его чресел не раньше, чем через шесть лет. За ним в очередности наследования идет Мария.

Теперь я поняла, почему за Марией увиваются Серрей и ему подобные, почему она задирает нос и рядится по-королевски – она уже не брошенная дочь брошенной жены, а женщина, обладающая большой силой! Как она эту силу использует, даже думать не хочется.

Я в ужасе пролепетала:

– Но если Мария взойдет на престол… Ответа не последовало. Королева смотрела на меня, и мы молча думали об одном. Если Мария получит власть, она вернет католическую веру. Она уничтожит созданное реформацией, выкорчует новое учение и новые мысли, все, что нам дорого.

В углу камина подогревался на углях глиняный кувшин. Королева налила горячего глинтвейна и протянула мне.

– Это чтобы у вас щечки немного порозовели, – сказала она с невеселой улыбкой.

Я вдохнула пряный сладкий запах корицы и гвоздики и постаралась перебороть страх.

– Но ведь у нас еще может быть принц, кроме Эдуарда, мадам… если вы и король, мой отец…

Королева взглянула на меня спокойными карими глазами.

– На это нет ни малейшей надежды, Елизавета… ни малейшей.

Она говорила без тени сомнения. Я упрямо продолжала:

– Но если Эдуард унаследует трон еще ребенком… ребенок не может править…

– И потому слетаются коршуны, – печально промолвила королева, – и образуются партии. Я говорила, что секретарь Паджет забрал большую власть в совете. И не он один. В его партии сильны герцог Норфолк и его сын, молодой граф Серрей.

Серрей!

Мой лорд Серрей!

Похоже, вино разогрело мне кровь. Я прижала руку к пылающей щеке.

Королева продолжала:

– Это – старая знать, они ратуют за старое, и прежде всего, как бы ни скрывали, – за старую веру. Они мечтают свернуть короля с пути протестантизма и сжечь наших единоверцев как еретиков. С ними Мария и епископ Винчестерский, лорд Гардинер. – Лицо у королевы потемнело. – Запевалой у них другой великий лорд, сэр Томас Ризли, в прошлые годы доверенный посланник короля, а ныне лорд-канцлер.

Я помнила злобного, заносчивого Ризли со свадьбы самой мадам Екатерины, помнила и его вкрадчивого дружка, сэра Паджета. Сейчас я нарочно заговорила спокойным, ровным

голосом:

– И что, им удалось переубедить короля? Королева глядела в очаг, где языки пламени жадно пожирали уголь.

– Да. Король в тех летах, когда человек начинает бояться за свою душу. Теперь он готов жечь еретиков, как некогда вешал папистов, лишь бы вымостить себе дорогу к спасению.

Коли так, немудрено, что Мария разодета в пух и прах, а я – в опале. Теперь она вторая в очереди на престол, ее сторонники набирают силу в совете, ее вера торжествующе восстает из пепла, чтобы повергнуть во прах новую, – что же удивляться, если подлому Паджету велели напомнить: я – незаконная дочь и вообще никто.

Значит, Мария и ее присные числят лорда Серрея в своих рядах?

– Господи, Елизавета, да вы совсем побледнели! – воскликнула королева. – Мужайтесь, милое дитя!

– Кому же мне теперь доверять, мадам? – Я твердо решила, что не позволю своему голосу звучать жалобно. – До того, как я отбыла ко двору… когда приехал Паджет… мой наставник мастер Гриндал…

И я, запинаясь и путаясь, выложила последнюю из моих тревог.

– Ах, Гриндал! – Королева улыбнулась. – В смутные времена мудрый говорит притчами. Но Гриндал – один из нас, вот почему я выбрала его вам в наставники. Я велю ему в следующий раз открыто разъяснить, кто за нас, а кто против.

– А кто… за нас?

Королева улыбнулась не без торжества.

– Завтра увидите сами, когда король будет заседать в присутствии. Против Паджетов, Норфолков и Ризли, «старой гвардии» в совете, стоят те, кого они презрительно называют выскочками, – Джон Дадли, граф Лил и Томас Кранмер, архиепископ Кентерберийский, предводительствует же ими граф Гертфорд.

Доброго Кранмера я знала, и Дадли тоже – сколько себя помню, он всегда являлся в сопровождении своих рослых сыновей – они ходили за ним по пятам, как собачки. А что же «гордый Том» Сеймур, которого Серрей высмеял заодно с графом Гертфордом? Его королева не упомянула.

– А что брат лорда Гертфорда, мадам? – спросила я.

На этот раз в жар бросило королеву – наверно, от близости очага или от выпитого вина. Рука ее метнулась к щеке, голос потеплел.

– Сэр Томас Сеймур, да, прославленный воин и всеобщий

любимец! Он только что вернулся во дворец из далеких странствий и поэтому не входит в совет. Однако во всем остальном он с братом заодно.

Не о нем ли говорили в моем детстве как о проходимце и негодяе, которого она когда-то любила? Я украдкой разглядывала королеву через стекло бокала. Она сияла, однако лицо ее сохраняло обычное спокойствие. Ее образованность, ее ум славились не меньше храбрости лорда Сеймура, ее набожность была известна всем, добродетель не вызывала сомнений. Не та эта женщина, чтобы таить нежность к человеку такого сорта. Нет, все это гадкие сплетни, и ничего больше. Надо выбросить их из головы.

Вот кто гораздо важнее – так это граф Гертфорд. Он был старшим братом Джейн Сеймур, когда сия ничем не примечательная девушка приглянулась королю; первые почести посыпались на него, когда его сестра подарила королю долгожданного сына, моего брата Эдуарда, а со временем он станет дядей нового короля.

Если Эдуард взойдет на трон ребенком – а он обожает дядю, который возился с ним, играл, беседовал, – тогда Гертфорд получит козырь, который не побить ни Паджету, ни Ризли, ни Норфолку, ни даже лорду Серрею при всей его красе и мощи: этот козырь – король…

Если…

Если…

Так много «если» и так много «но».

Внезапно вино, пляшущие языки пламени, дневная усталость, тепло натопленной комнаты сморили меня. Из-под отяжелевших век я видела, как королева ласково улыбнулась и встала.

– И еще два слова, мое усталое дитя, а потом прямиком в постель. Сказал ли вам лорд-гофмейстер, что у меня для вас приятный сюрприз? Так вот, у меня их два. – Она взяла со столика маленькую книжечку и вложила мне в руки. – Только что из Европы, по моему личному поручению. Читайте и запоминайте, она многому вас научит.

Королева подошла к двери и хлопнула в ладоши.

– Эй, кто-нибудь! – крикнула она. – Пошлите за мистрис Эшли, да поживей, и за свитой леди Елизаветы!

Потом теплыми руками обвила мне шею и зашептала в ухо:

– А вот и вторая приятная неожиданность. Спите спокойно, моя малютка, завтра вы увидите не только вашего отца, короля, но и вашего милого Эдуарда – принц, как и вы, прибыл ко двору! Все львята соберутся воздать честь своему родителю! Что ж, до завтра.

И вот я наконец в постели, мое усталое тело благодарно погрузилось в сон.

И, засыпая, я поняла, что во сне разгадаю Гриндаловы загадки.

Глава 8

День дураков.

В то первое апреля я проснулась с чувством, будто из моего сна только что крадучись вышел закутанный человек с ключами от всего, что мне надлежит знать, – только бы вспомнить, кто он или что он сказал…

Сны, наваждения, колдовство, чары…

Я одернула себя. Что за глупости, будто я – деревенская девчонка! Хватит дурить, даже в этот день дураков и общедозволенных безумств! По крайней мере, я могу положиться на Кэт, Парри и остальных – мне не грозят старые глупые шутки и проказы (соль в пирожном, лягушки в постели – брр!). Я всегда ненавидела подобные деревенские выходки и дуракаваляние. А кроме того, в этот день смеха мне предстояло нешуточное дело. Сегодня я наконец увижу отца, да еще и Эдуарда.

Однако, когда я сунула руку под подушку за королевиным подарком и увидела на корешке тисненные золотом буковки «Речи Цицерона против Катилины», я почувствовала, что меня зло разыграли. Впервые в жизни меня огорчила новая книга – только не подумайте, что я хотела бы найти под подушкой любовные песенки или новомодные сонеты, amoretti[12] из Италии…

Впрочем, когда утром я вышла из опочивальни, мысли мои были далеки от любви. Я думала только об отце, я видела только его грузную, расплывшуюся фигуру, какую запомнила со свадьбы; страх перед предстоящим вытеснил из головы остальное. Все, что могут сделать для поддержания духа белила, драгоценности или роскошный наряд, было сделано. С плеч ниспадало пунцовое платье, в разрезах рукавов виднелась серебряная парча, служанки расчесали мои волосы так, что они сияли золотом под обручем из рубинов и топазов. Вкруг шеи и запястий шли рубины размером с перепелиное яйцо, за спиной шлейфом волочился малиновый плащ. Впереди и сзади выступала свита в красном. Однако, когда мы проходили мимо алых королевских гвардейцев в сердце дворца, в королевские покои, мне было худо до тошноты. Благодарение Богу за тугую шнуровку: единственное, что может сдержать коварные позывы желудка!

Впереди разверзся приемный покой, такой же большой и изысканный, каким я его помнила: лепной потолок, помост, застланный узорчатым ковром, балдахин над троном. Комнату заполняла пестрая толпа: сотни придворных, дамы и кавалеры, советники и духовенство, посланники, просители, слуги и курьеры. Вдоль стен выстроилась одетая в черную, расшитую

золотом камку личная гвардия монарха; их грозные алебарды возвышались над головами собравшихся. Однако я видела только одного человека – высокий, он заслонял и затмевал для меня всех остальных.

Рядом с выхоленным, разряженным в пух и прах худосочным недомерком Ризли лорд Серрей выделялся изяществом простоты и княжеским обликом. Он и одет был сегодня по-княжески: серебряные гербы на голубом бархатном берете, серебро на голубом с золотом камзоле, тонкий стан перехвачен поясом с тяжелой золотой пряжкой. При моем приближении оба поклонились, водянистые глазки Ризли загорелись.

– Какая радостная встреча, леди, вы и впрямь стали леди с нашей последней встречи.

– Благодарю вас, сэр, – холодно отвечала я.

С нашей последней встречи?

Неужто он помнит робкую девочку у занавеса, которая ненароком подслушала его резкие речи на свадьбе королевы Екатерины?

– Вы не помните нашей последней встречи, мадам, – продолжал он, не догадываясь, о чем я думаю, – поскольку затем я надолго уехал во Францию. Это было, когда король, мой повелитель, отправил меня к вам с рождественскими поздравлениями, давным-давно…

– Напротив, милорд, – оборвала я его. – я отлично помню. Мне было шесть лет. Мы говорили о Его Величестве, моем отце, и я послала ему приветствия от своего имени и от имени всего Хэтфилда.

– Надо же, правда, – отвечал обескураженный Ризли. – И я вынужден был передать королю, что вы держались с такой серьезностью, будто вам не шесть, а все сорок лет!

– Коли так, леди Елизавета вопреки человеческой природе становится не старше, а молодеет, судя по той юной девической прелести, какой она блещет сегодня! – смеясь, добавил лорд Серрей.

– Изволите шутить, милорд. Напрасно он думает, что, льстя мне, скорее завоюет Марию!

Снова тот же пронизывающий насквозь взгляд.

– Я не льщу вам, миледи, я говорю истинную правду. Вы столь прекрасны, – снова рокочущий шепот, предназначенный только для моих ушей, – что всякий мужчина желал бы жить в вашем сердце и умереть у вас на коленях… когда бы смел надеяться…

Он играет со мной в кошки-мышки! От стыда и гнева щеки мои стали пунцовыми.

По грубому лицу Ризли пробежала многозначительная усмешка.

– Мадам Елизавета всегда была воплощением красоты. Вот послушайте: еще в тридцать седьмом, когда Его Величество намеревались выдать ее в свое время за сына французского короля, я имел честь сопровождать к ней французских послов. Те пожелали увидеть будущую невесту голой, дабы убедиться в отсутствии пороков. И впрямь, она была безупречна – и спереди, и сзади… – Он гаденько ухмыльнулся. – Вам было тогда шесть месяцев от роду. Готов поклясться, теперь вы бы не согласились на подобное освидетельствование…

Он был несносен. И все эти сальные шуточки в присутствии ехидного Серрея, который во все время разговора не сводил с меня насмешливых глаз. Я поборола дрожь, но голос все же выдавал мое отчаяние:

– Я бы никогда не согласилась на подобное освидетельствование, милорд, даже за все сокровища мира! Теперь мной нельзя распоряжаться без спроса и выдавать меня замуж за море, как турецкую рабыню, без моего ведома и согласия!

Ризли сперва удивился, потом задвигал челюстью, досадуя на мою отповедь, и хотел что-то возразить, но Серрей – бледное лицо его вспыхнуло – не дал ему и рта раскрыть:

– Отдать вас иноземцу? Зачем английской принцессе тосковать в чужедальних краях? Тогда было другое дело: король искал союза с Францией – теперь мы воюем! Зачем же английской розе чахнуть среди французских терний и обнимать врага своей страны? – Он распалялся с каждым словом все больше и больше, его карие глаза жгли меня огнем, рука гладила мягкую бородку. – И судите сами, миледи, разве в Англии нет мужчин, достойных сочетаться узами брака с принцессой, мужчин со столь же красной кровью – и столь же королевской, – как та, которой похваляются знатнейшие из лягушатников!

Ризли заговорил, заикаясь, но уже не с досады, а от испуга:

– Берегитесь, милорд! Король… королевская кровь!.. Вы ступили на запретную почву…

– К лешему вашу «запретную почву», Ризли! И это союзники? Они смотрели друг на друга, как гладиаторы перед схваткой. Меня словно и не существовало. Я разозлилась. Как смеет мой лорд не замечать меня? Уже через мгновение я была готова уничтожить его своим презрением.

– Милорды… – Присев в реверансе, я двинулась дальше, моя свита последовала за мной.

В другом конце зала Мария опять секретничала с вечно

недовольным герцогом Норфолком и епископом Винчестерским. Рядом мой хэтфилдский враг Паджет, еще более изысканный в своем черном шелке, беседовал со своим дядей, сэром Вильямом. Значит, то, что королева говорила о партиях, правда! Вот она, старая гвардия, выстроилась вдоль стены и едва ли не открыто заявляет о своих намерениях.

Я как раз вышла на видное место. Оба Паджета повернулись в мою сторону, младший с неприкрытой враждебностью, старший скорее с вежливым любопытством. Очевидно, рассказ племянника дал сэру Вильяму пищу для размышлений. Секретарь, задумчиво теребя рукой золотую цепь – знак своего сана, – кажется, собирался подойти ко мне и заговорить. Однако с Паджетами я уже наговорилась досыта! В другом конце зала мое внимание привлек старый друг Кранмер в архиепископской мантии – подойду к нему, пожалуй.

– Леди Елизавета!

Приветствие Кранмера сразу согрело мое сердце. Его усталые, печальные глаза книгочея и добрая улыбка выражали искреннюю радость встречи. Он тепло взял меня за руки и привлек к себе.

До того, как я подошла, Кранмер тихо беседовал с опрятным, степенным господином. Тому можно было дать лет тридцать, хотя его заметно старили судейский наряд и чересчур робкие манеры. Когда Кранмер заговорил, мягкие, голубовато-серые глаза его собеседника изучающе остановились на мне.

– Миледи, позвольте представить вам мастера Вильяма Сесила. Он только что прибыл из Кембриджа, чтобы поступить на службу к графу Гертфорду. Рекомендую его вам. Я вздрогнула.

– К лорду Гертфорду? Он здесь? Сесил кивнул и поклонился.

– Он у Его Высочества принца и скоро должен прибыть.

Эдуард здесь! Я рассмеялась от радости.

– Принц! Его Высочество принц! Крики за дверью оборвали мой смех.

– Принц! Дорогу принцу! Я нетерпеливо бросилась вперед. Чертей и другие помогли мне пробиться сквозь толпу.

– Эй, пропустите госпожу! Расступитесь, дайте пройти леди Елизавете, сестре принца!

Вот и он сам! Эдуард, мой красавчик, мой маленький разумник, чьи благополучие и любовь для меня дороже собственной жизни. Слегка смущаясь от такого скопления людей, толкавшихся и тянувших шеи, чтобы взглянуть на принца, он шагнул мне навстречу. Его бледное, не по годам серьезное личико заранее расплылось в улыбке. Сколько же я его не видела – с тех самых пор, как мы вместе гостили у королевы, под крылышком у

доброй Екатерины! Никогда мы не жили так уютно и по-семейному. Как же он вытянулся с тех пор! Мне померещилось, что я навсегда потеряла тогдашнего братишку и теперь впервые вижу незнакомого молодого человека!

Однако, как ни высок был для своих лет Эдуард, он казался карликом рядом с двумя своими рослыми спутниками. Лорда Гертфорда – он был в богатой, но неброской темной бархатной мантии – я запомнила с Эдуардовых крестин, когда он нес меня на руках, и о его родстве с братом помнила, даже не глядя на длинное, бледное лицо, правильные черты и пронзительные серые глаза. А вот второго – разодетого в алое и золотое – я не знала; высокий, не ниже Гертфорда, он выглядел воином – сильные красивые ноги, орлиный профиль, дерзкий взгляд из-под век, в странном несоответствии с открытой лучезарной улыбкой… должно быть, это и есть сэр Томас Сеймур, враг лорда Серрея, «гордый Том», брат великого Люцифера, самого Гертфорда.

– Сестра!

Со слезами на глазах Эдуард поднял меня и расцеловал при всем народе. Позабыв протокол, мы, как всегда, на мгновение прильнули друг к другу – двое детей, выросших без материнской ласки, чужаки в мире, которого всегда боялись и не понимали. Интересно, сознает ли Эдуард, видит ли, ощущает, что теперь его жизнь – не просто сочетание девяти лет и четырех с половиной футов роста, не только его ладное и крепкое тельце? Что он – главная карта Сеймуров, карта, которой они козыряют столь же и даже более открыто, чем если бы наняли герольдов трубить в трубы о своих притязаниях на верховную власть?

Рядом со мной присела в реверансе Мария, и Эдуард поздоровался с ней. За ее склоненной головой я видела у стены Серрея, рядом с ним Норфолка, его отца, дальше Ризли и сэра Вильяма Паджета с племянником – моим хэтфилдским мучителем. Прекрасное лицо Серрея было искажено злобной гримасой, а ярость прожигала меня до самого сердца. Я отступила, чтобы собраться с мыслями. «О, мой Лорд, – стучало у меня в голове, – мой лорд, мой лорд».

– Леди Елизавета?

Передо мной стоял юноша моих лет, но на полголовы выше. У него были красивые светло-карие глаза и довольно миловидное лицо, но во всем облике чувствовалась нерешительность и неуверенность в себе.

– Робин! О, Робин!

Я не скрывала своей радости. Он заулыбался и отвесил изысканный поклон.

– Как поживаете, мадам?

– Хорошо… да, вроде хорошо. Рада вас здесь видеть.

– Здесь и повсюду! Дадли идут в гору! – Он ироническим кивком указал на плечистого мужчину с горящим взором, который вошел вместе с Сеймурами и держался подле Гертфорда. – Мой отец стал приближенным графа, и не без пользы для себя – я уже не тот сын бедного рыцаря, каким вы меня знали!

Робин – сын бедного рыцаря? Никогда он не казался мне бедным… Как давно мы знакомы?

Не упомнить. Мы дружили с тех самых пор, как впервые оказались при дворе, в месте, мало приспособленном для ребяческих забав. Мы играли, ездили верхом, охотились, сражались в карты и резвились, как два котенка. Но сейчас слова, готовые сорваться с моего языка, словно застряли во рту. Это уже не прежний товарищ моих детских игр, да и я – уже не дитя.

О Робин, Робин!

Он тоже это почувствовал – разделившее нас расстояние, этакую неловкость. Черты его лица с нашей последней встречи сделались резче – нос стал крупнее, брови изогнулись дугами – и, казалось, в них таится вопрос. Вдруг Робин вздрогнул.

– Отец уходит! Мне надо идти!

– Робин!

Он еще раньше обернулся через плечо и сейчас смотрел на меня тем же своим странным, неуверенным взглядом.

– Вы по-прежнему катаетесь верхом по утрам? – спросил он с энтузиазмом.

– Конечно.

– Прокатимся вместе – может быть, завтра?

– Только не завтра.

– Ну так в среду! Или когда скажете!

– Хорошо.

Снова шум снаружи, громче и глуше, шепот в комнате нарастает с каждой секундой. Затем слышится поступь стражников и тяжелые шаги, шаги людей, изнемогающих под непосильной ношей.

И наконец крик, которого я ждала, о котором молилась, которого страшилась:

– Король! Король идет!

Глава 9

– Король! Король!

Король!

Толпа, теснившаяся вокруг брата Эдуарда, расступилась, как воды Чермного моря[13]. В образовавшийся проход хлынули черные королевские гвардейцы и тут же выстроились в два ряда, чтобы сдержать напор. За ними двигалось… но что это?

Четверо носильщиков, дюжие, словно разносчики туш со Смитфилдского рынка, выступали попарно, как лошади в четверной упряжке, за ними тем же порядком шагали еще четверо, все восемь с трудом тащили огромное, увенчанное балдахином сооружение из кованого металла, подушек и бархата цвета осенней листвы.

Я зажмурилась, не веря своим глазам. Посредине обитых подушками, застланных бархатом носилок высилось огромное, в три обхвата, кресло, наподобие трона, тоже с подушками, а на нем покоился великан, сказать о котором «в три обхвата» значило бы не сказать ничего.

Он весил, наверное, стоунов[14] тридцать. Огромный, как самые большие пивные бочки, в каких порой ночуют бродяги. Голова – исполинский шмат сала, щеки – ломти потеющего сыра, глаза – щелочки, не способные ни открыться, ни закрыться полностью. Словно серые буравчики, они смотрели злобно и подозрительно, голова ушла в укрытые мехом плечи, плотно сжатый, перекошенный беззубый рот выражал ту же злобу и желание мучить.

Руки не сходились на раздутом брюхе, на пальцах еле видны были кольца – они заплыли жиром, белые и неживые, словно у мертворожденного младенца. От выставленной вперед, затянутой в камчатную ткань и белый бархат ноги, подбитой, как и трон, подушечками из конского волоса и торчащей вперед, словно исполинская карикатура на мужской член, шел отвратительный сладковатый запах, который проник в залу вместе с королем, даже раньше: запах смерти.

Мой отец, король.

«Вы найдете в нем перемены, будьте к этому готовы».

Я слышала предупреждение королевы. Теперь я поняла, что пропустила его мимо ушей.

Носильщики, не дрогнув, вынесли сооружение на середину залы и, поднатужившись, водрузили на помост под королевским балдахином, убрали дубовые рукояти и вышли. Сперва Эдуард, затем Мария приблизились к трону и засвидетельствовали свое

почтение. Что скажет Елизавета?

Осторожнее! Осторожнее! Еще раз – осторожнее!

И все же убранство его отличалось всегдашней пышностью. Борода присыпана шафраном, дабы напоминать о днях, когда она отливала собственной золотистой рыжиной, волосы аккуратно подстрижены и расчесаны. На голове – изящный бархатный берет его излюбленного покроя с черной, обрамляющей лицо каймой, с вышивкой золотом и жемчугом и с ниспадающим к уху белым пером. Рыжая мантия оторочена лисьим мехом, под ним изумрудный камзол с буфами, затканный золотом, простеганный и разрезанный так, что на ткани не осталось ни одного живого места.

И над всем этим царит знаменитый, знакомый гульфик. Еще более объемный, чем прежде, дабы не отстать в пропорциях от мощного торса и ляжек, он выпирал и торчал, круглился и пламенел, словно хвалясь органом размножения, достойным великана, а не только что короля. Горячий и злой, в огненного цвета великолепии, он похвалялся своей живучестью, демонстрируя неугасимую мужскую силу, которая не изменит и не подведет. Но ведь он бессилен сделать ребенка моей дорогой Екатерине – если верить ее словам, она с равным успехом может понести от украшенного цветами и лентами майского шеста[15]. В этой мужской похвальбе не больше правды, чем в россказнях тщеславного юнца или бахвальстве одряхлевшего вояки. Пустая мошна, из которой исходят лишь пустые посулы!

– Леди Елизавета!

Мой церемониймейстер подталкивал меня вперед. Я упала на колени. Рядом с королем на помосте стояли теперь Эдуард и Мария, справа и сзади – королева и ее дамы, вошедшие вслед за королевскими носилкам. Под носом у меня появилась огромная белая рука, пальцы раздувшиеся, словно от водянки, холодные от множества алмазов и сапфиров. Я поцеловала их такими же холодными губами, на сердце у меня было еще холоднее.

Как он до такого дошел?

Теперь он потянулся ко мне, поднял, привлек к себе.

– Ну, поцелуй меня, детка, обними отца! – приказал он.

Вблизи смрад был невыносим. Даже голос звучал по-стариковски – хриплый, дребезжащий. Я, давясь от тошноты, наклонилась погладить его щеку. А Екатерина вынуждена принимать его на ложе… допускать до себя… даже соединяться плотью…

Меня мысленно передернуло. А разве у нее есть выбор? Она обещала – я сама слышала – «любить, чтить и повиноваться… в болезни и во здравии…»

«Это – женская доля, – думала я, – это расплата за наш пол».

– Ну? Ну, мистрис Елизавета? – Свинячьи глазки буравили меня насквозь. – Как вам живется?

Десять лет муштры у Кэт, усугубленные новым, обостренным инстинктом, пришли мне на выручку.

– Тем лучше, сэр, что я вижу вашу милость в силе и здравии, образцом не только короля, но и мужа!

Он фыркнул от удовольствия, как боров под дождем.

– Славно сказано, девица! Давай, становись рядом со мной! – Потом поднял голову и рявкнул столпившимся вокруг придворным:

– Слушайте, милорды!

По его приказу я заново повторила свои слова. Снизу вновь донеслось довольное урчание.

– Слушайте! И судите сами, впрямь ли эта девица – дочь своего отца по речистости и сообразительности, или нет!

В полушаге от меня Мария напряглась – не знаю, от услышанного или оттого, что все мы в этот миг увидели. Сквозь толчею нарядно разодетых кавалеров и дам, мимо лордов Гертфорда и Сеймура, мимо Серрея и Норфолка, Ризли, сэра Паджета и его противного племянника, мимо Дадли и епископа Винчестерского пробирались три или четыре худые, бедно одетые женщины, судя по платью в строгом протестантском вкусе – горожанки. Первая несла в руке свиток.

– Пощады, государь! – вскричали они и разом упали ниц на тростник перед троном. – Пощады вашей верноподданной и христианке Анне Эскью, приговоренной к казни за ересь!

– Что? Что такое?

Генрих наклонился вперед, скалясь, как гончая.

Ризли кинулся в бой.

– Глупые бабы, никчемные простолюдинки, Ваше Величество! – произнес он, вырвал у женщины петицию и жестом подозвал начальника стражи. – Прогоните их!

– Минуточку, лорд-канцлер! Как вам известно, наш закон оставляет за самым ничтожным из подданных право обратиться к государю с прошением.

Неожиданное вмешательство Екатерины, ее звонкий и твердый голос остановили и Ризли, и начальника стражи. Королева наклонилась к женщинам, ее дамы – леди Герберт, Гертфорд, Денни и Тиррит сочувственно столпились рядом.

– Говорите, почтенная женщина. Король слушает.

Сначала первая, за ней остальные заговорили по очереди.

– Государь, Анна Эскью – женщина без лукавства, она не заслуживает сожжения!

– Своими речами и проповедями она многих бедняков научила великой любви к Богу! От рождения она чужда всякого греха и всякого подозрения.

– Она любит нашего Господа Иисуса Христа, Его Отца и Святого Духа, как все добрые христианки.

– Она много пострадала, на дыбе ей вывернули суставы, она не может ни стоять, ни ходить – она довольно наказана!

– Мы просим только снисхождения к ней и пощады, пощады, пощады!

Никто не шевельнулся. В зале воцарилась тишина, как в церкви во время молитвы.

Король на троне подался вперед и издал глухое ворчание, похожее на далекие грозовые раскаты. Когда он заговорил, его громовой голос и звучащая в нем страсть всколыхнули весь приемный покой:

– А разве не она отрицает, что за обедней мы вкушаем Плоть и Кровь Нашего Господа Иисуса Христа?! Она не верит, что хлеб пресуществляется, и вино пресуществляется чудом Господним в истинные Плоть и Кровь! Согласна ли она отречься от своего заблуждения? Что она говорит, да или нет?

Женщины обменялись молниеносными взглядами – в них было полное единение, беззвучная литания обреченных. Наконец первая заговорила, вскинув голову с гордостью человека, который знает, что его дело проиграно.

– Она велела, если до этого дойдет, сказать вам, государь, такие слова: «Я не отрекусь от своего Творца».

– Послушайте эту еретичку! – взревел король. – Она сама свидетельствует против себя! – Он хлопнул в ладоши, обращаясь к Ризли. – Никакой пощады! Никакой пощады еретичке! В огонь ее!

– Государь! – И снова вмешательство Екатерины застало весь двор врасплох. – Государь, дозвольте и мне возвысить свой голос в защиту несчастной женщины. Видит Бог, ошибки ее и заблуждения велики, но душу ее еще можно избавить от вечных мук, надо только изыскать способ.

Король внимательно слушал. Я закрыла глаза и молилась исступленно, как никогда: «Только бы ее слова пришлись ему по душе!»

За спинами у женщин Ризли отвратительно дрожал, словно борзая на привязи. По суровому лицу и горящим глазам Марии я видела, что она возносит противоположную мольбу:

«В огонь их всех! Пусть да погибнут еретики от лица правоверных! Мы скопом погоним их с этой земли, пожжем огнем, низвергнем тела их в море!»

Екатеринин голос струился дальше.

Король смягчается. Ты победила, смотри, не оступись в последнюю минуту!

Сердце мое ликовало, но я позабыла про Ризли.

– Государь, – вмешался он, довольно натурально изобразив беспечный, ироничный смешок. – Неужто король будет обсуждать слово Божье и свою королевскую волю с какими-то простолюдинками?

Генрих вздрогнул, словно его пырнули ножом, и с усилием расправил жирные плечи.

– Нет! – яростно воскликнул он, словно ребенок, который упал от усталости и теперь поднимается. Потом в гневе обернулся к Екатерине:

– Прочь, молчи и не заговаривай больше со мной! Можешь называть себя доктором, когда возишься со своими примочками, но доктором богословия тебе не быть – да и ни одной женщине! Славное утешение в моей старости – чтобы меня поучала собственная жена!

Екатерина, побелев, рухнула на колени и попыталась вновь открыть рот:

– Государь, окажите милость этой женщине, как все мы надеемся быть помилованы в наш собственный Судный День!

– Прочь! – заорал король. – Молчите, если вам дорога жизнь!

Его огромное тело дрожало, грудь вздымалась, словно бурное море. Он хлопнул в ладоши, взмахнув исполинскими рукавами.

– Эй, носильщики! Стража! Унесите меня! Довольно я наслушался! Довольно!

Все забегали. Другим царственным жестом он успокоил двор. Было явственно видно, что он упивается властью. Глаза его впервые зажглись неподдельным огнем, губы внезапно покраснели, он облизнулся. Потом снова заговорил, глядя на распростертых у своих ног женщин, как кот на мышь:

– Эти пусть убираются вон! – Он кивнул Ризли, который не скрывал радостного оживления. – Что до еретички – до этой Эскью, – она предала своего мужа, своего государя и своего Бога. В костер ее! – Он перевел дух и почти улыбнулся, показав черные пеньки уцелевших зубов. – И пусть огонь будет медленным. Пусть языки пламени лижут ее один за другим – пусть боль уничтожит заблуждения, укорененные глубоко в ее мерзостной плоти!

Никто не шелохнулся. Король махнул носильщикам:

– Пошли!

Королева молча поднялась с колен, чтобы следовать за ним, леди Гертфорд и Денни бросились ее поддержать. Однако Генрих остановил их одним страшным словом:

– Прочь! Убирайтесь прочь, мадам, и не смейте ко мне приближаться. Удалитесь во дворец, который я вам построил, – с сегодняшнего дня я буду жить в своих покоях один. Оставайтесь там, покуда я за вами не пошлю. Это мое повеление! Прочь с моих глаз!

Носильщики поднатужились, выпрямились и подняли короля. Медленно и неумолимо огромное кресло проплыло через залу мимо охваченных благоговейным ужасом придворных. Медленно и скованно Екатерина двинулась вслед за ним, чтобы удалиться в покои, где ей предстояло отбывать срок королевской немилости. Зато быстро и радостно Ризли, Норфолк и, увы, мой лорд Серрей взяли в кольцо пятерых худеньких женщин, которые вышли в окружении трех великих лордов и стражников с таким видом, будто вступают в мир не стыда и кары, но гордости, чести и в первую очередь любви.

Глава 10

Анна Эскью умерла в тот же день на медленном костре из непросушенных дров, но в таком просветленном духе, что казалась не страдалицей, а счастливицей. И все, видевшие, как ее великая душа лучится из истерзанного тела, чувствовали, что присутствуют при казни не еретички, а святой мученицы. Так она умерла, а с нею – ее последовательницы. А я осталась жить с растущей душевной болью, осаждаемая мыслями, терзавшими меня почти нестерпимо.

Мой отец послал эту женщину на костер.

Его гнев, неутолимый, как голод.

Кто будет следующей жертвой?

Огромная парадная кровать обратилась для меня в дыбу, на которой мучили Анну Эскью, – я металась и ворочалась с боку на бок, не находя покоя. Наконец, когда заря окрасила оконные переплеты золотым и розовым, легкий стук, шуршание юбок и рука, отодвигающая полог балдахина, возвестили о приходе избавительницы Кэт.

– Вам надо покушать, мадам.

Поставив передо мной тарелку с белым хлебом и кружку легкого зля, Кэт пинками разбудила спавших на лежанке горничных и отправила спотыкающихся со сна девушек завтракать на кухню. От запаха пива у меня все внутри перевернулось. Я отодвинула пищу.

– Кэт… не сейчас.

Она мигом очутилась рядом, пощупала мне лоб.

– Вам худо, мадам?

– Не то чтобы худо, но…

– Худо, – твердо возразила Кэт. – От вчерашнего.

Конечно, она была права. С самого детства любые огорчения, любые переживания отражались у меня на желудке. Иногда в довершение разыгрывался целый букет мигреней, застилающих глаза головных болей. Однако живот всегда был моим слабым местом, а тошнота – спутницей с колыбели. Кэт взяла меня за руку.

– В силах ли вы говорить об этом, миледи? Говорить…

О, Господи, с чего же начать? Мое молчание было достаточно красноречиво. Кэт кивнула.

– Хуже, чем мы думали, миледи, хуже, чем мы боялись. Я слышала от здешней кастелянши – ее младший брат прислуживает в королевской опочивальне, – что язва проела ему ногу до кости. Он гниет изнутри…

Истинная правда… гниет изнутри, телом и душой…

– Из-за своих страданий король, чуть что, свирепеет, – продолжала Кэт, – вроде как вчера, когда он прогнал мадам королеву. Кастелянша говорит, мол, раньше при дворе о таком и не слыхивали. И теперь все в страхе, все королевины домочадцы…

Понятно, чего они страшатся – того, что уже дважды случалось с опостылевшими королю женами.

Меня снова замутило.

– Однако королеву нельзя обвинить в… неверности, как других! Кэт покачала головой.

– Однако королю можно изменить не только на путях плоти – особенно такому королю, как ваш отец, который требует, чтоб ему служили телом и душой.

– Кэт, ты думаешь, королева в опасности? – Едва начав говорить, я поняла: вот он, ползучий страх, который не давал мне сегодня спать.

– Каждому опасен гнев короля, особенно… Она осеклась. Я мысленно докончила за нее – «особенно такого короля, как ваш отец».

Вот уж не думала, что буду его стыдиться. Генрих, мой обожаемый отец, которого я боготворила издалека, кумир моих детских дней. Я вспомнила вчерашний день и раздутое чудище на троне. Скорее олицетворение алчности и обжорства из пантомимы, чем живой человек. Как он до этого дошел?

– Кэт… как?

– Говорят, он ест и ест, без остановки. Голод мучает его не меньше боли в ноге, и он обжирается до полусмерти, – просто объяснила она.

– А я помню его… совсем другим…

– Он и был другим. – Кэт сильно сжала мне руку, подкрепляя мои детские воспоминания, детское обожание. – Он был первый красавец Англии, да что Англии – вся Европа не могла на него налюбоваться! Высокий, белолицый, пригожий, ценитель изящных художеств и женской прелести, первый с копьем и с луком, танцор, бегун, наездник – вся страна гордилась, весь мир изумлялся.

А теперь – вместилище гноя и сосуд злобы, кровожадный изверг, ненасытный левиафан.

Довольно! – одернула я себя. Он мой отец по-прежнему, и по-прежнему мой король! Он знает больше о королевстве, народе и нашей вере, чем я когда-либо узнаю. Многое скрыто от глаз тех, кто стоит на нижних ступенях. Не мне осуждать моего государя, моего властелина и родителя. Я буду смотреть и молчать. Мне

приличнее сочувствовать ему, нежели Анне Эскью, которая, слава Богу, свое отстрадала.

Я взглянула на Кэт:

– Ты говоришь, он много натерпелся? Она кивнула:

– Очень много, мадам, и не столько от своего недуга, сколько от врачей. Они каждый Божий день вскрывают язву, чтобы выпустить гной и дурные соки.

Передо мной блеснула надежда.

– Что ж, возможно, он простит ее раньше, нежели мы полагаем! Ведь ей одной он дозволяет накладывать повязки, она его единственная целительница.

Кэт согласно улыбнулась.

– Тогда все будет по-старому! И мы еще увидим долгожданные увеселения и потехи, ведь на носу Пасха!

Мы рассмеялись, как две школьницы, я немного приободрилась.

– Тогда вперед, Кэт! Сперва к обедне, потом пошли за Гриндалом – королева сказала мне, что он при дворе. И пусть твой добрый Эшли или кто другой передаст наши утренние приветствия королеве, ладно? Не терпится узнать, как она сегодня.

– Будет исполнено, мадам. Кэт встала и при раннем утреннем свете начала прибираться и раскладывать вещи по местам.

– Парри сказала, сегодня зеленое бархатное, мадам? Или, если вы останетесь заниматься, может быть, просторный серый шлафор?

Я зевнула, потянулась, задумалась.

– Для начала серый шлафор и маленькие жемчуга в волосы. Потом, может быть, зеленое.

Кэт отбросила одеяло и помогла мне встать. Я осталась нагишом, и холодный воздух сразу пробрал до костей. Я задрожала.

– Мадам, – неожиданно важно произнесла Кэт, накидывая мне на плечи шлафор, – кто говорил с вами вчера в полдень, в присутственном покое, до того как вошли принц и король, ваш отец?

Она отлично знает, кто со мной говорил, – она все время держалась от меня в двух шагах.

– Лорд Ризли – канцлер королевства, – произнесла я медленно, – и лорд Серрей, сын маршала, графа Норфолка.

Ты все отлично знаешь, Кэт.

Итак?

Молчание. Потом, небрежно:

– И что вы думаете о лорде Серрее, мадам? Вот оно что! Кэт

не хуже меня в первый же вечер разглядела, что сестра Мария норовит заарканить моего лорда. Моего лорда Ничего подобного, вовсе он не мой! – сердито одернула я себя. Как и я, Кэт разглядела, что и сам лорд не прочь набросить аркан на охотницу. Я знала, что и когда подмечает моя Кэт. Она всегда на страже моих интересов. Если Мария собралась замуж, Кэт добьется, чтобы меня выбрали главной подружкой невесты, чтобы не обошли, особенно теперь, когда надо мной нависла тень королевской немилости.

Я шаловливо улыбнулась. Однако Кэт смотрела зорко, будто орлица; щеки мои покраснели без всяких ухищрений Парри.

– Как он вам понравился? – спросила Кэт испытующе.

Я рассмеялась, потом со всей искренностью ответила:

– Как мужчина – неплох, а как муж сестры – не очень!

– Как муж сестры, мадам? Сестры? – Кэт расхохоталась. – Нет, нет, силки расставлены совсем на другую птичку! Он вознамерился жениться, ручаюсь вам, и мистрис Мария выбрала его в мужья, это верно, да только женить его она хочет не на себе, а на вас!

Мой лорд Серрей хочет жениться на мне?

Я ухватилась за живот и вытаращилась на нее, как дурочка.

Кэт рассмеялась.

– Да разумеется, мадам. Что вашей сестре простой лорд! Берите выше! Думаю, она нацелилась на женишка из Испании, откуда ее мать, из тамошнего королевского рода. А вот вас, свою младшую сестру, она бы выдала за человека старой веры, чтобы привязать к своей партии, к своей религии, – разве это не ясно как Божий день?

Выйти замуж?

– Не хочу замуж! – в голос завопила я. Кэт улыбнулась с видом многоопытной старушки.

– Даже за него?

За него? За его белое лицо и высокий рост, за его изящество и жестокую красу, за холодный взгляд, который горячит мою кровь, за ехидное острословие и сильную, горделивую волю…

Замуж? За него?

– О, Кэт!

С торопливым стуком в комнату вбежала горничная.

– Госпожа, явился мастер Гриндал. Если вы желаете заниматься, он к вашим услугам.

Заниматься? Немыслимо. Скорее бежать из ставших вдруг тесными и душными покоев. Рядом с молчащим Гриндалом я прошла через Уайтхолл в королевский Сент-Джеймский парк, позади нас мои фрейлины и кавалеры щебетали, словно

выпущенные из клетки птицы. В безоблачном апрельском небе круглым масляным шаром висело солнце, от росистых трав поднималась дымка, весь утренний мир принадлежал нам безраздельно.

– Итак, учитель, – спросила я с вызовом, – что навело вас на столь иносказательный лад в Хэтфилде в то утро, когда явился Паджет?

– Письма, мадам, – просто отвечал он, его некрасивое лицо лучилось искренностью. – Вы знаете, что я состою в переписке с королевой и двумя моими кембриджскими наставниками – сэром Джоном Чиком и мастером Эскамом. Оба они преданы новой вере и сильны в новом учении. Сэр Джон получает вести из Европы, от тамошних протестантов, а как наставник вашего брата, он близок к средоточию государевых дел. Все шлют мне одни и те же дурные вести – мол, «старая гвардия» перетягивает короля на свою сторону, наша вера под угрозой и король повернул часы вспять, а ревнители старого в борьбе за искоренение ереси готовы, дабы укрепить свои позиции, ударить по первым людям страны и даже по той, кто ближе всего к трону. И тут является Паджет. – Он печально кивнул. – И приказывает отправляться в немыслимой спешке. Я знал, что молодой Паджет – орудие своего дяди, человека старой веры, который заодно с гонителем еретиков Ризли. Я боялся, что он послан завлечь вас в ловушку, – быть может, через мое посредство. И страхи мои были вовсе не мнимые, мадам! Недавно я посетил королеву. У нее и впрямь были тогда веские причины опасаться этой клики. Теперь эти причины умножились!

– Эти люди строят против нее козни? Как?

– Нынче король страшится еретиков, как страшился папистов, когда ему за всем мерещились происки римского епископа[16]. Если лорд Ризли нашептал королю, что королева покровительствует еретикам… – он замолк, взгляд его сделался тоскливым, – ..то жизнь ее лежит на весах, где на другой чаше – его страхи.

– Ее жизнь?! – Я перепугалась не на шутку. – Нет, учитель! Король не лишит ее жизни! Любимую женщину, свою жену, свою королеву…

Я сама услышала, как жалко прозвучали мои слова.

Может.

Способен.

Он уже поступил так. С двумя прежними королевами.

Мы шли в молчании, не замечая окружавшей нас красоты, погруженные в собственные беспросветные мысли. Наконец я громко всхлипнула и повернулась к Гриндалу.

– Учитель, вы позволите мне разгадать ваши загадки?

Он с тревогой обратил ко мне свое длинное, худощавое лицо, по-монашески спрятал руки в рукава черной кембриджской мантии, мрачно кивнул.

Я начала:

– Король, мой отец, я увидела, насколько он болен…

Гриндал застыл.

– Простите, мадам, но я по приезде узнал, что через парламент прошел новый закон касательно королевской особы.

– Новый закон?

– Дескать, говорить о короле – в определенном смысле – безусловная измена, влекущая за собой смерть.

– Что за определенный смысл? Гриндал посмотрел в землю, потом возвел очи к небу.

– Например, – произнес он своим риторским тоном, – если вы скажете мистрис Кэт:

«Гриндал болен, он скоро умрет» – это изменой не будет.

Я подхватила на лету:

– Но никто не волен говорить о болезни короля, ни о его дальнейшей судьбе, особенно о том, что и он, как прочие смертные, подвластен течению времени…

– Истинная правда, мадам! Из страха, что говорящий пожелает ускорить… приблизить…

Я печально кивнула. Вчера я прочла подозрительность в глазах короля.

– Что ж, вернемся к нашим басням – к Эзопу и старому льву, – теперь я увидела ясно, каково здоровье старого льва. Но видела я и львенка, о котором Эзоп умалчивает…

Моего брата Эдуарда.

…и который не может править один, значит – должен будет вручить бразды правления старшим горделивым князьям.

Гриндал кивнул.

– А до тех пор есть и иная претендентка на власть…

Моя сестра Мария.

…отсюда две партии…

Я сама их видела, выстроившихся в подобном боевому порядке.

…за львенка стоят его смелые дядья Сеймуры, которые будут «смотреть больше» и «смотреть больше»[17], пока не захватят сам трон.

Он улыбнулся.

– Ваш грамматический разбор точен, мадам.

– И у старшего из братьев, лорда Гертфорда, в сердце достанет храбрости перейти вброд любую реку[18], лишь бы

достичь цели.

Гриндал кивнул.

– И чтобы убрать с дороги любые препятствия.

– То есть партию старшей дочери?

– Истинная правда.

– Старую веру, что противостоит новой?

– Мракобесов, стоящих на пути у ревнителей нового порядка.

Все встало на свои места.

– Старую знать, – продолжила я, – стоящую на пути у новой?

– Партию войны, которая ратует за Испанию и Габсбургов против Франции и противостоит миротворцам, которые за союз со всеми и свободную торговлю с Европой.

– Еще один вопрос, учитель, чтобы покончить с вашими иносказаниями. Катилина, кто он? Гриндал ответил устало:

– Вы сами видели, госпожа, при дворе не один гордый Люцифер, но Катилина тот, кто грозит превратить Англию в дымящиеся развалины, это милорд Серрей.

Милорд… мой лорд… мой Серрей.

– Как? И почему?

– В его жилах течет кровь Плантагенетов. Из-за этого он считает себя принцем и клянется, что трона достоин лишь равный ему по происхождению. Он презирает Сеймуров, считает их выскочками и недоволен, что им поручили воспитывать принца – мол, это был должен делать он и его отец Норфолк. Вместе с Ризли они готовятся ударить по Гертфорду и новой вере, даже по женщинам. И все говорят, на пути к своей цели он не остановится перед кровавым переворотом.

Я не сразу обрела голос:

– И что мы можем сделать?» Выпростав руку из рукава, Гриндал растопырил два длинных пальца.

– Подумайте об этом, мадам. Две партии, две клики, две веры. – Он выжидательно смолк. Католики и протестанты. Мария и Эдуард.

– Да?

– Две политики, две любви, две ненависти.

Мои нервы были натянуты до предела.

– Да?

Впервые за весь день он взглянул мне прямо в лицо.

– И три львенка… три отпрыска старого… умирающего льва.

Над головой, далеко в листве, послышался слабый, отдаленный зов никем не любимой птицы, чей крик, однако, непривычно ласкал слух.

«Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!»

Кукушка…

Я – третья из львиных отпрысков, и потому у меня нет собственной партии. У Сеймуров, которые поддерживают мою веру, есть Эдуард – зачем им я, если есть принц, наследник трона. А католикам, у которых есть Мария – единственная законная в их глазах, – протестантская претендентка нужна как поцелуй чертовой бабушки.

И только третьего дня Мария назвала меня незаконнорожденной и потаскушкиным отродьем. Верно, только вчера король прилюдно хвалился своим отцовством. Но Мария в это не верит! И сколько других втихомолку перешептываются об изменах моей матери – дескать, я дочь ее лютниста… или ее брата…

«Ку-ку! – издевалась птица в далекой кроне. – Ку-ку!»

Кукушка…

Я – кукушонок в гнезде.

Я шагала по холодному весеннему саду и холодно подводила итог. Мне недоставало знаний и совета. Я не знала ничего о своих правах, своем положении, своих притязаниях, законных или нет. Но я знала, что мне нужно.

Мне нужны знания и мне нужен совет.

И я знала, где их получить.

Глава 11

Что такое любовь?
Любовь – это сон,
Любовь – это гон,
Любовь – это стон…

Я могла быть суровой с Гриндалом и решительной с Кэт – все ее попытки завести речь о лорде Серрее я пресекала с твердостью, достойной моей наставницы. Но чего я не могла, так это заглушить голос своего сердца, особенно теперь, когда пелена неведения спала с моих глаз и мне открылась истинная картина происходящего.

Что бы ни означала любовь, я любила лорда Серрея. Все чувства, которые переживали великие женщины прошлого, все, что Дидона испытывала к Энею, Крессида к Троилу, Геро к Леандру[19], я испытывала к нему. Я любила моего лорда…

Я любила его за взор, за пугающую pulchritudo virilis, красу мужскую, которая больше, чем красота, и больше, чем мужественность. Я любила его за божественное сложение, за высокую томную фигуру и соразмерный стан; за узкую талию, за длинные ноги со стройными ляжками наездника: я знала, увидь я эти ноги, я бы боготворила округлые медальоны его щиколоток, свод его пяты. Я любила его янтарные глаза, изгиб его губ, его ястребиный взор, и более всего – о. Господи (пне рассказывайте в Гефе, – рыдала я словами библейского царя, – не возвещайте на улицах Аскалона»[20]), я любила его княжескую гордыню, хоть и знала, что он посягает на права истинного принца, моего брата.

На своем одиноком ложе под храп спящих на полу горничных я дрожала от тайного вожделения. Я любила его. А он? Чего ему от меня надо? Жениться, сказала Кэт. Что, если Мария начнет уговаривать короля? А она наверняка начнет. Дабы отвести подозрения Кэт (которая ненавидела Серрея всеми фибрами своей протестантской души, тем более яро, что подозревала: в моей душе такой ненависти нет), я с чувством поклялась, будто не помышляю о замужестве, не помышляю о моем лорде. На самом деле я не думала ни о ком другом. Из-за мыслей о нем я не могла ни есть, ни пить, ни лежать в кровати. И чаще всего я вспоминала его последние слова ко мне: «Мужчина мечтал бы жить в вашем сердце и умереть у вас на коленях, если бы только смел надеяться…»

Видит Бог, я мало знала мужчин, еще меньше – деяния тьмы

и замашки сильного пола, но я слышала перешептывания хэтфильдских девушек о том, откуда берутся дети, знала, что мужчина и женщина вместе образуют чудище с двумя спинами[21], что философы называют соитие la petite mort, маленькой смертью, и понимала: когда мужчина обещает девушке умереть у нее на коленях, он вовсе не думает расставаться с жизнью.

Как смеет мой лорд дразнить меня всей той чепухой, предназначенной для ушей деревенской пастушки? Я дрожала от омерзительного стыда. Однако моя любовная лихорадка лишь отчасти была вызвана обидой – она жгла меня, жгла насквозь, до самых сокровенных недр: жар, сияние, подобных которому я прежде не испытывала… блаженство, которого прежде не ведала… и которого прежде не просила… от которого не стремилась прежде бежать…

Поздно…

Как всякая девственница на медленном костре любви, я была уже неисцелима – я вступила в ту тайную область, где блаженство расцветает на пепелище мук.

Теперь мои книги, мои любимые занятия, латынь, греческий, итальянский утратили для меня всякую прелесть, словно прискучившие детские игрушки. Дни стали светлее и душистее, по полям масляно-желтая кукушкина трава уступила место луговому сердечнику, апрель плавно перетек в май, но ни май, ни апрель не принесли мне былой радости. И королева по-прежнему оставалась в немилости, к ней никого не пускали, хоть я и посылала справляться о ней каждый день.

Надо встряхнуться! Что, если покататься с Робином? Быть может, я развеюсь от невеселых мыслей, вырвусь из порочного круга своих тревог?

Робин. Даже подумать о нем было некоторым утешением, увидеть же его наяву – тем паче. Когда мы с Чертей и другими кавалерами прибыли в королевские конюшни, он был уже там и требовал лошадей с властностью, какой я за ним прежде не замечала.

– Кобылу для миледи, не эту ломовую клячу, пентюх, а серую в яблоках. Гнедого мерина сэру Джону, мастеру Вернону – чалого…

Как же умело он подобрал лошадь к седоку, и как охотно повинуются ему конюхи. Сколько помню Робина, он умел совладать с любым скакуном, теперь, похоже, это его умение перекинулось и на людей.

Во дворе били копытами застоявшиеся кони, мы все были в отличном расположении духа. Я вскочила в седло, сердце у меня

радостно екнуло.

Улыбаясь во весь рот, словно простой конюх, Робин коротко объяснил:

– Молодая кобыла, мадам, резвая, я нарочно для вас посылал за ней в отцовские конюшни. Прекрасно слушается удил и не нуждается в шпорах! Клянусь, вы не разочаруетесь!

И мы тронулись.

Как пело мое сердце, когда кавалькада неслась по мощеному двору к парку! Вырвавшись на свободу в свежее, но ласковое утро, какое бывает только в Англии и только в мае, я пришпорила молодую кобылку, чтобы галопом помчаться в манящую зеленую даль.

И-и-и-и-го-го!

Робин был прав – никаких шпор! Сердито заржав, кобылица встала на дыбы, забила в воздухе копытами, а потом, словно Пегас, стрелой полетела по упругой траве. Мы неслись по парку, мои спутники отставали один за другим. Только не Робин – мы со смехом скакали бок о бок и не успели оглянуться, как оказались в пяти милях от дворцовых ворот.

Наконец кобыла, успокоившись, что показала наезднице свою прыть, перешла с яростного грохочущего галопа на легкую рысь, потом на шаг. Перед нами виднелась рощица, этакое случайное скопление дубов, кленов и терновника. Робин, кивнув, поворотил к ней гнедого. У рощицы он спешился, взял кобылу под уздцы и стреножил обоих скакунов, чтобы они отдохнули и попаслись.

– Мадам? – Он обхватил меня за талию (лицо его раскраснелось от ветра, дыхание еще не восстановилось после дикой скачки) и бережно опустил на траву. – Как вам кобыла?

Я рассмеялась от счастья. «Как же хорошо он меня знает», – мелькнула радостная мысль.

– Будет неплоха, – поддразнила я, – когда вы немного подучите ее резвости… Он со смехом запротестовал:

– Мадам, вы несправедливы к моей кобыле и моему скромному подарку в придачу.

– Нет, Робин, нет! – оборвала я его, сжавшись от внезапной боли. – Видит Бог, в мире и без того довольно несправедливости!

– Несправедливости?

Он как-то странно, искоса взглянул на меня. Словно что-то меня кольнуло – вспомнились слова Гриндала: «Я опасался, как бы вас не уловили через мое посредство».

Не уловили?

Кто?

Я помнила Робина с восьми лет, когда он впервые вместе с отцом прибыл ко двору и поступил в свиту моего брата. С первого

взгляда нас неудержимо потянуло навстречу, и он сразу предложил мне свою дружбу. Когда бы я ни появилась при дворе, он всегда был рядом, всегда к моим услугам…

Я считала его своим, своим без оглядки, как Гриндала, как Кэт, в числе тех немногих близких людей, без которых не могла обойтись в этом мире наушничества и лицемерия.

Но теперь стоит ли ему доверять?

И зачем?

– Пора возвращаться, – сказала я сухо. К нам, растянувшись по лугу, приближались наши далеко отставшие спутники. Я была одна с Робином, без присмотра своих дам, – недоброжелатель истолковал бы это превратно. Я холодно отстранилась.

Он сразу подметил перемену, лицо его гневно вспыхнуло.

– Я вас оскорбил, мадам? Полноте, вам нечего меня опасаться!

Я смотрела прямо на него, но он смело выдержал мой взгляд. Теперь лицо его побелело от странной решимости.

– Робин… что вы хотите сказать? Он колебался.

– Мадам, вам страшно… из-за недавних событий?

Я кивнула. Тоска окутывала меня, словно липкий туман.

Робин продолжал выпытывать, с неожиданной для его лет деликатностью:

– Вам страшно за королеву… поскольку гнев короля еще не остыл…

– Да! Да! – Я лихорадочно силилась унять дрожь в коленях. – Говорят, они строят козни против нее… против нас!..

– Верно! – Робин горько рассмеялся. – А король слушает Ризли и его присных. Однако верит он Сеймурам. Они – дядья принца, а значит – будут стоять за него до последнего, и король это знает. Вот почему отец примкнул к их партии! Он хочет взойти со встающим солнцем! А это солнце – граф Гертфорд!

Я увидела проблеск надежды.

– А может ли ваш лорд Гертфорд замолвить словечко за королеву? Или если бы вы попросили отца заступиться за королеву, воззвать к государевой милости…

– О, мадам… – Он словно проглотил что-то нестерпимо горькое. – Мадам, одумайтесь! Ужели лорд Гертфорд или мой добрый родитель шевельнут пальцем в защиту той, кто, быть может, уже осуждена на смерть как изменница и еретичка!

– Изменница? Добрая королева – изменница?

Высоко над нами в кроне деревьев резко и скорбно закричал грач. В голове у меня помутилось от страха и горя, словно саранча[22] уже вышла из кладезя бездны и проникла мне в мозг, и жалила, жалила…

Кто такой изменник?

Тот, кто совершил измену.

В чем провинилась моя мать?

Она изменила королю, мадам.

Я закричала не своим голосом:

– В чем ее измена?! Ведь нет никаких уличающих свидетельств!

Он вздохнул с той же горечью, с той же укоризной, потом поклонился – застенчиво, как при первой встрече в присутственном покое.

– Мадам, вам ли не знать, что гнев короля – сам по себе закон! И, стоит ему разгореться, всегда найдутся те, кто представит довольно «улик»!

– Мне ли не знать? Почему мне? Я смотрела на него в упор. Он молчал, но взгляд его был красноречивей любых слов. День выдался на редкость жаркий, однако у меня похолодели руки и губы. Что-то щелкало в голове, я не разбирала его слов.

Он оглянулся через плечо. Наши спутники приближались, Чертей следом за Ричардом Верноном, каждый стремился доскакать первым. В жемчужном воздухе отзывался их смех, от конского топота и гиканья всадников с деревьев над ними взмывали грачи.

Робин заговорил снова, слова тяжело падали с его губ:

– Я многое слышу, миледи, теперь, когда отец в свите графа, а я – в отцовской. Они говорят о королевских женах, ведь прежняя, Екатерина Говард, была старого рода и старой веры, а ваша матушка Анна – новой.

Треск и хруст в голове сделались невыносимы. От жара в густом, неподвижном воздухе у меня сперло дыхание.

– Да?..

– Мадам, королева Екатерина Говард была распутница; она созналась, и ее полюбовники это подтвердили. Но ваша матушка неповинна в том, в чем ее обвиняли. – Он замолк; дыхание у него прерывалось, словно он только что бежал наперегонки. – Вина ее была одна – и за эту же вину осуждена ныне королева Екатерина – она навлекла на себя смертельную ненависть короля!

О Господи Иисусе!

Земля закачалась. Я задыхалась, мне было дурно.

Словно издалека донесся встревоженный голос Робина:

– Помогите миледи! Разрежьте шнуровку, у нее от жары обморок!

Ко мне бежали люди, подоспела уже почти вся свита. Робин подхватил меня и прислонил к жесткой дубовой коре.

– Простите меня, мадам, за потрясение и боль, – сбивчиво

бормотал он, – но, клянусь, как Бог свят, вам следовало знать правду – и больше ни одна живая душа не посмела бы ее вам открыть!

Правду.

Поддерживаемая с обеих сторон Робином и Джоном Эшли, я покорно, словно заблудившийся ребенок, ехала назад во дворец – кобылку мою вели в поводьях, и мне хотелось одного – покоя и одиночества, чтобы переварить и принять эту правду. Однако, едва мы вступили в анфиладу моих покоев, навстречу выбежал Гриндал. Глаза у него были безумные, лицо заплакано – он еще не раскрыл рта, а я уже знала, что он скажет.

– Мадам! Королева! Король отдал приказ: сейчас ее возьмут под стражу за измену и отведут в Тауэр!

Глава 12

Для нас, для тех, кто живет в маленьких комнатах, это худший из звуков – топот ног, словно кто-то бежит от Божьего гнева, и рыдающий всхлип: «Миледи, о миледи!»

Я вижусь вам во всей полноте государственной мощи, ведущей актрисой на огромных подмостках мира. Но большую часть жизни я провела в маленьких комнатенках.

Братья Верноны и Эшли силой удерживали Гриндала, но он вырывался, словно в него вселился бес.

Я обрела голос:

– Пропустите мастера Гриндала ко мне! Говорите, учитель, говорите!

Словно прорвав плотину, с дрожащих губ Гриндала полился рассказ:

– Анна Эскью! Через нее королеву поймали в ловушку! Из-за того, что мадам Екатерина милостиво принимала ее при дворе и вступилась за несчастную, когда ту приговорили к смерти, теперь ее самое сочли еретичкой!

– Анна обвинила королеву?

– Напротив, мадам! – Гриндал рыдал от отчаяния. – Для этого лорд Ризли и вздернул ее на дыбу – чтобы бросить королеву в тот же костер! Но хотя два палача что есть силы налегали на рычаги, они не заставили Анну свидетельствовать против королевы. Однако, когда государыня оказалась в немилости, лорд Ризли нанес ей удар в спину. Он заручился приказом от короля, за его самоличной подписью. Теперь он с шестьюдесятью стражниками идет к королеве, чтобы препроводить ее в Тауэр!

В Тауэр? Сколько времени осталось до их прихода? Я постаралась собраться с мыслями.

– Кто сообщил об этом? – резко спросила я. – Откуда стало известно?

Гриндал пытался взять себя в руки.

– Королевский лекарь, мадам, доктор Венди, он был у королевы, когда пришел лорд Ризли, и все слышал. Он – Друг королевы, и потому поспешил нас известить.

Этот разговор происходил уже на ходу – мы торопливо шагали через мои покои на половину королевы. Я уже различала жуткий, леденящий сердце звук – череду громких протяжных вскриков, разделяемых промежутками гробовой тишины.

– Это королева! – в страхе вымолвил Гриндал.

Я сама была близка к рыданиям – я никогда не слышала ее плача, даже ни разу не видела, чтобы она обронила слезу.

У дверей королевиных покоев не было стражи, только дрожащий шут сжимал кулаки и скалился, словно умалишенный. Где кавалеры из свиты, как в былые времена? Мы шли на звук, пока не натолкнулись на саму королеву.

Она не понимала, где находится. Лежа ничком на полу, она испускала хриплые, громкие, истошные вопли. Головной убор свалился в грязь, седые волосы, подкрашенные на дюйм от корней, ровно настолько, насколько их обычно видно, дальше сивые и спутанные, как у ведьмы, разметались по полу – она рвала их и дергала, колотя себя по вискам, словно роженица в муках. Только одно слово можно было разобрать в этом бессвязном вое: «Нет, нет, нет, – рыдала она. – Нет! Нет! Нет!»

Возле нее метались, обессилев от слез, ее сестра Герберт, фрейлины Денни, Тиррит и прочие. Одного взгляда на их побелевшие лица было довольно, чтобы понять: их берут под стражу вместе с ней. Лорд-канцлер вознамерился одним махом уничтожить осиное гнездо еретиков. Он уберет с дороги королеву, а дальше их с Паджетом власть над королем станет безраздельной! Вот герой! Вот мужчина – нагнал страху на кучку беззащитных женщин!

Возле королевы стоял на коленях маленький, крепко сбитый человечек, он расстегнул тугие рукава и растирал ей запястья. Я видела его в свите отца.

– Доктор Венди! Что мы можем сделать для королевы?

Он беспомощно пожал плечами, его пухлое лицо было перекошено страхом.

– Не знаю, миледи.

– Но что-то делать надо! Не бросать же ее на произвол судьбы!

Он развел руками, признавая полное поражение. Горе и гнев выплеснулись из меня криком:

– Думайте же! – взвыла я. – Господи, мы должны ей помочь!

– Миледи? – Это заговорил мажордом королевы – он встречал меня в день приезда и сейчас единственный не потерял присутствия духа. – Если бы король увидел ее такой, он бы уверился в ее невиновности.

Другая Екатерина уже пробовала это сделать – моя бедная кузина, она с воплями бежала по дворцу, бежала к королю, веря, что он увидит ее и не пошлет на смерть…

Мажордом продолжал:

– Или, мадам, если бы вы решились поговорить с королем, молить его о пощаде…

Как Екатерина молила за Анну Эскью?

Он осекся, на его некрасивом выразительном лице была

написана почти полная безнадежность.

И все-таки что-то в этом есть. Я обернулась к доктору Венди:

– Может ли королева двигаться? Тот снова пожал плечами.

– Как всякая женщина, мадам, которая страждет не телом, а душой.

– Пожалуйста, дайте ей самого сильного взбадривающего, сэр… умоляю!

Ко мне уже подскочила Герберт, сестра Екатерины, на ее заплаканном лице блеснула надежда.

– Леди Елизавета… вы поговорите с королем?

Я сжала ей руку.

– Если мы сможем доставить к нему ее саму, как советует этот джентльмен, мое заступничество не потребуется. – Я взглянула на мажордома. – Но как это сделать?

Он опередил меня:

– Эй, носилки для королевы, живо, если вам дорога ее жизнь… и подайте к черному крыльцу, не к парадному, запомните!

Я повернулась к Герберт.

– Сударыня, если вы и другие фрейлины… Она уже ожила.

– Конечно, мадам. Поднимите королеву! – пронзительно крикнула она. – Быстрее, платье, гребенки…

Они затараторили все разом, словно сороки:

– Гамателис сюда, буру, яичного белка, немного румян, ароматы…

– Только быстрее! – молила Герберт. – Христом Богом заклинаю, быстрее…

Через десять минут кавалеры из свиты то ли вывели, то ли вынесли королеву к заднему крыльцу, выходящему во двор, когда лорд Ризли со своими стражниками уже входил с парадного. Мы медленно двигались по лабиринту замковых двориков, вся Екатеринина свита с молитвой следовала за нами. Но жарче всех молилась я, молилась, чтобы наша отчаянная затея увенчалась успехом. Наконец навстречу выбежал один из моих кавалеров с самым что ни на есть ободряющим известием.

– Король один, с ним никого нет, он в цветнике возле реки.

В обнесенном стеной маленьком цветнике на берегу Темзы король с прислужниками дремал в благоухании тимьяна, душистого иссопа и ромашки. Королева пошла к нему одна, мы, притихшие и настороженные, жались у ворот.

Однако стоило ей войти, он встрепенулся, словно зверь, которого застигли спящим вдали от берлоги. Сквозь щелочки полуприкрытых глаз он смотрел, как она замедлила шаг, запнулась, потом упала к его ногам, потому что едва держалась

на своих. Он услышал, как она рыдает, как взывает к его милосердию, как молит о пощаде за свои проступки. Он почувствовал ее ужас и самоуничижение, вкусил сладость торжества, учуял жертвенный дым искупительного всесожжения ее души, которая поджаривалась на алтаре его гнева.

И остался весьма доволен всем виденным.

– Так что ты говоришь? – спросил он с новообретенной алчной радостью, так, словно не своей рукой послал ее сегодня на смерть.

– Ты мой повелитель, – рыдала она, – мой глава, мой властелин, мой единственный после Бога якорь и краеугольный камень моей веры – о большем я не прошу!

Старое подозрение мелькнуло в болезненных провалах его глаз.

– Нет, нет, клянусь Святой Марией! – взревел он. – Ты в своей гордыне возомнила себя доктором богословия, Кэт. Ты желала перечить, спорить, навязывать свою волю тому, кто поставлен над тобой Богом!

– Государь, государь, – шептала она сквозь слезы, – зная, сколь вы мудры, сколь учены, сколь сведущи в божественных материях, я хотела лишь развеселить Ваше Величество и отвлечь от телесных мук, обсуждая с вами слово Божие!

Слабая усмешка тронула уголки его губ:

– Даже так?

– Чтобы из ваших царственных уст услышать, в чем состоит истинное учение!

Это козырная карта – льстить его тщеславию, его вере в свою ученость, – я сама посоветовала ей это по дороге сюда. Сейчас, глядя издалека, как мои чары работают, словно по волшебству, я дивилась, откуда мне стало известно, что говорить.

– И даже так, милая? – мягко спросил король.

Екатерина кивнула. Он усадил ее рядом с собой на согретую солнцем скамью и грубо утер ей слезы.

– Довольно! Я не люблю, когда ты плачешь. Значит, мы были правы, когда наряжали ее и мазали белилами. Я знала: король не потерпит рядом с собой женщину, пусть даже страдающую, если она – не воплощенное совершенство. Он уже развеселился:

– Ну же, поцелуй меня, милая, ведь теперь, клянусь, мы снова станем лучшими друзьями.

Сгрудясь за садовой стеной, мы рыдали от восторга, ужас перед тем, что могло случиться, придавал особую силу теперешнему нашему робкому ликованию. И вот, пока мы смотрели и гадали, когда нам приблизиться, кто, как бы вы думали, проник мимо нас в этой райский сад? Разумеется,

великий змей, сам Ризли.

Впрочем, он недаром считался главным политиком при короле. С первого взгляда он понял, что игра проиграна. Вид королевы, укрывшейся с королем в розовой куще, королевской четы, сидящей в полном согласии, словно прародители Адам и Ева в раю, показал лорду-канцлеру, что судьба обратилась против него. Сейчас этот человек походил на канатного плясуна, который силится удержать равновесие.

Однако Генрих не дал плясуну времени.

– Глядите, милорд! – взревел он. – Вы хотели, чтобы я прогнал эту королеву – это воплощение женственности, эту жену, которая не чает иной радости, помимо меня, – и предал ее огню…

– Государь… – начал лорд-канцлер.

– Объяснитесь, Ризли, или, клянусь Богом… Любая женщина воспользовалась бы случаем добить врага, но Екатерина не сводила глаз с короля, словно спасенная от бойни корова, и молчала.

– Скотина!.. Дурак!.. Мерзавец'.. Клянусь Божьим телом, кровью и костями!.. – Ругательства сыпались, как снаряды, угрозы и проклятия изливались на голову Ризли, словно расплавленный свинец. Екатерина, эта святая, молитвенно сложила руки и вступилась за негодяя, чем еще подхлестнула королевский гнев.

– Бедняжка! – проревел он. – Ты не знаешь, как мало он заслуживает твоей доброты, – ибо, клянусь, милая, он был тебе жестоким клеветником, смертельным недоброжелателем!

Даже и сейчас Ризли не моргнул глазом. Напротив, он оставался странно невозмутимым под этим обстрелом, а под конец даже улыбнулся.

– Ну?! – завопил король.

Ризли развел руками и пожал плечами.

– Государь, – начал этот подколодный змей вкрадчиво, словно первый из ползучих гадов, сам дьявол, – я несказанно рад, что лорд Норфолк и его сын Серрей так ошиблись в Ее милостивом Величестве, нашей королеве…

Не с этой ли минуты он был обречен, хотя тогда мне и было еще невдомек? Я думала, что вижу игру лорда-канцлера насквозь – он хочет отвести от себя королевский гнев и свалить вину на других, словно нашкодивший мальчишка. Предвидела ли я остальное? Или только ощущала, как петлю на горле, сжимающуюся, чтобы удушить и радость, и жизнь?

Я видела, что творится, но не предвидела роковых последствий. Тогда мне довольно было знать, что моя любимая королева спасена. В тот день великой опасности для нее на волоске висело все, ради чего мы жили, на что надеялись, во что

верили. Как только миновал кризис и болезнь отступила, все вздохнули свободнее и жизнь вошла в свою колею.

В тот год выдалось на редкость хорошее лето. В начале июля поля вызвездились цветущей земляникой, в королевских виноградниках в Ричмонде наливались сочные гроздья, персики и вишни в Гринвиче обещали богатый урожай. Двор переезжал, охотнее из-за хорошей погоды, чаще из-за жары, поскольку большие дворцы, где теснились придворные, их соколы и кони, слуги и служанки, летом надо было «проветривать», как мы это тогда называли, значительно чаще, нежели зимой.

Ибо за весенними цветочками шли «летние ягодки»: оспа и чума, непонятная испарина, опухание и смерть. Тростниковые подстилки в залах, усеянные человеческими и собачьими испражнениями, воняли так мерзко, что противно было есть и даже находиться в помещении. То лорд свалится с кровавым поносом, то слугу отошлют из-за сыпи на лице, придворные при всякой встрече приветственно взмахивают аромагическими шариками и держат их у носа на ходу. Потом наступало время снова сниматься с места и вверять себя и свой скарб превратностям дороги. Ибо лето способствует стремлению к перемене мест, и потому случались частые переезды от двора к двору.

А вместе со двором передвигались и все шахматные фигуры – король и королева, офицеры, кони и пешки. И жизнь текла как бы по-прежнему. Но это только снаружи. Изнутри, за тонким покровом учтивости, выжидали своего часа Сеймуры и Паджеты. А глядя на них, затаил дыхание и весь наш шахматный мирок.

И я тоже, потому что если период испытаний чему меня и научил, так это следовать Гриндалову правилу: «смотри и жди». Каждый день я боролась с тем, что узнала от Робина, и каждую ночь, прежде чем уснуть, подолгу терзалась неутолимой болью.

И как я жила день ото дня, так, похоже, жил и весь двор. «Чего они ждут?» – робко спрашивала я у Кэт, Отцу стало заметно лучше благодаря ежедневным и еженощным заботам королевы: и впрямь, она, словно служанка, спала теперь на низенькой кровати в королевской гардеробной, чтобы всегда быть рядом. Его по-прежнему носили в огромном кресле, которое он шутливо называл «телегой». Впрочем, кресло это уже меня не страшило, все свыклись с ним и даже воспринимали его как еще один знак его необычности и мощи – ведь подобного не было ни у одного другого монарха. Однако по углам по-прежнему собирались кучки, перешептывались, смотрели и ждали – казалось, шушукается и вслушивается сам дворец.

Но что мне было до них? От рассвета и до заката, как ни

изнуряла я себя занятиями, охотой и пешими прогулками (даже Кэт ворчала, что я, мол, себя не жалею), в действительности я мечтала лишь об одном – хоть краешком глаза увидеть моего любезного лорда Серрея.

Моя любовь была тогда смиренна и ничего не просила, только видеть его. Воистину, это была любовь, которую заповедал нам Господь, – любовь, которая долго терпит, не завидует, не превозносится, не ищет сил своих… не раздражается, всякую веру приемлет!

Первый и последний раз в жизни снизошла на меня подобная благодать.

И чем ближе к краю пропасти он гарцевал, тем сильнее хорошел день ото дня. Я видела его по утрам, когда он шел сквозь рассветную дымку на конюшни или на теннисный корт, где они с друзьями Уайетом и Пикерингом играли порой по несколько часов кряду. Эта же троица с другими приятелями веселилась и по ночам, и я, лежа без сна, слышала, как они шумят, возвращаясь с первыми петухами. На следующий день Кэт с пеной у рта пересказывала их ночные похождения: «Наехали в город, миледи, заперли констеблей в караульне и загнали приставов в конуры с объедками и собачьим дерьмом! Потом сели в лодки и катались по реке, горланили песни и орали во всю глотку, перебудили своим кошачьим концертом весь город и забрасывали гулящих девок, промышляющих на южном берегу, птичьим пометом!» Я и жаждала, и боялась этих рассказов (гулящие девки? что общего у моего лорда с этими заразными потаскушками?), а больше всего страшилась, что вся эта шумная гульба – не более чем прикрытие для темных замыслов моего лорда, для его притязаний на трон.

По правде, если совсем честно, его самого я тоже боялась. Он искал моего общества; я от него убегала. Я понимала: ни моя любовь, ни мой страх не укроются от его взгляда. Оставалось лишь избегать этих безжалостных, выпытывающих глаз. И мне ли любить или прощать человека, который вместе с отцом строил козни против королевы, против верной Екатерины, единственного моего друга при дворе? Наверняка он по меньшей мере знал про заговор и не воспрепятствовал. И в своей ненависти к новой вере порадовался бы королевиному падению.

И все же, хотя временами я бежала его как огня, должна сознаться, порой я сама искала встречи. Моя любовь была как яд из старой легенды – пьешь, зная, что в чаше – смерть, но с каждым глотком отрава становится все желаннее.

И это все я терпела в одиночку, никому не открывшись, ибо что, собственно, было открывать? Я ни на что не надеялась, ничего не ждала, ничего не требовала. Я не знала, что он думает,

к чему стремится и даже – чьей милости он больше домогается, моей или Мариины. Знала же я одно: если, как говорит Мария, меня и впрямь собираются вскорости выдать замуж, мои чувства никак не повлияют на отцовский выбор.

О, мой лорд, мой лорд!

Он любил когда-то, сказала мне Кэт – она выведала у его слуги, – ирландскую наследницу, которую жестоко, против его и ее воли, еще ребенком выдали за глупого богатого старика. Больше он не влюблялся. Сейчас он женат, сказала Кэт, но ведь существует развод…

Что до него, он всегда писал о любви. Он дарил мне свои стихи, бросал на колени, легко, словно цветы. Мне ли они предназначались? Засыпая, я твердила:

Как часто вижу я во сне
Твоих очей нездешний свет…
И пробужден от горних грез
Тем жаром, что в себе пронес,
Я емлю пустоту, лью токи слез…

И каждое утро просыпалась с одной надеждой: увидеть хоть мельком, как он идет по двору, собираясь покататься верхом, или повеселиться с друзьями, или украсить своим присутствием – а это было дано только ему одному – большой королевский зал.

Притом, похоже, все это время я с куда более глубоким чувством ожидала другой встречи. Речь шла не о любви – тот человек был уже в летах и занят совсем иным. Но судьба распорядилась так, что он один мог утолить мою куда более острую нужду, мою потребность в правде, – это был законник, мастер Сесил.

Глава 13

С первого взгляда на его умное, доброе лицо я поняла: вот человек, которому можно доверять. Его история была лучшей рекомендацией: выпускник Кембриджа, как и мой добрый Гриндал, к тому же судейский. Дружба с Кранмером тоже свидетельствовала в его пользу – архиепископ не одарит своим расположением первого встречного. Однако красноречивее всего за Вильяма Сесила говорил его собственный облик: серо-голубые глаза, способные выдержать любой взгляд, гладкий лоб, спокойная манера держаться – все выдавало человека, который никому не воздает злом за зло, но всею своею жизнью старается служить добру.

С первой встречи я поняла: вот кто разрешит мои затруднения. Я послала за ним, он откликнулся. Ждать пришлось долго. Однако правда, которой я искала, уже пятнадцать лет лежала в могиле, так что единственная надежда заключалась в терпении.

Он пришел, когда в садах собирали плоды, и принес полновесный плод своих изысканий. Я была у себя в королевиных покоях – мы как раз вернулись в Уайт-холл, – и он, едва разложив свои свитки, бумаги и записи, приступил к сути.

– Леди Елизавета, вы поручили мне вникнуть в обстоятельства смерти вашей покойной матушки. И вашего рождения – почему вас объявили незаконной, коль скоро ваши родители состояли в браке. – Он смолк и взглянул на меня без всякого выражения. – Быть может, многого вам лучше не знать…

Длинный золотой луч августовского солнца плясал на стене; мне вдруг захотелось, чтобы он замер.

– Говорите.

– Короля, вашего отца, сочетал с вашей матушкой архиепископ Кентерберийский Томас Кранмер, сиречь высшее духовное лицо страны.

Я глубоко вздохнула.

– Однако позже отец постановил, что не был женат на моей матери, а значит, рождение мое не может считаться законным.

– Да. – Умные глаза Сесила глядели осторожно. – Что возвращает нас ко второму параграфу моих инструкций, миледи, а именно – вашему желанию знать про смерть королевы, вашей матушки.

Я желала бы больше знать про ее жизнь, сударь, но тут вы мне не помощник.

– Эти обстоятельства взаимосвязаны, – продолжал Сесил бесстрастным судейским тоном. – Королеве Анне Болейн были

предъявлены различные обвинения: она-де хулила свой брак и желала зла королю – однако нашему законодательству такой вид преступления неизвестен.

Он смолк и странно поглядел на меня.

Я подробно изучала римское право, когда проходила древнюю историю.

– Обвинения против нее были сомнительны… с самого начала?

Он посмотрел мне прямо в глаза, как смотрят судьи, и продолжал:

– Главное обвинение против нее – преступная связь с пятью мужчинами после бракосочетания с королем – было предъявлено после того, как всех пятерых предполагаемых сообщников признали виновными. – Сесил глянул в свои записки. – По римскому праву раздельно обвинять лиц, подозреваемых в совершении одного преступления, – недопустимо. Это вопрос естественного права.

Железные оковы сковали мои внутренности.

– Мужчины, которые согрешили с ней… – начала я.

– Нет. Которых признали виновными в этом грехе, – поправил Сесил. – Все они утверждали, что невиновны, кроме лютниста Смитона. Однако он как простолюдин был подвергнут пытке на дыбе… и другим истязаниям. Здесь записано, что даже на эшафоте каждый клялся спасением души, что королева невинна. Юному Генри Норрису, другу короля, было обещано помилование, если он признает свою вину и обличит королеву.

– И?..

– Он отказался. Последние его слова были о ее невиновности.

– Но если они были невиновны… как же их осудили на казнь?

Сесил развел руками.

– По слухам, по наговору, по злобе. – Он кашлянул. – По большинству обвинений в прелюбодеянии, поименованных в обвинительном заключении, создается впечатление, что ни королевы Анны, ни предполагаемых сообщников не было в указанное время и в указанном месте.

– И значит…

– Не были представлены свидетели. Не были предъявлены улики. Обвинения… необоснованы.

– Обвинения – подложны! – Кровь бросилась мне в лицо. – Но зачем?.. И кто?.. Сесил смотрел мне прямо в лицо.

– Миледи, мы, англичане, заботимся о королевском покое и служим королевскому правосудию. Все его слуги поступают соответственно его воле и желанию.

Значит, король соизволил пожелать, чтобы она умерла?..

Мой голос прозвучал как бы со стороны:

– Раз она умерла, сударь, зачем королю было еще и разводиться с ней?

– Король присмотрел себе новую жену – мадам Джейн Сеймур. Он хотел устранить все препятствия – для нее и для ее будущего сына. Этой цели он достиг, объявив вас незаконной и лишив права на престол. Тогда же по воле короля вашу сестру Марию лишили права наследовать трон…

По воле короля.

Значит, мы с Марией пострадали заодно – хотя наши матери по гроб жизни оставались соперницами.

Значит, моя мать умерла из-за невзрачной Джейн Сеймур – чтобы расчистить ей путь. Из-за лорда Гертфорда и его брата, гордого Тома… Но прежде всего – из-за Эдуарда… из-за мальчика, которого я так люблю…

Я подняла глаза. С начала нашей беседы солнечный луч далеко продвинулся по стене.

– Еще одно, мадам. – Сесил потянулся к своей сумке с книгами. – Роясь в бумагах капитула, я наткнулся на это…

Он вложил мне в руки ветхий пакет из промасленной материи, перевязанный побуревшей засаленной лентой. Его спокойные пальцы уже прежде развязали узлы, и от моего прикосновения пакет раскрылся. Из него выпал блестящий, несмотря на долгие годы, пергамент, на котором было ровным почерком выведено:

«Моей дочери, принцессе Елизавете, принцессе Уэльсской».

Я не шелохнулась.

– Это духовная вашей матушки, мадам, – мягко сказал Сесил. – Она завещала вам свое имущество. И титулы: в девичестве она была пожалована маркизой Пембрук.

Я взглянула на пергамент.

«Сия последняя воля и духовное завещание составлены мною, Анной Болейн…» Распоряжения были ясны, документ краток, внизу красовался витиеватый росчерк , »Anna Regina» – королева Анна, «Semper Eadem».

В горле у меня стоял ком.

– Semper Eadem, сударь?

– Девиз вашей матушки, мадам. «Всегда та же».

Постоянна во всем.

Да.

Мне следует быть такой же.

– А ее имущество? Мои титулы? Мое наследство? Что сталось с ними?

Сесил передернул плечами.

– Все имущество, титулы и привилегии осужденного изменника отходят короне. Таков закон.

– Закон? – Я начинала понимать правила игры. – Тогда еще немного поговорим о законе, сударь. Вы сказали, брак короля с моей матерью был признан недействительным. На каком основании?

Сесил снова осторожно вздохнул и поглядел в сторону.

– На основании кровного родства, миледи. Прежнего союза… ваш отец состоял в телесной близости с родственницей королевы.

– Кровного родства? Союза с кем? С кем еще путался мой отец? Кто та ближайшая родственница, из-за которой рухнул брак королевы?

Теперь он смотрел мне прямо в глаза.

– Ее сестра, мадам… ее сестра Мария Болейн.

Ее сестра, Мария.

У меня тоже есть сестра Мария.

И у короля Генриха была сестра Мария, она умерла молодой в год моего рождения.

А вам известно, что, сохрани он верность первому выбору, я бы тоже стала Марией? В самую последнюю минуту, когда будущие восприемники уже несли меня в церковь, отец распорядился наречь меня не в честь своей сестры, не в пику старшей дочери, но в честь своей матери, Елизаветы, принцессы Йоркской.

«Мария» означает «горечь» – для нее и для ее близких. Однако Господь не прочь подшутить.

И при всем своем всемогуществе, Он, подобно ярмарочному шуту, не считает зазорным повторить добрую шутку и дважды, и трижды. И вот, три Марии в жизни Генриха, как у подножия Креста. И каждой – своя доля горечи.

Сесил ушел, отказавшись от ужина, Парри, начавшая было квохтать о нарядах, получила нагоняй и приказ укладывать вещи, а я вышла из королевиных покоев только в сопровождении Эшли и двух пажей. Сказать по правде, я не знала, куда идти, но направила стопы на закат, словно застигнутая тьмою паломница, чтобы идти, пока не подогнутся колени.

Мой отец и Мария Болейн.

Она была красавица, сестра моей матери, – об этом как-то говорила Кэт, – пышная и белокурая. Они с темноволосой Анной составляли пикантный контраст – одна дебелая, словно молочный сыр, другая – огонь и воздух. Мария вышла за сельского помещика, доверенного слугу короля, Вильяма Кэри, он потом умер от чумы, а она, как все, замаранные родством с Анной, никогда не показывалась при дворе. От мужа у нее было двое детей. Генри и Кэт. Потом она умерла, Генри женился, Кэт

вышла замуж, и пути наши никогда больше не пересекались.

А что я на самом деле знаю об этой далекой, давно умершей тетке? О тех чарах, которыми она когда-то приворожила моего отца?

Разумеется, для меня не было секретом, что он заводил шашни. Задолго до моего рождения – например, с Бесси Блант, дочерью Шропширского помещика, спелой, как первая земляника; король заприметил ее, когда Екатерина Арагонская очередной раз была на сносях. В довершение королевиных мук ровно через девять месяцев Бесси Блант разрешилась крепким мальчишкой, Генри Фитцроем. Вот уж кто был в полном смысле этого слова незаконнорожденный! Однако, хотя отец и сделал его герцогом Ричмондом, юный Генри не успел насладиться своим титулом, поскольку умер на восемнадцатом году жизни.

Но сестра моей матери! Сесил не оговорился: мистрис Мария обучалась постельному ремеслу при французском дворе, где Его Галльское Величество знавал ее как «английскую кобылку». И хотя Мария ублажала на своем ложе двух королей да еще и тешилась со множеством особ более низкого звания, никто, как заверил меня Сесил, не называл ее потаскухой. Ведь она была хорошего рода, благородного происхождения и еще более благородных устремлений. Ее мать – фрейлина Екатерины Арагонской, отец – один из первых лордов на крестинах принцессы Марии.

И пусть его прадед был всего лишь богатым лондонским купцом и торговал шелком. Что с того? «Золотые перья украсят любого ухажера, – говорил он сыновьям. – Летите повыше!»

Окрыленный этим напутствием, его внук посватался к старшей Говард, дочери герцога Норфолка, и не встретил отказа. В соответствии со своим знатным происхождением Мария была принята при французском дворе и стала фрейлиной французской королевы.

А с ней и младшая сестра, Анна.

Анна Болейн.

Моя мать. Как странно было слышать эти слова после стольких лет молчания. У меня не было матери. Я повторяла эти слова, пробуя их на язык. И чувствовала один привкус – привкус смерти.

Медвяная вечерняя теплота растаяла в воздухе, от реки тянуло промозглым туманом. Но у меня не хватало сил повернуть к дому, и я прибавила шагу.

О, Господи – впервые в жизни во мне родились нечистые мысли. Король, мой отец, взял мою тетку Марию из постели своего брата-короля, а потом переспал с ее младшей сестрой. Я

читала о подобных вещах – у римского историка Светония, например когда он описывает разнузданные нравы цезарей. Неужто отцу нравилось делить женщину, словно коня или плащ? Говорят, это нравится мужчинам. Или это такое удовольствие – спать с двумя сестрами, сперва со старшей (Марией, белокурой, пышной, податливой), потом с младшей (яростной, темноволосой, страстной)?

И я считала эти мысли грязными.

Когда девчонкой я была неопытной, незрелой, с неразбуженными чувствами, подумать только, как я тогда рассуждала! Доживи Генрих до моих дней, увидь он, что привозят из заморских краев мои моряки, чего бы он пожелал, дабы распалить свою похоть и ублажить свою плоть ?

Одну черную девку и одну белую ?

Тройняшек-девственниц ?

Чудовищно сросшихся сиамских близнецов ?

Довольно!

Я жалко цеплялась за слова Сесила. Венчанный муж блудит не ради собственного удовольствия. Королевские совокупления направляются свыше. Господь руководил Генрихом, когда тот оставил старую жену, Екатерину, и добивался новой, Анны. Господь открыл своему наместнику на земле Via, Veritas, Vita – путь, истину, жизнь.

Что еще?

Многое.

По крайней мере, в этот ужасный день Сесил открыл мне, что моя мать, Анна Болейн, не была развратницей. Будь она вроде Марии, удовольствуйся она ролью королевской наложницы, согласись по его первому слову оголять полные грудки, раздвигать пухлые ножки или поднимать округлый задок королю на десерт, она бы через год приелась своему властелину, вышла замуж за какого-нибудь услужливого придворного, из тех, кто не гнушается хозяйскими объедками, стала бы, как Мария, честной женщиной и почтенной матроной и дожила бы до преклонных лет.

Она бы не умерла.

А я – не появилась на свет.

И не шагала бы сейчас вдоль реки вне себя от злобы и возмущения. Против отца. Против того, что он сделал.

Пора было идти домой. Близилась ночь, дальнейшая прогулка грозила нездоровьем. На другом берегу сидели в гнезде два лебедя, два изящных серебристых силуэта поблескивали в сгущающихся сумерках. Я помнила их гадкими птенцами, когда они передвигались враскачку и хлопали крыльями, словно

чистильщики улиц в бурых ученических куртках. Как быстро они выросли! Как быстро растем мы все!

– Миледи! – Эшли догнал меня и тронул за рукав. Он без слов кивнул на дорогу, по которой приближались люди, – до нас уже доносились звуки дружеской возни и звонкий мужской гогот. – Соблаговолите повернуть назад?

Эшли был, разумеется, прав. Не пристало королевской дочери в темноте встречаться с ватагой придворных кутил. Однако, даже припусти я бегом, в тугом корсаже, в тяжелой робе и бесчисленных юбках мне все равно не скрыться. Лучше уж, раз встречи не избежать, встретиться лицом к лицу.

– Вперед, сударь!

Эшли лучше жены умел скрывать неудовольствие. Он просто кивнул и, подав знак пажам, отступил на шаг.

С каждой минутой становилось все темнее. Развеселая компания быстро приближалась.

– Чума на вас, посторонитесь, чуть в Темзу меня не столкнули!

– А что, может, тебя искупать?

– Прочь! Не напирай! – Шум мальчишеской возни, раскаты мужского хохота. – Эй, Джон! Посвети сюда, дороги не видать!

– Сейчас, сэр!

Блеснул фонарь, вырвав из темноты три лица, четко очерченных в свете дрожащего фитиля. Дальше неясно вырисовывалась толпа слуг: можно было угадать ливреи, остальное терялось во мраке. Всех троих я нередко встречала при дворе – это были юный Уайет, обычно очень бледный, а сейчас раскрасневшийся, еще смеющийся после шуточной потасовки с широкоплечим, мужественным рыцарем по имени Пикеринг, а между ними молчаливый, отрешенный, с потемневшим, будто от скрытой тоски ангельским лицом…

Кому ж это быть, как не лорду Серрею? Фонарь, высветивший их лица, озарил и мое. После всего, что мне пришлось в себе обуздать за прошедшее с ухода Сесила время, сделать бесстрастное лицо оказалось сущим пустяком.

– Милорды.

Пикеринг поклонился, как-то странно сверкнув глазами.

– Вы поздно прогуливаетесь, леди Елизавета.

– Как и вы, сэр.

Уайет хохотнул и взмахнул шляпой.

– Но мы веселились, мадам, а вы прогуливаетесь в одиночестве.

Я не удержалась и взглянула на Серрея.

– Милорд Серрей выглядит сегодня отнюдь не веселым.

Уайет расхохотался и пьяно вытаращился на Серрея.

– Мадам, он почитает себя оскорбленным. Старая сводня до нашего прихода отправила его любезную потаскушку с другим. На обратном пути он только и вымолвил: «Не ждал, что они посмеют так оскорбить принца».

– Молчи, болван, пока тебе кишки не выпустили!

С этими словами милорд потянулся к эфесу шпаги. Никогда я не видела его в таком гневе.

– Том, придержи язык. – Пикеринг грубо хлопнул Уайета по плечу, словно лев, утихомиривающий расходившегося львенка. Потом поклонился, в глазах его блеснула настороженность. – Простите его, мадам, он немного перебрал на нашей дружеской пирушке, и, поверьте, леди, не в притоне греха, не среди непотребных женщин, а в таверне, где милорда знают и чтут. Милорд, – кивнул он в сторону Серрея, который по-прежнему стоял, угрожающий, напряженный, как струна, – милорд озабочен важными государственными делами…

– Которыми отнюдь не следует тревожить принцессу, Пикеринг.

Серрей выступил в освещенный фонарем круг. Глаза его сейчас были агатовыми – не янтарными, не цвета выдержанного хереса; его густые кудри лучились в дрожащем свете, его улыбка притягивала меня, манила в заколдованный круг, как адамант притягивает железо.

Я дрожала, но не от холода. В голове зловеще звучало:

Дьявол в Воздвиженье адский свой пляс,
Люди болтают, танцует среди нас.

Воздвиженье в середине сентября. Сейчас. Сегодня.

– Куда вы направляетесь, миледи? Дозволите вас проводить? Разрешите, и нам не понадобятся фонари: ваша красота озарит путь.

Он снова стал безупречным придворным, готовым расточать то колкости, то комплименты. Мы двинулись ко дворцу, мой лорд рядом со мной, Уайет и Пикеринг в арьергарде. Пикеринг по-прежнему был начеку, перегруженный винными парами Уайет сник, словно наказанный ребенок.

Лишь раз по дороге мой лорд приподнял маску придворного острослова – у самых дверей дворца королевы, в тихом укромном дворике. Его спутники остановились чуть поодаль, все наши слуги – еще дальше. Нагретый дневным жаром воздух висел неподвижно, во дворе не ощущалось и малейшего дуновения.

Над дворцовыми башенками плыла полная сентябрьская

луна, круглая, теплая и золотистая, казалось, протяни руку – и зажмешь ее в кулаке. Он глянул себе под ноги, нахмурился, отвел взгляд. Потом поднял голову, принюхался, словно венценосный олень перед прыжком. Он был так близко, что я различала каждый прихотливый завиток на его шитом серебром камзоле, улавливала тонкое благоухание ароматического шарика у него на груди. Помимо воли я склонилась к нему, мечтая об одном – прильнуть к нему всем телом, укрыться в темном, теплом пространстве его плаща. Он вздрогнул, схватил меня за руку и тоже склонился ко мне, обхватил, придерживая, мой трепещущий стан.

– Миледи? – Его голос звучал очень тихо.

Все смотрели на нас. Я знала, что означают эти взгляды – для него, но гораздо, гораздо хуже – для меня. Однако его рука сжимала мою ладонь, она была такая сильная, он сам был так близко – мощный, стройный, желанный…

По телу пробежала дрожь, я ее переборола. Мне нельзя на него смотреть. Один взгляд – и падут последние покровы, я предстану перед ним во всей своей душевной наготе. Тогда я буду в его власти, а значит – погибну.

Далеко в лесу вскрикнула сова – печально, скорбно. Мне вспомнилась греческая девушка, которая отвергла влюбленного бога и была превращена в сову, чтобы холодными, бесплодными ночами вечно оплакивать свою постылую девственность.

Воздух был бархатный, роковое благоухание усыпило мою осторожность. Я подняла лицо. Его глаза горели, они жгли насквозь, они входили в меня, брали меня, познавали. Голова у меня кружилась. Ноги подкашивались.

– Прощайте, милорд, – прошептала я застывшими губами. – Добрый путь вам… прощайте.

Полуобморочный реверанс – ноги так и подогнулись сами, только бы не упасть…

Он яростно стиснул мою руку и не ослабил хватку, даже когда помог мне выпрямиться.

– Нет, мадам, – сказал он нежно, снова склоняясь ко мне для последних слов расставания, – не говорите мне «прощай». Мы еще увидимся: теперь вы сами понимаете, что это необходимо.

Необходимо…

Необходимо…

Купидон, мстя за свою слепоту, ослепляет влюбленных.

Слепая…

Слепая…

Слепая…

Глава 14

Я Другу сердце отдала,
Он мне свое – мы квиты.

Как легко любится впервые, когда чувство довольствуется немногим: воспоминанием о взгляде, тенью вздоха. «Мы еще увидимся, – сказал он, – теперь вы сами понимаете, что это необходимо». Пошла бы я замуж за лорда Серрея, спросила меня Кэт, когда-то давным-давно.

Пошла бы…

Пойду…

Иду…

Теперь оставалось лишь ждать, как повернутся события, а тем долгим теплым сентябрем они разворачивались быстро. Я жила, как юная послушница, монастырская девственница, которая принесла обеты и ждет, когда ее призовут к блаженству. Дни проходили, согретые золотым солнцем, напоенные благодатной влагой, пронизанные святостью. Я ничего не просила, ничего не ждала. Довольно и того, что он меня заметил.

Довольно? Да я и мечтать не смела о таком счастье!

И он, сам того не ведая, подарил мне гораздо больше. Его любовь спасла меня от себя самой и от всех моих недавних терзаний. Отец, моя бедная мать, даже то, что я узнала про Марию и Анну, горячечные, постыдные мысли об их плотских грехах – мысли о нем обратили этих демонов в бегство и подарили мне часы просветленной радости.

Я всегда с восторгом ехала ко двору и неохотно уезжала. Теперь же я мечтала об одиночестве, мечтала вернуться в надежные объятия Хэтфилда и тихо грезить о счастье. Однако судьба заготовила еще одну сцену для финального акта, и я, словно послушная актриса, играла отведенную мне роль.

Я играла ее в одиночку. Я не могла открыться Кэт: как сказать ей о своей капитуляции перед врагом? С единственной, кому я доверяла при дворе, мы оказались разлучены: после чудесного избавления королевы мы с ней ни разу не виделись с глазу на глаз. Она неотлучно находилась при короле и, как бы в благодарность, превратила дарованную ей жизнь в постоянное добровольное служение.

Марию я тоже почти не видела: она никогда не посещала наши обедни и вечерни. «Старая гвардия» по-прежнему окружала ее, возглавляемая Норфолком да и моим милым Серреем. Ее

старый дружок – епископ Винчестерский – тоже держался поблизости, смотрел на всех коршуном и выставлял вперед жирные кулачищи, словно собирался влепить кому-то затрещину.

И затрещину-таки влепили – только ему самому. Как-то в полдень меня отыскал Робин – с белым как мел лицом, но с гордо выпрямленной спиной. Его отцу велено в течение часа покинуть двор.

– Покинуть двор? За что?

– Он ударил Гардинера… Его преосвященство епископа Винчестерского – и поделом мерзавцу! – прямо по лицу!

– За что?

– Они поспорили, миледи, поспорили в совете.

– Из-за чего возник спор?

– Из-за того, что мой отец – правая рука лорда Гертфорда, а епископ стоит за Норфолка и «старую гвардию»!

Похоже, больше выспрашивать было особенно нечего. Но не станет ли Норфолк и его партия сильнее теперь, когда в совете не будет отца Робина? Этого сам Робин сказать не мог. Они ускакали, и я плакала, прощаясь с товарищем детских игр; ни он, ни я не знали, когда свидимся вновь.

В тот же день последовал долгожданный зов. «Прибыл королевский посланец, – ликующе возвестила Кэт, входя в комнату, где мы с Гриндалом заканчивали утренние занятия. – Вас приглашают сегодня вечером отужинать с королем и королевой в личных покоях короля».

Неужели мой лорд поговорил с королем? Что скажет отец? Моя жизнь, мои чаяния в его руках… однако если я сумею угодить королю, все может выйти по-моему.

Ужин с королем! В тот вечер я вышла из своей комнаты, разряженная, как на смотрины, в оранжево-красно-коричневом платье, расшитом розами Тюдоров. Это был настоящий розарий: цветы и листья украшали робу, выглядывали в прорезях юбки и рукавов. Королевская тема продолжалась в рубинах, которые шли по вороту и рукаву, в нитях рубинов и жемчуга, опоясывающих талию и спускающихся к подолу юбки. Огромный самоцвет на груди и головной убор в виде короны возвещали, что я принцесса с головы до кончиков расшитых розами бархатных туфелек, принцесса Тюдор sans peur et sans reproche![23].

Мысль о платье, которое польстило бы королю, пришла мне в первый же вечер при дворе. Если Мария наряжается пышно, я тоже наряжусь по-королевски! А Парри вложила в работу все умение свое и своих мастериц, хоть и боялась расходов, а особенно – недовольства своего брата-казначея, который, к счастью, остался в Хэтфилде.

Да, мне и впрямь следовало украсить себя снаружи, ибо внутреннее мое состояние не поддавалось никаким словам. «Это король, твой повелитель, твой земной Бог, – день за днем внушал разум, – все видящий, все знающий и всем, повелевающий. Разве может он ошибаться?»

«0н человек, – ночь за ночью вопили мои чувства, – и великий грешник – тиран и убийца, распутник и лицемер, гроб поваленный, отец коварства и сын лжи!»

Оба голоса по-змеиному шипели в голове, когда я проходила смолкшим, погруженным во мрак дворцом. Где ты, любовь моя, когда я больше всего нуждаюсь в тепле хрупких грез и надежд? Дрожа, я шла по королевским покоям, мимо тяжеловооруженных стражников, через внешние комнаты, мимо личной охраны, через аванзалу… Придворные, слуги, стражники расступались перед нами, и вот мы наконец в предпоследнем покое.

– Сюда, мадам.

– Ваше Величество! Леди Елизавета! Черная, обшитая дубом дверь захлопнулась за мною, отрезав от Кэт и Эшли, от гордо улыбающейся Парри, от всех, кто меня любит и поддерживает. В комнате висело приторное зловоние – ароматические духи не заглушали запаха гноя и крови. Обмирая со страху, потупив глаза, я переступила порог.

– Иди сюда, детка, – позвал зычный голос, которого я так страшилась.

Я медленно подняла голову. Отец развалился на обитом подушками кресле, у ног его примостилась на скамеечке Екатерина, рядом – наряженный маленьким щеголем Эдуард. При моем появлении лицо мальчика просветлело. Он вскочил, глаза его лучились нежностью.

– Сэр, вы разрешите, я распоряжусь, чтобы сестрице принесли стул?

Раскатистый фыркающий смех.

– Извольте, сэр принц!

Один из королевских кавалеров отделился от тени за дверью – это был сэр Энтони Денни, я знала его по королевским приемам – и усадил меня перед королем, рядом с Эдуардом. Я продрогла от вечернего холода и тем сильнее ощутила жар, идущий от огромного, во всю стену, камина, где пылали дубовые дрова в человеческий рост. Две другие стены, от пола до лепного потолка, занимали шпалеры, где в озаренных канделябрами чащах или на зеленых полянах, как живые, резвились Диана и Актеон, Цинтия и Эндимион, влюбленные томились от любви, охотники настигали жертву.

Комната была большая и низкая, залитая колеблющимся

светом. Однако, казалось, король занимает ее всю, раздается вширь до самых углов. Он снял узорчатый, украшенный перьями берет и был сейчас в бархатной, расшитой по переду золотой вязью шапочке. Здесь, в личных покоях, он был не в камзоле, но в просторной мантии цвета морской волны, обшитой золотой венецианской тесьмой и отороченной лисьим мехом. Рейтузы висели мешками на его мощных ногах, больная – раздувшаяся, в несвежих бинтах – покоилась на мягкой скамеечке. Утонувшие в жирных складках глаза шныряли туда-сюда, словно торопливые мыши, мясистое лицо лоснилось от пота. И тем не менее он был воплощением королевской мощи и остался бы им даже в повозке золотаря.

– Выпей вина, Елизавета! – приказал он. – У Кэт для тебя хорошие новости – лучше не бывает.

– Не у меня, господин! – В глазах Екатерины промелькнул страх. – Я тут ни при чем, сир, вы сами решили!

Он успокаивающе кивнул.

– Верно, душенька. Хоть ты меня к этому склонила, решил я сам. Так слушайте. Я окаменела.

Что еще? Что на этот раз? Будь начеку! Будь начеку!

– Мы порешили и соизволили…

Огонь жег мне лицо. «Его Величество порешили и соизволили… чтобы эту женщину казнили».

– ..чтобы тебя отныне именовали «принцесса Елизавета». Что скажешь?

– Сестрица! – Эдуард так и светился. – Теперь ты принцесса, как и я – принц! Какая радость, сестрица, какая несказанная радость!

Снова «принцесса»? Означает ли это, что я снова законная дочь? Или просто бастардесса королевской крови, Ее Побочное Высочество, дочь короля? О, Господи! Почему я не чувствую благодарности? Принцесса – это вам, не пустяк, уже лучше полбулки, чем совсем ничего!

Однако на душе моей было горестно.

Почему судьба никогда не одаривает полной мерой?

– Ну, девочка? – Теперь он хмурился, предупреждая, что недоволен. – Что язык проглотила? Говори!

– Благодари отца, сестрица, ну же, за его великую к нам доброту! – В голосе Эдуарда сквозил страх.

– Отвечай королю, Елизавета! – испуганно подхватила королева.

– Ну, если она не хочет…

Угроза была недвусмысленной. Я встала и бросилась к его ногам, обхватила их. Вонь была нестерпимой; у меня мутилось в

голове.

– Я потеряла дар речи, милорд, – шептала я. – Ваша милость ко мне неизреченна. Утром и вечером, до скончания дней, я буду благодарить Бога за вашу великую доброту!

– Хорошо сказано, девица!

Белая, как пудинг, рука появилась перед моим носом и похлопала по плечу: вставай, дескать. Эдуард и королева облегченно вздохнули.

– А Мария? – с детской прямотой осведомился Эдуард. – Она теперь тоже принцесса?

В дрожащем свете лицо короля сверкнуло гневом.

– Да, и она, – ответил он, сердито теребя мясистыми пальцами жесткую нашафраненную бороду, – потому что если одна, то и другая! Но не будет к ней моего благоволения, покуда она упорствует в старой вере! Пережевывает папистскую жвачку из индульгенций и мощей, бормочет что-то на латинском вместо того, чтобы обращаться к Богу на родном языке, – я этого так не оставлю!

Значит, Мариина звезда закатилась – как же так?

И если король отказывает ей в благоволении, то что будет с ее сторонниками?

И с моим лордом?

– Если позволите сказать, мой добрый повелитель, – начала Екатерина, быстро взглядывая на него снизу вверх, – принцесса Мария во всем склоняется перед вашей волей…

Однако даже это робкое заступничество взбесило короля:

– А у себя в покоях склоняется перед папистскими идолами, – взревел он, – как я слышу от тех, кто знает ее повадки. Жжет свечи и кадит ладаном с долгополыми римскими изменниками! Лучше б ей вовсе не рождаться на свет!

Кто настроил короля против Марии? Ведь всего несколько недель назад она была в фаворе. Кто предал ее, кто доносит на нее, чтобы завоевать расположение короля… на нее и на ее сторонников?

Он хмурился, словно огромное морское чудище, до половины скрытый волнами своего гнева, сверкая одним глазом, полуприкрыв другой, бормоча себе в бороду. Мы сидели замершие, всем своим видом воплощая покорность.

– Эй, олухи! – заорал король. – Несите есть, пока не уморили нас голодом!

В мгновение ока перед нами оказались накрытые камчатной скатертью козлы, уставленные всевозможной посудой по крайней мере на двадцать едоков.

– Кого вы сегодня ожидаете, сир? – вымолвила я в изумлении.

– Кто обедает сегодня у Вашего Величества?

Он зашелся от хохота, так что затряслось кресло.

– Король Генрих обедает у короля Генриха! – ревел он. – Кто больший гурман и более желанный гость, нежели мы сами – и наше доброе семейство! Несите кушанья!

Вошла процессия, словно при открытии парламента; внесли салат из слив, огурцов и латука, тушеных воробьев, карпа в лимонном соусе, куропаток в жире и аиста в тесте, устриц с ветчиной, угрей в желе, фазанов с вишнями, груши с тмином, засахаренный сыр и айву со взбитыми сливками, и еще блюда, и еще, покуда я не сбилась со счета.

Начали мы с вина и чуть в нем не захлебнулись; прислужники, сообразуясь с непомерной королевской жаждой, подносили все новые чарки, вынуждая нас с бедняжкой Эдуардом пить куда больше, чем следовало бы в его нежном возрасте. С вином в продолжении всей трапезы подавали хлеб – не белый, тонкого помола, как пристало бы королевскому столу, но грубый ржаной, каким питается простонародье, – землисто-бурый и жесткий, что твоя подметка; король собственноручно ломал его на огромные ломти и жадно заглатывал.

– Хлеба принцу! – кричал он с набитым ртом. – И принцессе тоже! Ешьте хлеб, – понуждал он нас, – ешьте! Это основа жизни! – Он махнул слуге. – Еще хлеба! Еще вина! – Медленно повернул бокал. Вино было алое, словно кровь.

– Хлеб, – пробормотал он, – и вино. Наступила зловещая тишина.

– Я много думал. Кэт, – заключил он наконец. – о твоих давнишних словах.

– О моих, милорд? – Екатерина вздрогнула. – Если я чем-то вас огорчила, милорд, молю, забудьте!

– Нет, вспомни, Кэт, в чем ты меня убеждала: обедня должна быть проще, это скорее общение человека с Богом, нежели лживые ритуалы, ханжеские уверения в Его якобы присутствии.

Меня чуть не вырвало со страху. Анну Эскью да и других тоже сожгли за то, что они не верили в присутствие Бога за обедней!

Екатерина поникла головой. Ручаюсь, она думала, что сейчас двери растворятся и войдут стражники.

Однако король продолжал:

– Я подумываю о том, чтобы реформировать обедню – пусть это больше походит на пиршество хлеба и вина, доброе пиршество друзей, пиршество хлеба…

– О да, сир! Истинно, Господь внушил вам эти слова!

Это сказал Эдуард, он весь горел внутренним огнем. Откуда такое рвение? Я была ошеломлена, даже хуже… На кого он

походил в эту минуту, кого он мне напомнил?..

Господи, спаси и помилуй! Марию! Марию. Он был сейчас вылитая Мария в ее религиозном, ослеплении. Пусть она папистка, он – протестант, обоих жжет пламень фанатизма. Я же всегда тяготела к среднему пути… и, Боже, сохрани нас от фанатиков!

– Ты так говоришь, сынок. – Король легонько фыркнул, словно загнанный жеребец. – Слышала, Кэт? Ex ore infantium… Из уст младенцев и грудных…[24].

Екатерина не замедлила подхватить:

– И малое дитя будет водить их. Король нахмурился.

– Боюсь, Кэт, ему придется! Боюсь, придется!

Лицо его задрожало от великой скорби, глаза наполнились слезами.

– Кого я буду водить, сэр? – весело встрял Эдуард. – Кого мне придется водить? Он думал, это игра.

– Две своры гончих псов, – тяжело произнес король, – две стаи, где каждый повязан с другим и каждая свора охотней грызет другую, чем преследует лису.

Он повернулся и взглянул Эдуарду в лицо.

– Слышите меня, сэр? Эдуард побелел.

– Слышу, отец и повелитель.

– Ты – охотник, они – псы. Не забывай этого. Лиса – проклятие Англии либо ее благо. Их долг преследовать ее для тебя – впереди тебя, но под твоим водительством. А ты держи их на сворке или спускай всю свору, но не ради их свары, а ради своих свершений. Слышите, сэр?

– Слышу, милорд.

Эдуард слушал. Но и я слушала, и слышала больше него. Ведь я видела партии, видела гончих псов, знала силу руки юного Эдуарда – ему ли сдержать их бег?

Отец прочел мои мысли или сам подумал о том же.

– Ладно, неважно, – пробормотал он. – Будь покоен, я избавлю тебя от этого. Я истреблю их главного гордеца, этого Люцифера, который хочет сиять твоим светом и править вместо тебя! Уж с ним-то я успею покончить!

Великого Люцифера…

Так мой лорд называл графа Гертфорда. Гертфорда решено истребить? Теперь я поняла: король его казнит.

Глава 15

Я не любила лорда Гертфорда, брата дурнушки Джейн – Джейн, которая разлучила Генриха с Анной и сделала меня незаконнорожденной, ублюдком. Но мне совсем не хотелось видеть, как отец по локоть в крови рубит головы лордам. И я искренне обрадовалась, когда король закончил свои речи:

– Можешь оставить двор, Бесс, и взять брата с собой.

Я с облегчением сделала реверанс. Значит, лорд Серрей не говорил с королем? Он поговорит – обязательно. А я подожду. Эдуард поехал со мной в Хэтфилд, и для нас вернулись прежние золотые денечки – мы шутили, как дети, и смеялись от всей души. Потом король велел Эдуарду возвращаться к себе, в усадьбу возле старого Бернхамстеда. Мне тоже велено было переехать, в королевский дом в Энфилде, чтобы проветрить Хэтфилд после Эдуарда и его свиты.

– Как, сестрица, мы не будем вместе справлять святки?

Эдуард расстроился и, прощаясь со мной, горько рыдал. Я писала ему почти каждый день и сразу принялась вышивать рубашечку белой гладью и золотом, в подарок на Новый год, когда мы снова увидимся при дворе.

Энфилд был ужасен, погода – еще хуже. Промозглый восточный ветер гулял по усадьбе, свистел в оконных переплетах, гонял по полу тростник. Небеса хмурились; пасмурный ноябрь сменился тоскливым, сумрачным декабрем, не побаловав нас ни единым солнечным деньком.

Письма от Екатерины я получала чаще, чем писала сама, – ее раболепство перед королем остудило мою любовь к ней. И все же я радовалась вестям о короле и новых лицах при дворе: сейчас у королевы гостили две девушки по фамилии Грей, мои двоюродные сестры, дочери отцовской сестры Марии, умершей в год моего рождения.

Однако письмам от Эдуарда я радовалась несказанно, а одно просто растрогало меня до глубины души:

«Перемена обстановки не так огорчает меня, любезная сестрица, как наша с Вами разлука. Теперь я один и радуюсь каждому Вашему письму. Одно утешение: мой церемониймейстер обещает, что вскорости я смогу Вас навестить (если ни с Вами, ни со мной ничего не случится). Прощайте, дражайшая сестрица, и поскорее пишите любящему Вас брату Эдуарду».

Бедный, одинокий Эдуард! Я подняла глаза от пергамента. Передо мной стоял один из дворян моего брата, молодой белокурый паж по имени Ласи.

– Как поживает брат? – спросила я.

– Мадам, он здоров, и каждое ваше письмо наполняет его радостью. Он просил сторицей вернуть вам ваши добрые пожелания и приветствия, а также сказать, что желал бы видеть вас рядом с ним – особенно сейчас.

Что-то в его тоне заставило меня промедлить с ответом.

– Особенно сейчас, сэр? Он подался вперед.

– От двора до нас долетают странные слухи о грядущих переменах. Якобы один из первых лордов прогневал короля и теперь обречен. Один, по меньшей мере. Придворные мухи жужжат об этом до умопомрачения, но никто не знает, где и когда грянет гром.

– И больше ничего не известно?

– Только то, что король затворился в своих покоях и никому не показывается. До себя он допускает одного сэра Энтони Денни.

Денни! Вспоминая этого неприметного человечка, я не могла взять в толк, за что король его так отметил.

– А в совете?

– В совете сейчас верховодят двое, они вещают от имени короля: сэр Вильям Паджет, лорд-секретарь, и сэр Томас Ризли – лорд-канцлер.

Ризли! и Паджет! Главный политик и правая рука! Оба из партии Норфолка, который будет противиться Сеймурам до последнего издыхания. Значит ли это, что лорд Гертфорд, этот гордый Люцифер, обречен? Что он непременно падет?

– А лорд Гертфорд?

– Он, похоже, по-прежнему числится среди придворных, но с отъездом вашего брата лишен возможности видеться с королем.

С отъездом племянника и воспитанника Гертфорд утратил всякую власть над королем.

А следом утратит и жизнь? Мне ничуть его не жаль, я не умею лицемерить, как мой отец.

– Так вы говорите, полетят головы?

– Таковы слухи, мадам.

– Благодарю вас, добрый сэр.

Я отослала его восвояси с благодарностью и наградила деньгами за добрые вести. Однако вести эти, словно угощение эльфов, лишили меня покоя и возбудили еще больший голод.

И не только по вестям я томилась. Лорд Серрей крепко засел в моем сердце, – и, чтобы наказать себя за слабость, я так же крепко засела за учебу. В отместку за упаднические мысли я без устали скакала верхом, совершала пешие прогулки, постилась, чтобы вышибить из тела дурь и проветрить голову. Когда он попросит у отца моей руки? Что скажет отец? Моей руки – что за

девчоночья глупость? Я не властна в своей руке, не мне соглашаться или отказывать. А если б и мне… согласилась бы я… решилась бы… избрать его.

Нет, – говорил разум. Помогите! – взывало сердце.

Но никто не помог. Кэт внимательно наблюдала за мной и многое подмечала, но высказывалась редко, а если и говорила что-то, то на это легко можно было не обращать внимания. В сочельник мы по старинке устроили небольшую пирушку, чтобы встретить младенца Христа и отогнать лукавого. Однако праздники прошли, а тоска осталась. Остался и голод, но, как оказалось, ему вскорости суждено было утолиться.

Это случилось между Рождеством и Новым годом, когда сама земля замирает и время течет вспять, в нескончаемую зиму. Гостей в Энфилде не ждали, даже еженедельный курьер с трудом добирался по заснеженным дорогам. В тот день мы уже отобедали, смеркалось, и Кэт объявила, что не позволит мне вышивать, так как не хочет, чтобы я портила зрение. Вдруг в морозном воздухе послышался конский топот и крики. Кто это явился нарушить наше уединение?

Через минуту в двери вбежал запыхавшийся паж.

– Мадам, ваш брат, принц… его сиятельство, ваш брат… Я вскочила.

– Говори, олух! Не…

Не… умер? Я не решилась выговорить эти слова.

– Ничего плохого, милая сестрица! Это он, мой бесценный мальчуган, – он ворвался в дверь, как был, в дорожном плаще, словно мы вчера расстались. Слезы радости мешали мне говорить.

– Эдуард! Зачем вы здесь? Он рассмеялся, лицо его, раскрасневшееся с морозу, в свете камина казалось почти багровым.

– Чтобы навестить вас, дорогая сестрица, зачем еще?

– Но…

Он кивнул, его так и распирало от радости.

– Но вы не ждали! Да и я тоже! Но послушайте, Лисбет, какие дела творятся! Вы не поверите! Сейчас я расскажу, что случилось при дворе. Раскрыли заговор, нашли предателя, да, и его ближайшего родственника, возле самого трона. Их казнили! Отец; по-прежнему могучей рукой истребляет всякое зло, которое нам грозит…

Мои мысли забегали вперед его сбивчивых слов.

Значит, лорд Гертфорд, этот князь тьмы, нашел свою смерть, а с ним и «гордый Том», как обещал и предвидел отец. Целая буря чувств всколыхнулась в моем сердце – радость, что погиб тот, кто

угрожал Эдуарду и всем нам, и гордость, да, гордость за отца, чьи мощь и решимость не угасли в дряхлеющем теле. Он по-прежнему в силах защитить нас от хищных волков! Да здравствует король! Да здравствует Эдуард и да здравствуем мы все!

Едва брат договорил, я чуть не придушила его в объятиях.

– Минуточку, милорд принц, позвольте на вас взглянуть! – игриво произнесла я. – Успеем еще наговориться! Сейчас я распоряжусь, чтобы к вечеру устроили пир! Мы повеселимся, потанцуем и подурачимся, как встарь. Что вы скажете насчет жмурок и салок? Старый год на исходе. Чем встретим новый?

– Нет, сестрица, мне нельзя… – Он осекся и боязливо оглянулся через плечо. – Милорд сказал, чтобы я не давал обещаний и не отдавал распоряжений.

– Лорд? Какой лорд?

Теперь я различила в нижнем этаже приглушенный говор и лязганье оружия.

– Эдуард… кто привез тебя сюда? Лицо его побелело как полотно.

– Кто, как не милорд?

«Кто, как не милорд?» Страхи, надежды, фантомы проносились у меня в голове. «Кто, как не мой лорд?»

Думай! Думай как следует! Если Гертфорд мертв, кто мог занять место наставника и опекуна при Эдуарде? Не Ризли, это точно. Может быть, герцог Норфолк? Или мой, мой лорд, его сын, лорд Серрей?

Шаги уже слышались на лестнице – тяжелая солдатская поступь, но один звук главенствовал над всеми: стук придворных каблуков по голым деревянным ступеням. Лицо Эдуарда заострилось от страха.

– Кто привез меня сюда? Вот и он сам, сестрица.

Он шагнул к двери. Мои глаза широко раскрылись, горя желанием увидеть того, кто войдет.

И он вошел. Высокий, темноволосый, едва различимый в полумраке…

Закутанный с головы до пят черным плащом, в черной, надвинутой на лицо шляпе…

Это не он, это не может быть он. Неужто он воскрес? Я затрясла головой, силясь отогнать наваждение.

Но он стоял там, где стоял… все тот же лорд Гертфорд, великий князь тьмы, вооруженный, с сорока солдатами.

– Эдуард!

Я вцепилась в него, прижала к своей груди. Спасти его! Они пришли за ним, за нами обоими, заключить нас, как принцев, в Тауэр[25], уморить до смерти!

Но кто – «они»? Черный лорд вошел один, без брата. А его люди выглядели притихшими, опечаленными – они толпились у дверей, не решаясь войти в комнаты.

И если черный лорд Гертфорд жив, то кто казнен? Кто заговорщик, кого отец предал смерти, чтобы мы жили?

Страшная догадка, словно чернилами, затопила мой мозг. Лорд Гертфорд высился в дверном проеме, словно ворон-вещун, готовый прокаркать страшную весть. Он смотрел скорбно и странно. Потом сделал шаг вперед, обнажил голову и опустился на колени. Без шляпы, коленопреклоненный, он склонился перед нами молча, словно на молитве, – и я поняла, что он пришел сказать.

Эдуард тоже понял, его лицо помертвело, дыхание замерло в гортани. Наступило то молчание, когда мир затихает, чтобы слышать рыдание душ или плач ангелов. Когда граф заговорил, его голос прозвучал, словно трубный зов:

– Сир, Господь призвал вашего родителя к вечному успокоению. Вы – наш король, наш повелитель и господин; прошу вас принять мою жизнь и служение – они ваши.

Послесловие к моей первой книге

Разумеется, я рыдала, я пролила реки, что реки – океаны горючих слез. И Эдуард тоже – мальчуган ревел как белуга. Но о Генрихе ли мы скорбели, об отце, которого больше не увидим? Нет: я оплакивала моего лорда, моего лорда Серрея, господина моего сердца, – я сразу поняла, что его нет в живых, хотя и не знала, как он умер. Раз Гертфорд жив, значит, погиб Серрей – двум таким звездам не сиять на одном небосводе, и звезда Серрея закатилась. А Эдуард рыдал от потрясения, от страха, он оплакивал свое ушедшее детство и то, что ждет впереди. Однако, что бы ни было причиной слез, мы, как дети и королевские подданные, не скупились на них, и в память короля и родителя было пролито должное количество соленой влаги.

Остальные известия уместились в нескольких словах. Эдуард – король по праву наследования и по духовному завещанию короля; мой самонадеянный отец, этот венчанный себялюбец, не мог принять небесный венец, не утвердив на земле свою посмертную волю, – какое самомнение, распорядиться троном, как собственностью, отказать его по духовной, словно стульчак!

Лорд Гертфорд сказал, что в числе наследников короля упомянул и меня – после Марии, когда-то его единственной преемницы. После короля, пока Его Величество король Эдуард не

произведет потомства, наследницами остаются сперва Мария, потом я. «Однако надо надеяться, – добавил лорд Гертфорд, – что Господь в Своей великой милости убережет нас от подобного бедствия. Вы, леди принцесса, и ваша сестра включены в духовную, чтобы придать веса законным правам короля, вашего брата, а не чтобы править – ведь нельзя и помыслить, что женщина будет править мужчинами».

Поразительно, как немыслимое – власть женщины над мужчинами – становится мыслимым под угрозой утратить власть. Даже отец на смертном одре предпочел бы оставить трон ненавистной дочери, плюнув на освященный веками порядок наследования по мужской линии, лишь бы сохранить его за Тюдорами. Однако никто тогда не думал, что до этого и вправду дойдет.

– О, не надо сейчас об этом! – в истерике вскричала я и мысленно пожелала ему смерти.

В ту минуту я предпочла бы видеть его в гробу и на катафалке, если бы его смерть вернула мне лорда Серрея. Ведь мой лорд погиб, впав в немилость у короля за соперничество с Гертфордом и Сеймурами, которых король избрал в опекуны Эдуарду, поддерживать и направлять его до последнего вздоха. Король страшился, что распря Норфолков и Сеймуров ввергнет страну в пучину междуусобиц, – и нанес упреждающий удар.

А мой сумрачный лорд – не Гертфорд, но Серрей, мой лорд сумерек и безвременной смерти, мой лорд Серрей сыграл ему на руку. Тщась доказать, что они с отцом более других достойны водить рукой юного короля, Серрей похвалялся королевской кровью, величал себя принцем, бахвалился гербом древних правителей Англии. В глазах короля, одержимого страхом, что его сына обойдут самозванцы, и предсмертной боязнью, что он не успеет при жизни оградить мальчика от измены, это было равнозначно смертному приговору.

Его взяли в доме лорда Ризли – да, в доме нашего лорда Ризли, не правда ли, насмешка судьбы, – того самого Ризли, который еще за несколько недель до того числился одним из самых ярых его сторонников? Я была так далека от двора и дворцовых перешептываний, что не знала: оказывается. Поджег и Ризли отвернулись от Норфолка, от Марии, Гардинера и Серрея, едва провалилась атака Ризли на Екатерину. Это, как понимала я теперь задним умом, убедило их, что король принял сторону новой веры и новых людей. В тот день в цветнике, когда Ризли свалил вину на моего лорда, земля зашаталась у него под ногами, хоть он того и не знал.

Говорят, на суде он отбивался, как лев, как истинный принц,

и смело оборонялся – немудрено, ведь в жилах его и впрямь текла королевская кровь! Однако что толку, ведь его судили враги: лорд Гертфорд и Томас Сеймур, которого король перед самой смертью приблизил к себе, и эти иуды Риз ли и Паджет, а с ними отец Робина Дадли и прочие приспешники Гертфорда! Никто не вступился в его защиту, его осудили единогласно и вскорости обезглавили.

Он умер за неделю до короля; сойди Генрих в могилу неделей раньше, мой лорд остался бы жить – смерть короля снимает все обвинения в измене. Его отца, Норфолка, тоже осудили на казнь, но ему судьба улыбнулась, уморив-таки короля, и теперь он прохлаждается в Белой башне. Говорят, старого герцога Норфолка немного утешила весть, что жена лорда Серрея – его жена! Господи, кто из нас о ней вспоминал! – его постылая жена разрешилась мальчиком…

Однако в остальном надежды и планы Норфолков рухнули, их сторонники в опале, их приспешники попрятались, кто куда. Его преосвященство епископа Гардинера прогнали прочь от двора, Марию выслали в какую-то захудалую усадьбу – пусть поразмыслит на досуге, какой вере ей придерживаться.

Таким образом, об Эдуарде король позаботился. Обо мне и о Марии тоже: он оставил нам деньги, поместья, королевское приданое. Однако об одном вопросе, который всю нашу жизнь будет возникать при сватовстве или наследовании, он на страницах своего пространного завещания умолчал. «Законная, я дочь или нет?» – вопрошала, нет, вопила моя душа вослед его отлетающему духу. Но ответа не получала.

Положа руку на сердце, сейчас я думаю, он попросту не знал. За всей этой матримониальной чехардой, когда он объявлял то одну, то другую своей единственно законной женой, покуда не обнаруживал, что она неверна ему либо в сердце, либо пониже пупка, так что с ней можно развестись или разделаться покруче, – как было упомнить все якобы законные доводы, все крючкотворство, все юридические ухищрения? Как и все, кто его окружал, мы с Марией и в жизни, и в смерти были для него пешками. Он двигая нами обеими, как двигал всеми остальными: сперва соизволил и порешил смешать с грязью и заклеймить незаконными, потом произвел из грязи в князи, чтобы подкрепить законные права Эдуарда на трон Тюдоров.

Ладно, пусть так. Он ушел на последний суд, так и не решив, который из его браков – законный. А я осталась с клеймом «незаконнорожденная» на веки вечные. И «маленькой шлюхой» в придачу; ибо поклеп, который возвели на мою мать, тоже оказался увековечен – король один мог исправить причиненное

ей зло и очистить ее память от скверны. А с его смертью я волей-неволей приобрела и третье прозвание: к ублюдку и «маленькой шлюхе» судьба приписала горькое слово «сирота». Трижды проклятая!

И без сподвижников, как у Эдуарда, без высоких вельмож, которые держали бы мою сторону и сражались за мое дело, как пойду я по жизни, поддерживаемая только Гриндалом, Робином и Кэт?

Здесь кончается первая книга моей истории

Книга 2 Девственница
Пролог

Я осиротела, но утрата стала для меня обретением. Теперь я была уже не «дочь Его Величества», а «ее высочество сестра короля» и стала вровень с троном. Мы не будем править, ни я, ни Мария, это все понимали. Но теперь даже мой титул возвеличивал меня в глазах людей. Право именоваться сестрой короля было в ту пору моей величайшей радостью.

И неожиданно для себя я оказалась девицей на выданье. Мы с Марией были едва ли не самыми ценными девственницами в Европе. Девичество, что про него скажешь? Конечно, лучше быть девственницей, чем внебрачным ребенком, тут уж вы мне поверьте, но само по себе это положение тяжело, печально и скучно.

Ведь в жизни девственниц нет места любви, какое бы значение в это слово вы не вкладывали. Virgo intacta, vincere scis, victoria uti nescis – именно так писал этот похабник Катулл. «Дева, ты знаешь, как победить, но не знаешь, что делать со своей победой».

«Но ты знаешь, как продать себя подороже», – насмехался он, uti for o scis, ведь он считал всех женщин продажными. Однако он был прав насчет тех дев, что расставляют свои сети, даже не зная, какая добыча в них попадет. А так как сам Катулл был известным бабником, обольстителем и настоящим бичом девственниц, то он знал, о чем говорил.

Ведь каждая блудница была когда-то девственна. Даже моя тетка, Мария Болейн, краля двух королей, как про нее говорили, и содержанка простолюдинов в придачу. При крещении в невинные младенческие годы ее назвали в честь Пречистой Девы, и уж потом она получила прозвища гулящей девки, потаскухи, дочери разврата.

Сесил рассказывал, что Анна следила за превращением Марии из Мадонны в блудницу и видела свое будущее иным. Став фрейлиной королевы Франции, она узнала, что noblesse не обязательно oblige[1]. И хотя сам французский король, насытившись сладкими прелестями Мариинога тела, захотел попробовать другой лакомый кусочек – ее сестру, Анна ценила свою стройную фигурку слишком высоко, чтобы стать простой кобылкой, пусть и под царственным седоком. Она отшила его с таким дерзким достоинством, что, как он сам потом клялся, ее отказ доставил ему больше удовольствия, чем податливость

Марии.

Несмотря на притязания короля, в своих собственных глазах Анна ощущала себя ничуть не ниже королевы – некогда покорительницы мужских сердец. После возвращения в Англию она добилась нечто большего, чем просто внимание короля; он попался в крепкие сети ее достоинств.

Ибо после пятнадцатилетнего брачного союза Генрих пожинал печальный урожай. И как ни усердствовал он на любовной ниве, ему не удалось добиться плодов мужского пола, которых он так жаждал. Он брюхатил королеву Екатерину каждый год, но его семя давало совсем не те всходы, на которые он рассчитывал. Вместо толстого светловолосого мальчугана госпожа Природа выдавала ему выкидыши, мертворожденных и недоношенных; младенцев, которые умирали через несколько дней или даже часов. Поле было отравлено, и все труды его были тщетны.

И в довершение всего он устал; устал от тучного женского тела, изуродованного множеством беременностей, устал от любви, в которой не осталось ни капли желания. Ничего удивительного, что сплетня о том, что новая молоденькая блудница явилась из Франции – Франции, земли наслаждений! – не прошла мимо его ушей. Один взгляд ее черных, как спелые сливы, глаз заставлял мужчину согрешить в сердце своем быстрее, чем шелест ее огненных шелков зажигал пожар в его чреслах.

Добродетельная блудница, девственная блудница, свежая и нетронутая, однако воспетая в любовных балладах столь древних, что в те времена, когда Клеопатра была молода, они были уже не новы. Юная фрейлина – в ожидании своей судьбы, в ожидании того, кто заплатит достойную цену.

О, эти глаза, горящие, как уголья, на лице целомудренной свеженькой, молоденькой французской блудницы…

Она, Анна Болейн, конечно, не была блудницей, хотя королю и хотелось в это верить: сначала потому, что эта мысль разжигала в нем пресыщенное желание и помогала преодолеть то, что позднее выявилось как «королевская несостоятельность»; потом потому, что ему не терпелось избавиться от нее любыми средствами.

Влюбленный мужчина, мужчина разлюбивший скажет вам все, что угодно, так же как и женщина, которая когда-либо любила; это запечатлено у меня в сердце.

Но блудница? Лишь тогда, когда она уступила ему, известному развратнику!

Ведь Генрих знал, что ему нужно. И хотя она крутила и

петляла, убегая от влюбленного преследователя; выскальзывала из сетей, когда он подбирался слишком близко; обрывала и сдваивала след, как легконогая лань, – Генрих знал, что ей не уйти.

И еще он знал, как неразлучно охотятся вместе два грозных божества – eros и thanatos – любовь и смерть. И хотя им двигала страсть, он гнал ее, как король из старой сказки, преследовавший самку единорога, зная, что погибнет вместе с ней, едва только накинет ей на шею золотую цепь.

В первый раз в жизни король был влюблен, влюблен по уши. Женитьба в юности была лишь мечтой об Анне, как исповедовался он в своих нескладных любовных виршах, тенью этой страсти, испепелявшей его сейчас. С той поры, когда он еще мальчиком ухаживал за маленькой испанкой, одаривая ее вниманием и подарками, прошла целая жизнь. Теперь королевские ювелиры, художники и даже садовники были засажены за работу, чтобы его любовь изливалась на Анну золотым дождем.

«Посылаю вам браслет чистого золота, букет роз и мой портрет в оправе из рубинов и алмазов и надеюсь, моя милая возлюбленная, что они будут приняты с благосклонностью», – писал он ей.

Какая приниженная мольба! Это не для такого человека, как он, это не для короля. Но король или нет, а при одной мысли об Анне он робел, как мальчишка. «Прошу вас, моя госпожа, не отнимайте у меня надежды», – умолял он ее, когда в Гринвиче она отказалась пройти с ним в беседку, увитую жимолостью, выставив его на посмешище всего двора.

«Надежду на что, государь?» – обронила она, и ее глаза, похожие на черные миндалины, взглянули ему прямо в лицо, прежде чем снова опуститься долу.

Он простонал: «Только на то, что в один прекрасный день мне удастся найти себе обитель, пусть бедную и убогую, в каком-нибудь уголке вашего сердца».

«Чем она опоила его?» – шипела Екатерина в припадке ярости.

«Кто знает, мадам? Однако не бойтесь, Бог милостив, это пройдет, пройдет!» – утешали ее придворные дамы.

А сами за спиной держали скрещенные пальцы, чтобы защитить себя от дурного глаза и чтобы отвести наглые черные глаза колдуньи – мистрис Анны Болейн, чары которой теперь были властны над жизнью и смертью короля.

Знала ли она, что несет с собой любовь богов? И что все древние народы верили, что только женщина, хранящая

девственность, может уберечься от беды?

Конечно, она хранила чистоту много лет, удерживая льва на расстоянии, оберегая свое сокровище пуще всех самых дорогих его даров. Как и Генрих, она ждала их с королевой развода, этого чудесного освобождения от обета, что заставит старую ведьму Екатерину раствориться в клубах папского фимиама, и тогда новая королева во всем блеске славы займет ее место.

Но ни один мужчина не может ждать бесконечно. И меньше всего он.

«У короля Генриха редкий аппетит; его желания безграничны».

Так говорила Мария, теперь благополучно пристроенная замуж за добросердечного человека, бывшего оруженосца, который был не только счастлив, но и польщен таким «наследством» короля, и ее слова оказались и обещанием и предупреждением одновременно. Когда после семи долгих лет, ушедших впустую. Папа наконец решился сказать «нет», Анна поняла, что теперь пришел ее черед сказать «да».

Вот где проявился характер! Без развода женщина помалодушней, вероятно, потеряла бы всякую надежду, что желанная свадьба когда-нибудь состоится.

Но возвышенная натура – Анна – сразу почувствовала, что «нет» Папы Клемента больно уязвит самолюбие Генриха и заставит томящегося от нетерпения любовника повысить ставки. Папа не дает разрешения? Ах так! Обойдемся без него!

И тогда в отважном новом мире, родившемся, как феникс, из пепла старого, король будет действительно свободен и она больше не будет «наложницей», «великой блудницей» католиков, а станет настоящей королевой. И чего будут стоить их оскорбления, что будет значить их осуждение, если вся их вера, вместе с их идолами, мощами, ритуалами и канонами, даже сами слова их католической мессы развеяны над морем.

Как, когда и где поставила она на кон девственность в надежде обрести взамен корону и сына? Никто не знает, известно лишь, что сплетни порочили ее за много лет до того, как она разделила с королем его ложе, в те годы, когда она была еще девственницей, девственной владычицей его сердца, и Генрих из кожи вон лез, чтобы сделать ее королевой на самом деле.

Быть девственницей и все-таки – королевой?.. Получить власть, не теряя власти?.. Разве это не лучше, не прекрасней?.. Известно ли вам, под каким знаком рождаются в сентябре? Кто же я, если не «дева»? Видно, сам Создатель начертал в звездах мою судьбу.

Virgo, virgin is, снова вернулись к девственности. Наш

Господь был рожден девственницей, по крайней мере так нам говорили о нем и о других: о восточном Будде, о мудреце древности Платоне, о монгольском завоевателе могущественном Чингисхане. Мы должны и в это верить? Virgo, virginis, virgines, virginibus… Из всех инструментов я больше всего любила вирджиналы, несмотря на их дурацкое название. Мне всегда нравился их строй, тихий и жалобный, нежный, но резкий. Анна тоже была музыкальна, но она стала инструментом, а не исполнителем; король играл на ее ладони, шее, грудях, на складочках ее тела, а ей оставалось лишь подчиниться и превратить свое тело в музыку для его утех.

Генрих был замечательным музыкантом… но все-таки…

Послушайте теперь, как я усвоила, что девушке нельзя терять головы.

Глава 1

Король умер.

Нет – король стоял передо мной. Сдерживая слезы, он высвободился из моих рук, и с каждой секундой мантия королевского величия окутывала его все плотнее. Даже на первый взгляд Эдуард показался мне выше, прямее, неподвижнее, и в его бледных глазах появилось какое-то новое выражение – отстраненность. Я смиренно опустилась на колени рядом с лордом Гертфордом и оставалась в таком положении, молясь и всхлипывая, еще долго после того, как новоиспеченный король в сопровождении темнолицего графа удалился в свои покои.

Следующий день был последним днем января тысяча пятьсот сорок восьмого года от Рождества нашего Господа, и в этот день они уехали с рассветом, когда свинцовое небо нависло над домом и вся земля оделась во вдовьи одежды. Мне было предписано советом присоединиться к вдовствующей королеве в ее трауре, и вскоре я в сопровождении своей свиты и вооруженной охраны была уже в пути; наши лошади слепо брели против восточного ветра, хлеставшего им в морды мокрым снегом. Эдуарда отвезли в Тауэр и там провозгласили королем. В это время мой отец отправился в последний поход на запад, как король Артур из легенды, уплывший к заходящему солнцу. Тело доставили в Виндзор, где в часовне святого Георга его с величайшей торжественностью опустили в могилу, а придворные и государственные мужи сломали свои жезлы и бросили их на гроб.

Спустя несколько дней состоялась коронация Эдуарда, однако было решено, что мне и Марии не обязательно присутствовать при этом событии в самую суровую февральскую

стужу и промозглые желтые туманы. Но ничто не могло омрачить восторженной радости, с которой люди встречали нового короля из рода Тюдоров. В Чипсайде мальчишка не старше пяти лет выбежал вперед, чтобы прочесть балладу, недавно сочиненную для такого случая:

Пой веселую песню, сердце, и не грусти никогда,
Наша радость – король Эдуард в короне и на троне.
Петь грустную песню нам, больше пристало,
Но веселая приятней, чтоб наши сердца радовались,
Поэтому пой веселую песню, сердце, и не пой грустную.

Там, было еще восемь таких же дурацких, корявых стишков, и остается только благодарить Господа, что из-за молодости Эдуарда церемонию сократили, иначе ему пришлось бы выслушать их четыре десятка.

В тот вечер для его детского сердечка был припасен подарок: когда он сидел за пиршественным столом в новой, специально сделанной по его маленькой мерке короне на бровях, в зал Вестминстерского дворца на огромном боевом коне въехал сэр Эдвард Димоук, с головы до ног закованный в белые с золотом латы, и поклялся вызвать на смертельный поединок всякого, кто не признает Эдуарда своим королем и повелителем.

«Я поднял за его здоровье золотой кубок, – писал мне Эдуард своим старательным каллиграфическим почерком, – и поблагодарил его за труды». Читая это, я убедилась, что он проявил себя Тюдором до кончиков пальцев.

Но все же слова Священного Писания звучали у меня в ушах: «Горе тебе, земля, когда государь твой – отрок». Теперь я понимала страх, терзавший моего отца и побуждавший его очистить двор и государственный совет от опасных людей, – он страшился оставлять Эдуарда во власти двух его дядей и регентского совета, составленного со всевозможной тщательностью.

Как его боялись, когда он был жив! Но кто же боится мертвых? Его тело не успело еще остыть в могиле, а прожорливая моль королевства уже вгрызлась в его наследство. Не надо было обладать даром ясновидения, чтобы читать между строк письма Эдуарда: «В Тауэре мне сообщили, что волею совета мой дядя Гертфорд назначен моим опекуном и лордом-протектором королевства».

Уже? Встревоженная, я задумалась. Ведь Генрих искал способ, который позволил бы предотвратить передачу всей полноты власти в руки одного человека?

«И хотя в завещании нашего отца этого не было, – бесхитростно продолжал Эдвард, – лорд Паджет, который раньше был сэром Вильямом, уверил меня в обратном. Будучи секретарем совета, лорд Паджет получил последние указания Его Величества, чтобы все его обещания и намерения были исполнены вне зависимости от того, были они записаны или нет. Так я выяснил, что наш отец и господин собирался пожаловать моему дяде Гертфорду герцогство Сомерсетское. Моего дядю Томаса Сеймура он хотел назначить лордом-верховным адмиралом; лорда Лизли, который был лордом Дадли, сделать лордом-наместником королевства, а канцлера Ризли – графом Саутгэмптонским. Все это и было приведено в исполнение лордом-секретарем. Паджетом».

Паджет! Опять Паджет! Отлично сработано, Ваша Изворотливость; ловко же вам удалось предать прежних союзников, друзей по партии Норфолка, и переметнуться на сторону победителей как раз в тот момент, когда власть переменилась.

И кому же, интересно, пришло в голову, кого это осенило сочинить этот столь удобный пункт о королевских «обещаниях», о невыполненных королевских «намерениях», высказанных на смертном одре, которые теперь надо уважить? И которых, естественно, никто, кроме Паджета, не удостоился чести услышать. В самом деле, ведь это ничто иное, как разрешение делать все, что им вздумается.

Чья это была затея? Граф Гертфорд теперь первый человек в государстве, должно быть, он был главным действующим лицом. Но без секретаря Паджета ничего бы не вышло, это ясно. Ризли тоже был нужен им как лорд-канцлер, чтобы придать видимость законности их грязным делишкам; теперь, став графом Саутгэмптонским, он получил свою награду. И брат гордого Гертфорда, еще более гордый Том, тоже обрел новое величие. Прошло немного времени, и он уже сражался на турнире в честь коронации как Сеймур, барон Садли, прекрасный, по словам Эдуарда, как ангел, и могучий, как сам дьявол (я в этом не сомневалась).

Только возвышение нового лорда-наместника доставило мне хоть какое-то удовольствие. Теперь Робин, друг моего детства, вместе с остальными сыновьями Дадли станет лордом, и я знала, в какой восторг это его приведет. Но я все равно видела в этих людях мясников, запустивших потные, вонючие руки в еще живое тело нашей страны, рвущих его на части, чтобы насытить свои аппетиты. Горе тебе, земля, где правит неприкрытая алчность. И горе государю-отроку в этом логове диких зверей, моему бедному

брату, повзрослевшему раньше срока.

Обо всем этом я размышляла во время медленного и долгого путешествия в Челси, к дому королевы Екатерины, когда сидела, сжавшись в комок, в своем паланкине. Дорога была трудной, и за день нам удавалось пройти не больше нескольких миль. Но никто не подгонял остальных, не кричал на лошадей. Мы двигались как в трансе, огромная перемена в нашей жизни испугала нас и лишила дара речи. Король был столпом нашей вселенной, а теперь впереди распахнулся новый мир, мир, где выживает сильнейший, а слабый обречен на смерть.

Что сулит этот мир мне?

Ненадолго же хватило могущества великого Генриха: даже его труп положили не в тот величественный мавзолей, что он построил, а, несмотря на помпезность церемонии, запихнули в старую могилу рядом с матерью Эдуарда – Джейн.

Оказывается, под золотым блеском величия скрывался обычный смертный? Я проклинала его за тщеславную самонадеянность и оплакивала его поражение. Как он мог настолько заблуждаться, полагая, что его установления будут жить после того, как его тело станет добычей червей!

Черви хорошо попировали в ту зиму: кроме насквозь прогнившего короля, жирного старого быка, чересчур зажившегося на этом свете, им перепали свежая плоть и нежное молодое мясо, какого им давненько не приходилось отведывать. Как я горевала о лорде Серрее, ни одной живой душе не известно, хотя Кэт от меня не отходила, пичкая меня едой и заботой, сластями и утешениями, которые мой желудок отказывался принимать. Я не могла и не хотела примириться с его смертью и долгими пасмурными часами лежала, глядя прямо перед собой пустыми глазами и тоскуя – не об отце, как все думали, но о моей погибшей любви, моей последней любви (ибо я дала клятву верности его памяти), хоть она была даже не первой.

А что этот старый негодяй, этот зловонный мешок желчи, кишок и яда – мой отец, этот жестокий тиран, раздувшийся людоед и бездушный убийца, этот дикий зверь, который называл себя королем и мнил себя Богом, властным казнить и миловать любого, этот человек, король, отец; этот презренный мясник, погубивший самого лучшего, самого блестящего, самого прекрасного из всех, поэта, придворного, солдата, ученого, украшение своего времени, надежду страны, мою любовь…

Убить моего лорда, уничтожить, погубить молодую жизнь, потому что сам он был стар, его жизнь подходила к концу, и он это чувствовал?..

– Стой!

Крик раздался впереди медленно плетущейся процессии. Ричард Верной, ехавший впереди, галопом приблизился ко мне, на лице его была гримаса отвращения. Он махнул рукой в перчатке по направлению к горизонту.

– Впереди виселица, мистрис. С полдюжины бедолаг на прошлой неделе вздернули плясать на ней нескончаемый танец, и до сих пор они висят там, прямо у нас на дороге.

– Мы можем поехать в обход, – предложил кто-то из свиты. – Через Пондерз-Энд или через Эркли, тогда нам не придется на это смотреть.

В Пондерз-Энде или в Эркли мы тоже можем натолкнуться на мертвецов.

– И на этом перекрестке, – добавил Ричард, – собрались крестьяне, чтобы приветствовать вашу светлость. Если вы поедете в обход, получится, что они ждали напрасно.

Решение было принято.

– Вперед, Ричард. Поедем мимо виселицы. И позови ко мне Парри как можно скорее, прошу тебя…

У перекрестка дорог темные сумерки лежали над землей, как свинец, мелкий моросящий дождь леденил кровь людям и всякой живой твари. От холода лицо у меня посерело, но благодаря Парри и ее волшебницам мне удалось более-менее навести марафет. И тут мы увидели ее, адское орудие – громадную трехногую виселицу, темную на фоне пасмурного неба. На ней можно было вздернуть гораздо больше несчастных, чем на обычной, однорукой, вроде тех, что стоят на рыночных площадях.

Как могли сердца людей очерстветь настолько, чтобы дойти до этого мерзостного древа – виселицы – и его горьких плодов. Почерневшие, слепые, они висели и скалились; их черные товарищи хлопали крыльями над их головами: вороны со всей округи, выклевав им глаза, теперь пировали, добирая остатки яств, приготовленных для них смертью и разложением, ветром и дождем.

У одного из шестерых шея наполовину оторвалась при падении. Он раскачивался там, с головой на сторону, глядя пустыми глазницами и ухмыляясь раскрытым ртом, как полоумный шут, рассчитывающий на бешеный хохот. Был среди них ребенок, в одной рубашонке. Была девушка, сама почти ребенок, но судя по большому животу, носившая под сердцем дитя. И все они висели, раскачиваясь в медленном, смертном ритме; уже скорее не люди, а насмешка над людьми; уже на полпути к глине, из которой они вышли.

Несмотря на холод, вонь стояла невыносимая. Инстинктивно я потянулась за ароматическим шариком и, сунув его под нос,

втянула живительный запах розы и апельсинового дерева. Ни за что на свете я не могла допустить, чтобы меня увидели в полуобморочном состоянии.

В холодных мартовских сумерках под виселицей стояли, сбившись в кучу, селяне, собравшиеся поглазеть на проходящую процессию. Даже форейтор, сорвавший с головы замусоленную повязку и приветственно щелкнувший кнутом над головами мулов, получил свою долю одобрительных криков. Всех моих дам и кавалеров по очереди встречали со все возрастающим восторгом; каждый драгоценный камень, каждое перо, шляпа или берет, хоть все это промокло под моросящим дождем, вызывало восхищенные комментарии толпы.

Однако при появлении моего паланкина волнение достигло предела. Крики были оглушительны.

– Храни вас Господь, миледи!

– Спаси и сохрани принцессу Елизавету!

– Господь и Богоматерь умиляются, глядя на дочурку Гарри!

Сердце мое переполнилось горделивыми и радостными чувствами. Ни воспоминания о мрачном зрелище, которое мы только что видели, ни холод, ни бьющий в лицо снег, ни тоска, что камнем лежала у меня на душе, – ничто не могло омрачить моего счастья. Это была любовь, несомненная любовь и несравненная полнота счастья.

Я, в свою очередь, сердечно им ответила:

– Спасибо вам, добрые люди. Да будет с вами благословение Господа. Благодарю вас от всего сердца.

Внезапно пожилая женщина отделилась от группы людей и с горящими от ярости глазами кинулась к паланкину. К моему ужасу, она появилась совсем рядом и, брызгая слюной, вцепилась в мои накидки. Когти ее скрюченных от старости пальцев задевали мне по лицу. «Чтобы ты сдохла! – визгливо прокричала она. – Чтобы ты сдохла, блудница, дочь блудницы!»

Дважды поднялась и опустилась ее рука, царапая мне лицо. Я сидела прямо, не шевелясь и не дыша, объятая ужасом столь глубоким, что он был сродни смерти.

– Черная блудница! – вопил дребезжащий старческий голос. – Пучеглазая блудница она была, Нан Болейн. Через нее Старая Вера пропала! Через нее мы лишились Божьей благодати – святых сестер и братьев прогнали на все четыре стороны…

– Мама, мама, мама, мама, МАМА! Страдальческий крик женщины помоложе прорвался сквозь завывания старой карги. Вер-нон и Чертей с еще двумя охранниками схватили старуху и оттащили в сторону, а в это время ее дочь, дородная крестьянка, появилась рядом с моим паланкином. По ее изнуренному от

работы лицу струились слезы.

– Простите ее, миледи, – умоляла она почти на коленях. – Сумасшедшая она. Мой муж говорит: совсем из ума выжила. Все так говорят. Но ей седьмой десяток, и если рассудок у нее помутился, то как я могу ее за это винить? Простите ее, миледи, простите!

– Не бойся, – ответила я, старясь говорить как можно спокойней. – Иди с миром, мы не будем пороть бедную старуху.

– Они уже бьют ее, видите, леди? Люди были охвачены злобой.

– Ведьма!

– Старая ведьма из Кроутерсэнда.

– Опозорила нас всех перед леди принцессой!

И в этот несчастный миг раздался звонкий, как колокольчик, голосок ребенка:

– Ведьма? Тогда ее надо повесить.

– Повесить ее! Повесить как ведьму! В ту же минуту несколько мужчин схватили сумасшедшую и потащили ее к виселице, а другие побежали вперед с ножами наготове, чтобы обрезать одну из веревок. Главарь – кровожадный одноглазый негодяй – подогревал ярость толпы. Какой-то мужчина, очевидно муж дочери, честная отчаянная душа, защищал ее, как троянец, но все напрасно.

Они уже стояли под виселицей, и на шее старухи была уже накинута веревка. Мои спутники беспомощно стояли, словно онемев.

Наконец я обрела голос:

– Стойте! Оставьте эту женщину в покое. На какое-то мгновение они заколебались, но не остановились.

Я заставила себя крикнуть еще раз:

– Эй, там! Я приказываю! Остановите казнь! После этих слов наступила тишина; мои люди никогда раньше не слышали, чтобы я говорила таким тоном.

– Отпустите ее. А вы, – обратилась я к дочери и ее мужу самым повелительным тоном, на какой была способна, – отведите ее домой и не выпускайте. И пошлите за доктором, пусть он облегчит ее страдания. Я сама ему Заплачу. Лорд, – я сделала Чертей знак рукой, – за этим проследит.

Чертей поклонился и поторопил супругов, чтобы они поскорее убирались прочь вместе со старухой.

Тут мне в голову пришла другая мысль:

– Смотрите обращайтесь с ней хорошо. Я пошлю узнать об этой несчастной, когда буду в следующий раз проезжать мимо. И чтобы никто не покушался на ее жизнь.

По знаку Вернона охрана выстроилась в линию, погонщик подхлестнул лошадей, и мой паланкин снова тронулся. Кто-то в толпе сердито ворчал, но большинство, похоже, испытывало облегчение и даже гордость, что их ведьма удостоилась внимания столь важной леди.

Мы медленно двигались. И тут рядом со мной снова появилась дочь этой женщины; из глаз и из носа у нее текло, грубое красное лицо обмякло от облегчения.

– Спаси вас Бог, леди, за вашу доброту. Да будет с вами Божия милость. Моя мать не ведьма, она просто сумасшедшая старуха. Не обращайте внимания на ее слова, принцесса. В Англии есть много таких, что жизнь за вас готовы отдать. Я – одна из них. И муж мой тоже.

И, всхлипнув напоследок, она растаяла в сгустившихся сумерках. Когда Кэт, Парри, братья Верноны, Чертей и прочие столпились вокруг моего паланкина, чтобы справиться обо мне, я с горечью подумала: «Хоть Генрих и мертв, его наследство еще живет. Я должна заставить людей забыть об клейме блудницы, полученном мной при рождении, иначе я потеряю здесь все».

И мной овладела лихорадочная дрожь.

Глава 2

Я не видела королевского дворца в Челси с тех пор, как мне исполнилось восемь лет. Те счастливые дни весны и лета теперь затуманились в памяти, как старое зеркало. Я гостила там у кузины Екатерины, когда та еще была королевой. Трудно поверить, что весной тут по-прежнему цветут вишни, летний воздух напоен ароматом лаванды и розовые кусты сбегают к реке, по которой мы катались в огромной лодке. Теперь на ветвях белели только хлопья снега, и, когда мы повернули на двор, ничего не было видно за пеленой ненастья. Ноги у меня заледенели так, что я едва могла ими пошевелить.

Дух мой, помраченный страхом, тоже пребывал в оцепенении. Какой предстанет передо мной королева? Наверное, сломленной, постаревшей от горя и слез; ее жизнь утратила смысл, что же теперь ей остается?

И сколько времени предстоит мне провести здесь в заточении, скорбя вместе со слабеющей день ото дня королевой? Быть опорой горюющей вдовы – значит постоянно жить рядом со смертью. Выбравшись из паланкина, я увидела черные траурные полотнища, закрывавшие окна и двери, и тяжело вздохнула. Меня охватила жгучая тоска. Ах, если бы я могла быть при дворе с Эдуардом! Сидеть взаперти в этом печальном доме – все равно что быть похороненной заживо.

– Добро пожаловать снова во дворец королевы, миледи.

Мажордом Екатерины, тот самый, что прислуживал ей еще в Уайтхолле, одетый весьма скромно, с почтительным видом опустился передо мной на колено на мощеных ступенях. По крайней мере, они понимают, с кем имеют дело! Сдержанно я разрешила ему провести меня внутрь. Вдоль стен ярко горели длинные свечи, а в очаге пылало жаркое пламя. Это зрелище так удивило и растрогало меня, что я чуть не заплакала. Если бы мне можно было остаться одной!

Добрый человек прочел эти мысли на моем лице.

– Сюда, пожалуйста, миледи.

Мы стояли в просторном верхнем помещении, теплом и светлом, как холл внизу. Для той горстки людей, что была теперь со мной, этого было вполне достаточно. Но все-таки я не могла справиться с раздражением и недовольством.

– Гнусное место! – проворчала я капризно. – Почему они засунули нас сюда?

– Зайдите, мадам, осмотрите свои покои, – вмешалась в разговор Кэт, сделав вежливый книксен. – Вы не пожалеете, что

лорд-протектор Сомерсет прислал нас сюда.

Она с торжествующим видом распахнула двери в мои покои и потащила меня внутрь, хлопнув дубовыми створками.

– Ну, принцесса, как вам это понравится? Комната была широкая, с низким потолком, убранная коврами и занавешенная от ночного мрака портьерами. Во всем чувствовалась рука Екатерины: в шпалерах со сценами из Ветхого Завета; в яблоневых поленьях в камине, чей аромат наполнял всю комнату; в коробке засахаренных цветов и фруктов на кровати, но больше всего меня восхитила ваза с белыми зимними розами, дышавшими свежестью и чистотой. Кэт похлопала рукой по кровати; при этом на лице у нее было странное выражение, смысла которого я не могла разгадать.

– Прошу вас, мадам, присядьте, отдохните с дороги. Мажордом сказал, что ужин, на котором вы встретитесь с королевой и ее свитой, будет только через час. А до того я должна вам кое-что сказать.

– Насчет чего?

Чуть отогревшись, я позволила снять с себя плащ и устроилась на кровати; мои руки и ноги понемногу оттаивали, и вместе с жизнью к ним возвращалась боль; Кэт твердыми костяшками пальцев растерла мне замерзшее лицо. Потом она пристроила коробку со сластями мне на колени и сама уселась на кровать.

– С вашего позволения, миледи, – начала она. – До сих пор было рано говорить об этом: смерть короля, вашего отца, всех нас повергла в смятение…

Я потихоньку кусала засахаренную фиалку и с неодобрением рассматривала гобелен на стене, на котором толстая Эсфирь простерлась во прахе перед великим царем Артаксерксом, молитвенно глядя на него снизу вверх. Почему женщин всегда изображают в таком виде? Понемногу слова Кэт начали доходить до моего сознания.

– Мадам, я буду говорить не о мышах, но о мужчинах, поскольку вы уже достигли того возраста, когда мужчины начнут искать вашего расположения, нет, они уже начали… – Рот у нее был полуоткрыт, а дыхание частое и неглубокое, как у слишком туго затянутой женщины.

Я положила конфету обратно в коробку и пристально посмотрела на нее. Неужели она осмелится говорить о нем?

Она опустила глаза и продолжила скороговоркой:

– Я не говорю о бедном покойном лорде Серрее, который, как я теперь думаю, вознамерился получить ваше высочество себе в жены. Мне он никогда не нравился, и не будь он так пригож,

никогда бы паписту не заслужить вашей милости. Вы можете подтвердить мои слова, миледи, я ни разу не говорила о нем после того, как вы мне запретили, – можете быть уверены.

Да, я уверена в тебе, Кэт.

– Продолжай.

– Но теперь, когда мы здесь, так близко ко двору, и когда бразды правления в руках у лорда-протектора, всему миру известно, что вы, ваша милость, должны выйти замуж.

Должна?

Да. Если это решено, мне придется подчиниться.

– Теперь это нужнее, чем когда-либо, ведь ваш брат еще мал. Ваш долг перед династией… Требует этого. Да. Я знаю.

– И король, ваш отец, об этом позаботился. Нет, не тогда, когда он обольщал заморских послов надеждою на договор! Но когда оглядывался вокруг себя, чтобы здесь, дома, выбрать для вас англичанина, человека доброго и благородного, такого, что всякая женщина полюбит, такого, чтоб был достоин руки вашей милости… – Глаза Кэт блестели от возбуждения, когда она говорила.

Любовь и замужество?

Никогда!

Я не желаю этого слышать!

– Кэт, хватит глупой болтовни! Замолчи! Мой голос прозвучал резче, чем мне хотелось. Но это же вздор! Что на нее нашло? Я оплакиваю любовь и страшусь ненависти, мой рассудок мутится от тягостных мыслей о моем отце и моем лорде. Что теперь для меня любовь? Я не могу даже думать об ней!

– Миледи! – Кэт вскочила на ноги и поспешно сделала глубокий реверанс. Я покачала головой.

– Избавь меня от этих разговоров, Кэт! – взмолилась я. – Я устала с дороги и волнуюсь перед встречей с королевой. Ты сама знаешь, что не может быть никакой свадьбы, даже никаких разговоров о свадьбе, пока мы в трауре. Прошу тебя, пришли горячего вина, чтобы к ужину у меня перестали трястись поджилки и щеки порозовели, иначе я не выдержу.

Она присела и удалилась; даже оборки на ее платье дрожали от негодования. На Кэт это совсем не похоже. Почему ей сейчас вдруг вздумалось говорить о любви?

Ах, Кэт, ты же знаешь, что я не могу выйти замуж по выбору своего сердца. К чему тогда эти девичьи мечты о большой любви?

Надвигался час ужина. Пора перестать думать только о себе и подумать о Екатерине! Я здесь, чтобы утешать ее, чтобы выразить уважение и сочувствие по поводу ее горестной утраты. А коли так, то одеться следовало с особой тщательностью: даже в

глубоком трауре я должна учитывать разницу в нашем положении. Мои жемчуга, единственное, что подходило к черному, были маленькими и плотно обхватывали уши; черное платье, хотя и тонкой материи, было не самым богатым: Екатерина по-прежнему оставалась королевой, и ее горе было самым большим.

Мажордом прислал сказать, что королева выйдет к своим придворным за ужином, который будет в Большом зале. Спускаясь по широкой лестнице, я гадала, кого там застану. Наверное, часть придворных дам оставили ее сразу же после смерти короля, как, например, Денни. Я слыхала, она вместе с мужем, сэром Энтони, уехала в свой дом в Чешанте. Но, несомненно, были и такие, что остались: ее сестра Герберт и прочие старые знакомые.

Когда мажордом с поклоном открыл передо мной дверь в Большой зал, я устыдилась своих пустых страхов. Я ожидала застать их всех унылыми и подавленным, но моим глазам предстала совсем иная картина. Конечно, разговоры дам и кавалеров были сдержанны, как подобает любому двору в дни траура. Но улыбки, приветливые лица, непринужденные разговоры, всеобщее оживление – все это было для меня в новинку. В моем мозгу шевельнулась неприятная мысль: могло ли такое быть во времена моего отца?

Я вошла, и тут меня ожидало следующее потрясение. Недалеко от двери вместе с остальными, стояли две девицы, которых я недолюбливала и меньше всего хотела сейчас видеть. Мне полагалось любить их, потому как в их жилах текла кровь Тюдоров. Мы все были примерно одного возраста; они тоже были книжными червями, влюбленными в учебу, как и я. Но мы не могли стать друзьями, и, увидев моих кузин Джейн и Екатерину Грей, я снова это осознала.

Джейн была старшей и задавала тон. Она держалась так надменно, что казалось, судьба в насмешку наградила ее таким малым ростом: она едва доставала мне до сосков. Она и Екатерина были дурнушками, с мелкими, сморщенными чертами лица, стянутыми к веснушчатому носу. Джейн была особенно похожа на мою сестру Марию, разве что в отличие от той одевалась гораздо скромнее. И в них обеих, опять же как в Марии, порода Тюдоров исказилась: в их бледных физиономиях и тусклых ржаво-коричневых волосах было слишком мало тюдоровского огня, чтобы осветить кожу и придать локонам цвет червонного золота, как у меня и Эдуарда.

Кэтрин была моложе и еще невзрачнее и во всем подражала сестре, как я полагаю, в надежде, что часть похвал, изливавшихся

на Джейн, перепадет и ей. Ученость Джейн стала притчей во языцех. Я слышала разговоры о ней с тех пор, как Джейн исполнилось четыре года. «Этому ребенку больше нравится читать Новый Завет на греческом, чем Боккаччо и смешные истории». Я тоже любила греческий и Библию. Но разве добродетели позволено находить удовольствие лишь в возвышенном? Моя вера была тверда, а ее – фанатична. Пуританизм ее нарядов раздражал меня – в унылом сером платье она больше походила на бедную родственницу, чем на принцессу.

Почему это бедное дитя вызвало у меня столь сильное негодование? Нет, не потому что рядом с ней я чувствовала себя великаншей, теперь почти все женщины ниже меня. Просто я ее боялась – боялась ее бледного огня и не знающей сомнений души, ее стремления к пуританизму и исступленной веры в правду; правду, которая, как она считала, открылась ей одной.

Но ничего не поделаешь, как кузины мы должны были держаться вместе.

– Леди Елизавета.

– Леди Джейн… Леди Екатерина. Мы, как три старых вдовушки, приветствовали друг друга с церемонной учтивостью, но без всякого чувства. Около них я заметила несколько девиц примерно нашего возраста. Я кивнула остальным.

– Вы не могли бы меня представить?

– Как будет угодно вашему высочеству. – Джейн скривила свой крохотный ротик и начала, будто отвечала урок, напирая на шипящие и свистящие:

– Ваша светлость, я полагаю, вы знакомы с Джейн Дормер.

Дормер. Я напряженно разглядывала узкое лицо, глядевшее на меня из глубокого реверанса. Дормер… Да, фамилия точно знакомая. В ее дерзком взгляде я уловила оттенок враждебности. И поняла почему. Ее мать была старшей фрейлиной Екатерины Арагонской и ревностной католичкой. У нее кровь порченая с самого рождения. Она не могла испытывать симпатии к отпрыску Анны Болейн, будь я даже ангелом во плоти.

– Мистрис Джейн… – Я присела лишь чуть-чуть, чтобы показать ей, что меня не волнует ее мнение обо мне, каким бы оно ни было.

Остальные четыре оказались дочерьми сэра Энтони Крука, друга королевы и знатока греческой словесности. Старшая, Милдред, выстроила сестер в ряд, и все четыре одновременно присели, как горошины в одном стручке. В отличие от постной Джейн, невзрачной Екатерины и презрительной Дормер простое, но приятное лицо Милдред лучилось умом и приветливостью, с ней единственной мне захотелось сойтись поближе.

Я знала, что королева поощряла ее занятия науками, как и мои, впрочем. И остальным она, наверное, тоже помогала. Вдруг я поняла, что мы все были для нее детьми, о которых она так мечтала и которых у нее теперь уже никогда не будет.

– Итак, – сказала я, стремясь показаться благодарной, – здесь, под крылышком у королевы, открывается школа ученых дев?

– Академия божественных наук, – вмешалась в разговор Джейн со своим безумным занудством, – где мы будем учить слово Божее и следовать ему во всех наших помыслах и поступках! Ибо Он всеведущ, и мы все проходим перед Его глазами. Ему открыты глубины наших сердец…

Боже милостивый! Она уже проповедует! Моим языком завладел бес озорства:

– У меня есть идея получше. Почему бы нам не устроить суд любви, как когда-то во Франции?..

Праведную Джейн будто иголкой укололи – такими круглыми глазами она на меня уставилась.

– Завести себе поэтов и трубадуров, – тараторила я, – чтобы пели о любви, пока нам не надоест их слушать? И выбирать возлюбленных свободно, как королевы старого Прованса, чтобы только они нам нравились, а остальное неважно?

Джейн, Екатерина, Дормер, Милдред и все остальные вытаращились на меня, как кролики, застигнутые лучом фонаря. За спиной я слышала перешептывание прислуги, накрывавшей ужин, но мне было на них наплевать. Стоящая рядом со мной Кэт встревоженно дергала меня за рукав – я только отмахнулась. Мне нравилось дразнить эту пуританскую скромницу Джейн, и я ничего не могла с собой поделать.

– Скажите, Джейн, и вы, Екатерина, правда, мы славно повеселимся, когда будем судьями на суде любви? – Я от души потешалась, глядя на разинутый рот Екатерины и испуганные глаза остальных. – Если бы я была королевой…

За моей спиной раздался негромкий смешок, от которого у меня внутри все похолодело.

– Да, моя Елизавета, что бы ты сделала?

Я не могла раскрыть рот. Это была сама королева, вошедшая в зал без объявления, так тихо, что я приняла ее приход за возню слуг.

Королева… Да королева ли это? Никогда женщина так не менялась. Это была совсем не та Екатерина, которую я ожидала увидеть.

Где же тут печаль? Только вдовьи одежды напоминали о сокрушенной горем развалине, видевшейся мне в моих мрачных предчувствиях. Ее глаза горели каким-то таинственным светом,

лицо порозовело и похорошело, походка стала легкой, будто она сбросила десять лет. Что ее так развеселило? Ее всегдашняя ласковая улыбка теперь так и лучилась счастьем, приподнятое настроение требовало выхода в негромком радостном смехе, прорывавшемся наружу, когда она говорила.

– Не бойтесь, моя дорогая! – рассмеялась она, перехватив мой потрясенный взгляд. – У нас будут любовь, и забавы, и радость полной мерой и в работе, и в жизни. Елизавета, небеса заслуживают нашего восторга. Бог – несказанно добр!

– Мужчины тоже добры! Не так ли, миледи?

Я не слышала, как он подошел. Он, как все, был в трауре, но в отличие от остальных его черное прорезало алое; мерцающие языки красного поднимались по камзолу и по подкладке плаща, так что он казался дьяволом, окутанным адским пламенем. Его лицо было преисполнено жизненной силы, глаза, как у пантеры, медленно скользили по сторонам, изучая, проникая мне в душу, пока у меня не перехватило дыхание. Он улыбнулся широкой белозубой улыбкой. Я никогда раньше не видела, чтобы он так улыбался, но раньше я его особенно и не рассматривала. Я знала его как брата лорда-протектора Сомерсета и, как теперь поняла, не знала его вовсе.

– Милорд адмирал!

Я сделала реверанс. Он взял мою руку и прижал к губам, его указательный палец гладил мою ладонь, в то время как сияющая Екатерина стояла рядом. Потом они отошли: ей надо было приветствовать гостей, а он, как положено, ее сопровождал. Невидимая рука ухватила меня сзади за локоть, и голос Кэт торжествующе пропел мне в ухо:

– Ну как, вам ваш будущий муж, мадам?

Глава 3

Мой муж?

То место на ладони, которого жарко коснулся его палец, до сих горело огнем, а тут еще Кэт торопливо шептала мне на ухо:

– Он от вас без ума, миледи. Он сам мне говорил. Вот его-то ваш отец и прочил вам в мужья. Ах леди, какой мужчина, какой у него дерзкий ястребиный взор, какие ноги, руки, сердце… И теперь-то вы уж точно его получите, ведь вас обещали выдать за него еще до того, как старый король умер.

Для отвода глаз я трясущимися руками разгладила складки на платье, а потом подняла голову.

Брат гордого лорда-протектора – еще более гордый Том.

Недавно назначенный лордом адмиралтейства.

Вернувшийся с войны, где стяжал великую славу. Вернувшийся после долгого изгнания – помнится, Ризли в день свадьбы моего отца говорил, что «этот наглец Сеймур завел было шашни с кавалерственной дамой Екатериной, но счел за лучшее ретироваться и оставить поле битвы за королем».

В этом было ли дело? Любил он тогда Екатерину, любила ли она его? Или просто он увидел, какая участь может постигнуть одаренного молодого человека, неосторожно, как мой лорд Серрей, подошедшего слишком близко к трону, и благоразумно удалился?

Он шел по залу, высокий и прямой, и не наклонялся к окружающим, как мой лорд Серрей, а, чему-то или кому-то смеясь, откидывал назад красивую, крупную голову. Его волосы, хоть и подстриженные, как у солдата, были густыми и длинными; свет горевших вдоль стен свечей выхватывал из глубин его темно-каштановой шевелюры огненные проблески. Борода же была рыжей, как у моего отца… и смех, как у моего отца… и взгляд тот же, что у моего отца при жизни…

Я знаю, что на это скажут. И Серрей, и Сеймур, и Лестер, и моя последняя, поздняя любовь – Эссекс – все высокие и гибкие, все смелые и веселые, все рыжеволосые, все хороши собой и у всех в избытке та особая вещь, которая так притягивает женщин и которая – простите за прямоту, ведь я уже не пятнадцатилетняя девственница – делает их мужчинами.

Можно подумать, что все, кому удалось разбить стекло моего равнодушия, все, кого я любила, были, как в зеркале, похожи на моего отца. Так ли это?

Очень легко свести все к этому. Но не надо забывать, что тогда все мужчины походили на него, точно так же, как позднее,

все женщины брали за образец меня. Достаточно будет сказать, что милорд Сеймур был наполовину похож на Генриха, наполовину на Вельзевула, но военная четкость движений, невозмутимая самоуверенность и обходительность с женщинами были его собственные.

О чем это Кэт говорит? Приветливо кивая направо и налево и улыбаясь небрежной, как будто слегка скучающей улыбкой, я прошипела ей в лицо:

– Какой муж?! Послушай, что за вздор ты несешь!

– Вовсе это не вздор, мадам! – Ее глаза смеялись, и пухлые щечки раздувались от новостей, как у белки, насовавшей туда орехов. Она упивалась тем, что последнее слово осталось за ней. – Я как раз хотела все вам рассказать, но вы отказались меня слушать. Муж, которого выбрал для вас ваш покойный отец.

– Кэт, откуда ты знаешь? Глаза у нее расширились.

– От него, миледи. Он мне все рассказал.

– И когда же это случилось? Ее секрет рвался наружу, как ключ из-под земли.

– Сначала в Уайт-холле. Я прогуливалась по саду, и он подошел ко мне поговорить о вас. Сказал, что просил у короля вашей руки и тот обещал отдать вас ему в жены. Он превозносил вас до небес, и за одно это я сразу же прониклась к нему симпатией.

– Почему же ты тогда мне не сказала?

– Он просил меня помолчать, пока время не приспело, а вы, принцесса, в эту же пору запретили мне говорить о лорде Серрее.

– А теперь?

Она высунула кончик языка, отдуваясь, как кошка.

– Теперь? Подумайте сами, принцесса, почему нас послали сюда?

– Так решил совет.

– Так решил председатель совета, лорд Сомерсет, брат лорда Сеймура: он хотел дать ему возможность поухаживать за вами.

– Придержи язык, Кэт! И чтоб ни слова об этом ни единой живой душе, ты слышишь?

Это слово ужаснуло меня. Поухаживать! Созрела ли я для ухаживаний? Или хуже того – для замужества? Неужели спасения нет?

И все же… если бы это был он… такой человек, как он…

Мысли судорожно метались и путались.

– Повтори: он сказал тебе, что любит меня, что просил моей руки и король дал согласие?

– Он поклялся, миледи.

– А потом мой отец умер…

– А теперь лорд Том приходится дядей короля, который ни в чем ему не откажет!

Возможно ли это? Я посмотрела в зал. Хотя Екатерина все время была с ним рядом, но все же казалось, что осью, вокруг которой вращается королевский двор, был он, а не она – королева. Жизнь в нем бурлила, переливаясь через край в каждом взрыве хохота, в каждом самоуверенном жесте. Его глаза, лицо, улыбка – все горело жизнью, жаждой жизни, и все, как мотыльки, слетались погреться у этого огня.

В тот момент, когда я посмотрела в зал, он оглянулся на меня и рот у него растянулся в широкой улыбке. Слушая вполуха, что говорит ему собеседник, он, смеясь, приветствовал меня. Я смотрела на них двоих, пока они не обменялись словом или взглядом, значения которого я не могла разобрать. Что-то во мне замерло, и рука у меня на лице стала горячей.

Кэт, как цапля, не пропускала даже мелкой рыбешки.

– Он вам нравится, мадам, я вижу! – в восторге воскликнула она. – Вот это будет парочка, нутром чувствую! – Потом она посерьезнела, и лицо у нее стало почти печальным. – Мне бы только увидеть вас замужней, чтоб и вы узнали на супружеском ложе ту радость, что знаю я со своим Эшли, тогда, принцесса, я смогу умереть спокойно.

На следующий вечер он снова был в Большом зале, одетый в атлас не черный и не серый, но цвета тьмы и вечного мрака. Я мучилась весь день после бессонной ночи: только на рассвете удалось мне немного вздремнуть, и тут влетает Кэт, распевая любовную балладу: «В Айлингтоне девчонка жила…»

Я чуть не надавала ей по щекам.

– Кэт, – простонала я, – хватит, я тебя умоляю!

– Девушки все так говорят, мадам, – непочтительно возразила она. – Скоро вы научитесь кричать: «Еще, мой милый, еще, я тебя умоляю».

– Кэт!

Она заметила мою бледность и принялась укутывать меня в теплые одежки, так как я сошла с королевского ложа нагая и дрожащая от холода.

– Я говорю лишь об обычаях природы, которым Господь в своей доброте предписал нам следовать.

– Но только после святого таинства брака! А это невозможно!

– Вполне возможно, леди, и не позже чем через неделю.

– Бог мой, что ты хочешь этим сказать? Она внезапно помрачнела:

– Лорду Сеймуру надо только съездить ко двору, всего-то полчаса верхом, поговорить со своим братом, потом с вашим –

королем, – и дело сделано.

Я знала, что она говорит про свадьбу, потому что в те времена от помолвки до свадьбы было недалеко.

– Но после смерти моего отца этого никто не разрешит, пока двор еще в трауре. Она пожала плечами:

– Тут надо только согласие короля, а тогда и разрешение епископа можно легко получить на основании вашего слабого здоровья – бледной немочи, девичьей лихорадки – чего-нибудь в таком роде…

– А что же я?..

Никогда я не видела ее такой нежной.

– Ну, и что же вы? – Она поцеловала меня. – Неужели он вам не нравится? Неужели нет?

Нравится, конечно же, нравится! Я, как в лихорадке, бредила его высоким ростом, сильными руками, блестящими глазами, его смелым загорелым лицом, его…

Я не знала этого слова и при одной только мысли краснела, но та вещь, что делает их мужчинами, впервые понравилась мне в нем.

И с ним тоже, как вы узнаете, слишком скоро.

В тот день мои занятия с Гриндалом шли туго, и ему, бедняге, пришлось призвать на помощь все свое терпение. Перед полуднем я сослалась на головную боль, чтобы не заниматься в «школе ученых девиц», – переводить Библию с греческого в компании кузины Джейн и прочих было выше моих сил (хоть я и любила переводить для собственного удовольствия). Сегодня в голове у меня была каша, и даже хуже: творог и сыворотка. Лишь одна мысль непрестанно крутилась в моем опустошенном мозгу:

«Сегодня, за ужином…»

Пришел вечер, и я увидела его. Когда я входила, он стоял и смотрел на дверь. Скольких мук мне стоил мой туалет!

Парри ворчала:

– Ну какие могут быть переодевания, когда мы в трауре, мадам! Черное – оно и есть черное!

Но теперь на мне было надето самое лучшее черное платье и с каждого уха свисали по две роскошные жемчужные капли, черные, как виноградины. Мне нет никакого дела до права королевы быть первой – я намерена произвести фурор! Мой наряд дополнял завязанный на талии пояс из жемчуга, концы которого свисали до самого пола. Прическу удалось уложить только с пятидесятого раза, моим волосам было позволено немного виться, и они мягко спускались на виски, а концы свободно свисали по спине. Парри нанесла румяна безупречного персикового цвета, с легким оттенком коралла, и надушила меня

бергамотом из Падуи. Вооружившись до зубов, я была готова сразиться с дьяволом.

Что мне и предстояло сделать. Это был брат опасности, старший брат опасности – Том.

– Мое почтение, принцесса! – Огонь свечей, горевших вдоль стен, плясал в его глазах, когда он склонился передо мной в поклоне до самого пола.

Мой реверанс был исполнен в том же напыщенном стиле.

– Милорд адмирал!

Он взял мою руку и снова его нахальный указательный палец ласкал мою ладонь. На тыльной стороне его загорелой руки был виден ужасный старый шрам. Он жарко глянул мне в глаза.

– Как поживаете, леди?

По коже у меня бегали мурашки, и все внутри трепетало, но я не опустила глаз. И тут я перехватила взгляд, которым он обменялся со стоящей за моим плечом Кэт. «Вы открыли ей мои намерения? – спрашивал он. – Ей известно о моем сватовстве?»

«Да, сэр! О, да!» – отвечала ему Кэт каждой частичкой своего круглого, мягкого существа. Я затвердела на «нет».

– Говорят, вы недавно вернулись с войны, сэр? – Я старалась держаться с ним как можно холоднее. – Сражались с французами?

– Называйте их как хотите: французами, шотландцами. Всюду я нужен! – отвечал он с улыбкой. – И еще эти лохматые ирландские оборванцы, что подбираются к нашим западным воротам. Но я не могу покинуть Англию прямо сейчас: это разобьет сердца прекрасным дамам.

Боже! Он ведет себя вызывающе. Тут требовалась целомудренная отповедь, напоминание о моей добродетели, в знак того, что я не простила ему чересчур вольного обращения с моей рукой.

– Каково ваше мнение о «школе ученых дев», которую королева открыла при дворе? – Я постаралась перевести разговор на высокие материи. – Не правда ли, прекрасно придумано? Вам не кажется, что и мужчины могут там многому научиться?

– Придумано неплохо, хотя сегодня вы, по-видимому, сочли, что занятия там слишком хороши для вас, – с улыбкой нанес он ответный удар. – Но, может, вы были заняты другими делами, например судом любви, о котором вы говорили вчера вечером. Я умоляю вас позволить мне посещать заседания в качестве вашего верного слуги.

Он смотрел мне прямо в глаза.

– Моего слуги, сэр? – пренебрежительно переспросила я. – Что же тут такого? Ничтожнейший лакей может именовать себя моим слугой.

– Я буду вам служить совсем по-другому, леди. – Ошибиться в значении его слов было невозможно. Он сделал шаг в мою сторону. – Дайте мне возможность это доказать, испытайте меня!

Золотая, украшенная красной эмалью коробочка с ароматическим шариком, висевшая у него на шее, качалась прямо у меня перед глазами. От запаха мужественности и мускуса голова моя кружилась. Глаза, взгляд которых жег меня, казались знакомыми – это были… это были глаза моей матери, какими я видела их во сне, темно-коричневые, как сахарная патока, при другом освещении совсем черные, и сверкающие, сверкающие, как у голодного волка.

Я вся дрожала, и у меня уже не было сил вынести его взгляд. К своему стыду и бешеной ярости, я услышала его смех.

Еще шаг, и он подошел совсем близко.

– Миледи? – Он потянулся за моей рукой.

Отступи!

Отступи!

Как, я могла отступить, если все мое существо рвалось к нему!

От дверей послышался крик: «Дорогу королеве! Приветствуйте королеву!»

Я присела в глубоком реверансе, склонив голову, чтобы спрятать пылающее лицо. Моя юбка расплылась по полу черным озером, в котором мне хотелось утопиться.

– Милорд? – послышался голос королевы. – Где милорд Садли?

– Я здесь, ваша королевская милость, – всегда к вашим услугам.

И Томас Сеймур, он же лорд Садли, удалился, оставив меня в тоске и печали.

Потом все было очень странно. Вечер за вечером он добивался меня, как не добивался ни один мужчина после него. Ведь я тогда была не королевой, а всего лишь зеленой девчонкой, не представляющей особой ценности, а он был в силе, власть принадлежала ему. В тридцать с небольшим, он был почти вдвое меня старше и уже успел изведать мир. Я возмущалась его слишком уж дерзким наступлением, но он в ответ отрубил:

– Я солдат, мадам, и твердо знаю – женщинам нравится, когда их завоевывают.

Завоевывают? Да, он научил меня сражениям любви, бесконечной игре в наступление и отступление. Я отвоевывала позиции, я флиртовала, как тигрица. Но только до тех пор, пока не появлялась королева, после этого он безраздельно принадлежал ей. «Она королева, – говорил он. – И для каждого

мужчины долг служить ей превыше всего».

Слушая его разговоры о любви, о том, как он сделает меня своей, я снова пришла к мыслям о замужестве – мне хотелось узнать, как это происходит, и еще интереснее было узнать, как это с ним…

Мое любопытство разгоралось все сильней и сильней по мере того, как он разогревал мою холодную девственную кровь своей странной алхимией. И вся та весна прошла в пустых грезах о любви.

Однажды в апреле весь мир, стряхнув в одночасье смертельную зимнюю спячку, воскрес для жизни и любви. Поля вокруг Челси пестрели лютиками и ромашками, а я танцевала на них, и радость переполняла мое сердце, душу и тело. В ту ночь королева не сошла в Большой зал, и мой лорд безраздельно принадлежал мне одной. Он был молчалив, даже мрачен, и новое чувство к нему заполнило все мое существо. Вполне возможно, что скоро он будет принадлежать мне, а я – ему. Ни разу в жизни я не была так счастлива.

Вечером, в спальне, Парри восторгалась:

– Никогда еще вы не были так хороши, как сегодня, мадам. Платье, убор, драгоценности, цвет лица…

– Вашими заботами, – отозвалась я не слишком любезно, потому что устала и мечтала поскорее улечься в постель. – Вот, возьмите это и это. И потрите мне голову.

Ее пальцы умело делали свое дело.

– Все лорды вами восхищались, мадам. И больше всех лорд Садли, барон Том… Я улыбнулась про себя.

– Что вы о нем думаете?

– Он вполне подходит… Ее ногти судорожно впились мне в кожу. Она вдруг замолчала на полуслове.

– Для чего он подходит? Говорите, Парри, не бойтесь.

Он ей определенно нравится. Она считает его подходящим мужем для меня. Это хорошо.

– Думаю, он подходит на роль брата вашего высочества или отчима, тут уж как судьба повернется.

Мне стало тошно. Я высвободила трясущуюся голову из ее рук и повернулась к ней:

– Брата? Отчима? Вы бредите, Парри! Скажите на милость, о чем это вы?

В ее больших глазах застыла тоска, как у больной коровы.

– Простите меня, принцесса. Я только сегодня об этом услыхала от своего брата. Мой брат Томас как ваш казначей при дворе сейчас занимается наследством, которое вы получили по завещанию своего отца…

Голова у меня раскалывалась.

– Да, я помню. И что же он? Парри уловила мой страх и ее голос дрогнул:

– Обычные придворные сплетни, леди, не больше. Говорят, лорд Том просил у своего брата, лорда-протектора, позволения жениться на принцессе Марии…

Марии?

О, мое сердце!

– Или жениться на принцессе Клевской, третьей жене вашего отца и, следовательно, вашей мачехе, и на богатой вдове здесь, в Англии, и стать таким образом вашим отчимом.

Уши, лицо, внутренности – у меня все горело. Ну и дура я была, когда думала, что ему нужна я, а он в это время ловил рыбку в другом пруду! В двух других прудах! И добро бы они были красивые и молодые, как я, а то две уродливые старухи!

Я была в ярости и готова была рыдать, нет, визжать от горя. Он любил меня! Меня, а не Марию и не эту скелетину – Анну Клевскую. Анну! Да она и в молодости была страшилой – сущая ведьма (разве что слишком глупа даже для этого). Как он мог – пусть даже из-за денег – так поступить со мной?

Но тут, как вспышка молнии, пришла другая мысль: и все-таки я – та, кого он любит, чья любовь нужна ему сейчас, та, кого он искал всю жизнь.

Он ухаживал за ними лишь напоказ, ради протокола, чтобы освободить себе путь ко мне, хотя я и не такая выгодная партия, как они.

Наконец-то в голове у меня прояснилось. Мы будем вместе.

Я люблю его, он любит меня, все складывается удачно. Стыдная и непозволительная мысль завладела мной: у нас будут такие замечательные детки, высокие, рыжеволосые, красивые, и все отчаянные драчуны…

Я так ясно себе это представила, что глаза мои сами закрылись и в голове не осталось никаких других мыслей.

Слова Парри доходили до меня медленно, как шум жизни доходит в подземелье:

– Ходят слухи, что его светлость получил новое назначение, и поэтому его свадьба состоится через несколько дней…

…его свадьба состоится через несколько дней… наша свадьба состоится…

– ..и не будет в мире женщины, счастливей той, что пойдет от алтаря женою Сеймура. Ведь она, бедняжка, так долго этого ждала.

…той, что пойдет от алтаря…

О ком это?

– Кто эта бедняжка, Парри? О ком ты говоришь?

– Как о ком? О нашей вдовствующей королеве, бывшей мадам Парр. О ком же еще, миледи?

Глава 4

Тогда у меня случился самый первый из приступов мигрени, от которых я потом страдала всю жизнь. Боль слепила меня, лишала сил и способности двигаться. Я лежала в затемненной спальне, и в голове у меня работали сотни кузнечных молотов, вспыхивали огни, как метеоры, гулкие барабаны отстукивали похоронные марши, отдаваясь невыразимой мукой. Наконец кровососные банки и полное воздержание от пищи сделали свое дело: из меня вышла кровь вместе со всеми дурными соками и я снова стала сама собой, хотя и сильно ослабевшей.

Так, по крайней мере, мне сказали, но сердце мое было полно тоски, злобы и черной желчи, ибо на этой неделе он женился.

Да, он на ней женился! Я была в бешенстве, а Кэт негодовала еще пуще меня. Ее ярость была бы очень забавна, если бы не была столь сильна. Она, так же как и я, чувствовала себя обманутой и униженной. Она, конечно, была влюблена в него – как все женщины без исключения, – но, будучи чиста сердцем и не помышляя об измене любимому мужу, она мечтала о нем для меня.

Эшли, как я потом узнала, предупреждал ее, что лорд-адмирал никогда не женится по любви, ему лишь бы набить свой кошель потуже. Мое наследство было невелико, в то время как Екатерина, пережив трех мужей, один из которых был королем, стала самой богатой женщиной в Англии – кто мог с ней сравниться?

А сама королева? Соблазн был слишком велик даже для добродетельной Екатерины. Рыдая от ревности в теплых объятиях Кэт, я наконец увидела то, что все это время было у меня прямо перед глазами.

– Вовсе не была она безутешной вдовой! – жаловалась я. – Она мечтала о нем с той самой минуты, как умер король. Она всегда на него зарилась.

Конечно, все, что говорил Ризли о «вдове Парр» и о ее неравнодушии к «гордому Тому», было правдой. Она и раньше его любила и собиралась выйти за него, когда умер ее второй муж. Но тут появился мой отец, и она не стала противиться королевской воле, решив, что так будет лучше и для нее, и для Сеймура.

Да, я знала, сколько она вынесла, как страдала она от тирании и жестокости короля, как едва не лишилась жизни по его прихоти. А лечь в постель с этой громадной мерзостной тушей, этим гнойным мешком зловонного сала, коснуться этой гниющей

ноги – да легче взять в руки слизняка!

Как я могла злиться на нее после этого? На нее, лишь в тридцать шесть впервые в жизни познавшую любовь мужчины?

– И какого мужчины! – всхлипывала Кэт в горьком восхищении. – Высокого, статного, прославившегося подвигами на поле брани и на ложе страсти!

Из-за такого мужчины я на нее злилась? Да!

Итак, они поженились, и мысль о его предательстве застилала мне свет. Но не одной мне был нанесен удар его пренебрежением. Как я узнала, пока лежала больная в постели, лорд-протектор категорически запретил своему младшему брату даже думать о браке с особой королевской крови. Королевы и принцессы предназначаются в жены иностранным государям. Но такие наглецы, как мой лорд, усматривают в отказе лишь вызов. И хотя лорд Гертфорд, протектор Сомерсет, хорошо знал непомерные аппетиты своего брата и опасался их, но не знал, как их сдержать, потому что в итоге они всегда выходили наружу.

Так и случилось. Своенравный лорд Том попросил у племянника благословение на брак с Екатериной и получил его. А после того как король с радостью дал свое согласие, лорд Сомерсет уже ничего не мог поделать. Но в отношениях между братьями образовалась трещина, и это подготовило почву для темных дел в будущем.

Все самые темные дела и темные мысли, наверное, не темнее тех, что приходили в голову мне, когда я лежала в постели. И не только болезнь была тому виной.

– Как здоровье ее высочества? – Из-за опущенного балдахина послышался чопорный голос кузины Джейн. – Скажите своей госпоже, что я буду за нее молиться.

Иди, девочка, молись, но не обо мне, не обо мне! Я предпочту любить и терять, чем, как ты, прожить всю свою жизнь в ледяной башне девственности.

Еще приходил мой дорогой Гриндал и просиживал часами у моей постели, читая мне вслух по-гречески, чтобы как-то меня развлечь. «Скромность – цитадель души, красота ее и сила: первая из добродетелей – нерассуждающая вера, вторая – искреннее раскаяние».

Искреннее раскаяние! Мне было о чем сожалеть: во-первых, о моей глупой доверчивости, а во-вторых, о моем бренном теле, корчившемся теперь от презрения к самой себе. С этого дня, клялась я себе, я буду, как монахиня, проводить дни в учении, молитве и посте. Ни один мужчина больше не приблизится ко мне, ни один!

Неделю я была больна, но однажды, проснувшись, вдруг

почувствовала, что моя лихорадка прошла. Было не больше четырех утра – кричал петух и в церкви звонили в колокола. У меня в ногах похрапывала горничная – ее уложили туда на время моей болезни, и, понадобись мне вдруг помощь, мне достаточно было бы пихнуть ее ногой. Кэт была уже в комнате, как я могла догадаться по тихим, осторожным звукам ее шагов. Скоро она поднимет полог…

И тут я услышала, как дверь в спальню распахнулась, Кэт вскрикнула, и загорелая рука со шрамом на костяшках пальцев, перламутрово блеснувшим в рассветном полумраке, раздвинула занавес.

Как давно он живет с королевой в Челси, под одной крышей с нами? Сначала, когда они поженились и пока он не уговорил короля, положение его было так шатко, что он приходил тайком на рассвете, прокрадываясь полями и берегом реки, так что никто и не знал, что он здесь. Когда же все открылось, он сам, его слуги, горничные, лошади, собаки и соколы покинули дом, Сеймуров в городе и переехали на новое место. На следующий же день он был здесь.

Он был здесь, в моей постели, он ворвался, как лев, сверкая глазами и зубами. Я чуть не умерла от страха. Кто это, я не знала, только чувствовала по разлившемуся в воздухе мужскому духу, что это – «он», потому что у него был свой особый запах, как у кота. В испуге я упала на бок и отбивалась изо всех сил, но так как спала я нагишом, то не могла выбраться из постели, не прикрывшись, и моя нагота была теперь открыта для его взгляда…

Его рука была у моей груди, к которой я прижимала домотканую льняную простыню. Я в ужасе закричала. Позади него истошно орала горничная, вне себя от страха, и храбрая Кэт повисла у него на руке, колотя его по спине и вопя ему в ухо:

– Пощадите ее, милорд! Бедняжка миледи! Как вам не стыдно, уходите!

Я всхлипывала, забившись в угол. Если об этом узнают, я погибла! Предать меня, опозорить – этого ему еще мало? Пламя ярости все жарче разгоралось у меня в груди. Да как он посмел! Но глубже, чем вспышка гнева, тлел другой, новый огонь…

Встав коленями на кровать, он резким движением схватил мою руку и оторвал ее от груди. Неужели он разденет меня догола? Но он осторожно поднес мою сжатую в кулак руку к губам и нежно прошептал:

– Не пугайтесь, принцесса. Я пришел только пожелать вам доброго утра и скорейшего выздоровления, не больше и не меньше.

Кэт все еще кричала в голос:

– Постыдились бы, сэр! Как вам не стыдно, вы запятнаете честь и доброе имя моей госпожи! Уходите! Вы ее погубите!

– Кто? – Похоже, он наконец расслышал крики Кэт и завывания горничной. – Заткнись, бесстыжая!

Он влепил девушке пощечину, от которой рот у нее наполнился кровью, а затем повернулся к Кэт.

– Придержите язык, мистрис, – сурово осадил он ее. – Неужели вы полагаете, что мужчина не может зайти к той, кого он теперь зовет своей дочерью? Это вам надо стыдиться своего испорченного воображения, и впредь будьте осмотрительнее.

Надо было видеть лицо Кэт, когда он все повернул против нее. Она униженно извинялась:

– Простите, сэр. Не наказывайте меня! Я не хотела сказать вам ничего такого. Просто я должна защищать миледи…

– Так же, как и я, ибо теперь я ей вместо отца, – благородно произнес он и, развернув ее спиной, спровадил увесистым шлепком пониже спины. После этого, повернувшись лицом ко мне и спиной к поротой заднице Кэт, он бросил на меня взгляд столь недвусмысленный, что сжигавшие меня страх и ненависть растаяли, как дым от костра, пламя которого жгло мне не сердце и не голову, а спускалось все ниже и ниже, по грудям, по животу и глубже, глубже…

А он все разжигал и разжигал этот огонь, и хотя Кэт, которая снова была влюблена в него, могла признавать его моим отцом или не признавать, но в тайных беседах со мной он снова добивался моего расположения, и снова я его слушала. В ту погожую весну, когда лепестки цветущих деревьев душистыми снежными хлопьями засыпали дорожку к реке, он взял мое сердце в осаду. Когда же лето созрело в небывалую осень и потом начало клониться к декабрю, он без всякой жалости одно за другим разрушил все мои укрепления.

Судите обо мне, но не вините: вы не видели его, не слышали его, не любили его, как я…

– Я женился на ней только, чтобы быть рядом с вами, подлинная владычица моего сердца, – уверял он.

«Верь мне», – сказал он, как всегда говорят мужчины. И я верила, как верят все женщины.

Он убеждал меня, что ублажает королеву, как должен ублажать свою жену любой мужчина, но удовольствия при этом он не испытывает.

И я верила ему, а что бы вы делали на моем месте? Возможно, их объятия и не доставляли удовольствия ему, но ей они, несомненно, шли на пользу. Не прошло незамеченным, как

расцвела она от еженощного полива, да и от дневного тоже, ибо утром, днем и вечером ее часто заставали раскрасневшейся и дремлющей с открытыми глазами. Она нежно льнула к нему, как ребенок, ей трудно было расстаться с ним даже на минуту.

Однако он во всем поступал по-своему. Тот день стал первым из множества дней, начавшихся с его утренних «шалостей», как он это называл, когда моя спальня заполнялась топотом и ревом, – он играл в тигра, одновременно затевая другую, более опасную игру. Чтобы отвести подозрения, он иногда приводил в мою спальню королеву, когда приходил тормошить и щекотать меня по утрам. «Это всего лишь игра», – заявлял он, и она верила. Однако он знал, что меня это возбуждает до безумия; каждый вечер я ложилась в постель, гадая: придет он завтра или нет?

Мы пробовали запирать от него дверь, но Екатерина отдала ему ключи от всех комнат. Я укладывала с собой в постель горничных, хоть было и противно терпеть этих вонючек рядом с собой. Но он просто вытаскивал их голышом из-под простыней и расшвыривал, визжащих и причитающих, направо и налево, пока я не оставалась одна, потом целовал мне руку и уходил. Тогда мы решили, что Кэт, полностью одетая, будет спать на полу, рядом с моей кроватью. На это он приказал ей немедленно убираться, угрожая, что в противном случае он ее ощиплет, как куренка. И она убралась…

Уберечься от него можно было только встав чуть свет. И тогда, спустившись вниз босиком, в ночной рубахе, он заставал меня за молитвой – само воплощение девственности. Он бормотал ругательства, хмурился, разворачивался и наконец удалялся в прескверном расположении духа.

До следующего раза…

Но, даже добиваясь меня столь беспардонно, он звал меня «принцесса» и обращался со мной соответственно, была ли я нагишом, укрытая одной лишь простыней, или полностью одетая в присутствии множества людей.

Он трудился надо мной взглядами и словами, грубыми шутками и тонкими намеками, пока я не стала чуткой, как жеребая кобыла. При дворе я владела собой, держалась с ним холодно и высокомерно, но, когда он заходил в мои апартаменты, я знала, что вся моя челядь замечает румянец, вспыхивавший у меня щеках, когда люди моего церемониймейстера Война, ударяя жезлами об пол, провозглашали: «Милорд адмирал с визитом к вашей светлости!»

Прокладывая путь к моему сердцу, он также прокладывал путь к моему телу. Начав с бесстыдного поглаживания ладони, он планомерно, шаг за шагом продвигался вперед, как войска,

штурмующие город, занимают квартал за кварталом, улицу за улицей, дом за домом, пока не захватят весь его целиком. Мы не часто оставались одни: хотя Кэт и любила его, но меня она любила больше и знала, что должна любой ценой сохранить мое доброе имя. Время, однако, шло, и случалось, что ее бдительность слабела – ему или мне (такова была его власть надо мной) удавалось ее отвлечь, и тогда он улыбался, как Люцифер, и касался моей руки, волос, рукава платья рядом с грудью, пока шнуровка не начинала меня душить и плоеный воротник не стискивал мне горло. Девственнице, чтобы вся ее кровь закипела, достаточно и такой малости, и ему это было хорошо известно…

Новый год, пришедший на смену старому, застал нас в старинном родовом поместье графов Садли, укрытом в долине одного из исконных английских графств. Здесь он устроил для Екатерины ее собственный королевский двор с пятьюдесятью фрейлинами для нее, а также с сотней дам и кавалеров, чтобы те прислуживали ей и ему.

На ежедневные утренние мессы в часовню королевы приходили, однако, только самые набожные. По утрам в январе иней блестел на каждом камне на полу – так холодно было даже в доме. Но Джейн и ее «ученые девы» не пропускали ни одной службы – они твердо шли по пути добродетели. Я тоже, как правило, была среди них, искупая барахтанье в постели с моим лордом молитвами с его женой. На шестой день января пришелся праздник Крещения. Екатерина первая подошла вкусить хлеба и вина и, опустившись на колени перед алтарем, вдруг с беззвучным криком упала без чувств.

– Королева! Пошлите за милордом! Доктора! Господи, пощади ее!

Смертельный ужас объял всех и каждого. Через неделю после того, как захворала королева, болезнь охватила весь дом. Первыми слегли полдюжины слуг, трое из которых вскоре изошли смертным потом, отправляясь на встречу с Создателем. Мой лорд распустил всю прислугу из тех, что еще не разбежалась, и оставил лишь нескольких человек, чтобы носить воду, готовить еду и разводить огонь. Мы все сидели по своим углам, стараясь жить так, будто смерть не стучалась в нашу дверь.

И все мы страдали, каждый по-своему. Кэт, Ричард, Чертей и старый Фрэнсис твердо смотрели в лицо смерти, бросая ей вызов. Парри сделалась мрачной, в ней еще четче проступили валийские черты; она сидела в углу, что-то бурча, все время говорила о талисманах, амулетах, акульих зубах, семенных железах куницы и кроличьих лапках, и ничего из этого, кроме лапок, нельзя было достать в Глостершире в самый разгар зимы.

Из всех моих людей Гриндал переживал сильнее всех, его богатое воображение рисовало ему возможную близкую смерть. Высокий и тощий, он еще больше высох, его бледное лицо еще больше осунулось от поста и молитвы. К нашим с ним совместным занятиям он подходил с удвоенным рвением. Однажды после полудня, спустя примерно неделю после начала болезни королевы, он отложил Платона и попросил у меня разрешения удалиться и начать с начала завтра.

– Мой неверный разум отказывается служить мне сегодня. Я прошу, ваше высочество, меня извинить.

– Тогда до завтра, мой добрый наставник. Честно говоря, в тот год я с радостью оставляла занятия, чтобы на свободе мечтать и думать о нем…

Вот так наши мечты тянут соки из нашей реальной жизни. Я не видела, как мой дорогой Гриндал ушел, сказала только пару коротких слов на прощание. Солнце завтрашнего дня, о котором он говорил, еще не взошло, а рука, постучавшаяся на рассвете в мою дверь, была не рукою Гриндала, а моего лорда, который снизошел ко мне как, ангел в своей мужественной красе, но в лице его читалось слово «смерть», и тьма была в его глазах, и вид его бледен.

– Оставьте нас!

Никто не посмел ослушаться его резкой команды. Он оторвал меня от утреннего туалета, мои неприбранные волосы рассыпались по плечам ночной сорочки. От него пахло смертью; я знала, что он принес ужасные известия.

Почему мы остались одни? Мне нужна была Кэт, я…

– Мужайтесь, мадам.

Я вцепилась руками в край стола. Он был напряжен, как натянутая тетива; я тоже дрожала. Голос его дрогнул:

– Миледи, если бы я мог избавить вас от этой печали…

Я едва могла прошептать:

– Сэр, это королева?

В его глазах блеснула тревога.

– Королева? Нет, Боже сохрани. Ваш наставник, Гриндал, слег вчера вечером и больше уже не вставал. Его тело упокоилось здесь, его душу принял Господь.

Сердце мое переполнилось горем. Слезы застилали глаза, я не могла говорить. Я не видела ничего, пока не почувствовала его рядом с собой и не услышала запах мускуса. Его камзол коснулся моего лица. Одна сильная рука поддерживала меня за талию, другая обхватила за плечи, поддерживая голову. Его пальцы гладили мои волосы, лоб, заплаканные глаза.

Он взял меня за подбородок и поднял мою голову вверх.

Сквозь слезы я увидела, как лицо, которое я любила, склоняется к моему, и, чувствуя одновременно и горечь и упоение, я уступила.

Глава 5

Так мы стали любовниками. В тот день кончилось мое девичество. Нет, он не похитил мое сокровище, ни в коем случае: еще ни один мужчина не был осмотрительнее, ни один адмирал не маневрировал искуснее. Но когда его пальцы ласкали мою шею, погружались в корсаж, касались моих грудей, а я учащенно дышала, повиснув на его руке, задыхалась от его близости, тонула в его долгих поцелуях, тогда я утратила свою душевную чистоту и познала себя как женщину.

Был какой-то стих о любви:

«Я замерзаю, я горю, я гибну на вершине страсти…»

Не могу вспомнить дальше.

Но мороз и жар я помню до сих пор, как будто это было вчера, и, к своей сладкой погибели, я чувствую их до сих пор. Он был первый, кто разбудил мое тело для этих упоительных восторгов, и именно за это, за его черную душу я отдала ему свою девичью любовь…

А как же Екатерина? Что было с ней, пока мы играли в наши игры? Она не была больна, не лежала при смерти. Ее недуг был из тех, что приключается со всеми женщинами, которые делят ложе с мужчинами!

Кранмер, добрый архиепископ, оказался пророком: сбылись слова, сказанные им, когда она выходила замуж за моего отца. «Чтобы понести, ей нужна любовь молодого мужчины», – сказал он тогда и оказался прав. Спустя неделю после своего первого обморока мадам королева по утрам вставала вся зеленая и призывала в свои покои повитух – предсказывать по синеве ее грудей. Но и без всяких предсказаний вскоре стало очевидно, что она понесла.

Ее радость была столь пронзительна, что я не могла смотреть на нее без злости. Не то чтобы я завидовала ей – ее большому телу, никогда не отличавшемуся стройностью и гибкостью, а теперь раздавшемуся, громоздкому и неуклюжему, ее серой коже и редеющим волосам – ребенок отнимал ее лучшие достоинства. Но, несмотря на это, она преобразилась, как святая, и вся светилась внутренним светом.

А что, если именно в этом причина того, что он оставил ее постель и стал искать моего общества? Он поступал так не из одного только распутства, ведь я была еще девственна, а вокруг любого двора вертится множество шлюх. Наверное, ему хотелось иметь возле себя хоть одну женщину, в душе которой он царствовал бы безраздельно, чье сердце бы начинало учащенно

биться при его приближении, которая дни и ночи напролет думала бы о нем, и только о нем, в то время как мысли Екатерины день ото дня все больше занимали ее дитя и ее Бог.

А я? Как я могла обманывать ее?

А как я могла не обманывать?

Потому как моя душа больше мне не принадлежала. Чары, которыми опутал меня мой лорд, заставляли мои губы отвечать ему «да», хотя рассудок говорил «нет». В блестящем зеркале его серебряных речей я по-новому увидела свое отражение: губы – кораллы, волосы – золотые нити, глаза – даже не звезды, а целые созвездия. С его умением покорять женские сердца (а это было основным его талантом) он быстро нашел мое самое слабое место и превозносил мой ум до тех пор, пока не размягчил его и не подчинил своей воле.

Я же была счастлива как никогда.

Ибо он кормил меня страхом, приправив его вожделением и непреодолимым влечением под соусом хитроумных интриг – это дивное кушанье, пища королей! Потом я наелась ее в избытке, и вкус ее потерял свою остроту. Но тогда я впервые ее пробовала, пировала, объедалась – кому после этого захочется позолоченных павлинов, раскрашенных поросят и дроздов в тесте?

Он кормил меня не одними только любовными признаниями, он говорил о науке управления государством, льстя моему разуму и здравому смыслу. Тогда я заметила зависть, что росла в его сердце по мере того, как его брат, лорд-протектор забирал все больше и больше власти.

– Что вы думаете, принцесса, об этой войне с шотландцами, которую затевает мой брат? – говорил он сердито, барабаня пальцами по эфесу шпаги. – Ваш батюшка был умнее, когда договорился, что они отдадут свою королеву Марию, которая тогда была еще ребенком, замуж за вашего брата. Теперь мой брат так их торопит, что они скорей согласятся на свадьбу с самим дьяволом, чем с нашим королем!

– Вы собираетесь на войну? – спросила я встревоженно.

– Не бойтесь! – сердито засмеялся он. – Мой дорогой братец не выпустит меня из дому!

– Значит, он любит вас и боится вас потерять.

Еще один злобный смешок.

– Мой братец? Можете не сомневаться, мой братец готов заботиться о ком угодно, только не обо мне. Он правит королем, он правит, как король, – какое ему дело до остальных?

В другой раз, поздно вечером, когда огни в доме едва теплились и все, кроме нас двоих, уже легли, он, уже не таясь, выплеснул передо мной то, что мучило его больше всего:

– Почему я рожден вторым? Послушайтесь меня, принцесса, берегите свое право наследования. Не позволяйте мужчине подчинить вас своей воле. Не будем забывать об Артуре и Генрихе! Ведь ваш отец, старый король Генрих, тоже был вторым сыном, как я, рожденным не для престола. Но пришел и его черед…

Эта мысль целиком его захватила.

– Тогда, как сейчас, на свете жил прекрасный юный принц Артур, которому, как и вашему брату, самою судьбой было назначено стать наследником престола…

Сначала была свадьба. Артур, наследник трона, должен был жениться, для этого его и растили, так же как его невесту – Екатерину Арагонскую. Юному принцу Артуру было всего пятнадцать (ей – шестнадцать), когда в такой же ветреный ноябрь 1501 года они стояли рука об руку перед алтарем Вестминстерского аббатства, но ему так и не суждено было стать женатым человеком.

«Ибо тут вы видите проклятие всего вашего дома в действии, – мрачно произнес мой лорд, – роковое наследство – слабость мужчин. Сколько сыновей было у вашего отца – и все умерли! Только один остался – ваш брат Эдуард».

Зима в тот год выдалась суровой. Молоко застывало в крынках, и птицы замертво падали с веток. На смену ноябрю пришел декабрь, а за ним январь и февраль: все ждали нового королевского отпрыска, а в это время дедушка Генрих, уютно расположившись в Ричмонде, внес свою лепту в продолжение рода – сделал своей жене еще одного ребенка, чтобы «собственным примером воодушевить сына», как смеялся мой лорд.

Но вместо новой жизни, вышедшей из его чресел, явились туманы и холода, обычные для сырого климата тех мест, и пожрали его легкие. Ясным апрельским днем, прекрасным, как мечта, Артур умер. Он отошел в мир иной, харкая кровью и черной желчью, рыдая от страха и обиды, прижимаясь к Екатерине, как испуганный ребенок. А вскоре за ним последовала моя бабка, королева Елизавета. Она умерла от родильной горячки (ребенок оказался девочкой – так жестоко судьба посмеялась над надеждами старого Генриха). Артур сгнил от талии вверх, а она, как женщина, от пояса – вниз.

– Посочувствуйте старому королю хотя бы в этом горе, – взмолилась я.

Но у моего лорда не было жалости.

– Задумайтесь, мадам – требовал он. – Господь наделил вас ясным умом и здравым смыслом, вы должны думать головой, как

мужчина, а не бессмысленной утробой, как женщина. Не будь этой смерти – ваш отец не получил бы трона. А его кровь в ваших жилах дает вам право в свой черед унаследовать престол.

Дает мне право? Тогда, в первый раз в жизни, я решилась вообразить невообразимое: что женщина может наследовать, женщина может править.

Так сквозь стекло его обманчивых надежд я увидела свое будущее. Он сам, в свой черед, не унаследует ничего, и он чувствовал, что за окружающими его почестями – пустота, и презирал все, что имел. Он бесился от безделья, развлекался со мной, но вместе с тоской в нем росла гордыня, и я еще подливала масла в огонь своим обожанием, ибо я была принцесса крови, самая молодая, красивая и умная из всех из них, и я была влюблена в него до безумия…

А чем же занимался в это время Эдуард, спросите вы? Что делали Мария, Робин, Сесил, все остальные люди, окружавшие меня?

О них я не могу сказать ничего, ибо они перестали для меня существовать. Только когда зашел разговор о новом учителе, я собралась с силами и выбрала того, кто был дорог моему бедному Гриндолу, чтобы почтить таким образом его память.

Однако я не спешила возобновить свои занятия. Все это время я жила только моим лордом: мыслями о нем, прикосновениями, надеждами, а затем его гибелью.

После участи, постигшей мою мать, это был второй по значимости урок, преподанный мне жизнью, но об ту пору еще не пройденный и наполовину. Но когда я думаю, что едва не погубила свое девичество, свой трон и даже жизнь, отдав себя в эти беззаботные руки…

Однако до сих пор, когда я вспоминаю его длинные пальцы, загорелые, мускулистые руки, белый шрам на костяшках, я испытываю тот роковой трепет, который я впервые испытала с ним…

Все это время, со дня смерти Гриндала до Духова дня, мы были любовниками. Наши свидания были коротки и редки, но каждый раз это было пиршество, утолявшее наш голод до следующей встречи. Теперь мои глаза, мои губы, мои груди принадлежали ему, мое тело принадлежало ему, если не целиком, то до талии. Думала ли я о девичьей гордости, о своем добром имени, о грехе прелюбодеяния? Честно говоря, нет. Любовь заслонила для меня все. Если бы ему вздумалось взять крепость штурмом, он бы обнаружил, что укрепления пали и все население просит его войти.

Но все-таки я держала его на расстоянии и строила из себя

недотрогу, ибо даже тогда я знала, что не должна казаться легкой добычей, не должна казаться побежденной. Он жаловался, что ему, бедняге, оказавшемуся между беременной женой, с одной стороны, и жестокой возлюбленной – с другой, остается только беситься от злости, пока мужское достоинство не засохнет и не отпадет. В глубине души я ликовала; мне было очень приятно, что между ним и Екатериной ничего нет.

Я знала, что он говорит правду: в ее положении соитие было невозможно. Некоторые женщины носят плод не впереди, а, как племенные кобылы, расширяются в бока. У Екатерины, к большому ее неудобству, все торчало спереди, она так расплылась и растолстела, что даже двигалась с трудом. И хотя все сулили ей прекрасного крупного мальчика, она стала вялой и слезливой и еще больше, чем раньше, льнула к моему лорду.

Вот тут-то и крепилась нить, за которую потянули, и наша история распалась, спутанная паутина разорвалась, и мое глупое девичье сердце разбилось… и спаслось.

Однажды летним утром, когда в десять часов утра солнце уже припекало, я послала Вайна сказать милорду, что буду прогуливаться в галерее. Это было нашим излюбленным местом свиданий: наши люди ждали за дверью, а мы прохаживались по просторной светлой зале и, как боги над ничтожной землей, смотрели вниз на зеленые холмы через высокие переплетенные окна. В конце галереи был небольшой эркер, окно которого нависало надо рвом, – мы сидели там и разговаривали, и обнимались украдкой без посторонних глаз.

Никогда он не казался мне красивее: после утренней прогулки верхом лицо его оживилось, кожа уже начала немного бронзоветь под горячим майским солнцем. Его глаза горели любовью, его губы говорили о любви, его руки, державшие мои, были сама любовь. Год траура уже прошел, и его наряд цвел зеленым и золотым – зеленым! Я должна была догадаться! Это цвет измени, цвет вероломства!

Но тише, не торопи меня, сердце, мое сердце…

Самую тяжелую часть лучше рассказать покороче.

Он пришел гуда, где я ждала его в пронизанном солнцем алькове, и, не говоря ни слова, схватил меня за плечи и прижал к груди. Я обвила руками его шею и прижалась губами к его губам, ища в них хлеб насущный своей души, и все во мне обрывалось, закипало от восторга, рвалось ввысь, как всегда в его объятиях.

Если бы я слушала – наверняка бы услышала не звук, нет, но полную тишину за дверью галереи и поняла бы, что если десять или пятнадцать слуг, дам, кавалеров, обычно оживленно болтающих, вдруг внезапно замолчали, то что-то неладно. Я

только успела разобрать внезапный звук тяжелых шагов по дубовому полу и шелест свободного одеяния совсем близко от нас.

А затем голос Екатерины – нет, это был не ее голос:

– Милорд? Господи Иисусе, как?.. Милорд? Милорд!

Она споткнулась и, схватившись за занавес алькова, чтобы не упасть совсем, рухнула на колени. За ее спиной в дверном проеме я видела Кэт, Парри, Вайна, людей милорда и моих, застывших, – вот она, аллегория абсурда, – на их лицах был ужас.

Я не могла заставить себя взглянуть на нее и потянулась к моему лорду. Но он резко отшвырнул меня.

– Мой нежный ангел! – вскричал он вне себя от страсти. – Благодарение Богу, ты пришла спасти меня от этой девицы. Она, в своем безудержном распутстве, заманила меня сюда против моей воли. Бог в своей милости привел тебя сюда!

И, бросившись перед ней на колени, он рыдал крокодиловыми слезами, пока она тоже не зарыдала. Затем, положив руки ему на плечи, она возблагодарила Бога за то, что Он ниспослал ей супруга, который ее любит и чье целомудрие сильнее соблазнов плоти, которыми прельщают юные искусительницы.

Глава 6

Все-таки Екатерина была настоящая леди, и более того – королева. Единственное, что она мне сказала:

– Ступайте в свои покои. Я поговорю с вами позже.

Когда это «позже» наступило и она послала за мной, у меня не было никакого желания говорить. Да и что тут можно сказать? С дневного ложа, где она старалась устроиться поудобнее, ерзая под тяжестью своего чудовищного живота, она смотрела, как я опускаюсь на колени, но не сделала мне знака подняться.

– Постойте немного на коленях, – мрачно сказала она. – Немного смирения пойдет вам на пользу. Мой лорд поклялся мне могилой Пресвятой Девы, что между вами и ним не было ничего, кроме того, что я видела. Но я боюсь жара вашей молодой крови и намерена ее остудить.

Остудить мою? И это потому, что ее кровь оказалась недостаточно горячей для этого же мужчины? Я склонила голову и прокляла ее за благочестивое лицемерие. Но гораздо сильнее я проклинала его и себя…

– Я буду молить Бога, чтобы он простил вас, – продолжала она. – Я знаю, что не должна думать о вас дурно. Какая же девушка не полюбит такого мужчину, как мой лорд, пусть даже он не подавал ей для этого никакого повода.

Я рассматривала огромную Библию, лежавшую рядом с ее кроватью, вдыхала запах можжевельника и размышляла о том, как охотно женщины верят мужской лжи.

Огромные пустые глаза Екатерины уставились мне в лицо.

– Мой лорд сделал еще одно признание, – произнесла она холодно. О Боже, что еще?

– В ваших жилах течет кровь Анны Болейн, как напомнил мне мой лорд, – плохая, порочная кровь. Он говорит, что ему следовало помнить, от какого корня вы произросли. , Прекрасно! Поступок, достойный мужчины, – раскопать могилу моей матери, чтобы заклеймить меня, назвав блудницей!

И это мужчина, которого я любила?

Да, это он.

Но Екатерина еще не закончила.

– И более того, мой лорд сказал мне, что однажды застал вас на галерее в объятиях другого мужчины.

Моя ярость вырвалась наружу:

– Другого мужчины? Это кого же? Тут нет никаких «других мужчин»! Ни один мужчина, кроме Гриндала и милорда, вашего мужа, никогда ко мне не приближался.

Она слабо взмахнула рукой.

– Кто знает? Но мой лорд дал мне хороший совет: здесь вам угрожает опасность как от вашей собственной крови, так и от искушения, которое он для вас представляет.

Ее распухшая левая рука улеглась рядом с чудовищно располневшей ляжкой. Обручальное кольцо – его кольцо – так же глубоко врезалось в плоть, как его предательство врезалось в мое сердце.

Он презирает меня и мою мать, походя распускает обо мне сплетни про какого-то «другого мужчину». Так уже было, когда он лгал, что безраздельно принадлежит мне, а женился на ней.

Но дважды прощают, а по третьему карают, как говорит пословица. Дважды я верила ему и дважды была обманута. Петух прокричал в последний раз: отныне ни один мужчина не отречется от меня.

Голос Екатерины доходил до меня будто сквозь туман:

– Вы помните одного из приближенных покойного короля – сэра Энтони Денни? Серьезный и достойный человек, связанный с вашей семьей узами брака и пекущийся о ее добром имени. Я послала в его дом близ Чешанта письма – он и его жена примут вас.

Мы уехали сразу же, времени на сборы отпущено не было. Однако перед самым нашим отъездом она плакала и прижималась ко мне, не решаясь произнести наконец слова прощания. Я пожелала ей счастливо оставаться, но у меня было при этом такое чувство, будто рот у меня забит опилками, а глаза – песком. Мое имущество должны были прислать позже. Меня просто усадили верхом на лошадь, старший конюший Екатерины натянул поводья, и мы тронулись.

После пережитого потрясения Кэт, ехавшая рядом со мной, выглядела жалко и униженно, как побитая собака. Я не могла поднять глаза на своих людей, которые присутствовали при сцене, когда нас застали, и могли сами сделать выводы. Я отдала бы руку или даже глаз, только бы спрятаться в паланкине. Или по крайней мере остаться одной и иметь возможность думать, злиться и стараться понять…

Мы подъезжали к Чешанту, стоявшему посредине лесистой долины, когда свет июньского дня уже почти померк. Оловянное солнце плыло низко в клубах вечернего тумана, и бронзовая луна висела над холмами, как языческое зеркало. Когда мы подъехали к старинному каменному дому, сэр Энтони вместе со всеми своими домочадцами встречал нас у дверей, и по его глубокому поклону я поняла, что ему ничего не известно о том, что произошло. Он и его жена преклонили колена у ног моей лошади,

и, сняв шляпу, он приложился лбом к пыльному стремени. Такая почтительная встреча пролилась бальзамом на раны моего сердца.

На следующее утро, когда роса еще блестела на полях, сэр Энтони зашел ко мне. Он остался таким же маленьким, темноволосым и молчаливым человеком, каким я его видела в покоях короля. Ступал он мягко, разговаривал негромко и приветливо, но его маленькие глазки светились умом, а ровная манера держаться выдавала в нем человека, не привыкшего к возражениям. Помнил ли он тот вечер в Уайт-холле, когда я ужинала с королем и в последний раз видела отца живым? По приветливому выражению, появившемуся на его лице, когда я вошла, я поняла, что помнит.

Он снова приветствовал меня по всем правилам, опустившись передо мной на колени.

– Госпожа принцесса, я всем сердцем сожалею, что болезнь, грозившая вам в доме королевы, заставила вас перебраться ко мне…

Болезнь… Ну, можно и так сказать, если мой лорд – это недуг, то я перенесла его тяжело…

Я оглядела прохладное просторное помещение с низким потолком, дорогими шпалерами по стенам и изысканной мебелью (оно вполне годилось даже для правящего монарха, не говоря уже об опороченной девице) и попыталась улыбнуться.

– Мы все очень признательны вам за гостеприимство.

Он поднялся и шагнул мне навстречу.

– Мадам, это я должен быть вам признателен. Может, вашей милости будет угодно прогуляться по галерее и осмотреть картины, что висят там?

Я подавила горький смех. И тут галерея. Еще одна?

Но он не имел в виду ничего дурного. И что еще оставалось делать?

– Как вам будет угодно, сэр.

Следуя за ним, я вышла из моих покоев и, пройдя через большой зал, оказалась в широкой, залитой солнцем галерее. И тут глазам моим предстал портрет, лицо на котором было мне знакомым, хотя я никогда его раньше не видела. Втянув голову в круглые плечи, с портрета на меня смотрел бледный, измученный бесконечными заботами скряга, больше похожий на фабриканта или торговца, чем на короля, и более того – короля Англии.

– Ваш дед – Генрих Седьмой – король и воитель – так начал Денни свой рассказ. – Это, ваша милость, был человек, ниспосланный самим Провидением. Он сразился с королем Ричардом – узурпатором герцогом Глостерским – в битве на

Босвортском поле. Он поставил на карту свою жизнь, чтобы основать вашу великую династию.

Денни знаком подозвал слугу и предложил мне вина и засахаренных фруктов. Его угощение было столь же приятно на вкус, сколь целителен бальзам его слов для моих душевных ран.

– Ему наследовал ваш отец, миледи. Что это был за человек! – Он подвел меня к следующей нише, где весь залитый солнцем висел портрет моего отца, на котором он был изображен больше чем в натуральную величину: толстые, как стволы деревьев, ножищи широко расставлены, массивное туловище с бычьей шеей, голова в знакомой шляпе с плюмажем подпирает расписной свод потолка. В лице Денни ясно читалась борьба двух чувств – гордости и горечи. – Он принес нам славу и величие, заставил весь мир считаться с Англией. А теперь… – Он резко замолчал и вздохнул.

– Что теперь? – нетерпеливо спросила я. Он помедлил с ответом и взглянул мне прямо в глаза.

– Вы дочь своего отца, мадам. Я служил ему, а теперь готов служить вам – только прикажите.

Что он говорит?

Он продолжил, тщательно выбирая слова:

– Не в нашей власти противиться Божьей воле… но я бы попросил у Всемогущего об одной великой милости: отпустить королю – вашему отцу – еще несколько лет. Ибо до тех пор, пока ваш брат не сможет жениться (и произвести на свет потомство, как каждый из нас добавил про себя), до тех пор…

– Я и моя сестра – единственные наследницы. Это вы хотите сказать?

Теперь мне стало понятно, откуда взялась симпатия и беспокойство обо мне у старого Денни: он служил Генриху и хочет, чтобы Англией правили потомки Генриха, а не лорд-протектор и прочие самозванцы…

– Не вы и ваша сестра – но ваша сестра и вы, моя дражайшая леди, – мягко поправил он меня.

Краска залила мне щеки. Какая я дура! Конечно, Мария идет впереди. Так было раньше и так будет всегда, так уж получилось. Вот тут-то и собака зарыта. Как известно, в Англии никогда не правили королевы.

– И все же – после Эдуарда идут одни только женщины: ваша сестра Мария, потом вы, а затем наследницы по линии сестры вашего отца – ваши кузины леди Джейн и леди Екатерина Грей. И даже если признать справедливыми, как некоторые считают, притязания на трон потомков старшей сестры короля Маргариты, которая была замужем за королем Шотландии, то наследницей

опять оказывается женщина (и более женщина, чем кто бы то ни было) – ваша кузина Мария, королева шотландская.

Вот оно, роковое наследство Тюдоров, о котором говорил мне мой лорд, – слабость мужчин. Все мальчики умерли в младенчестве, а девочки выжили…

– В этой шотландской линии Тюдоров есть один сын – Генри Дарили. Но его родство лишь отдаленное, и он еще католик в придачу. И лишь его матери, властолюбивой графине, могло прийти в голову, что он может стать королем.

Дарили. Да, я помню, когда его мужеподобная мамаша представляла своего сына ко двору. Длинный и тощий, как жердь, светловолосый юноша, Тюдор, по крайней мере, по росту и масти. У меня вдруг возникло новое опасение.

– Он претендует на престол? Денни улыбнулся.

– Не более, чем другой «принц», чьи права тешат воображение его сторонников. Вы, наверное, слыхали об Эдварде Кортни, последнем из Плантагенетов?

Кортни? Я слыхала о нем от Кэт, и теперь это имя всплыло в памяти.

– Единственный оставшийся в живых потомок дома Йорков? Он кивнул.

– Его мать была дочерью великого Эдуарда Четвертого. Он – единственный сын. Но что ни говори, в его жилах течет кровь Плантагенетов. И ваш отец, со свойственной ему мудростью, рассудил, что лучше держать их от греха подальше: они провели десять лет в Тауэре как государственные преступники.

Я содрогнулась. Вся их вина – королевская кровь, и дорого же они за нее заплатили. Денни снова взглянул на портрет моего отца.

– Нет, миледи, пока Господь не дарует нам принца, продолжение рода Тюдоров возможно только через принцесс. И ваш долг – не дать ему оборваться. Проявив дальновидность в выборе мужа. – Теперь глаза Денни, его слова призывали меня:

– Опасайтесь всех ухажеров, миледи, я бы даже сказал, опасайтесь всех мужчин. Берегите себя как продолжательницу рода – не поддавайтесь ни на какие посулы! Ибо они могут погубить вас, а вместе с вами всю страну. Они вдобавок могут стоить вам жизни. Ибо ухаживать за вами, не получив предварительно разрешения короля и совета, – государственная измена. И вы, если примете эти ухаживания, тоже будете считаться преступницей.

Думал ли мой лорд об этом? Наверняка! А если нет, то как же беспечно он рисковал моей жизнью и своею тоже!

Больше слушать я не могла. Я попросила доброго сэра

Энтони извинить меня и удалилась в свои покои. Когда я укрылась в своей опочивальне, хоть каким-то утешением послужила мне мысль, что до последнего упоминания об его ухаживаниях я почти полчаса не вспоминала о своем вероломном лорде.

Передышка была недолгой. Все лето я страдала и томилась, несмотря на все старания Кэт. Доктора приходили и уходили, но никто из них не решался дать название моей болезни. Потому что от этого недуга – любовной горячки – может вылечить только один доктор – время, и это лекарство действует с убийственной медлительностью, и вкус его горек…

Я знала, что должна сама попробовать встать с этого ложа пыток, вырваться из замкнутого круга «почему». Почему, Господи? Почему он, почему я? В одно прекрасное утро я съела на завтрак кусок хлеба, запила его стаканом теплого молока, а потом взяла себя в руки и послала за своим новым наставником.

– Роджер Эскам к вашим услугам, мадам, – громогласным йоркширским басом возвестил он, входя в комнату. Как и Гриндал, он очень мало заботился о своей внешности: его лохматая шевелюра была пострижена, как у пастуха, на длинной мантии местами виднелась черно-зеленая патина древности. Но в отличие от этих бездумных придворных, разодетых, как павлины, он явно не думал о внешней стороне вещей. В его честном лице, с горящими пытливыми глазами и носом картошкой, как у Сократа, не было и намека на лоск или украшательство: он был тем, чем был, и не скрывал этого.

Я протянула ему руку.

– Мастер Эскам, как ни грустно мне это признать, но я легкомысленно пренебрегала учебой. Теперь вы будете моим наставником, и прошу вас наказывать меня по всей строгости, если я буду лениться.

Он с такой силой потряс головой, что его черные кудри разметались еще сильнее:

– Нет, мадам, ни за что! Я не из тех суровых педантов, что не знают другого способа обучения, кроме розги. Истинные знания приходят не с муками, а с любовью. – Его черные глаза сияли на широком, типично английском лице. – Я покажу вам книги тех авторов, что нравились вам раньше, – Цицерона, Саллюстия, Эзопа, и еще многих других, где говорится о любви. Взгляните сюда, миледи!

Из глубин пыльного черного рукава он выудил потрепанную книгу.

– «Quod petis, hie est», – с чувством прочел он своим густым басом. – «То, что вы ищете, – здесь», – говорит поэт Гораций.

Возьмите, мадам, прочтите!

Удивленная, я взяла книгу и поднесла ее к глазам.

– Здесь? – я перевернула страницу. Погрузившись с головой в благодатную стихию густой, величавой латыни, я снова почувствовала под ногами твердую почву. И даже уловила запахи весны. – Да, наставник. Вы были правы.

Мало-помалу, со сменой времен года, ко мне возвращались силы и желание жить. Я послала за мастером Парри, моим старым казначеем.

– Сэр, когда вы в следующий раз поедете в Лондон по делам моих владений, скажите королю, что я прошу разрешения приехать к нему или, по крайней мере, возвратиться домой, в Хэтфилд.

Добрый старик от сознания значения своей миссии надулся как индюк. Уезжая, он с важным видом коснулся тяжелой золотой цепи – знака отличия его должности – и произнес:

– Мадам, считайте, что дело сделано!

Я вернулась к книгам, и в них душа моя нашла себе покой. Однако покой – птица сторожкая, к тому же перелетная. Она нигде не гостит подолгу.

Осень в тот год выдалась ясная и теплая. Урожай убрали рано, звонили церковные колокола, огромная луна, рыжая, как лестерский сыр, с улыбкой глядела вниз на пустые поля, а амбары и риги полнились дарами, ниспосланными Господом. Все лето я постепенно, пядь за пядью, изгоняла его из своей памяти, как раненный в любовном сражении снова учится ходить. Но, как я вскоре убедилась, силы мои были невелики.

Я читала в своих апартаментах, когда слуга, безобразный косолапый мужлан, явился ко мне без стука. Вдали от столицы трудно раздобыть хороших слуг – у сэра Энтони Денни было множество калек и уродов, которым не место на королевской службе. Меня раздражало присутствие этих людей рядом со мной. Еще больше я рассердилась, когда он ткнул в меня пальцем и пробормотал:

– Мой хозяин – в галерее…

Раньше Денни никогда не посылал за мной так – он всегда приходил сам. Я нашла его в его излюбленном месте, рядом с портретом моего отца: он внимательно изучал почту, при этом лицо его было абсолютно непроницаемо. Когда он заговорил, голос его звучал холодно:

– Новости из Лондона, миледи. Возможно, они вас порадуют.

Сердце у меня едва не выпрыгнуло из груди.

– Я еду ко двору? А там увижусь с королем, и мы вместе отпразднуем Рождество?

– Об этом я ничего не слышал. Но как верную подданную, а также как сестру короля вас должно порадовать известие о его будущем счастье.

– Да-да, говорите!

Он постучал по пакету, который держал в руках.

– Здесь говорится, что в скором времени состоится его свадьба.

– Эдуарда? Да ведь он еще слишком молод.

– И не только его. О, Боже, что он говорит?

– Скажите, ваша милость. – Он наклонился ко мне, как инквизитор. – Каковы ваши намерения относительно замужества?

Глава 7

Мои?

Каковы мои намерения относительно замужества?

У меня внутри все сжалось.

– Никаких, сэр. Я никогда об этом не думала. – И, почувствовав, как в душе у меня закипает гнев, добавила:

– А почему вас это интересует?

В лице его ничего не изменилось.

– По-видимому, при дворе только и разговоров что о свадьбе.

– Не о моей. Уверяю вас. Похоже, он мне не поверил.

– Однако при дворе говорят, что некая известная – и хорошо известная – вам особа собирается вступить в брак.

Я рассмеялась.

– И кто же будет этой счастливой парой?

– Конечно же, лорд Садли, барон Сеймур, и его нареченная невеста, а кто же еще?

Так я узнала, что Екатерина умерла – ребенок стоил ей жизни. Схватки начались во время утренней мессы и длились несколько дней и ночей, когда она истекала кровью и жизненными соками: в ее старом теле уже не оставалось сил, чтобы разродиться. Когда же наконец «крупный мальчик», которого ей сулили, появился на свет, он, так же как я, как сестрица Мария, как Мария Шотландская, как кузина Джейн и ее сестра, оказался нежеланной дочерью. Они назвали ее Мария. Спустя три дня и королева, и дитя были мертвы.

Бог справедлив, хотя и не всегда добр. Екатерина умерла от родильной горячки, как моя бабка Елизавета Йоркская и мать Эдуарда Джейн Сеймур, как многие женщины, разделившие ложе с мужчиной и нашедшие через это свою смерть. От дурных соков в крови рассудок ее мутился, но в свои последние минуты, когда лорд Том (мой лорд, ее лорд, но более всего свой собственный лорд) умолял ее сказать, что он был ей хорошим мужем, она, собрав остаток сил для своих последних слов на этой земле, взглянула на него в упор и выплюнула ему в лицо: «Нет! Он нанес ей так много горьких обид!» И хоть он пытался заставить ее отречься от своих слов, но она не взяла их назад.

Умерла она – а он остался жить, ибо, как у всех котов, у него было девять жизней.

И теперь он женится?

Поверил ли мне Денни, когда я изо всех сил старалась показать, что все это интересует меня лишь постольку-поскольку.

– Значит, милорд Садли снова надумал жениться?

Денни не сводил с меня глаз.

– Само собой разумеется. Более того, он собирается устроить королевскую свадьбу! Он купил права опекунства над вашей кузиной Джейн…

Джейн? Не станет он на ней жениться, у нее нет денег!

– И говорят, скоро он сделает ее женой… Нет! Не может этого быть! Только не Джейн!

– ..вашего дорогого брата, короля Эдуарда. Он обещал это ее отцу, который заплатил ему за это две тысячи фунтов.

Эдуард и Джейн?

Какой тугой завязывается узелок! Оба Тюдоры, оба горячие приверженцы новой веры! Почему я этого не предвидела? А что же он?

– А как же сам милорд? На кого он теперь положил глаз?

Кто бы это мог быть? Говорят, он уже пытался заполучить сестрицу Марию. И старая принцесса Клевская все еще жива со всеми ее мешками золота. И, кроме них, есть еще немало богатых наследниц – молодых леди, которым принадлежит полсевера, огромные владения в Уэльсе или Ирландии. Кого же он выберет?

– Милорд? – как-то странно переспросил Денни. – Нет, мадам, игра, в которую играют при дворе, называется «найдите леди».

Мы стояли прямо друг против друга, и я все чаще и чаще дышала, потому что в душе моей рос страх. Почему он так со мной обращается? Где уважение, почтительность, которую он всегда выказывал мне раньше?

– Сэр Энтони, что вы хотите этим сказать?

– Мы живем в беспокойное время.

К чему он клонит?

Он снова забарабанил пальцами по пакету.

– Новости, которые я получил… Странные это новости, миледи…

– Какие новости? – Мой голос сорвался.

– Что эта леди – вы. Что вы выходите замуж.

– Замуж? Что за нелепица? Меня даже не поставили в известность! Он развел руками.

– В таком случае за кого?

– Мадам, за кого, если не за лорда-адмирала, брата протектора, милорда Садли?

Действительно, за кого?

Снова мой лорд.

У него было больше жизней, чем у кошки, и каждая грозила мне гибелью.

Я вложила в издевку все силы, что у меня оставались:

– Я выхожу замуж за лорда-адмирала? Это просто лондонская сплетня, о которой будущую невесту даже не поставили в известность.

Денни проницательно меня рассматривал.

– Однако он намерен жениться и, по-видимому, счел, что из всех женщин вы более всего подходите, чтобы занять место покойной королевы.

– Чтобы я вышла за него замуж? Да я скорее выйду за… за… – Я овладела собой. – И хочет он или не хочет, какое это имеет значение! Я послушна лишь воле своего отца.

Наконец лучик тепла пробил броню его холодности.

– Простите меня, миледи. Но весь двор только об этом и говорит. И после нашего с вами разговора о том, что вам необходимо беречь свое имя и положение, я опасался, что тот самый лорд склонил вас… – Он сделал тактичную паузу.

Соблазнил, говорите уж прямо!

– ..забыть ваш долг и волю короля… Я посмотрела ему прямо в глаза.

– Я помню о воле отца и о цене, которую заплатит всякий, кто решится ее нарушить.

– Да, мадам. Они все поплатились жизнью. Никак не меньше.

Есть ли на свете мужчина, который стоил бы такой цены?

Теперь я узнала о смерти Екатерины из его собственных бесстыжих уст; в пространных посланиях ко мне он изливал свое горе. Он просил меня помолиться о нем в этот тяжелый для него час так, словно между нами никогда ничего не было.

А неподалеку от меня нашелся еще один человек с такой же короткой памятью. Когда я уже лежала в постели, ко мне вошла Кэт, ее голубиная грудь вздымалась, губы торопливо складывали слова:

– Мадам, потрясающая новость!

Я не видела ее такой взволнованной с тех пор… с тех пор…

О Боже Всемогущий! На свете есть только один человек, способный заставить так порозоветь ее щеки.

Она была похожа на маленькую девочку, которой не терпится поделиться своей тайной.

– Мадам, я сегодня слыхала, что после смерти королевы не отослали никого из ее дам и кавалеров, горничных или стражи. Разве это не доказательство, что милорд Том собирается жениться на леди королевского достоинства, которая будет держать такой же двор, как покойная королева. Задумайтесь, мадам! – продолжала тараторить она. – Кто это может быть?

– Кто? Да мне-то какая разница?

– Кроме вас некому! Он снова свободен, и теперь он может

жениться на вас! Подумайте об этом, мадам!

Подумать? Нет, эта мысль была мне ненавистна!

– Кэт, опомнись! Ты забыла его предательство, как будто ничего и не было?

– О, миледи! – Ее глаза были полны слез. – Что же еще оставалось милорду делать?

Она плакала о нем. Мой гнев был безграничен. Я завопила от ярости и выставила ее из комнаты. Пришлось позвать за доктором и аптекарем – облегчить последовавший приступ. Но Кэт знала, что его вызвало, и больше на эту тему не заговаривала. И хотя я была так больна, что меня тошнило несколько дней без передышки, но я снова чувствовала себя хорошо.

Ибо я была свободна от него, свободна от коросты этой глупой первой любви, этой жажды прикосновений и поцелуев, этого сладкого томления в крови, и в сердце, и в самых мягких и тайных глубинах женского существа.

Не знаю, как это случилось – его жена умерла в горячке, и я едва не последовала за ней, – но кризис миновал и жар испепелил недуг. Я корчилась от боли при мысли, что потеряла его и что потеряла его так. Я горела в огне, как Анна Эскью, и ни она, ни я, не заслужили этой муки. Но, благодарение Господу, в один прекрасный день эта любовь прошла без следа, и ни воспоминания о нем, ни его почерк на конверте, ни даже запах мускуса не волновали меня ни капли.

– Ваша королевская милость!

Парри подкараулил меня, когда я шла по парку. Земли Чешанта лежат в укромной долине, широкие прогулочные дорожки вокруг дома укрыты тенью дубов и берез даже в декабре, когда деревья стоят голые. Парри поцеловал мне руку, и я почувствовала, что он дрожит.

– Ну, так какие вы привезли новости, сэр? Мы едем ко двору?

Он покачал головой, и при этом его пальцы теребили казначейскую цепь.

– Мадам, я сделал все, что было в моих силах! Но лорд-протектор…

– ..этого не пожелал.

Итак, это правда. Как я и боялась, у Эдуарда нет власти. Страной правит лорд-протектор.

– А что насчет Хэтфилда?

– Вы можете возвратиться туда, когда пожелаете. Совет дал вам на это свое разрешение.

Ну что ж, хоть это хорошо. Дома я снова буду сама себе хозяйка. Поблагодарив Парри, я поклонилась и повернулась, чтобы идти. Но тут его прорвало:

– Мадам, брат лорда-протектора, милорд Садли…

Черт бы его побрал!

– ..просил вам кое-что передать. Он приказал мне сказать, что он предлагает свои услуги по обустройству земель, что оставил вам отец. Некоторые из них лежат по соседству с его, и большую их часть можно…

– К чему это вы клоните? Парри выдавил из себя:

– Милорд предлагает, чтобы его и ваши владения, лежащие по соседству, управлялись как одно. Весьма лестно получить такое предложение от брата лорда-протектора, столь влиятельного и могущественного джентльмена… – Он теперь прямо лучился от восторга. – Возможно, за ним последует другое, очень важное для вас!

Итак, и Парри попался на удочку моего лорда! Неужели он кому угодно может пустить пыль в глаза?

Я прямо-таки взвилась от ярости:

– Как это любезно со стороны милорда, так заботиться о моем наследстве! Теперь ему остается только соединить наши владения в одно!

– А если он это сделает, миледи? Если он изыщет способ соединиться с вами как со своей женой, что скажет на это ваше высочество?

После всего, что случилось, он все еще надеется, что я выйду за него?

Теперь, словно при вспышке молнии, озарившей темное небо, я увидела всю картину целиком. Сначала он женит Эдуарда на своей воспитаннице Джейн, а потом дернет за цепь, на которой, как он считает, он все еще держит меня, и женится на мне. Таким образом он станет опекуном жены мальчика-короля и мужем его сестры – вот тут-то он поквитается с братом, которого, я знала, он ненавидел с такой силой, с какой никогда не любил и сотню сопливых девчонок, вроде меня.

Поистине присутствие духа не изменило гордому Тому, когда он послал моего же слугу добиваться моего расположения. Со стороны Парри даже слушать эту чушь было безумием. Меня бросало то в жар, то в холод. Чей-то неприкаянный дух проходил над моей могилой. Чем больше мы говорим… ибо при одной мысли об этом вокруг нас разбегались круги смерти.

Я пристально всмотрелась в сияющее лицо Парри.

– Сэр, напрасно вы суетесь, куда не следует. Вы можете накликать беду на всех нас. Ибо подобные вопросы находятся в ведении короля и совета, даже за пустячную болтовню можно поплатиться жизнью. Я не желаю об этом слышать ни сейчас, ни потом!

Я хлопнула в ладоши, чтобы позвать слугу. У Парри, как у кролика, от страха дрожали веки. Он не желал мне зла – наоборот. Я улыбнулась ему в знак того, что прощаю.

– Если нам разрешили уехать в Хэтфилд, то поедем поскорее! Считайте это женским капризом – я хочу встретить Рождество дома и прошу вас об этом позаботиться.

Он поспешил повиноваться.

– Мы справим его ничуть не хуже, чем при дворе. Нам будет так весело, что даже сверчки за камином будут благословлять имя Елизаветы!

Мы уехали из Чешанта в спешке, как и приехали, но на душе у нас было куда веселее. Я приказала Парри от всей полноты его валлийского сердца написать милорду холодный ответ и отказаться от всех его предложений. Такой же ледяной отпор я продемонстрировала моему хозяину, сэру Энтони, в надежде, что он передаст своим друзьям при дворе, какое отвращение внушило мне это гнусное предложение. Мы расстались добрыми друзьями, и я не сомневалась, что на этом инцидент исчерпан.

Я-то не сомневалась, но кто мог поручиться за него?

Как он осмелился снова подступиться ко мне? Я не знала и не желала знать. В сердце у меня теперь был лишь Хэтфилд, и я никак не могла дождаться, когда же снова увижу свой дом.

Декабрь, когда дни коротки, и даже самые отчаянные грачи предпочитают не покидать насиженных мест, – не самое лучшее время для путешествий. Но после ясной осени дороги остались сухими, и мы ехали на редкость резво. Нам всем не терпелось поскорее добраться до Дома, и даже мулы, казалось, налегали сильнее, когда мы двигались к западу, где лежал Хэтфилд. Рядом со мной ехала Кэт, чуть позади Парри, мой Джеймс, мой Ричард, Чертей, Вайн и все остальные, и впервые после смерти отца я снова стала самой собой и обрела душевное равновесие.

Хэтфилд предстал передо мной, как любимый, возвратившийся из дальних странствий, знакомый и в чем-то новый, еще прекраснее, чем я его помнила. Как я веселилась в те Святки! Прослышав о моем возвращении, люди за много миль вокруг приходили поприветствовать меня. Все двенадцать дней Рождества мы поутру отправлялись на охоту или верховую прогулку, а вечером играли в камешки или устраивали представления. И когда в последнюю, двенадцатую ночь Кэт подоткнула мое одеяло и вышла из комнаты в слабом свете бледного серпа луны, я чувствовала себя самой счастливой девушкой на свете.

Я вспоминала свою утраченную любовь, Серрея и Сеймура без злости и тоски, решив с нового года начать все сначала и забыть о

прошлом.

Даже при мысли о смерти Екатерины слезы не наворачивались на глаза, как обычно. Я представила ее на небесах рядом с Пресвятой Девой, баюкающей в яслях младенца Христа. Теперь она вечно будет вкушать блаженство материнства. И с этим видением перед глазами я уснула, и сны мои были полны покоем и довольством.

Вот тут-то жизнь и преподала мне еще один урок: в самые безмятежные минуты нашей жизни надо более всего быть настороже. Пренебрегать обороной – значит приглашать врага, самого страшного врага на свете – завистливую судьбу.

В январе исполнился год с того дня, когда умер Гриндал и когда я впервые познала любовь – любовь женщины к мужчине. Я не видела моего лорда с Духова дня, уже больше шести месяцев. Теперь я все реже и реже вспоминала о нем. Но он все еще думал обо мне – и вовсе не с благими целями.

Год сменился, дни становились длиннее. Хотя на дворе еще стоял январь, в то роковое утро рассвет был ясным и солнечным, как весной. На сердце у меня было легко и ум ясен, как никогда. Уроки пролетели так быстро, что я опомниться не успела.

Мой наставник Эскам с довольным смехом откинулся назад и заявил:

– На сегодня все, мадам. Вы совсем меня загоняли.

После его ухода я сидела в классе, погруженная в книгу по истории, которую мы с ним начали изучать. В конце концов я уже не могла больше не обращать внимания на голод. Мне хотелось чего-нибудь полегче, просто хлеба с сыром, чтобы можно было читать до темноты. Я подняла голову:

– Эй, кто-нибудь!

Самая младшая из служанок просунула голову в дверь и сделала реверанс:

– Слушаю, мадам.

– Попроси кого-нибудь из моих дам или мистрис Кэт, чтобы они приказали прислать мне обед сюда.

Поспешно сделав реверанс, она убежала. Как долго я читала после этого, не знаю. Когда я подняла голову в следующий раз, то увидела на стене тени. Прошло еще немного времени, но никто не появлялся.

Я немного повысила голос:

– Есть тут кто-нибудь?

Когда на твой зов никто не откликается, чувствуешь себя дурой, если не хуже. В сердце мне закрался страх:

– Эй, кто-нибудь, сюда! Я приказываю! По-прежнему тихо. Теперь я по-настоящему испугалась и, встав на ноги, обнаружила,

что они дрожат. Никогда, с самого моего рождения ко мне не проявляли такого небрежения. Где мои дамы, где горничные, где охрана, где Кэт? Неожиданно в дверях появилась горничная. Я с трудом разбирала ее путаную, прерывистую речь.

– Мадам, мистрис Кэт исчезла! Ее нигде не могут найти.

Я схватилась за стул.

– Что ты говоришь? Как она могла потеряться?

– Она не потерялась, мэм, ее забрали. Забрали сегодня.

– Идиотка! Кто мог ее забрать? Страх мутил ей мысли. Она с трудом могла говорить.

– Они, мадам… Там внизу… они все… когда они пришли., сюда… сегодня…

– Говори по-человечески, дура! Кто пришел? Зачем? Почему они забрали мою наставницу? Говори же, а не то тебя выпорют.

Я думала привести ее в чувство, но она повалилась на пол в истерике, хватаясь за мою юбку, как слабоумная. Я была вне себя от ярости. Пинком отшвырнув ее, я направилась к двери. На пороге меня остановил топот бегущих ног.

Во дворце никто никогда не бегает. Это означает беспорядок, сумятицу, хаос. Нервы мои были напряжены до предела.

Спустя пару секунд я увидела громоздкую фигуру. Парри? Это была Парри, но никогда раньше я не видела ее такой: лицо ее было восковым, на нем застыло выражение дикого страха, волосы растрепаны, одной рукой она придерживала юбку, чтобы удобнее было бежать, в другой сжимала… Что это? Болтающаяся золотая цепь?

Она тяжело дышала и всхлипывала, как загнанная лошадь под ножом мясника. Но за ее спиной раздался иной звук, глуше, громче и страшнее, звук шагов вооруженных людей…

– Мадам… миледи… О Господи, спаси нас! Она почти швырнула мне в руки золотой предмет. Мои пальцы узнали его быстрее, чем глаза; это была казначейская цепь – цепь, принадлежавшая мастеру Парри…

– Мадам, они забрали его и мистрис Кэт, и теперь они пришли за… За мной.

– За вами, миледи.

Это сказал мужчина. Я видела, как он вошел в дверь, но узнала его с трудом. В сопровождении дюжины вооруженных людей он вошел в мою комнату, как черный ангел, призванный карать. Его лицо было угрюмо, как дальние подступы ледяного ада. Он нагнал на меня такого страху, что я едва держалась на ногах и не могла унять дрожь в коленях.

Я попыталась заговорить:

– В чем дело, сэр? Что…

– Не спрашивайте меня, мадам, ибо я могу не услышать.

Он протянул мне свиток.

– Леди Елизавета, властью, возложенной на меня советом и нашим государем, королем Эдуардом Шестым, я арестую вас по обвинению в государственной измене.

Глава 8

Жалобный вопль затрепетал у меня в горле и замер. Я заглянула в лицо смерти – Кэт, мистера Парри и моей. Что я сделала? Я не знала. И все же чувствовала себя виновной во всех возможных грехах.

В моей груди родился еще один придушенный вопль, но на этот раз он вырвался наружу:

– Нет, я ни в чем не виновата! Разве можно обвинять человека в том, чего он не совершал?

Он улыбнулся. Никогда раньше мне не приходилось видеть на лице человека столь неприкрытое презрение.

– Так говорят все изменники, леди. Но вы можете говорить. Вам предъявлено обвинение, и вы можете выступить в свою защиту. Более того, вы просто обязаны сказать все, что знаете, ибо я здесь для того, чтобы выяснить правду, чего бы мне – или вам – это ни стоило.

Сильнее, чем угроза, меня ужалил его пренебрежительный тон. Почему я утратила его уважение? Когда мы в последний раз виделись, он опускался передо мной на колени и целовал мою руку. Теперь его взгляд был холоден, как у судьи, выносящего смертный приговор. Я видела лица людей, стоящих позади: на некоторых мелькала жалость или любопытство, но большинство не выражало ничего, кроме скуки и злобы, как у животных на скотном дворе. Я смотрела на их шпаги и пики, и мне казалось, что все они направлены на меня. Я увидела себя со стороны, услышала свой жалкий писк, почувствовала, что все мои внутренности обмякли, ощутила во рту привкус желчи. У меня подкашивались колени. Бледный солнечный свет, угасавший на стене, расплывался, как в тумане, перед мутящимся взором.

Но падать в обморок было нельзя ни в коем случае: это сочтут доказательством моей вины. Я доковыляла до ближайшего стула.

– Сэр Энтони…

Он негромко отдал команду. Вооруженные люди отступили, и послышался шаркающий звук шагов, и всей толпой они вышли из комнаты. Парри, а затем и горничную уволокли прочь; обе жалостно всхлипывали, но сэр Энтони даже не взглянул в их сторону.

Он поклонился:

– Прошу вас садиться, мадам.

Я плюхнулась на стул.

Он сразу же ринулся в атаку:

– Из всех, леди, вас я меньше всего ожидал застать в таком бедственном положении.

– В каком положении? Чем я провинилась?

– Вы обманули меня, леди.

– Я? Никогда!

– В Чешанте вы уверяли меня, что знаете о завещании покойного короля, согласно которому вы не можете выйти замуж без разрешения короля и совета…

– Так оно и есть. И я не…

– Нет? – Он невесело усмехнулся. – Итак, вы это отрицаете?

От безысходности я разрыдалась.

– Что это? Как я могу отрицать обвинения, с которыми меня даже не ознакомили?

Он играл со мной, мучил, надеясь сломить мой дух, и я это понимала. Но я не знала, как ему противостоять.

Я выдавила из себя:

– Я не сделала ничего дурного.

– Это вы так говорите, но, к несчастью для вас, ваш любовник – или лучше сказать «будущий муж» – лорд Садли утверждает обратное.

О мое вещее сердце! Мой злой гений, мой темный властелин, демон, завладевший моей любовью, тащит меня вниз! На что уповать? На что надеяться?

Сквозь слезы я с трудом выговорила:

– Он? Нет! Не может быть! Если он это говорит, он лжет! О, Господи, не оставь меня!

Господь услышал меня? Ибо вдруг мне послышался голос: «Не говори ничего, плачь, пока не соберешься с мыслями, иначе ты своими же устами произнесешь свой смертный приговор. Молчание золото, плати ему той же монетой».

И я рыдала и не поддавалась ни на какие утешения, ни запугивания, ни уговоры, хоть он и испробовал все средства по очереди. Он ходил вокруг да около, засыпал меня вопросами, мучая, но ничего не открывая, пытаясь поймать меня на крючок, но я в ответ только заливалась слезами. Если мне ничего не осталось, кроме этого женского средства, то лучше я до вечера или до самой ночи буду прятаться за водопадом слез, чем выдам себя. Или его, лорда Тома, несмотря на его злобу и глупость, или Кэт, или Парри, или кого-нибудь еще.

Этот кошмар длился весь день – день слез и поста, ибо мой тюремщик не позволил мне поднести к губам и стакана воды, – но в конце концов сэр Энтони в холодной ярости признал свое поражение и прекратил допрос.

Вернувшись в свои покои, где мне теперь прислуживала

только одна горничная, косноязычная деревенская дурочка, которую я никогда прежде не видала, при свете одной жалкой свечки я раздумывала над тем, что мне было известно.

Одно, по крайней мере, было понятно: все вертится вокруг моего лорда. Он, должно быть, совершил какое-то преступление – его арестовали и допрашивали, и он сказал власть предержащим, что он и я собирались пожениться или, того хуже, что мы уже муж и жена.

Лежа в постели, я обливалась холодным потом. Если он так сказал и если они ему поверили, то мы оба, считай, мертвецы. И даже если они решат, что я всего лишь дала согласие на брак без их разрешения, то мой приговор подписан. Этот человек сеет вокруг себя смерть, и имя ему смерть, теперь мне это было ясно. Я, как его жена Екатерина, как все глупые бабы, легла с тем, чье имя – смерть, и теперь он пришел за девушкой.

И я отдам свою девственность не любовнику, не избранному мной супругу, а человеку, чьего лица, спрятанного под черным капюшоном, я никогда не увижу, который завяжет мне глаза, вывернет руки за спину и швырнет меня на плаху, где мою обнаженную шею поцелует его топор.

Но вышло так, что спас меня тот самый человек, что подверг мою жизнь смертельной опасности. В самый темный час, когда в моей спальне, в моей кровати под балдахином было темно, как в склепе, я услышала голос милорда Сеймура, звучавший, как колокол, в моей разламывавшейся от боли голове.

«Думайте, мадам, думайте. – Мне показалось, я слышу, как он это произносит. – Думайте своим мужским умом, острым как бритва, а не бессмысленной утробой, наполненной праздными соками. Думайте же! Думайте! Думайте! ДУМАЙТЕ!»

И я думала. Это поединок ума и воли, подхлестывала я себя, и спасти меня может вовсе не моя невиновность, ибо и Анна Болейн была невиновна, а умелая оборона и контрнаступление. Первые робкие лучи света пробились через мое окно и принесли с собой надежду на лучшее – если только я смогу думать…

Еще одна незнакомая мне деревенская девушка – бессловесное существо, от которого несло какой-то кислятиной, – принесла мне завтрак, пройдя через толпу вооруженных мужчин, по-прежнему охранявших двери моей спальни, и я заставила себя съесть немного хлеба. Затем я встала на молитву и долго простояла на коленях, моля Бога не о том, чтобы Он помог мне, и не о том, чтобы простил, но чтобы Он открыл мне способ пройти через весь этот кошмар и остаться в живых и на свободе. После этого я была полностью готова к грядущим испытаниям.

Ожидание само по себе пытка, и те, чья работа состоит в том,

чтобы мучить, прекрасно это знают. Я ждала весь день с раннего утра – еще и семи не было, только-только начало светать. Полдень миновал, и хотя я трижды посылала за обедом, меня так и не накормили. Сгустились сумерки, и зажглись первые свечи, но за мной все еще никто не посылал. Снова начались мои мучения, и снова я плакала.

Когда же они наконец пришли, я снова обрела контроль над собой. С высоко поднятой головой я покинула свои покои и проследовала вниз в сопровождении капитана стражи, невысокого, плотного человека, чья пышущая здоровьем физиономия выражала сочувствие, которое он не осмеливался проявлять открыто. То, что предстало моим глазам, пока мы спускались по лестнице, не могло служить мне утешением. Весь дом был набит солдатами, топающими сапожищами и разгуливающими всюду, где хотели. Я не видела никого из моих людей. Зачем было превращать Хэтфилд в казарму?

От такого множества мужчин дом весь провонял. Не слышно было благоухания горящих в камине яблоневых поленьев, до меня не доносился привычный в моих покоях аромат английской розы, который обычно стоял здесь, все заглушали запахи навоза, кожи, пропитанной конским потом, потных солдатских тел. Когда они приближались ко мне почти вплотную, в душе у меня закипала ярость: можно подумать, я собиралась от них убегать! И все же, когда меня втолкнули в крохотную гостиную на первом этаже, я сдержалась и не подала виду, что дрожу от страха.

– Скажите сэру Энтони, что я готова его принять. И пошлите за мистрис Кэт, она мне нужна.

Но мое самообладание было шатким, и пробежавшая по лицу капитана ухмылка, означавшая «может, и нужна», полностью вывела меня из равновесия. Я услышала, как захлопнулась дверь у меня за спиной. Два шага – и я у окна: снаружи в сгущавшихся сумерках даже крысы бегали на свободе, а меня заперли здесь, как шкодливую собачонку. Я едва не расплакалась снова, но все-таки закрыла холодное лицо руками, выпрямилась и расправила плечи.

– Вы действительно прекрасно владеете собой, миледи.

Я не слышала, как он вошел, и не узнала его по голосу. Медленно я повернулась, объятая новым страхом.

Передо мной стоял мужчина средних лет, выше среднего роста, просто, но богато одетый, чья наружность выдавала привычку повелевать. На нем не было ни шляпы, ни плаща, и, судя по документам на столе и бумагам у него в руках, он остановился под этой крышей и чувствовал себя здесь как дома. И все-таки выражение его узкого лица и маленьких черных глазок

было таким кровожадным, что мурашки побежали у меня по спине. Он был хищной птицей – пожирателем падали, из тех, что будут рвать живую плоть, и я должна была стать его следующей жертвой, я почувствовала это в первые же роковые секунды.

Он все понял, и было ясно, что это его позабавило. С кривой улыбкой он пододвинул мне стул и с поклоном попросил меня садиться.

– Сэр Роберт Тиррит, ваш покорный слуга, миледи, послан сюда по поручению совета.

Мой покорный слуга? Я откинулась на жесткую, эбенового дерева, спинку стула, сплела пальцы лежавших на коленях рук, чтобы они не дрожали, и не проронила ни слова.

– Сэр Энтони уехал, теперь вашим делом занимаюсь я, – продолжил он довольно мягко.

Мне было приятно услышать о поражении его предшественника. Догадаться, почему отослали сэра Энтони, было нетрудно. Когда я гостила в Чешанте, мы с ним говорили о том, что мой лорд имеет на меня виды, и я просила, чтобы он передал своим друзьям при дворе, что у меня нет никакого желания становиться его женой. Совет рассчитывал, что я доверюсь сэру Энтони и во всем ему признаюсь, но вместо этого ему не удалось выжать из меня ничего, кроме слез.

Это придало мне сил. Я даже улыбнулась своему новому инквизитору.

– Если вы занимаетесь моим делом, то в чем же оно заключается? Последнему бродяге позволено узнать, в чем его обвиняют! В чем моя вина?

Он едко усмехнулся:

– Это я хотел бы услышать от вас, миледи.

– Я ни в чем не виновата! – выпалила я, а у самой дрожали поджилки.

– Когда вы с лордом Садли договорились о свадьбе?

Он спросил это небрежно, как бы между прочим, но я увидела пропасть, разверзшуюся у моих ног.

– Не было этого! – Я задохнулась. – Он никогда со мной об этом не говорил.

– И ни с кем-нибудь не говорил? Еще одна ужасная ловушка! Я вспомнила Кэт с ее безрассудной болтовней, и Парри тоже имел глупость ввязаться в это дело. Они меня не предадут, в этом я была уверена. Но что совету уже известно? Знают ли они о безумствах, что творились в прошлом году, когда мой лорд приходил ко мне в спальню и резвился со мной в постели? Боже сохрани, иначе я опозорена! Я в страхе сжала губы, и это не прошло незамеченным. Он снова улыбнулся. Ему это доставляло

удовольствие.

Я попыталась вернуть инициативу:

– Приведите сюда моих людей, и вы увидите, что между нами нет никакого сговора! Он снова улыбнулся.

– Я бы с радостью, мадам, – мягко сказал он, – но это невозможно.

И снова на лице его появилось довольное выражение. Слова замерли у меня в горле. «Это невозможно…»

Я больше не могла сдерживаться:

– Где же они?

Но я уже знала. Я знала прежде, чем задала этот почти риторический вопрос.

– Где, мадам? Там, где им и полагается быть. Там же, где сейчас сидит ваш нареченный лорд и супруг, где вы скоро к нему присоединитесь, где все изменники кончают свои подлые жизни, – где им быть, если не в Тауэре?

Глава 9

Говорят, слезы девственниц обладают целебны ми свойствами, как жемчужины, поднятые с морского дна в полнолуние. Правда это или нет, но, когда не оставалось других средств, мои слезы текли ручьем. При одной только мысли, что меня могут бросить в Тауэр… где моя бедная мать встретила свой ужасный конец… где держали моего незабвенного лорда Серрея… где сейчас, в это самое время, томится мой последний лорд…

Как я тогда плакала, горюя о Кэт и об остальных!

Но теперь слезы не помогали, ибо игра началась всерьез. Против сэра Роберта мой старый друг сэр Энтони Денни был новичком в искусстве инквизиции.

– В Тауэре?

Мой новый противник подавил зевок.

– Да, в Тауэре, и они уже облегчили свое сердце в жалобных признаниях, как это делают все пойманные птички.

Он небрежно переворошил свои бумаги и кинул мне два листка.

– Здесь они рассказали обо всем, что произошло в Челси между вами и лордом Сеймуром, – мне все известно с их слов, каждое из которых они скрепили своей подписью. Вам ведь знаком их почерк?

Не хуже, чем свой собственный, но неужели они меня предали?

– А теперь скажите мне, леди, как вы можете отрицать, что между вами и лордом Садли все было уже сговорено, когда вы, ни от кого не скрываясь, разрешали ему в обращении с вами такие вольности, которые возможны только между мужем и женой?

Не все, не все, но сейчас даже и тех слишком много…

– Вольности, какие вольности?

Глупо было все отрицать, это только сыграло ему на руку. С улыбкой, которую я уже научилась бояться, он потянулся за бумагой, лежавшей к нему ближе всего.

– Ну, вы позволяли ему приходить к вам, – он притворился, что читает, хотя он и так все знал наизусть, – рано утром, когда вы лежали в постели обнаженная… снимать все покровы… касаться вас… видеть вас и переходить границы дозволенного между порядочной девушкой и мужчиной…

Его маленькие черные глазки жарко блестели от похотливого возбуждения: он уже видел меня обнаженной, укрытой одной только простыней, чувствовал, как его рука тянется сорвать с меня последний покров, у него руки чесались от желания

прикоснуться ко мне. Мои соски горели, грудь и шея пылали – я была готова сквозь землю провалиться со стыда. Не в силах поднять взгляд, я в душе пожелала ему гореть в огне в девятом круге ада.

Но он уже оставил эту тему и решил зайти с другой стороны:

– А разве этот беспутный лорд, ваш муж, не выпорол однажды вашу наставницу мистрис Кэт, когда она вела себя с ним недостаточно почтительно? Кто, кроме мужа, имеет право наказывать жениных слуг? – Он сухо усмехнулся. – И как же проходило это наказание? Он приказал ей лечь и задрать юбки, чтобы ему было удобней до нее добраться?

Вот скотина! И как у него язык не отсох!

– Нет! Нет! Нет!

– Он этого не делал? – Его лицо выражало притворное неведение. – Такого не было? Но мистрис Эшли сама говорит, что он ее наказал.

– Это правда, но все было не так, как вы говорите.

– А как все было, леди? И как он прикасался к вам? Как муж к жене?

Паутина его слов опутывала меня!

– Я не была тогда его женой! Он был еще женат на королеве Екатерине!

– Значит он вас сделал своею позже?

– Нет! Не было этого. Ни тогда, ни потом!

– Да бросьте, мадам, – засмеялся он. – Я по глазам вижу, что вы лжете. Но если вы невинны, – он наклонился вперед, чтобы нанести последний убийственный удар, – то как вы объясните ваше интересное положение?

У меня кровь застыла в жилах.

– Мое положение?

Он посмотрел на меня так, как смотрят на последнюю блудницу, когда ей заголяют зад, секут и возят по улицам на тачке.

– Да, мадам, ваше положение. Скажите, когда вы ожидаете появления на свет вашего ребенка?

Моего ребенка?

Земля и небо остались на своих местах, но комната кружилась и плыла перед моим помутившимся взором.

Моего ребенка? От гнева я потеряла дар речи, меня трясло, как терьер трясет пойманную крысу. И в этом было мое спасение.

В ярости я вскочила на ноги:

– Пошлите за повивальной бабкой, любая старая ведьма, которую вы приведете, подтвердит, что я девственна! Приведите милорда, пусть он при мне повторит, что овладел моим телом, и

я заставлю его взять свои слова назад. А вы – если у вас нет веских доказательств, то откажитесь от своих обвинений и извинитесь, или вы за это поплатитесь! Вы забываете, сэр, что я по-прежнему сестра короля и дочь покойного короля, и вы сами изменник, если осмеливаетесь возводить клевету на мою непорочность, чернить мое тело, в котором течет королевская кровь.

По его вытаращенным глазам и напряженной спине было заметно, что он испытал шок. Когда он снова заговорил, его голос звучал уже совсем по-другому:

– Мадам, это только сплетни…

Я не собиралась упускать свой шанс.

– Я прошу только об одном. Позвольте мне написать лорду-протектору Сомерсету, чтобы опровергнуть все выдвинутые против меня обвинения. – Я глубоко вздохнула. – А также заступиться за милорда Садли, чьи преступления, если оставить в стороне клевету на меня, вряд ли так уж велики…

Сказать по правде, я шарила в темноте наугад, ибо я даже не представляла, в чем его обвиняют. Сэр Роберт мрачно кивнул.

– Вы так считаете, миледи? Тогда послушайте доброго совета. Если вы решили написать лорду-протектору, то пишите только о себе. Не упоминайте даже имени его брата: для лорда-протектора оно сейчас хуже чумы и холеры. Вам его не спасти – этого не в силах сделать даже Бог на небесах, – но мудрый человек, – он мгновение помедлил и наградил меня взглядом, в котором восхищение перемешалось с иронией, – вернее сказать, мудрая дева знает, что когда большое колесо катится под гору, лучше его отпустить, чем оказаться под его обломками.

– Под обломками?

Неужели для него все кончено?

– Он – упавшая звезда, – безжалостно сказал, как припечатал, Тиррит. – Отщепенец и пария, позор нашего королевства!

Отщепенец и пария? Мне снова стало страшно, ибо чем ужаснее его преступления, тем хуже для меня.

– Что он сделал?

Сэр Роберт усмехнулся.

– Спросите лучше, чего он не делал? Позвольте мне рассказать вам, миледи.

Сразу после смерти Екатерины он начал готовить заговор. Однако, чтобы захватить власть, ему нужны были люди и деньги. Но несчастная случайность определила его судьбу, ибо об ту пору его затея была лишь воздушным замком. Ему сказали, что начальник монетного двора, сэр Вильям Шэрингтон, чеканит монеты в свой карман и богатеет.

Это было сатанинское искушение, и мой отчаянный лорд поддался на него. Он увидел в этом не преступное корыстолюбие, но знак небес, указавший ему, где найти нужную сумму. Он заставил Шэрингтона отчеканить еще денег и забрал их себе.

Время его истекло, и Сатана пришел за ним. Слухи и сплетни докатились до лорда-протектора, и он приказал своему брату явиться в Лондон и держать отчет.

Мой лорд отказался, но теперь пути назад ему уже не было. Он намеревался захватить короля и править от его имени. Он добрался до черной лестницы, в самом сердце дворца Уайт-холла. Он об манул стражу, дав им ложные указания, и уже почти схватил короля, если бы не маленький спаниель, комнатная собачка Эдуарда, который кинулся на них с громким лаем. Тогда мой лорд застрелил его из пистолета.

Выстрел переполошил весь дворец, и заговорщика схватили. В его доме устроили обыск и нашли доказательства его преступлений вместе со всей его казной – не меньше 200 тысяч крон. Даже проиграв, он не утратил своей гордыни: требовал, чтобы ему оставили свободу и дали возможность беспрепятственно уехать во Францию, а также утверждал, что никогда в своей жизни не замышлял ничего худого против короля, совета или лорда-протектора. Его арестовали и бросили в Тауэр. И там он теперь томится – падший Люцифер.

Потащит ли он меня за собой в бездну? Стану ли я той девственницей, которую, как в древние времена, принесут в жертву на могиле великого воина?

Нет, атому не бывать, пока я, в силах думать и говорить!

Теперь допросы напоминали поединок фехтовальщиков, и я почувствовала под ногами твердую почву.

– Вы очень умны, мадам, я вижу, силой от вас ничего не добьешься, – неохотно признался он.

Но хитрый Тиррит полагал, что за мной все-таки есть какая-то вина, и был твердо намерен выяснить, какая именно. Но я была чиста. Я не совершила измены, точно так же как Кэт и Парри. Единственное, что мне пришлось признать, – это то, что я и мой лорд были близко знакомы. Пришлось, снося унижение, рассказывать, как он развлекался в моей опочивальне.

С каким же наслаждением Тиррит это слушал! Он мог часами расспрашивать о том, когда и куда приходил мой лорд, в каком виде он меня заставал, дотронулся ли он до меня, ударил ли и насколько я была при этом обнажена. Но хотя я корчилась от стыда под его жарким похотливым взглядом и мне казалось, я чувствую его пальцы на своем теле, пока он старался нащупать пропуски и несоответствия в моем рассказе, – несмотря на всю

мерзость происходившего, я говорила себе, что эта мука – небольшая цена за жизнь и свободу. И наконец сэр Роберт, как и сэр Энтони до него, вынужден был признать свое поражение.

В тот день, когда он и его позвякивающие доспехами воины покинули мой дом, я приказала музыкантам играть и, несмотря на Великий пост, устроила праздник, на котором танцевала до упаду, торжествуя победу. Так будут повержены все враги девственной воительницы!

Теперь можно было вернуться к прежней, одинокой жизни, ибо с этой минуты я снова становилась хозяйкой самой себе. Теперь я снова возьму в свои руки бразды правления над Хэтфилдом и буду царить здесь как настоящая королева в полной безопасности.

Однако Кэт вернулась ко мне лишь в августе: она сильно сдала после пережитого потрясения. Мой старый казначей за время, проведенное в тюрьме, постарел на несколько десятков лет и с той поры делал в своих книгах расходов такие ошибки, что мне приходилось проверять за ним каждую строку.

Но самое худшее из всего этого – смерть моего лорда. Ибо он должен был умереть, спасения ему не было. Умер он, как и жил, – самонадеянно, бешено и себялюбиво. В свою последнюю ночь он написал мне тайное послание, нацарапав его металлическим наконечником шнурка: писать открыто он не мог.

Если вы видите в этом последнюю вспышку нашей любви, то вы жестоко ошибаетесь. В его последнем письме не было ни слова о любви, не было ни жалости или нежности, не было даже страха и надежды на спасение. Там был лишь страстный призыв свергнуть его брата и заставить лорда-протектора поцеловаться с плахой.

И кроме того, я могу вам сообщить, что такое же, слово в слово, письмо он написал Марии, моей сестре, – но и тут удача от него отвернулась, потому что слуга, получивший приказ пронести оба письма в его бархатном башмаке, предал его сразу же, лишь только его голова слетела с плеч, и отнес эти письма прямиком лорду-протектору – тому самому брату, чьей смерти жаждал мой лорд, о чьей погибели он мечтал и молился в свою последнюю минуту…

Он умер страшной и бесславной смертью, и многих еще потянуло за собой его падение.

Но я уцелела. Это была первая великая опасность, которой я избежала, и первый суровый урок, который я помню до сих пор.

Итак, его не стало, и с его смертью пришел конец всей этой истории.

Но не ее последствиям – они еще долго тяготели над нами.

После всех мук и переживаний той поры, когда, клянусь Богом, я чувствовала, как голова дрожит у меня на плечах, на меня обрушилась зеленая тоска и ужасные головные боли, доводившие меня до беспамятства. Я не могла принимать пищу и отощала чуть ли не до костей, мои женские дела и раньше никогда не были сильными или регулярными, а теперь совсем прекратились на несколько месяцев, и, не имея возможности излить дурные соки, я чахла еще больше.

Но больная или здоровая, я не переставая умоляла лорда-протектора отпустить мою Кэт и мастера Парри. Но только когда моя болезнь приняла такой оборот, что доктора в один голос заверили лорда-протектора, что моя смерть будет на его совести, он наконец смягчился. Через неделю у наших дверей остановились лошади, и люди короля вынули Кэт из паланкина, а рядом стоял ее муж Эшли.

Мы с ней не сказали ни слова, лишь молча обнялись и прижались друг к другу так крепко, что даже не могли плакать. Мне показалось, она стала меньше ростом и так исхудала, что кости торчали.

– Ах, моя миледи, – услышала я прерывающийся шепот, – простите ли вы меня? Или все-таки отошлете?

Я была так счастлива, что даже не стала над ней подшучивать.

– Нет, если только ты дашь слово, что больше не будешь выдавать меня замуж!

В ее глазах промелькнул отсвет былого веселья:

– Ну уж нет, пусть меня разорвут на кусочки дикими конями!

Наши раны заживали медленно, ибо смерть своим крылом все-таки задела всех нас. Но я не только оплакивала прошлое, но и училась. Ибо теперь мне стало понятно, как мало я усвоила из уроков Гриндала, как едва не стала орудием тех, кто рыщет вокруг трона в поисках власти. Заручившись моей любовью, лорд Сеймур мог поднять мятеж, стоивший моему брату короны, и правлению нашей династии пришел бы конец.

Мне не забыть полный презрения взгляд, который бросил на меня сэр Энтони, подозревая, что я уже не девственна. Этот взгляд по-прежнему жег и мучил меня, и я поклялась, что больше никогда не дам ни одному мужчине повод так на меня смотреть.

Я попросила Парри убрать все мои наряды, драгоценности и румяна; она даже не сопротивлялась – так велико было пережитое потрясение. Я приказала убрать все свои старые наряды и сшить новые, очень скромные. Мне хотелось выглядеть идеальной девой, чуть ли не монахиней, чтобы пресечь все сплетни обо мне.

Я писала брату письма, которые, как и моя внешность,

должны были создать образ чистой, серьезной девушки, скромной и благовоспитанной. Я не просила о разрешении приехать ко двору, ибо понимала, что пока лорд-протектор держит власть в своих руках, он не допустит туда ни меня, ни Марию. Но я могла попробовать завоевать симпатию Эдуарда. И в этом у меня был союзник – мой старый друг Сессил, поднявшийся к вершинам власти вместе с лордом-протектором и разделивший его успех. Сессил теперь стал секретарем совета и время от времени посылал мне весточки с парой слов привета и ободрения, из чего я поняла, что он не забыл нашей последней встречи, как и я не забыла оказанной мне услуги, когда он единственный в целом мире сказал мне правду о смерти моей матери.

Но самой большой радостью для меня в то время были книги и мой учитель – Эскам. Его острый ум, его терпение и любовь к своей науке струились на меня, как воды Иордана, очищая и возрождая меня к новой жизни. Я так много узнала и выучила за это время, что, по его словам, никакая другая девушка не могла со мной сравниться.

– Вы так думаете, учитель? – довольная, переспрашивала я его. Теперь я знала латынь, греческий, немного древнееврейский, французский и итальянский, а также немного испанский, но по-прежнему искала одобрения своего наставника и готова была работать вдвое больше, чтобы еще раз заслужить его похвалу. Словом, наша деревенская жизнь потекла спокойно и размеренно, так она и тянулась бы до конца дней, если бы невидимо для нас слепая фортуна не повернула свое колесо.

Была середина октября, в полях и лесах уже веяло дыханием осени, поросшие мхом яблоневые деревья стонали под тяжестью поздних плодов, и кабаны, накапливая жир к зиме, как велит им природа, рыскали вокруг дубов в поисках своих любимых желудей. В эти последние теплые октябрьские дни, когда солнце еще не затянули осенние тучи, я не могла усидеть дома.

В тот день – это был вторник – мы прогуливались верхом в парке и теперь возвращались домой, опаздывая к обеду. Мы медленно ехали в свете гаснущего дня к Нэтфилду, видневшемуся красной линией на горизонте, и тут я увидела всадника, мчавшегося вдоль дороги, а затем повернувшего к дому. Он летел напрямик, как стрела, на полном скаку срезая угол по бездорожью. Земля там была неровная, как я уже имела случай убедиться, с кочками, кроличьими норами и незаметными с первого взгляда глубокими ямами, заполненными водой, и надо было быть превосходным наездником, чтобы удержаться в седле, скача во весь опор по такой опасной местности. К тому же его лошадь едва держалась на ногах – даже издали было заметно, что

бедное животное измотано бешеной скачкой и вот-вот рухнет.

– Скачи к нему на помощь, Ричард, и ты, Джеймс, – воскликнула я встревоженно, – иначе он расшибется!

Но едва я это произнесла, он умелым движением подбодрил коня и отсек всякую возможность преследования, доскакав до стены, окружавшей Хэтфилд, и скрылся за ней. Мы помчались за ним.

От его коня – могучего гнедого жеребца, – который стоял пошатываясь в мощенном булыжником дворе, где слуги обтирали его насухо, валил пар. Седло как у лорда. Кто-нибудь из членов совета?

– Ваш мажордом мастер Вайн просит вас пройти в дом.

– Спасибо, Эндрю.

Все вокруг потемнело, или мне только показалось? Идя через двор в Большой зал, я старалась спрятать свой страх поглубже. Вайн ждал меня, держа в руках подсвечник.

– К вам гонец от королевского двора, миледи.

– Что ему нужно?

– Он сказал, что сообщит свое дело только вам лично.

Я горько рассмеялась.

– Но кто он? Он не сказал?

– Представитель его милости герцога Нотемберленда.

– Нортемберленда?

Такого герцогства не было, только древнее графство, давным-давно прекратившее свое существование. Может это подвох?

– Он вам знаком, Вайн?

По его лицу я поняла, что он знает не больше моего.

– Проводите меня!

Он моментально повиновался и поспешил вперед.

– Миледи идет!

Я старалась ступать как можно уверенней, насколько позволяла темнота в комнате. Надо принести еще свечей. Против света я с трудом разбирала фигуру незнакомца. Я только увидала высокого мужчину. При моем появлении он вскочил на ноги, сорвал шляпу и склонился в низком поклоне.

– Миледи!

Я не унижу себя, таращась на склонившуюся передо мной золотисто-каштановую шевелюру.

– Итак, сэр? Что вы хотите нам сообщить? Он поднял голову. Такой высокий… и это лицо в полутьме. В его глазах был вопрос, насмешка, нахальство. Вдруг я вспомнила о своем забрызганном грязью, пропахшем запахами охоты костюме для верховой езды, промокших башмаках, красном лице, о шляпе, исполосованной листьями и лишайниками от бешеной скачки по лесу.

Я услышала в его голосе подавленный смешок:

– Ваше высочество вышли ко мне… не совсем готовой к аудиенции. Я покорнейше прошу вас дать мне возможность сообщить вам новости в более подходящей обстановке.

Как он смеет мне приказывать? Делать замечания по поводу моей внешности?

Страх подхлестнул мой гнев:

– Говорите сейчас, сэр, иначе, клянусь Богом, я позову своих людей…

Он смеялся! Смеялся! Мое терпение лопнуло:

– Джон! Джеймс и Ричард! Схватите этого наглеца и вышвырните его из моего дома! – Я повернулась, чтобы идти.

И тут его голос, по-прежнему смеющийся, заставил меня застыть на месте:

– Мадам! Принцесса! Елизавета, ты меня не узнаешь?

Глава 10

– Робин!

Я должна была сразу догадаться: на свете нет другого такого наездника. Мне хотелось плакать и смеяться – 1 снова почувствовала себя ребенком.

– Ах, Робин!

Гордо улыбнувшись, он меня поправил:

– Лорд Роберт, к вашим услугам.

– Как ты изменился! Вырос… – Я на мгновение умолкла. – Такой высокий…

И красивый… Возмужал, уже не мальчик…

– Вы тоже изменились, миледи. Скажу вам без лести…

– Зачем же! Льсти, не стесняйся!

– Я говорю чистую правду, – произнес он медленно и восхищенно. – Ваш стройный стан, мадам, ваша фигура и осанка, ваша прекрасная кожа…

С трудом я заставила себя вернуться к делу:

– Но, Робин, что привело тебя сюда? Его улыбка пропала. Неожиданно посерьезнев, он вынул из камзола пакет с множеством печатей и церемонно вручил его мне.

– Вот письмо от его милости герцога Нортемберленда, принцесса. Тут все написано.

Пергамент у меня в руках был гладким и прохладным.

– Нортумберленд? Кто это?

Он глубоко вздохнул, вспыхнул и выпалил:

– Джон Дадли, мадам. Бывший лорд Лизли и граф Уорвик. Он мой отец.

По спине у меня пробежал холодок. Я почувствовала, как между нами разверзлась пропасть.

– Твой отец?

Как он стал герцогом? Герцог – это первый человек в королевстве после короля. За все время правления моего брата в совете был только один герцог – лорд-протектор. Что же с ним стало?

И что с моим братом?

Он догадался, что меня встревожило.

– Успокойтесь, мадам, с вашим братом все в порядке, и с герцогом Сомерсетом, бывшим лордом-протектором, тоже.

– Бывшим? Как же так? Робин откашлялся.

– Произошли… перемены. У короля – вашего брата – больше нет лорда-протектора…

– И теперь некому о нем позаботиться?

– Он решил теперь управлять страной самостоятельно, обращаясь за помощью к совету, который он назначил…

– Вероятно, совет возглавляет ваш отец, его милость новый герцог Нортемберленд?

Он кивнул в знак согласия и снова покраснел. Кровь всегда кровь, у него своя кровь, у меня – своя.

– Расскажи мне об Эдуарде. Он резко поднял голову.

– Вашему брату, мадам, угрожала гораздо большая опасность при гордом лорде-протекторе, чем при моем отце! Все лето вокруг Лондона были мятежи и бунты – люди недовольны, от его самоуправства многие сильно пострадали.

– Ты хочешь сказать, что из-за этих беспорядков лорд-протектор лишился власти? Робин кивнул.

– Он был слишком слаб. Он не мог сильной рукой задавить эти кровавые бунты, так как хотел, чтобы простой народ его любил, однако этот же народ и страдал больше всего во время его правления. Потом, когда он узнал, что лорды настроены против него и намерены передать его высокий пост другому, он, как и его брат лорд Садли, попробовал захватить короля.

– Бедняжка Эдуард! Как это должно было случиться?

– Он планировал ночью захватить Виндзорский замок, где располагалась резиденция короля. Мой отец мог взять замок штурмом и убить его, но вместо этого он уговорил его сложить оружие без кровопролития.

Достойный поступок, надо отдать должное новому герцогу.

– А что стало теперь с лордом-про… с милордом Сомерсетом?

– Сейчас он в Тауэре, пока не будет принято решение о его будущем. Мой отец Нортумберленд и другие лорды не желают ему смерти. Они только стремятся к переменам…

– К переменам? К каким переменам? Его лицо озарилось.

– Они хотят предать больше власти туда, где ей положено быть, в руки короля. Его Величество уже готов к этому, как вам предстоит убедиться. – Его улыбка стала еще шире. – Ибо вас тоже ждут перемены, миледи. Новый герцог считает, что Его Величество может больше времени уделять своим сестрам – меня прислали просить вас явиться ко двору.

И мы прибыли ко двору незадолго до Рождества. Всю дорогу я мечтала о нашей встрече и молилась о ней. Я не видела Эдуарда с той самой ночи в Энфилде, когда нас собрали вместе, чтобы сообщить о смерти короля – нашего отца. Почти три года! Как сильно он мог измениться за это время!

И он увидит, что я тоже изменилась. Это будет мое первое появление при дворе после всех слухов о моем бесчестье и, о Господи, о моей беременности. Но время, по крайней мере,

показало, какая это была грязная ложь! Но тем не менее я должна была воспользоваться этим случаем, чтобы заставить забыть все те мерзости, что обо мне говорили. Всю дорогу до Уайтхолла я планировала, что надену, как буду себя вести, что говорить.

Мы приехали поздно, измученные дорогой и промокшие под ноябрьским дождем со снегом, продрогшие до костей. Но, несмотря ни на что, еще до рассвета я была на ногах и уже начала волноваться.

Когда пришел приказ выступать и мы покинули свои покои, я была сама не своя от волнения. Как он примет меня после трех лет на троне? И что подумает о новой Елизавете, скромной, просто одетой девушке?

Ибо вместо моих любимых головных уборов, опоясанных двумя или тремя рядами золота и драгоценных камней, голову мою украшали лишь мои собственные волосы, убранные со лба и водопадом падавшие на спину. В ушах не было серег, а на пальцах – колец, нитка жемчуга больше не обвивала мою талию, и ожерелья не украшали шею. Я не пользовалась духами, аромат которых мог навеять мужчинам похотливые мысли. Мой наряд был целиком сшит из одной ткани – жемчужно-серого бархата, строгого, я бы сказала, пуританского, покроя, с вырезом почти под самое горло. Из-за этого казалось, что моя светлая кожа сияет, как фарфор, как сама чистота.

Однако моя бледность не была искусственной, ведь я все еще страдала. Медленно скользя через ряды вооруженных людей перед залом приемов, я чувствовала на себе взгляд тысяч глаз. В самом зале толпа была еще гуще, и я на мгновение замешкалась: где же тут мой брат? Я не видела даже балдахина, под которым он должен был сидеть.

– Дорогу! Дорогу ее высочеству, сестре короля. Дорогу!

Придворные кавалеры пришли мне на помощь и расчистили путь. Толпа растаяла. В конце комнаты я увидала лордов и леди, одетых в яркие, блестящие шелка и атлас – это было как красочная вспышка.

Все стало другим. Мода при дворе изменилась: я таких нарядов и не видывала. Волосы у женщин были завиты мелкими кудрями или свисали на спину, забранные в сетки из золотых нитей, украшенные жемчугами и опалами. Пара, что стояла рядом с троном, была особенно великолепна: дама в наряде, переливавшемся всеми цветами радуги, с плоеным воротником из прозрачной, как дымка, вуали, а рядом кавалер, сиявший, как солнечный луч после дождя, в парче, затканной золотом и серебром.

Господи, помоги мне! Мне хотелось провалиться сквозь

землю. Как я ошиблась в оценке своей внешности! Я буду выглядеть не как скромная принцесса, а как деревенская девчонка, простолюдинка! Все будут меня презирать, и мой брат больше всех! Во мне закипали слезы бессильной ярости, но ничего не поделаешь – надо было идти дальше.

Я взглянула на трон и уже не отрывалась от него, пока шла вперед. Человек, что сидит на нем, должен быть моим братом. И все же… И все же? Я остановилась, как предписывал этикет, далеко от высокого помоста и, опустив голову, преклонила колени.

– Приблизься, мы тебе разрешаем, – услышала я его голос.

Я поднялась и, подойдя ближе, снова опустилась на колени.

Неужели это. Эдуард? Высокий мальчик, почти юноша, спускавшийся по ступенькам, чтобы поднять меня с колен и заключить в свои объятия? Его ноги в шелковых чулках, похоже, стали в два раза длиннее с тех пор, как мы виделись в последний раз. И неужели этот одетый в скромный черный костюм человек, больше похожий на писаря или дворецкого, и есть король?

Но ни с чем нельзя было спутать радость, светившуюся в его глазах.

– Сестрица! Как я рад! Как давно я мечтал об этой минуте! – Затем, повернувшись к придворным, он повелительно произнес:

– Приветствуйте принцессу, мою сестру. Мою милую сестрицу Умеренность, как я бы ее назвал, чей наряд и манеры служат примером для всех нас.

Он провел со мной весь день, а государство тем временем оставалось под присмотром Дадли, теперь именовавшегося Нортемберлендом, но в остальном оставшемся в точности таким, каким я его помнила: высоким, плотным, краснолицым, с глазами, как горящие уголья, – горячими, обшаривающими все вокруг. Среди такого множества народа мне постоянно приходилось отвечать на приветствия то одних, то других: лордов-советников моего отца, которые теперь служили моему брату, придворных дам, ранее входивших в свиту Екатерины, а теперь оставшихся не у дел до тех пор, пока король не женится. Среди толпы я заметила моего инквизитора – сэра Роберта Тиррита, но по взаимному согласию мы держались в стороне друг от друга. И все это время я молилась о том, чтобы остаться с братом наедине.

Однако я не забывала, что он – король. Когда пришел приказ удалиться, я задержалась на пороге его опочивальни и не вошла и не села до тех пор, пока он сам не позвал. Слуги суетились вокруг со свечами, засахаренными фруктами, вином и прочими радостями жизни, пока он не отпустил их и не приказал оставить

нас одних. Теперь мы снова могли быть братом и сестрой и я могла ему рассказать, что у меня на сердце.

Выражение его лица изменилось, очевидно, ему тоже хотелось многим со мной поделиться.

– Елизавета, – начал он.

Я подалась вперед, готовая внимательно слушать.

– Скажите, мадам, каково, по-вашему, сегодня в Англии положение нашей веры?

Нашей веры?

Эдуард, братик мой, я хотела услышать, каково пришлось тебе, как ты пережил этот переход власти от одного герцога к другому, было ли тебе страшно во время того безумного полночного бегства, к которому тебя вынудил лорд-протектор?

– Сэр, живя затворницей в Хэтфилде, я не могла ничего узнать о положении нашей веры. Он кивнул.

– А мне от этого никуда не деться. Мой дядя, бывший лорд-протектор, – О, как холодно он о нем, говорит! – взбаламутил людей, навязывая им новые обряды. Его называли «антихристом», кое-где были даже беспорядки…

– Новые обряды? Разве мы не можем отправлять наши обряды так, как завещал нам отец? Его глаза сверкнули:

– Ни в коем случае! Нужны реформы! Но они должны пройти повсюду и опираться на силу. Всякое сопротивление будет подавляться.

Что тут можно было сказать? Я не находила слов. Но, как все ослепленные собственными суждениями, он принял мое молчание за согласие.

– Я вижу, Елизавета, что в этом вопросе ты со мною заодно. Я понял это по-твоему наряду и скромным манерам. Чистота – вот чего требует от нас наша вера, и эта чистота у тебя в душе.

В моей душе? Знал бы он, как она была запятнана грехом! Я покраснела, что он, без сомнения, принял за верный признак невинности.

– Теперь я вижу, что все слухи о бесчестье, на которое тебя склонил брат бывшего лорда-протектора, мой покойный дядя лорд Садли, – вздор.

Как спокойно он говорит «бывший тот-то», «покойный тот-то». Куда подевался тот Эдуард, которого я знала, – счастливый, улыбчивый мальчик?

Он помолчал немного, глядя на огонь, а затем продолжил свою речь:

– Я слыхал, что нашу кузину Джейн отличает та же добродетельность, та же чистота. Ее рвение в вере может служить образцом для всех приверженцев новой религии – новой волны

верных протестантов, которые разгромят и уничтожат последние следы гнусного папизма!

Я не могла говорить.

Он обратил ко мне белые от исступленной веры глаза:

– Как, по-твоему, Елизавета, могу я на ней жениться?

Жениться на Джейн Грей? Я думала, этот план умер вместе с милордом. Его слова застали меня врасплох. Я с трудом обрела дар речи.

– Она вам нравится?

– Нравится?

Похоже, эта мысль ему и в голову не приходила.

– В ее пользу говорит очень многое. В ее жилах течет королевская кровь, кровь нашей династии. Покойный протектор из-за своей недальновидности упустил Марию, королеву Шотландскую, которая была обещана мне в жены. Ее послали во Францию, чтобы заключить союз с нашими католическими врагами. И в отличие от нее Джейн одной с нами веры, истинной веры. И этой вере угрожает опасность!

– Что, здесь, в Англии?

Он выпрямился и в ярости забарабанил по гнутой дубовой ручке тяжелого кресла.

– Да, здесь, в Англии, при нашем дворе!

– От кого же исходит угроза? Но, задав вопрос, я уже знала ответ.

– От мадам Марии. Тебе это известно?

– Прошу вас, расскажите, сэр.

– Наша сестрица Мария – первая леди королевства, пока я не женюсь. Хороший же пример подает она всем нашим людям. – Его лицо горело гневом. – Во всех ее владениях служба идет по католическому обряду, она дает приют священникам и укрывает тех, кто отказывается присутствовать на богослужениях по новому обряду, она изо всех сил подстрекает к расколу и неповиновению. Милорды из совета приказали ей явиться и ответить на эти обвинения. Мы встречаемся с ней завтра. И я вырву эту ересь с корнем во имя Божия силой его десницы! – Он повернулся ко мне и на мгновение снова превратился в мальчика. – Ты там будешь, Елизавета? Я хочу, чтобы ты пришла.

Всю ту ночь я проплакала в подушку, не находя утешения. Что же произошло? Кто превратил ласкового ребенка в этого фанатика, разговаривающего трескучими фразами? Он был игрушкой в руках Сомерсета, может, это и есть воспитание черного лорда? Или одинокий, способный мальчик, лишенный материнской любви, просто находил утешение в суровой дисциплине веры? Я не знала. Но теперь мне были известны его

мысли. И я ясно видела, что, передав власть в руки Эдуарда, лорд Нортемберленд откупорил бутылку, таящую в себе страшную силу.

На следующий день мои опасения подтвердились. Час обеда еще не подошел, а паж стоял у моих дверей:

– Король велел передать вашему высочеству, что леди Мария уже здесь. Король и совет дадут ей аудиенцию после полудня. Не желает ли ваше высочество присутствовать при этом?

Мое высочество всеми силами желало бы этого избежать. Мне не хотелось быть знаменосцем новой религии и примером протестантского аскетизма. Поэтому я оделась в светло-голубое платье – цвет девы Марии и чистоты, но не того тусклого оттенка, что предпочитают самые рьяные приверженцы новой веры.

В королевской приемной я застала короля и лордов совета, одни были мне незнакомы, лица других я уже видела раньше. Здесь был Ризли, который изрядно посодействовал падению милорда Серрея. Теперь он стал графом Саутгемптоном, но лицо его по-прежнему было мрачно и сердито. Еще одна хмурая физиономия тоже была мне знакома – Генри Грей, граф Дорсет, отец Джейн и Кэтрин; он разговаривал с приветливым маркизом Нортхэмптоном, братом покойной королевы Екатерины. Большинство остальных также занимали свои посты еще во времена моего отца.

Первым среди них был новый герцог Нортемберленд и вместе с ним его сыновья. Ближе всего к нему стояли Джон и Эмброуз, старшие братья Робина, а затем сам Робин и младшие – Гилдфорд и Генри. Робин выглядел бледным, похоже, первая роль, которую теперь играл при дворе его отец, давалась ему нелегко.

Однако то тут, то там видны были признаки перемен, о которых говорил Робин. У шпалер молча стоял угрюмый, темноволосый мужчина средних лет и рядом с ним его паж. Я помнила его как герцога Норфолка, как Говарда и, следовательно, моего родственника: он был дядей моей матери. После ее падения лорд Говард благоразумно убрался в свои владения и много лет не показывался при дворе. Должно быть, поэтому он сейчас на свободе и в чести, в то время как старый герцог до сих пор томится в Тауэре! Одного взгляда на пажа, стоящего рядом с ним, мне хватило, чтобы понять: лорд Говард не отрекается от своих родственных уз. Хоть мальчик был еще мал, но светлые глаза навыкате, длинный нос и тяжелый подбородок ясно выдавали в нем Норфолка. Родственник старого герцога, он должен приходиться ему внуком и, следовательно, сыном моему погибшему лорду Серрею.

Призраки не давали мне покоя. Как они танцевали на моей

могиле!

Я вся дрожала. Почему не пришла Мария? Приемная наполнилась тревожным ожиданием – лорды начали перешептываться. Мой брат сидел на троне неподвижно, как статуя, и его длинное бледное лицо казалось мраморным. Унылый дождь со снегом, барабанивший по оконному стеклу, выматывал нам нервы. Мы ждали. Где же Мария? Она не могла не прийти по приказу короля.

Наконец она появилась.

– Дорогу принцессе Марии!

После Робина, после Эдуарда мне казалась, я готова к любым переменам в ней. Я знала, что она будет ниже меня, в мои шестнадцать, и даже Эдуарда, хотя ему только одиннадцать. Но пока мы росли, она, похоже, становилась меньше и выглядела ребенком, недомерком, как Джейн. Но как она постарела! В тридцать три она была уже старуха. Ее лицо сморщилось… Зубы, что ли, у нее выпали? Ее кожа огрубела и пожелтела, приняв грязно-коричневый оттенок, морщины стали глубже, складка между нахмуренных бровей пролегла, как шрам.

Слепо и жалко щурясь по сторонам, она меня не заметила. Страдальческое выражение ее лица поразило меня в самое сердце. Но ей не суждено было найти здесь сочувствия. Последовавшая сцена была короткой и жестокой.

– Король, мой повелитель, приказал мне спросить у вас, миледи: признаете ли вы власть нашей церкви?..

– И отрекусь от своей веры? – воскликнула она своим низким, как у мужчины, голосом. – Никогда! И вы, милорд, меня не заставите! – Затем, повернувшись к королю, она спросила с горькой обидой:

– Это сделали по вашей воле, сэр? Вы знали, что они творят от вашего имени?

Уставившись на нее, как будто перед ним была Медуза Горгона, Эдуард поднялся на ноги.

– Если вы намерены исповедовать свою собственную религию и отвергать нашу, то вы совершаете смертельную ошибку! – истерически взвизгнул он. – Вы убедитесь, что наши законы нарушать нельзя. Я предупредил вас!

Он сделал Марии знак удалиться. Лорды окружили ее, слегка подталкивая к входу. Она еще пыталась протестовать. Эдуард кивком подозвал меня к себе.

– Ты видишь, какая она упрямая! – сказал он тем же высоким, срывающимся голосом. – Как нам вырвать с корнем ее упорное нежелание расставаться со своей римской ересью и идолопоклонством?

Никогда бы не подумала, что я буду просить за Марию – за женщину, которая до сих пор называет мою мать «блудницей», чья вера сделала меня незаконнорожденной и не признает за мной никаких прав. Но эта травля, эта экзекуция разбередила мне душу. Я вся дрожала.

– Я не сомневаюсь, сэр, но то, что леди Мария…

Лицо Эдуарда побледнело еще больше, и в голосе послышался смертельный холод:

– Не защищай ее, сестра, иначе мы можем усомниться в твоей собственной вере.

Я услышала голос властелина, узнала повелительные интонации своего отца, и земля разверзлась у моих ног.

Глава 11

Как я оплакивала Эдуарда-мальчика, который был и которого уже не стало. Как я страшилась того мужчины, в которого он превращался.

Но временами он снова становился ребенком, ибо он по-прежнему любил бегать и играть, как все мальчишки. На следующее утро, когда сцена с Марией казалась дурным сном, он постучался в дверь моей опочивальни.

Кэт была вне себя:

– Король! Король здесь, а мы еще не вынесли ночной горшок!

– Сестрица, ты где? – Он влетел в мою опочивальню, как двенадцатилетний мальчишка, каким он и был. Как будто и не было другого Эдуарда – жестокого маленького тирана. – Я покажу тебе, как я научился скакать верхом. С милордом Нортумберлендом я могу упражняться гораздо больше, чем при моем дяде.

Мы прошли с ним на двор для турниров и посмотрели, как он скачет по кругу. Он вырос ловким и умелым и гораздо чаще на всем скаку попадал копьем в свисающее кольцо, чем промахивался. Его длинные ноги помогали ему уверенно держаться в седле, как Робину, который учил его всему, что знал сам. Каждый день мы втроем катались верхом, не обращая внимания на дождь и даже снег.

И каждый день Робин выказывал мне небольшие знаки внимания – букетик засушенных цветов или колокольчик для уздечки, чтобы показать, что он по-прежнему мой друг и никогда не забудет нашей детской привязанности. И все же, когда он брал мою руку своими сильными пальцами, или, легко обхватив меня за талию, спускал с лошади, или, улыбаясь, смотрел на меня своими блестящими глазами, я вспоминала, что мы уже не дети.

Теперь я уже не была ничтожной девчонкой, запертой в Хэтфилде, как раньше. После того как Марию, отвергшую протянутую королем оливковую ветвь мира, сослали в ее дальние имения, я стала первой леди при дворе, и со мной считались абсолютно все. Чтобы продемонстрировать свое недовольство Марией, король возвысил меня: теперь, когда я шла в церковь в день Рождества Христова или направлялась в Большой зал обедать с королем, мой шлейф несли герцогини. Я по-прежнему неуклонно следовала протоколу: приближаясь к королю, опускалась на колени шесть раз и отказывалась сидеть под балдахином. Но все знали, кто я такая, и моя гордость и радость росли день ото дня.

Нортемберленд тоже старался заручиться моей поддержкой, решив управлять государством в согласии с королем и его окружением, а не держа всех в страхе, как лорд-протектор. Он заслужил мою благодарность, уладив все дела с принадлежащими мне имениями: за два месяца он передал в мое владение деньги, земли и имущество, оставленные мне отцом, – Сомерсет и за два года не собрался это сделать.

Он бы и с Марией предпочел бы уладить дело миром – так уверял меня Робин.

– Ведь она принцесса крови, причем старшая в семье – ее место здесь, при дворе! С этим я не могла не согласиться.

– И преследования только вызовут к ней симпатию? – Я бросила вопросительный взгляд на моего наставника Эскама, так как Робин столкнулся со мной в тот момент, когда мы покидали комнату для занятий.

Эскам кивнул:

– Такое обращение с ней короля делает ее мученицей или, по крайней мере, надеждой всех недовольных католиков. – Он задумался. – Будь я политиком, как ваш отец, лорд Робин, – глубокомысленно пророкотал он своим гулким басом, – мои инстинкты подсказывали бы мне, что эту леди безопасней держать здесь, при дворе, под моим присмотром, чем позволить ей сидеть гнойным нарывом в Норфолке, где многие до сих пор, несмотря на то что прошло столько лет, сохраняют верность римскому католицизму.

Эскам, конечно, был прав, и в его правоте нам еще предстояло убедиться. Но диванные политики всегда знают все ответы, в реальности же даже самые хитроумные обнаруживают, что руки у них связаны. Нортумберленд пообещал Марии: он закроет глаза на ее религиозные воззрения, более того, позволит ей служить в своих покоях мессу для двадцати человек ради ее примирения с Эдуардом. Но король на это не согласился. Ни он, ни Мария не могли уступить в вопросе, где речь шла об их бессмертных душах. Поэтому Марии было приказано не приближаться ко двору, как прокаженной. Ей, кто была здесь первой леди!

Должна признать: услыхав о немилости к ней, я по своей наивности порадовалась этому. И не я одна – многие радовались величию новой веры и низложению былых устоев. Однажды мне встретился мой родственник лорд Говард, подошедший ко мне с двумя молодыми людьми. Один, что повыше, – большой, светловолосый, с улыбкой на невинном лице; другой, явно старше, – худощавый, смуглый и сдержанный.

– Мадам, – приветствовал меня лорд Говард, – мы как раз

направлялись к вам. Позвольте мне представить вам этих джентльменов, недавно прибывших ко двору. Возможно, вы захотите узнать их поближе?

До этого он никогда со мной не заговаривал. Теперь он улыбался, и улыбка эта, казалось, говорила больше, чем слова. К чему мне это знакомство, что за этим стоит? Я всмотрелась в их настороженные лица. Они оба смотрели на меня и не говорили ни слова.

Я повернулась к старшему и от волнения произнесла довольно резко:

– Сэр?

Он сорвал шляпу, довольно деревенского, а совсем не придворного вида, и отвесил неловкий поклон:

– Фрэнсис Ноллис из Оксфордшира, миледи. Мой отец служил вашему отцу… до вашего рождения, мадам.

Его друг кланялся еще более неловко, его светлое лицо пылало румянцем под копной светлых волос:

– Генри Кэри из Бэкингема к вашим услугам, мадам. Мадам Елизавета… Я…

Кэри…

Сестра моей матери, Мария Болейн – белокожая блондинка, совсем не похожая, по словам Кэт, на Анну – смуглую брюнетку, – вышла замуж за сквайра из Бэкингема, некого мастера Кэри…

– Так вы мой кузен!

Он с облегчением рассмеялся и указал на Френсиса Ноллиса:

– Он тоже, миледи, потому что женат на моей сестре!

Они рассказали мне, что давно хотели попасть ко двору, но теперь, когда пришла новая власть, похоронившая прошлое, они почувствовали, что их время пришло. После фиаско Марии никто и не вспомнит о былых днях несчастий и позора семьи Болейн. Как порадовало меня обретение двух новых кузенов и доброта лорда Говарда, приведшего их ко мне. Воистину, Бог был милостив ко мне: изгнание Марии принесло мне гораздо больше, чем я думала, ведь в ее отсутствие королевой тут была я, и после перенесенных обид и страхов я наслаждалась своим царствованием от всей души.

Но хотя король и вознес меня так высоко, я по-прежнему держалась скромно и просто. Никаких украшений в волосах, никакой краски на лице (слои свинцовых белил и молотый коралл, бура, воск, марена или яичный белок – все это не для меня), а только блеск молодости и здоровья. Теперь я стала замечать в глазах мужчин новое выражение: восхищение, смешанное с удивлением и почтением, ибо среди окружавших меня разряженных дам я блистала природной, неприкрашенной

красотой, как бледная звезда. А те, которых я не видела, смотрели издалека глазами своих послов и агентов, оценивая и прикидывая, как можно будет использовать меня в своих целях.

Все это я узнавала от Робина, ставшего моими глазами и ушами и пересказывавшего мне новости, которые он слышал от отца.

– Я слышал, вас собираются выдать замуж, миледи, – поддразнивал он меня. – Французский посол прочит вас в жены для принца из рода Гизов!

Или он слыхал, что подходящей партией для меня считался сын короля Дании.

– Выйдя за него замуж, вы со временем станете королевой Дании.

– Хорошенькое дело! За что боролся король Альфред, если английской деве придется подчиниться датскому праву?

– В таком случае, что вы скажете о герцоге Флоренции? Говорят, что для своих одиннадцати лет он не по годам развит.

– Он уже выбрался из пеленок? Это будет напоминать похищение младенца из колыбели. Мне придется вставать на колени, чтобы поцеловать его. Неужели мне придется пасть так низко?

– Ходят разговоры о сыне герцога Феррары – к Пятидесятнице ему исполнится восемнадцать месяцев.

– Робин, честное слово, я закую тебя в кандалы, если ты не оставишь попыток подложить мне на брачное ложе грудного младенца!

Я могла себе позволить смеяться: я не боялась, что Эдуард выдаст меня за первого встречного. Мы все время проводили вместе, и он был ко мне очень привязан.

– Ты не скучаешь по Хэтфилду, сестрица? – спрашивал он меня по мере того, как проходили сначала недели, а потом месяцы.

– Если честно, сэр, – отвечала я, – я бы гораздо больше скучала по Вашему Величеству, если бы меня отправили туда.

И он, довольный, кивал, Мы, как полагалось королевскому двору, все время переезжали из дворца во дворец, с одного места на другое: из Ричмонда в Гринвич, из Уайт-холла в Виндзор, из Вудстока в Энфилд. Я тогда была моложе, и меня развлекали эти постоянные королевские переезды. Это только сейчас мне тошно при одной мысли, что надо сниматься с места.

А жизнь тем временем шла своим чередом и приносила хорошие новости не только мне, но и моим друзьям. Мой друг Сесил, возвысившийся вместе с сумрачным герцогом Сомерсетом, разделил и его падение, доказывая свою верность до самого

конца. Но все знали, что у него не было другого выбора. В начале нового года его выпустили из Тауэра и вернули ему все прежние должности. Как меня это порадовало! И не только ради него самого. Я как состоятельная женщина теперь остро нуждалась в ком-нибудь, кому я могла бы доверять и кто присмотрел бы за моими делами. С радостью повидавшись с ним, я предложила ему занять пост моего управляющего, и, к моему величайшему удовольствию, он согласился это сделать за двадцать фунтов в год.

Теперь все в моей жизни устроилось к лучшему.

Единственное, что меня волновало, – это тучи, сгущавшиеся над горизонтом, меня беспокоил религиозный пыл, с недавних пор охвативший Эдуарда, и точно так же пугала непоколебимая преданность Марии своим римским обрядам. Но когда я была с ним, и при гораздо более вольных порядках, установленных отцом Робина, Эдуард, похоже, понемногу утрачивал свой суровый фанатизм. Он любил Робина и его беззлобные поддразнивания, они вместе скакали верхом, и он обращался с ним как с другом, а не как со своим подданным.

Какая же это была безмятежная пора! В первые весенние деньки устраивали скачки, и последний снег летел из-под копыт наших коней на тех медлительных увальней, что скакали позади. Иногда я вместе с другими дамами смотрела с крыши над теннисным кортом, как внизу мужчины отчаянно сражаются, подобно гладиаторам. Они скидывали камзолы, оставаясь в одних рубашках, и, как греческие боги, ни за что не желали уступить победу.

Однажды в апреле Робин договорился о матче с одним из королевских офицеров – жизнерадостным пройдохой, которого звали Перрот. Это был человек действия, крепкий как железо, и хитрый как лиса, не привыкший к поражениям. Ему было около тридцати – на десять лет старше Робина, но Робин тоже не желал проигрывать – недаром он был сыном Дадли! И кроме того, Робин играл лучше, ведь у него был Божий дар ко всем физическим упражнениям. Ставили и на того и на другого, никто не мог предсказать заранее, кто победит.

Я поставила на Робина – ведь я пришла болеть за друга. В тот день я первая поднялась в беседку на крыше над теннисным кортом. Со мной, как обычно, были Кэт и Парри, а также придворные дамы, ставшие теперь моими подругами: графиня Нортхэмптон, леди Браун, леди Рассел и другие из их круга.

За нами стояли женщины попроще – жены сельских сквайров и дворян без титула. Среди них, с круглыми от восторга глазами и открытым, как у ребенка, ртом, стояла девушка, которой я

раньше не видела: приземистая толстушка безнадежно деревенского вида. Кожа на лице у нее загорела, каштановые волосы были гораздо темнее, чем того требовала мода, а пухлые груди, слишком туго стянутые корсетом, выпирали вперед, как у голубки.

Я повернулась к леди Браун:

– Кто эта грудастая? Браун покосилась на нее:

– Дочь сквайра из какого-то дальнего графства, то ли из Лестера, то ли из Норфолка, леди Роберте или, может быть, Робсон, при дворе совсем недавно, надеется, я думаю, подцепить тут какого-нибудь лорда.

– Ха! При такой-то внешности! Она выглядит так, будто ее нашли в стогу сена, – пренебрежительно обронила Рассел.

– Скорее уж она сама как стог сена, – добавила другая с злорадным смехом.

Я тоже посмеялась и тотчас забыла о ее существовании, потому что матч начался.

Игра была яростной и упорной, и довольно долго оба противника сохраняли шансы на победу. Никогда прежде я не замечала, что Робин так хорош собой: высокий и стройный, он был подвижен как ртуть, словно на ногах у него были крылатые сандалии греческого бога, его лицо с лепными чертами пылало оживлением. Выходя на корт, он мельком взглянул на нашу беседку, начал игру и потом все чаще бросал в мою сторону странные удивленные взгляды. Пока шла игра, он все время искал глазами балкон, и его внимание все больше и больше обращалось в моем направлении, и в конце концов он уже был не в силах отвести взгляд.

Никогда прежде он так на меня не смотрел, как будто в первый раз увидел. И когда я почувствовала на себе его неотрывные пламенные взгляды, во мне проснулось и расцвело новое чувство: он любит меня!

Ибо вид у него был совершенно потрясенный, как у человека, полюбившего в первый раз в жизни и теперь ослепленного и оглушенного любовью. У меня перехватило дыхание, сначала от изумления, а потом от восторга – сердце мое пело…

Робин! Мой давний, верный друг, человек, которому я доверяю, человек, любивший меня ради меня самой, а не как пешку в игре за власть, деливший со мной досуг и увлечения, человек, также любимый моим братом…

…и который был рядом со мной, прекрасный юный лорд, полный жизни и любви, такой красивый и высокий, какого Кэт только и могла пожелать мне в мужья.

Пока он доигрывал партию, захваченный отчаянной борьбой,

я сидела, погруженная в чудесные мечты, и перебирала про себя все его достоинства. Его лепной красоты лицо, такое приветливое и открытое, его крупный, но правильной формы нос, большой, решительный рот, по-английски нежная кожа, его глаза, голубые, как весеннее небо, золотисто-каштановая шевелюра… Ах, Робин, Робин! Его имя слышалось в стуке моего сердца, в токе крови, пульсировавшей у меня в жилах.

И в его жилах тоже, как я догадалась, взглянув на площадку. Он пропустил решающий удар, и, хотя потом сражался отчаянно, уйти от поражения ему не удалось. Вздыхая и болтая, дамы разошлись, и я спустилась вниз, чтобы подождать его у корта. Я еще не знала, что скажу ему, ибо все было для меня ново, непонятно и пугающе… И все-таки я знала, что эти чувства родились давно и были предначертаны нам судьбой, как всякая настоящая любовь… Спокойная и растерянная одновременно, безмятежная, но вся дрожащая, я дожидалась его прихода.

Мне не пришлось долго ждать. Он вышел в свежей рубашке, натягивая на ходу камзол, а его слуга тщетно суетился вокруг, пытаясь завершить туалет своего хозяина. Решительным шагом Робин пересек теннисную площадку и подошел ко мне.

– Давайте пройдемся, мадам, – только и сказал он и, выхватив шляпу из рук слуги, сделал тому знак удалиться.

Прямо по траве мы зашагали по направлению к Грин-парку, потом он дал понять нашим людям, что они не нужны, и те послушно отстали.

Солнце стояло высоко, и земля была тепла под нашими ногами. Первые ромашки приподняли из травы свои белые головки, и птицы пели о любви. Мы зашли в небольшую рощицу молодых буковых деревьев с листочками зелеными и нежными, как свадебный наряд Флоры. Никогда я не была так счастлива, ибо знала, что сейчас мне предстоит услышать священную музыку сердечных признаний – объяснение в любви, на которую я, конечно же, отвечу.

Он резко остановился под самым разросшимся деревом. Я вдыхала чудесный аромат его тела, от его близости у меня кружилась голова.

Его первые слова прозвучали так тихо, что мне пришлось напрячься, чтобы их разобрать.

– Мадам, миледи…

– Да, Робин…

– Я не знаю, осмелюсь ли… Мой голос дрожал:

– Ах, Робин, победа достается только смелым.

Он глубоко вздохнул:

– Позволено ли мне говорить о любви? Сердце бешено

стучало у меня в груди.

– Говори же, прошу тебя.

– Вам может показаться, что все слишком внезапно…

– Позволь мне судить об этом.

– Так внезапно, что, может быть, вы мне не поверите…

– Я поверю всему, что ты скажешь, Робин.

– Поверьте мне, миледи, речь идет о счастье всей моей жизни.

Он повернулся и посмотрел мне в лицо. Я облокотилась спиной на ствол дерева так, что наши люди меня не видели.

– Говори же, Робин, – приказала я с нежным вздохом.

Он уперся лбом в шершавую кору и простонал, как умирающий:

– Я влюблен.

– Я знаю.

– И судьба моя зависит от вас. Я с гордостью почувствовала силу своих женских чар.

– Говори, проси, требуй все, что угодно.

Подняв взгляд, я встретилась с его глазами, безумными от невысказанной любви. Он был совсем близко. Я закрыла глаза. Сейчас он решится на один целомудренный поцелуй в лоб, а потом, когда мы сможем остаться наедине, в губы, в шею, а потом, а потом…

При одной мысли об этом во мне разгорался тот огонь томления, который я всегда так любила (хотя утоление его я любила еще больше), но который не часто зажигался во мне…

Я горела, я трепетала, когда я услышала его голос:

– Та леди, что была сегодня с вами в беседке, такая невысокая темноволосая девушка, вы знаете', как ее зовут? Ах, мадам, помогите мне, помогите завоевать ее сердце, или, клянусь, я убью себя!

Глава 12

Убьет себя?

Я сама была готова его убить – вы можете представить себе мои чувства! Дело было не только в уязвленной гордости и тщеславии, что заставило меня поверить, что его глаза искали меня, в то время как его внимание занимала только эта толстая лестерширская овца, но и в нашей любви, которая могла сложиться совсем по-другому, если бы он тогда любил меня, а не ее.

Я знаю, знаю, она была хорошая девушка, хотя, конечно, очень простая, мне все это говорили и тогда, и потом. Но я не могла простить ей ее животную бессловесность и, более того, ее неприкрытую чувственность, незатейливую, как у коровы, такую же неотразимую для мужчин, как и ее пышные груди. А те, кого Бог создал, чтобы мыслить и чувствовать, чьи тонкие натуры постоянно в напряжении, как струны арфы, должны довольствоваться меньшей аудиторией, – их музыку дано понять не всем.

Поэтому я спрятала гордость подальше, ибо у меня не было желания признаваться в собственной глупости, и выполнила его просьбу.

– Ее зовут Эми Робсарт, – холодно сообщила ему я через неделю или через две. – Она дочь одного норфолкского джентльмена, члена парламента от своего графства.

Я заставила его подождать, потому что всякий, кто использует принцессу крови в качестве посредника, должен смириться с тем, что она будет заниматься его делами, когда этого будет хотеться ей, а не ему. Я также не сочла нужным сообщить, что она – единственная наследница своего отца, владевшего обширными имениями вокруг Фрамлингэма. А саму девушку я отправила обратно в Норфолк, для этого достаточно было намекнуть одной из придворных дам, что сестре короля она не по нраву. Я надеялась, что он ее забудет. Однако этого не случилось.

– Эми! Моя милая, любимая, – совсем обезумел он. – А как дальше?

– Робсарт, – произнесла я со всем презрением, на которое была способна.

– Она завладела сердцем Робина! – Он заливался соловьем. – И клянусь, мое сердце принадлежит ей по праву!

Про себя я злорадно подумала, что до его сердца она не достает: ростом не вышла, и не смогла удержаться от ехидного

замечания:

– Если вы на ней женитесь, у вас будут низкорослые дети.

– Неважно, пусть все наши дети будут маленькими, как она! – Теперь он совсем размяк от переполнявших его нежных чувств. – Пусть даже все девочки будут высокими, как я, а все мальчики – маленького роста, как она, лишь бы они были похожи на нее, на само совершенство!

Я была в отчаянии. Но его уже было не спасти: он закусил удила, сломя голову ринулся ухаживать за ней, и не прошло и трех месяцев, как они поженились. Ему было восемнадцать, а ей пятнадцать – возраст вполне подходящий для брака, но слишком молодой, чтобы давать пожизненные клятвы. Счастливица Эми была на седьмом небе от радости, заслонившей все вокруг и лишившей ее последней капли ума, которым она и раньше не блистала. Даже в день свадьбы, когда она шла от алтаря, опираясь на руку жениха и хор пел гимны, по ее цыганского вида лицу с еле заметными усиками над верхней губой – что они там у себя, в Норфолке, не слыхали, что ли, о солях для обесцвечивания, ромашке и лимонном масле? – было заметно, что она все еще не может поверить в свое счастье. Еще бы!. Поймать самую лучшую добычу при дворе!

А с его стороны все ворчали, так как почувствовали тут мезальянс и угадали его причины. За свадебным столом Сесил сидел рядом со мной, захватив себе блюдо с линем и осетриной. Что до меня, то я не могла есть. Вино лилось рекой, ночь приближалась, и жених с каждой минутой становился все нежнее, пока невесту не отвели в постель.

– Браки, порожденные вожделением, поначалу сулят радость, – мрачно заметил Сесил, – но их ожидает печальный конец.

Рыба способствовала пробуждению в нем провидческого дара – он предвидел будущее. Я не могла на все это смотреть. Я ненавидела ее, а больше всего – его, и вскоре после их свадьбы, сославшись на домашние дела, требовавшие моего внимания, покинула двор и на шесть месяцев удалилась в Хэтфилд зализывать глубокие раны, нанесенные моему самолюбию.

Но как бы я ни любила Хэтфилд, теперь мне было ясно одно: жить там я не смогу. В последний год я привыкла жить при дворе, и мой дом теперь был там. Отпраздновав Рождество в Хэтфилде, я послала Эдуарду письмо, в котором просила разрешения вернуться. Вместо ответа он прислал отряд королевских гвардейцев с приказом отправляться немедленно. Таким образом, я вернулась, как королева, в сопровождении почетного эскорта из двухсот человек, и поселилась в собственном доме в Сент-Джеймсе, через парк от Уайтхолла.

В ту пору придворная жизнь была для меня всем, нигде я столько не каталась верхом, не танцевала так увлеченно и не смеялась так весело, как там. Когда первые уколы ревности прошли, я обнаружила, что почти совсем не скучаю по Робину. Ибо теперь моего общества постоянно искали послы, и среди них послы великих держав, – я была весьма важной особой. И со мной всегда были мои кузены. Генри Кэри и Фрэнсис Ноллис, к которым я все больше и больше привязывалась по мере того, как узнавала поближе, не говоря уже о других мужчинах, оспаривавших друг у друга право занять место Робина в моем сердце.

Робин только однажды появился при дворе со своей новобрачной. Он повсюду таскал ее за собой, похваляясь новой игрушкой, как это обычно делают все мужчины с их первой женщиной, давшей им возможность пустить в ход то, что они носят между ног, но бедная дурочка просто стояла, раскрыв рот, и часто дышала, как телка перед случкой, руки у нее болтались, как у тряпичной куклы, коровьи глаза смотрели тупо, без всякого выражения. В конце концов он вынужден был увезти ее обратно. Как долго чары этой сельской простушки будут иметь над ним власть, я не знала. Но к своему стыду, я получала удовлетворение от мысли, что теперь ему придется спать в той постели, которую он сам себе постелил.

Был еще один человек, чье присутствие незримо чувствовалось, – это Мария, которая теперь была как никогда отдалена от короля и двора. Еще раз ей повелели явиться ко двору и держать ответ, разыгралось еще одно сражение: Эдуард пытался заставить ее покориться, но снова потерпел поражение. От страха Мария уговорила своего кузена Карла, короля Испании и императора Священной Римской Империи, пригрозить Англии войной, если его близкой родственнице не разрешат католической мессы. Под давлением совета Эдуард скрепя сердце отступился, и теперь в глазах людей Мария стала героиней, спасительницей добрых старых порядков.

– И не только религии, – доверительно сообщил мне Сесил с тяжелым вздохом. – Боюсь, переход власти от одного великого герцога к другому взбудоражил всю страну.

А теперь, когда Сомерсет был выпущен на свободу и возвратился в совет, многие не знали, что им и думать.

– Кто правит страной? – вопили бродячие проповедники, бунтовщики и пропойцы. – Два злых герцога или король?

И все это время Мария безвыездно сидела в своей норфолкской твердыне и с каждым днем завоевывала все больше людских сердец.

Но в ту пору все это находилось как бы на обочине моего внимания. Я царила при дворе как первая леди и ничто другое не интересовало меня. Я знала, если мой брат женится, мое положение некоронованной королевы изменится, и мысль об этом терзала мое сердце. Я не в силах была смириться с тем, что Эдуард собирался жениться на Джейн Грей. Уступить свое место Джейн, ходить за ней следом, приседать перед ней в реверансах, носить ее шлейф, подчиняться любым ее прихотям, раз уж она будет английской королевой, – нет, я не могла этого пережить! Кто угодно, только не Джейн!

Я была тогда абсолютно уверена, что моя жизнь в моих собственных руках. Я была звездой при дворе, но не знала, что звездам случается падать. День за днем протекали в почете и удовольствии, весь мир плясал под мою дудку, жизнь была весела и беззаботна. Но мудрейшие девы умеют слышать за грохотом победных барабанов тихие шаги подкрадывающейся смерти.

Первым пал Сомерсет, который уже однажды был низвержен в ад, как Люцифер, но потом снова восстал, как Лазарь, что все приняли за возрождение, свершившееся волей Господа или Нортемберленда, и сочли, что ему ничто не грозит. Теперь же выяснилось, что черный лорд строил козни против совета и, более того, против самого герцога Нортемберленда – своего соперника, который, один раз пощадив его, не желал, чтобы его во второй раз кусала та же самая собака. Однако знающие полагали, что Нортемберленд сам, приложил руку к этому заговору, чтобы отделаться от своего могущественного противника. И кто бы на его месте не рискнул отплатить ему той же монетой? Смерть пришла за «добрым герцогом», как несведущие по-прежнему называли бывшего лорда-протектора, в начале лета Господня пятьдесят второго. Процесс над ним закончился перед самым Рождеством, и приговор поверг весь двор в страх и тоску. Эдуард не был близок с лордом-протектором, он гораздо больше любил другого своего дядю, моего злого гения – лорда Тома, с которым всегда было весело и которым он восхищался. Но с той поры Эдуард сильно изменился.

Беда, как это нередко случается, пришла поначалу незамеченной. Эдуард был на удивление здоровым ребенком; его так берегли, что он избежал детских болезней. Может, это и было ошибкой? Ибо теперь, взрослым юношей, он на следующую весну подхватил корь, а едва оправившись от нее, слег с оспой.

Как прочие англичане, я молилась об Эдуарде всякий раз, как приходила в церковь. Однако за жизнь его я не опасалась: он молод и крепок, от кори умирают только младенцы, а от оспы – только хилые с рождения. Роковая беспечность! Он своими

голубыми глазами видел гораздо дальше; он и Нортемберленд. И обоим было, что терять.

Однажды, когда король болел, я читала у себя в комнате. Вдруг нежданно-негаданно – его не было при дворе уже несколько месяцев – вошел Робин. Но это был не тот Робин, которого я знала. Бледный, встрепанный, он, казалось, постарел лет на десять и, преклоняя колено, прятал глаза.

– Ну, Робин, – сказала я с нервическим смешком. – Как вы? И как вам живется с молодой женой?

– Простите, мадам… давайте не будем об этом.

Что? Неужели с пряника уже сошла позолота? О, мой бедный Робин…

– Тогда к делу, – сказала я как могла сухо. – Что привело вас сюда?

– Его милость герцог, мой отец, шлет вам это.

Он махнул стоящему в коридоре слуге, и тот внес полированную, окованную медью шкатулку. Внутри лежали написанные по-латыни документы на владение… «усадьбой Хэтфилд…» и другие на «…строения по Набережной, именуемые Сомерсет-хауз…»

– Что это значит?

– Герцог Сомерсет позволил вам жить в Хэтфилде, и вы решили, что усадьба принадлежит вам. Но это не так: он владел документами и мог выгнать вас в любую минуту. Теперь мой отец дарит ее вам – в полную собственность, навечно. А с дозволения короля он передает вам и городской дом покойного герцога на Набережной.

– Ас какой стати?

– Вы – любимейшая сестра короля, и его милость желает…

Я понимала: он, как актер, повторяет, что ему велели.

– О, Робин, умоляю вас, скажите, что это значит?!

Он замялся.

– Намечаются… перемены, – с каменным лицом произнес он. – Если бы вы согласились поспособствовать… поддержать… или хотя бы тихо оставаться в Хэтфилде…

– Какие перемены? И зачем мне уезжать в Хэтфилд? Почему мне нельзя остаться при дворе?

– Вы узнаете в свое время. Я взглянула на документы, потом на этого холодного незнакомца.

– А если я откажусь… способствовать?

– Носилки готовы – они ждут у дверей. По приказу короля вы немедленно покидаете двор.

Глава 13

По приказу короля?

– Позвольте мне поговорить с Его Величеством!

– Мадам, это невозможно…

– Я поговорю с королем!

Лицо его сильно исхудало, он был очень бледен. Я-то думала, у него просто недомогание. Теперь я видела болезнь в его глазах, в тонких посиневших губах, недуг чувствовался даже в атмосфере комнаты. И что еще хуже: я вновь видела Эдуарда, внушавшего мне страх, холодного фанатика моих первых дней при дворе.

Однако начал он приветливо, хотя его словам и недоставало теплоты:

– Итак, сестрица, ваших владений прибыло! Хэтфилд, и Сомерсет-хауз, и, как я полагаю, еще усадьба или две – разве не так, милорд?

Он слегка обернулся к Нортемберленду, который предупредительно склонился над постелью. Тот ответил без промедления:

– Да, сир.

Я собрала все свои силы.

– Сэр, я хотела бы знать, чем заслужила столь щедрый дар из рук Вашего Величества. Он взглянул мрачно.

– Король, наш отец, завещал вам Хэтфилд. Вы его не получили. Я считаю, лучше устроить все, пока мы можем… пока мы еще живы… чтобы после нашей смерти дьявол не воспользовался нашими грехами недеяния, поскольку и так придется расплачиваться за содеянные.

Что за всем этим скрывается? Я попыталась ободрить его, а заодно и себя:

– Я надеюсь, Ваше Величество не помышляет о смерти! Мы каждый день молимся о вашем здоровье, и я с радостью вижу, что вы идете на поправку.

Он посмотрел мне прямо в лицо.

– Мы все должны умереть, когда пожелает Господь; и я в том числе.

Его глаза были пусты. В лице не было ни кровинки, он лежал в белой рубахе, безжизненно вытянув руки и ноги, словно уже и не живой человек, а мраморное изваяние.

Я почувствовала себя на краю пропасти. Если Эдуард умрет… Но и сейчас я не могла помыслить немыслимое.

Нортемберленд, хваткий, как терьер, воспользовался паузой:

– Его Величество сделали этот подарок, мадам, чтобы

показать вам силу своей щедрости… И силу своей власти надо мной?

– ..награждать тех, кто чтит его богоугодную политику, кто искренно старается следовать его заповедям…

– И подчиняется моим законам!

Голос Эдуарда резанул, как скальпель хирурга, оставив в моей душе кровоточащий порез.

– Мы все повинуемся вам, сир, вы – король.

Но и король может ошибаться, как ошибался отец.

Я принудила себя продолжить:

– Господь повелел нам слушаться вас – во всем, что не противоречит закону и соответствует слову Божьему…

Нортемберленд сдержался, чтобы не вздрогнуть, и повернулся к королю. Эдуарда свела судорога, он закашлялся. Они обменялись молниеносными взглядами; грозовой диалог между ними продолжался некоторое время, но ни слова не было произнесено вслух. У меня упало сердце, но я продолжала лепетать:

– Не то чтобы Ваше Величество могли преступить закон…

Я не договорила. Наступило молчание. Вот тут-то я и поняла, что Эдуард намерен вступить на путь, который для меня заказан; что он не остановится ни перед чем в осуществлении своей воли. А Нортемберленд, надо полагать, его вожатый и лоцман; оба стремятся к одному. А без короля или без каких-то ухищрений, которые продлили бы правление Эдуарда, Нортемберленду не удержаться.

Но что Эдуард задумал? Я терялась в догадках. «Беги отсюда, – взывал страх. – Спасайся, беги!» Меня не было при дворе, когда лорд-протектор оступился в этой властной игре, пусть не будет и сейчас. Я упала на колени:

– Сир, если вы позволите мне оставить двор… позаботиться о своих поместьях, вашем щедром даре…

Я уехала в тот же день. Знала ли я, как сильно изменится мир, как сильно изменится к худшему, прежде чем я снова окажусь при дворе? И что мне больше никогда-никогда не суждено видеть Эдуарда?

Я знала так мало – да и откуда в моей сельской глуши было узнать, что происходит? Скоро, очень скоро мои страхи подтвердились самым ужасным образом. Сперва сообщили, что Эдуард оправился от оспы и снова в добром здравии. Мало того, он проехал по лондонским улицам в полном вооружении, а затем бился на ристалище, как в лучшие свои дни. Однако за новым, здоровым фасадом сохранялась его хрупкость. В ноябре у него появился спутник, теперь уже до конца жизни – сильный кашель,

который тряс его днем и ночью. Семена гнили глубоко укоренились в его легких. Больно было смотреть, как содрогается его тело; теперь он постоянно держал одно плечо выше другого.

Узнав об этом, я сменила ежедневные молитвы на ежечасные. Однако самое страшное было впереди. «Сейчас мы знаем, чего хочет король, или по крайней мере опасаемся, – писал мне Сесил, теперь сэр Вильям, посвященный за заслуги в рыцари; когда я оставила двор, именно он стал моими глазами и ушами. – Его главное и единственное желание – спасти королевство от папизма и власти Рима. Посему он разбирает вопрос о престолонаследии, кто должен править после него».

О престолонаследии? Если Эдуард умрет, следующая наследница – Мария. Мария – на троне? Она – женщина, это немыслимо.

Однако если не Мария, то значит – другая женщина?

Если Эдуард умрет, значит, сам Господь помыслил немыслимое, мало того, указал нам.

Если Эдуард умрет…

Когда безболезненное знание – «мы все умрем» превратилось для Эдуарда в «я умру и умру раньше, чем сумею произвести наследника, которого ждет Англия» – столь неотвратимое, что все его поступки обрели исступленность закусившего удила жеребца, мчащегося тем быстрее, чем ближе разверзшаяся впереди тьма?

В Хэтфилдском одиночестве я постоянно размышляла над этим. Насколько болен Эдуард? Бодрые заверения двора были полны притворства и не внушали никакого доверия. Однако даже если Эдуард болен смертельно, не станет же он вопреки воле короля, нашего отца, менять установленный порядок наследования? А если станет, то как? Конечно, всякий мужчина предпочтет наследнице наследника – пусть ленивого, невежественного и порочного, лишь бы то была не Мария, не я и не кто-нибудь из нас – главное, чтоб у него было то, что делает мужчин мужчинами. Но нет таких, нет! Ведь после Марии и меня идет опять-таки женщина, дочь младшей сестры отца, мать Джейн и Екатерины. Следующая претендентка по крови – а в глазах католиков единственная законная претендентка – это малолетняя Мария, маленькая королева Шотландская, которую в настоящую минуту воспитывают во всех католических мерзостях французского двора, – она не может стать наследницей. И не станет.

Меня кидало из стороны в сторону, как перышко на бурных волнах. Как-то в ноябре, после ночи мучительных раздумий, я приняла решение. Надо увидеться с королем. Писать ему и просить дозволения вернуться я не решалась – была уверена, что

Нортемберленд мне откажет. Поэтому я послала за Ричардом, вернейшим из моих джентльменов. «Завтра мы отбываем ко двору – никаких носилок, только несколько спутников из ваших людей. Я поеду верхом на чалой, она самая резвая и выносливая. Постарайтесь, чтоб об этом знало по возможности меньше людей».

Тем, кого он выбрал, я доверила свою жизнь. Даже Кэт до последней минуты не знала о готовящемся отъезде. Однако кто-то видел и другие ускакали вперед, быстрее, чем мы. Ибо у Нортемберленда тоже были глаза и уши в моем доме. Мы не проделали и половины пути до Гринвича, где расположился король, когда, перевалив через вершину холма, увидели их: вооруженный отряд, преграждающий нам дорогу.

При нашем приближении офицер выехал вперед: «Вашей милости придется вернуться домой!»

Слова его были учтивы, но свиток, который он мне протянул, говорил сам за себя. Мне не обязательно было видеть печать, почерк, слова Эдуарда: я знала, что он пишет. Его это рук дело или Нортемберленда? Какая теперь разница? Словно разбитый галион, ползущий в порт под убранными парусами, я развернула лошадь и, тихо плача, шагом поплелась к Хэтфилду.

Письма Сесила оставались теперь единственной ниточкой, связывающей меня с жизнью, единственным источником новостей. По мере того, как мрачнела обстановка при дворе, переписываться становилось все более опасным, письма приходили все реже. Всю зиму я смотрела, как голодные птицы набрасываются на жалкие крохи, и чувствовала себя одной из них. Наконец однажды январским днем, когда серый туман с самого утра скрыл замерзшие поля, в Хэтфилд прибыл посланец, еще более серый, чем туман. Я поняла, кто это, еще до того, как увидела герб Нортемберленда на его шляпе.

– Что вы должны сообщить мне, сэр? Он лихо отбарабанил вызубренный текст:

– Его Величество король принял решение изменить порядок наследования. В случае его смерти леди Мария не будет наследовать, поскольку брак ее матери с покойным королем Генрихом был незаконным, а побочный ребенок не может вступить на английский трон… Побочный ребенок не может наследовать… У меня к лицу прихлынула кровь, в ушах застучало. Остальное я знала заранее. Этот камень убивает двух птичек разом.

– ..по этой же причине не может наследовать и леди Елизавета как незаконнорожденная дочь, – на этом слове бедняга запнулся, – ибо Его Величество постановил, что ни побочный

отпрыск не может вступить на английский престол, ни дитя-полукровка…

А тем более женщина? Предусмотрел ли король и это?

– Если вы признаете право короля менять порядок наследования и откажетесь от необоснованных притязаний на престол, Его Величество позволит вам вернуться ко двору, возвысит и подтвердит ваш неотъемлемый титул сестры короля.

Что? Стать еще одной Анной Клевской? Такой же, как и она, – неудобной женщиной, выброшенной вон? Нет, меня так просто не согнешь!

– Скажите вашему господину, пусть передаст королю, что, покуда жива моя сестра Мария, у меня нет претензий, от которых я могла бы отказаться. И что она – не «претендентка». Она – наследница по завещанию моего отца! И еще скажите, я никогда не одобрю решения, которое идет вразрез с последней волей покойного короля, одобренной парламентом и имеющей силу закона! Я не покорюсь ничему противозаконному – и помогай мне в этом Господь!

Конечно, я понимала ужасный выбор, который стоит перед Эдуардом – и передо мной. Он не мог исключить Марию из числа наследников, не исключая и меня, – браки обеих наших матерей признали недействительными король, церковь и государство. Однако меня, именно меня, должен был бы предпочесть Эдуард! И Нортемберленд тоже: протестантку, у которой он всегда благоволил и которая была дружна с его сыном Робином, мало того, эта дружба может возобновиться…

Шестеренка в шестеренке, заговор в заговоре…

Когда Эдуард умрет, Нортемберленду придется доигрывать королевскую игру, но уже с собственными козырями. Может быть, он хочет, чтобы король устранил Марию, с тем, чтобы после его смерти втолкнуть на это место меня как истинную протестантскую наследницу?

Однако и у него, и у Эдуарда в запале игры, видать, помутился рассудок, если они думали так легко избавиться от Марии!

А если не я и не Мария, то кто станет королевой? Кто, как не маленькая Джейн – моя кузина Джейн, которую судьба выдвинула на эту роль, когда ее впервые провозгласили невестой Эдуарда. Выдвинула, потом снова задвинула, и вот Эдуард снова обратил на нее свой взор в последней мрачной пародии на жениховство: в его собственноручном завещании, которое он назвал своим «планом преемства», Джейн объявлялась королевой в обход ее матери, в обход всех нас.

Поцелуй умирающего слишком часто оказывается поцелуем

смерти. А сейчас пляска смерти при Эдуардовом дворе закружилась в последней дикой джиге. С января король угасал на глазах. Его легкие гноились, тело сотрясал кашель, кожа покрылась язвами, спина – пролежнями. Обритая голова и пустой живот раздулись, словно две огромные дыни, желтые, готовые вот-вот лопнуть.

Его телесные муки были невероятны, но еще сильнее мучился его дух. По мере того как ему становилось все хуже, он погружался в смертельную тоску, нарушаемую лишь приступами душераздирающего горя и слез. Однако и сейчас случались проблески его прежней доброты. Он послал Марии самый большой плоскогранный алмаз из своей сокровищницы, обрамленный рубинами, с жемчужной подвеской, в знак того, что хотя он и преследует ее как король, но как брат по-прежнему ее любит.

А пока его звезда катилась к печальному закату, вспыхнул быстротечный метеор Джейн. В середине мая ее отец лорд Грей, ставший недавно графом Сеффолком, ознакомил Джейн со статусом будущей королевы. Он сказал, что у нее будет и король: младший сын Дадли, брат моего Робина Гилдфорд. К их ужасу и к ее чести, Джейн отклонила оба лестные предложения и попросила, чтобы ей позволили оставаться с ее девственностью и ее книгами.

Но девственниц, в отличие от незаконнорожденных, от ублюдков, можно переделать в нечто более приемлемое. Отец и любящая мамаша Джейн по очереди лупцевали ее, пока дочка не одумалась. В канун Троицы лета Господня пятьдесят третьего они с Гилдфордом поженились. Теперь, когда королевская воля и династия Нортемберленда утвердились, бедному Эдуарду позволили наконец отойти с миром. По приказу Нортемберленда ему перестали давать лекарства, поддерживающие жизнь в его исстрадавшемся теле.

Нортемберленду оставалось лишь прибрать к рукам последние пешки. В июне мне пришел приказ: «Его Величество велит вам явиться ко двору». Однако тень Сесила была неподалеку. «Скажитесь больной, не ездите, – советовал он. – За вашей сестрой Марией тоже послали, и она бежала в Сеффолк». Следом пришла весть о том, чего я страшилась и о чем в то же время молилась, как об избавлении страдальца. «Ваги брат король мирно скончался вчера днем». И наконец, последнее: «Леди Джейн провозглашена королевой Англии!»

Бедное девятидневное чудо! Следующий гонец явился открыто в королевской ливрее, с розой Тюдоров на груди. «Королева-изменница свергнута, гнусные заговорщики под

стражей. Ее Величество королева Мария шлет приветствия своей любимейшей сестре и велит вам скакать в Лондон, дабы там возблагодарить Бога за ее и ваше избавление!»

Глава 14

Незаконнорожденная и девственница – эти две темы-близнецы вновь и вновь возникали в моей истории! Даже брат, мой любящий брат, посчитал нужным объявить меня незаконнорожденной в тех же выражениях, что и отец, чтоб ему ни дна ни покрышки! И вот я вновь должна была подчиниться последней воле усопшего, последней воле еще одного покойного английского короля.

Те, кто окружал «королеву» Джейн, понимали: чтобы утвердить ее сомнительные права на престол, надо устранить подлинных наследников. Не успело тело брата остыть в гробу, как Нортемберленд и его приспешники велели с каждой церковной кафедры провозгласить нас с Марией незаконными; да, иерархи церкви, епископы, клеймили нас в проповедях, Ридли в соборе Св. Павла и Аатимер в Вестминстере, оплоте английской монархии!

А новая королева Англии, вместе со мной пострадавшая от этого позорного обвинения, что же она? Женщина, объявленная незаконной ради меня, низведенная до роли полукровки моим отцом, чтобы сыновья Анны Болейн могли царствовать, – захочет ли Мария снять с меня это клеймо? Значит, снова незаконнорожденная.

Пусть так.

Бывает и хуже.

У великих людей случались побочные сыновья. Наш Господь Иисус Христос был незаконнорожденный, а его мать – не девственница, утверждал этот богохульник, помните его, сочинитель и тайный агент, которого глава моей тайной службы Уолсингем убил, чтоб тот не болтал лишнего? Давно это было, в девяносто третьем или около того. Как его звали? Забыла фамилию. Кристофер, кажется… Морли?., или Марли? Марло?

А был ли Христос полукровкой? Мой отец сжег сумасшедшую проповедницу, Джоанну из Кента, которая учила, что Христос не произошел плотью от Девы, но прошел сквозь ее тело, как сквозь оконное стекло. Если Иисус получил жизнь наполовину от земной матери, наполовину от небесного отца, причем земная родительница тоже вечная серединка на половинку, полумать-полудева, разве он не полукровка, как самые заправские незаконнорожденные, вроде меня?[2].

И не должен ли он вместе со мной воскликнуть словами греческой трагедии: «На помощь незаконным, боги»?

Однако при мне по-прежнему был другой мой титул, почетный, и за отсутствием других карт мне оставалось

разыгрывать лишь козырь девственности.

Я разыграла его отлично, ведь правда? Ибо кто теперь вспомнит, что я была не единственная царственная девственница своего времени? Что была другая, куда более великая? И хотя позже я покорила все сердца и умы как королева-девственница», кто теперь помнит, что до меня правила тоже королева и девственница? И что она была первая в нашей истории?

И кто теперь понимает так, как понимаю я, что, останься Мария девственной, она бы правила дольше и дольше сохраняла бы народную любовь, которую она сама же и превратила в жесточайшую ненависть…

Казалось, само солнце освещало торжество Марии в том июле пятьдесят третьего, когда мне привезли ее распоряжение. Она повелела мне ехать в Уонстед, на восток от Уолтгемского леса, и там встретиться с королевой и ее приближенными. Сторонники Марии начали стекаться туда еще до смерти короля. Теперь на въезде в город мы влились в огромный поток людей, которые смеялись, молились, пели, и все благодарили Бога, приведшего на престол истинную королеву, дочь короля Гарри.

Королева! Так страшный жупел – правление женщины, – стал реальностью. И если девять дней Джейн не принесли иной пользы, все-таки они показали: кровь, даже в женщине, – единственное, что имеет значение; она вполне может поставить ее вровень с мужчиной. Теперь Мария была королевой безоговорочно, – Королева!

– Боже, храни королеву!

Мои джентльмены с трудом прокладывали мне и моим людям дорогу сквозь дурно пахнущую, колышущуюся толпу к дому королевы.

Господи, как-то она меня примет? Покуда она подвергалась унижениям, я бесстыдно блистала на ее законном месте при дворе. Накажет ли она меня за это? Последние двадцать лет у нее были все причины меня ненавидеть; теперь она королева, верховная владычица – захочет ли она отомстить?

Ибо несправедливости, выпавшие на долю Марии, не поддаются описанию. Все они были свежи в моей памяти; всю долгую дорогу от Хэтфилда я перебирала их – ни о чем другом я не думала. Помнится, перед Пасхой Кэт пела старую песню, балладу о Богородице при кресте.

Скорби Марии-девы
Одна, и две, и пять…
Считать вам их, люди добрые,
Считать – не пересчитать.

Слушая ее, я всегда вспоминала свою Марию. Как перечислить ее скорби, даже если знаешь, с какой начать? А все ее страдания произошли из-за меня и начались еще до моего рождения.

Она всегда была пятой спицей в колесе. Никогда еще так не мечтали о мальчике. «Господи, пошли нам принца!» – было на всех устах в течение поколений. Я должна была стать этим принцем. И вот все Генриховы муки, семь лет, когда он не спал ни с Екатериной, ни с Анной, горечь «Великого Раскола», когда он порвал с Римом, – все, все закончилось разочарованием – моим рождением, рождением еще одной ненужной, нежеланной девочки.

Господь сделал его мишенью своих всемогущих шуток перед лицом народов. Кто-то должен был за это заплатить. Но даже Генрих, самый жестокий из всех, кого я знала, не мог покарать новорожденного младенца. А кто лучше годится на роль козла отпущения, чем непокорная дочь, которая, может, и навлекла беду своими молитвами? Итак, Марию лишили всех почестей и объявили незаконнорожденной, что намертво перечеркнуло ее жизнь. Она, которая была не просто принцессой, но принцессой Уэльсской, разом лишилась всех титулов и положения наследницы. Теперь я стала «наследной принцессой», «принцессой Уэльсской», а она – всего лишь «леди Марией». А как просто «леди Мария» она осталась и без привычных королевских привилегий. Вместо двух сотен слуг ей оставили всего горстку; из собственного дворца ей пришлось перебираться в худшие покои Хэтфилда, чтобы прислуживать мне, трехмесячному младенцу, наравне с прочими фрейлинами.

И как Божья Матерь, в честь которой ее нарекли, Мария оставалась безбрачной, как ни просила отца подыскать ей мужа; король не хотел отдавать ее за католика и к тому же понимал, что за протестанта она сама не выйдет.

И последняя, самая страшная несправедливость: ее разлучили с любимой матерью до конца Екатерининых скорбных дней; Генрих не разрешил ей посетить Екатерину, даже когда та умирала, приближая свою кончину беспрестанными тщетными призывами к дочери…

Жестокость Генриха могут оценить лишь те, кто сам от него пострадал.

И все ради меня! Все ради меня, клялся король, чтобы оградить мои бесценные права! Неудивительно, что она меня возненавидела. Удивительно другое – как она не нашла случая

исполнить то, что нашептывали ей советники: мягкая подушка или несколько капель яда, и не станет потаскушкиного отродья, сатанинского порождения.

Удивительно? Скажите, что это чудо! Разве она могла не питать ко мне ненависть? И кто осудит ее за эту черную злобу?

Мне она всегда представлялась нелюбимой и забытой Богом, всю ее земную жизнь.

И я боялась встречи с ней, как убийца боится призрака своей жертвы, хотя и никогда не желала ей зла, никогда не сделала ей ничего дурного.

– Впустите сестру королевы – она прибыла согласно королевиному приказу!

Мы вошли с залитой солнцем улицы в холодный дом, и тут меня всю передернуло. Господи, помилуй! Ведь когда-то она меня любила. Несмотря ни на что, она любила меня ребенком. Я прижимала к груди молитвенник в филигранном серебряном переплете – единственное украшение моего светло-серого платья, – подаренный мне Марией на пятый день рожденья и бережно хранимый с тех пор. Может ли быть, что она по-прежнему меня любит? Я могла бы полюбить старую Марию, предоставь она мне хоть самую малую возможность. И я искренне радовалась за нее, искренне гордилась тем, что она взошла на престол, ее торжеством, посмертным торжеством нашего отца. Сумеет ли она мне поверить?

Domine, conserva me… Храни меня, Господи…

– Принцесса Елизавета, сестра Ее Величества, смиренно молит королеву об аудиенции!

Дверь распахнулась. Впереди открылся длинный и узкий Большой покой, почерневшие потолочные балки тянулись в бесконечность. Сердце мое ушло в пятки, живот свело. В душной переполненной комнате из-за тугой шнуровки невозможно было дышать. Я готовилась увидеть советников и сподвижников, даже неофициальный совет, собравшийся обсудить будущие шаги. Чего я не ожидала, так это такого скопления народа: королева держала двор!

Едва переступив порог, я увидела по левую руку Ризли, графа Саутгемптона, и его старого союзника Паджета: оба не теряли времени после новой перемены власти и были снова на коне! Рядом стояли графы Бедфорд, Винчестер и Пембрук, все старейшие и влиятельные лорды Тайного совета. С ними, нахмурясь, сосредоточенно беседовал лорд Шрусбери, председатель совета Севера – раз он здесь, значит, все северные графства за Марию. Из сановников помельче я узнала сэра Николаев Трокмортона, придворного моего брата, он стоял рядом

с моим родичем лордом Говардом. Дальше теснились лорд Клинтон, сэр Вильям Пикеринг, товарищ буйных забав покойного лорда Серрея, сэр Джеймс Крофтс и граф Дерби, которых я знала в лицо по Эдуардову двору. Но где Джейн? И что с ней? Что сталось с Нортемберлендом – и его сыновьями?

Вбегали и выбегали забрызганные грязью гонцы, за боковыми столиками трудилась над воззваниями целая армия клерков и писцов под руководством – кого бы вы думали? – моего старого друга Сесила. С ним был и Вильям Томас, клерк Тайного совета при Эдуарде. Мария взяла бразды правления – что это означает для меня?

Все повернулись в мою сторону; я чуть не разрыдалась с перепуга. Упала на колени, мысленно твердя молитвы, постаралась загнать страх внутрь. Однако маленькая моргающая фигурка, выступившая из толпы высоких плечистых лордов, была выше мщения, почти что выше радости. Она взяла меня за обе руки и осыпала поцелуями вперемежку со слезами. От волнения она не могла даже говорить.

– О, сестра, Господь милостив! – произнесла она наконец дрожащим голосом, поднимая меня с колен.

Я едва узнала то хилое, затравленное существо, которое в последний раз видела при дворе. Сейчас, скинув по меньшей мере десяток лет, она сияла, как солнце после дождя. А в окружении лордов, хлопочущих клерков, гонцов, слуг, солдат и оруженосцев, в алом бархате и рубинах, она выглядела настоящей королевой, коей, собственно, и была. Я плакала вместе с ней, а потом с трудом вымолвила:

– Как Ваше Величество избежали вражеских рук? Как вам удалось спастись?

– С Божьей помощью, – хрипло отвечала она, – или с помощью этого доброго человека!

Она сухо улыбнулась и бросила косой взгляд на оконную нишу, где сидел, углубясь в свои бумаги и как будто ничего не замечая, Сесил.

– Когда герцог Нортемберленд послал за мной, некий доброжелатель посоветовал мне не ехать ко двору. А когда герцог прибыл в Норфолк с солдатами, меня там уже не было!

– Благодарение Богу!

– Да, сестра! – Кротовые глаза Марии горели искренней страстью. – Это знак, что Он хранит меня для великих дел, чтобы я спасла эту страну и вернула ее в лоно матери-церкви!

Спасла эту страну? У меня больше не было сомнений.

– А герцог? Что сталось с ним? Мариино лицо опечалилось.

– Бедняга! Когда он захотел взять меня под стражу, все

обернулось против него. Армия его разбежалась, а сам он укрылся в Кембридже.

– Не жалейте его, ваша милость! – вмешался прямолинейный лорд Бедфорд, сам старый вояка. – Он своими руками приготовил свою погибель – иначе она была бы вашей!

Мария кивнула и судорожно перекрестилась.

– А сыновья герцога? – Мой голос сорвался.

– Поддержали отца в его измене, – вставил лорд Пембрук, – и сейчас они вместе с ним в Тауэре.

О, мой Робин… Я заставила себя думать о другом – это звездный час Марии, ничто не должно его омрачить.

– А леди Джейн?

Мария вздохнула, поднося ко рту стиснутые руки. Пембрук хрипло хохотнул:

– Это девятидневное чудо, эта леди решила, что ее место на троне, и всего лишь пересекло Тауэрский луг, мадам, – из Белой башни в уздилище изменников. Она приехала туда для коронации – как только свершится правосудие, ей не на чем станет носить корону!

Стиснутые руки Марии напряглись, она испустила вздох. За ее спиной граф Шрусбери наградил лорда Пембрука сердитым взглядом, в котором ясно говорилось: «Полегче! Не торопи Ее Величество с решением!»

Мария подняла голову и нарушила неловкое молчание своей лучезарной улыбкой:

– С Божьей помощью и ее искренним раскаянием мы еще можем ее спасти! Когда грешник приходит к истинному покаянию, на небесах радость, и ангелы плачут!

Я огляделась, но все собравшиеся прятали от меня глаза.

На следующий день мы двинулись к Лондону, и мне было отведено почетное место сразу за королевой. К семи пополудни, тихим, прохладным августовским вечером мы въехали в Олдгейтские ворота. Никогда прежде не видела я подобного! Улицы были застланы коврами, убраны цветами, флагами и лентами, дети плясали под громкие выкрики толпы, хористы распевали гимны, колокола звонили. Мария и улыбалась и плакала. «Благодарю вас! Благодарение Богу! Благодарите Его и молитесь Ему, добрые люди!»

Однако моя сестра не зря носила фамилию Тюдор, она понимала, как важно показать, что Бог на стороне Тюдоров! Когда мы подъезжали к Тауэру, из его врат показалась процессия – даже издали по ручным кандалам, лохмотьям и голодным, затравленным глазам можно было угадать узников. Скованные вместе, они упали перед нами в грязь.

Одно лицо в заднем ряду, старое, скорбное, привлекло мое внимание – да! – это был герцог Норфолк, отец моей первой загубленной любви, моего лорда, моего Серрея, избежавший плахи, где сложил голову его сын, чтобы все царствование моего брата протомиться в Тауэре, – кто бы выпустил такого упорного паписта? Теперь, когда на престол взошла Ее Католическое Величество королева Мария, Фортуна вновь вознесла его вверх!

Перед ним стояла странная пара: старая рыдающая женщина с бледным морщинистым лицом, рядом – улыбающийся белолицый юноша, высокий, стройный и прекрасный, как ангел. Даже не будь у него ярких золотисто-рыжих кудрей и длинных ног, как у всех Плантагенетов, я бы все равно узнала его. Со смешанным чувством радости и вины я смотрела на последних отпрысков Белой Розы: это были Эдвард Кортни и его мать, которых мой отец за принадлежность к королевскому роду пятнадцать лет назад бросил в тюрьму, где они и прожили все это время, погребенные заживо и всеми забытые.

Мария звенящим голосом приказала:

– Освободите их!

Потирая запястья, узники с трудом поднялись с колен. Иные трясли головами, словно не веря в свое освобождение. Теперь я заметила еще одно лицо, забытое с детства, – злобное, как у коршуна, грубое, смуглое, с всклокоченной бородой, однако с женскими презрительными, мягкими алыми губами… враг моих детских лет, ненавистный епископ Гардинер, еще один тайный католик, смятенный яростной силой Эдуардова протестантизма.

– Ваше Преосвященство епископ Винчестерский!

Он выступил вперед, сверкая невыразительными глазками.

– Ваше Величество, вы принесли мне Божье избавленье!

Марию переполняла радость, и неудивительно, если вспомнить, как она его обожала.

– Однако не легкую жизнь, сэр! Ибо я назначаю вас своим лордом-канцлером.

Он поклонился, но без удивления, – Мария знала, что делает. Она огляделась и обвела рукою бывших узников:

– Мы приглашаем вас на сегодняшний пир – пир благодарения и радости! Следуйте за нами!

Едва мы тронулись, она придержала поводья и обратилась ко мне.

– А за ужином, сестрица, – прошептала она, – приглядитесь-ка к молодому Кортни – что вы о нем о думаете, если честно?

Что я о нем думаю? Что я могу о нем думать? Лишь один человек занимал мои мысли, покуда конские копыта стучали по брусчатке Тауэра, где нам предстояло дожидаться коронации.

Считанные ярды отделяли меня от Робина, который томился в башне Бошамп вместе с четырьмя братьями, один из которых – девятидневный король Гилдфорд, муж Джейн и, подобно ей, пешка в руках своего отца – обречен на верную смерть. Но Робин? Может ли он рассчитывать на снисхождение? Я понимала, что не узнаю ответа, пока длится ликование – что может нарушить Мариино неземное счастье, ее неописуемое блаженство?

И все же, все же… неважно, что я думаю о Кортни, – почему королева, королева Мария, о нем думает? Ответ пришел тем же вечером, когда на пиру она угощала его и его мать, сидевших от нее по обе стороны. Он – внук Эдуарда IV и, значит, королевского рода. Католик, одной с Марией веры, высокий, красивый, золотоволосый и белолицый. И, что самое главное, уже не безусый юнец: в свои двадцать семь, проведя большую часть жизни в тюрьме, он по годам куда ближе к Марии, чем любой другой холостяк…

Собирается ли она за него замуж?

А если да, будут ли у них дети? Правда, она прожила на земле почти четыре десятка лет, но с молодым и страстным мужем, как показывает пример лорда Сеймура и королевы Екатерины, такое возможно.

А если возможное станет реальным?

Что будет со мной?

Глава 15

Весь август сияло солнце, и верилось, что после слякотного, склочного правления двух герцогов и череды неурожаев все-таки наступили лучшие времена. Мало кто горевал о Нортемберленде, когда тем же августом он поплатился за свои интриги головой; и милость Марии, словно солнце, воссияла над пятью его сыновьями и даже над «королевой» Джейн, даруя надежду и обещая мир.

Обещая мир – однако солнце светило все лето, и его палящие лучи, его яростный, неумолимый жар, непрошеные пожары в полях и в городах предсказывали дурное.

В своем восшествии на престол Мария сочеталась счастливым браком с любящим народом, и не было в Англии человека, который не желал бы ей долгой жизни и царствования. Радостная новость летела по городам и весям: скоро еще одно бракосочетание королевы; имя жениха – Кортни – было у всех на устах; и выбор королевы еще больше подогревал народную любовь.

Однако уже до коронации все предвещало, что медовый месяц окажется коротким. Началось с похорон нашего брата. Все это время он лежал непогребенный в закрытом свинцовом гробу, ведь он начал разлагаться еще при жизни. Теперь, когда пришла пора предать его тело земле, Мария распорядилась сделать это по полному обряду католического погребения.

Господи! Подумать только, как страдала душа Эдуарда, уж не знаю, в чистилище или в раю. Совет предупреждал, что этого делать не следует: лондонцы не потерпят, чтоб в Вестминстерском аббатстве служили мессу. Однако королева твердо стояла на своем: хорошо, богослужение будет приватным. И вот мой Эдуард отправился к месту последнего упокоения со всем вонючим, суеверным римским кривляньем, святой водой, ладаном, чадящими свечами, поющими монахами и латинскими молитвами. Стоя на коленях в дворцовой церкви, я молилась, чтобы он – и Господь – простили.

Я действительно нуждалась в их прощении. Мария рьяно взялась возвращать старое, она видела себя Божьей девственницей, посланной очистить английский храм от новомодной дьявольщины; с каждой церковной кафедры громили новую веру, что ни день, брали под стражу и допрашивали видных протестантов. Я ужаснулась, услышав среди прочих имя Кранмера; его заключили в Тауэр за отказ служить мессу. Теперь я молилась и за него, как за Робина, его братьев и бедняжку

Джейн, – а список с каждым днем все удлинялся.

Как архидвигатель и архитектор этого «священного труда» Мария обладала в то время силою семи бесов. Она вставала до зари и весь день корпела над бумагами, покуда ее подслеповатые глаза не переставали видеть свечу, а уж сам документ и подавно. Дабы укрепить свою душу в этой великой борьбе, она слушала по шесть-семь месс на дню и, разумеется, хотела, чтобы я повсюду ее сопровождала.

Конечно, я отнекивалась, мотивируя свой отказ то разлитием желчи, то обморочным состоянием, то головными болями, лишь бы не ходить к мессе. Однако сколько мигреней может быть у женщины в один день? Через неделю после того, как двор переехал в Гринвич, дабы скрыться от городской жары, мою тактику заметили.

– Осторожнее, мадам, – предупредил меня Вильям Сесил в личной беседе. – Времена опасные. Вам надо успокоить королеву.

Совет здравый. Я попросила Марию о личном свидании. Однако, стоило мне войти в ее покои и присесть в глубочайшем реверансе, как я поняла – расположение ее скрылось, как зимнее солнышко, и больше не вернется.

Причина этого была рядом. Около королевы, одетый в черное с головы до пят, стоял маленький человечек с вкрадчивыми манерами, смуглолицый, с глазами-маслинами, жесткими, черными, блестящими.

– Мадам Елизавета, поздоровайтесь с Его Превосходительством Симоном Ренаром, – резко произнесла Мария. – Его прислал ко мне Его Католическое Величество король Испанский.

Я снова сделала реверанс.

Испанский! Ну и ну, этого следовало ожидать. Все те годы, что Мария жила в немилости, единственным ее другом оставался испанский король, племянник ее матери. А теперь Испания устами королевского посланника может потребовать, да и наверняка потребует, платы за эту поддержку.

А разве у испанского короля нет сына? Господи, неужели ветер задул с этой стороны?

А Ренар – Ренар-Лис? Настоящий испанский дон с блестящей черной макушки до гнутых каблуков на тонких кожаных башмаках, в облике – ничего лисьего. Но все равно он лис, если я что-нибудь смыслю в людях. А кто я, если не беззащитная овечка? Однако я должна превзойти его в лисьей хитрости – превзойти их обоих!

– Сестра, я хотела бы, чтоб вы хорошенько обдумали свое поведение при дворе.

Мария умела нагнать страху, благо сама натерпелась его немало. Я должна вместе с ней идти к мессе и прилюдно участвовать в богослужении по римскому обряду. Я рыдала, молила, извивалась, как рыбина на крючке.

– Моя ли вина, – всхлипывала я, – что меня не учили доктринам старой религии? Как могу я пойти к мессе без веры?

Мария обожгла меня улыбкой:

– Если будете ходить к мессе, то вера придет!

Я зарыдала громче:

– Потерпите, мадам… дайте мне время. Мария заколебалась – она не любила причинять боль. Однако испанец тронул ее за рукав, что-то шепнул на ухо, и она резко выпрямилась. «Остерегайтесь, мадам, – различила я его шепот, и взгляд, брошенный в мою сторону, говорил, что это намеренно. – Помните, что она – дочь шлюхи, которая блудила со своим лютнистом! Я чувствую в ней дух очарования, направленный против вас и истинной веры».

Мария вспыхнула. Он затронул ее глубочайший страх, разбудил ее глубочайшую ненависть.

– Вылитая мать! – произнесла она со злобой, и моя судьба была решена.

– Это воскресенье – тринадцатое после Троицы, праздник Рождества Пречистой Девы Марии, священный день для нас обеих, торжество девственниц, – гневно объявила она. – Я приказываю, чтобы вы были на моей мессе, здесь, в Гринвичской церкви. Откажетесь, и вам несдобровать!

Я кивнула – а что мне было делать? Глаза Ренара сверкнули ироничным довольством.

Что мне было делать?

– О, Кэт!

Едва добравшись до своих покоев, я разразилась слезами – на этот раз вполне искренними, а не теми крокодиловыми, которыми я пыталась разжалобить Марию. Однако пришлось взять себя в руки и готовиться к неизбежному.

То воскресенье шло сразу за моим днем рождения. «Двадцать лет, мадам!» – умилялись Парри и Кэт, но мне было не до веселья. Как рассказывала Парри, король, узнав, что вместо обещанного сына родилась я, обезумел от гнева. Осыпая ругательствами лже-астрологов и болтливых повитух, он отменил все назначенные торжества и, как Ахилл, гневно удалился в шатер. Когда он все-таки пришел навестить королеву, то разогнал слуг, и что между ними прозвучало, знают лишь они сами – да еще Великий Шутник, наблюдавший за ними с небес.

Впрочем, королевской гордости я обязана пышными

крестинами, которые имели место тремя днями позже, в Гринвичской церкви, где за двадцать четыре года до этого Генрих венчался с Екатериной Арагонской. Если ее рассерженный дух и витал под сводами храма, я этого не заметила. По приказу короля весь Лондон озарился праздничными кострами, вино лилось рекой, народ плясал на улицах. Колокольни звонили во все колокола, монахи в соборе святого Павла пели «Te Deum»[3]. Лондонский мэр и олдермены, в золотом и алом, прибыли в Гринвич на барках, чтобы приветствовать новорожденную принцессу.

Даже если б родился принц, церковь не могли бы убрать более пышно. Многовековые камни пола устилали тирские ковры, от горящих жаровен поднималось тепло и аромат. Потолочные балки обвивала золотая и серебряная парча, по стенам радовали глаз новые яркие шпалеры.

– И вот вдовствующая графиня Норфолк, вельможная родственница вашей матушки по линии Говардов, внесла младенца, – продолжала с увлечением Парри. – Следом шел отец Анны – он нес шлейф крестильного платья, многие ярды обшитого золотой бахромой королевского пурпура, в котором только что не тонула трехдневная малютка, покоящаяся на белой атласной подушке на руках у старой герцогини.

Возле купели ждал епископ Лондонский со святой водой и елеем. Оглушительно запели монахи, сладкий запах ладана и благовоний ласкал обоняние, сердца собравшихся затрепетали.

– В добрый час. Ребенок родился в добрый час! – рыдал старый лорд Фэйрфакс, который полстолетия назад маленьким мальчиком сражался на Босвортском поле. Тогда он держал знамя и весь день тонким детским голоском выкрикивал: «За Тюдора! За Тюдора!» Теперь тонким от старости голосом он затянул песнь святого Симеона Богоприимца:

Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром[4].

Вскоре старый лорд умер, блаженно улыбаясь и бормоча о славе Англии. Быть может. Господь и впрямь ненадолго отдернул завесу и дал ему увидеть грядущее сияние? Однако, сказать по правде, в тот день в храме все были охвачены благоговейным восторгом – впервые за восемнадцать лет, прошедших с рожденья Марии, к купели принесли живого младенца Тюдора.

– Я нарекаю дитя – Елизавета! – нарушил тишину зычный голос епископа.

Выстроившиеся вдоль стен телохранители зажгли факелы, жаровни и огласили своды громовым «ура!», в то же время мне в крошечный кулачок вложили горящую свечку. Герольдмейстер

Ордена Подвязки вышел вперед и возгласил: «Господь в Своей бесконечной милости да пошлет многая лета и благоденствие нашей могущественной принцессе Елизавете!» И все кричали и кричали, так, что звенела кровля. Потом лорды и леди, вельможи и вассалы, купцы и курьеры вернулись во дворец по завешанным коврами, усыпанным свежим тростником и майораном переходам, на крестильный пир, где вино и сладости, холодные паштеты и горячая кутья подавались с королевской щедростью и радушием. «Никто не испытывал нужды ни в чем, – писал французский посол своему королю. – и все, почтенные приглашением, разошлись довольные».

Кроме одного.

Моего отца.

Короля не было на торжестве.

Мать не решилась выйти из своих покоев, опасаясь родильной горячки.

Но отец не почтил своим присутствием, ни крестины, ни последующий пир. За всей торжественностью, за всем великолепием, за всем хлебосольством он не сумел скрыть разъедающую его сердце злобу – которая постепенно перерастала в черную ненависть, сулящую разрушение и смерть, грозу, которая вот-вот должна была разразиться по всему королевству, сея ужас и разрушение…

А Мария подрастала в свой черед…

Как ни старались отвлечь меня Парри и Кэт, с приближением назначенной на то черное воскресенье мессы меня охватывало все более глубокое отчаяние. Что делать? Надо идти. Однако ради моей веры надо показать, что я иду против воли, но в то же время не навлечь на себя гнев Мариин.

Что делать?

Уже не в первый раз меня выручила Природа. Я проснулась от сильной колики в желудке, и к тому времени, когда мы двинулись к дворцовой церкви, могла без всякого притворства взывать о помощи и поддержке. «О, помогите мне! Потрите мне живот!» – просила я идущую рядом со мной добрую леди Браун. Кэт и Парри поддерживали меня сзади.

По быстрым взглядам и еле заметным усмешкам окружающих я поняла, что мое отнюдь не немое представление замечено. И знала, что теперь начнет передаваться из уст в уста: принцессу Елизавету принудили пойти к мессе, но она шла с большой неохотой, и сама мысль вызывала у нее дурноту.

Игра увенчалась успехом. Мария так радовалась моему «обращению», что прислала брошь с рубинами и алмазами и свои собственные резные четки из белого коралла. И, благодарение

Богу, ее расположения ко мне хватило до самой коронации. Она вновь сделала меня второй дамой в королевстве, осыпала алмазами, которые мне предстояло надеть для торжественного шествия, велела выдать королевский отрез редкой белой иерусалимской парчи и другой парчи, серебряной, чтобы мой наряд на коронации по богатству почти не уступал ее.

По богатству – но не по царственности. В то время как я в своих непорочных одеждах изображала бледную принцессу-девственницу, сама Мария блистала королевским пурпуром, пышным, словно у царя Соломона или царицы Савской. Грудь и голова ее сверкали самоцветами, новая маленькая корона вспыхивала на солнце. С плеча к бедру сбегала церемониальная перевязь, а на ней россыпью падучих звезд теснились рубины и алмазы; аметисты и ограненные розочками алмазы выглядывали из каждой складки ее сплошь вышитой верхней юбки и огромных, подложенных ватой рукавов. Сами перстни, которыми были тесно унизаны ее пальцы, победно звенели, возвещая, что новая религия самоотречения, протестантизм, мертва, и на ее место вернулась прежняя, с ее бесстыдной роскошью обрядов и самовосхваления.

Вернулась сторицей?

Солнце палило вовсю, а я дрожала и мерзла.

Глава 16

Сходив к мессе, я угодила Марии: все видели, как королева-девственница и девственная принцесса вместе молились на празднестве Пресвятой Девы. Не обидела я и своих сторонников, тех, кто крепко держался новой веры и не собирался перекраивать свою совесть в угоду последней моде.

Однако в этой победе была и своя горечь. Коль скоро сестру королевы принудили смириться, всем ясно, откуда дует ветер. Кузены Фрэнсис Ноллис и Генри Кэри пришли проститься, у обоих на лицах было написано поражение. «Здесь не место для тех, кто исповедует истинную веру!» – хрипло прошептал Фрэнсис, стискивая мне руку в горьком прощании. Генри рыдал в открытую и попросил дозволения писать. «Хотя не знаю, что можно будет сказать открыто, миледи…»

Теперь на место их и прочих друзей, моих и Эдуарда, повылезали из нор Мариины паписты. Они праздновали победу. Больше других колола мне глаза старая графиня, о которой предупреждал Денни, мать единственного мальчика-Тюдора. Генри Дарили. Постоянно сопровождаемая своим десятилетним долговязым сынком, леди Маргарита Леннокс не пропускала ни одной мессы и вечно норовила протиснуться впереди всех, кроме Марии и меня, чтобы похвастаться королевской кровью. Глядеть на нее было не приятнее, чем целоваться с жабой, запах ладана явно заглушал что-то более мерзкое, я ненавидела ее всеми фибрами души, она отвечала мне взаимностью.

А так дорого купленная передышка оказалась недолгой. Когда в следующее воскресенье я под предлогом недомогания отказалась пойти к обедне, Мария в отместку понизила меня в ранге. Теперь я должна была сидеть ниже других особ королевской крови! Мне приходилось расшаркиваться и приседать перед старой толстой Фрэнсис Грей, моей четвероюродной теткой и матерью осужденной изменницы Джейн, и, что еще хуже, склоняться и приседать перед торжествующей графиней и ее гаденышем. Гордость моя была уязвлена, и Мария это знала.

И это было только начало. В следующем месяце испанский посол Симон Ренар и лорд-канцлер, ненавистный Гардинер, протолкнули парламентский акт, в котором обвинения в незаконнорожденности снимались с Марии, но зато подтверждались в отношении меня.

Снова незаконнорожденная – в который уже раз?

И каждый новый удар больнее.

Однако во всем остальном парламент решительно отказывался идти у Марии на поводу. Потому что все видели, как Ренар втерся к ней в доверие и дает советы по любому поводу. И все не хуже моего знали, что у Его Католического Величества короля Испанского есть сын, весьма завидный жених, недавно овдовевший инфант Филипп…

– Она не выйдет, не может выйти замуж за иностранца и паписта! – бушевали горячие головы на каждом углу. Однако все понимали, что королева выйдет замуж – после долгого, одинокого, безрадостного девства она всем сердцем стремилась к браку.

И не просто выйдет – должна.

– В нашей истории не было царствующих королев, – сокрушался Сесил в личной беседе со мной – Господи, сколько мне еще слушать эту старую песню? – А те королевы-супруги, что нами правили, приносили нам только смуту!

– Смуту? – Мне не понравилось слово. Он беспомощно потряс головой.

– Свирепая Матильда и та не сумела удержать трон – она породила гражданскую войну и жестокое безвластие. Пока Ланкастеры воевали с Норками, две королевы-супруги узурпировали мужскую власть, и страну захлестнула кровь! Нельзя допустить повторения! Спору нет, королева должна выйти замуж – нам нужен принц! А для этого необходим король, но только, ради Бога, не сын испанского короля.

В одиночестве я обдумала его слова. Если бы дело было только в Марииной вере, то Кортни – католик. Однако правитель вплетает в государственную ткань не только одну нить. Она обещала парламенту не выходить за иноземца. Значит, Кортни? Я не завидовала ее выбору. А ей было уже тридцать восемь, ее время уходило быстро, быстрее, чем виделось со стороны, но не настолько быстро, чтобы остановить реки крови, реки огня…

За множеством хлопот и треволнений Мария тем не менее находила время бороться с дьяволом за мою душу. Неделями мы ссорились и препирались, она то подкупала меня алмазами, то грозила опалой и даже хуже, если я не смирюсь. При дворе я была бессильна и понимала, что единственный путь для меня – отступление. Пока Мария металась от одной крайности к другой, я все твердила свое: «Молю Ваше Величество о дозволении уехать к себе».

Наконец она сдалась, и я отправилась в Хэтфилд. Новое зимнее путешествие отнюдь не прибавило мне веселья. Мария – восходящее солнце, а я кто – закатившаяся звезда? Мы добирались до Хэтфилда словно разбитые в бою солдаты,

которым предстоит восстановить силы или потерять все. Однако и в Хэтфилде мне не удалось укрыться от интриг Марииного двора. Не прошло и недели с моего приезда, как нас посетил гость.

– Сэр Джеймс Крофтс к вашим услугам, принцесса! – представился он с низким поклоном.

– Что вам угодно, сэр Джеймс?

В последний раз я видела его в Уонстеде в числе тех, кто поздравлял Марию с восшествием на престол. Жилистый, низкорослый, он был придворным моего брата; больше я о нем ничего не знала. Однако, преклонив колено и целуя мою руку, он сдавил мне пальцы, заглянул в глаза и прошептал:

– Отпустите всех, кроме самых доверенных служителей, миледи, – то, что я должен сказать, предназначено только для ваших ушей.

Не первую ли встречу с милордом Сеймуром, не его ли вольность в обращении с моей рукой напомнило это пожатие? Меня прошиб озноб. Даже в Хэтфилде у стен есть уши. Я кивнула.

– Давайте поговорим в парке.

На улице было сухо, солнце мужественно пробивалось сквозь тучки, никто не мог подслушать наш разговор.

– Итак, сэр?

Его голос дрожал от ярости.

– Ваша сестра обнародовала свой выбор. Она нарушила данное парламенту обещание – английским королем-супругом станет Филипп Испанский!

Горчайшая новость для каждого англичанина. Я чуть не потеряла дар речи. Он гневно продолжал:

– Наша страна окажется в подчинении у Папы и Испании, станет форпостом Священной Римской Империи! Англия этого не потерпит! Это недопустимо!

Мои губы напряглись.

– Что должно быть, будет.

– Есть лекарство. Лекарство.

«Но не для Марии», – слышалось в его тоне. Что, заговор против нее со мной в качестве пешки?

– На все воля Божья. Он снова вспыхнул.

– Однако если народ встанет на свою защиту… поднимет оружие за правое дело… разве это будет против Божьей воли. Его заповедей?

Я почуяла недоброе.

– Замолчите!

– Выслушайте меня, мадам! Если вас позовут править… спасти новую веру от гнусностей старой…

– Господь может позвать меня, как позвал мою сестру… препоручаю все Его мудрости!

Я пошла прочь, не слушая больше ни слова. Я чуяла заговор, чувствовала дуновение холодного ветра от его смертоносных крыл, реющих близко, до опасного близко. Если догадка моя верна, даже говорить об этом – измена.

Непрошеный секрет все равно что поцелуй постылого ухажера. Я не могу, не буду посягать на дочь моего отца и законную королеву! Однако безопасно ли оставаться в неведении? Нет, надо все разузнать. На следующий день я отправила вдогонку Крофтсу верного Чертей с поручением прощупать нашего посетителя и как можно скорее сообщить мне новости.

Через два дня вернулся мрачный Джон.

– У сэра Джеймса тайная квартира в Лондоне, в неприметном доме за Поултри, далеко от двора. Джентльмены приходят туда по двое, по трое, прикрыв лица и низко надвинув шляпы. Но всех их я знаю.

– И кто же они?

– Это сэр Вильям Томас, он был клерком совета при вашем батюшке и теперь боится возрождения папизма. Сэр Вильям Пикеринг служил при нашем посольстве во Франции и страшится испанского господства. Сэр Николае Трокмортон преданно служил вашему брату; он говорит, что не позволит свести на нет усилия доброго короля. А сэр Томас Уайет страшится брака королевы с испанцем; он утверждает, что при жизни его отца, ничего хорошего не вышло из брака короля с арагонской инфантой, и клянется отцовской памятью, мадам, что посадит на престол дочь Анны Болейн! Уайет.

– Значит, он их вожак?

– Да, миледи.

Уайет!

У меня сжалось сердце: все возвращается на круги своя! Я знала этого Уайета, я и сейчас видела его на ночной гулянке с моим покойным лордом Серреем и Вильямом Пикерингом в ту ночь у Темзы. Но я слышала и многое о другом Уайете, носившем эту фамилию прежде него: отец нынешнего Уайета любил мою мать.

Стоило ей впервые появиться при дворе, как мужчины устремились к ней, словно мотыльки на огонь. Еще до того, как король, ослепленный личным горем, ее заметил, она успела подпалить крылышки двум лучшим молодым придворным.

– Осторожнее, дочка, юный Гарри Перси положил на тебя глаз, – предостерегал ее отец, умный Томас Болейн.

– Глаз? – со смехом отвечала она. – Скажите уж, все сердце! Он клянется мне в любви!

Как и сам король, Гарри Перси, наследник одного из древнейших северных графств, полюбил ее с первого взгляда. И если б не ненависть отца к выскочкам Булленам – так назывались они до того, как переделали свою фамилию на французский манер, – ни за что бы с ней не расстался.

Другому ее обожателю тоже пришлось изведать горечь разлуки. Юный поэт, сын кентских соседей Болейнов, Том Уайет полюбил Анну еще в детстве. Теперь ему пришлось поневоле уступить ее королю.

Доведенный любовью до исступления, он рискнул жизнью, скрестив с августейшим соперником клинок гневного стиха:

Стрелок, я к лежке лани приведу!
Что ж до меня, я выхожу из гона…
У лани по ошейнику горят
Алмазные слова предупрежденья:
«Noli me tangere», я цезарева стада.

Noli me tangere – не тронь меня. Уайет никогда ее больше не видел. Вынужденный жениться на нелюбимой, отправленный королем на чужбину, он сгинул молодым, оставив после себя лишь одного сына, мальчика Тома.

А теперь юный Уайет решил посадить на английский престол дочку Анны Болейн, чтобы таким образом отомстить за разбитую отцовскую любовь?

– Когда они хотят это сделать? – прошептала я, не разжимая губ.

– На Вербное воскресенье, мадам, в этот день в Англию должны прибыть испанский инфант и его свита. Народ будет гулять, дороги опустеют, ничто не помешает мятежникам войти в Лондон. Но боюсь…

– Чего же?

– Заговор течет, как решето! – с жаром произнес Чертей. – Сейчас декабрь – до марта что-нибудь да просочится наружу!

Он оказался прав. Мы получили всего три недели передышки – если можно назвать передышкой тревожные дни и пронизанные страхом ночи. На исходе третьей недели из Уайтхолла прискакал падающий от усталости гонец – он привез вести от того же доверенного человека, что сообщил мне про кончину Эдуарда.

– Все кончено… они проиграли.

Рассказ был короток. Совет проведал о заговоре, мятежникам пришлось выступать немедленно, слишком рано. Их не спасли и

два громких имени. Первое – лорда Генри Грея, герцога Сеффолка, который усмотрел в этом последнюю возможность усадить на престол свою дочь Джейн. Вторым был не кто иной, как отвергнутый король-супруг Эдвард Кортни, который решил все-таки сделаться королем, но с другой королевой, а именно – со мной.

Итак – королева Елизавета, жена короля Эдварда?

Я должна была придать красоту и завершенность их замыслу: соединить последнего Плантагенета с последней Тюдор – значило бы довести чистоту английской королевской крови до последнего возможного градуса – цель, достойная такого риска. Кто бы все-таки занял престол, удайся их восстание, – я или Джейн? Они и сами не знали.

А теперь? Гонец повертел в руках забрызганную грязью шляпу и ответил:

– Народ остался верен королеве Марии, восстание подавлено. Сэр Томас Кортни, герцог Сеффолк и прочие мятежники в Тауэре. Идут поиски тайных пособников.

Пособников.

Я не участвовала в заговоре. Но это меня не спасет – ведь я была в самом центре изменнических планов!

Вот теперь мне стало по-настоящему страшно, как и тогда, когда лорд Сеймур впутал меня в свои предательские козни. Дрожа, я позвала Кэт и легла в постель.

Однако я уже знала – спрячься я хоть в мышиную нору, меня оттуда вытащат.

И вытащили. Весь дом услышал тяжелую поступь вооруженных людей за десять миль по дороге. С ними прибыли посланцы Марии, тайные советники, с приказом отвезти меня в Лондон. Пришлось сказаться больной; Мария это предвидела и прислала своих врачей. Я просила времени привести в порядок свой дом – мне отказали, при этом лорды обменялись такими взглядами, будто говорили: «И не спрашивайте, когда вернетесь домой».

Тут мне действительно стало дурно. Живот раздуло, я не могла сесть на лошадь. Неважно: добрая королева прислала свои личные носилки. «Угодно ли Вашему Высочеству приготовиться к отъезду в Лондон – немедленно?»

Я поняла: теперь я пленница, такая же как кузина Джейн. Мы выехали на следующее утро, когда вспыхнул первый проблеск зари и вместе с ним погас последний проблеск надежды. Перед поворотом на большую дорогу я не посмела даже оглянуться – когда-то я вновь увижу тебя, мой милый, милый Хэтфилд?

Когда этим страшным февралем я въезжала в Лондон, другая

покидала его – та, кому невиновность до поры служила защитой, но лишь до поры. Бедная, несчастная девятидневная Джейн, – казнить только за то, что честолюбивый отец вновь провозгласил ее королевой.

Однако и сейчас Мария готова была ее простить, она никогда не убивала своих личных врагов, только Божьих. Удастся ли Джейн избежать топора? В ту ночь под стражей в одном из самых мрачных покоев Уайт-холла я и сама была ни жива ни мертва от страха и все же плакала и думала только о Джейн – ее судьба самозваной королевы может стать и моей.

Весть принес Чертей, когда пришел прислуживать мне за ужином. Я отодвинула блюдо с вареной зеленью, поставленное передо мной Кэт, схватила кубок и уставилась на кроваво-красное вино. Лицо Чертей было красноречивее всяких слов.

– Значит, она умерла? Как?

Голос его осип, словно от простуды.

– Очень мужественно, мадам, в отличие от своего мужа Гилдфорда, который кричал и плакал, пока его волокли на эшафот. Но она умерла, как…

Как королева.

Сумею ли я умереть так же?

И придется ли мне?

Если они докажут, что я знала о заговоре Уайета, меня отправят на эшафот вслед за Джейн раньше, чем ее кровь высохнет на топоре! Первую попытку сделал мой старый недруг Гардинер, который направлял Марию в совете, как Ренар – в ее личных покоях. Он вошел ко мне, облизывая толстую нижнюю губу, и я поняла: он считает, что я уже у него в зубах. Его улыбка смотрелась приглашением на кладбище.

– Итак, мадам Елизавета, приступим? Господи, как я его боялась! Боялась и ненавидела. А как ему нравилась его работа! День за днем он играл со мной в кошки-мышки, и все это время я знала, что Уайету выкручивают сустав за суставом, добиваясь показаний против меня. И вот пришел день, когда сияющий торжеством Гардинер победно объявил:

– Предатель Уайет сознался, что вы знали и одобряли его замыслы! Я была к этому готова.

– На дыбе вам скажут что угодно. Я невиновна!

Он был глух.

– Вам остается лишь молить Ее Величество о снисхождении… Как Джейн?

– ..и просить прощения за ваши гнусные злодеяния.

– Как может невинный просить прощения за то, чего не совершал?

И так далее, и так далее. Разве могла я винить Уайета? Даже если б он ничего не сказал, даже если б против меня не нашлось и одного свидетельства, то и тогда мне было не видать безопасности и свободы.

Тени сгущались день ото дня. Когда Уайета вели на суд, народ открыто его приветствовал. В Лондоне разбрасывались листовки и слагались баллады, где он провозглашался героем и мучеником. В Истчипе случилось чудо – говорящая стена (Бог знает, кто за ней прятался) громко произнесла:

– Да здравствует королева Мария! Молчание.

– Да здравствует принцесса Елизавета!

– Аминь! – последовал ответ.

– Что такое месса? – спросил голос. Шепот:

– Идолопоклонство!

– Берегитесь идолопоклонства! – жутким голосом предостерегла стена. Потом она принялась вопить:

– Испанцы! Испанцы идут! – покуда жители не разбежались в страхе.

Хуже всего была история с собакой. Дохлую дворнягу, одетую в шутовское подобие монашеского платья и с выбритой тонзурой, забросили в окно Мариинои опочивальни. Королева молилась в одиночестве: от страха и отвращения ее начало рвать, и рвало, пока она не лишилась чувств. Теперь Мария окончательно уверилась, что по стране бродят Антихрист и его темные приспешники, а значит, надо со всей суровостью гнать его прочь.

Поскольку Нортемберленд, Сеффолк, Уайет, Джейн и Кранмер – все ее противники-еретики – были либо казнены, либо томились в тюрьме, оставалась одна я. А приезд ее «мужа» (она мысленно обвенчалась с Филиппом в тот же миг, как решила, что Бог назначил им соединиться) ожидался со дня на день, и она желала приветствовать его на Священной Римской земле, а не в гнусном гнездилище еретиков.

Все эти недели я сидела взаперти, а тьма вокруг сгущалась, сгущались страхи. Я жила глухим жужжанием слухов и крохами несвежих сплетен, за отсутствием другой пищи днем, и ночью пережевывала их высохшие кости.

«Епископ Гардинер намерен уловить вас в сети и подвести под топор палача, – говорили сегодня, – ибо он видит в вас дьявольский камень преткновения на пути восстановления старой веры!» А назавтра шептали: «Вы нужны королеве живой, чтобы показать инфанту Филиппу, что и величайших еретиков возможно вернуть в лоно Матери-Церкви!»

Кому верить? Что мне назначено – жить или умереть? Я знала одно, что не хочу умирать! Отчаяние превратилось в моего

каждодневного спутника. И все же я оказалась не готова к тому мгновению, когда мой враг Гардинер вошел, хлопая полами длинного одеяния, словно огромная черная летучая мышь.

– Отошлите женщин!

Кэт, Парри и горничных вытолкали вон. Вслед за Гардинером вошли главные тайные советники: лорд-казначей Полет, лорд Бедфорд, граф Сассекс, лорд Паджет и даже мой родич Говард, а с ними еще человек десять.

Комната наполнилась мужчинами, их мехами, шляпами, сапогами – воздух сперло от запаха власти. У них были повадки палачей и такие же глаза. Гардинер дождался своего часа. Его так и распирало от радости, он только что не брызгал ядовитой слюной. Я чувствовала, что его челюсти смыкаются на моей шее.

– Королева повелела, чтобы вас препроводили в Тауэр.

Глава 17

Conserva me, Domine… Храни мя, Господи, яко на Тя уповаю…

Чертей сказал, что Джейн, обнимая плаху, твердила «Miserere» – так молятся все погибающие:

miserere mei, Dens, помилуй мя. Боже, помилуй мя…

Помилуй мя… (Пс.56, 2)

А что до тебя, черная шапка, черное сердце, черный епископ, певец псалмов сказал и про тебя:

Quis gloriaris, tyranne saevissime? Что хвалишься злодейством, сильный?

Что хвалиться… (Пс.51, 3)

Гардинер вышел. Я осипшим от страха голосом прошептала ему вслед:

– Дозвольте мне увидеть королеву! Тишину нарушил лорд-казначей Полет:

– Королева предвидела вашу просьбу и отказала заранее.

Я оглядела их каменные лица, надеясь найти хоть проблеск жалости. Грустные глаза Говарда, казалось, говорили: «Я ничем не могу вам помочь». Рядом с казначеем стоял лорд Сассекс, дальше Паджет, склизкий секретарь совета времен моего отца. Не они ли провожали Джейн в ее последний путь?

– Тогда позвольте мне ей написать. Полет покачал головой.

– Идет прилив, на реке ждет барка из Тауэра. У вас нет времени писать.

Граф Сассекс тяжело переступил с ноги на ногу.

– Милорд! Право каждого….. осужденного?

– ..каждого подданного обратиться к своему монарху!

Послышался одобрительный гул. Они вышли, я села за стол и взяла перо. От того, что я сейчас напишу, зависит моя жизнь – но что сказать? Спасти меня может лишь моя невиновность, в которую никто не верит, – в противном случае меня бы не отправили в Тауэр.

Однако что писать: «Пощади меня, сестра, ради всего святого! Я не хочу умирать»?

Я заплакала и плакала довольно долго.

Внезапно меня осенила слабая догадка. Если протянуть время, мы пропустим прилив. Может быть, за ночь ее сердце смягчится?

Но даже если я напишу, увидит ли она письмо? Призраки обступили меня, они шептали:

«Нет». Лорда Сеймура обрек на смерть собственный брат, как

меня – моя сестра; я твердо знала, что его последнее письмо так и не передали по назначению.

И еще более печальный призрак женщины, которой, как и мне, не исполнилось и тридцати и которая, как и я, проделала этот путь, чтобы не вернуться.

Лорд Говард – дядя моей матери, вспоминает ли он сейчас о ней, как вспоминаю я?

Из-за двери доносились голоса лордов. Винчестер, похоже, был доволен. «В конечном счете, когда леди окажется в Тауэре, все вздохнут спокойнее».

– Надо надеяться, ей там будет безопаснее, и от врагов, и от обвинений в заговоре! – спокойно отвечал лорд Говард. Значит, он сохранил родственные чувства ко мне, раз думает об опасности, которой я подвергаюсь.

– Однако нам следует быть осмотрительными. – Судя по голосу, Сассекс больше других тяготился своей сегодняшней ролью. – В ней течет королевская кровь, и, кто знает, может быть, она будет нашей следующей королевой.

Паджет негромко хохотнул:

– Это уж зависит от того, насколько королева Мария будет плодовита в браке. Если она родит, наша молодая особа останется не более чем воспоминанием истории.

Сассекс не сдавался:

– Однако она по-прежнему дочь короля. Паджет фыркнул:

– Королева в это не верит!

Может быть, в этом все и дело? И за это меня казнят? Если Мария действительно считает меня дочерью лютниста и потаскухи, моя песенка спета!

Довольно! По крайней мере я попытаюсь вести себя, как дочь Гарри! И, как я и надеялась, к тому времени, когда письмо было закончено, начался прилив. Теперь меня могли отвезти в Тауэр лишь на следующий день. Переменит ли Мария решение?

Тщетная надежда! Назавтра Полет и Сассекс вошли в мою комнату, лица у обоих были суровые.

– Ваше письмо не только не смягчило королеву, – мрачно сообщил Полет, – но и подлило масла в огонь. В наказание вся ваша свита распущена, за исключением двух-трех джентльменов. Что до ваших личных нужд, с этого времени вам будут прислуживать несколько горничных самой королевы.

У Джейн тоже отняли ее служанок, перед эшафотом чужие руки снимали с нее платье и оголяли шею для топора…

– Сюда, госпожа.

Я в отупении чувств позволила вывести себя к причалу, возле которого ждала темная барка. Близился вечер, дождь,

беспросветный, как мое горе, стучал по земле и по воде. От ступеней Уайтхолла было видно не дальше чем на пятьдесят ярдов, я стояла словно на краю света, все было черно и безотрадно.

Так ли чувствовала себя Анна в своем последнем путешествии? В этом бесформенном мире время остановилось, ощущался лишь мерный ритм вздымающихся и опускающихся весел, гребок за гребком уносящих мою жизнь. И по-прежнему шел дождь, словно Господь снова, как в дни Великого потопа, открыл хляби небесные, земля и воздух слились за рушащейся с неба стеною ливня. Из мглы левиафаном возникал Тауэр, жуткое черное чудище притаилось в засаде, готовое меня поглотить; и вот, прямо впереди, низко над водой. Ворота Изменников, разверстая пасть со смертоносными железными зубьями, которые сейчас опустятся и захлопнутся за мной, как ловушка.

Ворота Изменников…

…последний взгляд на мир…

У меня вырвался стон:

– Я не изменница! Я не войду в эти ворота! Лорд Полет покачал головой.

– Леди Елизавета, это решаете не вы.

Гребцы развернули лодку боком к течению и направили ее под решетку. Запертый стенами плавучий мусор качался на волне, то всплывая, то погружаясь, и мне подумалось: вот она, моя жизнь. Дохлый пес, безглазый, безволосый, воняющий падалью ударился о нос барки. После дороги под дождем мне казалось, что я промерзла до костей. Но едва мои ноги коснулись каменных ступеней пристани, как их пронзил такой смертельный холод, что я вскрикнула.

Я двинулась вверх, нащупывая ступени ногами, потому что глаза мои ничего не видели от слез. Там, где кончалась лестница, темная арка открывалась во двор. Камни были черные и блестящие; в сумерках казалось, что на них выступает кровь всех замученных здесь за последнее тысячелетие.

У дальней стены мощеного двора стояли стражники и комендант, в сгущающейся тьме алые мундиры казались кроваво-багровыми. Как всякий зверь в воротах живодерни, я почувствовала запах смерти. Ноги у меня подломились, и я с плачем села на землю.

Позади раздался испуганный вздох.

– Мадам, что с вами? – спросил кто-то из моих джентльменов. Я не выдержала.

– Ничего, кроме того, что я невиновна! – вскричала я. – Я – самая верноподданная из всех, кто когда-либо сюда входил! Пусть

Бог будет мне свидетелем, иных друзей у меня не осталось!

Комендант, человек учтивый, торопливо подошел ко мне.

– Мадам, умоляю вас, встаньте, идемте, – убеждал он. – Сидеть здесь опасно для вашего здоровья!

– Лучше я буду сидеть здесь, чем еще где-нибудь, – взорвалась я, – ибо думаю, что я скорее умру внутри Тауэра, чем снаружи. И я взвыла от горя и безнадежности. Вдруг между стражниками протиснулся мой церемониймейстер Вайн, опустился на колени на каменные плиты рядом со мной, без шляпы, в слезах. Его редкие волосы и черные шелковые чулки повисли от грязи и дождя, по старческому лицу бежали слезы.

– О, мадам, мадам, если б я мог отдать свою жизнь вместо вашей или принять на свое тело ваши мучения, – рыдал он, – с какой радостью я бы это сделал!

Бедный, бедный Вайн! Разве можно огорчать таких верных друзей? Я с усилием поднялась.

– Не плачьте, добрый сэр! – произнесла я как можно тверже. – У вас еще будет время плакать, когда вы узнаете, что я заслужила наказание – то есть никогда! Идемте за мной.

Комендант поклонился.

– Сюда, Ваше Высочество – в Колокольную башню.

Колокольная башня – Робин был (или есть?) в Бошамп, следующей башне вдоль стены… О, Робин, раз начались гонения на протестантов, долго ли сыновьям Нортемберленда оставаться в живых?

Едва мы двинулись, ряды стражников смешались, и вскоре вся стража уже стояла на коленях. «Господь да хранит принцессу Елизавету!» – послышался хриплый выкрик, остальные нестройно подхватили. На мгновение я ожила. Но тут впереди выросла Кровавая башня, за ней Тауэрский луг, а на нем… На нем… Огромный, черный в сгущающейся темноте – о. Господи, помилуй, я не хочу умирать! – высился грубый остов эшафота. Я поняла, что чудовищная машина смертей только набирает ход.

Дверь камеры захлопнулась – я стала пленницей.

Mortem ubi contemnas, писал Публий Сириец, viceris omnis metus: если ты научился презирать смерть, ты победил все страхи.

Теперь я могла в последний раз посмеяться над старым пугалом, старым костяком с косой, чьих объятий я столько раз избегала, от чьих мертвящих поцелуев до поры до времени уворачивалась… но потом… о. Господи, потом…

День за днем я ходила рядом со смертью, она стала моей близкой подругой. Она преследовала меня днем и ложилась со мною ночью, она сосала у меня под левой грудью, где сердце. А покуда смерть обхаживала меня. Мария заигрывала с жизнью.

Она была готова встретиться с женихом и впервые за сорок лет ощутила исступленную, запоздалую жажду жизни и любви. Она была влюблена в любовь, и в этом таилась величайшая для меня опасность. Гардинер и Ренар каждый день убеждали ее, что, только казнив меня, она получит в свои объятия желанного мужа. Ибо, пока я жива, пока народ любит во мне дочь моего отца и единственный живой светоч его веры, королева, говорили они, не может быть уверена в завтрашнем дне.

И медленно, как паук, Мария расчищала Филиппу путь. Немудрено, что я дрожала за свою жизнь, когда февраль шел по отрубленным головам и март по колено в крови! Отец и дядя Джейн взошли на эшафот у Тауэрских стен, один за другим сложили головы все, кого увлекли безумные и беззаконные фантазии Уайета.

Лишь одна ниточка надежды еще держалась. Мария пощадила Кортни, не решилась пролить ни полкапли его королевской крови. Итак, предполагаемый король, мой без пяти минут муж, был выслан умирать на чужбину. Значит, как Плантагенет, так и Тюдор? Может быть, я уцелею?

Однако из своего окна я по-прежнему видела безжалостный эшафот. И когда я спрашивала коменданта, почему его не убрали, сэр Джон отвечал:

– Он еще нужен.

Сидя взаперти дни и ночи напролет, я видела лишь Мариины слуг – слуг или шпионов. Женщины, которых она мне прислала, все, как на подбор, были враждебные мне папистки, уродливые, ядовитые, они убивали меня своей католической добротой, доводили до тошноты беспрерывными громкими молитвами о моем покаянии. У одной было лицо помоечной крысы, у другой – нос настолько изъеденный оспой, что крошился, словно кусок сыра, третья от старости давно забыла, мужчина она или женщина – уже и не человек вовсе, а скрюченный древесный корень. Только Мария могла держать при себе таких отвратительных ведьм!

Мои джентльмены по-прежнему были при мне, но нас никогда не оставляли с глазу на глаз; даже словечка они не могли шепнуть мне без ведома тюремщиков. Я мечтала о весточке от Робина, мне было бы легче, знай я хотя бы, что он рядом. Однако жив ли он? Я не знала.

Я не знала ничего за пределами своих четырех стен. Тесная сводчатая комната, где меня заперли в первую же ночь, стала моим миром – или моей могилой, – и один Бог знал, выберусь ли я из нее!

Шесть женщин и я в запертой комнате дни и ночи напролет,

безвыходно – Господи, вообразите только! Прибавьте моих джентльменов и тюремщиков, да еще злобного Гардинера со свитой (а он при всяком удобном случае являлся меня запугивать), и вы поймете, что через неделю в камере стало нечем дышать. Три стульчака за перегородкой вдоль всей задней стены не вмещали в себя все наши нужды. К полудню ведра переполнялись, моча и кал расплескивались по полу, я разносила их по комнате башмаками, платьем, нижними юбками. И это я, всегда любившая самое чистое белье…

Вонь в камере стояла как на городской свалке, она пропитывала все; я приказала держать окна открытыми даже в самые холодные дни, но и северному ветру было не выветрить отвратительный запах.

Пришел веселый апрель для налетевших с моря чаек, для ласточек на Тауэрском лугу, для новых почек, для каждой прорастающей на воле травинки, но только не для меня. У меня болел живот, болела голова, болела душа. Я почти каждый день просила коменданта Тауэра, сэра Джона Гейза, разрешить мне прогулки. Он всегда отвечал одно и то же: «Мадам, я не решаюсь».

Теперь я почти все время проводила в постели. Как-то я проснулась от болезненного забытья и увидела рядом с кроватью сэра Джона. О, Господи, неужели у него приказ о моей казни? Неужели он пришел за мной? Неужели это мой последний час?

У меня остановилось дыхание. Однако он заговорил ласково:

– Новости, мадам, хорошие для вас, но уже не для него. Вчера казнен сэр Томас Уайет. Его последними словами были: «Леди Елизавета не участвовала в моем заговоре – она не знала о моих планах!»

– Благодарение Богу! – Я попробовала сесть, но перед глазами поплыло. – Теперь вы видите, что я невиновна!

– Я верю Вашему Высочеству, – произнес он медленно. – И если вы хотите завтра прогуляться, я распоряжусь, чтобы вас выпустили на стену.

О, благословенный аромат воздуха, ласкающая лицо и шею прохлада! Надсмотрщик распахнул маленькую дверь в конце уборной, я на пороге вздохнула всей грудью, пошатнулась и едва не упала. Мне пришлось ухватиться за женщин, так кружило голову, словно от хорошего вина. Неуверенно сделала шаг, другой, протиснулась в дверь. Впереди лежала длинная крепостная стена, свобода, о которой я не смела и мечтать. А вот и башня Бошамп со слепыми, подмигивающими глазами бойниц – видит ли меня Робин? Или я, как дура, грежу о человеке, которого уже нет в живых?

Не успела я пройти и десяти ярдов, как передо мною возник мальчик, так неожиданно, что он мог быть только ангелом или Божьим вестником. Утреннее солнце позолотило его рыжие кудряшки, когда он кивнул и, краснея, протянул мне охапку цветов.

От неожиданности я даже испугалась:

– Кто это?

Надсмотрщик широко улыбнулся:

– Сынишка здешнего тюремщика, леди; он бегает по Тауэру, где ему вздумается.

Я наклонилась к мальчику, чтобы взять букет, толстый пучок полевых цветов, зажатых в грязном кулачке.

– Ваши цветы бесценны для пленницы, сэр; скажите мне, как они называются?

Я узнала примулы, нежные фиалки и нераспустившиеся нарциссы, только-только выглядывающие из бурых пергаментных коконов. Но остальные цветы были с речной поймы или из прибрежного леса, где я никогда не бывала.

– Как называются? – Он взглянул на меня серьезными глазами семилетнего мальчугана и потянул за рукав, чтоб я нагнулась пониже:

– Примулы означают девичество, страстоцвет – крестные страдания, белые бутоны боярышника – верность в испытаниях: так научил меня джентльмен.

Я вздрогнула:

– Какой джентльмен? Мальчонка доверительно кивнул:

– Он.

В центре букета покачивал резными розовыми головками незнакомый цветок. Я сглотнула.

– Прости, я не знаю языка цветов. Как зовется этот?

– Этот? Робин-оборвыш!

Робин… Робин-оборвыш…

– Джентльмен из башни Бошамп? Мальчик с силой кивнул:

– Он. Лорд Роберт. Он там с братьями. Он дает мне деньги, каждую неделю с тех пор, как вас привезли, чтобы я узнал, когда вы выйдете на стену, и принес вам эти цветы.

– И ты караулил?

– Я подслушивал. А вчера в кордегардии сказали, что сегодня леди из Колокольной башни выйдет гулять. Так что на рассвете я побежал на луг и нашел все, что говорил милорд.

О, Робин, Робин, – что бы я послала тебе, будь у меня цветы? Анютины глазки – чтобы думать, потому что я думаю о тебе, и розмарин – для воспоминаний[5] – молю, любовь, помни…

Незабудки…

Ребенок исчез, я и не заметила как. Неважно, убеждала я себя, расхаживая по стене. Он еще придет. Робин об этом позаботится. Я ходила долго, пока вечерняя прохлада не начала пробирать до костей, – комендант обещал, что в мое отсутствие горничные проветрят комнату и вычистят каждый уголок. Когда я вернулась, все было как он обещал – если не чистота и благоухание, то по крайней мере стало лучше прежнего. Я подошла к окну. На душе у меня было легко, как не было ни разу со дня заточения.

На подоконнике лежал мой веер. Я взяла его и увидела, что под ним что-то лежит. Надо полагать, маленький посланец надежды незаметно для женщин проскользнул в комнату и оставил свой бесценный дар – маленькое, светлое, крапчатое и еще теплое на ощупь яйцо малиновки, которую в народе называют Робином.

Я сидела у окна, зажав в кулаке хрупкое сокровище. Снаружи захлопали черные крылья – один из Тауэрских воронов уселся на выступ за оконным переплетом. Он сидел так близко, что я могла бы пересчитать его иссиня-черные перья, чувствовала на себе косящий взгляд маслянисто-блестящего со зловещим металлическим отливом глаза. Я отпрянула и увидела за птицей цепочку идущих людей. Они шли по Тауэрскому лугу к эшафоту, и каждый нес тюк с соломой. Медленно они поднялись по ступеням, развязали мешки и принялись засыпать соломой покрытые черными пятнами доски.

Они готовят эшафот…

…готовят к…

…к завтрашнему дню…

Я не могла ни двинуться, ни продохнуть. В тишине раздался звук, который я научилась распознавать безошибочно, слишком безошибочно. За Колокольной башней, за Кровавой башней от причала у Ворот Изменников приближались вооруженные люди. Судя по звуку, такой же по численности отряд занимал позицию позади Тауэра, беря его в кольцо. Офицеры выстраивали солдат в шеренги по пять, по десять, солдаты поглядывали на мои окна – личная гвардия королевы, ее отборное войско.

У меня вырвался дикий смешок – сколько солдат нужно, чтобы отвести на казнь одну женщину? Или сестра считает меня ведьмой, думает, я могу нагнать на солдат сон и улететь по воздуху?

Я встала на трясущиеся ноги.

– Пошлите за комендантом Тауэра! Я хочу поговорить с сэром Джоном!

Одна из женщин поплелась выполнять поручение, другая

упала на колени на ближайшую молитвенную подушечку и громко забормотала по-латыни. Мы ждали в тишине, которая была хуже пытки. Наконец снаружи послышались шаги, вошел Вайн, вернее, его дрожащий призрак. Голос прошелестел тенью звука:

– Мадам, к вам комендант Тауэра! Ибо вошедший был не сэр Джон. Весь в черном, приземистый, прямой как шомпол, он поклонился и сказал, не опуская глаз:

– Сэр Генри Бедингфилд к вашим услугам, леди Елизавета.

– Где сэр Джон?

Он стоял передо мной, честный седой служака.

– Теперь вас стерегу я.

Осужденных на казнь всегда поручают другому человеку.

– Надолго ли?

– Насколько выйдет. – Он помолчал. Его маленькие глазки смотрели прямо на меня. – Я всего лишь исполняю приказы. А королева приказала сообщить вам, чтобы вы готовились провести в Тауэре последнюю ночь.

Глава 18

У него приказы – он им подчиняется. А теперь, согласно этим приказам, я должна умереть.

Всю ночь я молилась. Я не могла плакать, я выплакала все слезы, я молила Бога избавить меня от греха смертельного гнева, чтобы мне не умереть вот так, без суда и следствия. Пусть Бог меня судит – и люди. Я не писала писем, не корпела над завещанием. Моя жизнь пусть будет моей духовной. Это все, что у меня осталось.

Женщины ушли, я осталась одна. На заре, я знала, придут мои единственные присяжные, зловещие матроны, которые, как вороны, слетятся на мое тело, удостовериться, что я не беременна. Детскому телу Джейн пришлось вынести это последнее надругательство. Однако ей-то было вроде как не впервой, ею обладал муж. А мне-то! Я заранее чувствовала, как грубые руки и корявые старушечьи пальцы щупают мои нежные чресла, и всю утробу сводила болезненная судорога. Я молилась и о том, чтобы это выдержать.

Кто умирал в Тауэре? Их так много, всех и не перечислишь. Однако они были со мной в ту самую белую из бессонных ночей, весь легион неприкаянных, неупокоенных душ. Вильям, лорд Гастингс, которого горбун Йорк велел выволочь на казнь без покаяния – так торопился изверг увидеть голову врага еще до обеда.

И брат того же Ричарда, бедный юный Кларенс, утопленный в бочонке с мальвазией…

И добрый сэр Томас Мор, смятенный вихрем отцовского гнева… и печальный, обманутый Уайет, который сам навлек на себя погибель.

И другие, одного со мной королевского рода: малолетние принцы Эдуард и Ричард, убитые своим злодеем-дядей, все тем же горбуном, Ричардом Йоркским; их сестра Елизавета, моя бабка, в честь которой меня нарекли; Тауэр стал и ее могилой, она умерла от последних родов.

…кузина Екатерина, отцовская девочка-жена, и кузина Джейн…

…и моя мать, Анна Болейн…

Вороны раскричались перед рассветом, как раз когда пришли мои женщины. Я оделась тщательно во все непорочно – белое, начиная с исподнего, белейшего, какое у меня нашлось, до чисто-белой робы простейшего девического покроя, никаких драгоценностей, кроме молитвенника, волосы распущены по

плечам. Когда я наклонюсь поцеловать плаху, они будут моим последним покрывалом, скроют мое лицо.

Сэр Генри явился, бряцая доспехами, за ним следовали человек двадцать – тридцать стражников.

– Если вы готовы, миледи…

– Готова.

– Тогда будьте любезны выйти.

– Мне отказано в утешении веры? Я не могу поговорить со священником? Он нахмурился:

– Такого приказа не было.

– Сжальтесь!

– Королева не разрешила!

Странно… ведь она послала своего личного капеллана отравить последние минуты Джейн назойливыми уговорами вернуться в лоно католичества…

По крайней мере от этого, похоже, я избавлена…

– Если вы готовы, мадам…

Двое стражников выступили вперед и взяли меня под локти. Перед глазами поплыло, я не чувствовала под собой пола. Что-то случилось со слухом, я не понимала слов сэра Генри.

– ..ваши носилки внизу. Если вам нужен священник, то священники есть в Вудстоке… Я прошептала, еле шевеля губами:

– Мои носилки?..

Он раздраженно кивнул:

– Разумеется, госпожа! Чтобы отвести вас в Вудсток! Королева распорядилась выпустить вас из Тауэра: вы отправляетесь в Вудсток.

Вудсток…

В жизни не слышала слова слаще.

Не то чтобы я его действительно слышала, потому что при этом слове я лишилась чувств и очнулась уже в дороге. Позже я узнала у своего сурового тюремщика сэра Генри имя того несчастного, для которого сооружали эшафот, – это оказался последний из мятежных сподвижников Уайета, бедный Вильям Томас, несгибаемый протестант и бывший королевский клерк в совете моего отца, а вовсе не я. Многочисленную стражу прислали по приказу королевы, чтобы следить за порядком, когда меня будут выводить из Тауэра – разгонять народ, не разрешать никому на меня смотреть.

Ибо Мария была на пороге земного блаженства и торопилась убрать с пути любые преграды. День, когда я покидала Лондон, был назначен Филиппом для отплытия из Испании. К тому времени, как он достиг наших берегов, она только что не рехнулась от сдерживаемой любви и надежды. Они встретились у

Святого Креста в Винчестере и здесь же обвенчались, она бросилась в его объятия, как самая желанная невеста, хотя весь двор знал, что чувства молодоженов совершенно различны. Когда они встретились, он обнял ее и крепко поцеловал в губы. Однако его молодые спутники не могли скрыть ужаса и отчаяния. «Она такая старая!» – возмущался один. «Такая уродина, такая коротышка, – шептал другой, – и так плохо одета… такая дряблая… такая желтая… и полуслепая… много хуже, чем нам говорили!»

Чего ради я все это выкапываю? О, у меня есть время, на это и даже на большее! С того дня, как я покинула Тауэр, и до того, как я получила свободу, прошло десять долгих месяцев – больше, чем женщина вынашивает дитя. А теперь, когда сестра Мария стала женщиной, у меня были более чем серьезные основания думать о ее браке и о том, какова вероятность родиться детям от этого союза с испанскими чреслами.

О том же думала и Мария. Она не сомневалась, что ежедневно видит Божьи знамения, благословляющие ее супружеский союз: над старым собором святого Павла пролетел ангел, женщина, которой было хорошо за пятьдесят, разрешилась тройней, причем все младенцы оказались живыми и здоровыми, по всей стране стояло погожее лето и ожидался щедрый урожай. А я-то еженощно молила Бога хоть как-то показать мне, что я не забыта!

Ибо Вудсток (Мария знала, где меня похоронить!) так далеко от Лондона, что все, наверно, считали меня мертвой! Господи, здесь было не веселее, чем в могиле, – позвольте мне перескочить это время! Старый упорный Бедингфилд старался, как мог, но все равно я была настоящей пленницей, день и ночь взаперти, строжайшие приказы королевы ограничивали каждый мой шаг.

Больше всего я тосковала без вестей извне. Я молилась и надеялась, что Робин жив, одинокими ночами я грезила о Кэт и ее ласковом прикосновении. Я думала даже о Марии и о ее черной, высохшей душе.

Повсюду насильно насаждалась ее пресловутая месса. Народ роптал, но Мария была тверда в своей пламенной вере. Дозволь им выбирать, считала она, и все отвернутся от новой веры, бросятся в объятия Рима! Но как могла она принудить людей к тому, что они ненавидели всем сердцем?

И тут я поняла то, что раньше видела лишь смутно: как близко я стою к трону.

Все свое детство я видела это, но как что-то очень далекое, несбыточное. Отец не умрет, не умрет брат. В любом случае девушка не может наследовать… у брата будут дети… или у

сестры…

Однако сколько месяцев прошло со свадьбы, а в высохшем лоне Марии так и не зашевелилось дитя. А она тем временем старела, теряла остатки здоровья, сгибалась под гнетом забот.

Так, может быть, я стану королевой?

Хотела ли я этого, избрала бы я это, приняла бы из Марииных рук, имей я выбор?

И вы спрашиваете это у дочери моего отца?

Да, да, конечно, тысячу раз да! Ибо теперь я гнила в заточении, мой мозг ржавел, словно беспомощное оружие на стене, притуплялся от бездействия. Если б я правила этой страной, я бы не принуждала людей, как бессмысленных собак!

Я бы не насиловала человеческие души.

Я бы…

Я бы…

И так я грезила до того дня, когда Бедингфилд, как добрый католик, не поспешил ко мне с радостной вестью, что королева забеременела.

И тогда занялись костры.

Казнь через сожжение стара, как вечность. Марию прозвали «Кровавой», но на самом деле она не проливала крови. Нет, она всегда стремилась подпалить дьявола огнем, и в этой дьявольской работе ей помогали двое толковых сподручных, два ледяных сердца, сжигаемых той же страстью. Меньший из них был мой враг Гардинер, который теперь возглавил совет и рвался уничтожать все и вся. Но величайшим Люцифером на пути Марии, на пути ужаса, озаренном адским огнем, был посланец самого дьявола, Папы Римского.

Этот папский легат, кардинал Поул, был тот человек, о чьем приезде в Англию Мария молилась почти так же истово, как о муже. Он прибыл вернуть гулящую девку Англию в римский бордель и сразу взялся наказать ее за те годы, что она тешилась в свое удовольствие.

Никто не предвидел, какой жестокой окажется кара. День за днем по всей Англии всходили на костер они – мужчины, женщины, даже дети, слепые, хромые, юродивые, девушки и юноши, которые под нечеловеческими пытками сознавались в чем угодно. Иные были на сносях – у одной женщины в огне начались роды, и младенец упал на хворост, его подняли и бросили обратно в костер. Иные продолжали шевелиться и после четырех часов в пламени, иные оставались в сознании и кричали, вопили, молили о смерти даже после того, как их ноги, руки и сами губы пожрало пламя.

И это так-то Мария думала вернуть народ к Богу, в которого

она верила? Однако, чем выше взметались костры, тем горячее пылала вера. Я рыдала при вести о том, что в Оксфорде сожгли епископов Латимера и Ридли, – рыдала, хотя они были мои враги, объявили меня незаконной с амвона собора святого Павла, в дни царствования Джейн.

На костре Ридли дрогнул и закричал от боли. «Возвеселись, мастер Ридли, и будь мужчиной, – окликнул его Латимер. – Сегодня с Божьей помощью мы запалим в Англии такую свечу, какую им никогда не погасить!»

Их останки еще не остыли, а слова эти уже распространились по Англии со скоростью лесного пожара. Все рыдали и дивились, что королева сожгла таких людей. Если рука, державшая этот факел, запалившая этот костер – рука Матери-Церкви, то она – чудовище, а не мать, и все в ужасе отшатывались от нее. Однако Мария не отступала от своего замысла, питала огонь дрожащей, трепещущей плотью, чтобы выслужить себе сына.

Королева зачала в сентябре, и зачала мальчика – в этом были уверены и доктора, и бабки, и звездочеты. На радостях королева простила своих врагов и теперь преследовала лишь Божьих.

Вот почему Робин остался жить, впрочем, как и я, пленником, в Тауэре. А Кэт, моя верная Кэт, как я слышала, без устали писала королеве письма с просьбами дозволить ей вернуться ко мне. Сесил исхитрился дважды прислать серых, как тени, призрачных гонцов – они возникали передо мной и исчезали раньше, чем кто-либо успевал заметить среди слуг лишнего. Каждый раз послание состояло из одного слова: мадам, покоритесь! Если любите жизнь, покоритесь!

Покоритесь.

Покоритесь.

Слово, которое не сходило с королевиных уст.

Трудно было бы выразиться яснее. Отрекитесь от своей веры, ступайте к обедне, исповедуйтесь и причаститесь по римскому обряду – или цепляйтесь двумя руками за свой мученический венец и готовьтесь к смерти!

Душою бы я, наверно, в конце концов приготовилась, но телом… не к такой смерти, не к костру, о. Господи, не допусти! А поскольку я по-прежнему тряслась по ночам при воспоминании о том, как близко от меня прошла секира Смерти в ту последнюю ночь в Тауэре, я даже во сне не могла увидеть ее длинных костлявых пальцев и безглазого черепа, надвигающихся на меня из языков пламени, без того, чтобы с криком проснуться после беспокойного забытья.

И вот весь этот год Мария прибывала в теле, раздувалась, как майский жук, от крови мучеников. А супруг ее, Филипп, оставался

при дворе, чтоб дождаться рождения сына, прежде чем отбыть в свои земли. А пока он ждал, у него было время поразмыслить, и немудрено, что мысли его обратились к свояченице. Они явились ко мне самым беспардонным образом в обличье Бедингфилда, который постучался ко мне погожим апрельским днем и огорошил словами:

«Мадам, завтра мы отбываем к королеве в Гемптон-корт. Король пожелал, чтобы вы были с королевой, когда придет ее срок родить».

Было пятое воскресенье поста, называемое Страстным, и я терзалась всеми возможными страстями: носилки томительно ползли на юг, а мысли мои метались, как угодившая в ловушку крыса, и искали, искали выхода.

Когда королеве придет срок родить…

Что ждет меня в том будущем, где я окажусь всего лишь теткой, – нет, даже не так, ведь Мария отказывается признавать меня сестрой, – скажем так, побочной теткой юного принца?

Если это будет принц.

И если он выживет.

А выживет ли?

А Мария?

Что, если они оба умрут?

Что, если?..

Мне следовало бы за нее молиться.

И за него.

Но о чем молиться – о жизни или о смерти – и для кого, для ребенка или для матери?

Одно смущение от этих мыслей.

Тогда остается Филипп.

Зачем он послал за мной? Из соображений государственных, из расчетливого желания присмотреть за младшей сестрой на случай, если умрет старшая? Тогда он будет регентом при ее сыне, однако новый мятеж может посадить на престол меня и оставить его ребенка ни с чем.

Или ему просто любопытно взглянуть на свояченицу, которую жена так ненавидит, и, если верить словам Марии, главную врагиню всего, что они любят и чтут в этой жизни?

И это притом, что ей ничего не грозит с моей стороны. Боже Милосердный, дочь короля едет ко двору с жалкой горсткой джентльменов и без единой сопровождающей дамы? Я, для которой почетный караул выстраивался во всю длину Уайт-холла! Да с последним нищим дворянчиком из последней собачьей дыры, едущим ко двору в надежде стяжать почет и богатство, обошлись бы лучше! Я чувствовала это, еще как чувствовала! Если

дорогая сестрица хотела уязвить мою гордость, видит Бог, она своего добилась!

Однако когда мы добрались наконец до Гемптон-корта, нас почти никто не заметил, а если и заметили, то не обратили внимания.

Даже ворота стояли без присмотра, только один несчастный парнишка встретил нас словами (похоже, он позабыл остальные): «Принц, принц рождается! У королевы начались схватки, принц родится сегодня!»

Двор был перевернут вверх дном, все носились как угорелые, слуги успели перепиться из бочек, которые заранее выкатили и откупорили в предвкушении торжества.

– Куда нам идти? Кто будет надзирать за принцессой?

Посреди это столпотворения Бедингфилд чуть не умер от тревоги. Только тогда, когда я, устав от его дурости, торжественно поклялась, что не сбегу, он перестал суетиться и отправился узнать, где нам разместиться. Мои покои были невелики, но после Вудстока и они казались дворцом; анфилада пристойных, если не роскошных покоев с видом на пойму, и несравненный Гемптонский парк.

Разумеется, неотступная стража тут же заняла место у моих дверей. Однако здесь, в сердце двора, она пугала меня куда меньше, чем в Тауэре. Никто не посмеет разделаться со мной на глазах у отцовских лордов, тех, кто меня знает. А устроившись, я могла только ждать.

Как ждала Мария – рождения принца.

Схватки продолжались трое суток. Я молилась о ней день и ночь, но новостей все не сообщали. Вдруг утром шум в дверях, Вайн не успевает вскочить и объявить посетителя, в покой влетает Сусанна Кларенсье, первая фрейлина и правая рука королевы.

Не знаю, что меня поразило больше – ее лицо или то, что она несла в руках. Несмотря на фамилию, полученную от нормандских предков, Кларенсье была англичанкой до мозга костей – от лошадиного лица до выражения надменной сдержанности. Сейчас ее тяжелая нижняя челюсть была серой, губы плотно сжаты, в то время как красные глаза и опухшие веки говорили о проведенной в слезах ночи. Через руку у нее было переброшено пурпурное платье, судя по богатству отделки – королевино.

– Мадам! – прошептала я, склоняя голову. Я боялась говорить.

– Миледи! – Кларенсье присела в безупречном истинно английском реверансе. Я набрала в грудь воздуха:

– Как ваша госпожа… как королева? Она подняла голову,

глаза ее были пусты.

– Спасибо, мадам, неплохо. Она хочет, чтобы вы надели это платье вечером, когда она пришлет сообщить вам следующее свое пожелание.

Она снова сделала реверанс и вышла.

Значит, принц умер?

Или родился уродцем, злой шуткой Природы? Неужто королева произвела на свет недоделанное нечто, кусок мяса в форме трилистника без рук, шеи и глаз? Кэт рассказывала, что с пожилыми роженицами, вроде Марии, такое случается. Или она на старости лет разрешилась толстощеким идиотом с пятачком, как у свиньи, и свинячьими глазами-щелочками?

Кларенсье ушла, я осталась наедине со своим мучительным любопытством. Однако Мария по-прежнему королева, ее приказы надлежит исполнять. Мне велено надеть это платье? Что ж, надену.

И пусть ни одна из криворуких паписток, которых она ко мне приставила, не умела убрать волосы, или пристегнуть рукав, или прицепить шлейф… шлейф? Единственное, на что способны были эти ненавистные уродины, так это выбрать чистую сорочку. А платье с Марииного плеча резало мне под мышками, давило в груди и было ужасно коротко, как ни тянули они его вниз, приговаривая: «Отлично сидит на вас, мадам!» Но все равно это было пышное платье дивного цвета; я оглаживала яркий царственный пурпур, чувствовала под ладонью ласковый щекочущий бархат, и в голове стучала непрошеная подлая мысль: «Если б я была королевой…»

Если б я была королевой, я б не вышла за такого короля.

Когда умер его отец, он стал одним из величайших королей в истории, по титулам, землям, богатству. Однако когда он вошел в мою дверь тем майским вечером, он был всего лишь самим собой – тщедушным, рыжеватым, заносчивым коротышкой, как все Габсбурги, который мнит о себе невесть что. Да, верно, он был умнее Марии, так ведь невелика хитрость! А тщеславие всегда делало Филиппа уязвимым, хотя он сам этого не замечал.

– Мадам, король! Король пришел вас посетить.

Это было уже слишком для моего бедного Вайна – король Англии и Его Католическое Величество король Испанский входит в мои покои без объявления и почти без всяких почестей.

Я тоже, должна сознаться, была в ужасе. Я думала, Мария послала платье, чтобы я принарядилась для встречи с ней – насколько же в ее духе желать, чтобы я принарядилась для встречи с ним, с человеком, чью любовь она вознамерилась во что бы то ни было заслужить!

Однако он – что он делает здесь? Какие мысли шевелятся за этими бледными, маленькими, бесчувственными глазами и выдвинутой габсбургской челюстью? Я видела и ждала обещанных Кларенсье распоряжений Марии, но тут же вскочила и присела в реверансе.

– Ваше Величество!

Он шагнул вперед. Кроме двух телохранителей, с ним был еще один человек, в котором я угадала его ближайшего советника, Ферию, а за Ферией – красивый молодой дон, по всей видимости – адъютант. Рядом со своими высоченными спутниками Филипп выглядел козлом рядом с жеребцами. Однако что-то в его облике приковало мой взор и…

…да, да, что греха таить? – зажгло мою кровь.

Хотя я всегда любила высоких, красивых, статных, однако порой мужчина, чьим единственным достоинством был такой вот жаркий взгляд, мог разжечь во мне пламень – как тогда он…

Я понимала, что он это увидел, хотя в то же мгновение потупила взор. Тонкие губы над аккуратной раздвоенной бородкой сложились в едва заметную улыбку. Он поклонился, взял меня за руку:

– Добрый вечер, миледи!

Он говорил с сильным испанским акцентом, я видела толстый розовый язык, который, казалось, заполнял весь рот. Он поднес мою руку к губам, пушистые усы задержались на тыльной стороне моей ладони. Я попыталась отнять руку, он не отпускал. Кивнул Ферии.

– Мой посол. Он говорит ваш английский. Посол улыбнулся масляной улыбкой:

– Его Величество желают знать, мадам, habla Espano? Вы говорите по-испански?

– Увы, нет, сэр, ни слова. Филипп довольно фыркнул:

– Muy bien! Очень хорошо!

Что он хочет сказать такое, что не предназначается для моих ушей?

Он большим пальцем погладил мою ладонь – случайно или нарочно, чтобы разжечь между нами огонь? Я наградила его долгим спокойным взглядом, бесстрастным, как само целомудрие. Он выпустил мою руку, сказал Ферии:

– Muy calmada – она очень спокойна. Как может он тут стоять и болтать ни о чем? Я больше не могла сдерживаться:

– Сеньор посол, простите сестринское нетерпение… я не хотела бы быть непочтительной к королю, но умоляю вас сказать, как королева?

Быстрый взгляд на хозяина, короткий обмен испанскими

репликами, дозволение на ответ.

– Неплохо, – осторожно ответил он, – по воле Божьей. Схватки прекратились, благодарение Богу, ибо, родись принц сейчас, он появился бы на свет восьмимесячным и вряд ли бы выжил.

Хорошая это весть или плохая? Пока принца нет – но не случилось и выкидыша, который расчистил бы мне путь…

Ш-ш, прочь подобные мысли, Филипп говорит, и я понимаю. «Мне сказали, что дух ее полон очарования! Но теперь я различаю под ее спокойствием женскую страстность… и свечение вокруг нее, как от морской воды…»

Ферия ощетинился.

– Немудрено, ведь она – дочь потаскухи, как говорит королева, зачатая в непотребстве, от связи матери с простолюдином…

Филипп стиснул рукой тяжелый подбородок.

– Королева – дура! – припечатал он. – Одноглазый увидел бы, что она – Генрихово семя, взгляните на ее прирожденную царственность Иначе ее можно было бы счесть подменышем… – Он деланно рассмеялся, переступил с ноги на ногу. – Вы, чего доброго, подумаете, что я влюбился.

– Нет, сэр, нет.

Однако я читала в его глазах – да!

Глава 19

Если он читал в моих глазах, то и я читала в его; и даже больше, чем скупые жаркие зрачки, говорило мне его тело, которое напряглось, как у терьера при виде крысы, переминание с одной ноги на другую, означавшее, что между ними шевелится третья, невидимая…

Однако меня влекло и другое – его змеиный ум, его двуличный дух, искушенный в лукавстве с тех самых пор, как иезуиты научили его говорить:

«Si – e tambien no, да – и, ну, нет». А больше всего меня привлекала в нем глубокая потаенная печаль. Причину этой неизбывной грусти мне еще предстояло выяснить, однако я ощущала на себе ее чары. А каждая женщина мечтает исцелить в своем мужчине тоску.

Что он означает, этот интерес короля? Все понимали, что королева может умереть в родах; может, он имеет виды на меня с тем, чтобы удержать Англию под каблуком Испании?

А я? Можно ли принудить меня к замужеству с Филиппом? Я знала многих девушек, которых выдали насильно. Старшую из сестер Верней, дочь знатнейшего Оксфордского рода, собственный отец гнал к алтарю дубиной, да так, что у ней кровь лилась по лицу и спине, она была почти без чувств, когда произносила клятвы. Да что далеко ходить: любящая мамаша Джейн Грей, рослая злыдня леди Фрэнсис, лупцевала дочку по голому заду, так что та ходила на стульчак кровью – и все затем, чтобы Джейн согласилась выйти за вялого и глупого Гилдфорда, который оказался ее проклятьем и ее смертью.

Я знала – если меня заставят выйти за Филиппа, он станет и моей смертью. Но, может быть, я сумею сделать так, чтобы он спас мою жизнь?

Ведь я по-прежнему была в опасности. Раньше я думала, она минует, если родится принц. Теперь стало ясно: как только появится католический наследник, нужда во мне окончательно отпадет! И королева сможет без ущерба для государственных интересов задать своим подданным острастку – отправить потаскушкино отродье на костер!

Однако теперь судьба улыбнулась мне тонкими губами Филиппа. У меня появился новый козырь…

Я написала ему льстивое, подхалимское письмо, исполненное ученого изящества. Жаль, я не могла поддеть его какой-нибудь из любимых испанских пословиц, «pace en la huerta lo que no siembra el hortolano», например – не все то вырастает в саду, что сеял

садовник! Однако и без того, легкой аллюзией на Тертуллиана, намеком на Гиппонакта или невразумительной одой Овидия, я, как и хотела, пробудила его любопытство. Одна из простейших истин в этом мире: мужчин легче всего вести за то, что, собственно, делает их мужчинами, как осла – за мягкий чувствительный кончик носа. Однако у разных мужчин мужественность прячется в разных местах, и умная женщина должна угадать, где именно. У мужчин вроде Филиппа мужественность – это его ум, ученое тщеславие. И с помощью этого тщеславия им и нужно управлять.

Мое письмо – этакий расчетливый комплимент его самомнению – немедленно принесло плоды. Тот же юный дон, что сопровождал посла де Ферию, прибыл на следующий день в облаке официальности и андалузских духов, высоко держа голову и нос, но со взглядом далеко не отрешенным.

– Его Величество просит передать вам, светлейшая, что вам дозволено принимать.

Какая победа! По манию его руки мне вернули общество придворных. И пусть моими первыми посетителями за год оказались Гардинер и его католические подпевалы графы Арундел, Шрусбери и Дерби. Пусть я знала, что Гардинер вместе с послом де Ферией требует моей смерти. Что с того? Чувствуя за собой поддержку Филиппа, я его ничуть не боялась!

Встретила я их смело:

– Милорды, рада вас видеть, я так долго была одна!

Гардинер вспыхнул от гнева и прорычал:

– Мадам, мы пришли выслушать ваше покаяние, а не разговоры разговаривать. Вы должны признать, мадам, что участвовали в заговоре против королевы.

Я рассмеялась ему в лицо:

– Простою здесь хоть тыщу лет, а не сознаюсь в такой нелепости!

После этих слов старый вонючка в ярости выскочил из комнаты. Однако другие лорды, выходя, смотрели на меня с восхищением – я поняла, что заполучила их на свою сторону.

А поскольку я могла теперь принимать, за ними последовали другие, с прямыми или замаскированными выражениями симпатии, наполнявшими мое сердце ликованием. Одна придворная старушка, такая слепая, рассеянная и болтливая, что стражники, впуская ее, хохотали в открытую, оказалась вполне разумной и зрячей, когда шепнула мне на ушко словечко с приветом от моего старого друга и союзника Сесила.

– Сэр Вильям сейчас далеко от двора, – прошептала она. – Он покинул королевскую службу, когда запылали костры. Он просит

вас держаться стойко… придет время…

Потом пришел крепкий паренек от Гемптонского конюшего спросить, понадобятся ли мне новые лошади. Пришлось ответить ему, что, пока не дозволит королева, я выезжать не буду. К шляпе, которой он помахал на прощанье, был приколот пучок розовых цветов, тех самых, которые сын тауэрского тюремщика научил меня называть Робином-оборвышем.

Робин?

Поскачем ли мы снова верхом?

А что Филипп, Филипп, Филипп?..

Что думает, что замышляет этот бессонный мозг, скрытый за невыразительными каменными глазами? Он сейчас как игрок, даже как азартный игрок, поставивший все на Марию. Его надежды на продолжение династии, будущее его империи зависит от того, как выпадут две кости – родит ли Мария принца и останется ли при этом жива. И solamente lo sabe Dios, как сказал бы он сам, только Бог знает, только Бог может сказать.

А Мария, его нелюбимая жена?

Я молилась за нее, но еще больше за себя. На следующий день вновь явилась Кларенсье хранительница королевиного гардероба и всего королевиного бытия, с новым платьем – коротким, как и прежнее, но из рельефного флорентийского атласа, католически-алое, с корсажем, расшитым золотом и самоцветами так плотно, что стояло само по себе, платьем, достойным королевы. И снова я должна была его надеть, и снова дожидаться королевиных распоряжений.

Пять часов промучилась я в корсаже из китового уса, который стискивал мне грудь, острый мыс впивался в ноги, рукава резали под мышками, пять часов, прежде чем она соизволила за мной послать. Посреди ночи, теперь, когда весь двор спит, догадалась я, когда никто не увидит моего прихода и ухода, она послала за мной.

Для мая ночь была холодна и беззвездна. Я замерзла и тряслась, покуда меня тайком, задворками вели к личному входу в королевины покои. Лестница, усиливающийся запах ладана и унижения, незаметная дверь, телохранители и женщины бесшумно удаляются… а вот и сама Мария в тесной и душной комнате, на коленях перед аналоем, поворачивается ко мне – глаза у нее такие, словно она только что вышла из транса.

Мы столько не виделись, что я, несмотря на все воспитание, тоже вытаращилась на нее в упор. Она поднялась, колыхаясь всем телом, словно выброшенный на берег кит, однако живот ее под просторным платьем близко не напоминал что-либо, виденное мною у беременных. Он висел чуть не до колен, словно сенное

брюхо у кобылы. Я упала на колени и прошептала:

– Моя жизнь к услугам Вашего Величества!

Она тяжело опустилась в кресло. Как она состарилась! Она выглядела на сто, нет, на тысячу лет, желтая кожа стала пергаментной, маленький рот ввалился. Однако огонь, сжигающий еретиков, зловеще теплился в ее зрачках, и когда она взглянула на меня, злоба ожгла молнией.

– Мой лорд-канцлер епископ Гардинер пришел выслушать вашу исповедь, а вы ответили ему дерзостью!

– Я сказала лишь, что ни в чем не виновата! Я никогда ничего не замышляла против вас! Это правда.

– Правда! – Она издала короткий лающий смешок. Глаза ее дико вращались. – Что до этого, мадам, Dios sabe!

«Бог ведает» по-испански. Разве Филипп нас слышит?

Конечно! Он здесь! Но где же? Говоря, Мария поглядывала на закрытую шпалерой стену. Шпалера не шевелилась, но я поняла, что Филипп за ней.

Филипп! Значит, он подглядывает, подслушивает, подкарауливает в темноте? Я в ужасе уставилась на Марию. Каково-то ей с таким мужем?

Однако мысли Марии были в другом месте.

– Вы говорите о правде! Так я скажу вам правду, маленькая сестрица, правду, которая выше всех нас! Смотрите! Идите сюда!

Я не успела опомниться, как она уже вскочила, глаза у нее были дикие, изо рта воняло кислятиной, от волос мерзко несло ладаном. Она схватила меня за руку, потянула к себе, прижала мою сжавшуюся ладонь к своему животу. Даже под мягкими складками шлафрока я почувствовала еще более дряблые складки.

Там ничего не было! Ничего, кроме дряблой старушечьей плоти, податливой, словно подгнивший апельсин, никакой новой жизни. Разве что глубоко внутри пряталось нечто твердое, как ядро, не согретое живой теплотой, мертвое, словно камень.

– И здесь!

К моему ужасу, она расстегнула корсет, обнажила маленькую, сморщенную старушечью грудь. Лихорадочно сдавила серую бугристую кожу, стиснула сосок, словно не чувствуя боли.

– Смотрите! Смотрите сюда!

Переборов омерзение, я наклонилась. На конце сморщенного, похожего на заплесневелую изюмину соска выступила крохотная перламутровая капелька.

– Мое молоко! – прохрипела она. – Молоко для моего младенца, нового принца Уэльсского!

Я была перепугана.

– Конечно, мадам, благодарение Богу!

– Я рожу! Мой сын у меня во чреве, мои груди приготавливают ему молоко! Дом Габсбургов будет править этой страной! И тогда король, мой повелитель, останется со мной, со своим сыном, со своими сыновьями – я буду рожать и рожать, чтобы истинная вера надежно укрепилась в Англии. Вот она – правда, мадам Елизавета, вам придется ее проглотить, даже если вы обломаете о нее зубы и свое гордое еретическое сердце.

Она, задыхаясь, упала в кресло. Потом вдруг схватилась за бок и завопила в голос:

– Зовите повитух – и моих женщин – сегодня родится принц!

Как только женщины рожают? Она голосила, как Екатерина в тот ужасный день, когда думала, что ее казнят, – голосила, голосила, голосила.

В покой вбежали женщины, впереди всех Кларенсье, позади испанские доктора, за ними их английские соперники, повитухи, помощницы повитух и весь лекарский штат со своими причиндалами.

И едва возобновились ее ужасные схватки, возобновились и наши искренние молитвы.

Принц…

Господи, даруй нам принца…

О, проклятие Тюдоров! Только мой дедушка, старый король Генрих, сумел его избежать. И как ей это удалось, бабке Елизавете, с первого же захода разродиться мальчиком?

Как, наверное, мучился над этим вопросом отец. «Рожай мне только сыновей! – приказывал он Анне Болейн. – Ибо моим молотом по твоей наковальне мы накуем первоклассных деток!» Так он похвалялся, тщеславие и похоть плескались в просторном бурдюке его мозга.

Однако Тюдоры всегда были в недостатке. Даже бабке Елизавете под конец выпал жребий Рахили, плачущей о детях своих, «ибо их нет».

Из чего вы можете заключить, что проклятие Тюдоров настигло и Марию. Принц так и не родился. Не было никакого принца, ее просто раздуло водянкой, живот ее наполняли вода, газы и кое-что похуже.

Ее горе было ужасно, стыд – еще ужаснее. Май сменился августом, прежде чем она признала, что обманулась в своих ожиданиях. К этому времени Гемптон превратился в помойную яму, в гниющую сточную канаву, кишащую мухами и личинками, рассадник чумы и прочих болезней. Я жалела Марию, однако не могла сдержать радости при словах, о которых долго молилась: «Сестра королевы может оставить двор и вернуться в свое

имение».

Назад в Хэтфилд! Я рыдала от радости. Истинно рука Господня даровала мне избавление, за которым я угадывала и человеческую руку – Филипп, как и прежде, защищал меня. Теперь, когда королева не родила, я снова оказалась наследницей. И если б она умерла, выбирать пришлось бы опять-таки из женщин: либо младшие сестры Джейн Грей, либо внучка старшей сестры отца, юная королева Шотландская.

Что до сестер Грей, Филипп знал, что Екатерине Грей на троне не усидеть. А королеву Шотландскую, Марию, которую когда-то сватали за моего брата, теперь обручили с юным дофином, наследным французским принцем. По мнению Филиппа, допустить ее до престола значило бы отдать «его» Англию заклятому врагу! Лучше уж незамужняя девушка и упорная протестантка, чем Франция! Поэтому он велел вновь предоставить мне полную свободу, вернуть положенные принцессе почести и права.

Бедная Мария! Новая горечь, новое унижение – простить меня по приказу Филиппа! И в этот самый горький для нее час Филипп ее покинул. Он заставил ее привезти меня на пристань, как ни просила она дозволения провожать его одной. И здесь он осчастливил меня отнюдь не братским поцелуем в губы, таким долгим, что его люди свиты начали открыто сокрушаться, что их повелитель возделывает не девственную целину «Ньюфаундленда»[6], а истощенную, изборожденную временем почву бедной старушки Англии!

Теперь Марии не по сердцу было мое общество, и я легко получила дозволение на отъезд. Я столько времени провела взаперти – вспомнит ли меня народ? Напрасные опасения! Мое путешествие больше напоминало выезд королевы, чем возвращение опальной затворницы!

– Храни вас Бог, миледи!

– Добрый вам путь, дочка короля Гарри, и возвращайтесь нас защитить!

– Да здравствует принцесса, да сгинет испанская власть!

Я обернулась к своему провожатому, лорду Клинтону:

– Какой они помнили меня все это время? Он мрачно кивнул направо. От Чипсайда к Ньюгейту, мимо собора святого Павла и Флит, мы приближались теперь к Смитфилду, зловещей арене казней. От высокой груды на месте церкви святого Варфоломея к осеннему небу поднималась струйка дыма.

– Огни Смитфилда сохранили вас живой в каждом сердце, ваша милость.

Хэтфилд! Я в одиночестве бродила по холодным, пыльным,

непроветренным комнатам, плакала и дрожала. Мне не верилось, что после стольких опасностей и испытаний я снова дома. Догадайтесь-ка, за кем я первым делом послала!

Через три дня после отъезда гонца во дворе зацокали копыта, и маленькая, пухленькая фигурка ворвалась в дом – колыхание юбок, реверансы, потоки слез, и вот снова со мной Кат, моя ненаглядная Кэт.

Всего полдня вздохов, улыбок, доверительных перешептываний, и вот с нами Парри и ее брат. Следующим влетел мой учитель Эскам и уже через час засадил меня за греческий. Эшли, муж моей дорогой Кэт, как и многие другие мои джентльмены, вынужден был бежать за границу, но теперь ему можно было вернуться. Вскоре некоторые дамы, с кем я подружилась при Мариином дворе, – Браун, Рассел и жена адмирала, леди Клинтон, приехали взглянуть, как я устроилась, и остались отпраздновать мое счастливое возвращение.

А костры все пылали.

Они горели все жарче – обезумевшая от горя Мария внушила себе, что Господь гневается на нее за недостаток усердия.

– Я правлю три года, а грех ереси в Англии так и не искоренен! – кричала она Гардинеру.

Так что самый короткий день года осветило пламя горящих тел, и в честь Рождества Христова пылали живые факелы. Пришло Сретенье, и свечи человеческих тел озарили февральское небо.

Из всех утрат одна повергла меня в несказанное горе. Я и сейчас храню это письмо:

«Миледи и принцесса, пишу вам, пока вы не узнали о нашей скорби от других, хотя слезы мешают мне водить пером. Сегодня умер Томас Кранмер, епископ Кентерберийский при вашем батюшке.

Сломленный мучениями, старостью и одиночным заключением, он отрекся, было от своей веры. Но тут его Бог вернулся. Всходя на костер, он сказал:

«Эта правая рука пусть сгорит первой: она провинилась, подписав мое отречение». Он встретил смерть достойно, со всем спокойствием своего великого духа, и без него этот мир стал беднее. Больше нам не увидеть подобного человека, доколе не встретимся с ним на небесах, если милосердный Господь допустит нас туда, где ныне ликует бедный Томас. Народ сложил о нем балладу: прислушайтесь и услышите. Молитесь за его душу.

Навеки слуга вашей милости

Вильям Сесил».

В ту ночь, в самый поздний кладбищенский час, я услышала женский голос в болотах к востоку от замка, и он пел:

Когда, несломлен, Кранмер пал,
И стар и млад о нем рыдал,
Мы молимся в годину бед:
Господь, храни Элизабет!
Когда детей терзают плоть,
Даруй нам нашу Бесс, Господь!

Да, власть Марии, жестокость Марии вручат мне Англию, ее Англию, но все больше и больше мою Англию, на блюдечке с голубой каемочкой.

Но когда, о Господи, когда?

Глава 20

А теперь новый призрак преследовал меня днем и ночью: страшный бука под названием «муж».

Раз ему не дано сына от собственных чресл, Филипп решил отыскать другой способ посадить на английский трон короля-католика – свою плоть и кровь. Чтобы утешить мою гордость, он предложил мне на выбор нескольких приемлемых католических принцев. Однако его выбор сомнений не вызывал.

– Кого вы предпочтете, мадам? – нервно спросила Кэт как-то утром, когда я в задумчивости сидела у окна с Филипповым письмом в руках.

Я фыркнула:

– Предпочту? Всех разом – чтобы засунуть головой в ближайшую навозную кучу, пусть подрыгают там ногами!

– Однако король предлагает вам своего сына, инфанта дона Карлоса… – Кэт выдавила улыбку, но я видела, что она напугана.

– Не бойся, Кэт! – ободрила я ее. – Как бы ни был дон Карлос любезен своему отцу, я за всю славу Англии и Испании не лягу в постель с десятилетним мальчишкой!

Мы рассмеялись, и я, и Кат. Но дон Карлос! Знай я тогда…

Я знала лишь, что он сын Филиппа от первой молодой жены, португальской принцессы, которая умерла родами; и потому думала о нем с жалостью, как о сиротке. В действительности же это был чудовищный недоносок, страшный и душой, и телом. Горбатый уродец, он весил меньше восьмидесяти фунтов. Ему нравилось мучить лошадей, жарить зайцев живьем и слушать их визг.

Еще больше, чем лошадей, любил он мучить девок, его слуги притаскивали из испанских борделей несчастных шлюшек и на потеху инфанту засекали их до смерти. Извергу нравилось отпускать их, а потом ловить и снова мучить. Однако Господь справедлив. Забавляясь этой игрой, он упал с мраморной лестницы и раскроил свою поганую голову, словно тухлое яйцо.

Он должен был умереть. Однако его отец, Филипп, велел сделать несчастному трепанацию черепа – может быть, надеялся, что врачи заодно вправят ему мозги. Впрочем, не желая полагаться на случайность, Филипп приказал, чтоб на время выздоровления дона Карлоса привязали к мумифицированным останкам местного повара, прославленного посмертными чудесами. Два месяца дон Карлос прожил в объятиях усохшего трупа. Немудрено, что он повредился в рассудке. И за него-то меня вздумали отдать, чтобы удержать Англию под властью Рима!

Это и была причина Филипповой печали – состояние его сына; крест, который он нес, великая скорбь, которую я увидала в первую нашу встречу. Однако он еще не до конца опорожнил горькую чашу своего отцовства. Ему предстоит проклясть чудотворную мумию за спасение изверга-сына, когда дон Карлос замыслит убить отца, присвоить корону и надругаться над его молодой и любимой женой, когда Филипп сам посадит этого чудовищного Минотавра под замок и придет ночью, тайно, со стражей и монахами, чтобы положить конец этой и не жизни и не смерти…

И это чудовище предложили мне в мужья! Однако я в своем неведении не очень-то испугалась. Более реальным претендентом казался другой католик, эрцгерцог и воитель Эммануэль-Филибер, герцог Савойский. Мария в письмах спрашивала, согласна ли я за него выйти; Филипп хотел, чтобы я вышла замуж, а Мария хотела того, чего хочет Филипп.

Однако если я была уязвима, то и она не меньше. Заговоры против нее плодились и размножались. В Сассексе явился самозванец, объявивший себя моим «мужем» Кортни, последним из Плантагенетов, чье имя так часто связывали с моим. Этот проходимец поднял от моего имени восстание, чтобы взойти на престол вместе с «любезной женушкой Елизаветой»! Глупая попытка захватить трон вскоре привела моего «нареченного» на эшафот. Однако, чем яростнее Мария давила заговорщиков, тем больше их становилось, словно голов у гидры. Чтобы держать народ в страхе, Мария велела больше жечь. А чем чаще горели костры, тем чаще вспыхивали восстания.

– И пока Ее Величество не назначит вас своей наследницей, – мрачно заметил Эскам, – они будут, неизбежно будут продолжаться!

Он был моим якорем, этот стойкий йоркширец, а книги – моим прибежищем. С каждой почтой новости из Лондона становились все более пугающими. Умер мой старый враг Гардинер, бредя ужасами Господнего суда, но не успело его тело остыть в могиле, Мария назначила на его место нового изувера-епископа, которого лондонцы за жестокость прозвали Кровавым Боннером.

И мало-помалу все глаза, все надежды людские устремлялись ко мне. Только смелые отваживались говорить, и то не словами, но кивками и молчаливыми знаками. Один из Марииных лордов, сэр Николае Трокмортон, служивший еще моему брату и едва не угодивший на эшафот вместе с Уайетом, сумел выразить мне свою преданность парой надушенных перчаток; подобно ему и достойный лорд Полет, на котором держался Тайный совет при

Эдуарде и моем отце, Клинтон, Дерби, Бедфорд, Сассекс, влиятельные лорды и государственные сановники, в том числе – что немаловажно для меня – мой двоюродный дед лорд Говард, – все глядели, кивали, и все, как и я, ждали, потупив очи.

А теперь Филипп вернулся к Марии прямиком из Амстердамских блудилищ, где, по слухам, отдыхал от объятий постылой старой жены. Страшная весть пришла в Хэтфилд в сентябре. Мария написала мне словами евангельской Елисаветы: «Вот и я, называемая неплодною, зачала сына в старости своей. Ибо у Бога не останется бессильным никакое слово. Порадуйся за меня, сестра, я понесла!»

Величит душа моя Господа, и возрадовался дух мой о Боге Спасе моем…

В отупении бормотала я «Magnificat»[7] на последовавшем затем благодарственном молебне, вяло повторяла хвалебную песнь Богородицы. Но дух мой восставал против Господа.

Если Мария беременна…

Если она родит сына…

О, Господи, чем я провинилась перед Тобой, за что Ты меня так сурово караешь?

И вся трагикомедия пошла по новому кругу. У себя в Хэтфилде я стонала, плакала, молилась. Но родится ли принц? И беременна ли она вообще?

А покуда Мария купалась в своем материнском счастье, на страну надвигалась война. Каждый день новые друзья и сторонники при дворе сообщали мне новости. «Франция угрожает границам Испании, и король намерен воевать, – писал Трокмортон, – однако английские сердца не лежат к этой войне». Возражения Сесила были не менее убедительны: «Мало денег! Мало людей! Мало серебра! Мало золота!»

Сесил, по обыкновению, оказался прав. Мария, которая занимала, продавала, вкладывала все, что удавалось наскрести, в войну, чтобы завоевать любовь супруга, осталась почти без гроша. Мое денежное содержание быстро убывало, и как раз тогда, когда оно было нужнее всего.

Это началось, едва я вернулась от двора. На следующее утро в прихожей ждал меня незнакомый посетитель.

– Миледи!

Он упал на одно колено. Я опешила:

– Что вам угодно, сэр?

Он поднял открытое, как у ребенка, лицо.

– Служить вам, моя принцесса, – просто отвечал он, – и быть с вами рядом.

Теперь они приходили каждый день, джентльмены,

простолюдины, рыцари и сквайры – и женщины тоже, дамы и судомойки, горничные и белошвейки. Я была для них восходящим солнцем, они тянулись ко мне, и, как солнце должно светить, я должна была их принимать. Одно обстоятельство сделало это возможным и привело меня в такую радость, что я в слезах упала на колени и вознесла благодарственную молитву.

«Драгоценная госпожа, – говорилось в записке. – Податель сего вручит Вам деньги, которые я получил от продажи доставшихся мне от матери земель. Меня выпустили из Тауэра, но сослали в графство Норфолк, в Фрамлинген. Поминутно молюсь о Вас и о том дне, когда я смогу повергнуть к Вашим ногам свою жизнь.

Роберт Дадли».

Неужто Бог наконец-то взглянул на меня благосклонно? Я надеялась и сомневалась, ибо страдания, которые я видела вокруг, превосходили все вероятное и невероятное.

Страна стенала от любви Марии к Филиппу, ибо, где нет денег, нет и хлеба. Однажды у моих дверей подобрали голодающего; на вопрос, когда он ел в последний раз, бедняга с трудом пробормотал: «В среду уж неделя будет, как съел горстку сушеных желудей, если вашей милости угодно». Молодую женщину с тремя детьми мал мала меньше и орущим от голода младенцем на руках высекли плетьми как попрошайку, а она кричала: «Пенни за два яичка! Это дневная плата работника! А мой помер от голода! Пенни за два яичка!»

А с холодами пришли болезни, гнойный насморк, который занесли вернувшиеся из Франции. Умирали сотнями, потом тысячами, наивные осеняли себя крестным знамением и говорили о пришествии дьявола. Но самым печальным этой зимой были вести из Франции.

Мы терпели поражение, потеряли все, проиграли войну, потеряли людей и деньги, потеряли военную славу – и, что хуже всего, мы потеряли Кале.

«Кале! Кале пал, занят французами!» – разнеслось по стране, и ярость англичан не знала границ.

Мария тогда сказала: «Когда я умру, вы увидите, что в моем сердце вырезано „Кале“.

Как все в Англии, я сама бы охотно вырезала бы эти слова, буква за буквой, по живому, и тоже на ее сердце.

Кале ли убил ее младенца, как считала она, или, подобно своему старшему братцу, он был всего лишь плодом ее жадного воображения? Ибо, как и в первую ее «беременность», принц так и не родился. «Ребенок, который умеет считать на пальцах до девяти, скажет Ее Величеству, что никакого младенца не будет», – писал мне Сесил. Однако то, что я нащупала в первый раз, когда

оно было размером не больше незрелой сливы, выросло до размеров тыквы-горлянки, и содержимое этой тыквы было ужасно. «Здоровье королевы внушает самые серьезные опасения, » – были слова Сесила.

Я, стиснув письмо, расхаживала по комнате. Мария болеет очень давно – сдастся ли она теперь?

Ее лорды были в этом уверены. Когда они настояли, чтоб она провозгласила наследника, она назвала сперва своего будущего сына, затем своего мужа Филиппа. Филиппа! Все знали, что, пока его жена лежит при смерти, он открыто гуляет у голландских шлюх.

И все равно она пыталась оставить ему свой трон. Испанскому захватчику, узурпатору Габсбургу! Как же плохо она знала наш народ!

Другое ее озарение в тот час было – прости ее. Господи, она была хотя бы постоянна в неукротимой ненависти ко мне! – завещать трон Марии, юной королеве Шотландской, католичке до мозга костей. Мария Шотландская воцарится в Англии – чужеземка, воспитанная французами, и папистка в придачу? О чем думала наша Мария?

Ни о чем – для нее оставалось лишь последнее ничто, медленное угасание в небытие. Когда пришло первое августа и даже она не могла больше надеяться на чудо – рождение двенадцатимесячного младенца, – Мария испустила протяжный вопль, от которого у собак на десять миль в округе шерсть поднялась дыбом. Затем она впала в тоску, а потом – в помрачение ума. «Она не ест и не спит, – сообщал Сесил, – только ходит по комнатам и беспрерывно взывает к Богу». Другие писали мне, что она одержима постоянным страхом за свою жизнь, прячется по углам, носит доспехи, чтобы уберечься от кинжала убийцы, днем и ночью держит при себе старый заржавленный меч на случай смертельной схватки.

Однако ее смертельная схватка была уже проиграна. А я шаг за шагом приближалась к незримому будущему. Поток приближенных перерос в настоящий потоп, все больше людей толпилось у моего порога. Однако главным моим радетелем оставался Вильям Сесил. Вместе с Парри они начали прощупывать лордов и землевладельцев, крупных и мелких, проверяя, на чьей те стороне. Рыцарь из Уилтишира прислал людей и денег с письменными заверениями, что посадит меня на трон или умрет под моими знаменами. Лорд из Бервика пришел сам, во главе тысячи вооруженных людей. И это север, тайное прибежище и оплот католицизма!

Однако, несмотря на все заботы Сесила, я боялась не столько

вооруженного нападения. Я просто жила, гуляла, ела, спала, молилась в лихорадке предвкушения – ив черном тумане страха.

Ибо близилось то, что смутно маячило передо мной на протяжении двадцати пяти лет, – это означало теперь быть почти что королевой?

Теперь? Я желала этого так сильно, что, засыпая, грезила о власти и просыпалась с ее вкусом на губах. Однако я была больна от страха, что судьба играет со мной, как нередко играла прежде. Утром, и вечером, молясь, я повторяла клятву: теперь ни Мария, ни Сам Господь меня не обманут! Я стану королевой! Ничто меня не остановит!

И вот после бессонной ночи я вставала еще до зари и принималась за работу. С помощью Парри, Эскама и моих новобранцев ни одно письмо не оставалось без ответа, ни один сторонник – без ласкового приема. Однако, несмотря на все мои занятия, дни тянулись неделями, недели – месяцами, все было готово и все же приходилось ждать.

Одно событие нарушило течение этого странного времени, когда Кэт и Парри, Эскам и мастер Парри, и все остальные, и я смотрели друг на друга, затаив дыхание от пробуждения и до того часа, когда догорали последние свечи. Хотя Филипп отверг все отчаянные просьбы Марии вернуться в Англию, он не желал проститься с королевством так же легко, как распрощался с женой. В последнюю неделю Марииной жизни Англию, Хэтфилд и меня посетил нежданный гость.

Как мне припомнилась наша первая встреча – тогда он стоял рядом с Филиппом и переводил его слова. Теперь он был важен, в оливково-зеленой мантии из трехслойного бархата, в превосходно скроенных парчовых рейтузах. По-прежнему при нем был молодой адъютант с той же ехидной, скользкой усмешкой на устах. Я приняла его сразу по приезде и порадовалась своей новой значительности – теперь он является ко мне!

– Сеньор посол де Ферия, добро пожаловать в мой дом.

Я чуть не прибавила «и в мое королевство», но сейчас было не время шутить.

– Мой повелитель приветствует вас, миледи, – начал он важно, – король желает вам здравствовать! Он через меня предлагает вам всяческую помощь, пока не сможет прибыть сам и лично вас поддержать.

Я наградила его такой же фальшивой улыбкой.

– Прошу вас передать вашему повелителю: когда нам понадобится его помощь и совет, мы о них попросим!

Ферия задохнулся и побелел. Я ликовала. Я буду здесь королевой. Я, я буду править, без Филиппа, без чьей-либо помощи

– только Сесила!

Каждый день превратился в пытку, все ждали смерти Марии. Я молила Бога не длить ее мучений, а тем более моих. Через Сесила я попросила совет не посылать ко мне, пока все не определится окончательно – пока я не смогу увидеть кольцо с ее пальца – с ее мертвой руки – на своей ладони.

Ноябрь быстро убывал. Как-то в полночь пришла весть – ее привез самый доверенный человек Трокмортона: «Королева совсем плоха – она не протянет эту ночь».

Я не сомкнула глаз, я молилась в одиночестве все самые холодные предутренние часы. Едва забрезжил рассвет, вышла из дома и двинулась по парку к воротам, остановилась под старым раскидистым дубом – символом самой Англии. Отсюда я увижу гонцов в ту минуту, как они свернут с большой дороги.

Я ждала несколько часов, но что такое часы по сравнению с двадцатью пятью годами непрерывного ожидания. Наконец они появились, четверо моих лордов, и поспешили ко мне. Я прислонилась к дубу, чтобы почерпнуть от него сил, мне стало трудно дышать. Первый из лордов опустился на колени:

– Ваше Величество, согласны ли вы принять трон и скипетр Англии?

На его ладони лежало Мариино – английское – теперь мое! – кольцо! Я не могла этого осознать.

– О, милорды, милорды… Слезы хлынули ручьем, я тоже опустилась на колени.

– Благодарение Богу! – зазвенел мой голос. – Ибо это Господне дело, чудо, которому мы все свидетели!

Крики отдавались в моих ушах:

– Королева умерла! Да здравствует королева!

Королева…

Королева…

Королева…

Королева Елизавета!

Елизавета – королева!

Послесловие к моей второй книге

Королева…

Не незаконнорожденная, не сирота, не «маленькая шлюха», но королева, настоящая королева, королева Англии.

Это был восторг, чистый восторг, волна неземного блаженства. А вслед за ней – тот прилив горячей крови, который пробудили во мне лорд Серрей и лорд Сеймур, зов крови,

пробуждаемый в женщине мужчиной. Но не ими – другим, более близким, более дорогим, более пугающим.

Моим отцом.

Так ли было и с ним, когда после стольких лет безвестности он тоже стал первым человеком королевства?

Говорят, когда Генриха провозглашали королем, в Вестминстерском аббатстве от криков только что не ломались балки. Генрих стал королем – избранником Божьим и народным.

Будут ли так же приветствовать меня?

А почему бы нет? Ведь я восторжествовала, как восторжествовал он, после множества невзгод и лишений. Я уцелела, несмотря на ненависть сестры Марии, несмотря на интриги ее мужа-испанца. Я стала королевой, хотя Генрих объявил меня ублюдком, и Папа, и епископы, да и даже Эдуард!

И в эту секунду я от всей души поклялась: «С этой минуты всякий назвавший меня ублюдком, незаконнорожденной, умрет!» И вот я дожила до того дня, когда мой обет исполнился: единственный человек, посмевший бросить мне в лицо это обвинение, умрет, как я поклялась в день моего восшествия.

Значит, больше не ублюдок.

Но девственница – и об этом стоит подумать. Этот титул я так просто на свалку не выброшу. Когда я думала о Марии, о своей матери, о трех Екатеринах – женах моего отца, не говоря уже о бесчисленных других женщинах, я понимала, что сказать ада» у алтаря значит навеки сказать «нет» прочим моим желаниям.

А выйти замуж – значит рожать, о, как меня это пугало…

Ладно, оставим страхи на будущее. Ведь я победила прошлое, победила отца, перешагнула через него и все его мрачное наследие. И все же я понимала – если б не он, не было бы и моего настоящего – я обязана ему этим и еще многим!

Теперь я могла это признать. От него я взяла свой рост, внешность, здоровье, способности к музыке, танцам, верховой езде, способность действовать. От него мое нетерпение, любовь к знаниям, да и любовь ко всяким забавам, даже к его любимой…

От матери я взяла только глаза, темные глаза, которые так соблазнительно подчеркиваются моими светлыми волоса ми, глаза-силки, чтобы уловить мужские души…

И я – вылитый отец, настоящая Тюдор во всем, что касается любви к власти и деньгам!

Что ж! Я возьму у него лучшее, что он оставил, и, подобно ему, постараюсь отдать лучшую мою часть на служение Англии! В Хэтфилдском парке, дрожа на морозном воздухе, но не от холода, я увидела свою судьбу, великую и возвышенную, но близкую и

бесценную.

Ибо я горела, горела вожделением, пылала любовью, которую рвалась подарить своим подданным, народу, который я любила. Я отдам им свое сердце, душу, мужество, свою жизненную суть, любовь, веру – но прежде всего тело мое будет принадлежать Англии до последнего моего вздоха.

Значит, уже не девственница.

Замужем за Англией.

Я обниму свое предназначение, как жениха, крепко сожму в объятиях.

И каждый в Англии пойдет за меня в бой!

Здесь заканчивается вторая книга моей истории

Книга 3 Королева

Пролог

Королева…

Regina Anglorum…

Королева Англии, наследница английских монархов.

И каждый в Англии, не щадя жизни, пойдет за меня в бой.

Я слышала музыку звезд. Блистающие потоки блаженства пронзали меня, наполняли сердце и питали готовую разорваться душу. Я – королева!

На один ослепительный миг я увидела вечность во всем ее сиянии, а в ней – о, Боже! – отца, и его отца, и наш королевский род, ветвь, длящуюся от первого дня Творения[1].

И в тот же самый блаженный миг я расхохоталась над представшим мне зрелищем. Ведь все это – ложь, фиглярство и самообольщение, не больше.

Наш королевский род насчитывал лишь двух королей, в тонких жилах основателя нашей династии, юного Генриха Тюдора, текло меньше доброй английской крови, чем у любого другого английского короля со времен нормандского ублюдка, Вилъгельма Завоевателя. Генрих был чистой воды полукровка, валлийско-французская помесь.

Gaudeamus igitur! Возрадуемся же и восхвалим дедушку Генриха за ловкость рук, поднесем ему свое восхищение на королевском блюде!

Незаконнорожденные и полукровки, полукровки и незаконнорожденные, сила нашего королевства…

Теперь, когда все они мертвы, я, Елизавета, королева Англии, могу сказать – в предках Генриха Тюдора по мужской линии царственность и не ночевала, разве что, если быть совсем точной, лежала рядом. Ко времени смерти Генриха V, Оуэн Тюдор, дед будущего Генриха VII, был всего лишь доверенным слугой королевы, хранителем ее гардероба. И этот-то гардеробщик пролез под одеяло безутешной вдовы и, женившись, одним махом стал лордом-постельничъим и Главным спальником Ее Величества Королевы, Главным управляющим Королевского Тела и Валлийским Отведывателем Королевиных деликатесов – словом, королевское величие снизошло на него, подобно греху, через близость.

Этот келът-верхолаз поплатился за свою самонадеянность

головой. Но его странствие в чужие края (королева была француженкой) и возделывание вдовьей нивы принесли плоды. Ибо отпрыск этого союза таким же точно прыжком достиг другой царственной невесты, последней из Ланкастеров, и Тюдоровская династия будущих королей вышла в поход.

Кстати, его сын, мой дед Генрих, «Всеанглийская роза Тюдоров», за все отрочество ни разу не ступил на английскую землю своей валлийской ногой («Валлийской и лягушачьей в придачу», – злословили враги). В постоянной опасности из-за близости к трону, он половину юности провел в навозных замках Южного Уэльса, другую половину – в бегах, вместе со стариком-дядюшкой крадучись по задворкам Бретани – «Собачья дыра, мальчик мой, – рассуждал Джаспер, – однако лучше вам расти в этой конуре, чем в Англии».

И отсюда, наконец, пришел юный Генрих заявить свои права на Англию с какими-то двумя тысячами бойцов – французов, валлийцев, шотландцев – только не англичан, как вы можете заметить!

Более века валлийские барды пели о грядущем возвращении Тюдора. Народ ждал прихода Мессии-Тюдора. Однако валлийцу что пророчество изречь, что плюнуть – цена одна; он всегда охотнее бранился и бахвалился, чем бился и боролся. И в то время как Генрих вел свой многоязыкий, вооруженный копьями и кольями отряд в тот пыльный август, только один вельможа, лорд Тальбот, пришел к нему на помощь (осудите ли вы меня за то, что я по сей день удерживаю Тальботов при себе!).

И в битве при Босворте горбун Ричард (отдадим дьяволу должное) бился, как сам дьявол, кромсая вражеские печенки, – так вепрь в последнем исступлении клыками рвет в клочья воздух. И не переметнись граф Стенли на сторону Генриха, Ричард бы победил.

Тогда и началось возвышение дома Тюдоров, из праха Ланкастеров и Йорков. Так полукровка, сын французской королевы, воспылавшей к своему хранителю гардероба, вспрыгнул на трон и сел вровень с Фридрихом III, императором Германским, его сыном Максимилианом I, только что коронованным королем Римским, Карлом VIII Французским и Яковом III Шотландским, назвавшись другом и братом этой монаршей компании. И все это – едва достигнув двадцати четырех лет!

Нападаю ли я на дедушку Генриха?

Нет, рукоплещу ему, так же, как рукоплещу его выбору будущей королевы, единственной женщины, способной исцелить раны, нанесенные Войною Алой и Белой розы, – моей бабушки-

тезки, юной принцессы Елизаветы.

От нее пошло червонное золото Тюдоровских волос, бледная кожа и точеные черты, которыми, что греха таить, мы так тщеславимся.

И это было больше, чем брак по расчету. «Я люблю тебя, милая, – писал он весенней порою их любви, – и томлюсь по тебе больше, чем сердце умеет выразить».

И это была хорошая пара, а он – хороший король. Он возродил измученную землю, опустошенную войною и сильными мира сего. Он подавил мятеж, низвел его до состояния вши, ползущей по телу политики. Он боролся с интригами. Он не заводил фаворитов.

И он берег свои чресла не для любовников того или иного пола. У него не было ни Марии Болейн, ни Бесси Блант, ни Пирса Гавестона, возлюбленного Эдуарда П. Ни один из его детей не корчился от боли под бичующим «ублюдок!» – о, если б мой отец был так же осмотрителен, когда расплескивал свое семя!

Он не расточал понапрасну свое естество; и точно так же не расточал понапрасну деньги. Он крепко держал свою казну – «крепче, чем сжатый кулак, как выразился граф Сент-Джон, его лорд-казначей, и ни капли не утекло сквозь пальцы»! Таким образом, он оставил государство в прибыли.

И Генрих был миротворцем – он всегда больше миловал, чем казнил. За двадцать четыре года Генрих ни разу не вторгся в чужие пределы и ни разу не покинул своих. Он оставил по себе чистую совесть и безупречные балансовые ведомости – неплохое наследство.

И неплохой урок для свежеиспеченной королевы Я дала обет усвоить его целиком. Клянусь, в тот день в Хэтфилде он явился рассказать мне это все. А я обещала помнить – помнить и следовать…

Глава 1

«Золотые слова – взять, удержать, сберечь», – говорят в народе.

Взять, удержать, сберечь…

Это – обо мне.

Я задыхалась от радости. Но хотя голова у меня кружилась, а душа трепетала в эти первые минуты опьянения, внутренний голос оставался трезвым и нашептывал: «Взять – самое простое; сумей теперь удержать и сберечь».

В прозрачном ноябрьском воздухе я слышала свой собственный сбивчивый голос – он доносился как бы со стороны:

– Благодарение Богу! Это Его дела! Обнародуйте новость! Сообщите императору Священной Римской Империи, испанскому королю, английским послам, лорду Роберту Дадли, королям французскому, датскому и шведскому…

Лорду Роберту Дадли? Как затесался он среди великих мира сего?

Не спрашивайте. Не знаю.

Жидкая грязь, на которой я стояла, пропитала чулки и холодила колени. Вслед за гонцами в парк набился народ. Их сиятельства встревожились: «Ваше Величество, ради всего святого, пройдите в дом!»

Величество…

Есть ли слово слаще?

С большой галереи я смотрела на волнующуюся толпу, что запрудила двор, и от полноты сердца не могла даже плакать. Воздух гудел от колокольного трезвона, далеко на горизонте горел сигнальный маяк, передавая от одной сторожевой башни к другой весть о моем восшествии на престол. Служители выкатывали из погребов бочки и бочонки, обрадованные гуляки под гром здравиц распивали светлый искристый эль.

И вдруг посреди толпы чистый, высокий голос запел:

Молились мы в годину бед:
Господь, храни Элизабет!
Когда детей терзают плоть,
Даруй нам нашу Бесс, Господь!
В раю их дух, в могиле плоть;
Молитвам нашим внял Господь!

И тут я разрыдалась.

Дрожащая, бессловесная Кэт цеплялась за мою руку, Парри, окрыленная видением будущего могущества, вдохновенно тарахтела о платьях и драгоценностях, уборах и белилах, корсажах, гофрированных манжетах и шлейфах в сорок футов длиной. Каждый из моих приближенных ликовал по-своему. Эскам стучал кулаком по ладони и цитировал древних греков, казначей Парри орал по-валлийски, Чертей без стеснения рыдал то на одном, то на другом плече онемевшего, сияющего Вернона.

Вайн с горсткой слуг сдерживал в дверях напор охрипшей от криков толпы. Впрочем, одного тихого человека пропустили сразу.

– Моя милостивейшая владычица!

Преклоненные колени, строгий наряд, мягкая черная судейская шапочка, сумка со свитками и актами – мой Сесил!

Смеясь и плача, я подняла его с колен.

– Мой дорогой, добрый друг!

Он тряхнул головой, улыбаясь пронзительными серыми глазами.

– К вашим услугам, мадам.

Его слова, его тяжелая сумка с документами, его рвение – все говорило об одном.

– Ладно, сэр, – отвечала я, – раз так, служите мне изо всех сил!

Мы приступили в тот же вечер у меня в комнате, сдвинув колени у очага, похожие больше на школьницу и учителя, чем на королеву и ее советника.

– Перво-наперво следует замириться с Францией, мадам, покончить с войной, – настаивал Сесил, – укрепить границы – а для этого восстановить флот, – но ограничиться обороной. Ведь война стоит денег, денег у нас нет, казна истощена. Чтобы все это осуществить, ваша милость должны установить свое правление через Тайный совет и далее через судей, должностных лиц, судебных исполнителей и приставов, клерков и околоточных надзирателей по всей стране.

Мне стало страшно. Справлюсь ли я со всем этим? Сама, одна?

Сесил, похоже, угадал мои мысли, потому что улыбнулся и добавил:

– Но первым делом ваша коронация!

Моя коронация!..

– С которой вам помогут члены вашего Тайного совета.

Члены моего Тайного совета…

Мои тайные советники…

Мои, мои советники…

Они ждали меня в большом сводчатом зале Хэтфилда, мои тайные советники, усталые и сумрачные, с лицами пустыми, белыми, словно пергамент, ожидающий моей подписи и печати.

Я вошла в алом с головы до ног, все на мне пламенело рубинами – от обруча на волосах до пряжек на туфлях, однако сама была бледна, как зимний рассвет.

Сердце мое замирало, к горлу подступала тошнота, когда я оглядывала ряды коленопреклоненных мужчин: вот мой двоюродный дед, лорд Говард, с ним юный герцог Норфолк, вот лорд-казначей Полет, вот Сассекс, Дерби и Бедфорд, рядом с ними Арундел, Гастингс и Шрусбери – эта троица неизменно сопровождала Гардинера, когда сей добрейший епископ являлся меня запугивать, вот Клинтон и Норфолк, Пембрук и Паджет, да, да, Паджет, а рядом с ним эта гадина Рич – палач Анны Эскью и орудие Ризли – хотя сам Ризли, слава Богу, счел за лучшее оставить двор, – и все их присные, разряженные в пух и прах, чтобы засвидетельствовать почтение королеве.

Кому из них можно доверять?

Тишина стояла гробовая, казалось, дрожал сам воздух. И немудрено! Немудрено, что у смело глядящих лордов в душе тряслись их благородные поджилки! Последний раз я видела их всем скопом, когда они отправляли меня в Тауэр. Могли ли и я, и они это забыть?

И все же забыть надо.

Я должна забыть, я, королева, – сейчас или никогда…

Я сжала руками резные львиные головы на подлокотниках – они были холодные.

– Милорды, – начала я, – Господь свидетель, я скорблю о смерти сестры… но Он возложил на меня это бремя, и я не вольна отказаться. Мы все – рабы Божьи и должны быть покорны Его воле. И коли я должна править, я буду править!

Если они ожидали услышать робкую зеленую девчонку, то они просчитались. Кто-то шумно выдохнул, кто-то испуганно сморгнул – да, это была сладкая месть. Я ликовала.

Однако мой долг – не мстить за прошлые обиды, а глядеть в будущее. «Прежде всего подберите себе совет», – сказал Сесил. При отце в совет входило двадцать лордов; Мария по слабости, а также из желания угодить мужу, возвышая его людей, раздула их число почти до пятидесяти. Слишком много – подсказывало мне чутье. Мой совет будет меньше.

Кому можно доверять?

Все пятьдесят советников Марии стояли передо мной на коленях, с непокрытыми головами, готовые по моему слову вывернуться наизнанку. Еще бы, ведь место в совете или при

дворе – безусловно власть. А власть – это уважение, уважение – это деньги, деньги – это власть, для тех, кого я пожелаю к себе приблизить.

Кому можно доверять? Как поведут себя Дерби, Шрусбери, Арундел, Нортемберленд, Уэстерморленд, великие лорды Севера, католики до мозга костей, враждебные ко всему, что связано с именем «Болейн», – станут ли они служить женщине и еретичке? Я не могу разом прогнать всех Марииных людей. Но, быть может, выход – разбавить их своими родичами и единоверцами, ввести в совет моего двоюродного деда Говарда, кузенов Фрэнсиса Ноллиса и Генри Кэри, столь же крепких в новой вере, как эти лорды – в старой? Кого-то я могу возвысить сама – Сэсил упомянул своего свояка, умного законоведа и члена парламента, сэра Николаса Бэкона, – надо бы с ним поговорить…

Кому-то из старых знакомцев придется уйти – тому же Паджету, этой ядовитой жабе, Ричу!

А как с остальными?

Это не к спеху!

– Милорды, – промолвила я со сладчайшей улыбкой, – вы видите меня перед собой – простую девушку, Божью девственницу, руководимую нынче Им одним. Многолюдство порождает сумятицу – мне нужен совет, с которым я сумею сладить, маленький совет по моим скромным нуждам. И вскоре я его назначу.

К вашим услугам, милорды, я прибегну по мере надобности. Однако вам, сэр Вильям, – я шагнула к Сесилу и взяла его за руку, – я поручаю возглавить совет и, не щадя живота, трудиться на благо мое и моего королевства.

Я знаю – вы неподкупны и всегда будете руководствоваться соображениями полезности.

Знаю и то, что могу положиться на вашу деликатность, и обещаю вам свою. Разрешаю вам вести переговоры по своему усмотрению, здесь и за границей, с врагом и с другом, представлять меня во всех делах. Облекаю вас соответствующей властью.

Позже мой Сесил написал: «Тайны, сохраняемые меж принцессой и ее секретарем, можно уподобить нежному чувству влюбленных, скрываемому даже от друзей». Так оно и было: в важнейших делах государства, как в делах любви, в брачном союзе умов. Я знала, что его рассудительность, кропотливость, изобретательность, преданность мне не изменят. Теперь предстояло испытать его патриотизм – и мой…

Дом – начало всего: прежде наведи порядок в собственном доме.

Попивая сладкое золотое вино и жуя засахаренные вишни, я сражалась с новой непомерной задачей: кто будут мои приближенные дамы.

Первый шаг сомнений не вызывал: Кэт и Парри станут моими гофмейстеринами, обер-фрейлинами, хранительницами гардероба, августейших книг и безделушек, августейшего спокойствия!

Что до остальных…

– Вам надо окружить себя дамами, миледи, и обязательно самыми лучшими! – поучала Кэт, вполне освоившаяся со своей новой ролью. – Вот, например, леди Екатерина Грэй, кузина вашей милости, и леди Джейн Сеймур, дочь покойного лорда-протектора, леди Анна Рассел, дочь герцога Бедфорда, – все добрые протестантки, мадам, вполне достойные быть рядом с королевой.

Екатерина, кузина Екатерина – тощая бледная лисичка, точь-в-точь покойница Джейн, только без ее ума. Зато, надо полагать, с гонором, еще бы, ведь теперь она старшая в роду! Мало радости постоянно видеть ее рядом с собой, принимать ее услуги днем и ночью!

И все же теперь она – моя очевидная наследница; она при мне выполняла ту же роль, что я – при Марии. Лучше пусть будет рядом, под присмотром, чем невесть где и невесть с какими мыслями. Ладно, я согласна.

– Кэт…

– И другие ваши родственницы, мэм, хоть и дальние: свояченицы вашего кузена Генри, сына Марии Кэри.

Урожденной Марии Болейн.

Да, я не забыла Генри. Я покажу миру, что родная кровь – это родная кровь, добрая кровь Болейнов…

Кэт не унималась:

– У вашего двоюродного зятя, Фрэнсиса Ноллиса, есть две дочери, Леттис и Сесилия, от вашей кузины, дочери вашей тетушки Марии, и еще одна Мария – леди Мария Говард, дочь лорда Говарда, вашего двоюродного деда…

Как она их всех помнит?

– Довольно, Кэт! Теперь ты обер-фрейлина, вот и выбирай кого хочешь, лишь бы были молодые, здоровые, пригожие и стойкие в вере… Только папистских гадюк я рядом с собой не потерплю!

И это только начало. Предстояло еще разбираться с придворными и челядью, постельничьими и дворецкими, камеристками, лейб-гвардейцами и телохранителями…

А от Марии мне досталась чета придворных дураков – Вил и

Джейн Сомерс, отцовские карлики, итальянский жонглер, две итальянские карлицы, Ипполита и Томасина, да еще арапчонок, наряженный, как мартышка, в широкие штаны и черную курточку с золотой мишурой…

Куда их всех деть?

Близилось обеденное время, и я чувствовала, что верный Сесил опять расхаживает в галерее со своими бумагами. Голова раскалывалась, в ушах звенело, все тело было натянуто, как струна. Коронация, казна, воинство и флот, Испания и Франция – волнами проносилось в мозгу. Но одна мысль господствовала над всеми.

Доскакал ли гонец до Норфолка? Из всех моих посланий европейским, монархам это – самое для меня дорогое, его везет гонец, посланный по моему личному приказу на самом резвом коне…

Сколько миль от Хэтфилда до Фрамлингхэма!

Когда его ждать?

Вечерний воздух лучился золотом и багрянцем, закат догорал, на небосводе проступила бледная облатка луны. Окрестный народ по-прежнему валил валом: кто предлагал товар, кто – услуги, кто пришел просто порадоваться вместе с нами. Но даже сквозь гул толпы я различила четкий, нарастающий звук, мерный четырехтактный топот мчащегося галопом коня.

А вот и он сам: огромный, безупречно-белый скакун с грохотом пронесся по дороге и одним прыжком, словно крылатый Пегас, перемахнул через ограду в парк. Лишь один человек в Англии может совладать с таким скакуном, отважиться на подобный прыжок…

А вот и он, в самую нужную минуту, о, Господи! Господи Боже, ведь это он, у моих ног, целует мне руки…

– Ваше Величество!

Он плакал: по его тонкому, красивому лицу текли слезы… из глаз, которых я уже не чаяла в этой жизни увидеть, разве что во сне…

Он стал старше – смуглее, серьезнее…

…это был…

…это был…

…это был…

Глава 2

– Робин!

Мой Робин.

В залог своей любви он привез мне дубовые листья (знаете ли вы, что его имя происходит от латинского robur – дуб?). Дуб – символ Англии, символ крепости, символ верности и несгибаемости!

А я давно придумала и мысленно пообещала ему придворную должность, идеальную должность для идеального наездника.

И на следующий день, когда я выехала в Лондон, рядом со мной гарцевал на белом жеребце новый смотритель королевских конюшен. За нами ехал Сесил, слегка огорченный тем, что его лошадка оказалась на двадцать дюймов ниже Робинова скакуна и моей длинноногой кобылы.

Нас провожала тысячная толпа, и чем ближе к Лондону, тем она становилась больше. А я сидела на золотисто-гнедой кобыле в лиловом бархатном платье, пышном, словно распустившаяся пармская фиалка, в венце из аметистов, с развевающимся на ветру золотистым шарфом, и рядом с двумя такими мужчинами чувствовала себя воистину королевой.

Однако на подъезде к Тауэру меня затрясло, как в лихорадке, из глаз брызнули слезы. Здесь мучилась Джейн, здесь умерла моя мать, здесь на глазах у Робина казнили его брата и отца, здесь я готовилась прожить свою последнюю ночь. «О, Господи! – рыдала я. – Многих наследных принцев низринули до здешних узников, но мало кто из здешних узников, подобно мне, возвысился до принцессы! Боже Всемогущий, Ты избавил меня, как Даниила изо рва львиного; во всю мою жизнь не устану возносить Тебе хвалу!»

А знаете, что отец Робина перед смертью был вынужден принять католичество? Отречься от своей веры, стерпеть унижение на глазах тех, кто пришел поглумиться над ним у ступеней эшафота, – чтобы спасти от лютой смерти сыновей. И все же старший, лорд Джон, сложил голову в темнице. Ему не было и двадцати двух. Удивительно ли, что Робин ненавидит папистов и льнет ко мне?

И в это Рождество в Уайт-холле Робин не упустил случая показать всем, что папизм мертв.

«Ибо старая римская шлюха, – дерзко заявил он, – в последний раз задирала юбки на этой земле!»

Поэтому мы устроили пантомиму в ярких нарядах и под развеселую музыку, где попы и монахи выступили жадными черными шутами, епископы – жирными свиньями и тупыми

ослами, кардиналы – волками, стригущими простодушных овечек – народ. Славное получилось угощенье для испанцев, которые еще оставались при моем дворе. У Ферии глаза вылезли из орбит, словно его сейчас хватит удар, но пришлось ему терпеть. Мы с Робином, спрятавшись за моим веером, потешались над его смятением не меньше, чем над выходками ряженых. А потом плясали, плясали, плясали самую быструю, самую стремительную гальярду, какую когда-либо отплясывали при дворе.

А что же Эми, грудастая смуглянка Эми, его жена!

Он не говорил, я не спрашивала, voila.

А потом была моя коронация.

Ш-ги-ш, я и сейчас их слышу: колокольный звон, пальбу, возгласы толпы: вся Англия до хрипоты выкликает пятисложное Е-ЛИ-ЗА-ВЕ-ТА!..

Я знала: мне следует венчаться на царство с такой пышностью, чтобы никто не усомнился в законности моих прав. Уже и так католики, и попы, и миряне, беспокоились и злились – тревожились за свою власть и пугались возвращения наших изгнанников, таких, как Эшли, муж Кэт, или мои кузены Ноллис и Кэри, тех, кто при Марии бежали от гонений в мирную Швейцарию.

– Вот, волки сбегаются назад из Женевы, этой выгребной ямы протестантизма! – ярились они со своих кафедр.

В Рождество Господа нашего Иисуса Христа громогласный епископ посмел по римскому обряду поднять Святые Дары передо мною, своей королевой!

– Прекратите комедию! – рявкнула я на него.

Однако он не унялся. И я знала, что многие – кто шепотом, кто в открытую – говорят, мол, я не та королева, потому что прижита вне брака, а значит, престол должен перейти по линии старшей сестры отца к шотландской королеве, моей католической кузине Марии.

Поэтому я решила закатить такую коронацию, чтобы поразить своим могуществом даже врагов. «Предоставьте это мне, мадам, – уговаривал Робин, – и я, ваш церемониймейстер, явлю вас народу, как ни ему, ни вам даже не снилось. Только доверьтесь мне!»

И я согласилась.

Он хотел, чтобы все было самым лучшим образом, я же – чтобы все прошло как можно скорее, и наши люди сбивались с ног в попытке угодить нам обоим.

– Ваша милость, парча из Антверпена, пурпур из Браганцы, шелк цвета слоновой кости из Китая…

– Мадам, честью ручаюсь, это паутинка, бабочкины крыльца, трепетание мотылька, дыхание ангела!

Бог весть как им это удалось, но к середине января у Парри и Кэт были готовы четыре церемониальных платья. Дату назвал ученый астролог (его нашел Робин): он составил мой гороскоп и пообещал мне долгую жизнь под знаком восходящей – всегда восходящей Девы.

В назначенное утро Дева встала после бессонной ночи, но в том состоянии, когда усталость пропадает и чувствуешь себя бесплотной.

– Нет, не надо ничего взбадривающего, Кэт, ни вина, ни пива, мне ничего не надо!

Взглянув в мои сияющие глаза, Кэт оставила меня питаться воздухом и восторгами.

И впрямь, я словно плыла из Тауэра в Вестминстер, сперва во дворец, потом в старое аббатство, где венчались на царство и похоронены мои отец и дед. Через Истчип, мимо собора Святого Павла, вниз по Ладгейт-хилл, вверх по Флит-стрит, по набережной вдоль Темзы меня несло по сплошной паутине, сотканной из криков толпы, пения хоров, колокольного трезвона, пушечной пальбы, грохочущей, как при конце света.

– Вы должны показаться народу, миледи! – объявил Робин.

И я показалась – парящая над толпой в платье из золота и серебра, в паланкине, обитом белым атласом, на восьми подушках белого атласа, расшитых золотом.

Золотом? Мы купались в золоте, мы ехали в золоте и по золоту. Я восседала на раззолоченных носилках, под златотканым балдахином, который поддерживали четыре лорда; даже мулы, которые несли паланкин, были обвешаны золотом – золотые уздечки, золотые попоны, золотая сбруя. За мной ехал Робин, тоже в золоте, на черном скакуне, чтоб оттенить безупречную масть моей молочно-белой кобылы, которую он вел за золотые поводья на случай, если в ней возникнет надобность.

Впереди ехала верхом многочисленная свита: придворные, судьи, духовенство и чиновники.

Рядом со мной восседал на коне лорд-мэр с золотым скипетром, по другую руку от него – герольдмейстер Ордена Подвязки с золотой державой. Сзади шел лорд Пембрук с поднятым мечом государства: на тяжелых, позолоченных зимним солнцем ножнах сверкали бесчисленные жемчужины. Возле носилок маршировали парламентские приставы, рядом – королевские пенсионеры, рядом – лейб-гвардия в новых алых бархатных камзолах с золотыми и серебрянными блестками, позади – сорок моих дам, разодетых в парчу и багрянец, ибо мы перевернули всю Англию, да что Англию, весь мир в поисках всего самого лучшего!

И наконец, народ… О, мой народ, никогда я его так не любила! Тысячами, десятками тысяч, с осунувшимися от холода синими лицами, люди выстаивали под утренним снегом, в дорожном месиве, чтобы приветствовать мой кортеж.

– Взгляните на ее милость! – рыдала женщина. – Взгляните на ее благословенный лик!

– Долгой жизни и радости! Всех благ королеве Елизавете!

– Спасибо! – кричала я в ответ. – Вот увидите, я буду вам хорошей королевой и госпожой!

На колени мне летели букеты и бутоньерки из сухих бессмертников, вереска и тимьяна. Престарелая дама бросила пучок розмарина. Розмарин – это для памятливости: как навязчиво этот запах воскрешает прошлое! Бери, дружок, и помни! Я оглянулась на Робина и по его глазам поняла: он тоже вспомнил.

– Господь да благословит Ваше Величество!

– Храни вас всех Господь, – отвечала я, – и спасибо от всего сердца!

– Благодарение Богу, что вы есть, госпожа!

Молитвы и благословения, приветствия и пожелания счастья сыпались золотым дождем.

И золото, кстати, тоже – у Чипсайд-кросс лорд-мэр Лондона вручил мне алый атласный кошель с тысячей марок золотом. Однако лучший подарок – тот, что не купишь ни за какие деньги, – слабый выкрик одного дряхлого старика:

– Я вспоминаю старого короля Гарри Восьмого! Теперь Англия снова заживет весело!

И пантомимы, сценки на каждом углу – милое и наивное выражение преданности и гордости! У Малого канала – живая картина: старец с косой и в саване, рядом – хорошенькая девица.

– Эй! Остановите паланкин! – крикнула я. – Что это значит?

– Она, с разрешения Вашего Величества, изображает Истину, дочь старика-Времени, – последовал ответ.

– Времени! – Я весело рассмеялась и помахала старику. – Воистину время привело меня сюда!

Во дворце я сменила золотое и серебряное платье на королевское алое – как сердцевина розы, как любовь, как кровь. Вырезанное под самое горло, с маленьким плоеным воротником из снежно-белой камки, оно было обещанием целомудренной скромности, этакой неосыпавшейся розой, и в нем я по пунцовому ковру двинулась к аббатству.

И тут, в решающий момент, силы мне изменили. Я дрожала как осиновый лист. От приторно-сладкой волны ладана у входа меня чуть не стошнило. Я тряслась, не в силах ступить и шагу, все

мои члены охватил девственный трепет.

– Мужайтесь, Ваше Величество! – раздался хриплый шепот у самого уха.

Графы Шрусбери и Пембрук поддерживали меня под руки, их супруги несли мой шлейф.

И все же я вздрогнула, вступая в аббатство, когда холодная сводчатая огромность взорвалась светом и шумом, озаренная тысячей тысяч свечей, наполненная громогласными выкриками тысячи тысяч глоток.

Однако в алтаре мы остались одни – я, старик епископ… и Бог…

Да, Он был здесь, в какое-то бессмертное мгновение я ощутила Его близость!

Не верите? Не думаете, что Он освятил своим присутствием меня, мое помазание, благословил мою страну и мое правление?

Он был здесь: я знала, я чувствовала, Он вдохновил меня на мой путь. Ибо с этой секунды мне предстояло стать королевой – и я, словно невеста, жаждала обнять свое предназначение, слиться с ним, отдаться душой и телом…

Шаг за шагом женщины готовили меня к этой секунде. С меня сняли бархатную шапочку, воротник, манжеты, рукава, робу, платье, корсаж. цепи и серьги, юбки, даже туфли. На мне осталась одна сорочка – лишь тонкий льняной покров между моей стыдливой наготой и пронизывающим холодом…

И даже ее пришлось распахнуть для поцелуя святой мирры – брр! Как оно холодило мою неприкрытую грудь! И еще оно было прогорклое – как терпко и странно оно пахло, стекая между грудей! Я задыхалась от холода и от экстаза. Грубым, как у работника, старческим большим пальцем епископ трижды начертал на моем теле крест – на лбу и над каждой грудью, вдавливая и вдавливая так сильно, что у меня поднялись соски, но он, похоже, этого не заметил – он надевал коронационное кольцо на мой левый безымянный палец.

Так я сочеталась браком: я отдалась и повенчалась, ибо в эту секунду что-то овладело моим телом и душой. Пусть мои ноги, руки, лицо были холодны как лед – внутри глубочайшая женская суть затрепетала, теплота, жар пронизали меня, и я поняла, что принадлежу Англии, повенчана с Англией, живу ее жизнью, что я – душа Англии, ее ангел-хранитель, мать и любовница, жена и королева.

Королева…

Я беззвучно рыдала, как все мы, женщины, рыдаем в минуты величайшего счастья.

И вот самое роскошное из моих платьев, коронационное

облачение, золотой, затканный серебром шелк, манжеты тончайшей венецианской парчи оторочены золотой каймой. На шее, на груди, на плечах – ожерелья из плоскогранных сапфиров с большими круглыми рубинами и жемчужными подвесками. А сверху – королевская мантия: расшитый золотом шелк в цвет платью с горностаевым воротником в двадцать дюймов шириной, отороченный по подолу горностаем, – знак королевского достоинства. Поверх мантии струились мои незаплетенные волосы, распущенные по-девичьи, золотисто-рыжие, как и лучистый шелк робы, – все олицетворяло полную гармонию и согласие.

Все, кроме моей девической слабости, – ибо сердце мое замирало, колени дрожали, ноги подкашивались…

Затем на меня возложили корону святого Эдварда, самую древнюю и священную. И наконец, корону, которую мне предстояло носить до конца церемонии…

Как разгулялись в тот день призраки! Ведь корона была изготовлена для Эдуарда, по его отроческой головке, и пришлась мне как раз впору! До чего же она была хороша: четыре стоячих дуги из золота и жемчугов, основание обвито венком из жемчугов, алмазов и сапфиров, в середине, под крестом, – огромный малиновый самоцвет, рубин, гордость Черного Принца, носящий его имя.

Трепеща, я вышла из алтаря, и герольдмейстер Ордена Подвязки во всеуслышание изрек:

– Провозглашаю тебя королевой Англии, Франции и Ирландии, защитницей нашей веры, всечестнейшей императрицей от Оркадских островов до Пиренейских гор.

Его слова потонули в серебристо-пронзительном визге сотен труб, захлебнулись в громе литавров, в звуке органа, из которого гимн рвался, словно душа из моего трепещущего тела. Признают ли меня законной королевой, чтобы чтить как свою владычицу, чтобы служить мне верой и правдой и пасть за меня в бою?

Да или нет?

«Да! Да!» и снова «Да!».

Меня пронзила ослепительная молния блаженства. Прошлое и будущее слились в одно, настоящее растянулось в бесконечность. Я видела отца и мать и в эту минуту, как никогда, жаждала, чтобы она оказалась рядом.

«Да! Да!» и снова «Да!».

Лорды орали до хрипоты и махали своими маленькими коронками, будто отпущенные с уроков школьники. И под их крики меня отвели во дворец, и там восемьсот пэров и прелатов пировали восемь часов кряду и съели, сдается, по восемь тонн

пищи на брата.

Сама я едва прикоснулась к золоченому жареному лебедю, к фаршированной яблоками кабаньей голове, к павлину в перьях и скворцам в тесте. Мне приятнее было смотреть, как мои люди – да, мои, мои люди, мои пэры, мои рыцари, мой народ! – пьют и жрут до отвала. Дворцовые повара превзошли сами себя – восемь Вестминстерских кухонь превратились в кромешный ад, однако оттуда несли и несли поистине райские кушанья.

И вновь и вновь звучало по кругу; «БОЖЕ, ХРАНИ КОРОЛЕВУ!»

Мой рыцарь-защитник въехал в зал в полном боевом облачении, со звоном швырнул на мощеный пол стальную перчатку и вызвал на поединок всякого, кто усомнится в моих правах.

А пока мы ели, юный герцог Норфолк, впервые вступивший в наследственную должность главного церемониймейстера и главы Геральдической палаты, а также лорд-распорядитель коронации граф Шрусбери в золоте и серебре разъезжали на богато убранных скакунах между рядами столов, дабы уберечь нас от незваных гостей.

А я царила над всем, как Царица Небесная, на верху блаженства. И так я удалилась в опочивальню, не в силах двинуть рукой от усталости; дамы сняли с меня корону, мантию, тяжелое коронационное облачение, девушки, под водительством Кэт, уложили меня в постель, и я сразу забылась глубоким сном.

Ни до, ни после не случалось мне спать так сладко и так мирно.

Ибо то была моя последняя спокойная ночь: поутру Сесил разбудил меня вестью, которой я в страхе ждала с самой Мариной смерти.

Глава 3

Мария, моя родня, мое проклятие.

И моя горечь, как все Марии в моей жизни.

Обманчиво-спокойным голосом Сесил возвестил самое страшное:

– Мадам, королева Шотландии провозгласила себя английской королевой. Ваша сестра умерла, и теперь другая Мария заявляет притязания на ваш трон.

– Какие… притязания? Как она может оспорить мои права? – выговорила я запинаясь, словно круглая дура.

– Она обещает, если потребуется, объявить войну.

– Войну? Господи, помилуй!

Меня прошиб холодный пот. Я увидела, как шотландцы с воплями вторгаются в Англию, вражеские корабли входят в Темзу, французские войска в эту самую минуту сбегают по сходням на берег.

– Она не нападет на нас, мадам, по крайней мере сейчас! – мрачно вымолвил Сесил. – Однако она грозится, пугает, бряцает оружием, требуя признать ее законной королевой…

Тут я уже взвилась:

– А я, выходит, самозванка, незаконнорожденная плебейка?

Разумеется, он не сказал «да», но и отрицать не стал. Он ушел, а я осталась в постели, больная и разбитая.

Кузина Мария – как же я ее ненавидела!

Уж не знаю, что привлекает мужчину в женщине, но у Марии это было от колыбели и до гробовой доски. Я умела завлечь. Мария не завлекала – это былому нее от природы.

Бог весть как ей это удавалось! Она была рослая, не ниже Робина! К тому же черноглазая, разбитная бабенка, говорят, с горбом, с огромной шишкой на носу, который загибался к подбородку совсем по-ведьмински…

Что мужчины в ней находили? Я вовсе не ревную! С какой стати?

Нет, моим проклятьем были лишь ее притязания на трон. И в конечном счете – черным проклятьем для всех ее близких, для ее дела, для нее самой.

– Это все ее свекор, наш враг Франциск, а юная королева не причастна! – возмущался граф Арундел в совете.

Дело происходило в то же утро. Я встревоженно смотрела на его обрюзгшее лицо, на его гримасы, на выкаченные от страха глаза. Я знала, что он тайно держится старого обряда – от пыльного бархатного кафтана разило потом и ладаном. Да, он –

старик, но ведь и старик – мужчина. Неужто он влюблен в нее, как, по слухам, влюблены все?

Полет брезгливо поднял бровь и выложил на стол парижские депеши.

– Франциск? Только в той степени, – поправил он сухим, педантичным тоном, – что французский король велел провозгласить ее английской королевой по всей Европе. – Он скептически постучал ногтем по пергаменту. – Однако как доносят нам в этом письме, молодая королева-дофина сама с восторгом носит траур по нашей покойной королеве, своей «сестре», и щеголяет при французском дворе в английском королевском венце.

Сесил кивнул.

– Разумеется, Франция рассчитывает таким образом нас припугнуть и получить преимущества на грядущих мирных переговорах, – невесело согласился он. – Однако королева Шотландская не была бы женщиной и королевой, если бы устояла перед искушением надеть английскую корону поверх шотландской и французской.

– Так пошлем гонца к нашим представителям на мирных переговорах и велим ужесточить условия, – громко вмешался лорд Клинтон. – Никакого мира, пока королева Шотландская не откажется от своих ложных притязаний!

Иначе Франции придется туго! Мы знаем, что Испания и Франция истощены войной и со дня на день выбросят белый флаг!

Кузен Ноллис подхватил, сверкая карими глазами:

– Ни в чем не уступать папистским воинствам, папистским притязаниям!

Вокруг застеленного зеленым сукном стола летали сердитые фразы, а я сидела, слушала и думала свою невеселую думу.

Будь Мария самозванкой без роду без племени, так ведь нет, при всей своей молодости она – королева, даже вдвойне королева. Первый раз ее короновали в младенчестве, когда ев отец – король – умер со стыда после позорного бегства его воинов, разбитых англичанами при Солвей-моссе; второй – когда пятилетней девицей на выданье отправляли во Францию. Теперь она старая замужняя тетка шестнадцати лет от роду – совсем недавно она справила свое рождение в праздник Непорочного Зачатия Приснодевы Марии.

Бог любит пошутить.

Вот уж кто не дева, и если зачнет – младенца ли, войну, – зачатие явно будет порочным!

Однако ее притязания, пусть и ложные, но имеют под собой

кое-какие основания. Легко вообразить, что говорят у меня за спиной Арундел, Дерби, Шрусбери и другие тайные паписты.

– Она происходит из старшей ветви Тюдоров, – бормочут они. – А значит, имеет больше прав, чем та же Екатерина Грей, внучка младшей сестры покойного короля.

Здесь, надо думать, не выдерживает кто-нибудь из стойких протестантов, старый Бедфорд или Пембрук:

– Король лишил ее прав, как рожденную в католичестве и к тому же за границей. Да она отродясь не ступала на английскую землю!

– Однако многие, живущие в Англии, почитают ее единственно законной!

Да, и многие наши паписты, наши тайные изменники, приветствовали бы католическую королеву, словно Второе Пришествие!

И ни у кого из сердитых, встревоженных лордов язык не повернулся спросить: «А если Мария пойдет на нее войной… что с нами будет?»

Кому же мне доверять?

На той же неделе гонец из Рима доставил новые тревожные вести. Зря Робин веселился на Рождество: мы не убили змею, только растревожили, старая римская гадина по-прежнему копила яд, по-прежнему норовила ужалить.

– Коронационный подарок, мадам, от великого Вельзевула, от этой ватиканской твари! – с солдатской прямотой рубанул старый Пембрук. – Его Препаскудство Павел Четвертый разродился своим очередным детищем – папской буллой!

У меня мурашки побежали по коже. Неужто он снова посмел объявить меня ублюдком, незаконнорожденной, меня, владетельную королеву?

Но старая крыса облюбовала новую помойку.

Сесил разъяснил подробности. Подстрекаемый кошкой – вернее сказать, сукой – Марией Шотландской, – папа объявил меня не ублюдком, но узурпаторшей. Теперь он призывал своих сторонников сбросить меня с престола. Это, постановил он, будет не грех, а заслуга перед Богом.

Открытый призыв к измене. Но то были еще цветочки. К очередному заседанию совета падающий от усталости гонец на взмыленной лошади привез последние новости из Испании. «Теперь у испанской инквизиции, у этой шайки кровавых палачей, новый глава, – объявил Ноллис. – с папским мандатом очистить Европу от ереси!»

А значит, возродить власть Рима. Мы не смели поднять друг на друга глаза.

– Что о нем известно? – зло бросил мой двоюродный дед Говард.

– Это доминиканский монах, милорд, некий брат Михаил, человек крайне ограниченный и еще более жестокий. Половина книг в Европе попала под запрещение и изъята. Евреям велено носить желтую звезду, еретиков жгут, как дрова, только в Калабрии в одном аутодафе сожжено две тысячи человек.

Сожжено на костре.

Вьюжный январь сменился морозным февралем, огонь в каминах полыхал до середины дымовых труб. И каждый раз, протягивая к огню замерзшие руки, я вздрагивала. По моему распоряжению в дворцовой часовне всю неделю молились за упокой несчастных. И все же, как тихо напомнил мне Сесил, у нас под боком остается собственная инквизиция, прихвостни Марии, которые, дай им волю, запалят по всей Англии римские костры. Мы должны утвердить свою веру, а сделать это можно только через парламент.

– В парламенте ваша власть будет испытана на прочность, – говорил Сесил. – Ваше Величество должны их покорить – добиться их одобрения.

Я кивнула:

– Да, и более того – я должна добиться их любви!

Все знают, как собирала свой парламент Мария, – без всякого стеснения наказала шерифам посылать «лишь тех, кто крепок в доброй католической вере». Я на такое не пойду – пусть соберутся честные, испытанные англичане, по своей воле и по воле тех, кто их избрал.

И среди них, к слову сказать, лорд Роберт Дадли, который сумел добиться избрания на место тестя от графства Норфолк, – хотя, к моему огорчению, для, этого ему пришлось покинуть меня и вернуться в упомянутое сырое низинное графство, где находилась его жена.

Ибо толстая смуглянка Эми была владетельной госпожой, и через нее он получил титул, дающий право на место в парламенте. Но ведь Дадли, кажется, из Уорвикшира, его отец и брат представительствовали в парламенте как Уорвики?

Незачем ему туда ездить.

Надо об этом позаботиться.

Так они, члены моего парламента, стекались в Лондон – верхом и пешком, по несколько дней, а то и по несколько недель пробираясь по засыпанным снегом, раскисшим дорогам. Палаты общин я не страшилась, но поддержат ли меня лорды в борьбе с Римом, в трудах по искоренению ядовитой поросли, насажденной в этой стране папизмом?

Бог мне помог, частично устранив худших Марииных епископов; десять умерло в ту зиму, в том числе – вернейший знак Его благоволения – архиепископ Кентерберийский, папский легат, главный сообщник Марии в расправах и казнях. Может, он сам сейчас корчится в огне!

Однако часть преемников уцелела, а в их числе – мои католические лорды из верхней палаты, такие, как Дерби и Шрусбери, не говоря уже о Марииных последышах, вроде лордов Гастингса и Монтегью.

Кому доверять?

Кому, кроме себя?

О, Боже, защити мои права!

Ночь перед битвой я, как старинные рыцари, провела в бдении: я молилась перед открытием моего первого парламента, просила даровать силы – без Божьей помощи мне было не обойтись.

Я встретила этот день, как и день коронации» во всеоружии блеска и могущества.

– Покажитесь во всей красе, – убеждал Робин. – Пусть видят, что вы, королева, едете открывать свой парламент, чтобы утвердить там свою волю. Доверьтесь мне!

И снова его стараниями появились мелочно-белые мулы, золоченый портшез, золотой и серебряный балдахин, все великолепие государственной власти. На этот раз я красовалась в алом бархате, отороченном по воротнику и запястьям мягкой белой лисой, с высокими манжетами из перламутрового шелка, собранного в безупречные складки, в золотом оплечье с жемчугами. На груди висел рубин с голубиное яйцо, свободно распущенные волосы венчала шапочка из алого бархата, расшитая жемчугом и золотыми бусинами. На ступенях палаты лордов стояли все мои пэры в коронационных облачениях, и казалось, Вестминстер вновь готов чествовать свою королеву.

Как же я обманулась! Едва с тоскливым скрипом распахнулись старые тяжелые двери, как до меня донеслись звуки хорала. Грегорианского хорала! Изнутри выползала черная безликая масса: монахи в клобуках выступали по двое, размахивая целым лесом крестов, кадя ладаном, каждый с высоко поднятой по римскому обряду восковой свечой. Неужто я не могу открыть свой парламент без этой Римской отрыжки?

– Уберите свечи! – в ярости заорала я. – И без них видно!

– Довольно папистских штучек! – взревела толпа за моей спиной.

Однако в своем окружении я расслышала злобное шипение и поняла: чтобы править церковью, как правил отец, придется

выдержать бой.

В палате общин они ждали меня, две стаи волков: горящие отмщением протестанты, только что из Женевы, против неукротимых папистов, которые умрут, но не сдадутся. Я сидела на троне и оглядывала их ряды.

Многих я знала если не в лицо, то понаслышке. Вот белолицый, красногубый, недоброй славы доктор Джон Стори, да, тот самый, что бросил в огонь Латимера и Ридли. Стори говорил первую речь в парламенте.

– Держитесь старой веры, истребляйте еретиков! – с горящими глазами убеждал он. – Надо жечь, как жгли, нет. Ваше Величество, надо жечь больше ради здравия вашей души и вашего народа! Да я сам, – похвалялся он, – швырнул вязанку хворосту в лицо Уксбриджскому гаденышу, когда тот на костре затянул псалом, и бросил к его ногам вязанку терновника – жалко, что не больше!

То же было и в верхней палате, когда один из недавних изгнанников обрушился на «Кровавого Боннера», епископа Лондонского при Марии – тот засек до смерти старика протестанта, которому шел уже девятый десяток.

– А что, – издевался Боннер, – старый ли, молодой, он бы сам предпочел подставить задницу под плеть, чем все тело – огню.

Тошнотворный запах ладана щекотал ноздри, меня мутило. Этих людей не исправить, не спасти, с ними не сговориться. И пядь за пядью, речь за речью мы теснили их: Сесил, и Ноллис, и я, и свояк Сесила, которого я нарочно назначила лордом-хранителем печати, пока наконец весь парламент не сплотился вокруг меня. И мы провели закон, чтобы всякого, кто не поддержит мои усилия по установлению истинной и мирной религии вместо старой веры с ее жестокостями, отстранять от должности или даже заключать в Тауэр – пусть на досуге поразмыслят об истинном учении.

– Славно потрудились, мадам, – поздравил меня Сесил, когда я распустила собравшихся.

Я кивнула.

– Славная работа, миледи, – согласился Робин, потом коварно улыбнулся:

– А теперь что вы скажете насчет того, чтобы развлечься? Мне доставили из Ирландии конька, который ждет не дождется, когда его уздечки коснется женская рука, мечтает испробовать ваши шпоры, касание вашего хлыста…

Я рассмеялась в его притворно-невинные глаза. Да, я показала, что умею парить, теперь можно царственно показать себя женщиной.

И тут мой парламент все испортил, потребовав от меня платы.

Глава 4

Плевое дело.

Скажите лучше, дело о плеве, ибо они просили никак не меньше.

За удачную сессию мне, похоже, предстояло заплатить девственностью. Мой парламент, признав за мной главенство в вопросах веры, решил укоротить мои девические деньки – попросил, нет, потребовал как можно скорее избрать себе мужа. Лорд-хранитель печати, сэр Николае Бэкон, явился прямиком с последнего заседания в Вестминстере и сейчас, отдуваясь, стоял передо мною с прошением в руках.

Он был краток: я должна выйти замуж, чем скорее, тем лучше – в этом согласны все.

А также подумать о преемнике – назвать наследника, которому перейдет мой трон.

Я смотрела на Бэкона – не человек, а гора плоти, этакий стог сена, однако в этом сене таился острый, как игла, мозг. Он – свояк Сесила, ему можно доверять. Но стоит ли рисковать, что меня завтра убьют, ради того, чтобы сегодня успокоить парламент?

– Назвать преемника? – обрушилась я на тихо стоящего рядом Сесила. – А они помнят или забыли, сколько я натерпелась при Марии?

Когда все знали, что я – наследница, и все заговоры, все козни были направлены на меня и я едва не лишилась жизни?

– Не вы одна, мадам. – пытался успокоить Сесил. – Первое лицо в королевстве всегда чувствует, что его жизнь – в руках второго.

Возьмите хоть Древний Рим – Тиберий уничтожил всех, в ком текла хоть капля императорской крови, и не только своих родственников…

Так же поступил английский Тиберий, мой деспот-отец, уничтоживший мою первую любовь, моего лорда Серрея, за каплю крови Плантагенетов в его жилах; казнивший также двух королев, кардинала, лорда-канцлера, герцога, маркизу, графиню, виконта и виконтессу, четырех баронов и с десяток мелкопоместных дворян…

Мне ли расставлять себе силки и ловушки, плодить преемников и претендентов, когда отец так тщательно расчистил мне путь?

Однако парламент хотел в первую очередь, чтобы я продолжила род Тюдоров – запугать меня, а потом не мытьем, так

катаньем отправить к алтарю, стреножить и окрутить.

– Ваше Величество, это нужно для страны, – увещевал Бэкон, принимая от слуги чашу с горячим вином и заглатывая ломоть хлеба, – для ее мира – этому нас учат самозванцы вроде королевы Шотландской.

– Еще вина, сэр?

Он, не переставая говорить, кивнул слуге.

– Это надо для спокойствия королевства, для его прочности!

Взгляд Сесила подкреплял каждое его слово.

Довольно войн Алой и Белой розы, нет, нет, никогда больше!

– Это нужно и для престолонаследования… – Лорд-хранитель печати проглотил остаток булки и тщательно вытер пальцы большой салфеткой, глядя при этом в потолок, чтобы не встречаться со мной взглядом. – Нам как можно скорее нужен принц, наследник вашего королевского рода…

Вот он опять, извечный вопль Тюдоров: Боже, даруй нам принца! Принца! Призрачного мальчика, такого желанного, кого-то вроде еврейского Бога в Скинии, обожаемого, но незримого!

И я знала, кем он будет запугивать меня дальше: ибо если не королева Шотландская, то за мной идет Екатерина Грей, а за ней – ее неведомая. младшая сестра, уродец с колыбели, горбунья, карлица!

Я сидела в парадном кресле, вонзив ногти в ладони, а Бэкон вещал и вещал. И я знала, что говорят у меня за спиной: что это нужно мне – мне, Елизавете, – ибо женщина не сможет править без мужчины, который снял бы с нее тяготы правления, – это известно всякому!

И что это надо для моего здоровья – ибо женщина, не знавшая мужа, не прошедшая через соитие, не имеет достаточного выхода для дурных кровяных соков, подвержена бледной немочи, непроизвольным сокращениям тайных органов и постоянной, щекочущей похоти – это тоже известно всякому!

Но прежде всего это нужно им – ибо, будучи мужчинами, они не верят, что можно обойтись без самца!

Новые ухажеры наседали со всех сторон. Рабыню на торгах так не осматривают и не оценивают, как оценивали меня: обсуждались мой рост, здоровье, объем моих бедер, регулярность месячных – все, чтоб убедиться в моей способности рожать!

Как мерзко было на это смотреть! Но Робин стал моими глазами и смотрел за меня. Для него это было игрой, и он ни разу не упустил случая подметить что-нибудь смешное.

– Посол Габсбургов пытался разузнать длину вашей стопы, – не моргнув, докладывал он, преклонив колено в моей опочивальне после ухода советников; – и, кроме того,

осведомлялись, какого цвета ваши августейшие глаза: карие, серые, голубые или черные.

Я захлопнула ресницы, словно крышку табакерки.

– И что же ваша милость ответили?

Я ощутила прикосновение его пальцев к своим и поднесла их к его губам. Его мимолетное лобзание было теплым, словно мартовское утро.

– Ответил, что глаза у вас и серые, и голубые, и черные временами и даже одновременно, ибо вы королева и можете все, и что вы – целая Вселенная!

И вот они потянулись, мои ухажеры, в надежде заполучить целую Вселенную. Поначалу я веселилась.

– Подай мне хлеба, Кэт, и кусок ветчины, чтобы переварить все эти предложения!

Так почти каждое утро за свежими депешами я дразнила смеющуюся, хмурящуюся Кэт, которая грезила о моей большой любви, и Парри, которая размышляла теперь в терминах придворного бракосочетания и мечтала для меня о лучшей партии в приходе – что теперь означало весь мир.

– Столько мужчин и такой маленький выбор – кого вы мне присоветуете? – Я перебирала потенциальных женихов, как девушка на ярмарке – разложенный товар. – Номер первый – король Испанский.

Бывший зять, побывавший в употреблении как муж и теперь изрядно поистасканный, однако за ним числится одна заслуга: он первый сделал мне предложение, еще при живой жене. Можно сказать, почти двоеженец, зато он писал чудесные любовные письма – или кто-то писал за него…

Номер второй – король Шведский.

Эрик Только Позови, он сватался ко мне еще при Эдуарде. Теперь он слал духи и гранаты, ковры и горностаев, а под конец и свата – своего доброго братца, герцога Финляндского…

Говорите, надо назвать преемника? Что ж, тот же герцог Финляндский, вчерашний сват, очевидный наследник и официальный преемник, вернувшись из Англии, с помощью яда отнял у брата сперва трон, затем зрение и, наконец, жизнь…

А наследник Филиппа, юный Карлос, как он покушался на отцовскую жизнь, покуда Филипп сам не отправил его к праотцам, помните?

Я не буду назначать преемников!

– Вы слышали, дамы? Еще хлеба, Кэт, и ломтик вот этого сыра… Номера третий, четвертый, пятый – император Священной Римской Империи и два его сына, оптом…

– Кого ваша милость предпочитает? – В отличие от Кэт,

Парри принимала все за чистую монету. – Самого Римского императора или кого-нибудь из эрцгерцогов?

– Парри, скажи, – без тени иронии в голосе, – поддержит ли меня Англия? После мужа сестрицы получить еще одного плюгавого, уродливого, кривоногого, косомордого паписта-Габсбурга в качестве английского короля-супруга?

– Мадам, мадам!

– О нет, миледи, фи, не надо так говорить!

– Теперь номер пятый, герцог Саксонский…

Из всех венценосцев мира проще было перечислить тех, кто не попал в этот список!

Нашлись и доморощенные женихи, почувствовавшие возможность и поспешившие ею воспользоваться. О первом таком претенденте я узнала однажды во время аудиенции, когда граф Арундел вошел в зеленой мантии из тафты и желтых чулках, сияющий, как Нарцисс.

– Не сомневайтесь, госпожа, он влюблен! – хихикнула Мария Сидни, сестра Робина, которую я взяла фрейлиной по его рекомендации.

Я вытянула шею, разглядывая его.

– Влюблен, Сидни? В кого же, скажите на милость?

Но едва старый козел приблизился к трону с коровьей улыбкой, бычьей грацией и ослиной почтительностью, меня замутило – я угадала ответ.

– Ваше Светлейшее Величество?

– Рада вас видеть, милорд Арундел.

– В желтых чулках является к Оливии влюбленный Мальволио. В. Шекспир, «Двенадцатая ночь».

Рада видеть?

Рада видеть, как сырой день святого Свизина: пятидесятилетний, папист до кончиков ногтей, лысый, пучеглазый, колченогий, с одышкой, трусливый и безмозглый, как видно из его разглагольствований в совете!

Полная противоположность другому… другому, которого я… довольно! Хватит!

– Мадам, отнеситесь к нему благосклонно! – Это вмешалась миловидная и стройная Екатерина Кэри. – Ведь он потратил на нас и горничных около шести сотен фунтов…

– Чтобы мы нашептывали Вашему Величеству его имя, внушали приятные пустяки о нем, когда вы спите! – давясь от смеха, закончила Филадельфия, сестра Екатерины.

– Что он вам дал? – зашипела я. – Любые подарки по праву принадлежат мне! – И заставила их отдать все – и деньги, и драгоценности – больше чем на две тысячи крон! – золотой,

инкрустированный перламутром аграф, розу из рубинов, агатовое ожерелье и десяток прелестных колечек. Вещицы мне очень понравились в отличие от их дарителя. – При всем его богатстве и связях, Кэт, – шепнула я Екатерине Кэри, пока граф расхаживал по залу, – он уж, наверно, лет сто не пробуждал трепета в девичьем сердце!

Нет таких денег, за которые бы я согласилась взять в мужья римского католика, пусть даже затаившегося на время!

Однако на меня поглядывали и другие; моя зоркая защитница Кэт примечала их всех. Примечала? Да она читала будущее, как римская Сивилла.

– Посол вашего покойного брата во Франции шлет свои поклоны, – беспечно заметила она как-то утром. (Девушки готовили меня к парадному выходу и уже застегивали манжеты.) – Он прибыл вчера поздно вечером и умоляет принять его как можно скорее.

Вернулся из Франции.

– По-прежнему добрый протестант, – бросила Кэт как бы невзначай, прибирая мои книги, – приятный человек, отлично воспитанный, неизменно верный вашей семье.

«Если уж говорить о женихах, – читалось между строк ее реплики, – то на этого стоит взглянуть серьезно».

Я затаила дыхание.

– Пусть войдет.

Кэт кивнула одному из кавалеров свиты:

– Попросите сэра Вильяма Пикеринга.

– Сэр Вильям Пикеринг к услугам Вашего Величества!

Пикеринг! Паж, моего отца, придворный моего брата, он сохранил верность Марии, когда другие переметнулись к Джейн, однако позже ужаснулся ее жестокости и примкнул к мятежу своего друга Уайета. Но прежде всего он был ближайшим другом того, кто был мне тогда ближе всех – моего незабвенного лорда Серрея.

Помнит ли он тот вечер на Темзе, когда я в последний раз видела моего лорда?..

– Искренно рада вас приветствовать, сэр… мы пообедаем вместе и поговорим о… о многом…

– Ваше Величество слишком добры…

– Нет, нет, Пикеринг, встаньте, будьте как дома…

Я могла бы полюбить Пикеринга только за это, за ту десятилетней давности любовь. Его приход разбередил старую рану, разбудил в сердце былую боль и даже желание, чтобы он эту боль утолил.

И он был высок, и красив той красотой, которую я всегда

предпочитала, – светлолицый, поджарый, ладный, пусть и не первой молодости.

И моему парламенту он нравился, нравилась мысль об английском принце. И еще больше нравилась мысль о моем сыне с такими же длинными руками и ногами, с такими же русыми волосами, с тем же хладнокровным, беспечным, величавым обликом.

Но орлица вьет гнездо с орлом, львица находит пару в своей стае. Я, принцесса по крови, могу сочетаться лишь с принцем, мне не пристало ложиться с простым смертным.

И к тому же…

О, Господи, к тому же…

Тес, послушайте…

Посещение Пикеринга странным образом вывело меня из равновесия. Я вновь и вновь прокручивала в мозгу всю головоломку. Разумеется, я должна выйти замуж. И, разумеется, где-то в мире есть человек, которого я смогу полюбить.

Однако часто ли в королевских семьях женятся по любви? Сколько себя помню, всегда считала, что в праве выбора мне отказано. При всех своих богатствах, титулах и привилегиях я была менее свободна, чем беднейшая молочница с подойником в руках. Ведь я должна выбирать не для себя – для Англии!

Но ведь и в династических браках случается любовь, разве не так? Сестра Мария любила Филиппа, любила до самозабвения. А он ее – нет.

– Бывают ли счастливыми королевские браки? – со слезами вопрошала я Кэт. – Есть ли у королей и королев надежда на любовь?

Она бросила уборку и удивленно вытаращилась на меня:

– А как же, миледи! Ваш отец влюбился двенадцати лет от роду, хотя свадьбы ему пришлось дожидаться еще шесть!

По приказу отца, после смерти старшего брата и отцовского решения помолвить младшего с бывшей невесткой, у Вестминстерского алтаря, перед толпой епископов и архиепископов в синем и белом, в золоте и пурпуре, принося клятву жениться на незнакомой испанке, ставшей женщиной в то время, когда он еще оставался ребенком?

Члены парламента были в восторге. Они любили Екатерину за ее приданое, за то, как долго она, словно бедная терпеливая Гризельда, сносила все тяготы ради желанного мужа.

Но больше всех любил ее сам Генрих. И она любила его – любила редкой и сильной любовью, тем более странной, что их обвенчали только что не насильно.

«Воистину, – писал ее отцу чрезвычайно довольный

испанский посол, – браки заключаются на небесах».

К свадьбе Генрих украсил весь летний Лондон их общей эмблемой – переплетенными розой и гранатом, и все фонтаны в Сити били сладким, золотистым испанским вином.

Как-то вечером они ужинали в Вестминстерском дворце, и вдруг Генрих исчез. Через несколько секунд грянули трубы, слуги отдернули занавес, и взорам гостей предстала беседка, из которой открывался вид на роскошный цветник.

В саду стояли шестеро господ в алых камзолах, у самого высокого из шестерых, у Генриха, на груди сиял девиз, выложенный пластинками из чистого золота: «Мое сердце не лжет».

«Если я изменю, – пел он, – значит, верности нет на земле». Потом он положил к Екатерининым ногам золоченое сердце, и вместе, рука об руку, они открыли бал.

Любила? Конечно, любила. Какая бы женщина не полюбила?

Но кого мне с той же силой полюбить теперь, когда пришло мое время?

Глава 5

Хочу ли я выйти замуж?

Могу ли?

Могу ли выйти замуж, если я влюблена – в жизнь, в Англию, в мою корону, в себя самое?

Дни удлинились, зима растаяла и утекла ручьями, огонь в очаге поутих, а я все раздумывала. Уж если говорить о браке, я предпочла бы роль мужа, не жены! Я прекрасно видела на примерах Марии и Екатерины, что значит быть женой, покоряться мужу, его воле. В браке мужчина приобретает, женщина теряет. И еще кое-что я узнала о браке от моего покойного лорда, барона Тома: в любви женщина проигрывает, потому что мы всегда любим, мы не выбираем, выбирает мужчина! Так должна ли я выходить замуж? Да еще без любви?

Чтобы брак был по всем правилам – должна; королева не может руководствоваться только своим сердцем, как простая телятница. «Но женщина, которая отдается мужу без любви, – протестовала моя плоть, – торгует собой, как последняя уличная девка!»

Однако если женщина испытывает этот трепет, этот жар в чреслах, мужчины считают ее шлюхой! А дочери Анны Болейн следовало бы помнить, что ожидает шлюху…

Так за кого я могу выйти замуж, не согрешив против порядочности?

Ни за кого!

«Ты повенчалась с Англией, – кричала моя душа, – и каждодневно печешься о ней, как верная жена!» Я в сердцах повернула на пальце золотое коронационное кольцо. На эту стезю направил меня Сесил в день моего восшествия на престол. А забот было не счесть. Государство, которому я отдалась, гнило, как дуб, от сердцевины к краям. И сердцевиной этой были деньги.

Безденежье – проклятие королей!

Безденежье и войны!

И долги! Мария оставила долги по всей Европе, и под убийственные, безумные проценты: деньги, деньги, деньги…

День и ночь мы говорили о деньгах, Сесил и я. Потом Сесил нашел нужного человека: Томаса Грешема, европейского финансиста, но англичанина до мозга костей; каждое его слово было серебро, каждое дело – золото. Спокойная компетентность Сесила успокаивала мой смятенный дух – да нет, он сам был моим духом, моим добрым духом, я так и говорила: «Что бы я делала без вашего незримого руководства, без вашего невидимого

присутствия, сэр Дух?»

Через несколько дней Грешем представил свой первый доклад. «Ваше Величество, вам надо восстановить национальную валюту! Она в полном небрежении, и само имя Англии чернится каждой сомнительной монетой. Если вы хотите вернуть доверие к нашей стране, здесь и за границей, это – единственный путь».

«Чтобы избежать войн, – сказал Сесил, – надо обороняться».

А для этого надо покупать оружие и людей.

А на это нужны деньги…

Деньги…

И Ваше Величество должны выйти замуж…

Замуж…

Выйти замуж ради денег?

Но у кого они есть?

Праздник Урожая прошел в слезах от рассвета и до заката; в Виндзоре я мучилась теми же невеселыми мыслями, что преследовали меня в Вестминстере и Уайт-холле. Как я ненавидела эти сырые августовские дни, когда нельзя ни гулять, ни ездить верхом – остается только сидеть взаперти. Даже жаркий, не по сезону, огонь в очаге не согревал дворец: в комнате пахло сыростью, как в склепе.

Замужество и деньги, Франция и Шотландия, деньги и замужество…

Апатично раскладывая пасьянс (мысли мои были заняты все теми же неотвязно мучившими меня проблемами), я услышала, как дамы щебечут и хихикают над только что принесенным пакетом. «Идите сюда! – раздраженно крикнула я. – Над чем вы там смеетесь?»

Екатерина Грей, выступив вперед на коротких ослиных ножках, с реверансом протянула переплетенный в красную кожу томик и уставилась на меня пустыми желтыми глазами. Пусть она мне кузина, семейного духа в ней ни на грош! А еще выставляет себя ближайшей родственницей, похваляется правами наследницы и при всяком случае норовит уязвить. Я оскалилась.

– Доставили книги, – сказала она своим омерзительным школярским голоском, точь-в-точь как у покойницы Джейн. – Вот эта – из Женевы. Против Вашего Величества.

– Что? Против меня?

– Полоумный шотландец, изгнанный с родины, напыщенный пустозвон, бродячий проповедник, госпожа, – поспешно вмешалась Кэт Кэри, которая всегда замечала, что Екатерина хочет меня задеть, – жалкий попик по фамилии Нокс выпустил совершенно смехотворный памфлет…

Анна Уорвик поторопилась ее поддержать:

– С нелепейшим названием «Первый зов трубы против чудовищного воинства женщин…»

– Женщин?! – вскричала я.

– Нет, мадам, – наставительно пояснила Екатерина, – даже не против нас, членов королевского рода, но исключительно против королев…

Членов королевского рода? Во мне закипала злость. Осторожней, кузина, не заносись!

Я схватила книгу.

– Так что он пишет?

Екатерина не могла смолчать:

– Пишет, что владычество женщин противно природе, мало того, противно Божьей воле…

Я взорвалась:

– Значит, и я, и моя сестра, и все мои сестры-королевы по всему миру – значит. Господь со своим Провидением ошибся в нас?

Я бросила карты Екатерине в лицо, книгу – в огонь.

– Глупец! Этот человек – глупец!

Конечно, глупец! Как бы я стала королевой, если б не по воле Бога, который избавил меня от сети ловчей и от словесе мятежна и сквозь тьму опасностей привел на этот трон?

Но вот она снова, эта вечная песня советников и ухажеров: я не могу править, мне нужен мужчина.

К чертям собачьим!

Екатерина вцепилась в эти дурацкие доводы, словно терьер в крысу, и продолжала вещать.

– Он говорит, – нудела она, – в природе лев не склоняется перед львицей, как и любой другой зверь, но петух главенствует над курицей, баран над овцой, самец над самкой. Власть королевы разлагает мужчин, ставит их ниже скотов! – Она помолчала. – Но если Ваше Величество выйдет замуж…

– Господи Иисусе! – возопила я в ярости. – Придержи свой дерзкий язык. Еще одно слово, и, клянусь, я отправлю тебя в Тауэр!

Власть королевы разлагает мужчин…

– Я тебя разлагаю, Робин? – спросила я, кокетливо надувая губки.

Робин был из тех, кто за словом в карман не лезет.

– Разлагаете меня, мадам? Хорошо бы! Да я и мечтать не смею о подобном счастье!

Хоть один друг у меня есть! И чем больше умножались мои заботы, тем больше он доказывал свою дружбу. Когда я возвращалась после заседания совета, наморщив от тревоги лоб

(Шотландия, Франция, деньги, брак, наследование – мысли вертелись в голове ловящими свой хвост кошками), он ждал вместе с егерями, его светлое лицо и лучезарная улыбка манили к себе приветным маяком после долгих часов с их старыми серыми сиятельствами, после долгих часов раздумий, сомнений, компромиссов.

В то лето…

Вы меня осуждаете?

Выслушайте сперва, как все было, как легко, как сладостно…

Потом, если хотите, осуждайте.

«Охота, – убеждал Робин, – единственное противоядие от государственных забот, от долгих часов в жарко натопленных, дымных комнатах, от поздних бесед, когда глотаешь лишь перегретый воздух, ночные испарения и чад догоревших свечей». Так что у него всегда были наготове соколы и гончие, мишени для стрельбы из лука, новый жеребчик или кобыла для Ее Величества.

– Любите своих четвероногих подданных, мадам, – настаивал он, – ибо они все вас обожают и все служат вам верой и правдой!

И я постепенно узнавала тайный мир саврасок и каурок, сивок и буланок, коняшек и клячонок, как он их называл: только в моих конюшнях мы держали больше трех сотен лошадей, не считая боевых коней, курьерских скакунов, запряжных и вьючных лошадей, мулов и турнирных тяжеловесов.

– Едемте, Ваше Величество, – настаивал Робин, будто он – повелитель, а я – горничная. – Мои загонщики видели кабана в молодой роще и оленя с оленихами в дальнем лесу – отсюда скакать час!

– Кому час? – пытала я со смехом. – Нам или тем улиткам, которые плетутся сзади и воображают себя наездниками?

– Мадам, о ком я могу думать, как не о вас?

Когда я выходила с утомительной аудиенции, он был рядом. Когда я входила в присутствие, он был рядом. Когда я просыпалась утром, он был уже на ногах, его паж ожидал у моей двери с вопросом, как я почивала; вечером он не смыкал глаз, пока Парри или Кэт не присылали сообщить, что я отошла ко сну.

Он был не один. Все мои лорды, все послы и посланники, придворные и прислужники до последнего судомоя оказывали мне всевозможные знаки внимания. Как я наслаждалась! Я питалась их обожанием, потягивала его, как сладчайший напиток, и с каждым глотком все больше входила во вкус. Зачем отказываться от этого, становиться собственностью одного-единственного мужчины? Первые герцоги и графы Англии склоняли предо мною колена: наследственный граф-маршал,

герцог Норфолк, мой престарелый обожатель Арундел, угрюмый Шрусбери, владетель северо-западных низин, – все боролись за право поцеловать мой мизинчик. Однако звенящий смех Робина, его бурлящее, как шербет, искрометное веселье затмевали все их потуги на галантное ухаживание.

– Лорд Роберт – искусный льстец, – услышала я как-то слова Сесила, сказанные посланнику Габсбургов в паре шагов от меня.

Я рассмеялась. Я понимала: он хотел, чтобы я услышала. Уловила ли я нотку горечи? При всей свой одаренности Сесил не был говоруном, не умел заставить слова скакать и резвиться, парить, взмывать и падать, щекотать ум, ухо, сердце смеющимся весельем, как умел Робин.

Нельзя сказать, что его легкий язык был по душе всем.

«Он слишком много говорит! – ворчал герцог Норфолк. – Его болтовня унижает ваше королевское достоинство, оскорбляет ваше королевское ухо!» Для новичка при дворе юноша был чересчур прямолинеен! Однако, глядя на его бледное, некрасивое лицо с глазами навыкате и оттопыренной, как у всех Норфолков, губой, я понимала его ревность. По крайней мере он говорил открыто, злобно шипя, за спиной же у Робина: «Захудалый дворянчик, выскочка, отродье предателей, плебей!»

Вот она, кровь Норфолков! При моем отце его дед ненавидел «выскочек» Сеймуров, занявших, как он считал, его место возле короля. Но где были Норфолки и Говарды, когда я так в них нуждалась? Поддерживали Марию! Робин – мой друг, верный в самые трудные времена! Он принадлежит мне, не Папе, не отцу, и, уж разумеется, не жене, он самый испытанный товарищ…

Скрипки заиграли вступление к медленной паване. Ритмично вздохнули деревянные духовые инструменты. В другом конце залы я видела Робина: он выступал, яркий, как фазан, в шелковом прорезном камзоле цвета опавших листьев на коричневой атласной подкладке, золотистое перо на коричневом бархатном берете нежно касалось жемчужной серьги в ухе. Он протискивался сквозь толчею придворных, чтобы испросить честь повести меня в танце.

Голос Сесила прозвучал, по обыкновению, тихо:

– Барон фон Брюмер, посланник Габсбургов, спрашивает, как означить положение лорда Роберта при вашем дворе в письмах к императору Фердинанду?

– Лорда Роберта? – Я смотрела, как Робин приближается ко мне своей упругой походкой, улыбаясь особой, только мне предназначенной улыбкой. – Скажите, что он – мой друг.

– Друг Вашего Величества?

Бесцветные глаза Сесила были пусты, почти прозрачны.

Дурацкий вопрос! К чему он клонит?

– Разумеется, дражайший секретарь. Кем ему еще быть?

– Не знаю, мадам.

Я отвернулась. Впервые Сесил меня упрекнул, и я не понимала за что.

Разве он не видит наших отношений?

Мы с Робином вместе выросли, вместе пережили трудные годы, вместе пострадали при Марии. Он, как и я, в те ужасные времена и в том же ужасном месте спал в обнимку со смертью. На его глазах увели на казнь отца и брата, на его глазах умер, не вынеся страданий, старший брат Джон, скончалась от горя мать. И он потерял младшего брата, Генриха, последнего из сыновей гордого Нортемберленда, павшего при Сен-Квентине, в глупой войне, развязанной Марией против французов, куда тот отправился в надежде вернуть семейную честь.

Так стоит ли удивляться, что он так влюблен в жизнь, так упоен свободой, так исполнен решимости выжимать каждый день до последней капли, словно виноградину на языке, покуда косточки не взмолятся о пощаде? Теперь, когда наши муки остались позади и засияло солнце, он клялся: раз нельзя вытянуть порванную леску прошлого, забросим удочку в будущее. И раз нельзя остановить солнце, ускорим его движение!

Я холодно взглянула на Сесила, взяла загорелую твердую руку Робина и устремилась к музыке. Робин любит жизнь: жизнь кипит.

Однако в светлых глазах Сесила продолжал таиться невысказанный вопрос.

Если Робин любил жизнь, жизнь тогда любила всех нас.

«Amor gignit amora, nescit ordinum, omnibus idem», – сказал этот великий древнеримский льстец, поэт Вергилий: любовь порождает любовь, любовь не знает запретов, это едино для всех.

Послушайте, позвольте же вас уверить: то было время любви, лето любви, медовый месяц любви…

Подданные любили меня, потому что светлое зерцало небес не омрачалось дымом костров и смрадом горящей плоти. Теперь в своих древних, замшелых часовенках и церквушках из золотистого камня они обращались к Богу на родном языке и знали, что Он их слышит.

А я любила их, любила всех вокруг, кокетничала с Аруделом, с Пикерингом, с послами Филиппа, со сватами из Швеции и Священной Римской империи, я купалась в обожании, принимала поклонение, как богиня.

– И, подобно девственной богине Диане, вы живете ради охоты! – воскликнул галантный фон Брюмер, главный посол

Габсбургов, глядя на Робина, как тот подсаживает меня в седло и выстраивает лошадей, всадников, егерей, гончих и ловчих для дневной потехи. День за днем мы охотились по жаре, падали со взмыленных лошадей в далекой чаще, одни, ибо опережали в безумной скачке даже самых быстрых из своих спутников, или подкреплялись вином и сладостями на очаровательной поляне, поодаль от свиты.

По всей Англии стояло дивное лето, перламутровые зори разгорались солнечными днями, а затем, о, как медленно и как печально, огненный шар уходил за горизонт, обещая погожее утро, и ароматные сумерки сменялись звездными вечерами.

Но для меня…

Что вам сказать?

Да, я в совершенстве владела этой игрой в ухаживание, я играла в нее каждым прозрачным вечером, каждой ранней бархатной ночью, когда языки развязывались и каждый тщился превзойти соседа в похвалах моим красоте и уму!

Однако стоило проснуться поутру, а страхи уже поджидали, затаясь в уголке, как верные Екатеринины псы, ее маленькие гончие – и день ото дня они все больше походили на гончих ада.

Мария Шотландская, свадьба, наследники, Франция…

У каждой – зубы рыси, челюсти мастиффа, какая накинется первой?

Они накинулись разом, вцепились клыками все, как одна. Первый курьер в то утро предварил горничную с хлебом и пивом. От его слов в желудке моем начались спазмы:

– Мадам, ваш секретарь Сесил молит о скорейшей аудиенции.

Значит, дурные вести – ничто иное не заставило бы Сесила вторгнуться в мою опочивальню.

Я была уже одета, правда не причесана: волосы в беспорядке лежали по плечам. Но Сесил – особая статья, да и было, судя по всему, не до церемоний. Я кивнула Парри:

– Впустите его.

Серое лицо Сесила, его тяжелая поступь и кипа депеш выдавали тревогу.

– Дурные известия, госпожа. Французский король погиб на турнире – наткнулся при падении на обломок копья. Мария Шотландская стала теперь королевой Франции.

Остался лишь один вопрос.

И королева Англии? Насколько далеко простираются ее амбиции?

Через час мы встретились на совете: я, Сесил и горстка поспешно собранных лордов.

Я сама слышала, как срывается и дрожит мой голос:

– Будет ли она силой оспаривать мой трон?

Лорд Бедфорд тряхнул седою гривой и проворчал:

– Теперь в ее распоряжении все французское войско. А с французским гарнизоном, который уже в Шотландии, в распоряжении матери-регентши…

– Мы в ловушке! – Я повернулась к Сесилу:

– Нападет ли она? И когда?

– Кто знает? – Сесил подался вперед и постучал по столу, требуя внимания:

– Одно очевидно, ваша милость, вам нужно выйти замуж, и без промедления! Покуда вы одиноки и бездетны, ваш трон и наша безопасность висят на волоске – вы даете шотландской королеве прекрасный повод называть себя вашей наследницей.

Теперь все наперебой заговорили о моем браке.

Сесил поднял руку и резко оборвал спор.

– Ее Величество должны сделать выбор, – сказал он почти сердито, – и как можно скорее. Ибо у королевы Шотландской есть другая причина настаивать на своих притязаниях – да, и самая веская из причин!

Я задохнулась:

– Нет! Ведь она же не…

И тут же поняла – да!

– Она будет требовать вашу корону, возможно, даже вторгнется в наши пределы, чтобы завоевать ее не только для себя, но и для своего наследника.

Никто из лордов не шелохнулся.

– Своего наследника? – Я с трудом узнала свой собственный голос.

Сесил яростно кивнул.

– Наши люди донесли, что еще до конца года она произведет на свет мальчишку!

Значит, и в Мариином грязном белье роются, как, я знаю, роются в моем испанские и римские шпионы!

И вновь мучители зажужжали:

– Королева Шотландская беременна?

– А наша королева не замужем!

– Еще до весны…

– Габсбург!

– Эрцгерцог!

– Никаких папистов!..

– Тогда англичанин!..

– Довольно! – завопила я. – Вы разорвете меня в клочья!

– Погодим, милорды, погодим – давайте еще раз соберемся в полдень.

Сесил быстро разогнал всех и приготовился уходить. Но на прощание и он не преминул вонзить мне в сердце кинжал:

– Мой совет, пусть это будет Габсбург, один из эрцгерцогов Священной Римской империи, в противовес Франции. – Он собрал бумаги. – У вас нет друзей, мадам, а кругом враги.

Подумайте о королеве Шотландской!

А я-то считала это игрой, придворным ритуалом, не более? Какая же я дура! Мария Шотландская теперь королева Франции, и к тому же скоро родит? О, Боже, как меня принуждают, как торопят!

Но должна ли я терпеть? Чтобы меня приперли к стенке, выволокли, словно преступницу на казнь?

Нет, я этого не вынесу!

Я не могла ни плакать, ни думать. Вчера я спала плохо, третьего дня тоже. Ужели венчанной голове покоя не видать? Даже Сесил против меня! К чьей же помощи прибегнуть?

Я в сердцах расхаживала по комнате, когда вдруг увидела перед собой дверь и, не раздумывая, вышла.

– Парри, за мной!

Как летящий домой голубь, я, сопровождаемая по пятам Парри и ее пажом, мчалась по лабиринту виндзорских комнат, пока не оказалась перед дверью, которую искала.

– Постучите и ждите меня здесь!

– Эй, есть кто?

– Ваше Величество! – Только отличная выучка помешала слуге выразить все изумление, которое он испытал при виде самой королевы, бледной» и дрожащей, у его порога.

– Где твой хозяин?

– Прочь, болван! Иди, оставь нас, я встречу Ее Величество!

Из комнаты выбежал Робин, отмахнулся от служителей, взял меня за руку и провел внутрь.

Захлопывая дверь, он смущенно указал на чулки и рубаху:

– Извините, мадам, я переодевался.

Я, дрожа, сжимала его сильные загорелые пальцы. В зеркале у двери отражались два лица: бледное, измученное страданием, и другое – раскрасневшееся после утренней верховой прогулки. Я не узнавала ни его, ни себя.

Комната была низкая и холодная, сюда никогда не проникал полуденный зной. Если не считать разбросанного в беспорядке снаряжения для верховой езды, стрельбы, псовой и соколиной охоты, в ней почти ничего не было – чисто холостяцкое убежище. На столе у окна тазик, бритва и смятое полотенце – причиндалы ежедневного мужского обряда. Сквозь зеленые стеклышки в небольшом оконном переплете робко заглядывало утреннее

солнце.

У камина уютно примостились два или три больших кресла. Робин заботливо усадил меня и опустился рядом на колени. После утреннего туалета у него на лице остались капельки розовой воды, каштановые волосы на висках были влажны и курчавились, словно венчики майорана.

– Ваше Величество, скажите, что привело вас сюда? Что вас тревожит?

И тут меня прорвало. Запинаясь, как последняя дурочка, я выложила:

– Мария Шотландская теперь королева Франции и скоро родит им принца… – Я постаралась взять себя в руки. – Это была игра!

Я считала это игрой! А теперь у меня отнимут… отнимут все! – Я не могла сдержать слез. – О, Господи, Робин, посоветуйте мне, подскажите!

– Госпожа, вы знаете, я всецело принадлежу вам! Приказывайте!

Он опешил – я никогда с ним так не говорила.

Но я уже не могла остановиться:

– Я должна выйти замуж, слышите, должна выйти замуж, против воли! Ради Англии, сказал Сесил, и еще он сказал, что это должен быть Габсбург, ради Европы, он говорит, для равновесия сил… – Слезы злости вновь брызнули из моих глаз. – Значит, теперь я Европа и меня силой отдадут быку?

Его передернуло от отвращения, лицо побагровело.

– Мадам, не говорите так! Если б я мог решать… – Голос его осекся, и он отвел глаза.

Я устало склонилась к нему. От его волос тепло и знакомо пахло помадой – дамасской водой и лимоном, миртом и барбарисом, чистой и сильной мужественностью.

– Да, Робин?

Он встрепенулся, как породистый конь, сверкнул глазами.

– Ваше Величество, мне не следует больше говорить! Я слишком далеко зашел, простите меня.

– Говорите.

Он сглотнул.

– Мадам, не вынуждайте меня!

– Скажите, что думаете! Выходить мне замуж? Без любви?

– Любви, мадам? – Голос его звучал словно за тысячу миль:

– Что мы знаем о любви? – В глазах его блестели слезы. – Что смеем знать?

Что знаю я о любви?

Что я могу ответить?

«Amor vincit emnia» – «любовь побеждает все» – как всякая девушка, я вышила этот девиз на мешочке для рукоделий и в своем сердце. И, как всякая девушка, вскоре убедилась, что это – ложь.

И еще…

Я знала лорда Серрея и лорда Сеймура: один – воздух, другой – огонь, один – весь дух, другой – весь чувства, весь – мужское естество; одна любовь такая чистая, что ничего не просила, ничем не питалась, ничего не требовала и обходилась вздохами, слезами и раздумьями, другая – столь жадная, что с каждым глотком становилась все ненасытнее и под конец потребовала плоти, и пожирала плоть, и питала мою плоть, и питала мое темное нутро – так что же такое любовь? Кто сумеет определить любовь или объяснить, откуда она берется?

Кэт говорит, что Генрих любил Екатерину за те радости, которые они получали друг от друга.

Эта любовь мне неведома.

Неведома и теперь, когда я набрела на нее в густом лесу – шла, спотыкаясь о коряги, и вдруг оказалась в стране фей – нет, в раю, в Элизиуме, на вершине блаженства…

– Любовь? Робин, что вы говорите?

Я стиснула его руки. Он поднял глаза, вздрогнул, лицо потемнело от багрового румянца.

– Кто, я? Я?

Он попытался встать, я удержала его рядом с собой.

– Робин, говорите!

Он склонил голову. Дыхание его прерывалось, как от сильной боли.

– Простите меня. Ваше Величество, ради Бога, простите…

– Я приказываю – говорите!

Мое сердце, все мое существо тянулось вверх. Я не могла говорить. Луч солнце пробился сквозь окно и рассек воздух. Высоко в небе смеялся и плакал далекий жаворонок.

– О, миледи! – Он плакал. – Я тоже не принимал всерьез разговоры о вашем браке!

Я тоже считал это игрой, всего лишь игрой!

– А теперь?

– Теперь? Теперь, если бы я мог решать…

– Да!

– Ваше Величество… о, как я посмею?

О, Господи, я скажу! Если б я мог решать. Ваше возлюбленное Величество приняли бы в свое сердце… только меня.

Глава 6

Через час новость облетела двор: «Королева посетила лорда Роберта в его покоях и около часа была с ним наедине!»

На полуденном собрании ни один из тайных советников не осмелился кинуть мне упрек или хотя бы прямо взглянуть в глаза. Однако голоса стали громче и раздраженнее, и все, как собаки на кость, набросились на мою свадьбу.

Габсбург…

Никаких папистов…

Король Шведский….

А что, если поискать жениха поближе – в Англии…

– Но пусть он будет благородного происхождения! – Ехидный выпад Шрусбери был совершенно прозрачен. – Не выскочка, не временщик, но человек с родовым богатством и влиянием… с родовой верностью…

«Не Робин Дадли, – как бы говорил он, – сын предателя и человек случайный!» А все голоса безмолвно подтверждали: «Слушайте, мадам, – он высказывает наши общие мысли. Не сын Дадли, не этот захудалый лорд, нет!»

Я глядела в их лица: встревоженные, злые, глумливые. Однако их презрение было бессильно погасить пламя моего счастья. Мне хотелось плясать, прыгать, летать! Я была упоена, я парила, я купалась в блаженстве, я с трудом сохраняла пристойный вид и строгое пуританское выражение, в то время как сердце, разум, душа пели одну мелодию: Робин, Робин, Робин. В душе я сияла, как дитя, все тело болело от пульсирующей радости. Он меня любит! Робин любит меня, любит меня, любит!

– Ждите! – сказала я ему перед уходом.

Его глаза горели любовью, губы касались моей ладони, когда он прошептал:

– Мадам, чего же еще?

На огненных крыльях летела я к его покоям.

Слуга явно был предупрежден заранее, потому что сразу пробормотал: «Ваше Величество» – и ретировался. Я смеялась, когда Робин тянул меня в комнату, когда вставал на колени и прижимал мою руку к губам, ко лбу, когда терся о мои пальцы жесткой скулой и вновь покрывал их поцелуями. Я наклонилась, положила дрожащую ладонь ему на шею и почувствовала, как он вздрогнул. «Робин, все хорошо! – кричало мое сердце. – Не бойся, все будет хорошо!»

Мне хотелось вновь пережить миг объяснения, насладиться им сполна. «…Я скажу! – произнес он тогда. – Если б я мог

решать. Ваше Возлюбленное Величество приняли бы в свое сердце…»

В свое сердце?..

– Ив свою душу…

И…

– Ив свои нежные объятия… потому что я боготворю вас… и обожаю… и люблю вас.

Я глядела в его глаза. В трепещущей тишине прошмыгнула за стеной мышка. Мы сидели, как околдованные, не шевелясь из боязни разрушить чары. Его руки в моих холодных, робких ладонях были теплы, тяжелы и реальны, я чувствовала, как их тепло властно овладевает мной, проникает в меня, возвращает меня к жизни. Я заплакала; костяшки его пальцев жемчужно блеснули в раннем утреннем свете.

Было то полуосознанное воспоминание о лорде Сеймуре и его серебристом шраме? Или это все – мой новый лорд, его близость, мое чувство к нему?

Однако я глядела на его руки и знала, что люблю, всегда любила и всегда, по гроб жизни, буду любить лорда Роберта Дадли.

Теперь его лицо было мягким и влажным на ощупь – о. Господи, как я его любила! Он велел слуге заново себя выбрить, он был так строен в атласном камзоле и шелковых чулках! Синий – цвет далекого горизонта, цвет дальнего лесного дымка, прихотливая синева раздумий. Он встал, блеснув россыпью жемчугов на плечах и груди; вкруг шеи его вилась нить из сумеречно брезжущих турмалинов, глаза синели люпинами, волосы источали небесное благоухание, он представлялся мне божеством.

Без слов он провел меня к очагу и усадил в кресло. Его мимолетная отчужденность ранила меня в самое сердце.

– Робин, – взмолилась я, – оставьте церемонии. Сядьте рядом со мной – пожалуйста!

Он покраснел, но подчинился.

Мы оба не могли говорить – великая, чистая тишина повисла между нами, мы потупили очи, как девственники на брачном пиру, страшась вымолвить слово. Я видела его развернутые ко мне длинные сильные ноги, стройные пропорциональные бедра, длинные напряженные пальцы – одна его рука лежала рядом со мной, другая сжимала деревянное сиденье. Ничто в полутемной комнате не шевелилось, кроме наших душ, все молчало, слышалось лишь биение сердец. В теплом воздухе я чуяла его, как охотник чует лису, – терпкий аромат мускуса и барбариса кружил мне голову, словно крепкое вино.

Его рука притягивала меня, как магнит притягивает железо. Едва ли понимая, что делаю, я подалась к нему.

– Миледи!

Сбивчиво бормоча, он двумя руками стиснул мою ладонь, будто святыню, – радостно, но со страхом. Склонил голову, провел моими пальцами по губам, потом принялся целовать каждый пальчик, каждый маленький сустав. Его пожатие обжигало, я таяла и млела.

– Робин, о, Робин!

Он поднял голову. В его глазах вспыхнул греческий огонь – пламя и синие молнии. Дрожащей рукой я погладила его лоб, очертила контур пружинящих под пальцами волос. Коснулась ушей, и снова он вздрогнул, залился жарким румянцем.

– О, моя принцесса, – хрипло шептал он, – моя сладчайшая королева!

Теперь он целовал обе мои руки, осыпал их ласками, теплыми, словно весенний дождь. Наши лица сближались, и, когда губы наконец слились, лобзание оказалось сладким, как первый прародительский поцелуй на заре времен.

Теперь, полюбив, я увидела его словно в первый раз.

Я заметила, как мало у него прислужников. Подглядела, как маленькая швея выскальзывает из его покоев с плащами и камзолами, даже с чулками, которые он перелицовывал вновь и вновь, когда кому-нибудь из приятелей спьяну или по неловкости случалось закапать их воском, вином или чем похуже – за ним самим такого не водилось, он был до крайности аккуратен и чистоплотен, образец придворного и джентльмена.

Я увидела, как торговцы обивают его порог и подкарауливают слуг в надежде получить хоть часть денег, которые он задолжал в стремлении быть достойным меня, достойным смотрителем моих конюшен, достойным, достойным, достойным своего нового положения и должности.

Я увидела его бедность и смутилась. Верно сказал Норфолк: он – ничто! После смерти отца. семья потеряла все, даже материнское приданое поглотила разверзшаяся перед ними пропасть бесчестия.

А он никогда не жаловался, никогда ни о чем не просил.

– Робин, – молила я, – расскажите, как сейчас ваше состояние?

Он смеялся:

– Я – богатейший из смертных! Мне открыт доступ к золотым и алмазным жилам! Мое богатство – в ваших очах, я вижу в них Млечный Путь из сияющих диамантов… о нет, императрица, я лгу, сейчас я вижу небесной синевы сапфиры…

– Робин, бросьте дурачиться! Послушайте, вам нужны деньги, этого требует ваше положение!

– Миледи, у меня есть то, чего не получишь за деньги, – ваша белая ручка в моей…

И с поклоном, со смехом подносил мои пальцы к губам, не давая продолжать.

Но я не отступалась:

– Робин, взгляните!

Я подарила ему деньги, двенадцать тысяч фунтов в кожаном мешке, просто чтобы увидеть его лицо, когда он смеется и плачет от изумления и радости.

– Миледи, взгляните! – таков был его ответ; ибо первое, что он заказал – подарок для меня, золотое сердце, усыпанное изумрудами и рубинами, чтобы выразить свое чувство языком камней: изумруды означали «Елизавета», рубины – «Робин», золото – любовь чистую и неподвластную времени.

Он попросил Парри, когда та будет отдергивать полог, положить это сердце мне на подушку, и при первом пробуждении его дар, залог его любви, блеснул мне прямо в очи. Мои очи, его очи – мы были так близки, что не знали, где кончается его душа и начинается моя.

И теперь, больше чем прежде, он смотрел на меня и смотрел за меня, он стал глазами на моем затылке. «Ваш О приветствует вас и благодарит за царственную щедрость, – писал он мне. – так я отныне счастлив именоваться, ваше око, ваше всевидящее око, которое неусыпно печется о вашем благе, покуда его не закроет смерть, – Р. Дадли».

Дадли.

И это все, что у него есть, – фамилия Дадли и пустой титул, не более чем почетная приставка к имени – «лорд Роберт» – все, что осталось от сгинувшего вместе с отцом герцогства.

– И это тоже я могу поправить, вместе с его состоянием, – прошептала я.

И поправила.

Я сделала это, когда награждала других, в том числе Генри Кэри, моего верного кузена; я поклялась себе, что докажу всем – кровь Болейнов не хуже любой другой. Я сделала Генри бароном Хансдоном и пожаловала ему земли в Гертфордшире. Но величайшую честь я приберегла для Робина.

– Робин, преклоните колена!

В день святого Георгия я сделала его рыцарем Ордена Подвязки. Ни один театральный злодей не выглядел таким красивым, таким дерзким, таким коварно-улыбчивым, как он в тот день в Виндзоре, одетый с ног до головы в царственный синий

бархат, в синих атласных чулках, обтянувших великолепные икры, в алой перевязи, рассекшей грудь, словно любовная рана.

Виндзор, место, где мы нашли себя и Друг друга.

– Робин, читайте!

Документ был длинный, на латыни, со множеством печатей и лент, но Робин мгновенно ухватил его смысл.

– О, миледи, о, моя миледи!

Я сделала его лордом-наместником замка. Целуя мои ноги, он поклялся быть мне лордом и наместником, моим в этой жизни и в той – но теперь он сам был лорд и хозяин замка.

И еще я подарила ему дом, маленькую усадьбу всего из двадцати комнат, притулившуюся под холмом в Кью, земли, чтобы получать с них доход, и людей. Он должен был жить так, как пристало лорду. А поскольку я не могла с ним расстаться, то поселила его в соседних со своими апартаментах, чтобы часто его посещать или приглашать к себе на завтраки и ужины. Вообразите, как негодовал герцог Норфолк! И как возросла его ненависть к Робину!

Он проводил со мной все часы, когда я бодрствовала, однако между нами сохранялась почтительность, трепетная неуверенность. Мы словно стали чужими – чужими и влюбленными, разумеется, но все же чужими. Он, всегда такой смелый и самостоятельный, теперь обращался ко мне со всякими пустяками.

– Ваше Величество, мне нужен управляющий в поместья, который вел бы мои дела, – как вам этот человек?

– Джон Форестер к услугам Вашего Милостивого Величества.

Я взглянула на посетителя. Странно, что Робин не нашел никого получше. Землистое лицо, каменные глаза и, судя по всему, крутой нрав старого солдата и душа судебного исполнителя.

– Однако решайте сами, Робин, – сказала я, – это ваш слуга, и, если вы ему доверяете, вам незачем спрашивать моего разрешения.

И больше не задумывалась об угрюмом, Форестере.

А и задумалась бы – что бы это изменило? И все же мне было приятно, что Робин обратился ко мне, спросил моего совета, что он живет ради моего одобрения – как я жила ради него! Ради него я одевалась, ездила верхом, танцевала, пела, играла и, даже читая, думала только о нем.

Я старалась, несмотря на множество дел, совершенствоваться в греческом и латыни. И хотя я ежедневно занималась испанским и итальянским, чтоб свободнее общаться с послами, древние языки влекли меня куда больше. Эскам, который по-прежнему

был при мне, не удивился, когда я отодвинула Плиния и попросила взамен Овидия или Катулла. «Да, все лучшие поэты когда-нибудь да воспевали любовь! Но, если ваша милость позволит, я бы почитал Мелеагра или несравненную Сафо, певицу Лесбоса». Звучным, хорошо поставленным голосом он продекламировал:

Эрос вновь меня мучит истомчивый -
Горько-сладостный, необоримый змей.

Сколько радости черпала я в общении с Эскамом, сколько утешения дарил он мне своими щедрыми выдержками из древних, пока старость и ухудшившееся здоровье не заставили его удалиться на покой; и сколько же радости черпала я в общении с Робином, даже в мыслях о нем…

Но в каждом, Эдеме обитает свой змей, нет радости, которая не таила бы в себе боль.

Я знала, что Робин потратил часть подаренных мною денег на то, чтобы перевезти жену ближе ко двору. Сесил, у которого тоже были свои «глаза и уши», проследил, чтобы мне донесли. Заботами Норфолка, который запустил слух в нашу придворную лужу, зная, что он обязательно доплывет до меня, я узнала и место – Кумнор в Оксфордшире, где Робин поселил также и своего управляющего, молчаливого, угрюмого Форестера вместе со слугами и приказом держать ее взаперти.

Меня это смущало. Зачем сажать ее под замок?

Значит, она – пленница, птичка в клетке, потому что он залетел в небесные выси и не хочет обременять свой полет грудастой сизаркой-женой?

Почему я думала о ней? Ведь ее существование оставалось для меня нематериальным. Мало того, она оказывала мне услугу: никто не мог заподозрить Робина в том, что он из корыстных целей добивается моей руки. Он женат, я думаю о замужестве, больше и говорить не о чем.

Однако образ Эми по-прежнему преследовал меня. Я видела ее ясно, как днем, ее маленькое тело и полуоткрытый рот, этот враждебный взгляд исподлобья, пухлые смуглые груди и облако рыжих волос.

Почему он никогда о ней не говорит?

И еще хуже: почему я сама не решаюсь вызвать ее призрак?

Потому что она не уйдет. Она будет жить, она будет нас преследовать. Ибо она жива, она не призрак, она – реальная женщина, а значит, и реальная угроза моему спокойствию.

И все же я не заговаривала о ней.

А жизнь шла своим чередом. Чем щедрее я одаривала Робина, тем больше совет настаивал на моем замужестве. Что мне отвечать?

Пока я медлила, кое-кому надоело ждать.

Однажды в присутствии новый посол, епископ Квадра де Авила, толстый, гладкий князь испанской церкви, разодетый в алое и черное, вручил свои верительные грамоты и попросил разрешения обратиться.

– Говорите, ваше преосвященство.

У него был приятный, ласкающий слух выговор.

– Его Священное Католическое Величество король Испанский приветствует свою возлюбленную сестру. Ее Светлейшее Императорское Величество королеву Англии, и просит пожелать ему счастья по случаю помолвки.

– Помолвки?

– С французской принцессой.

С сестрой короля и золовкой Марии! Значит, теперь и Филипп обернулся против меня?

Я затрепетала:

– Хороша же была любовь вашего хозяина ко мне, если он не утерпел подцепить принцессу, хотя мог заполучить королеву!

Де Квадра развел руками и зашевелил пухлыми смуглыми пальчиками, каждый из которых красноречиво выражал всю глубину его сожалений.

– И все же увы. Дражайшее Величество! – Он скорбно отклячил губу. – Королю нужен сын… Испании нужен наследник… а время не ждет.

Время не ждет…

– Габсбург! – вторили друг другу Шрусбери, Сесил и Дерби.

– Англичанин! – возглашали Бедфорд, протестанты и народ.

– Я! – канючил Арундел.

– Я? – вопрошал Пикеринг.

Лишь мой избранник молчал – и я знала почему.

Глава 7

Наконец я поняла, что не в силах больше копить горе в себе – надо выплеснуть его наружу, иначе оно разъест меня изнутри. Однажды, входя в присутствие, я увидела Робина – он, как всегда, стоял в дверях, чтобы первым приветствовать королеву. По обыкновению, все повернулись ко мне – кузен Ноллис, высокий белоголовый Гарри Хансдон, наш родственник лорд Говард, прямой, как шомпол, старик Бедфорд – он спорил о военном искусстве с только что вернувшимся из Франции графом Сассексом. Однако Робин весь ушел в разговор с моей нелюбимой кузиной Екатериной Грей и графом Гертфордом, сыном покойного лорда-протектора, рослым, хорошо сложенным, однако туповатым юношей, которого я никогда не жаловала.

Что-то в том, как Екатерина повернула бледное, словно примула, лицо к моему лорду – это мой лорд, слышишь, Екатерина! – ив том, как он с улыбкой внимает ее словам, задело меня за. живое.

– Ее Величество королева!

При выкрике герольдов он резко выпрямился и очутился рядом со мной.

– Ваша Светлейшая милость!

Я не утерпела, яд так и брызгал из меня:

– None vien ingannato, se поп che si fida!

За спиной у меня Мария Сидни, сестра Робина, и Джейн Сеймур деликатно отступили на несколько шагов. Глаза у Робина расширились, словно от сильной боли. Он медленно повторил:

– «Кто слишком доверяет, бывает обманут»?

Вы слишком мне доверяли? Доверяли? И обмануты – мною? Миледи, чем я заслужил подобный упрек?

Я злилась на него и еще больше на себя.

– Ничем! Прикажите музыкантам, пусть играют! Пусть все танцуют!

Он покачал головой, все еще недоумевая.

– Конечно, Ваше Величество… – Оглянулся на Екатерину – она ластилась к графу Гертфорду еще нежнее, чем за минуту до того к Робину. Лицо его потемнело. – На вашу пословицу, мадам, я отвечу другой! Chi ama, crede – кто любит, верит!

– Chi ama… – Я взорвалась:

– Это ложь!

Chi ama, tene! Кто любит, страшится! Всегда!

Всегда, всегда! – И, к своей ярости, разразилась слезами.

Он стремительно шагнул вперед и схватил меня за руку.

– Освободите зал! – крикнул он лорду-гофмейстеру. – Ее Величество удаляется!

Стража ринулась вперед и расчистила мне путь сквозь толпу.

– Идемте, миледи!

Подняв голову, кивая и улыбаясь по сторонам, словно все в порядке, Робин быстро провел меня через толпу в смежную комнату.

– Подайте Ее Величеству вина, смочите салфетку в розовой воде и оставьте нас, – приказал он служителям.

В мгновение ока приказ был исполнен. Мы остались одни.

Он подошел, нежно поднес к моим губам тяжелый серебряный кубок:

– Вот, мадам… глоток канарского… это придаст вам сил…

Я отпила. Его рука у меня на лбу была прохладна, нежна, тверда. В мозгу пульсировала боль. Он встал рядом на колени, заботливо приложил к вискам только что смоченную салфетку.

– А теперь. Ваше Величество… моя сладчайшая госпожа… царица женщин… скажите, что вас печалит. Неужто мой разговор с леди Екатериной? Вам нечего страшиться! Полноте, вы затмеваете ее, как звезда – головешку! Скажите же, чем я вызвал вашу ревность?

Меня затрясло, слезы хлынули градом. Я понимала, как жалко выгляжу, но я должна была сказать:

– В слове «чем» – три буквы, и одна из них «эм»!

Его лицо исказила невыразимая мука.

– О, миледи… леди Елизавета! Не плачьте из-за этого! Не плачьте из-за нее… или из-за меня!

Как объяснить ему, что я плачу не из-за нее, но из-за нас двоих?

– Робин… прости меня… что с Эми? Что с твоей женой?

И вновь его черты исказила нестерпимая боль.

– Мадам, вы не можете не видеть – не догадываться, – как мало она для меня значит! – Он затряс головой яростно, почти иронично. – Но она по-прежнему моя жена, да, моя дорогая « женушка!

Его горечь была как на ладони. Мне захотелось сделать ему больно.

– Но вы женились на ней!

Он почти оскалился.

– В семнадцать лет? Что мальчишка в эти годы понимает, кроме зова плоти? А когда я набросился на нее, как каннибал, и пресытился до отвала, что осталось потом?

Телесные браки начинаются с радости, а кончаются горем.

Пророческие слова Сесила, сказанные на Робиновой свадьбе,

через десятилетие глухо отозвались в моих ушах. Бедная Эми. Ах, бедная Эми! Сафо словно знала ее историю, описав ее удел: «Лань, что со львом спозналась, от любви погибнет».

Жалость переполняла меня.

– Неужели совсем ничего не осталось?

Он зло рассмеялся:

– Для меня – сыворотка из-под прокисшей страсти. Для нее – нечто худшее, муж, который ей теперь отвратителен.

Его холодные слова леденили мне кровь; однако я так же хладнокровно им радовалась. Теперь он мой! Не скажи он этого, я бы не могла его любить – любить человека, чье сердце затребовано, отдано в залог и сохраняется за прежней владелицей, – нет, это не для меня, не для Елизаветы, королевы Елизаветы!

Последнее прикосновение к ране, потом я, словно лекарь, попытаюсь ее исцелить. Я коснулась его руки:

– Господь не дал вашей супруге?..

Робин тяжело вздохнул:

– Будь у нас ребенок, она, возможно, сохранила бы в нем память о нашей любви. Но тогда ничего не вышло из нашей первой любовной игры, из моего короткого медового месяца с ее телом. А теперь…

Он осекся и затравленно уставился в стену.

Мне нужно было знать.

– А теперь? – понукала я Робина.

Он посмотрел мне прямо в лицо. Глаза его были пронизаны болью.

– Теперь я к ней не прикасаюсь, – сказал он отрешенно. – А ведь она, бедняжка, по-прежнему меня любит. Для нее было б лучше, чтоб я убил ее тело, чем вот так убивать живую душу!

– Робин! Робин!

Он яростно рассмеялся:

– О нет, леди, не жалейте меня! Это она – страдалица. Ее мучает тяжкий недуг – разъедает одну из ее грудей, врач говорит, это от горя и тоски. – Он взглянул мне прямо в глаза. – И еще врач говорит, она долго не протянет.

Я замерла. Что он говорит? Погодите выходить замуж, я скоро буду свободен.

Я склонила голову, сердцем и душой отдалась змеиному зову, вековечной песне сирен.

Отдалась – и не отдалась.

Ибо я сделала, что сделала, – и выбор принадлежал мне. Негоже порицать Робина за то, на что меня толкнуло собственное сердце – и никто иной. Если в нашем саду и таился змей, то вовсе

не Робин, – нет, он был моим Адамом, я – его Евой, мы резвились, как дети в первом Божьем саду, безгрешные, подобно нашим прародителям, – по крайней мере, до поры…

И я предпочла забыть о ее существовании.

А заговори я о ней, что бы я могла сказать?

«Робин, как ваша жена?»

А он бы отвечал: «Спасибо, мэм, благополучно умирает, мой слуга Форестер не спускает с нее глаз, у нее все есть…»?

Все, кроме того, к кому она стремится, кого любит, сейчас, когда ей труднее всего…

Однако все видели, что я люблю Робина, и порицали его. Арундел бушевал, Пикеринг досадовал, император Габсбург (Сесил и не подумал щадить меня, так прямиком и выложил) впал в священный римский ужас при мысли, что мог связать себя или кого-то из своих сыновей со столь легкомысленной женщиной!

Однако я не желала с этим мириться. «Скажите Его Превосходительству, – защищалась я, – что на меня смотрят тысячи глаз! Что скорее верблюд пройдет сквозь игольное ушко, чем я позволю себе хоть один грешный миг с лордом Робертом!»

– Как скажете, мадам.

Сесил был сама искренность и доверие. Однако его глаза, пустые, как монеты, которые кладут на веки мертвецам, говорили: «Вы блефуете» – ив высшей степени учтиво добавляли: «Вы, мадам, лжете».

Потому что, сказать по правде, я грешила каждую секунду, проведенную с ним, и все остальное время – тоже. Уже быть с ним рядом – значило грешить, думать о нем – тем паче. Прозрачные волоски на тыльной стороне кисти, разворот его шеи, нежные и смуглые мочки ушей, завиток кудрей за ними – все это и каждая черточка в отдельности будоражили кровь, заставляли меня краснеть, бросали в жар.

И он, уверена, ощущал нечто подобное. Временами в моей комнате, когда сгущались синие сумерки, но свечи еще не вносили, лютня вздыхала в углу и детский голос пажа пел о муках, которые ему только предстоит испытать, мой лорд вдруг вскакивал и с поклоном отходил от меня, требовал вина или карт, разрушал обнявший нас заколдованный круг и впускал в него холодный внешний мир.

Однако в следующий миг он глядел на меня или я на него, и мы снова пропадали, тонули в бездонном колодце любви.

Однако разговаривали мы мало, еще меньше – делали. Нам довольно было просто быть, жить, грезить. Лето доживало свои последние дни, словно беременная крестьянка, и разрешилось

обильным урожаем; на Михайлов день церковь в Ричмонде ломилась от осенних плодов: ядреных коричнево-желтых тыкв, моркови, репы, яблок, чернослива и гладких желтых горлянок. При дворе мои повара превосходили себя, спеша подать на стол последние щедрые дары природы, покуда Персефона[2], спускаясь в подземный мир, не унесла с собой лето до следующего года, – мы ели ежевику и лесные орехи, последние сливы, ломти спелой айвы и мушмулы со сладким английским сыром.

Пришла зима, жизнь вокруг нас замерла. Но на иных деревьях зрели иные плоды, и даже в мой рай, в мой уютный шалашик среди ветвей, проникали слухи о них. Я уже не присутствовала на каждом заседании совета, как в первые тревожные дни, – я вполне полагалась на своих лордов и знала, что Сесил расскажет мне все самое важное. Тем более что я так или иначе узнавала обо всем – мне приходилось подписывать все указы, акты, билли и прокламации.

Однажды морозным декабрьским днем я прогуливалась во дворе, глядя, как Робин, тоже забросивший государственные обязанности, стреляет из лука по мишени. В аудиенц-залу я вернулась лишь после окончания совета.

Здесь меня ждал Сесил. Здороваясь, он опустился на одно колено и расправил длинное бархатное одеяние. Я была весела, как никогда: мысленно я еще видела, как Робин посылает в цель стрелу за стрелой.

– Что сегодня подписывать? – Я плюхнулась за стол, потянулась к связке перьев. Мне не терпелось вернуться к Робину. – Начнем.

– Как пожелает Ваше Величество.

Я тщательно приготовилась к работе – я всегда гордилась своим большим цветистым росчерком *ЕЛИЗАВЕТА R*[3] и никогда не выводила его в спешке. Сесил клал передо мной документ за документом, я подписывала, писцы уносили готовую бумагу на соседний столик и присыпали песком жирные черные чернила.

– Приказ об отправке солдат в Шотландию? – Я нахмурилась.

– Ваше Величество, вы, наверно, помните: совет рекомендовал укрепить приграничные области. Королева-регентша ценой огромных трудов сохраняла в Шотландии мир. А теперь из Женевского рассадника вернулся проповедник Нокс и ежедневно разжигает народ против Римской Церкви и французского засилья. Назревает мятеж, и мы должны позаботиться, чтобы он не перекинулся в Англию.

– Нокс? Это тот смутьян, который писал против меня, против «чудовищного правления женщин»?

– Он самый, мадам.

– Тогда согласна – берите солдат, сколько хотите!

Я подписала. Под приказом об отправке солдат оказался документ, какого я прежде не видела. «Ордер на арест», – медленно прочитала я. Обычно меня не беспокоили подобными пустяками.

«…арест матери Даун из Брентфорда и Хью Берли из Тотнеса…»

Кто эти люди?

– Дорогой секретарь, как попал сюда этот документ?

– Что? Что это, мадам? – Он заглянул мне через плечо.

Я вытаращилась. Сесил не знает, что в его бумагах? Я скорее поверю, что он забыл собственное имя! Глаза его были чисты и невинны, спокойны, словно равнинное озеро, без всякого подвоха на дне. Однако, взглянув на ордер, я поняла – он меня дурачит.

«…за непотребное и подстрекательское поведение вышесказанных Даун и Берли, утверждавших, что королева – бесчестная женщина и в своей невоздержанной жизни ничуть не лучше приходской шлюхи, что лорд Роберт спит с королевой, покрывает ее, словно овцу…»

– Весьма злоязычная парочка. – Я обрела дар речи.

Сесил, глядя прямо перед собой, только кивнул. Я нащупала перо и мстительно подписала ордер:

– Проследите, чтоб их примерно наказали за эти гнусные измышления.

– Будет исполнено. Ваше Величество.

Мне не следовало показывать своей ярости из-за подобных сплетен. Однако эти болтуны, эти гусеницы, подгрызающие мое имя и репутацию, подгрызающие Робина, жалили меня, как гадюки. Он должен об этом знать. Когда я сказала, он вспыхнул, прикусил губу, черный от гнева.

– Покрывает? Они смели сказать «покрывает»?

Я кивнула, не в силах и слова вымолвить от стыда.

Он встретил мой взгляд, глаза его метали молнии, и я прочла в них гневную мысль: «Если б они только знали!»

Потому что между нами ничего не было, ничего плотского. Ничего такого – любовь столь глубокая, что ее не выразить в словах, и день ото дня глубже, так что не выразить уже и в слезах. Однако это была любовь, и вздохи, и песни, и приношения, и дары, и взгляды, и общность пристрастий, становившаяся все больше с каждым днем. И, как с моим вторым лордом, Сеймуром, порой – поцелуй украдкой в нише или в оконном проеме, вдалеке от свиты, или в нашем излюбленном месте, в полях, где, как дети природы, мы могли следовать ее велениям.

Мы ездили верхом каждый день. С первой теплой поры, когда

наши кони пробирались по грудь в таволге и двукисточнике, через летние, оставленные под паром, до осенней пахоты поля, мы редко пропускали хоть день – разве что хлестал ливень или земля промерзала настолько, что мы боялись покалечить коней. Но даже и в такие дни Робин звал меня в крытый манеж, где лучшие из его скакунов покажут свой «полет», а он – свою власть над ними и, не скрою, свою власть надо мной.

Он был лучший наездник, какого когда-либо знала Англия, вам это известно? Ни до, ни после не видела я подобного. Это был кентавр в седле, он сливался с лошадью воедино – чувствовал каждое ее движение и, клянусь, читал ее мысли.

И с каждым днем мое чувство к нему росло, его статное тело наездника, мужественное, загорелое, как у цыгана, лицо, ослепительная белозубая улыбка завораживали меня так, что я уже не могла подумать ни о чем другом. Из Шотландии доносили, что французы стягивают силы, укрепляют враждебные гарнизоны у самых наших границ. Я выслушивала, приходила в ярость, пугалась – Мария! Теперь она царит над двумя королевствами, нависает над моей страной, словно зловещая великанша, одной ногой в Кале, другой – в Карлайле! – пугалась и забывала.

Потом пришла весть, что шотландские лорды, изнемогшие под французским игом, под королевой-регентшей, под кардиналами и папой, подняли мятеж, желая очистить страну от Римской церкви, утвердить новую веру. И что Мария де Гиз, вдовствующая шотландская королева, регентша своей дочери, изнемогла от долгой борьбы, от всеобщего развала, от бесконечных усилий отстоять у протестантов дочерний трон, опустила руки, голову, сложила с себя корону и умерла.

Оставив все Марии?

Или мятежным лордам?

Папистам или протестантам, кому достанется Шотландия?

Королева или ковенантеры[4], кто возьмет верх?

Глава 8

– Лорды! Шотландские лорды восстали против католического французского правления! Прекрасные новости для нас, лучше быть не может! – ликовал Сесил. – Мы должны поддержать их, мадам, людьми и деньгами!

Весь совет согласился.

– Представьте только, ваша милость, – гремел Сассекс, мысленно хватаясь за меч, – разом изгнать с нашего острова французов, королеву и папу!

Я скривилась:

– Что? Поддержать горстку мятежников против помазанной королевы? – Из памяти еще не изгладилось девятидневное правление Джейн, предательская попытка сбросить нашу династию! Я тряхнула головой, глядя на Сесила и немногочисленных лордов. – Я не стану помогать тем, кто поднял оружие на законную власть. Никто не знает, когда этот же мятеж обратится против меня.

– Миледи, об этом не может быть и речи!

– Мадам, народ вас любит и чтит!

Конечно, они наперебой бросились убеждать: мне-де ничто не грозит. Но я не верила. Я сидела па троне каких-то двенадцать месяцев и держалась только на верности народа. Если ее утратить…

То была тема ночных кошмаров, тех самых кошмаров, что отравили сестре Марии последние недели царствования – когда она напялила на себя дурацкую ржавую кирасу и держала под подушкой старый меч – и при этом все ночи не смыкала глаз! Теперь, когда поднялись шотландцы, я тоже познала страх за свой трон, даже за свою жизнь. Один взгляд на Робина – и я забуду страх, забуду все в упоении любви…

И все же я едва верила своему счастью, нашей любви, нашей радости. И я не смела говорить о них, так как все вокруг – у каждого имелась своя причина – ополчились на Робина.

Зависть лордов еще можно было стерпеть; куда хуже молчаливая обструкция верного Сесила.

Обиднее всего, что тот прежде симпатизировал Робину, в отличие от Норфолка, презиравшего в нем «выскочку» и похвалявшегося перед Робином древностью своего рода, своей голубой кровью. Однако Сесил вознамерился отдать меня за Габсбурга и таким образом упрочить европейский мир – именно Робина он считал камнем преткновения.

И у Робина были враги в числе самых близких ко мне людей.

Если Парри охотно помогала его ухаживаниям: «Такой лорд, мадам, такой джентльмен!» (он покорил ее сердце тем первым сердцем из золота), то моя маленькая Кэт теперь показала коготки и редко упускала случай царапнуть.

– Леди Екатерина вчера жаловалась, – начинала она исподволь, словно это просто сплетни, – ваша милость, мол, не придает значения ее положению наследницы, не снисходит к ее желанию стать женой и матерью, согласно велениям природы.

– Ее положение, тьфу!

По мне так притязания старшей кузины и древнее, и обоснованнее – хотя из меня дикими лошадьми не вытянешь, чтоб я признала наследницей Марию Шотландскую, – но Екатерина Грей?

– Передай ей, что мне наплевать и на нее и на ее «положение»!

А ведь я знала, что у Кэт на уме! Она думала разговорами о Екатерининой свадьбе, Екатерининых детях навести меня на мысль о собственном замужестве, а на деле только настроила против этой глупой девчонки!

И за что только Кэт невзлюбила Робина, когда другие женщины боготворили землю, по которой он ступает, – Кэт, обожавшая насквозь лживого лорда Сеймура, – я так и не поняла.

Но она вновь и вновь пыталась отдалить меня от него.

– Этот северный лорд, он еще недавно прибыл ко двору, ваша милость знает, о ком я, – Споффорт или как его там…

– Да, знаю.

– Так вот! – Глаза ее горели притворным негодованием, одновременно приглядывая, как служанка ставит передо мной тарелку с рыбой и смоквами – мой постный ужин. – Говорят, он заточил свою жену в деревне и не намерен представлять ко двору, а сам заводит любовные шашни с другой – как его после этого назвать? – И наконец ее прорвало:

– О, не водите компанию с лордом Робертом, мадам! Подумайте о своей репутации!

И всегда, везде пристальные взгляды, пытающие, вопрошающие, раздевающие, норовящие проникнуть под платье, скабрезные взгляды, оценивающие каждое мое движение, порывающиеся ощупать – сберегла ли я тот треугольничек плоти, ту священную преграду, то бесценное женское сокровище, мою девственную плеву, или Робин похитил ее у меня вместе с добрым именем.

Иногда от этих взглядов удавалось ускакать на бешеном галопе, гоня коней через подлесок и мшанник, через ручей, брод и топь по ухабам, где, того и гляди, сломаешь шею себе или

лошади. Иные ирландские и немецкие скакуны вполне оправдывали свое название и дарили нам часы веселого забытья. Однако на ухабах им, мощным и тяжелым, было далеко до наших низкорослых, но уверенных английских лошадок, и, скача на них, мы постоянно рисковали вылететь, из седла.

Одного немецкого жеребца, гнедого исполина цвета мятой шелковицы с иссиня-черными горестными глазами, я невзлюбила с первого взгляда.

– Берегись этого жеребца, Робин! – убеждала я, когда тот садился в седло. – Если я что-то понимаю в лошадях, у него подлый характер.

– Миледи! – вскричал Робин, притворяясь оскорбленным. – Кто из ваших слуг искуснее в обращении с опасными, породистыми, норовистыми созданиями, не желающими покоряться мужской руке?

Я рассмеялась его дерзости.

– Ни один мужчина не держит удила мягче, ни один лучше вас не держится в седле! И все же своенравный жеребчик сбросит вас раньше, чем вы думаете!

Я оказалась права. Меньше чем через час, скача позади него, я увидела, как мощный скакун запнулся, оступился и опустил голову, как раз когда Робин привстал на стременах и наклонился, посылая его вперед. Все сошлось будто нарочно! Он упал меж огромных, сверкающих передних копыт, перекатился кубарем, как щенок, и угодил под разящие задние.

Я перестала дышать, в голове стучала одна мысль: «О, Боже, нет! Моя любовь погибла, так и не став моею!»

Мы пронеслись полмили, прежде чем я сумела осадить коня – так быстро мы мчались. Когда я подскакала, Робин лежал смятый, бледный, безгласный, его лоб рассекла тонкая, словно росчерк судейского, карминная полоска.

Я долго рыдала и молилась, покуда подоспела помощь и он открыл бесценные очи. Когда же весть достигла двора, она не встретила там особого сочувствия. Даже Сесил не преминул заметить: «Благодарение Богу, конь сбросил лорда Роберта, а не Ваше Величество!»

На следующий день в своих покоях Робин велел слуге показать мне раны: огромный вспухший ушиб на спине, на боку – вмятина, сломаны два или три ребра, на белой груди – синий, как татуировка, след от подковы. Еще дюйм-два, и гнедой растоптал бы ему горло, сломал шею, но, благодарение Богу…

Все это лето, всю эту осень, весь тот год напролет мы были счастливы, и все же…

И все же Эми не умирала!

Я корила себя, что думаю такое о безвинной женщине, и все же это правда – я желала ей смерти!

Желала ли? Ведь, покуда она жила, все оставалось зыбким. И я хранила себя от Робина, не уступала ему ничего, кроме кончиков пальцев да губ для редчайших сладких лобзаний…

Однако, видит Бог, это было не просто! Дни сменялись неделями, недели – месяцами, его близость будоражила меня все сильнее и сильнее. Как я устояла? – спросите вы.

А как устоял он?

Отчасти меня спасала его отстраненность, его неизменная почтительность. К тому же добрый Сесил приглядывал за нами не хуже любой дуэньи. Между всеми своими заботами, бумагами, комитетами, переговорами, попытками заключить мир с Шотландией и обезопасить наши ближайшие рубежи он находил время еще для одной неписаной обязанности: постоянно быть рядом со мной. А по мере того, как Робин шел в гору, к нему льнуло все больше и больше людей, а меня окружали мои дамы и приближенные, фрейлины, камеристки, придворные, люди свиты, советники и послы – не говоря уже о мастерицах по прическам, модистках, белошвейках, портретистах, ювелирах, чулочницах, травницах, башмачниках, мастерах по головным уборам и воротникам – чудо еще, что мы порой урывали мгновение, чтобы побыть наедине.

А мы урывали – конечно, мы урывали!

С того первого поцелуя я жила в постоянном ожидании. Как королева я могла потребовать, но как женщина я хотела, чтобы потребовал он, чтобы он завладел моими губами – и, сознаюсь, моим телом тоже!

Ибо теперь все, чему научил меня лорд Сеймур, каждое место, которого он касался, проснулось и взывало к Робину. Стоило ему тронуть мою руку – я загоралась, поцеловать мои губы – и я пылала. Когда он подставлял мне сцепленные ладони под ступню, подсаживая в седло, или подхватывал, снимая с коня, грудь мне стискивало огненным обручем, жар бередил душу до самых сокровенных недр. Я сгорала от любви. И шаг за шагом любовь наша росла и требовала выхода.

Однако мы по-прежнему держались на расстоянии.

– Милорд, почему вы вздрагиваете от моего прикосновения ?

– Миледи, посмею ли я ответить?..

Эти и другие вопросы протягивались между нами, как тени на солнце. Однако, когда он осыпал мои руки легкими, словно бабочки, поцелуями, по одному на каждый пальчик, по двадцать на каждый суставчик, потом медленно, нежно переворачивал ладонью вверх, чтоб и ее наделить любовью…

Когда я поднимала руку к его лицу и касалась волос, упругих, как августовский папоротник, зачесывала их за уши, замирая, чтоб опалить любовью и их…

Когда он жег мои запястья ледяными и пламенными лобзаниями, пока я не переставала различать холод и жар, сон и явь, ни жива и ни мертва от любви…

Когда я решалась поцеловать ямочку на его подбородке, погладить мягкую золотистую рыжину коротко подстриженной бороды, когда я влеклась к большему и мечтала о большем, когда просыпалась, грезя о большем, как я желала его, и звала его, и жила им одним.

О, Господи, рыдала я на вечерней молитве, что с нами станется? Ибо я полюбила единственного, за кого не могу выйти, – женатого мужчину!

Однако, не будь он женат, пошла бы я за него, зная, что такое брак, чем заканчивается брак… даже для королевы?

Особенно для королевы…

И все же… все же… я не могла от него отказаться!

Он подарил мне счастье, простую и чистую радость, которой мне так мало досталось в жизни.

Но и тогда червь в сердце цветка подтачивая наше счастье… и недолго мы…

Люди прослышали о болезни Эми, и молва, эта зловредная ведьма, перемывала нам косточки на тысячу ладов. «Лорд Роберт травит жену ядом, чтобы жениться на королеве!» – таков был самый безобидный из слухов. Трокмортон, всегда самый верный из моих сторонников, а ныне посол в Париже, сообщил, что вся Франция потешается над байками об «английской королеве, ее шталмейстере и его жене».

Я решила положить этому конец.

– Робин, окружи ее слугами, – молила я, – пусть рядом с ней все время будут надежные люди, чтобы все видели – ты не замышляешь против нее ничего дурного – и чтобы оградить нас от этих гадких сплетен!

– Мадам, все уже сделано! – оправдывался он. – С ней в Кумноре мой управляющий Форестер и его семья, жена и сестры, а с ними все мои слуги. Там же я поселил ее подругу детства и почтенную пожилую даму, множество служанок, пажей и женщин – уверяю вас, она живет в довольстве, в окружении заботливых домочадцев, ничуть не хуже…

Ему не было нужды заканчивать: ничуть не хуже, чем любая женщина в ее обстоятельствах – в ожидании потустороннего жениха, имя которому – Смерть…

В ожидании…

Мы все жили в ожидании.

Ожидание никому не идет на пользу. За нервное напряжение расплачивается тело.

В конце того лета я часто страдала мигренями.

В один день болью так застлало глаза, что я потом долго не могла оправиться. После Робин уговорил меня покатать шары. Стоял пасмурный, промозглый сентябрь – в тот год золотая осень обошла Ричмонд стороной.

И как же я забыла – то был день моего рождения!

Робин приветствовал мое утреннее пробуждение музыкой: под окном заиграли флейтисты, и хор мальчиков из дворцовой церкви ангельскими голосами запел:

Милая, если изменишь, другой не узнаю вовек,
Нежная, коли отступишь, с любовью прощусь навсегда.
Милая, нежная, мудрая, не отступай, будь тверда,
И я клянусь верность вовеки хранить.
Небо скорее цветами своими украсит земля,
Землю скорее усыплют холодные звезды с небес,
Воздух, земля и огонь природу изменят свою,
Нежели я изменю иль отступлюсь от тебя…

Я пригласила его в опочивальню, еще не сменив ночной убор; я знала, что ночное платье из синевато-зеленой парчи, отороченное по вороту белой лисой – подарком моего шведского ухажера, короля Эрика, – замечательно оттеняет червонное золото моих распущенных волос. Я не стеснялась моего лорда, к тому же хотела, чтоб он оценил воздействие новой смеси из лимонов и ромашки, которыми Парри начала мыть мне волосы, дабы улучшить их цвет – в последнее время они стали такие тусклые и жидкие…

Однако я была не в духе и хотела внимания.

– Я уже старуха, двадцатисемилетняя кляча, мне скоро тридцать!

– Однако, на мой взгляд. Ваше Величество еще совсем девочка. Рядом с вами я всегда буду стариком, вы настолько моложе меня…

– Бросьте меня сердить, вы отлично знаете, что старше меня всего на два месяца!

– На два месяца, мадам? На две жизни… ведь вам известно, как долго я люблю вас без всякой награды.

– Без всякой награды? А чего бы вы желали?

И так мы шутливо пререкались весь день, и постепенно он меня развеселил. Да к тому же и осыпал дарами: подарил

двойную нить крупного, с горошину, жемчуга, черного и белого, веер слоновой кости двух футов в поперечнике, венецианский серебряный ларец с крошечными филигранными ящичками, аптекарскую чашку из оправленной в золото древесины падуба – от мигреней. А подарки все несли и несли: надушенные ароматами перчатки, хлыст из белейшей кости и кожи, булавки и перья, кольца и милые пустяки от дам, придворных, от всех моих домочадцев. И, поскольку день развивался столь успешно, я, так и быть, разрешила себя утешить.

Ближе к вечеру мы медленно возвращались из аллеи для катания шаров во дворец. От реки поднимался туман, тянулся тонкими пальцами, словно утопленник, тщетно пытаясь уцепиться.

И вдруг меня пронзил озноб, я вся затряслась.

– Ваше Величество, вы позволите?

Робин сорвал с плеч тяжелый бархатный плащ и нежно опустил поверх моего. Я слабо улыбнулась:

– Спасибо, милорд.

Однако холод не отступал, сердце мое колотилось, поджилки дрожали, я не могла понять почему.

Но стоило войти в Большой покой, я увидела и поняла, отчего похолодело мое сердце. Со шляпой в руке, с застывшим лицом ждал управляющий Робина из Оксфордшира, тот самый Форестер. При нашем появлении он упал на колени и склонил голову.

– Говори же, говори! – Голос у Робина стал резкий и хриплый.

Слуга, поднял голову; его черные глаза, словно закрытая книга, не сообщили ничего.

– Милорд, простите, что привез вам дурные вести – пусть Господь укрепит вас и поможет выслушать то, что я скажу: ваша жена скончалась.

– Моя жена?

Он побелел как полотно.

– Упокой, Господь, ее душу! Она отошла с миром? С ней был доктор, священник, дамы?

– Увы, нет, сэр. – Лицо управляющего оставалось бесстрастным. – Трагическая случайность, милорд. Леди Эми осталась в доме одна, она оступилась на лестнице и упала. Мне грустно об этом говорить, милорд, но она сломала себе шею.

Глава 9

Я не могла на него смотреть.

День моего рождения…

День смерти Эми…

И все скажут, что это подстроил он.

Без единого слова я оставила их и убежала в свои покои.

Все мои женщины сделались серыми от страха, Мария Сидни, сестра Робина, была совершенно убита, кузены Фрэнсис Ноллис и Хансдон, все мои кавалеры онемели от ужасной вести – никто не решался произнести хоть слово. В королевских покоях я велела им оставить меня одну и закрылась в опочивальне. Упала на колени и, зарыдав, начала молиться: «Salvum me fac, domine: Спаси меня. Боже; яко дошли воды до души моея…

Вошел во глубину вод, и быстрое течение их увлекает мя…»[5].

Я пыталась молиться за Эми: «Блаженны умершие в Боге, ибо они упокоятся от долгих трудов…»

Однако страшные, укоризненные голоса не унимались.

Кто это сделал?

Как, это случилось? Кто подстроил?

Только не он…

А если не он, то кто же?

Cui bono, как говорили римляне, кому выгодно?

Я не решалась помыслить об ответе. Только фраза возникла в голове, еле слышная, словно музыка с дальних холмов: Chi ama, crede – кто любит, верит…

Однако как все, кто глух к музыке эльфов, чьи уши слишком, нечутки и бренны, я не могла расслышать.

И не могла верить.

У меня не было причин полагать, что он знал заранее. Но всякий, кто прожил бы мою жизнь, разучился бы верить на слово. И я больше не могла доверять.

Медленно уходили часы, моим придворным хватило ума не беспокоить меня. За окном скорбно прокричала сова. Близилась ночь, я промерзла до костей, до глубины души и знала: прежнее ушло, его не воротишь.

Наконец стук, дрожащий, боязливый, и голос Кэт Кэри:

– Ваше Величество…

– Оставьте, Кэри, уйдите…

– Мадам, это…

– Уйдите!

Пауза, затем другой голос, его и в то же время не его:

– Госпожа, я пришел проститься: сегодня я уезжаю в Кумнор.

Проститься?

Он уезжает? Почему это слово, будто копьем, ранило мое сердце – ведь я не хочу его больше видеть, не хочу, чтобы он оставался?

Впрочем, какая теперь разница?

– Впустите лорда Дадли.

Он вошел с видом слуги, которого только что отхлестал суровый хозяин. Едва различимый в сумерках, на негнущихся ногах подошел ко мне – я сидела в оконной нише, без свечей – и упал на одно колено.

– Ваше Величество, дозвольте уехать. После того, что сообщили из Кумнора…

Я не могла на него смотреть, однако заставила себя выговорить:

– Что сообщили? Как она?..

Он горько сверкнул глазами и тряхнул головой.

– Хуже и быть не могло! – сказал он просто. – А я-то старался окружить ее надежными людьми! Вчера вечером она была одна – девушки и женщины ушли на ярмарку, пожилая дама дремала у себя в комнате, слуги возились на ферме – никого поблизости, никого, кто бы услышал.

– Кроме вашего управляющего…

– Он отпустил их на ярмарку. Дом был пуст.

Уж не знаю, как это произошло, но в ту секунду я увидела все: преступление, преступника, даже жертву – маленькое, истощенное недугом тело Эми, неестественно распростертое у подножия лестницы, голова свернута набок, карие глаза мертво уставились в потолок…

Управляющий Форестер.

Человек, для которого одна маленькая смерть – ничто после воинской службы, где люди гибли вокруг и даже перед ним, захлебывались кровью на острие его меча. Плечистый, с большими руками – долго ли такому справиться, с маленькой больной женщиной, застигнутой врасплох, одной в пустом доме?

Человек, которому не терпелось пробиться наверх, уставший выжидать, опасающийся, что хозяину придется ждать слишком долго, и тогда награда, которая бы возвеличила Робина на всю жизнь – и эта награда не я, но вся Англия, – достанется другому лорду, эрцгерцогу, королю Шведскому…

Человек, которому хватило ума разглядеть, как выгодно расчистить хозяину путь, но не хватило чутья понять, что именно этот поступок сделает невозможным мой брак с его хозяином – отныне и вовеки…

Нет, теперь нам не пожениться, даже не быть друзьями. Теперь Робина попрекнут не его плебейской кровью, отнюдь не королевской кровью, но кровью невинной жертвы, кровью убиенной жены.

Впервые с начала разговора я заглянула Робину в глаза, застывшие, темно-серые от потрясения, и поняла – он тоже увидел. Он отвел взор и сказал сухо, как прежде:

– Я еду в Кумнор – сделать необходимые распоряжения.

Внезапно мне все стало ясно – словно вспышка молнии разрезала ночную мглу.

– В Кумнор? Нет! Это подогреет скандал, даст новую пищу для пересудов! Скажут, что вы устроили все, пока были со мною в Ричмонде, а теперь возвращаетесь замести следы!

Я едва различала его в сумерках. Он хрипло втянул воздух;

– Вы думаете, так скажут?

– Конечно! Единственный выход – послать туда уважаемых людей и провести дознание.

– О, Господи! Господи, прости меня! – Он, едва не плача, на ощупь нашел мою руку. – Миледи, я не могу выразить, как скорблю о ней и как ненавижу себя! Но хуже всего, что я замарал и вас, затащил в навозные кучи Европы, в выгребные ямы худших умов мира!

В темной комнате его глаза сверкали невыплаканными слезами. Я протянула руку. Он вздрогнул, когда мои пальцы коснулись его скулы, погладили тугие завитки на виске.

– О, миледи!

– О, мой Робин!

Я наклонилась, держа руку на его шее, почувствовала, как мускулы под моими пальцами наливаются сталью, почувствовала их сопротивление, почувствовала, как они ослабели, когда я нерешительно прижалась лбом к его лбу. Между нами воцарилась великая тишина; теперь я тоже плакала.

Наконец я взяла его измученное лицо в обе руки, попыталась поцелуями разгладить лоб, разгладить губами оставленные горем борозды, осушить губами слезы; я целовала теплые и мягкие веки. Наконец я поцеловала его в губы – торопливо, словно нарушая запрет.

– Миледи, о, миледи!

Он был рядом со мною в оконной нише, одна его рука – на моем плече, другая касалась щеки. Нежно он повернул меня лицом к себе, и мы поцеловались, как никогда прежде. То был поцелуй, какого я, похоже, алкала и жаждала всю жизнь – его губы выпивали из меня душу, вращение времени замедлилось, остановились сами звезды.

Наши губы были сладки, как спелый плод.

Нежно его язык отыскал мой, почувствовал ответ, двинулся дальше. Теперь мои слезы высыхали на медленном огне, разгоравшемся и разгоравшемся с каждым касанием его губ, с каждым движением его пальцев.

Его пальцы сжимали мое плечо; я дрожала его дрожью, все сильнее, яростнее с каждым поцелуем. Я раскрывалась, как цветок, вбирала его, выпивала, не думая ни о чем, кроме его поцелуев, и следующего поцелуя… и следующего…

Теперь он обхватил мои плечи, сдавил, вжимая в себя, гладил мою шею, щеку, подбородок, ниже, ниже. Уверенно и решительно он нащупал корсаж, провел пальцем по украшенному каменьями краю. Под корсетом из китового уса, под жесткой, как доспех, шнуровкой мои груди ныли, соски заострились, все мое тело молча, страстно укоряло: зачем так долго?.. Зачем так нестерпимо долго?..

А он?

Похоже, он думал иначе. Его пальцы умело и безошибочно отыскали крючки на боку, скреплявшие жесткий корсет. Сейчас он смеялся от радости легким горловым смехом, наклонясь и целуя мою щеку, шею, мои груди, высвобождаемые из корсета по мере того, как он расстегивал крючок за крючком.

Я влеклась к нему, желала его, слезы хлынули снова, нежные и сладкие, словно цветы под дождем. Его аромат переполнял меня – майоран, бензойное масло… Мягкие, словно поступь эльфа, длинные пальцы раздвинули корсет и проникли внутрь, – Миледи, о, миледи!

Мы разом задохнулись, когда его рука отыскала мою грудь, почтительно приняла в горсть, коснувшись соска восхитительно жесткой ладонью. Медленно он обнажил один темный кружок, другой, пока мои груди не стали как у коровницы, – мои груди, стан, все мое тело жило его прикосновениями, жаждало его власти. И, словно коровника, я шептала вслух:

– О, Робин-да-милый-Робин-о-да-а-дадаааа…

– О, мадам, нет! – Он оторвался от меня. – Что я делаю? Господи! Пусть Бог и вы, мадам, простят меня!

Я насилу обрела голос:

– Простить вас, Робин? За что?

Он опустил голову, встряхнул ею, словно оглушенный ударом.

– За то, что я позабыл, кто я… и кто вы! – Он встал. – Я должен уйти… уехать… немедленно!

– Робин, нет! Не говорите этого… не уходите! – Я сама услышала, как жалко это прозвучало – мольбой покинутой,

обреченной женщины. Запинаясь, я продолжала:

– Если кто и забылся, то не вы! Я… мы оба…

Он покачал головой:

– Единственное, что я могу сделать для Вашего Величества, это немедленно уехать. Тогда никто не скажет, что ваш шталмейстер убрал мешавшую ему жену и остается при вас в должности комнатной собачки!

Я опустила голову, ничего не видя от слез.

– Куда вы едете?

– В усадьбу в Кью. И буду ждать там.

До каких пор?

Кто знал, кто мог сказать, кто из нас посмел бы тогда спросить?

Никогда прежде нам не приходилось прощаться. Это всегда было «до завтрашнего полудня, Ваше Величество» или «я буду ждать вас после вашей аудиенции». Но сейчас он разбил мне сердце одним коротким «adieu!»…

«Повадятся печали – так идут не врозь, а валом, »[6], – сказал один из этих писак, один из сочинителей пьесок.

После смерти Эми и Робинова отъезда мне, словно глупой коровнице, казалось – хуже быть не может. Но тот же борзописец, тот же бумагомаратель однажды воскликнул: «Кто может про себя сказать: „Мне хуже быть уже не может“?»[7].

Потому что всегда есть худшее.

И оно, это худшее, надвигалось, в то время как я рыдала, и злилась, и молилась за Робина, за Эми, за себя.

О, как суетно, как эгоистично горе! Я и внимания не обратила, когда Трокмортон сообщил из Парижа, что новый французский король, муж Марии Шотландской, бедный юнец, отстающий от нее и по росту, и по годам, и по всему, кроме французской самоуверенности, страдает от боли в ухе. Все мои мысли были в Кумноре, я хотела знать одно: выяснилась ли истина?

– Началось ли дознание? Было ли разбирательство? Каков вердикт?

Никогда я так не ценила сверхъестественную деликатность Сесила, как сейчас, когда он с бесстрастным лицом произнес:

– Мадам, все идет согласно установленным предписаниям и решится в свой срок.

И со… смертью, чуть не сказала я, ибо он был для меня все равно что мертв – с утратой Робина навалились другие насущные дела, которыми я до сих пор отчаянно пренебрегала. И самым отчаянным для меня, самым насущным оказался незаживающий вопрос о замужестве и престолонаследовании, ведь с отъездом

Робина волки осмелели и выли теперь у самых моих дверей!

Замужество!

Я не хотела и думать о нем, но поневоле думала.

Ибо император Габсбург теперь пошел на попятную, из страха, что «английская королева выйдет за своего шталмейстера, который нарочно для этого убил свою жену!» – как смеялась на всю Европу моя милая кузина Мария. Так что теперь мне приходилось ублажать его лестью, посылать в подарок надушенные книги, осыпанные каменьями перчатки и редкие безделушки, чтобы сохранить расположение Священной Римской империи, особенно же молодого эрцгерцога Карла, единственного из трех, кто по-прежнему соглашался жениться на женщине моих лет, еретичке с погубленной репутацией, а теперь в глазах всего света еще и убийце, если не в прямом смысле слова, то, во всяком случае, в своих мыслях.

– Поостерегитесь, ваше сиятельство, – подначивали его придворные острословы (как доносили наши осведомители), – заводить любовниц или поворачиваться спиной к королеве, которую берете в жены, – а то можете не спуститься живым с лестницы!

Было больно, обидно, гадко. Но теперь терновый венец стал мне привычным убором, и каждый шип колол и больно ранил меня. Однако мне готовились новые удары, да такие, каких и в страшном сне не увидишь.

– Во Франции, говорят, юный король лечится от боли в ушах кровью невинных младенцев, – зубоскалил обожавший подобные сплетни Норфолк, – отчего лоб и лицо у него покрылись красными кровяными полосами!

Но пока весь двор потешался над этими кровавыми отметинами, из Франции спешил одетый в черное гонец со скорбным посланием:

«Моего повелителя, супруга и короля больше нет. И я, низвергнутая с вершин блаженства в горчайший из женских уделов, бездетное вдовство, решила удалиться из Франции в собственное королевство, посему смиренно прошу вашего, сестра и государыня, дозволения проследовать через ваши владения в мои.

Мария Шотландская».

Король мертв. Воспаление в ухе, писала Мария, перешло в абсцесс и разрушило мозг. Что касается моих мозгов, то при этой вести они просто сдвинулись набекрень.

Она пишет, бездетное вдовство?

А где же дитя от этого брака, обещанное шпионами Сесила?

– Хорошо уже то, что она не подтвердила своих претензий на

трон Вашего Величества… – бесцеремонно рубанул старый Бедфорд и ляпнул зачем-то – ..родив сына, которого вам еще предстоит нам подарить.

Лорд-казначей Полет невесело усмехнулся:

– Однако она может, и захочет, и должна – снова выйти замуж!

И одна общая мысль: «Кого из наших врагов выберет она себе в мужья?»

– А теперь она еще желает проехать по Англии со всею папистской помпой, назло нам всем? – жаловался кузен Ноллис лорду-адмиралу Клинтону.

Вторая королева на нашем маленьком острове и католичка в придачу, заявляющая права на мое королевство, оспаривающая законность моего правления?

Этой напасти мы не ждали.

– Это все ее свекровь, итальянская ведьма, Екатерина Медичи, это не Мария! – убеждал Шрусбери, верный католическому видению Невинной Марии. И в этом была доля правды – Екатерина, старая вдовствующая королева, а ныне регентша при втором сыне, теперь вошла в зенит своего могущества и, разумеется, затмила такой пережиток прошлого царствования, как Мария.

– Но рассудите сами, – осклабился Бедфорд, – долго ли Шотландская королева будет убиваться по мужу? Кутаться в черное, избегать мужчин? Носить шлейф за свекровью, когда еще неделю назад все было наоборот? Нет, нет, милорды, она предпочтет царить в собачьей конуре, покуда собаки – ее подданные, чем быть вдовствующей королевой в раю!

Но пускать ли ее в Англию?

Я забыла о страхе в предвкушении этой встречи. Я хотела ее видеть! Всю жизнь я слышала о ней, как она хороша собой, умна, образованна, как говорит на иностранных языках, музицирует, держится в седле, танцует – ну, словом, образец женщины, аж зло берет!

Нет, я не ревновала, какая тут может быть ревность? С чего бы?

Но я много бы дала, чтобы хоть разок взглянуть на эту хваленую кобылицу…

А кто знает, может, встреться мы тогда, я бы немного ее остудила, если не примером, то словом?

Остановила бы ее стремительный бег до того, как она сбросила следующего седока, сбросила, кусая и брыкаясь, и пока ее саму не взнуздал худший из седоков, подлейший из негодяев, какого она только могла сыскать?

– С дозволения вашей милости я предположу, что она могла бы проехать через Англию при одном условии – если подпишет Эдинбургский договор.

– Эдинбургский…

Ах да. Эдинбургский договор. Сесил по праву гордился своим детищем, призванным уладить наши с шотландцами споры. Много часов, много свечей и бумаги извели его помощники и он сам, но в итоге французы согласились все-таки покинуть Шотландию и отказаться от поддержки Мариных притязаний на мой трон.

– Если Шотландская королева с этим согласна, пусть приезжает, мы будем только рады! – сказал Сесил.

Пусть приезжает…

Однако нет ли тут подвоха, который чую я и не чует Сесил?

– Если принимать ее здесь, то со всем радушием и пышностью, на какие способна Англия…

– Иначе и негоже, мадам, встречать королеву соседней страны, которая еще недавно царила в двух соседних странах…

И намеревается стать королевой этой страны!

И уже королева – в глазах всех добрых католиков, прячущих папизм под маской покорности, исправно посещающих протестантские службы, пряча за спиной скрещенные пальцы, чтобы отвести грех, готовые, я клянусь, скрестить что угодно – хоть руки, хоть пальцы на ногах, а при случае и мечи! Если Мария прибудет сюда моей почетной гостьей, не воспримут ли это как признание ее прав или, что еще хуже, как открытое приглашение католикам восстать и посадить ее на мой трон?

– Ей сюда въезд заказан! – обрушилась я на шотландского посла. И хотя многие негодовали, сверкая глазами, и у многих вытянулись лица – в первую очередь у моей маленькой католической команды: Норфолка, Арундела, Шрусбери и Дерби – никто не посмел спорить, когда я выкрикнула свою волю в присутствии своего парламента: «La reyne ne veil It!» Королева не дозволяет!

А Мария тоже была не дура; она отказалась подписывать Сесилово драгоценное перемирие, уже согласованное послами, даже после того, как французы убрались из Шотландии! Ни за какие блага не соглашалась она отбросить свои притязания на трон. «Ведь я же следующая в роду!» – ласково убеждала она Трокмортона в Париже, настаивая одновременно, что мы должны встретиться, и встретиться по-дружески, «как две королевы одного острова, две кровные кузины, две ближайшие родственницы, говорящие на одном и том же языке и одинаково мыслящие».

Одинаково мыслящие?

Мои мысли были далеко.

– Есть ли вести из Оксфордшира? Закончилось ли дознание?

– Еще нет, миледи.

Я не уезжала из Ричмонда – все мои другие дворцы слишком далеки от Кью. Без Робина дни казались тоскливыми и бесконечными. Я писала ему, он отвечал, гонцы сновали туда-сюда, однако я не смела посылать так часто, как желала, пока не восстановлено его – и мое – доброе имя.

Только б он оказался чист! Однако даже ради него я не могла открыто вмешиваться в дела правосудия. Но как вынести это черепашье разбирательство? И кто расскажет мне, что случилось с Эми?

Наконец он приехал, взмыленный от скачки, краснощекий олдермен Оксфорда, с вердиктом коронера и уполномоченных. Он рассказал мне то, что я давно и без него знала: ясный день, городская ярмарка, служанки веселятся, слуги в полях, маленькая одинокая женщина скатывается по лестнице. «Смерть от несчастного случая».

Значит, я была права: никаких свидетелей. Форестер действовал в одиночку и предумышленно.

Наверно, ему не впервой такая работа – отправлять прямиком на небеса, где, я уверена, теперь пребывает Эми и куда ему никогда не попасть!

– Расследование проведено со всей тщательностью?

Олдермен важно поклонился:

– Ваше Величество, все свидетели допрошены, все осмотрено, все подозрения сняты.

Значит, с моего лорда – и с меня – сняты всякие обвинения… насколько это возможно…

Я протянула ему руку. От гордости его щеки заалели еще ярче.

– Я искренне рада вам, сэр, и вдвойне – вестям, которые вы доставили. – Я обернулась к гофмейстеру:

– Проследите, чтоб этого доброго человека покормили перед возвращением в Оксфорд.

– Будет исполнено, Ваше Величество.

Я села в кресло на помосте. Вокруг меня в Присутственном покое пестрым роем жужжали и мельтешили придворные, устремив на меня тысячи глаз и переваривая полученную новость.

Итак, мой лорд признан невиновным.

Поверят ли они?

А я?

Должна поверить!

Раз вина не доказана, обвиняемый невиновен!

Против него нет никаких улик, тщательное дознание не обнаружило ни малейших свидетельств! Как смею я в нем сомневаться! Он оправдан вчистую!

А значит, чист! Я почувствовала прилив возвращающейся любви! Послать за ним, потребовать его ко двору, и, как только он воротится…

Как только воротится!

О, Господи, сама эта мысль пьянила, сердце заходилось от радости – как только он воротится, я покажу всему свету, что верю в его невиновность!

На следующий день я послала за главой Геральдической палаты. Его ответы наполнили меня торжеством – я могу это сделать, я, Елизавета! Могу и сделаю!

– Да, Ваше Величество вправе, – подтвердил герольдмейстер.

Но?..

Я совершенно явственно расслышала это «но».

Впрочем, он ведь вовсе не возражал, он ударился в воспоминания о «добром короле Гарри».

– Ваш батюшка возвеличил многих, мадам, но прежде всего одного…

– Лорда-протектора, графа Сомерсета, дядю моего брата?

– Да, ваш батюшка осыпал его многими милостями, – кивнул герольдмейстер, – сделал графом Гертфордом (и этот титул поныне сохраняется за его сыном), герцогом Сомерсетом, и не только. Но величайшим из фаворитов вашего отца был первый…

– Первый?

– Его первый министр, кардинал Вулси. Да, я вижу. Ваше Величество знает про этого человека – величайшего человека своего времени, разъезжавшего из дворца во дворец в золоте и пурпуре похлеще королевских, как говорили его недруги. – Он замолк, ожидая моего ответа. – Ваш батюшка сделал его… дайте-ка вспомнить. – Он задумался, потом принялся перечислять, педантично загибая старческие пальцы:

– Деканом Йоркским, настоятелем собора Святого Павла, епископом Линкольнским, епископом Батским и Веллским, Даремским и Вестминстерским, Сент-Олбанским и Вустерским.

Я сглотнула, потом ехидно осведомилась:

– И все?

– О нет, Ваше Величество, – с жаром заверил герольдмейстер. – После он стал архиепископом Йоркским, кардиналом Римским, папским легатом в Англии, величайшим и богатейшим из князей церкви!

– Неплохой улов! – пробормотала я.

К чему этот разговор? – Воистину, мой отец был щедр к своим слугам!

– Царственно щедр – как и Ваше Величество! – Он поклонился, и я отпустила его не задумываясь.

Однако в ту ночь – уж не знаю с чего – меня потревожил дух красного кардинала. То была не первая и не последняя моя бессонная ночь – Кэт и Парри отпущены, леди Джейн Сеймур и дочь моей кузины Ноллис, маленькая Леттис, спят на низенькой койке в изножье моей парадной постели. Бледный серпик ущербной осенней луны плыл по черному и пустому, как адские воды, небу. Я снова сидела в оконной нише, уронив голову на руки, вперив очи в затянутый унылою дымкой месяц, думала о нем, грезила о нем, мечтала о его возвращении, о том, как ошеломлю его своей любовью, новыми почестями, которые ему готовила…

И вдруг незванно возник другой, предстал моим мысленным взорам столь явственно, что я почти видела его перед собой.

Вулси!

Человек, начавший жизнь сыном ипсвичского мясника! Из бедного причетника, в чьи обязанности входило перебирать четки и бормотать молитвы за упокой августейших душ, мой отец своими руками сделал первого вельможу страны.

Почему?

Потому что верил ему, нуждался в нем, любил его – как я Робина…

Неужели я делаю Робина новым Вулси?

Нет же, нет! Робин – не Вулси! Я не приближаю к себе мясниковых детей! Мои друзья – люди с родословной, пусть и запятнанной, как у Робина.

А правитель показует свое величие, возвеличивая других, ибо великому князю приличествует княжеская щедрость…

«Это отец-то был щедр? – глумились мои ночные демоны. – Как не расщедриться к тем, кто снимает с твоих плеч бремя и оставляет тебя свободным?» Я смотрела в пустоту и видела голую правду. Мои действия истолкуют как одобрение и похвалу Робину за то, что он, убрав Эми, снял с моих плеч бремя, сделал меня и себя – нас – свободными.

И никто из вознесшихся так высоко не падал так низко, как Вулси, хоть тот и пытался откупиться от моего отца жирным куском, своими несравненными замками – Уайтхоллом и Гемптоном. Однако отец проглотил их и даже не поморщился, а после проглотил и самого Вулси, сожрал живьем со всеми потрохами…

«Не возвышай, – говорили мои демоны почти дружески, ибо

видели, что победа – за ними, – не возвышай, и тебе не придется низвергать по колено в крови. Потому что, хоть Генрих (добрый король Гарри, честный король Хел, и прочая, и прочая, и прочая) всегда любил кровавые потехи, особенно если кровь человечья, женская натура Вашего Величества куда нежнее, и вы еще как поморщитесь, подписывая приказ уничтожить создание ваших рук, графа Лестера…»

– Ваше Величество!

Было следующее утро, и глава Геральдической палаты стоял передо мной, протягивая затребованный вчера документ. Черная вязь плясала у меня перед глазами: «Грамота лорду Дадли, жалующая его графом Лестером и Эшбиде-ла-Зуш, Мелтон Маубрей и Уолтон-на-взгорье».

Серебряный нож на столе блеснул мне в глаза. Я схватила его и изрезала пергамент, ленты, печати, обертку на сотни тысяч кусочков.

Глава 10

Si en quelque segour, soil en bois ou en pree,
Soit I'aube du jour, ou soil sur la vespee,
Sans cesse mon coeur sent
Le regret d'un absent…

Где бы я ни была, в лесах ли, в полях, на утренней заре иль на склоне дня, беспрестанно сердце мое болит о том, кого со мной нет…

Вернулся Робин на следующий день и по тому, каким скованным он был в Присутственном покое, как, впрочем, и в тот памятный вечер, – я с первого взгляда поняла: он знает про изрезанную жалованную грамоту и свое несостоявшееся графство. Теперь мне ближе и понятнее стали душещипательные стихи, написанные Марией Шотландской на смерть своего мужа и господина. Вот и мой лорд и господин со мною и не со мной, и никогда ему не быть моим.

Сто раз я была права, устояв перед искушением увенчать его запятнанное имя громкими титулами и решив встретиться с ним на людях. Пусть видят: между нами ничего нет, и если кто-то убил Эми, расчищая нам путь, то бедняжка, упокой, Господи, ее душу, погибла напрасно.

Ибо между нами ничего не осталось.

Ничего. Внезапный прилив любви, нахлынувший при вести, что он оправдан, испарился без следа.

Мало кто верил в его непричастность; в моих ушах стоял злой смех всей Европы. Это было невыносимо, и с каждым днем моя любовь к нему выгорала в трескучем пламени скандала и жгучего стыда, точно так, как любовь к моему второму лорду, моему лорду Сеймуру…

Ничего…

– Ваше Величество?

Он опустился на колено перед моим помостом, в черном с головы до пят, со следами пережитых страданий на челе, припал к моей руке, поднял глаза… И что же я почувствовала?..

…Ничего…

Пришла зима, мягкий, сиротский, как говорят в народе, декабрь; стояла немыслимая теплынь, и вспышка не свойственных зиме болезней осиротила многих. Год заканчивался на редкость неудачно; мало было мне бедняжки Эми, теперь и другой призрак преследовал меня по ночам и заполнял дневные мысли, тревожил моих лордов и вызывал злые, испуганные пересуды.

Ибо на устах у каждого было: «Какие вести из Франции?» А за

этим скрывался другой вопрос:

«Какие вести о королеве?»

– Без сомнения. Ее Величество ждет далеко не радушный прием, – обнадеживал Сесил. – С пяти лет она не бывала на родине, не знает ни слова по-английски и по-шотландски, а шотландские лорды сейчас на коне и Римская Церковь низвергнута.

Однако я была слишком наслышана об ее умении побеждать, чтобы тешиться подобными надеждами. И я знала, что Божья битва еще не закончена. «Любой поворот событий не сулит Англии ничего хорошего! – яростно возражала я. – Если ее встретят мирно, если народ примет ее саму и ее римскую веру, мы получим форпост Ватикана на наших северных границах! А если шотландцы восстанут против ее французских повадок и папизма, мы получим мятеж и войну у самых своих рубежей!»

Всю жизнь Мария была мне как кость в горле, но даже я не пожелала бы ей приема, ждавшего ее на родине!

– Вот ведь паскудный народ – шотландцы! – взорвался, прознав о визите, старый лорд Парр, маркиз Нордгемптон, брат покойной дамы Екатерины.

Она высадилась в Эдинбурге, а там громогласный Нокс уже вовсю поносил ее на улицах – ликовал по поводу ее утрат, смерти мужа и свекра, – кричал, что «Господь десницею Своею поразил смрадный род, с которым она спозналась, одного в око, другого в ухо!»

Однажды в Холлирудском дворце она потребовала музыки: кашляющие деревянные духовые, визжащие скрипки и воющие ребеки вызвали у ее французской свиты отчаянный хохот.

Она попыталась создать совет лордов. Я-то считала, что мне очень не повезло с полудюжиной тайных католиков среди моих двадцати советников, но у нее из двенадцати лордов двенадцать оказались несгибаемыми протестантами и все, как один, ополчились против нее. В первый же вечер на родной земле, когда она заказала приватную мессу, чтобы возблагодарить Бога за счастливое завершение дальнего плавания, чернь на улитках взбунтовалась.

Однако вот ведь женское сердце! Спустя несколько дней после высадки в Шотландии донесли нам Сесиловы «глаза» (иные из них видели ее письма в то самое время, когда она – или они – их писали), она уже искала нового мужа по всему свету.

– Она хочет выйти за?.. – выдохнула я, в ужасе пренебрегая грамматикой, ошеломленная немыслимостью сообщения Сесила. – За дона Карлоса? За этого испанского инфанта, нет, за это чудовище, Филиппова наследника?

«И моего отвергнутого жениха», – подумала я не без злого удовлетворения, ведь меня за него сватали еще в Мариино царствование. Теперь мой несостоявшийся жених уже не дитя, а юноша, физический и умственный урод, причем еще неизвестно, что хуже.

Известно ли это Марии? И важно ли?

А Филиппу?

Он взял себе жену-француженку, получит ли он еще и Шотландию в приданое за невесткой, чтобы вновь окружить меня со всех сторон, как некогда пыталась Франция?

Как терзали меня эти страхи! Как одиноко мне было без Робина, без всякой поддержки!

А Мария заигрывала не только со всем миром, ей приходилось лебезить и передо мной. Кто, как вы думаете, прискакал ко мне в Уайтхолл, проделав весь путь из Шотландии до моих дверей на крепкой гнедой лошадке, как не ее собственный чрезвычайный посол.

– Зачем пожаловали, сэр?

Мэтленд Летингтон был одарен недюжинным красноречием, и весьма кстати! «Моя госпожа приветствует la plus belle reine d'Angleterre („Прекраснейшую королеву Англии, – гневно отметила я про себя, – а она-то, без сомнения, la plus belle остального мира“) и молит вас подумать о встрече – если не в Лондоне и не в Эдинбурге, то где-то на полпути между вашими королевствами.

В Йорке!

Встретиться с Ней в Йорке?

Почему бы нет?

Это позволит избежать опасности, неизбежной, если принимать ее в Лондоне, даст случай вы сказать ей в лицо, что я никогда не назову ее наследницей, дабы не напророчить самой себе смерть! – а заодно и удовлетворить свое любопытство, взглянуть на эту девочку-королеву, очаровательную девятнадцатилетнюю вдовушку, об очаровании которой только и говорят.

И я успею кое-что сделать загодя.

– Где моя кузина, леди Екатерина Грей?

Сегодня я еду охотиться – она едет со мной.

Стояло прекрасное лето – чудная охотничья пора. Однако моей мишенью в тот день был не вепрь и не олень. Если я приближу к себе Екатерину, осыплю милостями, даже выдам замуж или по крайней мере притворюсь, будто подумываю об этом, Мария и весь мир увидят, что, коли дело дойдет до наследования, у нас в Англии есть свои кровные наследники

Тюдоров, которых я могу, если потребуется, возвеличить собственной рукой, и нечего всяким Стюартам совать свои ведьминские сопливые носы в наши дела.

– Ваше Величество, госпоже Екатерине сегодня неможется, – доложила леди Джейн Сеймур.

– Неможется? Отчего?

– Вчера она переела абрикосов, у нее к ним слабость.

– В середине лета? Они же еще зеленые!

– Зеленые, мадам, вот сегодня с утра ее и выворачивало наизнанку, но она клянется завтра быть к вашим услугам.

– Хммм.

За кого бы выдать Екатерину? При дворе есть молодые лорды: Рэтленд, Девере и скучный граф Гертфорд. Однако, если я выдам ее замуж и она родит пресловутого сына, этого призрачного принца из Тюдоров…

Брату Эдуарду в октябре исполнилось бы двадцать пять – вот уже целое поколение, как у Тюдоров не рождаются принцы…

И новый родится у Екатерины?

Типун мне на язык!

Это было странное лето, в воздухе пахло свадьбами. Верный Эрик совсем распалился от моей уклончивости и, дабы ускорить сватовство, прислал из Швеции своего канцлера. Вот в кого влюбилась бы и слепая, хотя Екатерина, бледная, жмущаяся у моего трона, похоже, этого не замечала.

– Скажите, милорд, – спросила я, когда он прикладывался к руке, – все ли мужчины в ваших краях столь же длинноноги, пригожи и рыжеволосы?

Он поклонился, коснувшись шляпою пола, но не сводя с меня голубых, как бирюза, глаз.

– Мадам, мой государь – красивейший мужчина Европы и ждет одного вашего слова.

Я взглянула на Робина. Он словно и не слышал.

А с красавцем ландграфом прибыли восемнадцать пегих скакунов, подобранных в масть, мышино-белых, с длинными шелковистыми щетками цвета слоновой кости, расчесанными, словно у девицы к первому причастию. Мне пришлись по сердцу Эриковы кони, а еще больше – два корабля с полными сундуками золота, алмазов с перепелиное яйцо, изумрудов, жемчуга. Любование ими отчасти исцелило мои сердечные раны.

А другие тем временем шли к венцу. Мой двоюродный дед Говард выдал свою дочь леди Дуглас за графа Шеффилда. Привез он ко двору и своего сына, юного Чарлза, робкого, но зоркого и смышленого. К свадьбе моя чулочница сотворила чудо – чулки из лучшего шелка, какой только видел свет. И хотя свет их не

увидел, все ж это было еще одно мимолетное утешение.

А в утешении я нуждалась. Семнадцать весен исполнилось юной Дуглас, не так уж мало для невесты, когда двенадцатилетние идут к алтарю, – на десять лет меньше моего, да куда там – ведь мне к тридцати пошло! – и уже зубы побаливают, будто мало другой боли…

На свадьбе Екатерина честно держалась рядом со мной, но я никак не могла взять в толк, что ее тревожит.

– Ну, душенька, – сказала я шутливо, потому что хотела, чтоб к ее бледным щекам прилило хоть немного доброй тюдоровской крови, – что вы скажете, если теперь мы подыщем муженька вам?

Она через силу изобразила улыбку и слабым голосом ответила:

– Я не хочу выходить замуж. Я счастлива оставаться девицей и служить Вашему Величеству.

Что на нее нашло? Куда подевались прежние заносчивость и похвальба?

– А, чепуха, – отрубила я. – Не говорите так. Мы найдем вам мужа, не бойтесь! Вот, отведайте пирога с дичью, выпейте доброго вина, это вас подкрепит.

И все равно ее затравленный, нездоровый взгляд провожал каждый мой шаг.

Мне было не до Екатерининых капризов. Может, просто девичья дурь напала от жары – и жара эта действовала не на нее одну.

Как ни старалась я глядеть в другую сторону, я знала, что глаза всего двора устремлены на Робина. Он теперь – вдовец. Женится ли он снова?

Или заведет пассию?

Чего ради я за ним слежу?

И какое мне дело?

Он все время находился рядом в присутствии и в моих покоях. Мило беседовал, был приятен и предупредителен в обхождении, порой даже шутил. Но я видела перед собой другого Робина, не того, которого я знала. Если я охотилась, он охотился со мной, но всегда держался позади.

Если я заговаривала, тут же отвечал, если я танцевала, танцевал тоже.

Но он больше не искал встречи со мной.

А пока я изводилась этим и боролась с собой, наш и без того печальный двор посетила новая печаль – умерла бедняжка Джейн Сеймур.

Как и Эми, она умерла совсем молодой.

В один день, даже можно сказать, в одночасье – от оспы. Я

рыдала о ней, двести плакальщиков по моему приказу присутствовали на отпевании в Вестминстере, все мои дамы и кавалеры провожали ее в последний путь.

Я не знаю, чем была в то время моя собственная жизнь – живым умиранием или умирающей жизнью. Одно знаю точно – я не жила. Лето шло своим чередом, мы сбежали от жары в Гринвич, но и это не принесло облегчения. День за днем в небе, словно огромный гнойник, вызревала гроза.

И вот однажды в полдень наступила тьма.

Черные тучи расплылись по небу, как пролитые чернила. Из нашего высокого замка виднелся утонувший во тьме Сити. Только под вечер долгожданная гроза расколола чашу небес яростными ведьминскими языками молний.

– Мадам, умоляем, идемте.

Кэри, Анна Рассел и Мария Сидни с жаром уговорили меня подняться на самую высокую башню Гринвича.

– Посмотрите, Ваше Величество, какой фейерверк!

Небеса разверзлись, и стало видно, как молнии яростно бьют в купол собора Святого Павла. Из хлябей небесных на Лондон обрушились огненные шары – на деревья, на дымовые трубы, словно освещая последний день земли жутким, мерцающим светом, молниеносной яростью небес.

– Господь гневается! – причитала рядом со мной зеленая от страха Екатерина, цепляясь за Леттис Ноллис. – Он видит наши прегрешения!

Он карает нас!

Впрочем, она не дождалась сострадания от Леттис, которая выросла, превратилась в смелую, дерзкую девушку и явно не испугалась грозы.

Собор Святого Павла горел, пламя уже объяло колокольню. Жар был так силен, что плавились сами колокола, жидкая бронза выжигала тонзуры на головах тех, кто тщетно пытался их спасти.

– Господи, помилуй! – пролепетала полумертвая от ужаса Екатерина.

– Помилует он, как же! – рассмеялась Леттис, встряхивая рыжими кудрями. Откуда такая уверенность?

То была страшная ночь. Я не спала, но под утро, когда начало проясниваться, вдруг задремала. Тем страшнее прозвучал на самой заре стук в дверь. Никто и никогда не посещал меня так рано. Почему стража его не задержала? В полутьме я услышала испуганный голос Кэт:

– Кто это? Кто там?

– Умоляю, передайте мадам, мне надо с ней поговорить.

Голос… голос, который я знала лучше своего собственного.

– Мое сине-зеленое домашнее платье. Кэт!

И впустите милорда.

Господи, как я его любила! До боли в глазах.

Лицо его – такое бледное, такое прекрасное, взор устремлен на меня… Добро пожаловать назад, милорд… перед вами женщина, которая утратила себя, потому что утратила вас…

А как же все то, что я выстрадала по его вине?

Да, как же это?

Мой голос был совершенно спокоен.

– Лорд Роберт?

Он шагнул ко мне. Похоже, он одевался без помощи слуги – наряд небрежен, камзол кое-как наброшен на плечи. Щеки небриты, синева под глазами говорит о бессонной ночи.

– Миледи, тому, что я собираюсь сказать, нет прощения.

У меня все внутри похолодело. Что еще стряслось?

– Миледи, ваша стража доложит, что сегодня ночью в мою спальню приходила девушка.

Значит, он пришел повиниться, покуда быстрая молва не достигла моих ушей и не погубила его безвозвратно.

Рубаха у него на шее была не застегнута, и я видела мягкую ямочку меж ключиц.

– Девушка?

Он колебался.

– Не служанка, нет, это была знатная дама.

– Одна из моих?

Кивок.

– Одна из моих фрейлин?

Он уронил голову.

– Да.

Я почернела от гнева, потом затряслась.

– Говорите.

– Миледи, все знают, как дорожите вы честью своих девиц. Но это правда, и я не думаю отпираться.

Я должна знать.

– Она приходила затем… зачем девушка приходит в спальню к мужчине?

– Она… она попросила меня… хотела улестить… добиться моего расположения.

– И вы?..

Зачем я спрашиваю? Неужели я заслуживаю этой муки?

Он поднял голову и посмотрел мне прямо в глаза.

– Она предложила мне свое тело, предложила сделать с ней все, что я пожелаю…

– И вы были с ней наедине в спальне…

Он покраснел.

– Сказать по правде, более часа.

Я отбросила притворное самообладание.

– Больше часа? Достаточно времени, милорд, чтобы…

Он медленно и спокойно перебил:

– Совсем недостаточно, учитывая то, что она хотела мне сказать и что молила передать вам. Эта девушка – вернее, бывшая девушка – ваша кузина и ближайшая родственника, леди Екатерина Грей. Она беременна.

Глава 11

Екатерина беременна.

Я глядела в его глаза и читала в них правду, всегдашнюю его искренность.

Я онемела. Он опустился рядом со мной на колено, разделяя бесконечное мгновение, он тоже не дышал. Наконец я обрела голос.

– Кто отец?

– Она говорит, граф Гертфорд.

Гертфорд! Этот тупоголовый юноша, которого Екатерина обхаживала, когда я думала, что она любезничает с моим лордом! Тупица или нет, но по отцу, покойному лорду-протектору, он кузен моего брата, кузен нашего бывшего короля! И все считают его родственником королей, а вместе с Екатерининими притязаниями это делает будущего ребенка самым что ни на есть законным наследником – особенно если родится мальчик…

Однако, будучи незаконнорожденным, никакого наследства он не получит.

Но ведь и меня всю жизнь считали незаконнорожденной… а мои католические враги, коли не сумеют посадить на трон Марию, несомненно предпочтут мне этого ублюдка и его безмозглую мамашу-марионетку..

Ко мне вернулось самообладание и способность принимать решения.

– Стража!

В комнату ввалились дежурившие у дверей часовые, их капитан и два или три телохранителя.

– Арестуйте леди Екатерину и немедленно доставьте ее в Тауэр! И графа Гертфорда! Но посадите их врозь, слышите, под самый строгий арест, и никакой переписки, разговоров или свиданий.

Онемев от неожиданности, с выпученными от изумления глазами они поспешили исполнять приказ.

– И еще! Хорошенько стерегите мою дверь!

Если леди пошлет ко мне, я не желаю видеть гонца, не желаю слышать от нее ни слова, ни полслова!

Они удалились, звеня оружием. Робин поднял глаза, лицо его омрачилось.

– Вы не выслушаете свою кузину, мадам?

Я взорвалась:

– А что ей сказать в свое оправдание? Она не хуже моего знает, что отец и парламент запретили Тюдорам вступать в брак

без согласия монарха, Тайного совета и обеих палат! То, что она сделала, – измена! Будь жив отец, даже моя сестра, Екатерина отправилась бы вслед за сестрицей, оставив позади голову!

Он понизил голос:

– Но ведь Ваше Величество не казнит ее?

– Не спрашивайте! – истерически рассмеялась я. – Пока не знаю, что могу с ней сделать!

И не в последнюю очередь за ее внимание к вам, милорд…

Я вскочила, забегала по комнате, зябко кутаясь в ночное платье, силясь укрыться в тяжелых складках, спрятать лицо в пышном меховом вороте. Я горела от гнева, а еще больше – от странного стыда. Как она до такого докатилась?

– Вы сказали, она пришла к вам… и предложила…

Он не дрогнул.

– Вчера вечером она пришла ко мне в спальню. Сперва она попыталась… чтобы склонить меня на свою сторону…

Попыталась предложить ему свое тщедушное, неразвитое тело – скорее кукольное, чем женское, если забыть про кривые ноги! – тело, распоряжаться которым она уже не вольна, поскольку Господь сотворил из него сосуд для новой жизни…

– А вы с таким благородством ее отвергли? – Я изобразила улыбку.

Он не попался на крючок.

– Да, мадам, отверг, – ответил он тихо. – Можете допросить моего слугу и его помощника, они все слышали – и никакие пытки не заставят их опровергнуть мои слова. – Он устало улыбнулся:

– И причина тому вовсе не в моей неотразимости, мадам. Она была не в себе и не понимала, что творит.

Я гневно отмахнулась.

– А дальше?..

– И тогда она взмолилась о помощи. Она на седьмом месяце и не знает, как долее скрывать.

Во вчерашней грозе она увидела перст Божий, обличающий ее грех…

– Вот самомнение! Она что – единственная грешница на земле? С чего бы Богу обращаться к ней? И еще, милорд, – повернулась я к нему, – скажите мне одну вещь: почему она пришла к вам?

Почему, если она хотела сознаться, не прийти к старшей фрейлине Кэт, к другой почтенной даме?

Почему к Робину? Может быть, когда я заподозрила, между ними действительно что-то было? Почему теперь она прибегла к его помощи?

Он словно прочел мои мысли. Легкая улыбка тронула его губы.

– Потому что, по ее словам, из всех придворных ей легче всего рассказать мне – якобы она знает меня лучше других и…

Он осекся.

– Продолжайте!

– ..и больше всех любит… во мне ее единственная надежда.

Я отвернулась, в глазах помутилось от слез.

«Лучше всех знает его – и больше всех любит», – сказала Екатерина?

Все верно.

Как я люблю – и верю ему.

За оконным переплетом призрачный туман таял под лучами солнца, как пережитое горе.

Сердце мое колотилось в груди, слова застряли во рту. Не поворачиваясь к Робину, я хрипло сказала:

– Ладно, сэр, сегодня вы сослужили добрую службу…

…и мне, и себе, о возлюбленный лорд…

– ..моей опрометчивой кузине и этому прижитому злополучному ребенку.

Я услышала, что у него захватило дух.

– Прижитому, мадам? Разве я не сказал вам?

Леди Екатерина замужем!

Domine, quid multiplicati… Господи, сколь умножились враги мои. Многие восстают на мя[8].

Но Сесил и лорд-хранитель печати Бэкон, за которыми спешно послали, подтвердили, что больше ничего поделать нельзя.

– Согласно закону, – сказал Бэкон, созерцая мой нетронутый завтрак – сыр, холодное мясо, крынки с молоком и элем, – Вашему Величеству разумнее всего держать этих двоих в Тауэре и ждать.

Ждать принца – или ждать, пока она разродится еще одной нежеланной девочкой Тюдор?

– А тем временем, – заметил Сесил, бесстрастно уставясь в лепной потолок, – у нас будет время вникнуть в обстоятельства их бракосочетания.

Я знала этот его тон и взглянула пристальнее.

Неужели мой «Дух», как по-прежнему звала его про себя, что-то затевает? Однако его длинное бледное лицо было невинно, словно у школьника, напихавшего полную сумку яблок. Я посмотрела на него, кивнула:

– Ладно, господа, раз так, подождем и посмотрим.

Может ли это как-то обернуться к лучшему?

О, мой лорд, мой лорд?
Неужели ты снова мой?
Решусь ли я спросить?
Даже помыслить?

Единственное, что утешало в Екатерининном безумии, это мысль о переполохе, который новость вызовет при шотландском дворе. Теперь-то Мария почувствует, что корона – а та уже видела ее на своей голове – ускользает к чисто английскому, законному протестантскому наследнику. И покуда наши послы ездили взад-вперед, подготавливая встречу в Йорке, я, как могла, утешалась этими соображениями.

Однако у Марии были свои планы и свои заботы, а события в ее бывшем королевстве заставляли нас жечь свечи допоздна. Прежняя Мариина свекровь, Екатерина Медичи, с помощью одной лишь женской хитрости боролась за власть своего сына-короля с могущественными силами. Гроза, расколовшая Англию при моем отце, перекинулась на Францию. Самую католическую страну мира сотрясали протестантские ветры из Англии и Женевы – и вот они разыгрались настолько, что сорвали тонкий покров французской веротерпимости и обнажили лежавшую под ним бездну.

Сейчас передо мной стоял доверенный человек Трокмортона, молодой Уолсингем, недавний выпускник Кембриджа. По дороге из Парижа он загнал двадцать лошадей и сейчас едва не падал от усталости. Его темные глаза пылали гневом.

– Мерзостные католики поднялись, двенадцать сотен убитых гугенотов лежат на улицах, Франция на грани гражданской войны…

Я взглянула на Сесила, и мы подумали об одном и том же: «Время вернуть Кале? Напасть на Францию, истощенную войной? Поразить ослабевшего зверя, поверженного внутренней борьбой?..»

Вернуть Кале – о, какая манящая надежда! В ту ночь наши свечи сгорели дотла.

– Это будет лучшая защита от короля Испанского, – размышлял Сесил, – иначе он загонит нас в ловушку между Францией и Шотландией; французская королева-регентша – его теща, королева Шотландская вот-вот станет его невесткой, и католические страны объединятся в мощный союз – и не забывайте, мадам, что к западу от нас лежит Ирландия!

– Ирландия!

Ирландия! Кровавый погост надежд и амбиций!

Ведь и мой последний лорд, мой Эссекс, и его отец… – довольно об Ирландии, в свое время мы еще услышим, эту

скорбную волынку…

Весь разговор остался между мной и Сесилом.

Так же тайно, как помогал шотландским лордам против католической королевы и французов, мой серый кардинал вновь принялся за работу. Мы пообещали французским гугенотам поддержку, послали им деньги – о. Господи, деньги! Деньги! Новые бессонные ночи!

Нужны деньги!

Нужны деньги и люди!

Вечный припев. Но мы нашли их (я продала принадлежавшие короне земли, прелестный монастырек в Бикон-боттом и поместье в Страмшоу-фен, хотя их пришлось с кровью отрывать от сердца).

И села ждать.

Ожидание.

Похоже, мы оба, и я и Робин, ждали день за днем, только не знаю чего. Когда я выезжала, он по-прежнему ехал сзади, но уже ближе. Когда я заседала в присутствии, он всегда был рядом и не спускал с меня глаз. А когда из Тауэра явился гонец, сам комендант, именно к нему я обернулась, именно к Робину обратилась, еще не зная даже, что скажу.

– Милорд? Нет, нет, сэр Эдвард, пожалуйста, подождите. Вы здесь, милорд?

Ребенок Екатерины. Комендант пришел сказать, что моя несносная кузина родила. Девочку, дай Бог, девочку?

Присутственный покой в Гринвиче был низкий и прохладный, сюда задувал свежий ветерок с реки, совсем недавно дворец освежили, от пола пахло зеленым тростником и розмарином; мы были не в огромном многооконном атриуме Гемптона, не в толстых стенах Вестминстера.

Почему же мне вдруг стало душно и жарко?

– Парри, пожалуйста, мой веер. Давайте перейдем в смежный покой. Сюда, сэр Эдвард, и вы, милорд, – вы нас сопроводите?

Дрожа, я вышла в смежную комнату, за мной сэр Эдвард, позади Робин.

Мальчик?

То, что я сейчас услышу, скоро станет достоянием всего двора и, даю руку на отсечение, уже известно по всем гринвичским дворам и кухням, где прислужники сэра Эдварда, его конюхи и стражники изумляют слуг рассказами о господских грешках. Однако мне только предстояло узнать. Я взяла себя в руки, уселась, Робин бесшумно встал рядом, сэр Эдвард заговорил:

– Сегодня утром леди Екатерина, кузина вашей милости, разрешилась от бремени. Схватки начались вчера ночью, роды…

– Господи, вы что, повитуха? Короче! – сердито вмешался Робин. – Сообщите Ее Величеству то, что она желает знать.

Комендант напрягся всем телом, взглянул на Робина, но в последнюю секунду сдержался.

– Родился мальчик.

Мальчик.

– Живой?

Он спрашивает за меня, спрашивает то, что я хочу знать.

– Живой и здоровый… крепенький мальчуган…

– Довольно, сэр! Ее Величество благодарит вас. Проследите, чтобы о матери и сыне заботились в соответствии с их рангом; вскоре вы получите новые приказы.

Крепенький мальчуган…

– Хорошо, милорд. – Комендант поклонился, заколебался, потом нерешительно начал, глядя на Робина, но постоянно кося в мою сторону:

– Милорд, муж леди, молодой граф Гертфорд, денно и нощно молит допустить его к жене. Он говорит, кого Бог соединил, человек да не разлучает. Молодые супруги, сэр, безумно любят друг друга. А теперь, когда родился младенец, такой ладный, хорошенький малыш…

– Убирайтесь прочь! Ее Величество подумает об этом на досуге. Покуда же у вас есть приказ, который гласит – держать их врозь!

– Как скажете, милорд. Ваш слуга. Ваше Величество. – Судя по застывшему лицу и спине, он надеялся услышать нечто совсем другое. Но Робин сказал именно то, что хотела я.

Там, за дверью, весь двор, надо думать, уже точил зубы на лакомый кусочек новостей. Здесь, неподвижные, как статуи, стояли Кэт и Парри, Мария Сидни и Кэт Кэри, Эшли, муж Кэт, Ноллис, Хансдон и мои телохранители.

Темная, обшитая дубом стена, казалось, надвигается на меня. Я не знала, куда деться от глаз, от множества устремленных на меня глаз…

Робин поклонился и коснулся моей руки.

– Ваше Величество, не желаете ли прогуляться? Подышать свежим воздухом?

Возле реки было прохладнее, воды катились медленно и величаво. Берега обступил высокий камыш и ворсянка, птичьи выводки, вполне оперившиеся к концу лета, не замечая нас, деловито сновали туда-сюда. На деревьях нежно щебетали пеночки. Мы остановились передохнуть на берегу, возле купы плакучих ив. Робин махнул свите, чтобы отошли. Сам он стоял чуть поодаль от меня, молчал и выжидательно смотрел, готовый

сразу откликнуться на мои слова.

– Нам придется послать во Францию людей, не только деньги, знаете? – пролепетала я. – Гугенотам надо оборонять Дьеп и Руан, они обещали нам Гавр, пока мы не завладеем Кале… Они просят сто сорок тысяч крон, а потом еще триста тысяч, все золотом, и десять тысяч солдат, мы сможем набрать шесть, если я продам принадлежащие короне земли! Надо подготовить флот для перевозки войск, и, разумеется, если мы это сделаем, начнется настоящая война, я не смогу оставить Лондон и встретиться с кузиной Марией, Йоркская встреча срывается…

В сумятицу моих мыслей ворвался голос коменданта: молодые супруги безумно любят друг друга.

Моя болтовня оборвалась.

Такой крепенький мальчуган…

Слезы хлынули рекой, и, подобно реке, я не могла остановиться. Он по-прежнему молчал, но глаза его темнели с каждой секундой. Солнце за деревьями стояло высоко, наши тени съежились У ног. Наконец он первый нарушил молчание:

– Мадам… миледи… скажите, что вас гнетет, чтобы я попытался по мере сил поправить вашу беду.

– О, Робин!..

Я была так одинока – всю мою жизнь…

У Марии был муж и скоро будет другой, у Екатерины – муж и ребенок, у меня – никого…

– Ваше Величество, моя жизнь, мои силы в вашем распоряжении…

Неужели он снова читает мои мысли?

– Более того, мадам… – Он осекся, покраснел под цыганским загаром, потом вскинул голову. – Я осмелюсь открыть свое сердце, и будь что будет. В распоряжении Вашего Величества не только моя жизнь, но и моя душа… моя безграничная любовь…

– О, Робин! – Я всхлипнула, как ребенок, ноги у меня подкосились, и я рухнула без чувств.

Глава 12

Я спела? Или мне это пригрезилось?

Через секунду я снова пришла в себя. «Сидни, оставьте шнуровку в покое, она совсем не давит, это полуденный жар, всего лишь жар…»

Жар страсти – жар торжества – он меня, любит! Все во мне пело…

– Ваше Величество, вы вся в огне, лоб горит!

Милое бледное личико Марии Сидни полной луною расплывалось перед глазами. Она так похожа на Робина – или это Робин? Пахнуло сырой землей. Я лежала на траве. Где мой лорд?

– Послали за носилками… сейчас Ваше Величество доставят домой…

Я мучительно повела глазами. Вот и он, на коленях рядом со мной, лицо искажено досадою и тревогой.

– Что я за негодяй, потащил вашу милость невесть зачем в такое пекло!

– Нет, Робин, нет! – Я почувствовала прилив сил. – Со мной все в порядке! – Я с трудом села, Робин и Сидни помогли мне встать.

Однако я с благодарностью опиралась на Робинову руку, покуда мы медленно брели назад, с благодарностью чувствовала его жаркое пожатие, счастливая тем, что между нами произошло.

Ибо теперь я увидела ясно: моя любовь к нему не умерла, никогда и не умирала, это было временное затмение, вызванное прошедшей между нами зловещей планетой. А теперь мы вернулись на предписанные сферы, любовь наша засияла вновь, и мы сторицей вернем все, что потеряли, все упущенное время. Теперь я могу показать, как я его ценю – его правдивый рассказ о Екатерине, его терпеливо ждавшую до сего дня любовь.

Однако почему я не чувствовала всей полноты счастья? Почему день за днем у меня раскалывалась голова и летний жар преследовал меня повсюду?

– Вашему Величеству нездоровится?

Тревога Марии Сидни выражала ее заботливую натуру, но вызывала у меня лишь беспричинную досаду.

– Ничего подобного. Сидни. Я совершенно здорова! Просто это бабье лето меня утомило.

А сейчас слишком жарко для начала октября…

Идемте, Робин! Хорошая прогулка – и все как рукой снимет.

Мы вышли в осенний золотисто-бронзовый парк… Робин рядом – чего еще желать моему лихорадочно бьющемуся сердцу?

Однако я по-прежнему не могла стряхнуть непривычную сонливость, этот досадный жар. А солнце, похоже, начало клониться к западу раньше, чем я думала, потому что внезапно резко похолодало.

Я задрожала. Робин изумленно и раздумчиво смотрел на меня. «Быстрее! – велела я. – Быстрее, чтобы разогнать кровь!»

И к тому времени, как мы вернулись во дворец, кровь моя изрядно разогрелась.

– Вот видите, – рассмеялась я в кислое лицо Робина. – Теперь перед ужином я приму ванну и выйду к вам свежая, как сад тюдоровских роз, – вы решите, что время побежало вспять и наступил июнь!

– Ванну?

Это Кэт.

– Мадам, одумайтесь! Вы принимали ванну меньше года назад! И после прогулки – об этом не может быть и речи!

– Кэт, ванну! – Приказ прозвучал визгливее, чем мне хотелось. – Я приму ванну!

И пусть поварята нагреют воду погорячее!

Поварята расстарались. Лежа в большой медной, покрытой латунью ванне, я видела, как мое алебастрово-белое, словно предзакатный небосвод, тело идет безобразными красными пятнами.

– Парри! Кэт!

Они были рядом, служанки держали наготове большие, как скатерть, прохладные белые салфетки, но обе дамы смотрели на меня как-то странно.

– Вашему Величеству следует лечь в постель.

Голос Кэт не допускал возражений. Почему она такая хмурая, такая старая и встревоженная?

Я рассмеялась беспечным заливистым смехом, совсем не моим.

– Кэт, нет! Я ужинаю с лордом Робертом!

Пусть стол в приемном покое украсят боярышником и маргаритками, а опочивальню надушат лавандой и розовым маслом…

Почему я так медленно двигаюсь? Я села за туалетный стол и велела Парри приготовить белила. В углу Кэт разговаривала с Анной Уорвик, шумная Леттис спорила с новой фрейлиной, Радклифф, взятой на место Джейн Сеймур. Как болезненно отдавался в голове ее голос! Не хочу ее слышать – позову лучше Марию Сидни. «На сегодня черное платье. Сидни, скажите мастерице по уборам… Может быть, итальянское бархатное с жемчужной сеткой и новый воротник из Милана… Ой, кто это?»

За моей спиною в зеркале появился мужчина.

Смотревшее на меня лицо, челюсть, борода – все выражало напряженную озабоченность, круглые глазки буравили меня насквозь.

– Кто вы? И почему глядите на меня так, сэр?

Мужчины так на меня не смотрят! И почему он не преклонил колено? Что за возмутительная бесцеремонность!

– Ученый и врач, мадам, – гордо объявил он, – из Гейдельбурга, посетил Лондон.

Меня взбесил его тявкающий немецкий акцент. Голова раскалывалась.

– Лондон – возможно, однако при чем здесь я?

Он наклонился вперед, без спроса положил мне руку на лоб, другой потянул за подбородок и заглянул в рот.

– Потому что, – сказал он кратко, – вы опасно больны, леди. У вас оспа.

От ярости у меня потемнело в глазах.

– У меня?! Дерзкий немецкий мужлан! Как вы смеете так со мной обходиться? Лгать мне в лицо!

– Я есть мужлан… лжец? – Лицо его стало чуть не краснее моего. – Прошу прощения. – Он топнул ногой и вышел.

– Скатертью дорожка! – прохрипела я. – А теперь, Парри, самые лучшие белила… Сидни, платье… я буду ужинать с Робином и ангелами, яркими сонмами ангелов на сверкающих крыльях…

Я лежала в кровати.

Как я здесь очутилась?

До чего же холодно, до чего же холодно и зябко…

Лицо щекотал мех, на тело давила перина, такая тяжелая, что я не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой. Издали доносились голоса Анны Уорвик, Сидни и Радклифф, Кэт и Парри, двоюродного деда Говарда, а это кто? Кажется, кузен Генри. Он-то здесь зачем?

Торопливый шепот, кто-то плачет – не пойму, кто это.

– Он единственный лечит оспу… приехал из Брюсселя и спас леди Ласи, когда у нее все тело пошло язвочками… живого места не было… Его надо вернуть!

– Уже посылали. Он сказал, что не вернется… после того, как королева обозвала его мужланом!

Мужской голос – Робина, его-то я по крайней мере узнала:

– Я с этим мужланом разберусь!

Дверь хлопнула. Сколько времени прошло?

Минуты остановились. Затем послышались шаги множества ног, мужские голоса, и меньше чем в ярде от меня появилось

лицо, которое я узнала сразу, несмотря на смоченную уксусом муслиновую повязку вокруг рта и качающийся между нами ароматический шарик.

– Мастер Сесил!

– Сэр Вильям, мадам, и уже давно – благодарение вашей милости.

– Мастер сэр Вильям… – пролепетала я невпопад. Когда он стал рыцарем? Как давно я правлю? Неважно. Сейчас он здесь. – Сэр мой секретарь! – Кажется, так правильно.

– Это ваш лорд-казначей Полет, ваш лорд-адмирал Клинтон, лорд-хранитель печати Бэкон, ваш двоюродный дед Говард, кузены Ноллис и Хансдон, лорд Бед форд…

Сесил продолжал бубнить. Зачем они все здесь? Голос то звучал, то снова пропадал:

– Ваша милость должны назначить преемника – сейчас, на смертном одре, благословить избранного вами наследника…

На смертном одре?

Я снова рассмеялась. Я не собираюсь умирать! А когда соберусь, да, прямо сейчас, только один человек достоин занять мой трон, править вместо меня.

– Назначьте лорда Роберта Дадли регентом Англии на веки вечные. Положите ему пенсион двенадцать тысяч фунтов…

Я услышала изумленный вздох – кто это, лорд-казначей?

– Да, вы правы, слишком мало… тогда на ваше усмотрение… скажем, пятьдесят тысяч, сто? И пенсион его слуге.

– Дадли! – Яростное шипение – конечно, это герцог Норфолк. – Теперь мы знаем, что таилось за его «преданностью» королеве! Он был ее любовником, и теперь она пытается сделать его королем!

– Нет! – жалобно возразила я. На Робина возводят напраслину – я этого не потерплю! – Господь свидетель, я такова, какой Он меня сотворил! Признаюсь, что люблю лорда Роберта – люблю всем сердцем! – всегда любила и всегда буду любить, но между нами не было ничего предосудительного – я невинна, он безупречен, иначе бы он не резвился сейчас в облаках над нами, смотрите, вот он, там, где солнце…

– Мадам, выпейте это! – Снова голос с немецким акцентом. – Лекарство выгонит оспу наружу.

– Оспу? – Я оттолкнула чашку. – Не хочу, чтобы оспа вылезла наружу! У меня лицо будет рябое, старое и безобразное!

– Истинная правда, леди! – взорвался он. – А что вы предпочитаете – остаться с оспинами на лице и потерять красоту или потерять жизнь и все остальное?

– Посмей только оскорбить Ее Величество, немчура, и,

клянусь, я выпущу тебе кишки! Дай ей свое снадобье, скотина, и молись, чтоб оно подействовало!

Почему Робин в моей комнате, почему держит обнаженный меч у докторского горла? Лекарь подпрыгнул, как заяц, и снова поднес чашку к моим губам.

Питье оказалось сладким, теплым и успокаивающим, вроде глинтвейна. Я жадно проглотила. Теперь Сидни и Кэт закутывали меня в длинную алую фланель, укладывали к огню…

Алое питье…

Алая фланель…

Алый огонь…

И наконец я почувствовала, что алое во мне выходит наружу…

Дни и ночи я словно плыла в этом алом сне.

И вот однажды, проснувшись на заре, я провела рукой по лицу и нащупала зловещую сыпь. Мой голос, от которого я сама отвыкла, мой слабый голос сорвался на визг:

– Оспины! У меня высыпали оспины!

– Не пугайтесь, госпожа! – послышался голос Марии Сидни. – Раз болезнь вылезла наружу, значит, вы скоро поправитесь. Смотрите, со мной было то же самое.

Я с трудом подняла глаза – как в зеркало глянула: все ее лицо было в красных оспинах.

И тут я поняла, что не узнаю Сидни: некогда миловидное личико покрывали глубокие рытвины, красота ушла безвозвратно.

– О, Сидни!

– Не плачьте, госпожа. На все Божья воля.

Dominus regit me… Господь – мой Пастырь, и ничто же мя лишит… Если и пойду посреди сени смертныя[9]…

Я долго карабкалась к полному выздоровлению. Словно человеку, на полном скаку вылетевшему из седла, мне пришлось заново учиться ходить. И заново узнавать, кому я обязана этой жизнью: ибо я поистине прошла посреди сени смертныя; смерть проникла во все мои члены.

И прежде всего кому как не Робину? Когда лекарь с возмущением покинул дворец, кто вскочил на коня и бросился вдогонку, догнал и пообещал оторвать немецкую башку, если тот не вернется, и вдобавок разрубить на тысячу кусочков, если не спасет меня и мою красоту – кто как не Робин?

И кто стерег лекаря, не смыкая глаз, даже когда тот засыпал, из страха, что немец сбежит, – кто как не Робин?

И кто дежурил при мне день и ночь, кто вливал мне лекарство по капле, когда из-за распухшего горла я не могла даже пить, – кто как не Мария Сидни, которая так страшно

поплатилась за свою преданность: переболела еще хуже моего. На ее бедном личике остались уродливые борозды, такие ужасные, что муж при виде их разрыдался.

Он снова плакал, на коленях умоляя меня отпустить ее от двора. «Теперь, когда лицо ее обезображено, ей не место в вашей свите.

К тому же заразился наш сын, и она покорнейше просит дозволения удалиться и ухаживать за ним».

Ах, бедная моя Мария и бедный Генри. Их единственный сын, обожаемый малыш, Филипп – «любящий лошадей» по-гречески, названный так в честь любимого Мариинога брата, Робина, – такой смышленый, такой хорошенький…

Мать спасла ему жизнь, но не красоту. Как и она, он носил на лице оспины, покуда их не разгладила своим лобзанием смерть…

Робин и его сестра спасли мне жизнь, рисковали ради меня, страдали. Даже их брат Амброз неотлучно дежурил возле меня день и ночь.

А тупицы все чесали в затылках, когда я возвышала сестру и братьев Дадли. Чернь дивилась: за что я его люблю? Его называли убийцей и хуже – так вот, я скажу правду: он был моим мужчиной! Потому что он посвятил мне свою жизнь, а когда я умирала, вернул мне мою!

Теперь я могла отблагодарить его, и отблагодарить сторицей. Показать всему миру, как ценю своего самого верного друга – да, и возлюбленного, хотя и не в том смысле, в каком понимали они! Послушайте, что я сделала! О, какая радость – дарить! Видели бы вы его глаза, когда я шепнула ему о задуманном!

Для положения в свете: монополию на полотняную торговлю с Нидерландами, это даст ему доход не меньше, чем у первых сановников страны. В Лондоне как раз появился человек по фамилии Хоукинс, мэр Плимута, с кучей мореходных проектов, и многие обогащались на его заморской торговле. Сесил горячо рекомендовал мне этого Хоукинса как человека, ведущего постоянную войну с кораблестроителями: требует строить маленькие и ходкие суда вместо их обожаемых плавучих дворцов, как у короля Испанского, из чьей казны, перевозимой на этих роскошных галионах, похоже, и складывалось по большей части состояние плимутского мореходца.

– Боюсь, этот Хоукинс – довольно сомнительная личность, – мрачно сказал Сесил, – и даже пират. Но он может оказаться полезным.

– Пират? – Я старательно разыграла ужас. – Но все равно, воспользуемся им, пусть приглядывает за флотом. А если Хоукинс считает, что пару моих кораблей можно употребить для выгодной

экспедиции – ну разве обязательно трубить об этом на весь свет?

Мне позарез нужны были деньги – и для себя, и для Робина! Чтобы достойно вознаградить его за верность, надо наполнить его кошель: как своему шталмейстеру я положила ему пенсион в тысячу двести фунтов из королевской казны.

А за самоотверженную службу во время моей болезни я ввела его в Тайный совет, чтобы разбавить старую кровь – новой, компанию стариков – молодым человеком, говорунов – человеком действия, бумажных воителей – солдатом.

Можно представить, как бесился его недруг Норфолк! Но я подсластила пилюлю и уравняла счет, назначив в совет самого Норфолка, а заодно и Генри Кэри, барона Хансдона.

Теперь, когда мы собрались открыто воевать во Франции, а не просто втихаря посылать золото адмиралу Колиньи, предводителю гугенотов, или принцу Конде, их вождю в Орлеане, предстояло поставить во главе шеститысячного войска кого-то из моих лордов.

– Ваше Величество, пошлите во Францию меня! – на коленях умолял он.

– Робин, я не могу прожить без вас и часу!

Неужто вы полагаете, что я стану рисковать вашей жизнью на войне? Вспомните вашего брата Генри, – слезно увещевала я, – которого разорвало ядром при Сен-Квентине! Не требуйте этого от меня. И думать не смейте!

Однако, чтобы смягчить горечь отказа и сделать приятное Робину, я придумала лучшую замену.

– Робин, что вы думаете о новом назначении – о командующем войсками во Франции?

Он нахмурился:

– Не могу сказать, госпожа… пока не узнаю, кто он!

– О, вы его знаете! Почти как себя! Его имя – попытайтесь-ка угадать – начинается на «А» и созвучно цветку… цветку Тюдоров… цветку Англии…

Догадка озарила его лицо.

– Амброз! Брат Амброз! Ах, мадам, как вы возвеличили нашу семью!

И я сделала его старшего брата Амброза графом Уорвиком, вернула утраченный титул и разделила между ними двумя наследственные земли, отошедшие короне после казни отца при Марии. Когда они оба преклонили колена в безмолвной благодарности, под признательными взорами своей сестры и ее дорогого супруга, Генри Сидни, того самого Сидни, на руках у которого скончался мой брат, я от радости не могла даже плакать.

С каждым днем ко мне возвращались силы.

Чтобы доказать свое выздоровление, я посетила заседание совета. На мне было жемчужно-белое атласное платье; хотя кожа моя и не обрела былую гладкость, именно белое лучше всего скрадывало красноту. И если немец считался кудесником в медицине, то во всем, что касается притираний и белил, истинной кудесницей была моя Парри, и выглядела я вполне прилично.

От своих лордов я ожидала сердечных поздравлений, ждала, что после пережитых страхов они окружат меня любовью и преданностью. Куда там! Со своей исключительной деликатностью Сесил нарисовал печальную альтернативу, с которой они столкнулись, когда почитали меня при смерти: назвал двух кандидатов на мой трон и корону. Нет, не Марию, ее они исключили сразу – порадовалась я или рассердилась, узнав, что они отвергли старшую ветвь Тюдоров? Они посчитали, что им придется выбирать между Екатериной Грей и лордом Хантингдоном.

– Хантингдоном? – Достойный пэр, который исполняет свой долг, не более. – Хантингдоном?!

– В нем течет кровь Плантагенетов, мадам.

– Это в нем-то? Жалкая капля – всего лишь титул, и тот более чем двухсотлетней давности. Потомок младшего сына третьего Эдуарда в седьмом колене! – бушевала я. – Нет, уж если до этого дойдет, пусть меня сменит кто-то из вас, человек, отмеченный собственными заслугами, личным мужеством!

И прежде всего один!

Они знали, что я говорю о Робине. Брови Норфолка поползли к бархатной шапочке, лицо исказилось злобой. Робин холодно смотрел на него поверх стола, под столом оба теребили рукоятки мечей.

– Кто-то из нас?..

Сесил выдержал паузу, достаточную, чтобы в ней прозвучала угроза, и у меня заныло сердце. Господи, я и позабыла, как ненавидели они Робина, когда я впервые приблизила его к себе. Теперь я вернула ему свою благосклонность, даже назвала наследником, в своем, как они полагали, предсмертном бормотании – новая попытка заговорить о нем как о преемнике заставит всю старую аристократию взяться за оружие, разрушит мир в стране, вызовет гражданскую войну.

И то же ждет любого из лордов, кто захочет стать primus inter pares, первым среди равных, возвыситься над другими. Но уж коли не Робин, то уж и не этот скучный граф с семикратно разбавленной кровью Плантагенетов в жилах!

– Нет, не Хантингдон, – проговорила я, обиженная за Робина, оскорбленная за себя, – и не Екатерина!

Длинное постное лицо Норфолка скривилось в подобии усмешки.

– Тогда выходите замуж. Ваше Величество!

И подарите нам своего собственного наследника!

Наследование, наследование! Мария вновь наседала. «Огорченные отменой нашей с Вами, дражайшая сестрица, встречи в Йорке, – писала она изящным наклонным почерком (к своей досаде, я обнаружила, что пишет она почти не хуже моего), – мы тем не менее надеемся из Ваших собственных уст услышать признание наших прав». Иначе, добавляла она почти незавуалированную угрозу, ей придется поискать мужа, который эти права отстоит.

– Мужа! – сказала я Робину насмешливо. – Да весь свет знает, что ее хваленый брак с доном Карлосом, который принес бы ей войска для вторжения на нашу землю, как не двигался с места, так и не двигается!

Робин нахмурился:

– А что, если бы вы, мадам, убедили ее выйти за человека, которого сами выберете, – не за нашего врага, а за того, кто скорее укрепит ее право наследования?

Я взглянула на него. Меня осенила мысль, такая простая, такая прекрасная…

– Да, Робин!

…дать Марии в мужья человека, на которого я смогу положиться… достаточно волевого, чтобы держать ее в узде… со временем посадить на английский престол его сына… наша любовь была уже такова…

Я, сверкая глазами, взяла его за руку:

– Робин… а что, если я сделаю вас королем Шотландским?

Глава 13

Женить Робина на Марии?

Неужели я это всерьез?

Она так и не поверила.

– Английская королева предлагает мне своего конюшего?! – визжала она в лицо моему послу Рандольфу.

– Он – член совета, вельможа и ближайший сподвижник королевы, – непреклонно отвечал сэр Томас, – человек, которого Ее Величество всей душой желали бы видеть рядом с Вашим Величеством на шотландском – или английском – престоле.

Лакомая наживка для алчной Марии! Она отправила ко мне собственного посла, сэра Джеймса Мелвилла, по лютой зиме, по снегу, прощупать мои намерения. Я встретила его в Уайтхолле притворно-светской улыбкой, под стать его собственной. Я им покажу – и ему, и ей!

«Сюда, сэр Джеймс!»

По крайней мере, мой новый придворный кавалер, высокий и пригожий Хаттон, на голову возвышался над коротышкой-шотландцем! Мы покажем этим беспокойным соседям их настоящее место! Я провела его через королевские покои в опочивальню.

– Смотрите, сэр!

Рядом с моей парадной постелью, убранной пышным алым шелковым балдахином, стоял изящный наборной работы кабинет в рост человека. На нем были выложены буквы ER под моим гербом, увитым розами Тюдоров и дубовыми листьями, инкрустированными слоновой костью, черным деревом и перламутром. Я распахнула дверцы на хитрых латунных петлях. За ними были другие дверцы, дальше ящички, в них Другие ящички, и так далее, и так далее.

– Смотрите! – кричала я, воодушевляясь, распахивая дверцы и выдвигая ящички. Я вытащила дивную нить белоснежного жемчуга, золотое деревце с изумрудными листиками, пригоршню алмазов, рубин с перепелиное яйцо – отец держал его у изголовья – и еще, еще…

– Все это достанется вашей хозяйке… со временем!

Незачем было добавлять: «Если она сделает по-моему!»

Однако зоркого Мелвилла не ослепили побрякушки, пусть самые великолепные. Словно аист, он видел рыбку за милю.

– А это что, мадам?

– Это? – Я деланно рассмеялась. – Так, ничего!

Но прежде чем я успела его остановить. Мелвилл запустил

руку в ящик и расхохотался.

– «Портрет моего лорда»? – прочел он в притворном изумлении. – Кто же ваш лорд, госпожа?

Отнекиваться было бесполезно. Собрав все свое высокомерие, я взяла у него завернутый в бумагу пакетик и вынула оправленную в золото миниатюру. Мелвилл даже не удосужился разыграть удивление:

– Да, мадам, лорд Роберт – настоящий красавец, Ваше Величество не зря удостоили его своей близости.

Близости?

Духовной или телесной – на что он намекает?

Как ловко он насмехается – оскорбляет, будто и не оскорбляя!

– Лорд Роберт – мой лорд в той же мере, что и все остальные мои лорды – не более чем ближайший друг и брат!

– И моя королева не станет отнимать у Вашего Величества, – проворковал он, глядя притворно-чистыми, словно вода над галькой, глазами, – человека, которого вы называете братом и ближайшим другом. Она добивается лишь того, что причитается ей по праву.

Ах эти скользкие шотландцы! Мой лорд – вот что ей причитается!

– Так она отвергает лорда Роберта?

Мелвилл вкрадчиво улыбнулся:

– Отнюдь, мадам. Как сестра вашей милости и ближайшая наследница, моя королева не хотела бы огорчать вас своим браком! Но что один мужчина для прекрасной королевы, которую должны осаждать тысячи?

Зеркало, зеркало на стене…

Я не устояла перед искушением.

– Насколько красива ваша королева? Как я?

Он деликатно кашлянул в ладошку.

– Она… – помолчал он, – прекраснейшая королева Шотландии, как вы – прекраснейшая королева Англии.

Хмм.

– Она так же бела лицом?

– Чуть смуглее, мадам, но все равно очень привлекательна.

– Но кто из нас красивее?

Сэр Джеймс привычным жестом отбросил со лба серебристую прядь.

– Сам Парис, – легко отвечал он, – вынесший знаменитый суд трем богиням, встреть он вас и мою хозяйку, не знал бы, какой из королев вручить золотое яблоко.

Хмм!

– Какого она роста? Выше меня?

– О да, мадам.

Наконец-то я заставила его признать за ней недостаток!

– Значит, она чересчур рослая – ведь я не слишком высока и не слишком низка!

– Тем легче вам подобрать мужа себе по росту.

Я покачала головой:

– Я не чувствую склонности к супружеству.

Будь моя воля, я бы осталась как есть – королевой-девственницей. Но если ваша королева, которая могла бы стать моей любезной наследницей, вздумает угрожать мне мужем-иноземцем, придется и мне подумать о браке!

Он рассмеялся неожиданно звучным, сочным смехом:

– О нет, мадам, что бы ни делала моя королева, вы о замужестве не помышляете! Вы слишком горды, чтобы покоряться; вы считаете, что в браке станете всего лишь английской королевой, тогда как сейчас вы и королева и король!

Я сверкнула глазами. Он поспешил загладить впечатление:

– Но не тревожьтесь, миледи, моя королева и не думает вам угрожать! Она понимает, чем будет вам обязана, когда вы назовете ее своей наследницей!

Что ж, в этом было свое утешение. Сэр Джеймс обещал, что Мария не выйдет замуж, без моего согласия, если я открыто признаю ее наследницей английского престола. Неплохо – если истинным наследником станет сын Робина! Мы с Марией, почитай, ровесницы. Наверняка я ее переживу, и речь идет о следующем поколении.

Но чтобы она вышла за дона Карлоса, чтобы сын испанца метил на английский престол – нет, это немыслимо! А если она пойдет за Робина…

Поначалу у него глаза полезли на лоб.

– Мадам, вы шутите! – ошарашенно заявил он.

Я взяла его за руку, принялась разглядывать длинные, бледные в зимнем свете пальцы.

– Вы говорите, будто любите меня, а сами отказываете мне в таком пустяке?

Он сглотнул.

– Пустяке? Мадам…

– Робин… – Я приложила палец к его губам. – Я не могу позволить, чтобы королева Шотландская вышла за врага Англии.

Но отдать ей моего лучшего друга? Я отвернулась.

Он расхохотался:

– Я вас раскусил! Моя мудрая госпожа все рассчитала! Покуда мы уютно сидим в Уайтхолле, греемся у огня и смотрим на снег

за окном, вы бросаете меня под ноги этой охотнице за мужьями, чтобы отсрочить ее брак с кем-то другим и заставить ее, словно собачонку, бежать за вами в надежде заполучить ваше официальное признание, сделаться вашей признанной наследницей! – Он перевернул мою руку ладонью вверх, поднес к губам. – Поздравляю вас, миледи!

– Все совсем не так! – выговорила я.

– Ну разумеется, не так! – Он улыбнулся во весь рот, словно щука, завидевшая пескаря. – Вы предлагаете меня и таким образом распугиваете других искателей; король, скажем. Испанский поостережется переходить дорогу английской королеве, которой вздумалось посадить на престол своего бесценного фаворита!

Его рука в моей была тепла. Я играла его длинными пальцами, сгибала их, разгибала, гладила каждый в отдельности.

– Вы так полагаете? Значит, вы видите, что я думаю, забочусь о вас.

– О, миледи… – Он погрустнел, стиснул мою руку, прижал к губам. – Поверьте, ваши намерения мне ясны. Вы испытываете мою любовь, словно в тисках – заворачиваете винт, пока не выдавите все чувство до капли. Скажи я «нет» – вы объявите меня недостойным рыцарем, отказавшим даме в ее просьбе, когда ему надлежит быть – как там девиз вашего батюшки? – «COEUR LOYAL» – верным до смерти, пусть это будет смерть моего сердца.. Ответь я радостным согласием: «Да, мадам, сделайте меня королем Шотландским» – где тогда будет моя любовь, мое постоянство? Да я покрою себя вечным позором!

Теперь настал мой черед смеяться. Гладя его лицо, я пыталась вызвать на нем улыбку.

– Вы проникли в мои намерения глубже, чем они простираются! Я всего лишь хотела поделиться вашим приятным обществом с моей шотландской сестрой!

Он пристально взглянул мне в глаза.

– Предупреждаю, мадам: я напишу шотландской королеве, что вы используете меня в качестве подсадной утки, – не думайте, будто любовь к вам превратила меня в ручную змею!

Он во мне сомневается? Сейчас я уломаю его поцелуями, начну с ногтя на мизинце. Внезапно он схватил меня за руки – он то мял их грубо, то нежно целовал, ласкал ладонь, локоть, плечо…

Во мне закипала страсть.

– Это лишь показывает, каким хорошим мужем вы будете для любой женщины, – простонала я, вырываясь.

«Тогда почему не вам, госпожа?» – явственно спрашивали его

глаза. Однако вслух он сказал:

– Это новая пытка? Испытание моей верности? Игра?

Я отвернулась. Я не ответила, потому что не знала.

Отказаться от своего замысла? Пока я думала о своем плане – и о Робине, и о Марии, двух противоположных полюсах моей вселенной, – сэр Джеймс Мелвилл и мой Рандольф беспрестанно разъезжали между двумя столицами. К Мелвиллу присоединился другой любимый Мариин посол – Мэтленд Летингтон, с моей стороны в игру вступил Сесил, с ее – граф Морей, побочный единокровный брат Марии и доверенный приближенный.

Ибо Шотландии с Англией предстояло уладить не один этот вопрос. В постоянных приграничных стычках шотландцы сумели прибрать к рукам земли многих наших северных графов. Теперь, когда шотландские лэрды замирились со своей королевой и она отослала французов в Париж – пусть там воюют между собой, – пришла пора поговорить о возврате захваченного.

А чтобы сделать Марию сговорчивей в вопросах брака, не мешало нажать на нее с другой стороны. Я послала в Эдинбург графа Леннокса (он потерял земли по обе стороны границы) – требовать их возвращения.

Не успел он уехать, а меня уже затрясло.

Я послала за Сесилом и выложила ему свои сомнения:

– Леннокс ненадежен! Он одной ногой в Англии, другой – в Шотландии; Бог весть куда ему вздумается прыгнуть.

Сесилу самому тогда было тяжко: долгожданный ребенок, о котором он молился восемнадцать лет супружества, его первенец Роберт появился на свет горбуном, жалким скрюченным карликом, и вообще, похоже, был не жилец. Мой секретарь кисло улыбнулся:

– Простите, мадам, но его жена, графиня, еще ненадежнее.

Мне пришлось простить, хотя он дурно отозвался о моей кровной родственнице. Леди Маргарита была моим недругом со времен Марии.

Тогда я ненавидела ее, а как папистка она ничуть не подобрела с моим восшествием на престол. Она страдала тем же недугом, что и кузина Екатерина Грей, – примесью тюдоровской крови, достаточной, чтобы вообразить о себе невесть что, но недостаточной, чтобы трезво смотреть на вещи. Дочь старшей сестры моего отца, вышедшей замуж за шотландца, и, следовательно, чужеземка, рожденная вне Англии, католичка – женщина! – она была еще моим отцом решительно исключена из списка наследников. Его сквернейшество Папа Римский и тот с большим основанием мечтал бы об английском престоле!

Но мадам Маргарита владела этим бесценным сокровищем,

живым и здоровым сыном, этим святым Граалем, мальчиком с кровью Тюдоров в жилах, пусть жидкой, пусть разбавленной, но все же Тюдоров, а с отцовской стороны – прямым потомком шотландского короля Якова II.

Она всегда похвалялась своим сыном, кричала: «Его зовут Генрих!» – еще до того, как он испустил свой первый крик, в родовых судорогах.

– А сейчас, – мрачно сказал Сесил, – мне доносят, что она думает женить своего сына на вдовствующей королеве Марии – и сделать его королем.

– Что?! Нет, нет, это чепуха! Он еще мальчишка, у него молоко на губах не обсохло! – Я вспомнила двор при Марии и его – ребенком рядом со своей несносной мамашей. Ведь это было совсем недавно!

Сесил покачал головой:

– Мадам, ему девятнадцать.

Девятнадцать? На год меньше, чем Марии!

И кто он такой, чтобы свататься к бывшей королеве Франции, до сих пор не утратившей надежду воцариться в Испании! Даже его имя – «лорд» Дарнли, не настоящий титул, как и у Робина. Нет, его бояться нечего.

И все же… Сесил редко ошибается. Безопаснее будет осадить молодчика.

Вот оно! Одним махом возвысить Робина, сделать его достойным женихом для королевы и убрать с дороги сосунка Дарнли! Вот он случай вознести моего лорда – потому что он мой, и всегда будет моим! – увенчать его достойным титулом.

«За ваши доблестные заслуги жалуем вас бароном Денби и графом Лестером…»

Ни один церемониал в жизни я не готовила с таким, тщанием. Во-первых, титул – он всегда давался младшему сыну короля, так же как второй сын всегда был герцогом Йоркским. Во-вторых, поместья – древний Кенилворт в Уорвикгиире, с большим замком, одним из красивейших в Англии, все прежние владения его отца, по соседству с землями брата Амброза в Уорвике; должности, откупа, ренты – я пичкала его богатствами и почестями, покуда он, подобно метеору, не ворвался в ряды знатнейших и не стал завидной партией даже и для королевы.

Чтобы подчеркнуть его высокое положение, я приказала: пусть после торжественной службы в Вестминстерском аббатстве в Присутственный покой Сент-Джеймского дворца, где предстоит свершиться церемонии, его сопровождают мой кузен Хансдон, лорд-адмирал Клинтон, граф Сассекс и граф Хантингдон; пусть все видят, что первые пэры страны, даже Хантингдон, которого

иные прочат в наследники престола, склоняются перед Робином, признают его главенство.

А чтобы урок усвоился, чтобы подчеркнуть контраст между моим лордом и жалкими подражателями, пусть пажом на церемонии будет Дарнли, пусть несет впереди Робина золотой меч – я сочла (и не ошиблась), что рядом с мужчиной он покажется школьником-переростком, бледной пародией на английского лорда, желторотым птенцом.

Оставляю вас догадываться, как великолепен был Робин, когда стоял передо мной на коленях, а Сесил читал жалованную грамоту, – Робин, одетый с головы до пят в парчу из Святой Земли, в затканном золотом камзоле, белых чулках, белых башмаках с золотыми каблуками, в белой с золотом кожаной перевязи, с позолоченными перьями белой цапли на белой шелковой шапочке, в оплечье из трех нитей белого жемчуга, перемежающегося золотыми бусинами, – даже волосы его в тот день были надушены лилией и белой жимолостью. Вот он встает навстречу, вот я наклоняюсь к нему, наступает самый торжественный момент. Сперва церемониальная перевязь, затем его собственный золотой церемониальный меч, затем тяжелое бархатное облачение – знак его нового сана.

Застегивая золотую пряжку на плаще, я коснулась его шеи. Какая теплая… какая теплая и гладкая. Я не удержалась и, еще не понимая, что делаю, скользнула рукой под снежно-белый жесткий воротник, погладила кожу. Он выглядел таким серьезным, меня так и подмывало вызвать одну из его обворожительных улыбок – и плевать, что на нас смотрят Мариин лорд Мелвилл, испанские и французские послы. Робин долго крепился, но наконец невольная улыбка расцвела у него на губах. Глаза говорили: «За это вы заплатите позже – поцелуями…»

Теперь-то она перед ним не устоит! Когда процессия двинулась дальше, я перехватила брошенный на Дарили взгляд сэра Джеймса и, не сомневаясь в ответе, поддразнила:

– Что, сей вьюноша кажется вам пригляднее?

Сэр Джеймс пожал плечами, заломил бровь.

– Мадам, моя госпожа рассудительна и осмотрительна. Как же она предпочтет вашему лорду безусого женоликого юнца?

Я довольно кивнула. И впрямь, как? Мария уже побывала за мальчиком, теперь ей наверняка нужен муж. А кто из мужей сравнится с моим Робином?

В тот же вечер, когда мы пировали в моих покоях, подоспела еще одна радостная весть – такая важная, что архиепископ Кентерберийский прибыл сообщить ее лично.

Я поднялась ему навстречу, протянула обе руки:

– Входите, милорд архиепископ, входите!

Я с нежностью глядела на его озабоченное морщинистое чело, стиснутые руки, плотно сжатый рот. Паркер! Маленького Мэтью Паркера я сама назначила на эту должность за то, что он был духовником моей матери, а еще больше – за то, что остался верен ее памяти, когда другие не знали, как громче от нее отречься. Но еще больше я полюбила его в эту минуту, когда он торжественно произнес:

– По просьбе вашего секретаря Сесила Верховный церковный суд рассмотрел спорный матримониальный случай. Леди Екатерина Грей, называющая себя графиней Гертфорд, всего лишь Грей, поскольку она не венчана.

– Екатерина не венчана? – задохнулась я и тут же вспомнила, как в день ее бесчестья Сесил невинно обронил: «У нас будет время вникнуть в обстоятельства их бракосочетания».

Какой умница! Снова он оказался прав! Да, конечно, Екатерине всю жизнь чудовищно не везло, сама судьба ополчилась против нее! Видимо, они поженились второпях, наверно, в тот самый день, когда она отказалась ехать со мной на охоту, за суматохой им удалось скоренько обвенчаться. Чтобы сохранить тайну, они пригласили первого попавшегося священника невесть откуда – теперь невозможно сыскать ни его, ни каких-либо записей. Единственной свидетельницей была сестра Гертфорда, Джейн Сеймур, а она, бедняжка, умерла от оспы. Ни церковной церемонии, ни оглашения, ни священника, ни свидетелей, ни записи в приходской книге – так что остается от их законного венчания?

Екатерина направо и налево вопила, что у нее есть документ, составленный ее мужем, определяющий ее вдовью долю в случае его смерти и подтверждающий их брак. Но где он в таком случае? Пропал, видите ли! И женщина, которая не сумела сберечь клочок бумаги, считает себя в силах управлять королевством? Я смеялась до упаду!

Теперь она клялась своей бессмертной – своей бессмертной! – душою, что они обвенчаны по-христиански.

– Пусть удавится вместе со своею бессмертной душой! – довольно заявила я. – Налейте вина архиепископу! Пусть доводит до конца дело о признании брака недействительным.

И пусть со всех амвонов во всеуслышание объявят, что ребенок – незаконный. Еще вина! За здоровье моего лорда и моего архиепископа и, разумеется, за здоровье моего секретаря!

В ту ночь мы славно повеселились. Однако меньше чем, через минуту я получила жесточайший урок, жесточайшее напоминание, что черный пес-Крушенье всегда бежит следом за

своим золотым братом-Торжеством. Ибо вскоре страшные вести из Франции вытеснили из моей головы всякую мысль о Екатерине – вести о поражении и смерти. В этой войне мы потеряли кучу денег, мне до сих пор больно об этом вспоминать. Мы потеряли Гавр и надежду вернуть Кале. Мы потеряли тысячи английских храбрецов и доброе имя Англии, лишь жалкие остатки нашего воинства вернулись назад под изорванным и окровавленным стягом Амброза. Я рыдала у Робина на плече и слегла с мигренью, с болью в животе и в половине лица, где мучительно ныл и дергал еще один зуб.

Тогда ли я недодумала, недослушала, когда граф Леннокс прислал из Шотландии человека с просьбой отправить ему в помощь сына, чтобы вместе требовать от королевы Шотландской возвращения отнятых в приграничных войнах земель? Или просто сдалась на уговоры, когда все вокруг просили отпустить Дарнли в Шотландию?

– Чего вы боитесь, миледи? Что королева Шотландии выйдет за него замуж? – смеялся Робин, замедляя шаг, чтобы подать мне руку, когда мы по мокрой гальке шли из дворцовой церкви с праздника святого Стефана. – Да она никогда не выйдет замуж без вашего согласия, ведь тогда прости-прощай обещанное преемство!

– Но она наверняка хочет взглянуть на него! – возражала я, старательно обходя мокрые декабрьские сугробы, чтобы не замочить лайковые башмачки и узорчатый бархатный плащ. – Брак с ним укрепил бы ее притязания на английский трон и помог бы усидеть на шотландском, ведь в нем кровь Тюдоров и Стюартов!

– Весьма вероятно, – заметил идущий слева от меня Сесил. – Но даже если ей занятно на него взглянуть, в наших интересах окружить ее возможно большим числом искателей. Хотя Филипп Испанский по-прежнему не торопится женить дона Карлоса, Трокмортон пишет мне из Парижа, что королева-регентша сватает королеву Шотландскую за французского мальчика-короля, своего сына Карла.

– За ее бывшего деверя?!

Тень моего отца и его первой Екатерины, Екатерины Арагонской, – как он взял тогда за себя вдову брата Артура, преступил записанный в книге Левит запрет и какие горести из этого проистекли!

– Ах, французы! – Возмущению моему не было предела. Я тоже полагала, юнец Дарнли рубит сук не по себе, что Мария не обратит на него внимания, а если и обратит, то, здраво поразмыслив, откажет.

«Пусть едет», – говорили все.

Никогда еще два слова не воспламеняли такой огромный пороховой погреб, как в тот миг, когда я согласилась с этим «пусть едет».

Глава 14

Чье ты, дитя-Желанье?
Отец мой – пышный Май.
Кто мать твоя, мой сладкий?
Гордыня, почитай.

Ужель тебя, Желанье,
И годы не убьют?
Умру и вновь рождаюсь
По тыще раз на дню…

Как мужчины теряют голову от любви?

А женщины?

Нет, не спрашивайте меня, не знаю. В жизни не теряла даже наперстка, а головы и подавно. Когда я любила Робина, я обретала любовь, любовь, которая была со мною всю жизнь, которой я дышала, как воздухом, с той поры, когда мы вместе резвились в Божьем саду, покуда по прародительскому примеру не впали в греховную человеческую страсть.

Но терять голову от любви?

Нет.

Так что такое любовь?

Если не безумие, может быть, голод? Вкус к неведомому яству, аппетит к еще неиспробованному, влечение к неизвестному, но узнаваемому по первому сладкому дуновению?

Одно я знаю – величайшая любовь в жизни приходит не первой. Есть разные роды любви – девическая влюбленность, телесная страсть, телесный голод, потом зверский голод любви, – и все их надо испытать, испробовать, вкусить, покуда придет величайшая.

Кэт рассказывала, как терзался голодом мой отец – когда угасла его любовь к первой королеве, когда он спал один в Расписном покое Уайтхолла и не входил на королевину половину; когда стала сказываться роковая разница в годах. Королева уже и без зеркала видела, какой глубокий след оставили сорок зим на ее желтоватой коже испанки. Жестокая природа состарила ее до срока; она похоронила всех своих детей, кроме моей сестрицы Марии. Ей пришлось пережить все семь проклятий женского рода: младенцы умирали и разлагались в ее утробе и появлялись до срока бесформенными выкидышами. Хуже всего было рожать мальчиков, которые проживали по

несколько дней, успевая заронить надежды – всякий раз ложные. Немудрено, что спина ее согнулась от бесконечных беременностей, от горя, сгорбилась от покорности судьбе.

А Генрихов голод требовал удовлетворения.

Неприкаянный, словно планета на небосводе, король переезжал с места на место, из дворца во дворец по пыльным дорогам и узким аллеям между Вестминстером, Ричмондом и другим его излюбленным приютом – Савойским дворцом.

За ним следовали послы и посланники, тайные советники и придворные, добрые друзья Сеффолк, Кари, Норрис и другие. Сейчас они были королю гораздо ближе королевы и уж конечно он любил их не в пример больше.

Смеясь, дурачась, возясь, как мальчишки, они отвлекали Генриха от горестных мыслей, Екатерина же всем своим скорбным и жалким видом напоминала о его беде.

– По коням! – кричал он на заре; сражался на ристалище, гонял зайцев и борзых как одержимый. По ночам плясал, словно у него пляска святого Витта, без устали прыгал и подскакивал выше всех придворных весельчаков.

– Еще! – приказывал он. – Еще! Больше!

Больше!

Или метал кости, словно в него вселился сам дьявол, проигрывал золото, как медяки. И обжирался. Смотрители королевских кухонь тщетно пытались наполнить эту прорву – говядина, барашки, перепела, каплуны и аисты, павлины, пеликаны и поросячьи ножки царственной процессией устремлялись в разверстый монарший зев.

И с каждым проглоченным куском его величие только возрастало.

«Когда он шествует, земля дрожит и люди дивятся!» – восклицал путешественник, племянник немецкого графа.

«Красивейший и утонченнейший из земных властителей!» – вторил другой поклонник.

Однако голод его не унимался.

Этот голод могла насытить только женщина.

Ранним утром первого мая 1526 года, когда королевины фрейлины возвращались с веселья, Генрих приметил одну, державшуюся особняком. Сквозь оконный переплет он подглядел, как она бросила букет алых и белых майских цветов, отвернулась от веселых подруг и пошла сама по себе.

В тот вечер он велел, чтоб ее к нему подвели. Миниатюрная, не выше его жены Екатерины, по-мальчишески стройная. Но у мальчиков не бывает таких глаз – больших, темных, сияющих в приглушенном свете свечей, таких волос, черных, бархатистых,

словно струящаяся тьма, и ни один мальчик, да и не одна женщина при дворе не выглядели бы так обворожительно во французском, изумрудного шелка платье.

– Недавно из Франции, мадам? – мягко спросил Генрих, присмиревший под спокойно-величавым взглядом огромных черных очей, в которых, казалось, таится самая ночь.

Она кивнула.

– И вам не по нраву майское гулянье в доброй старой Англии?

Она не спросила, откуда ему известно про утреннюю пантомиму с майским цветом. Человек помудрее заключил бы, что она разыграла всю сцену нарочно – в конце концов, каждый знал, куда выходят окна королевской опочивальни и в какой именно час король встает, потягивается и приказывает постельничьему распахнуть окно, чтоб впустить утреннюю свежесть!

Человек более мудрый – или менее значимый… но великий Гарри всегда самоуверенно полагал, что женщины любят его самого, а не его сан.

Она смело выдержала его взгляд.

– Это гулянье… – Здесь она медленно потупила огромные оленьи глаза, взглянула на Генриха искоса, из-под ресниц – уловка из арсенала заправской кокотки.

Так они говорили, ее враги, но если это уловка кокотки, значит, каждая женщина – кокотка.

…За этой уловкой последовала вторая, тихий шепот, так что Генриху пришлось наклониться к самому ее лицу:

– Этакие пустяки меня не радуют… не доставляют мне… удовольствия.

Птиц ловят за ноги, как гласит пословица, охотников – за другое место.

Разумеется, он попался, словно камбала в невод, запутался в чем-то таком, чего прежде не знал.

И это была любовь.

А любовь не считается с политикой.

Я знала: Мария горда, может, и почище моего. И твердо верила, что в царственной заносчивости она не пожелает в супруги безродного мальчишку.

И все же…

За Дарнли следовало приглядеть.

Перед отъездом он подошел к руке, и я воспользовалась случаем взглянуть на него еще разок. Да, к нему и впрямь стоило приглядеться – вот кто был поистине хорош собой. Выше всех присутствующих, даже выше Робина, в черных шерстяных

дорожных чулках, которые подчеркивали безупречную форму икр, тонкий в талии, широкий в плечах, он, казалось, не вылеплен кое-как старушкой природой, а высечен умелым ваятелем. Правда, чувственное лицо, прямой нос, большие глаза и маленький рот были на мой вкус чересчур женственными; зато золотисто-каштановые волосы, светлая кожа и безупречная учтивость, словно позаимствованная у старого Арундела или сумрачного Норфолка, делали его похожим на молодого бога.

И все же, как заметила позднее некая шотландская особа, в нем было больше от Пана, чем от Аполлона. Я с любопытством разглядывала острые, как у сатира, уши, чуть раскосые карие глаза – что за ними скрывается? Непроницаемые они или просто пустые? Что там, за этими наглухо заколоченными окнами души, – тайный враг или просто никого?

– Прощайте, милостивая государыня! – Голос у него был более хриплый, чем я ожидала, громкий, неприятно режущий слух.

– Езжайте с Богом! – Я рассеянно махнула ему рукой. Мне было жарко. Где веер? Мои дамы, Анна Рассел, Леттис Ноллис и Мария Радклифф, сгрудившись у основания помоста, болтали с Кэт. Я подозвала ее. Как медленно она взбиралась на две невысокие ступеньки!

Боль сжала мне сердце – а ведь Кэт состарилась! И за мыслями о Кэт я совершенно забыла про юного искателя.

Разговоры о Мариином замужестве воскресили интерес к моему. На службе в соборе Святого Павла, перед открытием парламентской сессии, настоятель в проповеди осудил безбрачие и обрушился на меня лично.

– Если бы ваши родители придерживались ваших взглядов, – вопросил он язвительно, – где бы вы были сейчас?

Вот грубиян! Мне хотелось его ударить – громогласный долгополый невежа, подумать только – сказать такое королеве! Однако все мои парламентарии были с ним заодно, и я, повздыхав, вновь принялась за брачные игры.

Так кто у нас на примете? Габсбургов мы по-прежнему кормили обещаниями. После смерти отца, старого императора Фердинанда, его сын и наследник эрцгерцог Максимилиан вновь посватал «прекрасную Елену», как он лестно именовал меня, «с таким прекрасным приданым», за своего брата, эрцгерцога Карла.

Я ответила уклончиво-обнадеживающим письмом – мы нуждались в союзниках против Испании. Однако положение было не из легких: Максимилиан и так уже предупреждал, что «не позволит водить своего брата за нос и предлагает в последний раз».

Целую неделю я раздумывала об этом долгими ночами, в канун летнего равноденствия, когда спустя два часа после ухода ко сну небо по-прежнему брезжило призрачным светом и казалось, ночь не наступит никогда. Кого бы найти в противовес Габсбургам, какого нового искателя ввести в игру, чтобы выиграть пространство для маневра, выиграть время…

Я задумчиво жевала засахаренные лимонные дольки, привезенные Трокмортоном из Парижа, когда шальная мысль заставила меня расхохотаться вслух.

А что, если…

Не могу же я!..

Могу ли я и впрямь?..

Да, кажется, могу!

Что, если ему – Господи, помилуй! – без малого четырнадцать, а мне, ну, вдвое больше, да еще несколько годков накинь…

Где зеркало? Я всмотрелась в свое отражение. Ни мягкое пламя свечей, ни наложенные Парри белила не скрывали морщинок у глаз.

Но он женится на мне не ради лица! Что до него – мой дядя Артур женился в четырнадцать, а всем ведомо, что в делах природы пальму первенства держат как раз французы…

Я намекнула французскому послу, последовал обмен шифрованными письмами, и у меня появился новый жених – бывший Мариин деверь, мальчик, который прежде сватался к ней, король Франции!

Не следовало мне так радоваться, отбивая у нее ухажера, но я ничего не могла с собой поделать. «Это покажет ей, как воротить нос от первого пэра Англии – от моего Робина!» – ликовала я.

Отдала бы я Робина, согласись она за него выйти?

Неважно, это мне было решать, не ей!

Брак ее с доном Карлосом Испанским расстроился – его отец Филипп дал понять, что все кончено. Теперь расстроился и брак с королем Франции! Скоро она поймет, что синица в руках лучше, чем журавль в небе!

А помимо Франции у меня оставалась Швеция, король Эрик хранил верность мне и своей мечте объединить две великие протестантские державы Северной Европы. В то лето он прислал ко мне свою сестру, принцессу Цецилию, бледную красавицу, высокую, вровень со мной, и лучезарную, как северный рассвет. Мы устраивали балы, маскарады, игры, мы веселились все лето. Вместе мы съездили на восток от Лондона, посетили Кембриджский университет, послушали тамошних ученых и нагрянули к Берли подивиться на его новый замечательный дом в

Теобалдсе.

Справили мы и крестины – принцесса приехала уже на сносях, ее сын родился у нас, и я была крестной матерью! Справили свадьбу: Робинов брат Амброз женился на моей фрейлине, маленькой Анне Рассел, дочери лорда Бедфорда; потом другую – моя троюродная племянница Леттис Ноллис вышла за юного Девере, виконта Херефорда, и все мои молодые подруги сражались на турнире в их честь. Я рада была сбыть ее с рук: для хорошей фрейлины Леттис всегда была слишком самовлюбленной.

Однако к ее жениху – доброму, верному малому – я всегда питала некоторую слабость, так что вполне искренно пожелала молодым счастья.

Принцесса привезла с собой целый выводок юных красавиц, таких же высоких, белокурых и милых, как она сама. Одну из них, молодую графиню Елену Снакенборг, я так полюбила, что попросила принцессу оставить ее мне. Сама девушка была не против, потому что у нее тоже завелся воздыхатель – мой старый маркиз Нортгемптон, Эдвард Парр, брат покойной Екатерины, влюбился!

– Как вы поступите? – спросила я, затаив дыхание.

Она улыбнулась своей степенной улыбкой.

– Ваше Величество, мне уже не шестнадцать! Поблагодарю за оказанную честь – и подожду.

Вот девушка в моем вкусе. Подожду! Ее нордический здравый смысл придал мне сил.

Я тоже подожду!

– Ждите! – говорила я Робину почти ежедневно и «не торопись, повремени» – напоминала себе. Ибо наша любовь разгоралась, как лесной пожар, мне все труднее было не уступать на его поцелуи, на его нежные прикосновения… и на его ласковые уговоры…

Ждать… чего мы ждали?

– Мадам, я принадлежу вам и должен верить, что когда-то и вы будете принадлежать мне! – проговорился он на свадьбе своего брата. – Неужели весь мир будет спешить к алтарю, только не мы?

Брак…

В тот день это слово впервые прозвучало между нами. А раз произнесенное…

Однажды мы катались по Темзе с испанским послом, епископом де Квадрой. Варка была убрана весенними цветами, весенний ветерок лобзал медленно катящиеся волны, все вокруг дышало покоем. Позади нас один из пажей наигрывал на лютне

любовную песню, нежные звуки падали, словно теплый дождь. Мы полулежали под навесом из роз и жимолости, потягивали сладкое, словно нектар, поданное в честь епископа испанское вино.

– Воистину, мы на небесах! – восторженно выдохнула я.

Вдруг Робин вскочил и картинно упал передо мной на колено.

– Мадам, умоляю, вознесите меня на небеса – выходите за меня замуж! Вот и священник – этот добрый князь Церкви не откажется связать нас узами брака!

Обвенчать пару еретиков? Де Квадра раздулся от гнева, словно лягушка, – не ровен час, лопнет. Я захихикала. Несносный Робин – так шокировать высокого гостя! Я лихорадочно искала выход.

– Его Преосвященство не знает английской венчальной службы!

– Зато я знаю! – мягко сказал Робин, касаясь моей руки. – Елизавета, берешь ли ты меня, Роберта, в законные…

Пожатие его сильных пальцев, нежное прикосновение большого пальца к ладони…

О, Робин, Робин…

Жди и смотри!

Однако покуда мы играли и ждали, другие не мешкали. В Шотландии встретились Май и Желание, едва этот бесенок Дарили сошел с коня. Да, он был бесенком, хоть и выглядел ангелом! На исходе весны мне напомнили о нем, и напомнили безжалостно, срочные депеши с севера.

«Ваша кузина-королева без ума от юного лорда Дарнли, – писал мой посол сэр Томас Рандольф. – Едва прибыв в Вемисс, он бросился к королеве, и они плясали веселую галиарду, покуда она не взмолилась о передышке. Теперь она говорит, что никогда не видела такого высокого и хорошо сложенного мужчину».

Я прочла это, когда Парри укладывала мою прическу для аудиенции послу Габсбургов, только что прибывшему из Вены.

Плохи дела!

– Кто тут есть? – крикнула я.

Мигом подбежал паж.

– Гонца в Эдинбург!

«Возвращайтесь немедленно!» – послала я королевский приказ.

«Мне и тут неплохо, я никуда отсюда не двинусь», – нагло отвечал этот щенок.

Следующий приказ я отправила сэру Томасу Рандольфу: «Используйте своих людей, делайте что хотите, но чтобы наш

кузен Дарнли немедленно вернулся в Англию!»

«Королева этого не допустит, – в отчаянии писал Рандольф. – Она не надышится на лорда Генри; все говорят, он ее околдовал!»

Из сорока курьеров, готовых развозить мои письма и указы по всей Европе, не меньше половины скакали в Шотландию и из Шотландии.

«Она не надышится на лорда Генри».

«Она произвела его в пэры, сделала графом Россом».

Значит, Мария влюбилась, влюбилась первый раз в жизни? Всерьез ли эта лихорадка?

Оказалось, всерьез.

«Она отбросила всякий стыд, – невесело писал Рандольф, – бредит принцем Генри, и этого уже не поправить, кроме как силой».

Как – и когда – Рандольф это угадал? Ибо поистине близился Армагеддон.

Однако из Англии я видела всего лишь его стремительный взлет. «Принцем, Генри?»

«Она сделала его герцогом Олбени, мадам».

Королевский титул. Ясно, к чему идет дело.

Я заскрипела зубами и послала третьего гонца – не простого курьера, но верного Трокмортона, моего парижского посла, и не к Рандольфу, а к самой королеве и с главным моим козырем: «Если вы изберете в мужья любого из моих лордов, кого угодно, только не Дарнли, я назову вас наследницей всей Англии».

Однако, когда мой посланец въезжал в большие ворота Холируда, Марию было уже не остановить.

Она провозгласила его «королем Генрихом».

На следующий день они обвенчались.

Глава 15

Скорби Марии-девы
Одна, и две, и три…

Быстро жениться – долго каяться, сказал древний мудрец. Теперь Мария на своей шкуре убедилась в истине, высказанной Сесилом давным-давно, на свадьбе Робина: nuptiae carnalis a laetitia incupiunt et in luctu terminant – телесные браки начинаются с радостей, кончаются горем.

Однако если в Мариином браке и были радости, их хватило, не как у Робина, на годы или месяцы – от силы на несколько недель, а иные говорят, на несколько дней. Верный Рандольф писал мне почти каждый день, но еще до того, как он шепотом сообщил мне то, что шепотом сообщили ему фрейлины – королева беременна, – весь мир уже знал: майская невеста спит врозь с молодым супругом.

Она обнаружила, что «самый желанный красавчик во всей Англии» одержим самыми порочными желаниями, самыми гнусными страстями, какие только можно вообразить.

Последний конюх постыдился бы вести себя как этот новоявленный принц. Вернувшийся из Шотландии Трокмортон стоял передо мной, не находя от возмущения слов, лицо его выражало целую бурю чувств.

– Скажите мне правду, сэр, – настаивала я. – Сейчас не время смущаться – говорите же!

– Мадам, король – горький пьяница! – выпалил Трокмортон, дергая себя за рыжую бороду. – Похоже, в Англии мать-графиня держала его в ежовых рукавицах, воспитывала образцового придворного – заставляла ездить верхом, фехтовать, танцевать, учить итальянский и французский. Теперь он словно с узды сорвался – пьет без просыпу, к завтраку напивается до положения риз и потом пьянствует весь день напролет!

Господи Всемогущий! Какое скотство!

– И?..

– И с пьяных глаз поносит королеву черными словами за то, что она не добьется от парламента признания его царствующим королем – сама она в этом не властна, а лэрды перечат ей во всем…

Царствующим королем – помнится, сестрица Мария из-за этого же воевала со своим парламентом. Филиппу мало было титула короля-супруга, он когтями и зубами бился за признание своего верховенства над женой.

Поглядите же, что сталось с обеими Мариями на ярмарке

мужей!

И меня еще убеждают выйти замуж?

Остальное я угадала без труда:

– Он пьет, оскорбляет ее – и за это она не допускает его до себя?

Трокмортон кивнул:

– И посему он считает себя вправе искать развлечений на стороне…

– Он ударился в разгул?

Трокмортон слегка порозовел, но он был человек закаленный.

– Король путается с последними городскими потаскушками, с Грассмаркета и с Каугейта – за то, что он принес во дворец нечто такое, что не из дворца вынес, королева отлучила его от своей постели и своего общества.

Я только что не рассмеялась. Значит, этот дурачок подцепил французскую болезнь! Человек, который спал с королевой, променял ее на грязных уличных девок! Какой мерзостью обернулись мальчишеские мечты о троне и королевины грезы о любви! Каменное сердце и то сострадало бы ей!

За окном деревья роняли последние листья; те, что еще держались, жалобно трепетали на ветках, напоминая: лето умирает, неотвратимо наступает зима.

А к Новому году? Я собрала мужество для следующего вопроса.

– Что слышно о ребенке? Ведь это только слухи? Не мог же такой короткий и неудачный брак принести плоды?

Трокмортон явно предпочел бы ответить иначе.

– Простите, мадам, но мне сказали об этом четыре фрейлины, которые служат Ее Величеству с пяти лет, – она беременна!

О, Господи, за что Ты меня караешь?

Мария беременна?

В голове лихорадочно проносилось: законный, католический наследник мужского пола, из рода Тюдоров…

Никакой надежды объявить его ублюдком, незаконнорожденным, как сына этой дурочки Екатерины Грей, – а у меня по-прежнему ни мужа, ни ребенка!

Новая жизнь – ив тоже время смерть – смерть моему спокойствию, смерть надеждам на Робинова сына от этого брака, сына, который стал бы моим наследником, крестником, моим!

Судьба словно нарочно решила меня добить.

На следующий день, когда я стояла у себя в комнате, а мои женщины суетились вокруг – мы обсуждали новые парадные туалеты к открытию парламента и зимним празднествам в Уайтхолле, – Кэт, разбиравшая очередной тюк с тканями, вдруг

застыла. «Вот, дайте Ее Величеству эту кисею, серебряную, – обратилась она к Марии Радклифф. Потом схватилась за бок, под грудью. – И отложите черный бархат, – сказала она Кэт Кэри, – после решите с мистрис Парри». Она оперлась о стол, словно легонько задохлась, потом вернулась к делам. А на следующий день умерла.

Моя Кэт, моя учительница, утешительница, нянька, мать – как мне тебя не хватало – и как недостает по сей день!

Рождение и смерть – как они сталкиваются постоянно, словно ледяные горы, о которых болтают моряки! В ту же неделю, когда мы прощались с Кэт, я гуляла одна посреди горестно умирающих Гемптонских садов, как вдруг рядом возник Сесил и с ним комендант Тауэра, сэр Эдвард Уорнер. Вопреки обыкновению мой спокойный «Дух» был почти не в себе. «Говорите же, выкладывайте! – рявкнул он. – И не вздумайте оправдываться, скажите Ее Величеству то, что сказали мне!»

Комендант Тауэра был бледен как смерть.

Неужели он пришел сообщить о смерти?

Грех ли это, Господи, что мысли мои сразу обратились к Екатерине Грей и ее сыну, – вот хорошо бы, если б скоротечная, тюремная лихорадка унесла обоих…

Однако мрачное лицо Сесила говорило:

«Тщетная надежда!», а его сердитый вид: «Хуже и быть не может!»

Так что же стряслось? Я чувствовала, что тьма сгущается.

– Ваша кузина, леди Екатерина Гертфорд…

– Грей! – взвыла я. – Она – леди Грей, не графиня Гертфорд, Высший церковный суд объявил их брак недействительным!

– Леди Грей… – торопливо поправился он, сбился и замолчал.

– Выкладывайте! – мстительно потребовал Сесил.

– Разрешилась вторым ребенком.

Мой голос прозвучал совершенно безжизненно. Можно было и не спрашивать, и так все ясно.

– Сыном? Живым и здоровым, как и его брат?

Как же новые наследники подступают к самому моему трону! Никакой пощады Екатерине и ее сообщнику! Подкупили они тюремщиков или комендант сжалился над «молодыми супругами, которые так любят друг друга», мне безразлично. Но этим голубкам уже не миловаться.

Я изрекла свою волю, и все свершилось: Гертфорда отправили в изгнание, племенную кобылу Екатерину – в деревенскую глушь, под самый строгий надзор.

Да, конечно, я помнила свою жизнь в Вудстокском заточении.

Вудсток… При одном слове замирает сердце! Но ведь я ничем не заслужила тогдашних бед! А Екатерина… Ах, поберегите свою жалость для тех, кто ее заслуживает!

Исключите и мою безмозглую кузину, Марию Шотландскую, ведомую, подобно Екатерине, лишь женской сутью, не разумом – лишь тем, что свербит у нее под юбками, а не сохраняется под париком. Лэрды возмутились против пьянчужки-»короля», нашли тысячу способов его унизить, что толкнуло его в еще больший разгул и буйство, уместное в притоне разврата, но никак не при королевском дворе.

«За какую-то выдуманную обиду он ударил по лицу престарелого шотландского герцога и разбил ему щеку в кровь, – писал Рандольф. – Он требует королевских почестей даже от лиц королевской крови».

Мариин сводный брат Морей, ублюдок, но королевской крови, поднял мятеж. Мария подавила восстание, и, хотя он был ее ближайшим другом и сподвижником, объявила Морея с сообщниками вне закона.

Письмо, в котором это сообщалось, дышало отчаянием – все вынужденные бежать с Мореем были друзья Англии, на которых можно было полагаться – насколько вообще можно полагаться на скользких, своекорыстных шотландцев!

А оставшись со своим пьяницей-мужем, без лучших лэрдов и советников, Мария стала все больше полагаться на некоего Риччьо – об этом сообщил мне Трокмортон при следующей встрече с глазу на глаз.

– Риччьо? Кто это?

– Давид Риччьо – ее новый секретарь, она рассорилась с Мэтлендом Летингтоном, своей правой рукой, который был для нее тем же, что Сесил для Вашего Величества.

– Значит, этот Риччьо человек выдающийся?

Судейский или ученый?

– Мадам, это ее музыкант – скрипач, но отнюдь не Нерон, просто безродный пиликальщик!

О, мое пророческое сердце! Едва Трокмортон произнес «ее музыкант», мне вспомнилась мать и несчастный Марк Смитон – то, как ее обвинили в супружеской неверности и несчастный юноша поплатился жизнью.

Я играла сама у себя в комнатах – да, играла на вирджиналах – или слушала фрейлин, мальчиков, поющих дискантом, ибо такая близость дает пишу для пересудов, для скабрезных мыслей.

Разумеется, такие мысли зародились и в пьяном умишке Дарнли. Презираемый двором, отвергнутый женой, ревнующий к жизни, которая уже шевелилась в ее утробе, он замыслил вернуть

себе власть. Мария сама дрожащей рукой – изложила мне скорбную повесть:

«Мы вечеряли в моих покоях Холлирудского дворца, когда к нам ворвались мой супруг-король с шайкой негодяев, которые выволокли моего слугу Риччьо из-за стола и предали жестокой смерти, – потом на его теле насчитали более шестидесяти нанесенных кинжалами ран.

Мне тоже угрожали, приставили меч к горлу и пистолет к животу, так что я перепугалась за ребенка…»

Напрасно пугалась. После первых наперстянок, но еще до летних маргариток, в июньский день, столь жаркий, что даже в Шотландии рожать было нестерпимой мукой, она разрешилась от бремени…

Надо ли спрашивать?

И так ясно.

Гневался ли на меня Господь? Испытывал? Предупреждал?

Она родила мальчика, красивого, крепкого, толстого, вполне жизнеспособного, и назвала Яковом в честь своих отца и деда, Шотландских королей.

Я рыдала в объятиях у Робина.

– Королева Шотландская произвела на свет прелестного сына, а я безбрачна и бездетна!

– Не плачьте, не плачьте, – утешал он меня, но возразить тут было нечего.

Наконец-то принц из рода Тюдоров. Полноценный и такой смышленый, что все клялись: он на этом свете не впервые.

Но он родился не по ту сторону границы, не в той вере, не от той женщины – все не так. Не будь он папистом, сумей мы оградить его от ее пагубного влияния, будь наследником он, а не она – слишком много «если». А меня и так замучили «но».

– Не вздумайте объявлять его наследником! – предупреждали мои непримиримые парламентарии. – Мы не потерпим на английском троне католика, тем более – шотландца! Самые лондонские камни восстанут против него!

Ладно. Зато я буду крестной, об этом попросила Мария – поздненько она спохватилась и начала ко мне подлаживаться. Я послала своим представителем герцога Бедфорда, и с ним – купель чистого золота, в два стоуна весом, в подарок крестнику вместе с моими искренними молитвами о мире.

Мир в Шотландии?

Скорее уж тишина в аду.

– Шотландия – это сточная яма. Ваше Величество, трясина! – ругался Бедфорд по возвращении.

Теперь, с рождением Якова, престолонаследие в Шотландии

утвердилось, и ненавистный «король» Дарнли оказался никому не нужен.

Сесиловы глаза и уши видели, слышали и доносили, как шотландские лэрды затевают изжить неприятное напоминание об остывшей королевиной страсти.

«Верховодит у них наследственный лорд-адмирал, граф Босуэлл, – писал Трокмортон, – но за этими титулами скрывается опасный дебошир, тщеславный, опрометчивый и горячий юнец».

Я прочла письмо и порвала пергамент в клочки – судя по всему, второй Дарнли! Очарует ли он Марию, как очаровал первый?

– Никакого развода! – предупреждала Мария – развязаться с мужем значило поставить под сомнение будущность сына; раз нет брака, значит, и ребенок – незаконный. Лэрды переглянулись понимающе – если не развод, то какой остается способ избавиться, от мужа?

Только один.

А мрачный косец смеялся и потирал костлявые руки.

Каждый вечер я ложилась с мыслями о Шотландии, каждое утро просыпалась, чтоб узнать о новых тревогах. Франция настойчиво требовала ответа на сватовство короля, юный Карл слал из Версаля надушенные фиалками письма: «Вы пишете, мадам, что Вас смущает моя молодость.

Ах, если б мой возраст восхищал Вас так, как меня восхищает Ваш!»

Сесил почти ежедневно находил способ напомнить мне о другом Карле, эрцгерцоге Габсбурге, – он по-прежнему надеялся, что этот брак даст нам защиту от Испании. А в защите мы нуждались: герцог Альба, первый вельможа и военачальник Филиппа, перебрался из Испании в Брюссель. Уолсингем сообщал из Парижа тревожные вести;

«Герцог постепенно стягивает в Нидерланды всю военную мощь Испании. Он сосредоточил здесь десять, пятнадцать, пятьдесят тысяч солдат – немцев, валлийцев, итальянцев, первоклассных ландскнехтов; подобных воинов эти края не видели с тех пор, как Юлий Цезарь привел из Рима свои легионы. И все эти войска готовы вторгнуться в Англию!

– Как остановить Испанию, задержать ее войска, умерить ее амбиции, выпустить ей ветер из парусов? – стонала я в совете и за его стенами – это было мое утреннее приветствие и вечерняя молитва.

Робин смеялся:

– Что, если предложить Вашему Величеству прожект с участием Хоукинса? Похоже, лорды и купцы, вложившие в него

свои средства, изрядно обогатились.

– Ох, прожектеры…

Передо мной в Присутственном покое и дальше в прихожей толпились просители – разношерстная публика со свитками пергамента наготове, и среди них, разумеется, множество бредящих золотом прожектеров – все они в мечтах чеканили золото, спали на золоте, ели золото, даже испражнялись золотом. Но этот Хоукинс…

– Из Плимута? Мореход?

Робин кивнул.

– Дайте ему денег, миледи, отправьте его в Америку, откуда испанцы везут свое золото, – вы и сами обогатитесь, и королю Испанскому насолите, – убеждал он. – Только одно: дайте, кроме денег, пушки. Ему надо вооружиться до зубов, чтобы на английских скорлупочках проскочить мимо испанских галионов и утереть нос вашему бывшему зятю!

Я любила его за эту непочтительность – за эту дерзость! Хоукинс был мне известен, его советы пошли на пользу нашему флоту. Но деньги, деньги, деньги…

– Сколько, Робин? – спрашивала я недовольно. – И чтобы все было тайно, пусть никто не знает о нашем участии…

Он сверкнул белозубой улыбкой – это уж, мол, само собой.

– Доверьтесь мне, сладчайшая миледи, доверьтесь мне!

Однако Шотландия постоянно была рядом, постоянно тянула за ноги, пока не затащила нас всех в свое первобытное болото. Ни Софокл, рыдала я при полуночных свечах, ни другой древний сочинитель не придумал бы истории трагичнее; боги обратили нас в актеров, зло суфлировало, страсти раскрутили сюжет. И с самого начала, с первой нити Судеб, в центре драмы была Мария.

О, она прикидывалась невинной, словно десятилетняя девственница, этакое дитя, только что из пеленок. Но судите сами по ее поступкам. Она сыграла на руку всем, кто говорит, что власть женщины, мол, противна законам Божеским и человеческим, подтвердила все, что говорилось против «чудовищного правления женщин», отбросила нас на сто, нет, на пятьсот лет назад! Женщина, похвалявшаяся своей властью над мужчинами, не сумела совладать с одним!

«Король», как по-прежнему называли несчастного Дарнли, стал чужаком жене и ребенку.

– Он не соизволил появиться даже на крестинах собственного сына! – возмущался герцог Бедфорд.

– Грязный забулдыга! – назвала его Мария перед всем двором, и только вмешательство графа Босуэлла помешало Дарнли ее ударить.

А затем на празднестве гражданских чиновников в степенном городе Эдинбурге он вышел, как все полагали, справить нужду.

Нужду! Да, свою собственную грязную нужду; сбежавшиеся на женский крик люди обнаружили его в прихожей, где он насиловал королевину фрейлину. Мария поклялась, что он ей больше не муж. А вскорости обострилась его болезнь, он испражнялся и мочился кровью, его лихорадило, по телу пошла красная сыпь, и все поняли, что Господь покарал его за похоть.

И вдруг Рандольф сообщает, что Мария простила беспутного супруга, примирилась с ним, уговорила переехать в ее дом в Кирк-Филд, да еще и пообещала, как только сойдут язвы, допустить на свое ложе. И, уложив его в постель, в комнате над своей, она вдруг решила, что не может спать здесь и должна вернуться в Холлируд.

Дальнейшее вам известно: горестная повесть, как и история убийства Эми, трижды облетела мир.

Перед самым закатом сильнейший взрыв разнес дом в щепки. Дом – но не его обитателя.

Тело Дарнли нашли ночью в полях, он был голый, задушенный, рядом с ним лежали шуба и длинная веревка. Бедный глупец, он увидел или услышал, что идут враги, с помощью слуги вылез в окно, попытался бежать, был пойман и убит.

Мария приготовила для меня целую повесть о якобы проведенном расследовании, отправила ее в Англию с самым быстрым гонцом: коронер возложил всю вину на призрачного негодяя Nemo, господина Никто.

Но глаза и уши Сесила и мои собственные гонцы оказались честнее и проворнее. «Убийцами были люди Босуэлла, и все знают, что королева с ним в связи», – сообщал торопливый шифр; так что мои упреки достигли Эдинбурга раньше, чем Мариину ложь довезли до Лондона.

«Мадам, – с ледяной холодностью писала я, не „дорогая сестра, Ma Chere Soeur“, как обычно, настолько я была зла, – я лишилась бы права называться вашей верной сестрой и другом, если бы не побуждала вас защитить свою честь и без всякого лицеприятия покарать тех, кто оказал вам эту услугу!»

Однако я писала и знала: она не последует моему примеру, когда после гибели Эми я отослала моего лорда и начала тщательное, долгое расследование. И она сделала как раз наоборот! Отец Дарнли возбудил иск против графа Босуэлла, обвинил его в смерти сына. Однако в день слушания путь в суд ему преградили четыре тысячи Босуэлловых земляков – с горскими саблями и кинжалами наголо, с ножами в зубах, они

орали и глумились над стариком. А вскоре стало ясно, как далека Мария от того, чтобы выбраться из обступившего ее кромешного мрака.

Падение ее все ускорялось. Однажды во время верховой прогулки ее подстерег – «похитил», как позже уверяла она, – все тот же Босуэлл.

Она отправилась с ним в замок, и здесь он взял ее – силой, на этом она впоследствии строила свою защиту, – и они стали любовниками. Через две недели она вышла за него замуж, и вся Шотландия под предводительством Морея, Марииного единокровного брата, взялась за оружие.

«Они не затем убивали Дарнли, чтобы получить графа Босуэлла в качестве лэрда и короля, – писал в своей депеше Рандольф. – Но королева клянется, что не отречется от него, даже если ей придется отказаться от своего королевства, Англии, Франции, всего мира и бежать за ним в нижней юбке на край света».

Заслуживает ли этого хоть один мужчина?

Мария и Босуэлл выехали во главе войска. Он бежал, она была разбита и доставлена назад в цепях, в грязи, с позором, а народ высыпал на улицу и орал: «На костер шлюху!» Ее заставили отречься от трона, отказаться от сына и заключили в мрачную островную крепость Лохлевен – пусть кается в грехах; а тем временем Морей и его совет объявили, что будут править от имени малютки короля Якова.

Я в Англии вздохнула с облегчением, что не мешало мне посылать горькие упреки свергнувшим законную королеву лэрдам.

«Я намерена отметить за оскорбление, нанесенное моей сестре и кузине!» – писала я в притворном гневе и сама собой любовалась в эти минуты.

Усилия мои не пропали зря. Чтоб умилостивить меня. Морей предложил на выбор любые из Марииных драгоценностей меньше чем за треть цены. Я сдалась на уговоры Робина – «жемчуга для девственниц, мадам, лунные камни для вас, царицы наших небес» – и приобрела шесть ниток черного жемчуга, нанизанного в виде четок, несравненной красоты, каждая жемчужина большая и блестящая, словно виноградина.

Почти таким же приятным – нет, даже приятнее – было обещание Морея воспитать маленького Якова в протестантизме. Морей писал, что теперь мальчик сможет вступить в истинное общение с английской крестной, то есть со мной.

«И моим народом?» – был мой невысказанный вопрос.

Однако, даже начав истреблять все следы Марииного

пребывания на троне, лэрды понимали: от нее самой так просто не отделаешься. Что с ней будет? Не только Шотландия, но и вся Европа чесала в затылке. Что-то надо делать – со временем, разумеется, все прояснится.

Однако Мария слишком высоко себя ценила, чтобы покорно дожидаться исхода. Она засыпала меня гневно-патетическими письмами, требовала сочувствия к ее жизни в заточении – «ежедневном распятии», как писала она, скуке, смерти душевной и умственной. Она умоляла ее вызволить. «Сжальтесь, о, сжальтесь, – молила она, – над своей дорогой сестрой и кузиной».

Однако, даже сочиняя эти трогательные слова, она готовилась выкинуть очередную свою подлую штуку.

Моя величайшая, моя неизбывная мука началась с той минуты, когда ранним майским утром меня разыскал в Виндзорском лесу запыхавшийся гонец:

– Королева Шотландская бежала из своей страны в чем мать родила, укрылась в вашем королевстве. Губернатор Карлайля взял ее под стражу и просит спешно распорядиться, что с ней делать…

Глава 16

Что с ней делать?

Так впервые был задан вопрос, отравивший двадцать лет, которые иначе были бы счастливейшими в моей жизни.

Все оказалось не совсем так, как представлялось вначале. «Прибежала в чем мать родила» не следует понимать буквально. Но правда, что она прибыла в одном платье, без гроша в кармане. И без волос, обритая, словно из бедлама. Хотя и без роскошной каштановой шевелюры, всякий опознал бы в ней королеву по высокому росту – во всем остальном она была грязна и оборванна, как старая шлюха.

Знай я тогда, предвидь, как будут развиваться события, не согласилась ли я бы тогда на скорое решение: быстродействующий яд, поданный преступным аптекарем, подушка в ночи, загадочное падение с высочайшей башни в крепости, где она тогда содержалась?

Не спрашивайте!

Сердце под шнуровкой бешено колотилось: я сразу поняла, что случилось ужасное.

– Дура, дура, трижды дура! – рыдала я в ярости. – Зачем она бежала в Англию? Почему не осталась сражаться за свое королевство?

А если бежать, почему не во Францию, где у нее земли, деньги, друзья-католики?

Никто из собравшихся за столом не мог ответить, все словно онемели. Сесил сидел рядом со мной, серый, осунувшийся после бессонной ночи – он читал все депеши по мере их поступления. Напротив него Бедфорд и Сассекс требовали немедленно, без всяких переговоров, начинать войну.

Сесил возражал:

– Начать войну, чтобы восстановить на троне королеву-католичку у самых наших границ!

– Если не мы, это сделают французы! – орал красный от злости Сассекс. – Шотландия снова станет французским оплотом, французы снова введут туда войска под предлогом возвращения законной королевы.

– А для Англии лучше, чтоб она сидела в своем королевстве, – вставил кузен Ноллис, – чем она будет находиться здесь, в Карлайле, в самом сердце нашего католического севера, обольщать наших людей, плести свои новые интриги и ковать измены.

Обольщать наших людей.

Не мелькнуло ли что-то в застывшем лице Норфолка при этих словах? Не знаю. Я думала тогда о другом; мое сердце замерло при последнем слове – «измены».

С тех пор я лишилась сна.

Вот какой подарок привезла мне в Англию «дражайшая сестра и кузина».

А ее считают святой, католической мученицей?

Она была дрянь, настоящая дрянь. Из всех женщин она более других оправдывала грубое словцо, которым в народе называют весь наш пол. Она была, в полном, смысле этого емкого слова, – позвольте мне из скромности перейти на французский, употребить три их буквы вместо наших пяти – con.

Sauf qu'elle n'avait ni la beaute ni le profondeur, за тем исключением, что в ней не было ни красоты, ни глубины, как говорят французы.

Май, цветущие зеленые изгороди, казалось бы, звали радоваться вместе с природой.

Май – и тьма вокруг меня сгущалась по мере того, как окружающие осознавали последствия Мариного бегства. Впрочем, Робин бодро убеждал меня покопаться в остатках скорбного пиршества – может, сыщется какое-нибудь утешение.

– Хорошо уже то, что маленький Яков вырастет в истинной вере! – говорил мой епископ. – Лэрды и дядя Морей воспитают его в протестантизме.

Мой архиепископ Паркер соглашался.

– Раз маленький принц, то есть уже король, в руках у лэрдов, – говорил он, – позволю себе уверить вашу милость, он станет самым ярым ковенантером, хоть ему нет и года! Его первыми словами будут глаголы непреложной истины, ибо, благодарение Богу, он по малолетству не мог запомнить паскудного католического бормотания.

Да, это и впрямь утешало. Если молодого принца, единственного наследника Тюдоров, удастся воспитать в протестантизме, уберечь от материнского влияния – что ж, тогда и посмотрим.

– Своими ошибками и безумствами она сыграла как раз на руку Вашему Величеству, – заметил мой старый казначей Полет, чьи резкий язык и острый ум отнюдь не притупились с годами. – Она настаивает, чтобы вы посадили ее обратно на трон, если потребуется – силой, шотландцы так же яро клянутся, что умрут, но не пустят ее обратно. Королеву, которая не справилась со своим королевством, можно на вполне законном основании вычеркнуть из списка наследников! Тогда уж никто не будет считать ее претенденткой на престол, разве что ее фанатичные

единоверцы!

Все собравшиеся согласно закивали. Может быть, кучка лордов вокруг Норфолка кивала менее рьяно, с меньшим жаром? Я не заметила.

– Однако она – королева, – возразила я. – Мне следует принять ее, утешить, поддержать!

Сесил сказал, как отрезал:

– Но если причина ее скорбей – в жестоком преступлении, вы не сможете ей помочь; вам придется отомстить за смерть своего кузена Дарнли!

На том и порешили. Слишком поздно Мария поняла, как опрометчиво вверила себя, беззащитную, в сильные руки моих лордов. Они не кричали прилюдно: «Повесить ее! Сжечь! Утопить шлюху!», как ее собственные любящие подданные. Но они решительно потребовали судить ее за соучастие в убийстве Дарнли – так решительно, что я, поломавшись немного из родственных чувств, вынуждена была возбудить против нее расследование.

Однако кто знает, кто будет смеяться последним?

В отличие от Марии, я сохранила свое королевство, свободу и моего лорда, Робина, владыку моего сердца, мою любовь, мою жизнь. Но мой возлюбленный лорд и шталмейстер доставлял мне теперь не радость, а горе – по крайней мере, поровну радости и горя. Любовь наша летела на всех парусах, я несла ее на всех мачтах своей души и знала: его грот-мачта тоже стонет от любви.

Однако между нами пролегла тень – тень уходящего времени и неудовлетворенной любви.

Мы часто ссорились, и плакали, и мирились – до следующего раза. И все, кому, как Норфолку, не нравилась наша любовь, ждали случая нанести удар.

Ибо Норфолку ударила в голову дурная кровь, гордая кровь деда и отца, моей первой любви, моего покойного лорда Серрея, и, подобно отцу, он не терпел nouveau sang, nouveau rlche, новую кровь, новое богатство, как говорят французы. И он готов был с ними бороться, даже в игре его кровь бурлила, его голубая кровь, а я знала, знала по каждому из тысячи поцелуев, что у Робина кровь красная, красная, красная…

Как-то в Гемптоне я устроила для своих лордов теннисный матч – наблюдая за королевской игрой, я надеялась по-королевски отдохнуть от бесчисленных забот. Мне казалось, что я вижу отца, как он скачет по корту с ракеткой в руке, – он всегда любил эту игру. Я подала сигнал начинать. День был жаркий, в ложе, где я сидела с дамами, было тесно и от зрителей, и от воспоминаний.

В такой же июньский день, в этом же месте, Робин играл и проиграл – потерял и награду, и свое сердце…

Я одернула себя.

Прочь, призрак Эми!

Кто это там выкрикивает победителя на королевском турнире? Я удивленно взглянула на галерею. Раскрасневшаяся, смеющаяся, Леттис Ноллис – вернее, Херефорд, она же вышла за виконта Уолтера Девере – перегнулась через парапет, так что казалось, ее пышные груди вот-вот вывалятся из корсажа, и азартно трясла рыжими кудрями. Рядом с ней стояла моя новая фрейлина, Елена Снакенборг, улыбающаяся, искренняя, но, в отличие от Леттис, совершенно спокойная.

Я нахмурилась. Леттис отодвинулась от парапета, сделала книксен, но, похоже, ничуть не смутилась.

Я подняла руку.

– Парри, мой веер – и салфетку, смоченную розовой водой, пожалуйста. А потом поговорите с виконтессой Херефорд! – приказала я. – Скажите, что мне не нравится такое мальчишество, особенно со стороны молодой замужней дамы!

– Ваше Величество!

Словно большой галион под всеми парусами, Парри понеслась прочь. Освежая лоб душистым платком, я взглянула на корт. Кого там подбадривала Леттис?

С голой дощатой арены выходили Хаттон и Хенидж, входили Робин и Норфолк.

Хаттон, Кит Хаттон – он вошел во дворец танцуючи, как дразнил его Робин, – он так лихо отплясывал галиарду на празднике корпорации барристеров, что я велела ему со следующего же дня присоединиться к моей свите.

Хенидж, юный Том – протеже Сесила, выпускник Кембриджа, очень толковый молодой человек.

Хммм…

Господи, есть же в нас, англичанах, порода!

Хаттон – смуглый, Хенидж – кровь с молоком, Хаттон – высокий и стройный, Хенидж – крепко сбитый, но оба запросто вскружат голову любой женщине. Хенидж, впрочем, женат – а развеселая мадам Леттис, кстати, замужем! Когда Парри закончит делать ей выговор, надо будет добавить несколько слов от себя!

О, мои добрые намерения…

В следующие несколько минут и Леттис, и ее дерзость вылетели у меня из головы. Матч закончился, Робин выиграл, я спустилась поздравить игроков, и Робин шагнул ко мне, чтобы помочь спуститься с нескольких последних ступенек. При этом он взял у меня из руки платок:

– С вашего разрешения, миледи. – Он, собственно, не спрашивал, а просто широким жестом указал на потный лоб и взопревшую рубаху:

– Я не решаюсь предстать перед вами в таком виде! – объяснил он и со смехом принялся вытирать лоб.

Никто не заметил Норфолка, пока тот не вырос перед Робином, не вырвал у него из рук платок и не бросил к моим ногам.

– Негодяй! – взревел он. – Как вы смеете так вольничать с Ее Величеством?

Мы онемели. Норфолк, словно взбесившийся бык, пер напролом.

– И я слышал, что вы входите в спальню Ее Величества по утрам, даже подаете горничным ее нижние юбки! – свирепел он.

Робин побелел.

– Низкие наговоры! – сказал он тихо. – Вы оскорбляете ими Ее Величество! Возьмите свои слова обратно, мерзавец, или я затолкаю их вам в глотку!

– Значит, дуэль! Мои друзья условятся с вашими о месте!

И этот идиот Норфолк взглянул на меня гордо и напыщенно, словно школьник, одержавший верх в потасовке.

– Оставьте двор и не смейте со мной разговаривать! – заорала я в его длинное глупое лицо. – Не ваше дело – защищать мою честь!

Я этого не потерплю, сэр, клянусь Богом, не потерплю!

Да, он пытался оправдываться, но я накричала на него, заставила согнуть жестокую выю.

Однако теперь я видела ясно, как ненавидит он Робина, как моя любовь к Робину дает ему повод выставлять свое превосходство, использовать собственные силы. Каждый день я выказываю свою любовь к Робину, оказываю ему явственное предпочтение перед другими лордами – этого оскорбления они никогда не забудут. Любить Робина и дальше – значит делать его предметом бесконечной злобы, неистребимой ненависти.

Так что же, отказаться от него? Ведь рано или поздно мне придется ради Англии сговориться с кем-то из заморских женихов.

Робин, однако, видел другой выход. Как-то вечером мы полулежали на шелковых подушках в павильоне на берегу реки, слушая мадригал, далекую флейту и ласковый плеск воды. Пахло рекой, я была как в раю. Вдруг Робин сел, наклонился ко мне и сказал странным, незнакомым голосом:

– Моя бесценная, моя сладчайшая миледи, вы видите, что мне больше не уважать себя, не поднять голову…

Он осекся и безмолвно вперил взор в темноту. Высоко над горизонтом над нашими головами сияла Венера. Я повернулась к нему. В глазах у него стояли слезы. Он схватил меня за руку, взгляд его пронзил меня в самое сердце.

– ..если вы не перестанете держать меня за болонку, если не сделаете своим господином…

– Робин, не надо!

– Если вы не выйдете за меня замуж!..

Глава 17

В мае жениться – маяться,
В июне жениться – каяться,
В июле жениться – слезы лить,
В августе – в грусти жить.

Выйти за Робина…

Было время, когда я мечтала об этом всем сердцем – целый час, давным давно, в ложе теннисного двора, когда впервые влюбилась в Робина и по глупости вообразила, что он тоже в меня влюблен.

Но та девушка, далекая от власти и даже от мысли, что может сделаться королевой, осталась в давнем-предавнем прошлом. Он… я… мы… упустили то бесценное мгновение, оно больше не вернется. Не потому ли ею слова причинили мне такую боль?

Вновь и вновь я прокручивала б голове одно и то же. Как могу я ему отказать? А согласиться?

Ведь я уже сочеталась браком – с Англией, сочеталась в Вестминстерском, аббатстве, когда почувствовала на обнаженной груди холодную прогорклую мирру и кольцо Англии на пальце. Любой другой брак был бы нарушением супружеской верности, кощунством, прелюбодеянием…

Однако плоть требовала другого, она бунтовала. Ведь я любила Робина больше, чем когда-либо, любила его смуглое красивое лицо – если бесцветный Норфолк ревниво и злобно называет его цыганским, мне-то что с того? – любила его гордый орлиный профиль, сверкающий ироничный взгляд, рот – о. Господи, его рот! – сильные загорелые руки, икры наездника, его тело…

О, довольно, довольно! Он был мужчина из мужчин, в расцвете мужской красы, я – женщина в самом начале женской поры, едва за тридцать, я только вступала в самый свой лучший возраст…

Я хотела быть с ним. Закон этому не препятствовал – я была королева и могла идти, за кого хочу. А я хотела, еще как хотела! Я не могла перед ним устоять. Тем летом наша страсть разгоралась день ото дня.

– Неужто вы желаете жить и умереть девственницей? – не то упрекал, не то подначивал он. – Неужто вам не хочется познать мужскую любовь, родить детей?

И тут же принялся целовать меня в ладонь, в сгиб локтя, за ухом, язык его проникал в ушную раковину… Познать любовь этого мужчины… родить ему детей…

При этих словах перед моими глазами возникали счастливые картины. Как устоять?

Но разделить жалкую женскую участь, как сестра Мария, безвозвратно…

Конечно, Робин – не король Филипп! Но в браке каждая женщина должна чтить и повиноваться – страшное слово, повиноваться…

Если я выйду за Робина, то не смогу больше вертеть чужеземными королями и герцогами! Я, женщина, не могу угрожать войною врагам или обещать вооруженную поддержку друзьям.

Иное дело обхаживать и льстить, давать и отнимать обещания, кокетничать, сулить; именно так я добилась для Англии совершенно особенного положения в мире – как обойтись без этого?

И так уж мои августейшие женихи досадовали, что уступают простому английскому графу.

Французская гордость не выдержала первой.

– Наша королева-регентша не желает больше тянуть с женитьбой своего сына-короля, – холодно уведомил французский посол граф де Фуа.

Перед всем двором я разыграла припадок девической ярости, а затем удалилась в часовню возблагодарить Бога. В совете я рассмеялась: «Неужто бы я и впрямь пошла к венцу с мальчишкой, который годится мне в сыновья?»

Однако теперь пришлось с удвоенной силой улещивать эрцгерцога Габсбурга: потеряв Францию, мы не решались рассориться и со Священной Римской империей! И хотя мысли и сердце мои были полны Робином, я продолжала, сколь возможно, растягивать эту игру, чтоб не оставить Англию без друзей.

– Смотрите, как я восхищаюсь дарами вашего господина! – говорила я послам Габсбурга, целуя агатовые застежки розовато-кремовых лайковых перчаток – они были почти одного цвета с моей рукой, на которой сверкал подаренный Габсбургом алмаз. – Я жду не дождусь, когда его светлость эрцгерцог посетит меня собственной особой.

– Он приедет только затем, чтобы повести Ваше Величество к венцу, – последовал ответ.

– Он что, боится поухаживать за мной лично? Неужто мне довериться портретистам в выборе повелителя своей жизни, человека, с которым я разделю ложе, отца моих детей? – драматично вопрошала я. – Разве у его дяди, короля Филиппа, который согласился на брак с моей сестрой по ее портрету, не было повода клясть живописцев, когда он увидел ее наяву? Нет,

свой ответ я дам только живому человеку, вашему господину во плоти!

Я знала, что он побоится предстать передо мной из страха быть отвергнутым. Но я по-прежнему настаивала, что отвечу не раньше, чем увижу его своими глазами. Эта игра могла растянуться надолго, подарить нам месяцы и годы мирных отношений…

А пока я разбиралась с женихами, другие разбирались с Марииным делом.

– Как идет разбирательство в отношении королевы Шотландской? – спросила я Сесила.

Он осторожно кивнул, провел длинными пальцами по губам.

– Хорошо идут, – сказал он. – Мы получили свидетельства.

Свидетельства?

Какое прекрасное слово – свидетельства!..

Никогда я так не радовалась, что выбрала своими глазами и ушами, своей правой рукой судейского.

– После ареста королевы были обнаружены письма, которые передавали ей в чеканной серебряной шкатулке, теперь регент Морей перешлет их нам. Из них следует, что королева с самого начала знала о готовящемся убийстве своего мужа Дарнли и что она была в сговоре, а также в любовной связи с графом Босуэллом.

Мое сердце ликовало.

Улика! Бог на нашей стороне.

– Надо послать в Шотландию, сообщить лэрдам, что мы выдвинем против нее обвинение! – объявила я. – Кого отправить? – Я задумалась. Вдруг меня осенило. – Пошлем герцога Норфолка, он недавно потерял жену и сына, ему надо отвлечься от грустных мыслей.

Ему не везло с женами, а им, бедняжкам, еще больше не везло с ним. Он приносил им смерть, они все умирали родами, все до одной.

Я желала ему добра. Хотела изменить его жизнь к лучшему. Господи, как же Ты караешь нас за самонадеянность, даже в наших благих порывах!

Сесил сощурился.

– Королева отрицает, что письма – ее, называет их подложными.

Я рассмеялась вслух:

– Еще бы ей не отрицать! О, я чую победу!

Мы выигрывали время. Мария отказалась отвечать на какие-либо обвинения – это позволило мне отсрочить слушания, за которыми последовал бы приговор королеве – то, чего я всеми

силами старалась не допустить.

– Если подданные, пусть даже самые высокопоставленные, как мои графы и герцоги, начнут призывать монархов к ответу, – рассуждала я, – то королевская власть рухнет и начнется безвластие!

– Однако теперь, когда преступления королевы обличены, – отвечал Сесил, – у нас есть все основания держать ее под стражей. Нам следовало бы даже перевезти ее на юг, в Стаффордшир, в Самую надежную вашу крепость Тетбери.

Ведь все, кроме самой Марии, видели, что я никогда не дам ей свободы. Ни Англии, ни Шотландии она была на воле не нужна. Выпусти я ее, она бы сразу попыталась вернуть себе трон – собрала бы войско, попросила солдат у католических Испании и Франции, вернула бы своего любовника Босуэлла из Дании, куда он бежал, спасая свою шкуру. А поскольку шотландские лэрды поклялись драться и с ним, и с ней до последнего издыхания, это означало бы гражданскую войну на наших берегах, в самом сердце нашего острова. Малолетний король Яков показал себя разумным и смышленым, с ним в Шотландию пришел мир. Зачем им снова эта королева – символ раздора?

А затем появился гонец в черном, глаза потуплены в землю. Он сообщил: Екатерина умерла, моя кузина Екатерина Грей, или Гертфорд, как она упорно величала себя до самой смерти, – умерла от застоя в легких, как и мой бедный брат. Я не жалела Екатерину – она сама постелила себе постель, доверилась любви и похоти, когда надо было думать головой. Однако с ее смертью осталась лишь одна очевидная наследница из рода Тюдоров, которую многие уже и сейчас считали законной королевой Англии…

Мария.

Вообразите Марию, идущую по нашей земле во главе собственного войска. Разве устояла бы она перед искушением обратить свою силу против меня, свергнуть меня с трона?

Об этом и так шептались; на севере в церквах тайно молились «за нашу законную королеву», в залог своей верности передавали ей в заточение частицы католических мощей, а она сама, взглянув на мой миниатюрный портрет, с обворожительной улыбкой произнесла: «Совсем не похоже на английскую королеву – ведь это именно она сидит перед вами!»

Нет, воли ей давать нельзя!

Но и самый факт ее существования колол меня, как заноза.

А рядом постоянно был Робин со своим нежным, неотступным припевом: «Выходите за меня замуж, мадам, выходите за меня замуж…»

Меня бросало от нее к нему, словно раскрученный ребенком волчок, и казалось, мы с Робином без остановки отплясываем старую деревенскую джигу;

…выйди замуж, замуж, замуж,
Выйди замуж за меня…

А чтобы я скорее согласилась, он пустил слух, будто мы собираемся пожениться, будто я приняла его предложение, будто мы уже женаты. Раз, когда мы вернулись с охоты, все мои дамы упали на колени и, целуя мне руку, спросили, следует ли им целовать руку также и лорду Роберту.

Я нервно рассмеялась:

– С чего бы это?

Разумеется, первой ответила беззастенчивая Леттис:

– Мы слышали, что сегодня днем вы обвенчались.

Я наградила ее яростным взглядом:

– Не все, что вы слышите, правда!

А что, если бы это случилось само собой – если бы я потеряла голову, как деревенская простушка, или поддалась порыву, как Екатерина!

Когда нервы на пределе, характер портится.

Как-то вечером в присутствии я потребовала музыки. Вкруг помоста стояли мои дамы Кэри и Радклифф, Уорвик и Снакенборг, дочь моего двоюродного деда Говарда Дуглас, леди Шеффилд, и не забудьте про кузину Леттис – впрочем, забудешь про нее, как же! С ними же стоял Робин, а чуть поодаль, среди моих кавалеров, новые придворные, Хенидж и Хаттон.

Хенидж…

Красавец, пониже Робина, но отлично сложенный, сильный, с суровыми, улыбающимися глазами, он умел так особенно смотреть на женщин…

Заиграла музыка, Робин шагнул к трону. Павана была одной из наших любимых – «Вернись, о нежная моя» – медленная, настойчивая.

– Миледи!

Когда Робин поклонился, меня обуял бес.

Я холодно повернулась к Хениджу. «Идемте, сэр», – распорядилась я, к досаде Робина, проплыла мимо него в объятиях Хениджа и отплясывала с ним так, что стерла шелковые подошвы на башмачках.

На следующий вечер я танцевала с Хаттоном, покуда, к моей ярости, Робин не пригласил сперва Дуглас Шеффилд, затем Леттис. Дуглас я еще стерпела, но Леттис…

Смотреть, как они пляшут, как прыгают ее пышные груди, как она смотрит на него снизу вверх большими, чуть раскосыми карими глазами, как он вертит ее, поднимает – нет, это было невозможно вынести!

– Милорд!

Мой голос прозвучал громко, слишком громко и резко.

Он одним прыжком очутился рядом.

– Мадам!

Мы поссорились, с обеих сторон были произнесены обидные и непростительные слова. Но по крайней мере я вернула своего улетевшего соколика, потому что не могла без него жить.

В тот вечер в моей опочивальне, когда последние свечи догорали, отбрасывая на стены колеблющиеся черные тени, он перецеловал меня всю и убеждал хриплым голосом:

– Выходите за меня, мадам, – или отпустите на волю! Не может мужчина терпеть это медленное умирание, этот монашеский искус…

Его руки скользили по моей шее, касались ключиц, словно клавикордов. Я затаила дыхание.

– Робин, я тоже страдаю…

Отпустить его на волю?

Никогда!

Была ли то страсть? Или некий демон помимо моей воли толкал меня к Робину, требовал его ласк, его тепла? Или просто виной всему была его долгая служба и моя женская потребность в любви? Но по мере того как ленивый июнь перетекал в июльскую страду, с каждым днем ускорялось течение нашей страсти. Я куталась в его близость, как в плащ, его руки, его губы преследовали меня, его глаза провожали меня повсюду, полные выражения, которое я отваживалась видеть лишь во сне.

Весь июнь и август мы охотились в Виндзоре, потом переехали в Оксфорд и вновь в Ричмонд.

Мы прогуливались по тамошнему моему саду, когда Робин сорвал виноградную гроздь и поднес к моим губам.

– Нет, нет! – отмахнулась я.

Робин рассмеялся, оторвал от кисти несколько самых сочных ягод.

– Должен ли лорд верить своей госпоже, когда та говорит «нет», или ему следует поступить по-мужски и решить самому?

Он мягко приложил сладкую спелую виноградину к моему рту.

Я раздвинула губы и посмотрела ему прямо в глаза:

– Лорду следует решить самому.

Знала ли я, что он замышляет, когда услышала:

– Мадам, приближается сентябрь, дозвольте мне устроить празднество в честь вашего дня рождения!

За неделю до торжества он уехал в Кью заняться приготовлениями.

Занимался день, жаркий, как в июне, даже душный, в воздухе чувствовалось приближение грозы. Сквозь оконный переплет я видела, как перламутровое предрассветное небо наливается яростным багрянцем и на темно-синем горизонте вспыхивает под багровыми облаками оранжевая полоса.

– Снакенборг, неужели пойдет дождь? Я боюсь, что разразится гроза?

– Мадам, она не посмеет!

Никогда еще я не одевалась так тщательно.

– Нет, Парри, не это – другое платье!

Коричневое и серебряное, алое венецианское и красное из тафты, персиковое и шафрановое одно за другим летели на пол, превращаясь в бесформенную, неопрятную кучу. Наконец я остановила свой выбор на шелковом платье цвета слоновой кости, с глубоким вырезом, отделанным светлым кружевом. Каждый дюйм его был любовно расшит кремовыми листьями и розочками, воротник окружал лицо ореолом из тончайшего газа, в ушах, на шее, на пальцах поблескивали жемчуга, мои любимые каменья, украшение невесты, украшение девственницы.

И жемчуга к слезам – я совсем об этом забыла…

Мы медленно ехали из Ричмонда в Кью, я пребывала в странной задумчивости, маленькая свита, видя мое настроение, деликатно молчала.

Стояло раннее утро, но дорогу уже заполнили люди, и каждый с любовью меня приветствовал. Крестьянки бросались ко мне с просьбой благословить детей, возницы останавливались, а бедный крестьянин сбросил с плеч поклажу, сорвал с седой головы драную шапчонку и до хрипоты выкрикивал «ура!».

Приветные возгласы со всех сторон.

«Слава Богу, – сказал однажды Пембрук, – ваш добрый народ вас любит…»

Верно, милорд. Но мне случалось ехать в свите сестры Марии и слышать, как и ее славословят до упаду.

И не станут ли так же приветствовать кузину Марию, случись ей сделаться королевой?

На свежесжатом поле детишки строили шалашики из соломы, . На краю луга маки и желтые ястребинки провозглашали разгар лета, но перевитые ежевикой колючие изгороди пели осеннюю песнь, меж шиповником, боярышником и кроваво багровеющим пасленом проглядывали бриония и кипрей. И над дверью каждого

сельского домика висела оранжевая кисть рябины, чтобы зимой ни одна ведьма не забрела на тепло камелька.

Не знаю, что заставило меня сказать:

– Завтра праздник Пречистой Девы.

Все, кто слышал, взглянули удивленно, но с ответом никто не нашелся. Да, с Робином бы такого не случилось…

А вот и он! Едва мы обогнули последний поворот на пути к его дому, как увидели моего лорда, а за ним – множество слуг, одетых в новые голубые ливреи с серебряным галуном. Он встречал меня на большом белом скакуне, ганноверце, судя по мощной шее и крупу, и по всему – родном брате того Пегаса, на котором он прискакал в день моего восшествия на престол.

На этом красавце Робин сиял, словно лучезарный Аполлон, в золотом прорезном камзоле на алой подкладке, в золотых чулках, в золотой шляпе и перчатках, его грудь и рукава сверкали желтыми камнями – топазами, агатами и цитринами – и золотым шитьем.

Он поклонился, задев шляпою стремя. Потом потянулся вперед, взял мою уздечку и повел кобылу в поводу.

– Храни вас Бог, миледи!

– Да здравствует наша добрая королева!

В воротах толпились люди, все они выкрикивали приветствия, а над входом висели венки из роз в виде переплетенных «E» и «R». Я рассмеялась от радости.

– Что значит «R»? – спросила я. – Regina или Робин?

Он сверкнул глазами и дурашливо прорычал:

– Рррррррр! Не спрашивайте у влюбленного, который в ослеплении не видит дальше своего носа! Только Ваше Величество способны прочесть язык цветов…

– ..А теперь слушайте, любезная мадам!

Белокурый мальчонка, коснувшийся моего седла, был так мал, что мог бы пройти у лошади под брюхом. Рядом с ним стояла девчушка, такая же хорошенькая, только еще меньше ростом. Они разом поклонились и улыбнулись – я никогда не видела таких прелестных голубков.

– Кто это, Робин?

Он вдруг посерьезнел.

– Просто невинные детки, сладчайшая миледи, такими были и мы, когда мне посчастливилось вас узнать. Они здесь, чтобы вас приветствовать, – послушайте, что они скажут.

Из толпы слуг выступил мужчина с флейтой и заиграл, мальчик запел чистым торопливым детским фальцетом:

Робин Красногрудый

Синичку полюбил.
Он предложил ей руку
И сердце предложил.

Поженимся, Синичка,
На завтрак, мой дружок,
Нам подадут наливку
И сладкий пирожок.

– Прелестная картинка! – Я с улыбкой обернулась к Робину. – Робин, что…

Он приложил мне палец к губам и улыбнулся своей чудесной улыбкой:

– Погодите, мадам, дослушайте!

Я позабыла слова, если вообще слыхала их раньше. Серьезные, с округлившимися глазами, детки продолжали милую старую песенку:

Тетка-чечетка свахой была,
Совушка-вдовушка пирог пекла,
Певчий дрозд псалмы выводил,
А дятел-дьякон с кадилом ходил.

– Браво!

Я хлопала, пока не отбила ладоши. Раскрасневшиеся детки с поклоном убежали. Я пристально взглянула на Робина:

– Ну, сэр…

– Миледи, пиршество ждет!

Парадная зала, куда мы вошли, преобразилась в цветочную вазу – здесь были поздние розы, калина, виноградные лозы и повилика.

Длинный, во всю залу, накрытый белой камчатной скатертью стол ломился под тяжестью огромных, с колесо от телеги, золотых блюд. Чего тут только не было – говядина и телятина, козлята и барашки, каплуны и утки, перепела, зажаренные на павлиньих ребрах, копченые угри и маринованные кролики. Рядом в серебряных чашах высились горы яблок, вишен, каштанов, груды салата, а рядом сласти – желе, фруктовый заварной крем, засахаренные баранчики и настурции. Румяные от волнения круглолицые крестьянские девушки стояли наготове с кувшинами меда и сладкого желтого муската, от которого шел пряный аромат корицы и гвоздики.

– О, Робин!

В глазах его плясали огоньки.

– Подарки к вашему дню рождения, миледи!

Первым подарком был золотой кубок, вторым – серебряный столовый прибор, третьим – хрустальное блюдо. Солнце играло на них, слепило глаза.

– О, Робин…

И это все, что я могла сказать?

– Чего изволите, мадам? Немного вина с кусочком лососины и парой устриц? Или, как маленькой мисс Маффет[10], сметаны плошку, чтоб кушать ложкой?

Я, дрожа, пригубила вино, но пить не смогла.

Он стоял рядом, наклонясь ко мне, от волос его пахло помадой – свежей, как майский день, сильной, как моя любовь. Я наклонилась к нему:

– О, Робин…

Он прочел мое желание.

– Сюда, мадам.

По его знаку наши люди исчезли. Он взял меня за руку и повел через большую залу, мимо склонившихся слуг, в соседнюю комнату. Двери за нами затворились.

В комнате было свежо, вся обстановка новая, пахло воском и лавандой. Вместо тростника ноги наши ступали по шелковистым коврам, стены украшали богатые шпалеры. На полу повсюду лежали яркие подушки, в медных вазах благоухали поздние лилии. Полузадернутые тяжелые занавеси на сводчатых окнах скрывали садящееся солнце, воздух внутри был теплый, янтарно-золотистый – мы стояли как бы в шкатулке с драгоценностями.

В другом конце комнаты была еще дверь, Робин шагнул к ней и распахнул. За дверью была маленькая комнатка, обставленная как часовня, алтарь с крестом, а перед алтарем священник в облачении. Он поклонился.

Робин встал передо мной и взял за руки бережно, словно я – фарфоровая.

– Не знаю, дражайшая госпожа, – о, моя милая, любимая! – позволительно ли сказать, что я вручаю вам то, что считаю самым после вас дорогим – мою жизнь, мою любовь, мою верность, – или что, вручая, я льщусь приобрести, в болезни и здравии, вашу бесценную особу…

Я потянулась к нему, как цветок к солнцу.

Священник снова поклонился и ушел, прикрыв дверь и оставив нас одних. Робин притянул меня к себе. Его поцелуи были целомудренны, как лед, но аромат его волос горячил мне кровь.

Как во сне, как танцоры в медленном контрдансе, мы обнялись, словно в первый раз.

Его пальцы, будто не узнавая, скользили по моему лбу, его губы касались моих век легко, словно колибри. Как сладко было целовать мягкую поросль усов, шелковистую ямочку под нижней губой! Он грубо провел рукой по моей шее, уверенно двинулся к груди, вниз по животу. Поцелуи его делались жестче, горячее, поцелуй за поцелуем, пока мы, задыхаясь, не отпрянули друг от друга.

Я купалась в радости, желание пьянило. Едва ли сознавая, что делаю, я нащупала драгоценные застежки на его камзоле. Я хотела видеть его, осязать – сейчас.

– О, мадам… Елизавета!

Он легко скинул камзол, стянул через голову тонкую батистовую рубаху. Кожа у него была гладкая, шелковистая, торс – безупречный, словно у героя, у бога. Я потянулась ослабить металлические застежки на остром мысу своего корсажа.

Он нежно рассмеялся.

– О нет, любимая! – прошептал он. – Это работа не для королевы! Мне придется побыть вашей горничной!

Он терпеливо вызволил меня из тугой шнуровки, снял корсаж, робу, рукава с буфами. пока я не осталась перед ним в одной сорочке, словно служанка.

Он умело отыскал шпильки в моей прическе, волосы рассыпались по плечам.

– Моя любовь – моя королева, моя владычица!

Он мягко потянул меня на подушки. Теперь его руки скользили по моей груди, лишь тонкая льняная сорочка отделяла его пальцы от моей кожи. Я сгорала от вожделения, мои соски заострились от его ласк, его поцелуев. Он развязал ленту у меня на шее, потянул сорочку вниз, так что я вся оказалась у него на виду.

– О-о-о… – Дыхание с хрипом вырывалось из его горла. – Смотрите, мадам, смотрите…

Я всегда переживала, что у меня маленькие груди, завидовала пышнотелым грудастым теткам вроде Эми и Леттис. Но сейчас, видя Робинов восторг… Медленно, медленно ласкал он мои груди, так что я уже дрожала, задыхалась, рыдала, но не от горя, не от горя…

Внезапно меня охватил страх, я заметалась в его объятиях, застонала…

– Ш-ш-ш, милая, смотри – я разденусь первым, это совсем не страшно.

Он стянул чулки. Его тело сияло, как мраморное, от его

красоты у меня перехватило дыхание.

О, мужская краса, жаркая, напряженная, сильная…

Одну за другой он снял с меня нижние юбки и сорочку, так что мы оказались на клумбе из благоуханного льна и кружева. Он гладил мое тело, отзывавшееся на его ласку, трепещущее от желания. Закрыв глаза, я чувствовала, как его руки, его губы скользят по моему животу, замирают в треугольничке золотистых волос…

Я задыхалась на вершине неведомого прежде блаженства – я и не знала, что такое бывает, откуда оно берется…

И вот его тело, его мужское тело, длинное, гладкое, мускулистое…

Он раздвинул мне ноги и вошел в меня бесконечно нежно, шепча:

– Моя королева, моя жена.

Один раз я вскрикнула от острой боли.

И сразу словно судорога свела меня, в глазах потемнело, я была как в облаке – невыразимом, невообразимом.

Любовь в облаке…

Я лежала умиротворенная, окутанная белой дымкой блаженства.

– Любовь моя?

Его глаза так близко от моих – словно синие озера блаженства, родники неисчерпаемой радости. Я поняла – он тоже умиротворен.

Жребий брошен.

Я – его женщина, так было всегда, теперь так будет вечно.

И вот-вот стану его женой.

Мы медленно подобрали одежду, ласково помогли друг другу одеться, словно сельские супруги, а не господин и госпожа, в жизни не застегнувшие собственной пуговицы. Наконец мы были одеты. Застегивая на нем воротник, я со вздохом поцеловала его в шею, а он в ответ – поцеловал меня, защелкивая замок жемчужных подвесок.

– Последнее объятие до свадьбы?

Он обхватил меня руками.

Поцелуй был долог, словно вечность…

Как же долго предстояло этому поцелую утешать меня и поддерживать…

– Королева! Где королева?

Кричали в большой зале, сразу же поднялся гвалт, слышались испуганные и раздраженные возгласы.

Я остолбенела от ужаса.

– Господи, что стряслось? Опасность? Государство в

опасности?

Робин покачал головой и повлек меня к часовне.

– Не знаю и не хочу знать, идемте, миледи, идемте!

Но я не двигалась, только озиралась, как загнанная лань. По одну руку от меня был парадный зал, где я – королева и ко мне взывают подданные, по другую – маленькая часовня, где я через три минуты стану Робиновой женой.

Шум за дверью все нарастал:

– Королева! Королева! Королева!!!

– Госпожа… Елизавета! Заклинаю вас, идемте…

Он с молчаливой мукой простирал ко мне ладонь. Я стояла недвижно. Он зарыдал. Но в моем помертвевшем сердце не сыскалось и слезинки. С сухими глазами я шагнула к двери и распахнула ее настежь.

– Кто здесь? Что стряслось?

Хаттон вбежал в комнату, упал к моим ногам.

– Ваше Величество! Донесение о заговоре против вашей жизни! Герцог Норфолк заодно с Марией Шотландской и ваши графы подняли на севере мятеж!

Глава 18

Зачем я послала Норфолка в Шотландию?

Вопрос, который я задавала себе всю оставшуюся жизнь. Хотя спрашивать следовало: Зачем он меня предал?

Первый из моих пэров, единственный в Англии великий герцог, граф-маршал, могущественнейший вельможа страны – как этот дурак не видел, что интересы у нас общие, что его власть опирается на мою? Он же был мой кровный родич, Говард, его дед и моя бабка были братом и сестрой, более того, в его черных жилах текла кровь святого короля, Эдуарда I, прозванного Исповедником, – он что, об этом не думал?

А я-то хотела ему помочь! Думала, поездка в Шотландию в качестве вице-короля, переговоры с лэрдами о важнейших делах королевства прогонят упорную меланхолию, овладевшую им после смерти жены и ребенка – того ребенка, что стоил ей жизни.

Надо было быть умней, надо было опасаться северных графов.

Его покойница жена была северянка, Анна Дейкрс, из рода Уэстерморлендов. Одна его сестра замужем за графом Уэстерморлендом, другая – за лордом Скропом Карлайлем, который принял у себя Марию, едва та пересекла границу… Ах, они все сплелись, словно змеиный клубок!

Ужели и я, как и «русалка» Мария, ни рыба ни мясо, одно сплошное распутство, женщина, которую поэты и живописцы превратили в этакий вечный символ, – ужели и я ослепла от страсти?

Не рассуждала, но влеклась любовью?..

Пусть так, больше это не повторится.

Потому что тогда я потеряла Робина.

Пожертвовала любовью ради Англии – не Робинова невеста, но английская королева.

Когда пришло время выбирать, я выбрала ее, не его.

И мы оба знали: прошлого не воротишь.

Дрожа, я уставилась на Хаттона:

– Выкладывайте.

Он запинался от страха:

– Сообщили… сообщили о заговоре… что герцог собирает на севере армию… что он объединился со всеми тамошними графами, тайными папистами, чтобы освободить королеву Шотландскую, посадить ее на ваш трон и жениться на ней!

Я стиснула трясущиеся руки.

– Послать за герцогом, пусть ответит за это!

– Мадам, уже послали.

Это сказал Сесил. Он стоял в окружении своих молодых помощников, бледный, как никогда, губы – серая черта.

– Прежде чем выехать к вам из Лондона, я вашим именем приказал ему явиться. Он ответил, что не может приехать, потому что болен, приедет погодя.

– Однако болезнь не помешала ему немедленно отправиться в Кеннингхолл, откуда он сможет взбунтовать весь Норфолк, – в Кеннигхолл, свою наследственную вотчину, где у него десять тысяч человек, шестьсот квадратных миль земли и откуда он получает больше годового дохода, чем Ваше Величество со всего Уэльса!

Это произнес бледный от ярости стройный темноволосый юноша. Сесил утер лоб рукой.

– Ваше Величество помнит Фрэнсиса Уолсингема, он был с вашим посольством во Франции, сейчас помогает мне в этом сложнейшем деле.

Напряженное тело Уолсингема выражало досаду, узкое лицо пылало.

– Ваши враги действуют, мадам, это дело рук королевы Шотландской! – крикнул он. – Ее уличают ее собственные письма герцогу, они у нас, и подстрекательские слова, о которых доносят наши люди из числа ее слуг. «Я – королева Англии, – похвалялась она, и хуже того:

– Месяца не пройдет, как по всей этой стране снова будут служить мессу!»

Тошнота скрутила желудок – если бы только выплюнуть эту отраву, застрявшую в горле…

Мария! Источник всех измен! Я знала, что так и будет, я предвидела…

О, вещая моя душа!

– На кого по-прежнему можно полагаться?

И кто против нас? – с усилием проговорила я.

Сесил поклонился:

– Граф Сассекс извещает, что его люди наготове, он ждет вашего приказа. Графы Дерби и Шрусбери держатся в сторонке; в совете они были заодно с герцогом, но воевать на его стороне не собираются. Но ваш граф Уэстерморленд, Дейкрс и граф Нортемберленд – все бежали в свои земли на севере и, по слухам, выступят, как только герцог подаст им знак. Лорды Арундел и Пембрук по-прежнему в Лондоне, под надзором…

– Пембрук? И Арундел?

Нортемберленд – да, ясно, почему против меня папист, один из Мариины новоиспеченных вельмож. Но Пембрук и Арундел?

Честный вояка, служивший моему отцу и брату, возводивший на трон сестру Марию… и бывший воздыхатель Арундел, который сейчас мог бы быть моим мужем?..

…мужем…

Я не смела взглянуть налево, где тот, кто некогда звался Робином, стоял недвижнее статуи, безмолвнее вечности…

Сесил кивнул:

– Оба на той неделе замечены в близких отношениях с герцогом…

Сердце остановилось.

– Возьмите их под стражу. Потребуйте, чтобы Норфолк вернулся – во имя вассального долга! Хоть на носилках! Велите графу Сассексу вступить в Йорк и сколь возможно замирить край.

Уолсингем подался вперед.

– А королева Шотландская? – спросил он с нажимом. – Ее следует немедленно отправить на юг, где мятежникам до нее не добраться.

В замке Ковентри есть гарнизон, там, в верном вам Уорвикшире, она будет под надежной охраной.

Верный Уорвикшир – верный Уорвик, верный Кенилворт…

Довольно.

– Да! – крикнула я. – И сообщите графу Шрусбери, что он будет ее сторожить! Пусть явит свою верность долгу, докажет, какой королеве он служит!

– А Вашему Величеству следует удалиться отсюда.

Это Робин. Нет сил взглянуть на него. Голос мертвый, холодный, безличный, как у герольда или глашатая. Ни одна живая душа не поверит, что всего полчаса назад я жила, любила и стала женщиной в кольце этих рук.

О, Робин…

– В Виндзор, ваша милость.

Я знала, почему он назвал Виндзор: Виндзор из всех ваших замков легче всего оборонять…

– Я прикажу подать лошадей.

Он с поклоном удалился. А за ним – мое сердце, моя жизнь.

Говорят, бывает, что четвертуемый живет, даже вроде бы говорит, когда у него уже вырвали сердце. Так было и со мной. Омертвелая внутри, я по-прежнему жила. Загнанная в Виндзор, я сидела, недвижная и безгласная, на военном совете, где мои лорды силились сопоставить полученные сведения и свои опасения.

– Герцог попал в сети к шотландской королеве, едва пересек границу, – докладывал Сесил (при свечах его лицо казалось странной маской). – Когда он вел переговоры с лэрдами, один из

ее присных позвал его на соколиную охоту, а там без обиняков предложил от ее имени ее руку и английский престол в придачу.

– Ее руку? – изумился Ноллис. – Паписты поганые! Она же замужем за графом Босуэллом!

Надо думать, она собралась отделаться от этого мужа, как отделалась от предыдущего! Она его поманила…

– Показала ему царства мира и славу их, и он внял искусительнице и пал, – съязвил Уолсингем. – За этим предательством последовали все остальные…

Предательством…

Я не смела взглянуть туда, где сидел Робин – бледный, тихий, уставившись в стену. Я принуждала себя слушать, слушать и думать.

Конечно, мы слышали о происках королевы.

Где только она не искала себе мужа с самого своего возвращения из Франции – она пыталась подлепить даже дона Хуана Австрийского, который всегда воевал! – по этому поводу я как-то неудачно подшутила над Норфолком, посоветовала ему как вдовцу остерегаться той, которая завела себе привычку хоронить мужей…

Он же видел ее «письма из шкатулки», собственноручные свидетельства ее любви к Босуэллу и соучастия в заговоре против мужа. Значит, этот трусливый предатель знал, что представляет собой Мария – распутная, преступная шлюха, тоскующая по французскому обычаю оголяться, словно публичная девка перед поркой!

И он собрался на ней жениться!

А я поверила его пылким заверениям, что он и думать об этом не станет!

Дура!

Дура!

Дура!

Что же теперь?

Сассекс удерживает Йорк, но кому еще доверять?

Я оглядела лица сидящих за столом, эти причудливые маски в мерцающем сумраке. Сесил и Уолсингем, Ноллис и мой двоюродный дед Говард, старый лорд Полет, Робин…

Робин…

Я взяла себя в руки.

– Объявите рекрутский набор – пусть кузен Хансдон, лорд-адмирал Клинтон и лорд Уорвик соберут собственные войска – по меньшей мере десять тысяч человек – и пусть Сассекс введет принудительную вербовку по законам военного времени, наделите его соответствующими полномочиями.

Они откланялись и удалились. Струхнувшая Парри, Кэри, Радклифф помогли мне раздеться и оставили меня. Радклифф легла в прихожей, напротив двери в мою спальню, а не в ногах моей кровати, как обычно, – я хотела побыть наедине. И наедине со свечой я вглядывалась в зеркало моей души, и там, среди теней, увидела то, что увидела.

Не девственница – женщина, как другие.

Но не мужняя жена, как другие, и нет у меня благоверного, чтобы предложил мне свою любовь, свою силу, свою поддержку и утешение, чтобы встал рядом в час испытания.

И все же в душе – честная женщина, ибо, отдаваясь Робину, я убеждала себя, что должна стать – да и стала, как же иначе, – его женой.

А вдруг – Боже, помоги мне – мать? Конечно, иные женщины вроде моей сестры Марии оставались бездетными в многолетнем, браке, зато другие, я знала, разок полежав с мужчиной, становились матерями.

О, Господи, нет!

Возможно ли такое?

Безумие охватило меня. Я слышала трезвон по всей Европе. Самая лакомая новость с тех пор, как моя мать забеременела от моего отца! «Английская королева поиграла в одну игрушку и теперь брюхато от лорда Дадли…»

И что, придется выйти за него замуж! А он, отвергнутый у самого алтаря, знающий, что я предпочла ему Англию, женится ли он на мне, носящей его дитя?

И этого я хотела? На это рассчитывала?

О, этак я еще умоюсь слезами!

Думай! Думай! Когда у меня последний раз были месячные? Ладони вспотели, я вцепилась в край стола. Не на прошлой неделе, не на предыдущей, это точно – ни даже за неделю до этого, почти наверняка, – так что если у меня начнется в ближайшие дни, через неделю, в крайности через две – все в порядке.

Если нет…

Это будут самые долгие недели в моей жизни.

Я уже чувствовала себя на год старше женщины, которая сегодня утром вставала, полная надежд. День прошел, всего день – поверишь ли, что столь малый срок разделяет меня тогдашнюю и теперешнюю?

Я затыкала рот кулаком, кусала костяшки пальцев, чтобы не разреветься.

А если я потеряю трон, окажусь во власти Марии, что тогда?

А если мне грозит плаха, не обрадуюсь ли я, что могу, как

пойманная воровка, которой грозит повешение, прикрываться брюхом», чтобы выиграть несколько месяцев жизни?[11].

Однако какой жизни? Я бы не поверила, что можно так сильно страдать. Словно безрукая и безногая, я проходила сквозь лабиринт боли.

После утраты Робина мне было почти безразлично, восторжествует ли Норфолк, восстанет ли север, утрачу ли я жизнь и с ней все остальное.

Он наконец приехал, Норфолк, прискакал в Лондон, когда Сесил уже послал против него войско. Великий предатель явился с уверениями, что не замышлял ничего дурного, что послал к сообщникам-графам гонца отговаривать их от восстания…

Я не пожелала его видеть, а то бы плюнула ему в лицо. Иуда! Предать меня ради кого – ради нее? Я бы его распяла! Но нет, я приказала поместить его в Тауэр, со всей пышностью и удобствами, положенными великому герцогу, кровному родичу коронованной особы.

Наступил худой мир, и мне сделалось совсем невыносимо. Не могу сказать, что было хуже – видеть Робина или не видеть этой ледяной фигуры, скованной и мрачной. Двор словно погрузился в небытие, ни слова, ни движения. Сентябрь угасал, красные и золотые деревья сбрасывали листву, природа безмятежно раздевалась ко сну.

Но страх и печаль не засыпали.

– Герцога можно не бояться. Но что его шурин Уэстерморленд, что лорд Дейкрс? – донимала я Сесила.

Он качал головой:

– Ничего.

День приходит, день проходит. Ничего.

Наконец я не выдержала.

– Пошлите к Сассексу, – взмолилась я, – пусть моим именем велит этим скрытым предателям ехать ко двору и доказать этим свою верность.

Уолсингем хмыкнул:

– Они решат, что Ваше Величество хочет отправить их прямиком в Тауэр и поместить рядом с герцогом, пока не сыщется помещения поуже и поглубже! Они не приедут.

Сассекс тоже противился.

«Вы толкнете их на то, чего сами боитесь, – на открытый мятеж, – писал он. – Зная, что Вашему Величеству ведома их измена, что их ожидает плаха, они рискнут всем!»

Но я забыла осторожность.

«Исполняйте приказ! – гневно отвечала я. – Лучше мы выгоним их из укрытий, чем позволим закоренеть в измене и

накопить силы. Действуйте!»

Итак, больше военных советов, больше свечей, меньше сна, больше слез. И вот передо мной гонец, он держит повисшую руку, вывихнутую в падении во время бешеной скачки.

– Север восстал, предатели выступили в поход! Набат со всех колоколен зовет людей к оружию. Неверные графы привели войска к Кафедральному собору в Дареме и там служат мессу, английские Библии горят, и мятежники клянутся распятием совершить крестовый поход, как при вашем отце, восстановить старую веру и возвести на ваш трон королеву Шотландскую.

Говорят, что сильным, жаром заглушают слабый и клином вышибают клин другой[12].

Знобящий ужас, страх, от которого волосы встают дыбом, страх за жизнь, за трон, худший из всего, что я вынесла во времена Марии, чуть-чуть заглушал боль о Робине – хоть иногда…

Что огонь, что страсть – они одинаково хранят ростки неописуемых страданий.

– Что это, сэр?

Такая усталость…

– Свечу, поближе, для Ее Величества.

Такая усталость… глаза слипаются над пергаментом.

Сесил смело выдержал мой взгляд. Палец с несмываемым чернильным пятном от бесконечных воззваний, списков, приказов указывает на узорчатую вязь вверху большого свитка; «Распоряжение о казни…»

– О казни королевы Шотландской?!

Он кивнул:

– Всего лишь предосторожность. Ваше Величество, на случай, если мятежники прорвутся в Ковентри – они должны знать, что главный козырь – королева – им не достанется…

Так-то вот сестра Мария смотрела на распоряжение о моей казни, когда проклятый епископ Гардинер и ее испанские советники требовали моей головы. Так-то Мария Шотландская схватилась бы за перо, окажись перед ней подобное распоряжение касательно моей особы…

У меня вырвался вопль:

– Уберите это с моих глаз, я не подпишу, прочь, прочь, прочь!

Я не стала даже читать.

Но тогда эта мысль впервые вошла в наше сознание, в нашу жизнь.

Однако Сассекс продержался, а графы, двинувшиеся на юг с папистским сбродом и без плана кампании, дрогнули. Дерби и Шрусбери вопреки моим опасениям хранили верность, и

единственную битву выдержали мой кузен Хансдон и его сын Джордж – Боже! Ужели этот мальчик дорос до сражений? – против лорда Дейкрса, который улепетывал с поля боя, будто за ним дьявол гнался, и примкнул к своим дружкам по ту сторону границы, откуда большинство благополучно переправились в Нидерланды, Францию или Данию.

Мы победили.

Если можно сказать «победила» о женщине, которая потеряла все.

И по-прежнему я не могла спать спокойно.

Как написал в своей адской гордыне один из беглых предателей: «Это была только первая кровавая потасовка, и она не последняя».

Поначалу казалось, что мы отрубили змее голову. Норфолк посылал письма, лебезил, унижался, вымаливая жизнь и обещая исправиться, и клялся вовсю, что не замышлял измены, которую я усмотрела в его надеждах жениться на королеве.

– Его действия не подпадают под определение измены, мадам, – убеждал меня Сесил. – Он же под конец отстранился.

– Что? Не измена? – взвилась я, однако пришлось мне уступить.

Да и не хотелось его убивать – не было у меня отцовского вкуса к кровавым играм. Герцог крепко напуган, думала я – что лучше, чем ощущение топора возле шеи на плахе, призовет беглеца к исполнению долга! К Рождеству, когда другие изменники были казнены или бежали, мне надоело держать его взаперти. И в Новый год, когда, видит Бог, я молилась о новой жизни, я выпустила его из Тауэра под домашний арест в Чартерхаус, в его дворец, один из красивейших в Лондоне, так что сидеть там было не таким уж и наказанием.

А когда февраль вскрыл наконец замерзшие реки и растопил заледенелые дороги, я вознаградила Сесила. Это была скромная домашняя церемония, но я возвысила его до уровня других моих верных пэров – теперь он стал лордом Берли.

Да, мне вспомнилось тогда, как я сделала Робина графом Лестером. Но что значит одна боль среди множества других?

Оттепель не растопила моего сердца. Мария, словно гнойник, отравляла ядом все вокруг, на ее злополучной родине еще кровоточили следы ее деяний. В том же месяце ее сводный брат и наш союзник Морей пал под градом пуль – его убили соперники из другого клана, мечтавшие прибрать к рукам регентство. Хорошо хоть мой крестничек, шестилетний король Яков не пострадал в кровавой свалке за опеку над ним. Но вся Шотландия вновь поднялась. Приверженцы Марии увидели случай вернуть ее

на престол, и дерзкие набеги марианцев, как они себя называли, превратились в постоянную угрозу. Чума на оба ваши дома – мне даже пришлось послать Сассекса на север, пройтись вдоль границы огнем и мечом, не разбирая, кто за кого.

Pax nobisciis, Deus ultionem…

Мир подай нам. Господи, яко Твое возмездие и Ты воздашь…

Мир?

Тщетная надежда, сам антихрист возмутился против нас. Там, в ватиканских клоаках, снова задергалась огромная Римская крыса, заурчало чудовищное брюхо, ягодицы натужились и, словно в моем детском кошмаре, испустили благоуханное подношение очередной Папской буллы.

Бесподобная куча зловонного навоза!

«…Елизавета, мнимая королева Англии, служительница зла, похитила корону у нашей истинной дщери Марии, чудовищно присвоила верховное главенство в Церкви, довела нашу землю верных до прискорбного запустения…

…посему мы объявляем ее еретичкой и отступницей и лишаем всех титулов, обличаем как блудницу и ввергаем во тьму, изгоняем и отлучаем от Церкви Божией.

Сим же мы разрешаем ее подданных от всякого служения ей и запрещаем подчиняться ее законам. Те же, кто нарушит нашу волю и буллу, равно отлучаются и ввергаются в преисподнюю навеки».

– Мадам, мы его взяли!

Уолсингем победно ворвался в мои покои, размахивая папской листовкой.

– Мы поймали католического изменника, когда тот прибивал это к двери собора Святого Павла, – он уже на дыбе!

О, этот Фелтон, разделивший мою жизнь надвое!

До сих пор я пыталась не лезть людям в душу и не считала огульно всех католиков предателями, своими врагами, врагами государства.

А теперь…

Он храбро встретил ужасную смерть предателя и, благодарение Богу, даже верноподданно: на эшафоте он поцеловал большой алмаз, все свое достояние; и завещал его мне. Этим он обездолил свою жену: я назначила ей пенсион, чтобы она не пошла на панель. Он уплатил свой долг.

Но за ним длинной вереницей потянулись легионы добрых людей…

О, подлый Папа, Святой Бздец, а не Отец, за чью гнусную вонь умирали добрые люди, лопоухий кретин с тиарой на голове, с дьявольским желанием везде наложить дерьма! Не видел, что

ли, дурак, что эти опасные выпады – лучший способ возбудить ненависть к его дщери Марии?

– Предоставьте мне свободу, мадам, – настаивал Уолсингем, – дайте нам больше власти.

Католики против нас, мы должны быть бдительней!

Сейчас у него было то же лицо, что при нашей первой встрече, когда он привез сообщение о резне гугенотов во Франции. Я уверена, он все еще видел воющих женщин с отрезанными грудями, слышал крик заживо горевших в церкви матерей с детьми. За каждого убитого протестанта он, если б мог, заставил католика помучиться вдвойне. Да, сейчас он был мне сподручным орудием.

Я кивнула:

– Делайте, что сочтете нужным, сэр. Приступайте.

Через неделю он привел в мои покои итальянца..

– Это синьор банкир, Ваше Величество, уроженец Флоренции, способный человек – обратите на него внимание, миледи.

– Добро пожаловать, синьор.

– Светлейшая! Роберто Ридольфи лобзает ваши руки, ваши ноги, подол вашего платья…

Ридольфи…

– Он двойной агент, – шепнул Уолсингем, когда учтивый итальянец склонился в поклоне. – Работает на Папу, но и на нас – отметьте его.

О, я его отметила, отметила еще раз, когда Ридольфи, двойной агент, раздвоился снова, разорвался надвое, бегая от королевы Марии – к кому бы вы думали? – к этой пропащей душе, герцогу Норфолку.

Ибо тот погиб окончательно, я не могла его спасти. Его секретарь сознался на дыбе, что герцог вопреки своим лживым уверениям не раз выражал надежду жениться на русалочьей королеве. Они обменивались письмами в промасленных пакетах, спрятанных в кожаные фляги. Ридольфи доставлял папе и Филиппу Испанскому его послания с просьбами денег и людей, оружия и поддержки, с обещаниями, что по всей стране будут служить мессу, а Мария станет королевой.

Пэры заседали в Палате лордов без передышки, рассматривали обвинения с семи утра до восьми вечера. Он не смог опровергнуть ни одного, но, сколько бы глав ни содержали ужасные тома, у него была только одна повинная глава, чтобы ее склонить. И вот передо мной указ, я одна могу его подписать.

Должна ли я, его казнить?

Добрых двенадцать лет я добивалась народной любви.

И теперь превратить ее в ненависть?

Я рыдала и молилась, рвалась, как рыба в сетях, пыталась избежать того, что даже герцог принял как неизбежное. Трижды я рвала пергамент, и трижды лорд Берли, то же воплощенное терпение, что и в бытность свою просто Сесилом, приносил его заново. И в самый холодный день лета первый вельможа моего царствования ступил на эшафот, чтобы головой поплатиться за предательство.

Мой отец залил ступени трона кровью, так охотно он убивал всякого, кто подступал к нему слишком близко, – а мне нельзя покончить с тем, кто готовил мою смерть?

Нет.

Потому что теперь парламент потребовал новую жертву, потребовал голову Марии, «этого дракона-скорпиона, который зажалит вас до смерти». Истинная правда, но этого я сделать не могла.

Она жаждала моей смерти, я же сражалась и за ее жизнь.

Я должна была сражаться, должна была взяться за меч.

Потерять свою любовь.

Стать королевой-воительницей.

Послесловие к моей второй книге

Только это.

Прощай, Робин.

Adieu, любовь моя.

Здравствуй, верный друг, испытанный воитель за мое дело в войне, которая надвигалась на нас, вырастая из облака едва ли с ладонь в грозовую тучу, которая накрыла весь мир. Ни разу он не выдал меня ни словом, ни жестом, ни на людях, ни наедине, всегда был радостно-почтителен, как прежде.

И ни разу не упрекнул меня за тот день, когда я принадлежала ему и все же не ему – когда взяла, но не отдала, или отдала, но не согласилась взять.

Никогда ни он, ни я об этом не говорили.

Мы никогда больше не целовались, не любезничали, не переглядывались, не выказывали любовь губами, руками, речами или игрой на лютне – никогда не играли на девственных вирджиналах или на страстных мандолинах.

Я знаю, что осталась царить в его сердце. Но с этого дня я утратила право в его сердце читать.

А мир потемнел и рушился. Ледяные военные ветры прогнали сладкую весну нашей любви. Я глядела в зеркало с растущим неудовольствием, зубы ныли почти беспрестанно.

Лань, что со львом спозналась, от любви погибнет.
Прощай, любовь.
Здесь кончается третья книга моей истории

Книга 4 Беллона

Белла, Беллона, Белладонна…

Любовь отлетела в слезах, оставила мою жизнь.

И место Купидона занял другой отрок-убийца, юный бог Марс.

Но прежде бога идет Magna Mater, великая матерь, великая богиня, великая всеобщая мать.

И прежде Марса была Беллона, великая богиня войны, мать, сестра, жена, вестница самого Марса.

Вы о ней не слышали?

Ха, чему теперь учат в школе?! Беллона – это та, кто слышит первый шорох пробуждающейся войны и скликает своих воинственных сынов.

Беллона, царица войны, первая ступает на поле битвы. Беллона собирает Марса на рать, опоясывает мечом и вручает щит, заговаривает от поражения и привораживает победу. Беллона оплакивает павших вместе со своими жрецами-гладиаторами, героями, пережившими бессчетные смертные поединки.

Ныне я – Беллона.

И Марс – мое единственное дитя; о да, месячные пришли еще до конца недели, и, нет, я не зачала ребенка. Жалею ли я? Только когда на сердце тоскливо, ночь холодна и одинока, а поутру хочется крошечной улыбки, а не сыра и эля.

Но я жалею, что единственным моим порождением оказалось это дитя по имени война, что меня принудили стать матерью битв, войны между Испанией и Англией, величайшей битвы, какую знает история. И этим мне тоже удружила кузина Мария, это все по ее милости. Она, она посеяла зубы дракона, она разрушила храм мира, все потому, что была слепая и безмозглая.

Безмозглая, но сильная – сильная, как ослепленный Самсон в Газе, моловший в доме узников[1]. Как и великий израильтянин, она обладала сверхъестественным даром, даром разрушения.

Дщерь раздора, рожденная во время войны, вскормленная раздорами, словно инкуб, – вот кто она была.

И с собою она приносила разлад, это была ее стихия, в которой она двигалась, расцветала, жила. Она не желала, не могла прекратить заговоры, отказаться от попытки науськать на меня других католических владык. И так моя песенка «Уйди, любовь» сменилась чередой нескончаемых военных маршей.

Белла, Беллона, Белладонна.

Белла, прекрасная, ведь я была прекрасна, когда Робин меня

любил.

Беллона, ибо я стала богиней войны.

Белладонна, белена – та, чья красота была отравленной, моя отрава и моя беда, причина войны, охватившей весь мир, – проклятая сонная одурь, Мария…

Arma virumque cano…[2].

Армия, оружье и мужи.

Армия, Армада, Армагеддон.

Ибо Филипп, гниющий в Испании, по-прежнему меня любил той любовью, которая зовется смертельной ненавистью.

Глава 1

Норфолк поплатился за свои грехи головой, а мне не пришлось расплачиваться за свои телом, я избегла участи Евы, мои месячные подтвердили, что я не жду ребенка. Но я расплачивалась, о, я расплачивалась, будьте уверены! Из-за этой измены я лишилась Робина, утратила душевный покой в собственном королевстве, и с тех пор меня повсюду преследовал» зловещий шепот: она или ты, ее жизнь или твоя…

Вышла бы я за Робина? Он не был королевского рода, и моя кровь восставала против этого союза: орел берет орлицу, львица делит ложе со львом.

Мои лорды не потерпели бы Робина, они бы так или иначе его растерзали. Однако ни закон, ни обычай не препятствовали нашему браку – мой отец женился на женщинах много ниже себя. Робин был царственен от природы, а на примере сестры Марии я видела, что значит вручить свою судьбу мужчине, царственному только по имени!

И прав был Мариин посланник, шотландский лэрд Мелвилл: я просто не желала отдавать мужчине главенство над собой и своим королевством, раз могла быть сама королем и королевой. Да, отчасти это верно, слишком много я видела женщин, страдавших под грубым мужским гнетом. Но, думаю, я бы всегда правила Робином, а не он мною, он всегда любил меня, а те, другие, никогда не любили своих жен. Боялась ли я рожать? Еще бы! Конечно! Как все женщины. Но этот страх не мешал им делить с мужчиной постель. Хотела ли я делить постель с Робином? Еще бы! Конечно! Конечно!

Как все влюбленные, я полагала, я верила, что могу принадлежать и ему, и себе. Но никогда я не могла бы принадлежать и ему, и Англии. Когда Англия взывает, осаждаемая со всех сторон псами вроде Норфолка, вампирами вроде Марии, кто должен отдать за нее свою кровь, как не я, чьи нервы, кости и жилы должны трещать и рваться ради нее, как не мои, чье сердце должно разбиться, как не мое?

Тот, кто утверждает, что страдание облагораживает, никогда не страдал по-настоящему.

Мой мир и люди в нем стали не правдоподобно уродливыми. Я словно впервые их увидела: страшного хромого нищего, одноглазую старую каргу, увечных, беззубых, рябых, слюнявых дураков, делающих под себя идиотов, чумных крыс, повешенных собак. Я стала угрюмой, крикливой, раздражительной и, когда на меня находило, металась, как флюгер, от злобы к тоске. И в таком

состоянии изображать любвеобильную девицу, притворяться невестой на выданье? Возможно ли?

Англия ожидает…[3].

О, как это было трудно! Однако мое тело должно было по-прежнему служить Англии – новые козни маразматика Папы и его прихвостня Ридольфи вынуждали искать союзников в Европе, которая заметно охладевала к нам с каждым днем. Что мне оставалось, кроме как строить глазки возможным женихам, завлекать их всеми правдами и не правдами?

И это было еще не самое страшное в моем чистилище.

«Она посягает на ваш трон – на вашу жизнь».

Объединенный страхом за мою жизнь, парламент устами своих ораторов требовал Мариной крови, требовал уничтожить «чудовищного дракона, вместилище всякого зла». А я, хоть и желала ей смерти, не могла стать ее палачом.

Кажется, я одна во всей Англии видела опасность: какой будет ее смерть, такой будет и моя; тем, кто разделается с ней, ничто не помешает так же поступить со мной! И того они не видели, самоуверенные, надутые мужчины, что всякий удар по Марии придется и по ее сыну, маленькому Якову, кому я, ради Англии, покровительствовала больше, чем просто крестнику.

В одиночку стояла я в ревущей палате общин, средь разверстых ртов, из которых несло кислятиной и цареубийством, в одиночку отражала рвущуюся из всех глоток злобу.

– Что? – орала я. – Отдать на растерзание коршунам голубку, прилетевшую ко мне искать защиты от бури?

– Тогда идите замуж! Замуж! – лаяли они.

Боже, неужто мне никуда от этого не деться?

«Что я могу предложить?» – вопрошала я вечерами зеркало и вздрагивала от его честного ответа. Унылая старая дева на исходе четвертого десятка, чей первый цвет облетел, кожа поблекла от переживаний, пожелтела от ночных слез, отмечена роковыми черточками, горькими морщинами вокруг рта – рта, в котором недостает многих зубов, а те, что остались, желтеют, невзирая на все мази и порошки из арсенала Парри, золотые зубочистки, полоскание белым вином, уксусом и медом…

Притом же товарец был теперь подпорченный, фарфор с трещинкой. Ибо нетронутой меня уже никак не назовешь. Однако изъян этот незаметный… Осмелюсь ли я назвать себя, как говорят поднаторевшие в этих делах французы, demi-vierge, что буквально означает полудева, а другими словами – гулящая девка?

Не девственница и не женщина?

Уж не говоря про другую трещину, про мое разбитое сердце. В тот вечер я пыталась поговорить с Робином.

– Робин, я…

Он грустно-прегрустно покачал головой, приложил палец к моим губам, поцеловал мне руку и вышел.

На другой день мне принесли «любовный узел» из одних жемчужин – жемчужин девственности, жемчужин-слез. Я плакала над ними в три ручья.

И в таком состоянии выставлять себя на торги?

Однако что будет с нами, что будет с Англией, если я этого не сделаю?

Как всегда, всякий мой поступок, всякое мое слово передавались из уст в уста. Повсюду пели:

Я твой миленький дружок,
Англией зовуся я,
Бесс, скажи, что ты моя.

– Народ сложил балладу в вашу честь, мадам, – сказал Сассекс как-то ранним мартовским утром. – На рынках и овечьих ярмарках распевают, как Англия вас любит. – Он тряхнул седой головой и подозвал пажа. – Ну-ка, мальчик, ты тоже слышал – не вспомнишь ли?

И мальчик без лишних слов запел чистым, переливчатым дискантом:

Вот тебе моя рука,
Англия, любовь моя.

– Славно спето, сударь! – Сассекс с размаху хлопнул его по спине. От меня крошечный певец получил кое-что поприятнее – золотой.

Но в глазах моих стояли слезы, они резали, как осколки стекла.

Неужто я навеки обручена с Англией?

И должна плакать, чтобы Англия веселилась?

Надо мной и так потешались за глаза, я уверена, покуда я рыдала и бесилась в своей спальне, смеялись над моим одиночеством, теперь, когда Робин меня бросил.

Бросил?

Судя по синякам вокруг его зорких глаз, он думал как раз наоборот. Мы по-прежнему гуляли, говорили, спорили в совете и не только там, даже танцевали, а если и горевали, то украдкой, не на людях. День и ночь мы были словно под прицелом. Никто не знал, что между нами произошло, но все видели, что мы

изменились. Жатва застала нас в одном из утомительных торжественных путешествий, которые так восхищали народ. А на следующее лето мы объехали аж пять моих графств, Бедфорд и Беркшир, Гертфорд и Уорвикшир, мимо Уотфорда до Ретленда и Лестершира на севере.

И Лестер, то есть бывший Робин, ехал в моей свите, хотя и не рядом со мной. Но даже издали я видела, что он больше не безутешен, все придворные дамы вились вокруг него, как мотыльки вкруг свечи. А особенно – эти нахалки, дочери моего двоюродного деда Говарда, леди Фрэнсис и вторая, Дуглас по матери, та, что вышла за лорда Шеффилда…

…а я-то – я танцевала на ее свадьбе – откуда мне было знать?

…эта Дуглас и ее сестрица, две мелких гарпии, бились за каждый его взгляд, а я, как девушка из старой сказки, сидела, ходила, танцевала на острых ножах, покуда они заигрывали с ним, разыгрывали его между собой и неизбежно проигрывали вездесущей, завистливой, остроглазой Леттис, которая прочно вообразила себя среди прочих дам чуть ли не королевой.

А я – я тоже играла, куда смелее, быстрее, свободнее, искуснее, чем он сам.

– Ваше Величество, молю…

– Благоволите оказать мне честь…

– Миледи, бросьте кость верному псу – взгляд, улыбку, хоть одно па в танце…

– Мадам, я настаиваю на своем праве…

Они толпились вокруг меня, мои джентльмены, телохранители, рыцари, и я тянулась к ним в поисках утешения. Любили ли они меня или мои деньги, мою власть награждать, мою власть над ними? Я понимала, что лучше не спрашивать. А они понимали, что я – не кукла-копилка. Первой парой в забеге шли Хенидж, мой Том, зоркий и настороженный красавец, и юный де Вер, граф Оксфорд, недавний выпускник Оксфорда, протеже и новоиспеченный зять Берли. Оксфорд – этот красивый негодяй, остроглазый, тонкогубый и злоязычный, но его сплетни хоть немного меня развлекали. После Робина он был лучшим танцором при дворе; держаться за его руку, следовать его уверенным движениям, когда он вел меня сквозь веселый вихрь или показывал только что выученные у танцмейстера новые па, было хоть каким-то утешением для моего разбитого сердца.

Впрочем, другие сердца тоже разбивались, хотя я этого и не знала. В тот день в Кью, когда я рассталась с Робином, один из моих верных людей, стоя на коленях, увидел побольше других. На утро следующего дня он снова преклонил колени – в его блестящих карих глазах стояли слезы – и протянул мне пергамент

со словами:

– Ваше Величество, прочтите!

Я с удивлением взяла свиток из его рук и прочла первые строки:

Я госпожу мою застал в слезах…
Сама Печаль отныне возгордится…

К пергаменту был приложен крошечный букетик из оправленных в золото рубинов и изумрудов. Но куда дороже были мне алмазы его слез! О, утешение мужской любви! Как оно было кстати! Разве можно устоять перед мужчиной, который оплакивает твою скорбь, откликается на нее всем сердцем? Моя рука непроизвольно потянулась к его мягкой каштановой бородке, погладила выпуклую челюсть, расправила кудряшки.

– О, Кит! Мой дражайший Хаттон…

Но, хоть его слезам я сочувствовала, моих мне показывать не следовало.

– Вашу руку, сэр! – вскричала я бодро. – Потанцуем! И скажите, только честно, выходить ли мне замуж за француза?

А теперь следующий сын старой французской королевы Екатерины Медичи зазывал меня под венец. Сначала, как помните, она предложила мне Карла, еще мальчика, ставшего королем, когда Франциск, муж Марии, тоже почти мальчик, умер от воспаления уха. Сейчас на очереди был его брат, капризный, завистливый, ленивый. На малом совещании в моих покоях горстка лордов обсудила это предложение.

– Для королевы-матери главное – сбыть его подальше от греха, раздобыть ему королевство на стороне! – ехидно объявил мой кузен Ноллис.

– Однако о нем пишут всякие ужасы, – возмутилась я, словно школьница, отбрасывая донесение из посольства в Париже, – будто он порочен и необуздан, ходит к девкам, а потом их избивает! – Я гневно выхватила из стопки другой документ. – И этот святоша требует публично служить для него мессу в наших самых священных местах, в соборе Святого Павла и в Вестминстере!

У Сассекса отвисла челюсть, его честное английское лицо побагровело.

– Требовал бы уж сразу вернуть на наши острова колокол, книгу, свечу и другое тухлое римское варево – все, что мы выплеснули на помойку! Пустите его сюда, мадам, а через неделю встречайте Папу!

– Милорд?.. – Я выжидающе повернулась к Робину.

Но он покачал головой:

– Ваше Величество поступит, как сочтет нужным.

А чего я от него хотела?

Чего-то…

Не этого!

– Где Берли? – раздраженно осведомилась я. – Почему его нет?

– Ваше Величество отпустили его в Бат, на воды, лечить подагру…

– Ну да, да, да, – проворчала я. – Без него мы все равно ничего не решим. Так и скажите французам.

– Как прикажете, Ваше Величество.

Однако во взглядах моих лордов я читала, как мало они верят в мой брак с французским ухажером, пусть Берли хоть пляшет передо мной джигу на одном носочке. И Берли, у которого боль в ноге отнюдь не убавила ловкости рук, обеспечил нам соглашение, переговоры в Блуа.

Робин явился в присутствие среди рядовых просителей, со шляпой в руке, в сопровождении маленького, бесцветного, одутловатого юнца.

– Нижайшая просьба. Ваше Величество.

Мой племянник Филипп оставляет университет, позвольте ему служить вам, отправьте с вашими посланцами в Блуа…

За окнами жемчужными слезами поблескивали розовые бутоны, воздух был свеж, как на первой заре мира.

Филипп – сын моей бывшей фрейлины Марии, мальчик, который заразился от матери оспой, когда та в свою очередь заразилась от меня, отпрыск Генри Сидни, того самого, что был ближайшим другом моего покойного брата. Но главное, племянник Робина…

– Разрешаю.

Я не добавила: «Чтобы сделать вам приятное».

Но когда он целовал мне руку, в его глазах сияли благодарность и любовь, и любовь излучали мои глаза. А мальчик, застенчивый и безмолвный, очень порадовал Берли, как и сами переговоры, которые до сих пор шли столь успешно, словно мы и впрямь поженили Англию с Францией.

– Я за ваш брак с французом, как раньше был за брак с эрцгерцогом Карлом, и по той же причине, – важно говорил Берли. – Больше, чем когда-либо, я боюсь Испании.

А кто не боялся?

Да, я тоже боялась и переживала.

Когда король Филипп меня разлюбил?

Потому что он меня разлюбил, хоть я и не знаю, куда

подевалась его любовь.

А ведь он любил меня – знаю, видела. В нашу первую встречу он так и ел меня глазами – его взгляд задержался на мне, затем на корсаже, я чувствовала, что он мысленно щупает мне грудь, живот, подбирается к самым сокровенным местам.

Тогда он меня любил. Как же его любовь обернулась лютой ненавистью?

За это время он пережил еще одну любовь, ведь он любил свою жену, свою маленькую француженку, дочь регентши Екатерины, любил, как мужчина – женщину. Но ее любил и другой – любил той нечестивой любовью, той запретной страстью, за которую проклят миром Эдип. Родной сын Филиппа, это чудовище Карлос, разделил участь Минотавра – отец заточил его в лабиринте Эскориала, дворца-собора, который должен был стать живым алтарем Богу, а стал живой гробницей.

Гробницей, скрывающей Минотавра и Эдипа в одном лице – ибо этот изверг пытался изнасиловать мачеху, прекрасную юную Изабеллу, а она тогда ждала дитя. Она выкинула и вместе с ребенком лишилась разума, а потом и жизни. Ночью Филипп пришел к сыну, вооруженный, со священником и несколькими людьми и собственной рукой, не желая возложить на другого подобный грех, со слезами и молитвой убил подонка.

Не мудрено, что вся его любовь, вся надежда и радость, все, что согревало кровь в его хилых жилах, обратилось в уголь и алмаз – уголь его тщетных упований, иссушивший все его жизненные соки, алмаз, блещущий обманчивым светом, но оставляющий в его сердце смертельные порезы.

Итак, Филипп тоже познал свою Голгофу.

– И Филипп тоже боится Франции, мадам. – Желчное лицо Уолсингема казалось еще темнее от сжигающей его внутренней злобы. – Хотя Испания и Франция одинаково привержены католицизму и должны бы быть заодно, испанский король считает Францию недостаточно правоверной, там слишком сильны гугеноты. И еще он опасается бесстрашия французских солдат – случись война, его людям окажется далеко до французов.

Глаза Уолсингема горели, как угли.

Я медленно кивнула:

– Хорошо, смотрите же будто моими глазами…

О, нет, не глазами, второго Робина не будет…

– Будьте моими ушами, – поспешно закончила я и тут же, глядя в его горящие черные глаза и смуглое лицо, добавила:

– Нет, Фрэнсис, будьте моим мавром.

Его тонкие губы растянулись в улыбке.

– Дай Бог мне побеждать испанцев, как побеждали древние

мавры! Испанцы были и останутся нашими злейшими врагами, мадам! Наше дело правое, и да будет с нами Бог!

И каждый про себя сказал: «Аминь!»

Так проходило время, в тайных совещаниях и яростных спорах. В июне мы заключили с испанцами перемирие, но с не писанным примечанием: «Надолго ли?» И наш страх подогревал страхи Филиппа, наша ненависть – его ненависть. Всего в двадцати милях от нас, на другой стороне Ла-Манша стоял главнокомандующий Альба со своими грозными легионами; мы перехватили корабли с жалованьем для его наемников, он закрыл порты для английских купцов, мы грабили испанские галионы от Канарских до Азорских островов, он убивал наших беспомощных, беззащитных торговцев в Гааге.

Однако вскоре нам предстояло убедиться, насколько прав был Уолсингем. В один из хмурых весенних дней из Франции явился гонец в черном и, глядя в пол, как и тогда, когда умер Мариин муж Франциск, сообщил, что мой жених, монсеньор, брат короля, скончался[4].

Я заплакала от жалости к Екатерине – пусть она старая итальянская ведьма, но как пережить такое, когда она, словно Ниобея, теряет ребенка за ребенком? А как показало время, судьба еще не остановила зловещий серп, занесенный над ее потомством.

Однако в этом приземистом безобразном теле обитал коварный и сильный дух, его было не сломить. Бесстрашно бросая вызов смерти, она писала: «Но у меня есть еще сын, мой Франциск, прекраснейший из французских дворян, который теперь станет герцогом Анжуйским – если пожелаете, он будет ваш».

Я читала и мрачно улыбалась. Ничто не может остановить ее в желании посадить на мой трон свое отродье! Но я знала, как обратить это на благо Англии. Я вырядилась в жарко-багровое платье, с высоким воротником, который поддерживали прозрачные крылья из серебряной кисеи, намазалась лучшими белилами, какие можно достать за деньги, а новое изобретение Парри, шиньон, увеличивший мою прическу, венчался жемчугами и розами Тюдоров – да, я знала, что выгляжу la plus fine femme du monde[5]. И какое значение имеет мое разбитое сердце… Довольно! Англия ожидает…

– Передайте своей госпоже, – объявила я склоненному в раболепном поклоне французскому послу де ля Мот Фенелону, – возможно, мне понравится принц, если я его увижу.

До сих пор ни один претендент не решился пересечь море, чтобы лично просить моей руки.

А этот? Я рассчитывала на французскую алчность; что если, почуяв богатую добычу – мою особу, мой трон, мою казну, – лиса отважится вылезти из своей норы?

Однако прежде из-за моря пришел удар, сразивший меня в самое сердце и едва не убивший всякую надежду на этот союз. Самый быстрый из гонцов Уолсингема, пропахший лошадиным мылом, трясущимися руками вручил мне депеши и срывающимся от рыданий голосом сообщил:

– Королева приказала, король согласился… всех гугенотов, до последнего! Не только мужчин… о. Боже, мадам, младенцев, женщин, детей! Невиданная жестокость… вы не поверите… всех, всех, всех…

Он не мог продолжать, он рыдал, и не мудрено – за него говорили письма. В день святого Варфоломея, в народный праздник, в одуряющую июньскую жару, французские католики обрушились на протестантов, и от Парижа по всей стране прокатилась волна чудовищных убийств. Беременным вспарывали животы, мужчинам отрезали детородные органы, девушек насиловали до смерти, детей жгли на медленном огне – каждый город превратился в чистилище.

«Вспомните Васси! – гневно писал Уолсингем из своего безопасного убежища в Сен-Жермен-де-Пре. – То была мирная сельская идиллия в сравнении с теперешними событиями!»

– Полный траур по всему двору, – все, что я сказала, прежде чем затвориться у себя и отдаться слезам и молитвам.

Когда на следующий день Фенелон, припадая на одну ногу, приковылял с хромающими на обе ноги оправданиями своей госпожи, он натолкнулся на сплошную черную стену – все, от последнего телохранителя до самой королевы стояли живым укором этой чудовищной жестокости и несмываемому позору.

– За все это мой господин герцог Анжуйский будет лично просить у Вашего Величества прощенья и на коленях молить, чтобы вы самолично наложили на него епитимью, – объявил Фенелон.

Que voulez-vous? – как говорят французы.

Чего изволите?

Что мне было делать?

Лучший шпион Уолсингема проведал, что, упустив по своей подлости английскую королеву, Екатерина Медичи не сдалась – у нее был припасен и другой план. Ее сын женится на Марии Шотландской и получит английский трон с черного хода, ибо как муж «наследницы» Тюдоров приобретет и ее права.

– Что?! Женится на Марии?

Дело было в Гемптон-корте, но мои вопли слышались даже в

Йоркшире, в крепости, где томилась кузина Мария. К тому же у меня выпал зуб, отболевший так давно, что я уже и не надеялась, что он когда-нибудь выпадет. Мигрень, сводившая болью лицо, разыгралась почти на целый месяц, и все же в конце концов мне пришлось спрятать гордость в карман и сложить губы в заискивающей улыбке – запертые между враждебной Испанией и непокорной Шотландией, мы нуждались в помощи французов против остального мира!

И все это время Робин не спускал с меня глаз…

Глава 2

Не только Робин не спускал с меня глаз, все окружающие делали то же самое.

Я шла по дороге, вымощенной взглядами, и одному Богу ведомо, что они видели.

Боль утраты не утихала.

А покуда он смотрел на меня, с него самого не спускали глаз: бдительная лиса Леттис и две глупые гусыни Говард постоянно терлись возле него – глянь на меня, глянь на меня! – вот дурищи!

Но я-то знала: его любовь ко мне неизменна!

Что ни день я читала это в его глазах, в том, как он всячески старался меня поддержать. Этим летом, когда мы проезжали мимо его замка Кенилворт, я почти вообразила, что снова могу привычно опереться на его сильную руку, коснуться его лица, поцеловать его, как прежде.

Почти – но не совсем.

Господи, моя маленькая особа устала от этого мира![6].

А мир шагал вперед, безразличный ко мне и моей усталости. И другие чувствовали, что пришло их время, и плясали в такт его поступи.

– Мадам, благословите меня, или мне… нам… не будет счастья!

– О чем вы, Снакенборг?

После долгих лет ожидания моя милая Елена, моя бледная северная княжна, давно-давно прибывшая ко мне в свите шведской принцессы, решилась-таки выйти за своего старого воздыхателя, графа, а теперь уже маркиза Нортгемптона.

И вышла, а я поддержала мою любимую фрейлину, и если ее жених, старый Парр, пробудил во мне грустные воспоминания о своей давно умершей сестре Екатерине, моей некогда любящей мачехе, для такого дня я удержала печаль при себе. Был и свадебный пирог, и свадебный эль, чирки и чибисы, кряквы и куропатки, гуси, голуби и фазаны, и при каждой перемене блюд зал оглашался трубным зовом и барабанным боем. А потом мы плясали, я – с Хаттоном, Хениджем и Оксфордом, а Робин – с Дуглас, как я поняла, только из жалости, потому что шесть месяцев назад ее муж Шеффилд скончался от дизентерии.

А ведь я плясала и на ее свадьбе – что я, смерть, что ли? – потому как оба раза смерть была среди гостей, смерть для обоих беспечных молодоженов.

Через полгода после свадьбы старый Эдвард Парр, прослуживший, как Иаков, семь лет за свою Рахиль, умер от

удара.

Лето не лето – смерть, в отличие от судейских, не знает долгих каникул. С поминок мне пришлось спешно скакать в Уайтхолл, где еще смердели на улицах трупы умерших от чумы, – оказалось, что эти ирландские собаки снова вцепились в глотку своим хозяевам.

– Опять они бунтуют, мужичье, тупоголовые католики! – докладывал мой кузен Ноллис в приступе черного протестантского гнева. – Вот ведь дикий народ! Кого Ваше Величество пошлет туда своим губернатором и наместником, чтобы усмирить мятеж?

– О, Господи!

Я колебалась, он этим воспользовался.

– Могу ли я. Ваше Величество, испросить повышения для моего зятя?

– Виконта Херефорда?

– Для него. Он добрый воин, мадам, верный, как все в его роду.

Муж Леттис. Я долго не раздумывала.

– Пусть едет.

Разумеется, надо было повысить его в титуле, ведь ему предстояло действовать от моего имени, нагнать страху на злобных ирландских чертей, этих людоедов, пожиравших мои деньги и моих солдат! Как точно просчитал Ноллис, его зятю причиталось графство, и я по роковой прихоти выбрала Эссекс, я сделала его графом Эссексом…

Что за причуда?

Конечно, Херефорд был мужем Леттис, а супруга наместника должна была, разумеется, последовать за ним к месту назначения… И я выбрала его, чтоб отделаться от нее?

В любом случае, я его выбрала и пожаловала графством, все остальное уже было следствием.

Я сама накликала на свою голову этот ураган смятения и мук.

Теперь, когда восстала Ирландия, надо было спешно умасливать Францию, дабы французам не пришло в голову сунуться в приоткрытые католические ворота нашего королевства.

– Где мой принц? Едет ли ваш господин? – спрашивала я раздушенного донельзя Фенелона.

Господи, а эта его улыбочка вкупе с ароматом духов сидели у меня в печенках! Да еще все это на глазах у Робина!

– Он посылает своего уполномоченного, – заверил меня Фенелон со слащавым поклоном. – Первый из придворных, ближайший друг монсеньора, лорд Симье, явится его courier du

coeur[7].

– Coeur, надо же!

Хаттон грубо захохотал и сверкнул глазами:

– Для Англии будет лучше, если сердце английской королевы останется дома!

– Ш-ш, Кит! – цыкнула я на этого верзилу и приложила палец к его твердым алым губам.

Однако его ревнивая выходка мне понравилась.

Я назначила Хаттона капитаном своей личной гвардии и слегка утешилась, любуясь на черный с золотом камзол и стройные длинные ноги в черных шелковых чулках.

А когда Робин опять уехал в свои поместья, мне осталось утешение – любовь и даже ревность Хаттона.

– Лорд Лестер? Ш-ш, Кит! – Я поцеловала пальцы и приложила к его губам. – Кто уехал, тот не лорд, теперь мой фаворит – вы.

И пока лето разгоралось, май сменялся июнем, а белые цветочки в полях становились красными, его обожание тоже становилось жарче и дерзновенней. Однако он знал то, чего не знал Робин, – что я никогда не выйду за него замуж.

А когда он стоял передо мной на коленях, склонив голову, и его карие глаза вспыхивали янтарем, а лицо светилось любовью – в тишине моей комнаты, бархатным вечером, когда воздух пахнет жимолостью, а я чуть пьяна от выпитого вина, как было не вознаградить эту преданную любовь, не обхватить руками эту мужественную голову, не припасть губами к этому большому, нежному рту…

Однако когда в следующем январе, преодолев бурное зимнее море, явился-таки Симье, стрельнул черными глазами и принялся отвешивать направо и налево изысканнейшие придворные поклоны, даже мой красавчик Хаттон показался рядом с ним долговязым мужланом.

– Мадам, мой принц герцог Анжуйский целует ваши ноги. Я послан нашептать вам на ушко его chanson d'amour…

Amour!
Parlez-mois d'amour!
Encore!
Encore I'amoiir!
[Песнь любви…
Любовь!
Говорите мне о любви!
Еще!
Снова любовь! (фр.)]

Сами звуки французской речи слаще для уха, для языка, они

волнуют кровь, от них сжимается сердце. Глядя на Симье, превосходно владеющего своим ухоженным, хрупким, но ладным телом, на его изящный шелковый камзол, после которого «рыбьи брюхи» моих кавалеров сразу показались громоздкими и старомодными, вдыхая чуть дразнящий, как индийские пряности, аромат его духов, я вновь почувствовала прежнее, почти забытое волнение от мужского общества.

– Ma belle dame, si j'ose…[8].

Стихи, вложенные в мою перчатку, роза на моей подушке, серенада майским утром под моим окном – chanson d'amour, plaisir d'amour, maladie d'amour, toujours l'amour[9] – он ухаживал за мной и обхаживал меня, так что я совсем размякла и почувствовала себя любимой. Скажете, я дура? Да, и старая притом, худшая из дур!

А что мне оставалось? Я хотела разгадать эту шараду. И если, вопреки всему, я полюбила принца, когда тот приехал, то это заслуга Симье, служителя, который проложил путь для своего господина. С непревзойденным мастерством, ибо если мы, англичане, выставили на продажу надтреснутый фарфор, то французы пытались всучить нам и вовсе барахло!

«Боюсь, монсеньор не порадует ваши взоры, – писал из нашего посольства в Париже осторожный, как все судейские, Уолсингем, – ибо к его уродской внешности и тщедушию – даже данное ему при крещении имя Геркулес пришлось заменить на Франциска, имя покойного брата, – он еще и рябой, все его лицо до кончика огромного, нечеловеческого носа изрыто глубокими оспинами».

Слава Богу, мой мавр опустил в своем послании, что принцу нет и двадцати, а мне уже за сорок…

Мне за сорок? Как это может быть, Господи помилуй?

– Мне он не нравится! – бушевал Хаттон, наливаясь краской, так что лицо у него становилось одного цвета с алым атласным камзолом. – Коли у меня будет соперник, так пусть это будет англичанин, в чьих жилах течет красная кровь, а не наш извечный враг, француз-лягушатник!

Англичанин, в чьих жилах течет красная кровь? Для меня это означало только одного человека. Но я могла лишь гадать, что думает сам Робин. Теперь он часто покидал двор, а когда возвращался, казался безразличным, и не только ко мне. Я позлорадствовала, видя, как он холоден с глупой вдовицей Дуглас, а та, едва он оставлял двор, тут же уезжала в страшной спешке. Однако все тщетно – он не обращал на нее никакого внимания. И нет чтоб зачахнуть, как героиня какой-нибудь баллады, она вдруг разжирела, пропала ее осиная талия.

– Что же, Дуглас едой утешается? – выпытывала я у Кэт Кэри.

– Вероятно так, мадам, – отвечала Кэт. Она не смотрела мне в глаза. Я понимала. Она, как и все, стеснялась теперь говорить о нем, но я знала, что он по-прежнему меня любит, и понимала, каково ему приходится.

Впрочем, его поведение говорило само за себя.

Как только Дуглас отпросилась от двора поправить здоровье и фигуру, а значит, перестала его преследовать, он сразу нашел время поиграть в кошки-мышки со мной!

Он и поиграл. Французская делегация прибыла, время идет, а Симье не показывается. Наконец я за ним послала. Он объяснил коротко и ясно: «Мадам, лорд Лестер сказал, что вы нездоровы и вас не следует беспокоить».

Мелкая хитрость – у моего лорда их были припасены тысячи.

– Мадам, вам известно, – говорил Берли, тяжело опираясь на палку, чтобы поберечь больную ногу, – как я хочу, чтобы вы вышли замуж и порадовали нас ребенком («Покуда не поздно», – пронеслось между нами невысказанное) ради спокойствия нашего королевства. Но милорд Лестер предвидит жестокие возмущения и мятежи, вроде тех, что вызвал брак вашей сестры с королем Испанским, – он напугал весь совет и клянется, что английский народ никогда не примет короля-француза.

Я бесстрастно кивнула:

– Вот как?

Берли вымучил улыбку:

– Разумеется, милорд мыслит только как добрый протестант, который боится возвращения антихриста Папы в страну истинной веры.

– Разумеется.

Больше ничего сказано не было.

Пришел Новый год, а с ним недобрый, изменчивый, зябкий, промозглый январь; Робин снова танцевал, и снова со вдовой – граф Эссекс скончался в Ирландии от дизентерии, как и муж Дуглас.

Ирландия! Проклятое место…

«Вручаю своих детей заботам вашей милости и присмотру милорда Берли, – читали мы его дрожащий почерк, – свое бренное тело – земле, а свои упования – Господу».

Похороны прошли со всей торжественностью, об этом я позаботилась. Потом отправилась в карете к Берли, в его дом близ Ковент-Гардена, где мы провели время в невеселых беседах. Удобные покои, ревущий в камине огонь, чудесная обстановка и великолепные шпалеры, подогретое душистое вино, сахарные леденцы и прочие сладости – ничто меня не радовало.

– Еще один славный человек погиб! И на вас – воспитание его мальчика! – Я вздохнула. – Тяжелый долг!

Берли переставил негнущуюся ногу и покачал головой:

– Мальчик будет приятелем моему Роберту, который, случись мне погибнуть на службе Вашему Величеству, уповаю, найдет в вашем сердце родительскую любовь.

Я кивнула. Я совсем забыла про его Роберта, бедного уродца, который все-таки выжил и даже, по словам отца, при своем карликовом росте обнаруживал чудесный нрав и острый, не по годам, наследственный ум.

– Ваше Величество благословит нового графа?

– Бедняжка! Да, охотно.

Берли хлопнул в ладоши. Я поневоле широко улыбнулась, когда трое подростков в черном опустились передо мной на колени. Можно не любить Леттис, но дети у нее получаются что надо!

– Ваше Величество…

– Величество…

– Величество…

– Встаньте!

Из трех осиротевших птенцов две девочки, Пенелопа и Доротея, оказались белокурыми зрелыми красавицами. За ними стоял высокий мальчик лет двенадцати, новый граф.

– Подойдите, мой мальчик!

Он вступил ко мне на возвышение. Глаза яркие, бездонные. В зимнем полумраке каштановые волосы под черной шляпой с траурным пером отливали бронзой.

Совсем как Робин в его годы.

– Скажите, сударь, как вас зовут?

Ястребиный взгляд, гордый, воинственный.

– Робин, Ваше Величество.

Робин.

Я выпрямилась и рассмеялась прямо в его серьезное лицо.

– Милорд граф, приветствуя королеву, принято снимать головной убор.

Он напрягся, вспыхнул, яростно сорвал с головы шляпу и швырнул на пол. Я почувствовала странную жалость – из-за смерти его отца? Да я его не знала и знать не хотела – и, подавшись вперед, прижала мальчонку к груди. Он вздрогнул, весь сжался и отвернулся.

– Робин! Как не стыдно!

Пенелопа, старшая сестра, обмерла от грубости невоспитанного братца.

– Пустяки, дорогая.

Смеясь, я раскрыла объятия и отпустила его – из комнаты, из своих мыслей.

Могла ли я знать?

Молодого графа рано было отдавать в университет, поэтому Берли отослал его обратно в поместье. Юных красавиц опекал теперь лорд Хантингдон, а вдовая Леттис вновь оказалась при дворе и вознамерилась покорить всех моих лордов.

Особенно одного.

– Вы танцуете, милорд?

Всю весну и все лето, каждый вечер звучал ее храбрый вызов. Когда леди приглашает, джентльмен не может отказать. Я ехидно посмеивалась, глядя, как она из кожи вон лезет, чтобы заполучить Робина!

Я в него верила. Разумеется, я видела, что ему нравятся ее ухаживания, он охотно тает под взглядом этих миндально-коричных глаз, под этими жаркими манящими взорами – что он, не мужчина? Но она могла вывести из себя!

– Господи, сударь, что это за лепет? Вы ни о чем, кроме поэзии, говорить не способны?

Теперь Леттис, обмахиваясь черепаховым веером, приставала к племяннику Робина, милому, умному мальчику Филиппу. Я издали косилась на ее медно-рыжие, поблескивающие при свечах волосы, на непристойное обилие рубинов, на огромную жемчужину, висящую прямо посреди низкого лба, и старалась не слышать ее громкого деланного смеха, когда она вновь обернулась к Робину:

– Вы танцуете, милорд?

Что ему оставалось? Конечно, после меня он не мог пленяться грубыми чарами этой грудастой голубки. Едва отделавшись от нее, он вернется к серьезному разговору со мной.

– Как я уже говорил, мадам, мой совет – отложить пока визит французского принца. Народ беспокоится, лето, жара…

И я надеялась, что остальные тоже видят, как Робин противится моему браку с герцогом Анжуйским, как вставляет палки в колеса Симье, и понимают – все это ради меня.

Я и сейчас готова присягнуть, что это было своеобразным проявлением любви. Но его своеобразие дорого нам обошлось… Боже, если бы не вспоминать… Боже, Боже милостивый.

Однако он недооценил противника. Даже тогда я понимала, что в мести Симье нет ничего личного. В таких делах французы руководствуются исключительно соображениями пользы.

Время бежало, сватовство не продвигалось, и виной тому был Робин. Симье понял, что надо делать, и сделал.

Он осуществил это июньским вечером в Гринвичском

цветнике, когда солнце золотило воду, а речная прохлада дарила отдохновение после жаркого дня, и только-только отзвучали последние звуки напева.

Они пели «О, неверное сердце», маленький хор мальчиков и регент из дворцовой церкви.

Симье приподнялся на подушках, такой изящный в серо-зеленом камзоле с изумрудами, потянулся маленькой рукой к бокалу.

– Скажите, Ваше Величество, – произнес он просто, – что вы думаете… о браке милорда Лестера?

Глава 3

Вы, разумеется, догадались, что он женился?

Все вокруг знали.

Все, кроме меня. Бедная брошенная дура всегда узнает последней.

Я как-то упала с лошади и так ушиблась, что не могла от боли продохнуть. Вот и сейчас я задыхалась в черной пучине боли и не могла крикнуть, потому что дыхание сперло в груди. Симье вскочил.

– Помогите Ее Величеству! – звонко приказал он, женщины со всех ног бросились меня поддержать.

Робин женился! О, неверное сердце…

Меня отнесли в комнату. Я бесилась, тряслась, стискивала Парри руку.

– Заклинаю вас вашей честью, Парри, скажите, что вам известно о браке милорда Лестера?

Ее старческое лицо вспыхнуло, пошло безобразными серыми пятнами.

– Мадам, я не смею!

– Он что, приказал вам молчать? Запугал?

Подкупил?

Все вместе, судя по ее убитому виду.

– Мадам, простите, я не могу…

– Парри! – взвыла я. – Кто-то должен мне сказать!

О, Господи, была бы жива Кэт! Парри всегда как огня боялась моих гнева и слез.

– 0-ох-ох! ах! ах! аххахааа…

Теперь и она билась в истерике, и мои фрейлины забегали вокруг со жженым пером и нюхательной солью. Парри продолжала выть, пока не докричалась до обморока.

– Елена!.. Радклифф!.. Кэри!..

Они все попрятались. После смерти Кэт я так и не нашла себе новой наперсницы. А ведь и Кэт предала меня, когда по простоте сердечной продала меня лорду Сеймуру.

О, неверное сердце…

Из королевских покоев суматоха распространилась по всему дворцу. Вбежал лорд-камергер.

– Мадам, что делать?

Как колет в боку!

– Сассекс, я вам приказываю, расскажите мне о жене лорда Лестера.

Тревожно нахмуренное чело разгладилось, озабоченность

сменилась величаво-грозным спокойствием.

– С вашего позволения, мадам, – осторожно ответил он. – О которой?

– Стража! Где моя стража? Немедленно пошлите арестовать лорда Лестера!

Ошалевший от ужаса капитан тупо вылупился на меня. Они все любят Робина, он человек действия, один из них.

– Э… мадам, куда его отвести?

Я рассмеялась идиотским смехом:

– В Тауэр!

– Мадам, невозможно! Идет прилив, лучшие лодочники не доставят нас туда к ночи!

– Тогда завтра! А пока хорошенько стерегите его здесь.

Однако тот продолжал стоять, раззявя рот, и очнулся, только когда я завопила:

– Прочь, остолоп! Исполняйте приказ, если не хотите оказаться в Тауэре заодно с милордом!

Он развернулся, как ужаленный, и затрусил к дверям, следом загромыхали его дурни.

– Мадам, этого делать не следует!

Никогда я не видела Сассекса таким мрачным и растерянным.

– Тауэр – для изменников, мадам, для тех, кто повинен в государственной измене.

Я завыла в голос, как ведьма, как четвертуемый на колесе, которое раскручивает и раскручивает палач.

– Это и есть измена…

Итак, Робин отправился под строгий арест, а я – прямиком в ад. Неужто Бог решил меня покарать?

За что?

Я лихорадочно металась по комнате, бормотала, словно умопомешанная, и лихорадочно спрашивала себя: отчего мне так больно? Я не могу выйти за Робина – почему же ему нельзя жениться по собственному выбору?

Я не знала ответа, только чувствовала: мне этого не вынести…

– Он под стражей в башне Мильфлер, здесь, в Гринвичском парке, – доложили мне.

Мильфлер – Башня дивных цветов. От этого еще больнее. Отец построил ее для моей матери в пору их первой любви, когда она была для него дивным цветком, а он для нее – деревом, небом, землей – всем на свете.

Как Робин – для меня…

– Мадам, этого делать не следует.

Сассекс, простой и честный, не стал бы тем, кем он стал, если

бы сдавал крепости упорства и цитадели истины.

– Как, засадить человека в тюрьму, отнять у него бесценную свободу, за которую англичане умирали, – и все потому лишь, что он женился?!

По нашим законам это не преступление – и по Божеским тоже! О нет, миледи. Господь Сам заповедал и повелел нам вступать в брак, это священное таинство для любящих, дабы не впасть в блуд…

– Довольно, довольно! – завопила я. – Не говорите мне про их любовь…

А тем паче – про блуд…

– Пошлите за Хаттоном! Нет, нет, я хочу поговорить с Берли!

Тот немедленно прибежал, без палки, позабыв про подагру. Я без слов припала к старческому плечу, стиснула слабые руки, усадила своего советника рядом с собой. Однако ни в руках его, ни в словах не было утешительной теплоты.

– Лорд Сассекс сказал чистую правду, – подтвердил Берли. – Ваши действия противоречат нашим законам и нашим старинным вольностям. Граф Лестер, – старик заколебался, но иной формулировки не нашел. – не совершил никакого преступления.

Слезы брызнули у меня из глаз.

– Так что же он совершил? Вы скажете мне наконец правду?

Берли испустил долгий, чуть слышный вздох – то ли вздохнул, то ли просто выпустил воздух.

– Как пожелаете. Но прежде, дражайшая миледи, позвольте напомнить, что не преступление для мужчины жениться так часто, как ему вздумается, или становиться отцом…

Отцом.

Цирюльники советуют, когда вскрываешь глубокую рану, резать по самой язве – чем сильнее и глубже надрез, тем меньше боль.

Говорят.

Говорят те, кто не испытал этого на себе…

А я-то называла Марию слепой!

Значит, они тут женились, хороводились, делали детей под самым моим носом, а я видела и в то же время ничего не видела. Эта красотка Дуглас с ее острым подбородком, глазами домашнего котенка и нравом подзаборной кошки подвернулась ему, когда мы ехали в Ретланд, и он, не вынеся монашеской жизни, с ней переспал. Едва она вернулась домой, обманутый муж узнал все из случайно оставленного письма, тут же разъехался с ней и поскакал в Лондон добиваться развода.

И тут лорд Шеффилд скончался – ..иные говорят, от яда, мадам, но никто не посмел обвинить лорда Лестера, которому

благоволит королева… – и никто уже не мешал любовникам тешить свою похоть. Когда Робин оставлял двор, она тоже уезжала – я-то думала, что она бесилась из-за его невнимания, и потешалась над ее обидой, а они встречались в условленном месте и проводили это время вдвоем.

О, неверное сердце!

Сесил с усилием продолжал:

– Затем мадам Дуглас понесла…

Да, я видела, как округлилась ее талия, видела и ничего не заподозрила…

– ..и за две недели до рождения ребенка они поженились.

– Ребенка?

– Сына.

– Как назвали?

– Робертом, Ваше Величество.

Что еще?

– Но затем милорд рассорился с леди Дуглас, поскольку та требовала для себя графских почестей, чтобы к ней обращались «графиня Лестер» и прислуживали, стоя на одном колене…

Представляю себе!

– И он испугался, что она из суетного тщеславия сделает их брак явным?

Берли кивнул:

– А его первой заботой было все скрыть.

И когда она решительно потребовала, чтобы ее величали графиней и его супругой, он обратился в суд, каковой и признал их брак недействительным.

Я громко рассмеялась:

– На каком основании?

– Поспешная тайная церемония – без соблюдения законных формальностей и без свидетелей.

В точности как тайный брак моей кузины Екатерины – не сыскали ни попа, ни записей, ни свидетелей – ну, ну…

– И вдруг милорд ни с того ни с сего снова влюбился?.. – яростно выпытывала я.

Медленный, против воли, кивок.

– Он порвал с ней, чтобы жениться…

– На ком?

Вы, конечно, знаете.

И я вдруг тоже поняла.

Все, все. И это означало…

Господи помилуй, надо надеяться, они слюбились хоть не до того, как умер ее муж? Очень уж кстати приключился этот кровавый понос – если не для него, то, по крайней мере, для них!

Я схватилась за сердце, оно так колотилось, что казалось, лопнет шнуровка; мой пронзительный вопль разорвал воздух:

– Шлюха! Стерва! Чтоб ноги ее не было при дворе!

Берли невесело улыбнулся:

– Она вскочила на лошадь в ту же минуту, как узнала, что Вашему Величеству известно.

Я завыла белугой:

– Никогда, ни-ког-да я не разрешу ей вернуться!

– Мадам, она это знает.

О. Робин…

Я кусала губы, пока рот не наполнился кровью.

– Что до милорда Лестера… – Ровный голос Берли плавно перетекал над зазубренными скалами моего гнева. – Вам придется выпустить его, мадам. Пусть тоже оставит двор, чтобы смыть с себя позор.

Я пролила еще одну реку слез.

– Ладно… но прикажите, чтобы он ехал не к ней… где бы ни была Леттис, ему там не место!

Удивит ли вас, что я вновь обратилась к Симье, что я рвалась к браку с яростью матери, у которой отнимают дитя? И через три месяца он приехал, мой Анжуйский, мой последний шанс стать женой и матерью!

Как я в нем нуждалась! Месячные у меня становились все более скудными, кожа одрябла, хуже того, меня часто знобило и беспричинно бросало в пот. Если рожать, то как можно скорее. Однако как я его боялась!

– Боже, Парри, неужели вы ни на что лучшее не способны? Вы сделали меня старой клячей, ведьмой, уберите эти румяна, они выглядят чахоточными пятнами!

– О, мадам, мадам…

Парри не могла ответить: «Мадам, вам сорок пять, ваши щеки запали, слева у вас не хватает уже не одного, а всех трех зубов, нельзя день и ночь питаться одной тоской, а другой пищи вы не принимаете, вино же без закуски сладко на язык, но пучит желудок и портит кровь…»

– Парри, клянусь Божьим телом, кровью и костями… Сделайте что-нибудь, черт вас подери, ведь мой французский лорд ждет!

Ибо монсеньор прибыл (окрыленный Симье с утра прилетел об этом сообщить) и рвался немедленно меня видеть – его еле-еле уговорили передохнуть после безостановочной скачки из Дувра.

– Я надеюсь. Ваше Величество увидит сердце моего господина, его пылкую любовь, которая превосходит его внешний облик, как первый день мая превосходит последний день декабря!

Que voulez-vous?

Что на это сказать?

Я хотела любви.

– Эй, трубачи! Трубите!

– Ее Величество! Ее Величество королева!

– Пригласите монсеньора! Ее Величество ждет!

Даже церемониймейстеры в большом зале замерли от благоговейного восторга. Я воссела на трон, как девственница, но и как королева, в сиянии белого, лилейно-белого атласа, расшитого алмазами и жемчугами, с веером из слоновой кости, в воздушном, сверкающем, алебастрово-белом воротнике. Я выжидательно смотрела на дверь, а в ушах неотвратимо звучало страшное предупреждение Уолсингема: «Чудовищно безобразный рябой коротышка».

Однако, когда герольды возгласили, стража ударила алебардами, церемониймейстеры склонились в поклоне и он вошел в зал, он сразил меня влет. Да, он был безобразен, мал ростом, меньше покойницы Кэт, и что хуже всего, не правдоподобно юн! У меня остановилось сердце.

О, какая боль, какое безумие старой кляче на пятом десятке сидеть перед мальчиком, который моложе меня больше чем в два раза! То-то повеселится весь мир!

Но маленький кривобокий уродец в лягушачье-зеленом от пера на шляпе до розеток на башмаках при виде меня остановился как вкопанный и звонко объявил, обращаясь к Симье:

– On m'a dit, qu'elle a quarante ans et plus – mais elle est plus belle que si elle avail une quinzaine!

Симье подошел и, широко улыбаясь, склонился в изысканном поклоне:

– Ваше Величество, мой господин говорит: ему сказали, что вам сорок с лишним, но вы прекраснее пятнадцатилетней.

И в пустыне моего сердца зашевелился маленький зеленый росток.

Да, это была грубая лесть.

Но ведь и обидели меня грубо.

Знаете, как хирурги оперируют большую рану?

Ее надо обложить ватой.

На следующий день мы гуляли в парке под холодным августовским небом. Симье предупредил, что его господин не ездит верхом. Однако на своих двоих принц передвигался бодро, мальчишеской прыгающей походкой. За нами брели мои лорды – одни, как Берли, были настроены одобрить и его и союз с Францией, другие, как Хаттон и Оксфорд, обиженно дулись.

При свете дня оказалось, что его кожа еще смуглее, чем

показалось вначале, нос походил на кусок крошащегося старого сыра, оспины сделались заметнее. При том, что он все время широко улыбался, ходил вприпрыжку и носил зеленый камзол, прозвище напрашивалось само собой: он будет мой Лягушонок. Однако обаяния ему было не занимать стать. Смелый мальчишка, он льстил напропалую:

– Этот высокий ло'д, смуглый, такой к'асивый, он, наверное, один из великих ге'цогов Вашего Величества? – И мой бедный робкий Кит, родившийся просто мастером Хаттоном, внезапно замечал, что «мусью», оказывается, неплохо разбирается в людях.

Он для каждого находил нужные слова:

– Вы обязательно должны отк'ыть мне секрет ваших английских ко'аблей, таких крошечных и таких непобедимых, и ваших бесст'ашных морских воителей! – с жаром обращался он к моему юному кузену Чарльзу, сыну старого лорда Говарда, верховного адмирала, столь же решительному и прямолинейному, сколь осмотрителен был отец. – Мы, французы, хорошо бьемся на суше, но не любим мочить ноги – как вам удалось вырастить ваших Д'эйка и Оукинса, которые заплывают в воды самого испанского ко'оля?

– Прямо под носом у испанцев! – фыркнул Говард. – И забирают все золото.

– Вы назвали их воителями, сударь? – торопливо вмешалась я. – Да они пираты и проходимцы! Они не получают от меня ни помощи, ни поддержки!

– Naturallement, Majestel[10] – улыбнулся он.

Милый мальчонка, у него хватило духу подмигнуть мне и указательным пальцем правой руки оттянуть нижнее веко, что издавно означает: «Неужели я так похож на простака?»

О, мой прелестный Лягушонок! Я обожала его, такого маленького и безобразного! И мне нравилось разжигать в Хаттоне ревность, а еще больше нравилось принимать поцелуи и подарки, все приятные атрибуты любовного ухаживания под носом у другого противника – у милорда Лестера. Господи, как я ликовала, когда он приблизился ко мне и с досадой попросил разрешения оставить двор!

Однако мой народ помнил сестру Марию и ее брак с испанцем, боялся кузину Марию, которая побывала за французским католиком, и отнюдь не приветствовал жениха с той стороны Ла-Манша. Сумасшедший пуританин, глупец по имени Стаббз, – проклятый нахал! – строчил против меня подстрекательские памфлеты, мне пришлось отрубить ему руку, чтоб больше не строчил. Когда кровоточащий обрубок прижигали каленым железом, он уцелевшей рукой сорвал с головы шляпу,

взмахнул ею в воздухе, крикнул:

«Боже, храни королеву!» – и только после этого лишился чувств. Разумеется, он стал народным героем, а мой маленький Лягушонок – жестоким французским тираном, из-за которого честный англичанин лишился руки, – и народная ненависть к французам, подогреваемая оголтелыми пуританами, разгоралась день ото дня.

А Робин, хоть и отсутствовал, не дремал: он нанял собственного писаку, бывшего университетского острослова из числа своих протеже, некоего Спенсера, сочинить очередной выпад против меня, «Сказку мамаши Хабберд». Чтоб ему ни дна ни покрышки! Дальше больше: его племянник, сын Марии Сидни Филипп, разразился открытым письмом против моего брака, очень пылким, но совершенно бессвязным. Борзописца Спенсера я отправила в Ирландию – это поможет начинающему стихоплету усвоить зачатки вежливости, а Сидни прогнала от двора – пусть следующий раз думает, прежде чем поучать королеву! Однако за обоими я видела руку Робина и не знала, плакать мне или смеяться.

А совет колебался, покуда все не обернулось против меня и моего Лягушонка.

– Разумеется, он знатный вельможа, французский принц, и, по его словам, любит Ваше Величество до самозабвения, – учтиво начинал честный старый Сассекс.

Уолсингем, недавно прибывший из Парижа, презрительно рассмеялся и вытащил из своей неизменной кипы бумаг свежее донесение.

– Любит? Однако на его родине мои лазутчики разыскали новое гнездо папистских гадюк» пока что, правда, только змеиную кладку – семинарию в Дуэ, где из юношей готовят священников для засылки, миссионеров-мучеников, католических шпионов и предателей, которые будут подстрекать «верующих» против Вашего Величества…

Меня бросило в пот, кровь прихлынула к щекам.

– Против… против меня?

– Против вас, против истинной веры, против нас всех!

– Однако, если это делается тайно, герцог Анжуйский вполне может ничего не знать, – тихо вставил Сесил.

Уолсингем криво ухмыльнулся:

– Тогда он просто марионетка, пешка в руках своей кровожадной мамаши, детоубийцы Екатерины, – и не пара английской королеве!

Раз, три, девять, пятнадцать…

Я чувствовала, как стынет пот у меня на лбу, считала кивки

своих советников, глядела в их непреклонные лица, и с досадой теребила зеленую бязь скатерти.

– Значит, я, единственная из женщин, должна оставаться незамужней, бездетной и мне не суждено держать в объятиях младенца, зачатого в любви и уважении? – рыдала я.

Никто не ответил. Однако, когда монсеньор пришел откланяться перед отъездом во Францию, все понимали, что он не вернется. Я надела ему на палец алмазное кольцо и в слезах поклялась, что выйду или за него, или ни за кого.

По крайней мере я сдержала обещание.

Было ли все это шарадой, разыгранной для блага Англии? Или он и впрямь был моей последней надеждой обрести любовь, потомство, женское счастье?

И то и другое.

А теперь?

Теперь мне сильно-сильно-сильно за сорок, столько же, сколько было Марии, когда та носила под сердцем смерть в тщетной попытке родить мужу сына и вернуть его любовь.

С каждым месяцем обычное женское у меня убывало, меня бросало то в жар, то в холод, чувствовалось приближение климакса и становилось ясно – мне уже не родить.

Даже эта дармоедка Мария, моя шотландская кузина, рожденная, чтобы тянуть соки из других, даже она отдала свой долг природе, у нее есть сын.

И у Дуглас.

У Леттис есть Робинова любовь, у Дуглас – ребенок, его единственное дитя, его сын, а я опять-таки бездетна.

Бездетна.

Бездетна.

Бездетна.

Лежала ли я в полусне, или то был страшный сон наяву, когда в коридоре заголосили и заколотили в дверь: «Королева! Разбудите королеву!

Скажите ей, умер лорд Лестер!»

Глава 4

Господи, за что мне такие муки?

– Как умер? Говори, болван, или ты сам умрешь!

Я держала лепечущего придурка за горло и тыкала ему в шею кинжалом – его собственным, наверное? – кровь бежала по воротнику, все вокруг замерли в безмолвном ужасе.

– Пощадите меня, мадам, – выговорил он, ни жив ни мертв со страху, – пожалейте, я ничего не знаю!.. Только то, что он был при смерти, когда мне велели во весь опор скакать к вам с вестью!

С вестью о смерти.

– Эй, седлайте! Ее Величество требует лошадей!

– Мадам, путь не близкий!

– Трогай, болван, трогай!

Меня учили, что Господь не посылает нам непосильных испытаний. Мы с моим Лягушонком не составили бы счастливой четы. Жена бы из меня не вышла, тем более – мать; не знаю, на чем основывалась вера Берли в будущего наследника, потому что жизненные соки во мне усыхали, я бы уже не смогла подарить Англии принца. А мой Анжуйский, хоть и принц, не достиг и половины моих лет – где мальчишке оценить женщину в расцвете сил?

Да, время спеть: «Прощай, любовь!»

Прощай – вот оно, то самое слово.

Прощай, любовь.

Прости, мой Лягушонок, прощай, последняя молодость. Теперь мои двадцать лет – лишь отголосок мечты. Замужество тоже; хотя те браки, что я видела – Екатерины с лордом Сеймуром, сестры Марии с королем Филиппом, отца с моими мачехами! – худшему врагу не пожелаешь такого счастья, верно?

– Что? Нет, я ничего не просила.

Стремянный, остановивший возле меня лошадь, поклонился. Это кто-то новый? Видела ли я его прежде!

– Как Ваше Величество пожелает.

– Скоро ли Уонстед?

Он наклонился, потрепал коренастую лошадку по ушам:

– Если лошади не устанут, к вечеру будем в доме милорда Лестера.

Прощай, любовь.

Прощай, замужество.

И дети, скажете вы? Да что о них?

Дети – проклятие Евы, Божья кара нашему полу за

праматерин грех, за то, что она сорвала яблоко в райском саду, – это известно каждому! Это бич женщин, и прежде всего – Тюдоров!

Мало мальчиков!

Мало живых младенцев – мы, Тюдоры, размножаемся с трудом. Даже отец, который делил трон и ложе с шестью женщинами, который выбирал лучших и спал с лучшими, даже он не преуспел, хотя усердно брался за работу с первой же брачной ночи.

А щуплая Екатерина не меньше его рвалась исполнить долг перед Богом и природой. Однако она связалась с порченой породой, что ж удивляться, если ей так и не удалось нарожать миру маленьких Тюдоров. Она старалась. Боже Праведный, как она старалась! Не было года, чтобы она не носила, и редкий год она не выкидывала ребенка. Она легко беременела, ее врачи устали считать, сколько раз в ее животе зарождалась новая жизнь, а ее тщедушная фигурка раздавалась от силы Генрихова семени.

Но была ли то жизнь?

Екатерининым уделом было медленное умирание, младенец за младенцем разлагался в ее утробе, чтобы выйти кровью и черными сгустками, или до срока выбрасывался в мир. Хуже всего были ложные надежды: доношенные младенцы, которые проживали по несколько дней, неделю, месяц, прежде чем обмануть родительские молитвы и чаяния народа и отдаться в объятия смерти.

Был даже маленький Генрих, бесценный принц Тюдор, белокурый, длинноногий, про которого повитухи говорили, что уж он-то, как пить дать, выживет. Он был самым крепким из Екатерининых детей и прожил сорок два дня.

Дольше прожила только одна дочь. Маленькая, хиленькая – все думали, что она умрет.

Однако она выжила, чтобы стать моей сестрой и грозой, моим и своим проклятием. И она тоже была бездетна.

Но сестра Мария умерла прежде любимого.

Ей не пришлось стоять у его ложа, глядеть, как его хрупкая оболочка исходит смертным потом, глядеть в его серое от боли, заострившееся лицо. Под тяжелым балдахином, в сумерках, Робин лежал, как мертвый. В комнате стоял спертый, зловонный дух, самые стены сочились потом, дом казался больным.

– Откройте окно! – закричала я, едва обрела голос. – Пошлите ко двору за моими врачами! Принесите милорду бульона или воды! Кто здесь главный?

На середину комнаты прошаркала древняя старуха, растерявшая со страху последние остатки ума. Как, это мерзкое

однозубое создание, от которого разит нужником, вот этими грязными руками ухаживает за моим лордом?

– Она говорит, что она всего лишь здешняя ключница, Ваше Величество, – сказал один из моих кавалеров. – Господин приехал неожиданно, он объезжал свои поместья, чтобы, согласно вашему приказу, не жить в одном доме с женой, и вдруг слег. Он приказал ей молчать, покуда она, в страхе за его жизнь, не послала к вам.

– Лучше было послать за священником!

Это процедил сквозь зубы кто-то в толпе.

Мои люди вперемешку с его людьми – я обернулась к ним:

– Вон! Освободите комнату! Дайте милорду вздохнуть!

– Мадам, разумнее будет…

– Миледи, позвольте я…

– Вон! Все пошли вон!

Я захлопнула дверь, обреченно припала лбом к дубовым доскам и отдалась горю. За моей спиной раздался еле слышный хриплый вздох:

– Миледи, ради Бога… не надо из-за меня плакать.

Я резко обернулась. Он лежал с открытыми, неестественно яркими глазами. Я подбежала к кровати.

– О, Робин! – с мукой выговорила я. Слова мешались со слезами. – Я этого не переживу… вы так больны… и женаты?

Он выдавил улыбку, но и губы, и голос его дрожали.

– От болезни я могу вылечиться. От второго – нет.

Я ухватилась за протянутую мне соломинку.

– А хотели бы?

Он развязался с Дуглас… Если удастся доказать, что они с Леттис…

Он хрипло хохотнул:

– Меня окрутили крепко, мадам, женили два раза кряду. Ее отец Ноллис, ваш кузен-пуританин, так мало доверял нашему первому тайному браку, что заставил повенчаться снова, в его присутствии.

Надежда умерла, а с ней – еще кусочек моего сердца. Я больно сдавила ему руку.

– Зачем вы на ней женились?

– По самой древней причине. Леди оказалась в интересном положении.

– Леттис беременна? Но…

– Она выкинула на двенадцатой неделе.

– Тогда вы могли ее бросить!

– Миледи… любовь моя…

Он зажмурил глаза, но в серебристых сумерках было видно,

что в них стоят слезы.

– Выслушайте и судите сами. Я – последняя надежда рода. Мои братья погибли. Генри, и Джон, и Гилдфорд. Амброз женился трижды, но детей у него нет, а она… (он не смеет назвать ее по имени, это хороший знак!) она… Леттис… рожает здоровых детей.

В душной комнате тихо прошелестел его вздох.

– И мне, как и всем, полюбился ее сын, маленький Робин…

– И вы решили, за неимением собственного сына, сделать его наследником?

Не тогда ли эта мысль впервые пришла мне в голову? Что я могу сделать юного Эссекса кем захочу?

Робин улыбнулся, как улыбаются на дыбе:

– Так я думал. Но единственное, что я вынес из этого брака, это знание, это непреложная истина, – он уже еле шептал, – что я – ваш, и должен быть вашим, и буду, как бы вы со мной ни поступили… и если вы прогоните меня на край света, я и там посвящу свою жизнь служению вам.

– Что, уже светает? Да, милорд спит – он выпил немного отвару и проспал всю ночь.

Доктор быстро пощупал Робину лоб. Я, шатаясь от усталости, двинулась к дверям.

– Смотрите за ним хорошенько. – В дверях я обернулась и чуть слышно выговорила:

– Доктор, он?..

Доктор улыбнулся:

– Да, мадам. Он будет жить.

Да, да, он остался жить, чтобы сносить и мою радость, и мой гнев – вполне заслуженный гнев!

Прошло немало горьких часов и немало горьких слов было сказано, прежде чем буря улеглась и между нами воцарился мир. Леттис тоже пострадала, я никогда больше не допускала ее до себя, она раз и навсегда погубила себя для двора. Разумеется, я поплатилась за это, поплатилась вспышками его ярости и еще более зловещего угрюмого молчания, когда его сердце закипало ко мне злобой! Тяжелее всего была расплата, когда он уезжал от двора к ней – и к ее сыну. Но, по крайней мере, он был со мной в восьмидесятых, когда начались заговоры.

О, все начиналось с малого – зеленые заговоры, детские заговоры, заговоры-несмышленыши. Сомнительный молодой человек здесь, подозрительная личность там. Но враги мои множились, набирали силы, и прежде чем нынешней Беллоной сразиться с Испанией на море, мне пришлось воевать с внутренним врагом на суше, в самом сердце моего королевства.

– Это тот человек, мадам.

Я никогда не любила Дарем-хауз в излучине набережной, где река поворачивает и волны выбрасывают на берег дохлых собак, которые потом разлагаются на берегу, где всегда, даже в августе, пахнет сырой затхлостью. Я беспокойно огляделась в полумраке. Они что, не видят, полночь ведь! Почему не принесли еще свечей?

И сразу пришел ответ; «Потому что они не хотят видеть, что делают». Меня неудержимо затрясло, когда дверь распахнулась и солдаты не то втолкнули, не то втащили человека, который вез по полу ногами.

Столько людей на одну беспомощную жертву?

Он не мог ни стоять, ни, когда ему грубо втолкнули меж вывернутых ног табурет, толком сидеть. Плечи казались неестественно широкими, потому что вывернутые из суставов руки висели под жуткими углами. Он молитвенно сложил ладони, и я увидела кровавые лунки на месте вырванных ногтей. Поднятое кверху изможденное лицо поблескивало в полумраке нездешней серостью, это был человек по ту сторону земных страданий, уже почти не жилец. Мужчины за моей спиной возбужденно переминались с ноги на ногу и глухо ворчали, словно свора гончих. Я плотнее закуталась в шарф и обернулась к Хаттону:

– Кит, я знаю этого человека.

Мальчиком в длинном небесно-синем балахоне и желтых чулках он приветствовал Марию при въезде в Лондон – и отчасти меня, потому что я ехала за ней следом. Тринадцать лет спустя я слушала его в Оксфордском университете, когда останавливалась там проездом.

Тогда Берли назвал его бесценным сокровищем страны, а Берли, покровительствовавший другому колледжу, в Фенсе, Оксфорд недолюбливал и зря бы хвалить не стал.

– Вы его знаете? Куда вам тут до меня. Ваше Величество!

Огромный мосластый детина в шерстяной рубахе отделился от стоящих в темноте товарищей и неумело поклонился.

– Уж я-то его знаю, – он грязно ухмыльнулся, – как говорят, изнутри, каждую косточку…

У меня все внутри перевернулось.

Кто этот скот?

– Помолчи, Топклифф!

Уолсингем уже подскочил ко мне:

– Мадам, извините своего главного палача, он забылся в своем рвении. А мы заполучили достойную добычу – вот почему ваши лорды сочли уместным привести вас сюда – попа-предателя Кэмпиона!

Все это время несчастный сидел на табурете совершенно спокойно, будто у себя дома. Я не выдержала.

– Фрэнсис, это не предатель, это поэт, латинист, университетский ученый!

– Одумайтесь, госпожа! – Уолсингем бросил на Кэмпиона полный жгучей ненависти взгляд. – Этот человек прибыл из Дуэ, тайком проник на вашу землю, снюхался с затаившимися папистами, утешал ваших врагов и разжигал в них надежду на воцарение королевы Шотландской. Чем больше одарил его Бог для служения этой стране, тем больше его предательство! – Он повернулся к заключенному:

– И смертью великих предателей ты умрешь!

Кэмпион с трудом мотнул головой:

– Сэр, не тратьте понапрасну угрозы. Смерти, которой вы меня пугаете, я ищу с детства.

Его спокойствие задело Уолсингема больше, чем его слова.

– И ради чего, презренный? – заорал он. – Скажи ее милости, ради чего?

Несчастный улыбнулся так ласково, что я поневоле отвела глаза.

– Ради Господа моего и Небесного Владыки, сладчайшего Иисуса Христа, Которого я не предал. Которого чаю вскоре увидеть лицом к лицу и с Которым уповаю пребывать в жизни вечной.

Я с жаром подалась вперед:

– Вы исповедуете Христа?

Кэмпион мучительно склонил голову:

– Он – Сын Божий.

– Вы исповедуете, что Христос – един и Бог – един, а все остальное – чепуха?

Опять блаженная улыбка.

– Клянусь, мадам, в это я верю.

– А учили ли вы, что королева Шотландская должна править здесь вместо меня?

Его глаза одни и остались незатронуты страданиями, чистые, как у ребенка.

– Клянусь, мадам, нет.

Я лихорадочно шарила взглядом среди придворных, ища в темноте этого великого законника, сэра Николаев Бэкона. Где он?

– Лорд-хранитель печати, разве это преступление? Разве за это казнят?

Бэкон тяжело переступил с ноги на ногу и приготовился говорить. Но его упредили.

– Ваше Величество… если позволите.

Я поначалу не заметила среди стоящих за Уолсингемом и Топклиффом этого человека.

Он был ниже Уолсингема, бледнее, словно всю жизнь провел под землей и вышел оттуда с почерневшими, неумолимыми глазами. Он подошел ближе, взял со стола свечу и поднес ее к самому лицу Кэмпиона. Голос его был очень тих.

– Ваш Папа Римский в последней булле объявил нашу королеву незаконнорожденной еретичкой и мнимой королевой Англии. Он запретил повиноваться ей под угрозой отлучения, а кто не исполнит, будет вместе с ней ввержен во тьму кромешную. Не морочь нас ссылками на нашего Господа и Его Святое Имя! Признаешь ли ты папскую прокламацию или нет?

Голубые глаза вспыхнули ярче.

– Я признаю мою королеву и не таю против нее никакого зла.

Маленький следователь ухмыльнулся.

– Увиливай, иезуит, хоть до Судного Дня! – сказал он вкрадчиво. – Только ответь мне на это: отрекаешься ли ты от Папы, который есть сатана, и от всех дел его?

Никакого ответа.

Голос следователя стал ласковым, почти нежным.

– Если Папа пошлет войско против нашей королевы, кому ты будешь повиноваться? Кому служить?

Теперь был черед Кэмпиона криво усмехнуться.

– «Кровавый вопрос», сэр? В Дуэ нас об этом предупреждали.

Я видела ловушку, видел и Кэмпион, ведь он был умнее нас всех, вместе взятых. Он ступил в нее с открытыми глазами, сознавая, что делает.

– Господу моему я повинуюсь и Ему буду служить.

Следователь почуял кровь.

– И ты веришь, что наместник Божий на земле не наша королева, а Папа!

– Да, верю, – склонил голову Кэмпион.

Наклонившись почти вплотную к его лицу, следователь прошипел:

– Папа! Ты служишь Папе!

Я больше не могла этого выносить.

– Зачем проделывать окна в людских душах?

Берли, старый, утомленный, покачал головой:

– Закон судит поступки, мадам, а не мысли. Этот человек подрывал ваше законное правление, соблазнял ваш народ. Вам его не спасти.

Это измена, мадам.

После дыбы его вывернутые руки болтались на порванных связках, на суде другому священнику пришлось поднимать его

руку и класть на Библию для присяги.

Однако они ехали и ехали.

Они ехали, хотя об участи Кэмпиона говорила вся Европа. Они пели псалмы, когда их вели к Топклиффу, пытались шутить с палачами, шли на плаху, как на свадьбу, и в минуту величайших мучений шептали: «Господи, возрадуйся со мной, даруй мне быть достойным страданий, принимаемых во Имя Твое».

– Ради Бога и всех Его святых, – в ярости рыдала я, обращаясь к моим лордам, – зачем мы убиваем таких людей? Они – сокровище Англии! Если бы они были на нашей стороне!

– Мадам, этому не бывать, покуда в Риме правит ваш враг-дьявол. – Сассекс выглядел усталым, еще более усталым, чем Берли. – В Дуэ, в семинарии, где готовят этих странствующих, воинствующих попов, творится что-то немыслимое. Говорят, юные ученики спят на кроватях, сделанных в форме дыбы, по стенам их комнат нарисованы «испанский сапог», «железная дева» и все орудия пыток в натуральную величину – так их готовят к будущей участи!

И они молятся за то, чтобы умереть мученической смертью за правое дело. – Он тряхнул седой головой. – Я думал, старая вера умрет вместе с вашей сестрою… или со старыми дураками вроде меня. И вот я дожил до того, что вижу новую жизнь, новое рождение этого чудовищного заблуждения, этого великого зла, которое зовется Святой Римской Церковью!

– Вспомните Марию! Нельзя создавать мучеников по ее примеру!

Уолсингем презрительно хохотнул. Господи, как он раздражал меня в эти дни!

– Госпожа, когда сотни молодых людей в Дуэ готовы ехать к нам и молятся о мученической смерти, выбирать не приходится!

Так что охота продолжалась.

А они все ехали.

Глава 5

Они ехали, ехали, а мы не могли их остановить.

И они принимали мученическую смерть, эти счастливые молодые люди.

Ни одного из них не уличили в заговоре против моей жизни. Однако, покуда Мария всеми силами восстанавливала против меня моих католиков, их нельзя было щадить. Она постоянно мечтала об иноземном вторжении – французском ли, испанском ли, папском, да хоть черта лысого, лишь бы сбросить меня с трона.

После более чем десятилетнего заточения она рвалась получить обратно свой трон, да и мой в придачу, в виде процентов за ожидание.

Она – на моем троне, на троне моего отца?

Пустая кровожадная потаскуха, ошалевшая от любви к себе, как и все ее гнилые товарки!

И пусть весь мир и даже ее собственный сын (которого воспитали в соответствующем духе) знают, что она распутница и мужеубийца!

И хуже того – потому что за королевами подобное водилось, что не мешало им усидеть на троне, – весь мир знает: она – нерасчетливая дура, которая думает исключительно тем местом, откуда растут ее длинные ноги, и, словно помоечная кошка, не упускает ни одного случая удовлетворить свой зуд.

Однако, сколько я ни уворачивалась от ее безумных коленец, как ни ускользала из паутины, что плела она в заточении день и ночь, мне было никуда от нее не деться – от нее и от кровавой бани, которую она все-таки нам устроила.

Уолсингем видел это с самого начала.

– Двум королевам в одном королевстве не бывать. Ваше Величество не будет знать покоя, покуда жива королева Шотландская. Вспомните герцога Норфолка! Она найдет других, кто станет ее орудием! Она снова попытается отнять у вас жизнь и трон! Попомните мои слова!

Его напор выводил меня из себя.

– Докажите! – орала я.

– И докажу, мадам.

Через месяц у него все было готово.

– Новый человек в замке, который втерся в доверие к королеве, пивовар из соседней деревни, делающий бочки с пустыми затычками, двойной агент во французском посольстве, что получает письма от Папы, – короче, вот весь механизм тайной

переписки. Я уверен, шотландская королева себя выдаст. Остается ждать.

Ждать.

Хуже нет.

Господи, как мне было плохо! Все католические государства объединились в ее поддержку, обложили нас со всех сторон. Один Бог знает, как боялась я по ночам, бессонными часами, самыми страшными в моей жизни. Я не напрасно опасалась уязвимости наших западных рубежей: эти вероломные ирландцы, чтоб им заживо сгнить, впустили набранные в Испании папистские войска, и нам лишь ценою огромных усилий удалось отразить нападение.

В Шотландии Мариины французские дядья, Гизы, охмуряли ее сына, малолетнего короля Якова – сколько ему, почти двадцать? Не такой и малолетка, и Бог весть, долго ли еще можно полагаться на этого шотландского юнца. А тем временем по ту сторону Ла-Манша привычного дьявола Альбу сменил новый, злейший – единокровный брат Филиппа, ублюдок дон Хуан.

Бастард по рождению и по природе, кровавый ублюдок, как мы вскорости убедились. Нам пришлось послать одного из ближайших помощников Уолсингема, надежного Дэвисона, с золотом, чтобы ободрить и вместе с тем припугнуть добрых голландских бюргеров, стонущих под пятой испанца. Однако Мария ловко переманила его на свою сторону, как узнали мы из первого же перехваченного Уолсингемом письма. «Обнимаю Вас, – писала она, – и молю Бога приблизить день, когда смогу в качестве английской королевы приветствовать вас в Англии!»

– Измена! – кричали Уолсингем и Робин.

– Для суда мало, – убивались Бэкон и Берли. – Поскольку вы бездетны, она может подразумевать свое возможное право унаследовать ваш трон.

– Кит, вы – судейский! – взывала я к Хаттону. – Помогите мне!

Он покачал головой:

– Увы, теперь я только танцор Вашего Величества. Однако можно испросить мнение Коллегии.

– Так испросите!

Испросил. И все согласились с лордом-хранителем печати – «недостаточно измены».

В ту ночь я снова рыдала в оконной нише, выла на луну. Черт побери Марию, лопни ее глаза! Проклятье ее цветисто-уклончивым фразам, тому хитроумию, с которым она, желая меня свергнуть, никогда не высказывается напрямик!

Однако, если…

Если мы поймаем ее с поличным, уличим в заговоре против моей жизни, докажем, что ее перо обагрено моей кровью, – что тогда?

Я не смогу ее казнить.

Потому что я видела то, чего не видели другие, – Мария должна жить. Покуда она жива, можно не бояться Филиппа, он не станет свергать меня ради Марии, всей душой тяготеющей к враждебной ему Франции. Однако я не обольщалась касательно его чувств к Англии, понимала – он спит и видит нас покоренными.

Он прислал нового посла, дона Бернардино де Мендосу, известить о перемене в своем настроении. Я возненавидела его с первого взгляда – от пульсирующей жилки на виске до черных каблуков его кордовской кожи башмаков.

О, как намеренно холоден был его поклон!

– Ваше Светлейшее Величество, мой великий король просит меня приветствовать в вашем лице его любезнейшую младшую сестру.

Ха! Вот он теперь как, короткозадый пеликан!

– И доводит до вашего сведения два своих желания, в коих рассчитывает на ваше содействие. Он желал бы возвращения истинной римской веры по всему миру, и прежде всего – в его собственных владениях! А также требует, чтобы прекратились бесчинства ваших каперов на Испанском материке.

Я слушала его в аудиенц-зале и обмахивалась веером, дабы остудить расходившиеся нервы. Под корсажем, расшитым оправленными в серебро сапфирами и бирюзой, бешено колотилось сердце, под модным головным убором лихорадочно работал мозг.

В его собственных владениях – то есть в Нидерландах, которые все сильнее волнуются под его жестокой и отдаленной державой, и где ни Альба, ни дон Хуан, ни кто другой не может сдержать наступление Реформации.

Однако мои каперы?

– Кто нападает на испанские галионы, дон Мендоса, кто с моего ведома грабит сокровища вашего повелителя? Это джентльмены удачи, пираты, голодранцы, отребье! – подавшись вперед, выпалила я ему в лицо. Господи, как густо напомажены его волосы, воняет, словно папистским ладаном, на щуплой груди папистский крест в полфута длиной. Я постучала веером по инкрустированному каменьями распятию. – Мы не поддерживаем их, правда, Берли?

Берли сплел длинные пальцы, словно его возмутило самое предположение.

– Конечно не поддерживаем! – с жаром вскричал он. – Мы чтим международные законы и здесь, и в международных водах.

Я хихикнула про себя. Это верно, по крайней мере в отношении Берли, самого законопослушного из людей. Однако я уже некоторое время втайне от него приглядывала за своими купцами, мало того, запускала палец, если не руку, во все ими добытое. Когда Робин убедил меня вложить средства в этих энтузиастов из западных графств – Хоукинса и иже с ним, – я и не знала, какую получу выгоду. Но их набеги на корабли, везущие Филиппу добытое в Вест-Индии серебро, оказались вернейшим способом ослабить его и обогатить меня.

Однако я, разумеется, поддакивала Берли, ну, просто сама невинность.

– Нет, нет, мы ничего не знаем, – с праведным гневом уверяла я.

– Как Вашему Величеству угодно!

Само собой, Мендоса, уходивший шипя от ярости и распространяя вокруг запах желчи, мне не поверил. Но что ему было делать – назвать королеву Англии лгуньей? И вот поди ж ты, солги – кому бы в эту самую минуту войти в лондонские воды, как не этому разбойнику Фрэнсису Дрейку!

Дрейк! Знаю, когда станут описывать мое царствование, его назовут в числе моих величайших героев. А кто вспомнит моего доброго седобородого Сассекса и моего лорда-хранителя печати, толстого Ника Бэкона, тех, кто служил мне денно и нощно со дня моего восшествия, четверть столетия, и, к моей величайшей скорби, умерших той осенью? На меня наседали, чтобы я назначила преемника Бэкону, и, внимательно осмотревшись, я остановила выбор на верном сэре Джоне Пакеринге. Но Дрейк? Я его почти и не знала. Он был полезен, и все.

– Мадам, «Лань», «Лань»! «Золотая Лань» стоит в лондонском порту!

Лондон обезумел от радости, подмастерья улизнули с работы, женщины и дети, вельможи и купцы – все бежали в доки смотреть на героев, смотреть на чудо.

– Дрейк? После стольких лет? Черт возьми! – осадила я Робина, когда тот принес новость. – Его так долго не было, что я и позабыла про его существование!

Когда он покидал Англию, я еще и не видела свою последнюю любовь, монсеньера, и считала, что Робин мне верен…

Довольно! В том месяце предстояло справлять мой день рожденья. Дева снова восходила, Робин был со мной, я и без Дрейка считала это подарком.

Робин улыбнулся:

– Ваши слуги вас любят. Сойдя на берег, он первым делом спросил: «Как королева?» И он умоляет вас посетить его корабль и выбрать из добычи, чего ваша душа пожелает, – он говорит, что привез баснословные сокровища.

Баснословные? Вернее будет сказать, сказочные!

Когда я взошла на его кораблик, он преклонил колена, маленький, румяный, широкоплечий, с глазами, как далекий окоем. По обе стороны меня приветствовали открытые зевы сундуков с серебром, золотом и самоцветами. Я запрокинула голову и втянула соленый воздух.

«Благодарение Богу!»

Дрейк вскочил на ноги и, словно фокусник, принялся извлекать сокровища.

– Смотрите, Ваше Величество! Золотые и серебряные монеты без счета! Золото и серебро в слитках, кроны и полумесяцы, ангелы-нобли и эскудо. Вот, гляньте! – Он играючи запустил руки по локоть в сверкающие цацки. – Ожерелье из алмазов чистой воды? Нет, слишком бедно для королевы… Может быть, оплечье из желтых алмазов и красных рубинов в виде цветов жимолости? – Еще одна безделушка сверкнула в воздухе, короткие заскорузлые пальцы ухватили ее, как рыбешку – чайка. Это был кораблик из изумрудов, с парусами-жемчужинами, плывущий по сапфировому морю. – Вам нравится, госпожа?

Я с трудом выговорила:

– Мне… нравится.

Его обветренное лицо расплылось в улыбке.

– Тогда я смею надеяться, что мой скромный дар обретет в ваших очах расположение!

Он поклонился и хлопнул в ладоши. Тут же подскочил крохотный мичман с обшитой бахромой подушкой чуть не больше себя ростом – на ней лежала корона чистого золота, украшенная изумрудами, из которых самый маленький был больше моего мизинца.

Я окончательно онемела. Однако к тому времени, когда Дрейк прибыл в Гринвич с другими безделицами вроде алмазного креста, серебряной с золотом шкатулки, кушака из черных рубинов и тройной нити жемчуга, я уже обрела дар речи.

– Правда ли, сэр, что вы обогнули земной шар? Совершили кругосветное путешествие?

Никогда не слышала я такой гордости, как в голосе этого кривоногого коротышки.

– Мадам, во имя Вашего Величества и во имя Англии мы это совершили. И, благодарение Богу, первые в мире!

А теперь при мне был не только мой голос, но и

церемониальный меч.

– Встаньте, сэр Фрэнсис Дрейк, наш новопосвященный и возлюбленный рыцарь…

– У него столько серебряных слитков?!

Столько золота?! Полтора миллиона дукатов?

Это разбой, пиратство, грабеж! – вопили Берли и Мендоса.

– Это честно добытые трофеи, закон океана, добыча! – возмущались Робин и Уолсингем.

– Мы должны ее вернуть! – кричал Берли, дай ему Бог здоровья.

– Никогда! – рычал Робин, и я еще искренней пожелала здоровья ему.

И все это время Мендоса обивал мои пороги, настаивая на аудиенции, чтобы потребовать назад сокровища своего повелителя, а я отговаривалась тем, что больна, что лежу в постели, что у меня болят зубы – последнее, по крайней мере, было правдой.

А тайком я послала сказать Дрейку, Хоукинсу и другим моим мореплавателям: «Продолжайте свое доброе начинание! Грабьте испанские галионы, пусть их король нищает, а я – богатею!»

Однако нельзя было бесконечно отказывать Мендосе в аудиенции, как ни страшилась я его заранее известных мне слов.

Впрочем, когда он их произнес, я постаралась заткнуть уши.

– Значит, мадам, вы не хотите прислушаться к пожеланиям моего владыки, всемогущего короля Испанского, от имени которого я говорю? Что ж, посмотрим, прислушаетесь ли вы к голосу наших пушек, что разнесут вашу маленькую Англию на тысячу кусочков и рассеют их по всему нашему прекрасному земному шару!

Тогда ли я впервые поняла? Поняла, что будет война? Я слышала это в его голосе, читала в его глазах, глазах Филиппа.

Так что радость от великой победы Дрейка омрачили растущие страхи – теперь и мы, как мужественные маленькие Нидерланды, жили под тенью львиной пяты.

Медленно подкрадывался Великий пост; в тот год вредные поверья грянули необычно рано: для мертвецов еще не приготовили ям с негашеной известью; мяса нельзя, невкусная рыба, сухие коренья, старые яблоки, сморщенные, как кожа у моих глаз, и пустые внутри, как мое сердце; третье воскресенье перед постом, второе, масленица отмечали скорбный путь к Пепельной среде[11]. Тем мартовским утром я в окаменелом бесчувствии несла пепел своих надежд в Вестминстерское аббатство сквозь пепельно-серый от непрекращающейся мороси день. Даже церковь Святой Маргариты, которую я всегда любила

и чьи серые камни были уже стары, когда аббатство переживало свою первую молодость, не могла снять с моих плеч покров смертельного страха.

В зябком пространстве церкви голос проповедника доносился словно из адской бездны:

«Обратитесь ко Мне всем сердцем своим в посте, плаче и рыдании. Раздирайте сердца ваши…

…Пощади, Господи, народ Твой, не предай наследия Твоего на поругание, чтобы не издевались над ним народы; для чего будут говорить между народами: где Бог их?»[12].

На поругание народам…

На поругание Филиппу?

Паписты окружили нас, предатели подкапываются под нас.

Дождь барабанил по крыше, словно беспокойные Божьи пальцы. Я знала, что сегодня еще двум священникам из Дуэ суждено предстать перед своим Создателем, палачи-живодеры уже точат свои ножи. Душа моя возмущалась при мысли о чудовищной казни. Но нельзя же отдавать им свою страну! В Испании Филиппова инквизиция по его приказу жжет на костре любого чужестранца, даже не еретика, если тот на улице не преклонил колена перед Святыми Дарами. У нас в Англии можно проспать всю службу, и никто не полезет тебе в душу с расспросами.

– Прах их всех побери! – в сердцах вскричала я, когда служба окончилась, не принеся мне душевного покоя. Впереди – долгий пост, а за ним еще более долгие лето, осень, зима.

Моя притихшая свита тянулась из церковных дверей, возле которых, как всегда, толпились слепые, прокаженные, увечные, умалишенные со своими плачевными, жуткими язвами. Господи, почему созданное Тобою так безобразно и гнусно? Или это цена, которую мы продолжаем платить за великий грех в Саду, грех праматери Евы?

Мерзкий ливень оставил по всему двору церкви Святой Маргариты лужи стоячей воды.

Бледное солнце серебрило неприглядную картину, которую я озирала с порога, и особенно грязь, скопившуюся там, где я собиралась пройти.

– Ваше Величество, позвольте мне.

Я резко вздрогнула. Этого мягкого девонского выговора я не слышала со смерти моей милой Кэт.

Кто это?

Голубые глаза обычно бывают серовато-зеленоватые, или бледно-бирюзовые, или цвета неба после дождя. Эти же были синие-прссиние, как августовские васильки, только не такие

невинные: глаза мужчины, который смотрит на женщин и находит в этом зрелище удовольствие.

Лайковые сапожки, рост добрых шесть футов, лет, с виду, двадцать шесть, не больше.

Кудри и ухоженная бородка необычно темные для ярко-синих глаз и матовой бледной кожи.

Камзол голубовато-зеленый, цвета можжевельника. Плащ, подбитый плюшем, богато расшит стеклярусом и миланским шнуром. И при этом во всем облике что-то от голодранца, оборванца, забияки; может быть, это воскресное платье – его единственная приличная одежда?

Раздвинув толпу, он сдернул плащ с великолепных плеч и с размаху – какой жест! – больше я такого не увижу – швырнул мне под ноги. Словно парящий орел, плащ медленно опустился на самую большую лужу, как раз там, где мне предстояло ступить. Незнакомец сорвал шляпу, спутанные кудри рассыпались по лицу. Поклон был изящнее и ниже, чем у вельможного француза Симье, а уж тигриная грация – и говорить нечего.

– Вашего Величества преданный слуга до последнего вздоха.

И он исчез, оставив в воздухе отголосок тягучего, картавого девонского говорка. Я обернулась к своим людям:

– Пусть мне сейчас же скажут, кто это!

Глава 6

Что есть любовь, молю, скажите мне?
Колодец потайной, где в глубине
Восторг и сокрушенье спят на дне.
Набат, гремящий в гулкой тишине
О безднах ада, райской вышине, –
И это все любовь, сказали мне.

– Он из западных краев, мадам, – сказал Берли, провожая взглядом удаляющуюся фигуру. – Родич сэра Хэмфри Гилберта, что водил ваши полки в Ирландию. Стишки пописывает, но, говорят, вояка неплохой. Звать Рели.

– Позвать сюда!

– Наглый выскочка! – буркнул у меня за спиной Хаттон. – Конечно, он это нарочно придумал – швырнуть в грязь такой чудесный плащик.

Робин, по другую руку от меня, недовольно рассмеялся:

– Ручаюсь, ваш посыльный недолго пробегает – сами увидите. Ваше Величество, он недалеко ушел.

Племянник Робина, бледный юный Филипп Сидни, глядел Робину в рот, словно услышал тонкую остроту. Я ждала беглеца. Что правда, то правда, мой посыльный в два счета привел его обратно.

– Так значит, Рели? – я рассмеялась в ревнивые лица своих спутников. – Ну, сэр, я только что выслушала о вас самые нелестные реляции!

Нимало не смущенный, он засмеялся, показывая крепкие белые зубы.

– Однако я хорошо служил вам в Ирландии и послужу еще, гораздо лучше – такой владычице!

Опять картавит, мягко и сильно.

– У вас особый выговор, сэр.

Он гордо вскинул голову:

– Я говорю на родном языке, мадам. Моя мать – урожденная Чампернаун, из западных краев.

– Чампернаун? И моя старая наставница, Кэт…

– Была сестра моей матушки.

О, милая, милая Кэт.

Чуть дрожа, я взглянула в дерзкие синие очи:

– Чтобы служить мне, вам, сэр, понадобится новый плащ.

– Будь я хоть нищий оборванец, я буду служить вам до

последнего издыхания!

Я опять засмеялась:

– Неужели? Тогда приходите ко мне завтра.

Могла ли я быть благосклоннее?

Но каков наглец! Он не пришел, а прислал подарок, золотой полумесяц, усыпанный мелким жемчугом. При подарке был стишок, рифмованный вопрос «Что есть любовь?», и письмо.

«Не могу прибыть по Вашему велению, светлая луна, и не дерзнет смиренная моя звезда вступить в столь высокие сферы, доколе не будет готов заказанный мною новый плащ: стыжусь явиться пред богиней, пред нашей Дианой в чем-либо недостойном лобзания нежных ее лучей».

Мне понравилось.

Я решила приблизить его.

И когда он наконец соизволил явиться, его ждала щедрая награда – довольно, чтоб оплачивать трех портных в течение года.

А они все ехали, миссионеры, мученики, радостные, отважные, навстречу нашей ужасной жестокости – и наша жестокость становилась все ужаснее, а они все ехали.

И Мария все плела бесконечную паутину, писала бесконечные письма, протягивала нити от испанского наместника дона Хуана к своим родичам Гизам во Францию и Шотландию, от них к Ватикану и вновь в Испанию. Во тьме, бесшумно и незримо, словно Пенелопа, мы распускали пряжу предательства, нить за нитью… а она все пряла, день за днем.

А Филипп все сидел пауком в Испании, все вымышлял и вымаливал, как бы ему раз и навсегда подчинить испанскому господству Нидерланды и, заодно, Англию.

И все три нити свивали в одну три Серые Пряхи, три древние Судьбы, прядущие пряжу рока.

– Мадам, шкатулка – мастер Рели оставил.

Душистый сандал, и вырезано «ER?»! Прелесть!

А что внутри?

Сей взор, что манит руки всех сердец,
Рука, что манит сердце в каждом взоре,
Рука и взор, ум и небесный гений
Владычицы моей превыше восхвалений.

– Верни его! Бегом!

– Мадам, он недалеко!

Рели первый из моих фаворитов любил меня истинно поэтично – да, в чудесных стихах. О, другие тоже умели закрутить катрен и сообразить сонет, любой недоучка, даже многие

женщины. Но овладеть словами, чтобы они летели к моему сердцу, как поцелуи, порхали вокруг, словно купидончики, скакали и ластились, умел только мой Рели.

И не в последнюю очередь за это к нему и ревновали.

– Лауреат Вашего Величества! – ехидно величал его Робин. – Если вам угодна истинная поэзия, миледи, позвольте рекомендовать вам моего племянника, чей редкий дар…

– Что, мальчика Филиппа? Нет, Робин, не позволяю!

– И это – поэзия? – фыркнул красный от злости Хаттон, сгребая сегодняшнее подношение. С издевкой он прочел второй станс:

Взор испытует чистоту сердец,
Рука сердца светлейшие пленяет…

– Довольно! – оборвала я, награждая его самым нелюбезным взглядом. Эти строки я уже выучила наизусть и ни в какой критике не нуждалась, коль скоро мне самой нравится – а мне нравилось, особенно заключительное:

Небесная с небес небесною хранима властью,
О, дай тебе служить хоть бессловесной страстью.

Да! В эти новые трудные времена мне нужны были новые служители! Нидерланды стенали под свирепым испанским гнетом, и в роковой час миру явился муж.

Муж Судьбы: Вильгельм Молчаливый звали его. «Человек столь непреклонный, мадам, что скорее откроет шлюзы и затопит страну, нежели отдаст ее на попрание пестрым испанским каблукам! – восхищался Берли. – Ему нужна помощь: мы малы, но Штаты, как они себя называют, еще меньше… Впрочем…»

Вы уже знаете, что я отвечала, что я твердила своим лордам, так что уже и преданнейших тошнило от вечного припева…

Деньги! Деньги! Деньги!

Где люди и деньги?

Не хватает!

Всегда не хватает людей и денег!

Но мы должны отвратить сонмища мидян[13] от наших врат! Если позволить Испании безнаказанно свирепствовать в Нидерландах, то близок и наш час.

– Благодарение Богу, у вас надежный флот, мадам, – мрачно промолвил Рели, теребя бородку. Твердый, синий, требовательный взгляд. – Но нужно строить еще корабли…

– Будет война, мадам, – сказал Робин, устало потирая лоб. – Нужно создавать армию.

Деньги, Боже мой!

Amor et pecunia… любовь и деньги…

«Любовь спит с деньгами», – сказал Марциал, и сказал верно – где одни, там и другая, водой не разольешь. Рели завоевал мою любовь, когда на деньги, дар любви, построил не городской дом для себя, а морской дворец, не модную одежду завел, а вооруженную четырехмачтовую шхуну. Он назвал ее «Ковчег Рели», а потом, в час моей нужды, подарил мне – поистине королевский дар – и дал новое имя «Ковчег королевы».

Робин отбивался другим оружием, словами, как Рели, но не своими: он нанял актеров, назвал их «труппой лорда Лестера» и велел разыгрывать всякие милые пустячки и дурачества, чтобы хоть ненадолго отвлечь меня от бремени растущих забот.

И за это я его снова полюбила.

А Рели, любила я его, спросите?

Конечно, он мне нравился. Пусть ему не было тридцати, а я содрогалась под тяжестью полустолетия – что с того? Пусть он обхаживал меня за деньги, а не только за красивые глаза – что с того? Все такие!

Даже Робин? Если честно?

Даже он.

А мой Уолтер, моя живая вода, моя aqua vitae?

Гладкие щеки и кудрявая бородка, твердые руки, заливистый смех, неутомимые ноги.

И ничего общего с моим отцом!

Однако государственные заботы подтачивали мои силы. А покуда я просиживала за полночь со стариками и писарями, юные играли и плясали, как им и надлежит.

Как-то этим летом я поздно вышла в присутствие.

– Пусть веселятся! – велела я лорду-гофмейстеру, занимая место на возвышении. Виолы вздохнули, лютни заплакали, танцы возобновились. Послышался девичий смех, блеснул голубой с золотом наряд, тоненькая стройная фигура вступила в круг. Золотые волосы, черные глаза, смелый взгляд – Пенелопа Деверe, одна из дочерей графа Эссекса, погибшего за меня в Ирландии. В брачной поре, подумала я тогда – теперь, судя по ее виду, в пору плакать! Ее брат, молодой Эссекс, на попечении Берли – а кто отвечает за сестер?

– Где граф Хантингдон?

– Здесь, ваша милость!

– Хантингдон, старый друг!

Улыбка верного и скромного служаки. Я указала на Девере:

– Ваша воспитанница до сих пор не замужем. Кто-нибудь просил ее руки?

Он с печальной усмешкой кивнул в дальний конец зала. Там в углу щуплый одинокий юноша в глубокой задумчивости следил за кружащимися в ярком свете парами.

– Сэр Филипп Сидни пылко ухаживает за ней и воспевает в стихах. Но она над ним смеется.

Да, конечно… маленький, бледный, весь рябой… хуже того, лишен единственного, что сполна возместило бы любые недостатки.

– У него нет денег!

Хантингдон вздохнул:

– Истинная правда, мадам. Также ее домогается лорд Рич…

– Богатый лорд Рич?

Он хмыкнул:

– Очень богатый лорд Рич.

Я призадумалась. Рич. Да, я его знаю – сын, нет, конечно, внук того Рича, что в моем беспомощном девичестве всячески помогал ненавистному Паджету в стремлении меня уничтожить и собственными голыми руками пытал Анну Эскью. Нынешний лорд в этом неповинен, но рассудил заблага жить потихоньку, не высовываться, приберегать денежки.

– Подходящая пара. Она его любит?

Хантингдон чуть вздохнул:

– Увы, нет.

– Неважно. – Я приняла решение. – Так и будет. Рич ее получит. А я подумаю о младшей.

Я действительно собиралась о ней позаботиться. Но если я думала пристроить этих своевольных девиц и ради блага Филиппа спасти его от старшей, как же я просчиталась! Сидни все так же как по бессердечной Пенелопе, она оказалась недостойной женою Ричу, Доротея сбежала с каким-то глупым рыцарем, а тут еще дочь Уолсингема вбила себе в голову, что выйдет за Сидни или умрет.

– Хватит! – кричала я. – Этого не будет.

Но Уолсингем ради любимой дочки был согласен на все – не могла же я запретить отцу пристроить дитя. Я вообще была не в лучшем расположении духа: как раз обнаружилось, что лорд Оксфорд, лучший мой танцор, нарушил брачные клятвы, изменил жене, дочери моего доброго Берли, с молоденькой девочкой, только что из пеленок! Хуже того, любовницей была Анна Вавасур, одна из моих фрейлин, то есть я за нее отвечала, а ублюдочек был уже на подходе. Кузен и покровитель Вавасур вызвал Оксфорда на дуэль, они дрались, все их приближенные

тоже, несколько человек были убиты…

– Проклятие! – гремела я в ярости. – Всех в Тауэр!

Ужели весь мир помешался, кроме меня?

Как я благодарила Бога за моего Рели, он хранил верность, он не смотрел на этих шлюшек, вся его любовь, до последней капли, принадлежала мне одной.

Ну и пусть весь мир смеется в кулак, что, мол, старуха увлеклась молодым красавчиком, – возле этого светлого костра я грелась в сгущающейся тьме.

Ирландия снова восстала – Ирландия! Всегда Ирландия! – и с Рели пришлось расстаться, послать его с армией прикрыть, как он выразился, «нашу заднюю дверь». А Испания ломилась в переднюю: опять, как в те времена, когда грозил брак Норфолка и Марии, свечи у нас выгорали до повечников; только теперь нам грозили легионы у самых врат. Но им еще предстояло пересечь светлое кольцо воды, наш ров, канал, первую, последнюю и лучшую нашу оборону.

– В каком состоянии флот? Нужно провести опись! Кому бы это поручить?

Берли поклонился:

– С вашего дозволения, мадам, у меня есть тот, кто вам нужен. Мой сын Роберт оставил университет и жаждет вам послужить. Не угодно ли испытать его на этом поприще? Ручаюсь, он будет верным слугой, – но об этом лишь вам судить.

Я распрямила ноющую шею и уставилась на Берли. Роберт? Горбатый калека у меня на службе? Я с изумлением наблюдала, какой гордостью озарилось лицо Берли. Поистине, поразительна отцовская любовь! Но, рассуждала я, если Берли без колебаний ставит на сына свою репутацию, наверное, юноша того стоит. Я потрепала старика по руке.

– Пусть придет ко мне – немедленно!

Немедленно?

Нет, ему пришлось прийти гораздо быстрее!

Пока мы с Берли сидели в печальных сгущающихся сумерках, мне почудилось, что мое ухо уловило… кажется, я услышала…

Звук, от которого у меня давно уже сжималось сердце, топот копыт, возвещающий прибытие дурного вестника.

– Принц Оранский мертв, пал от руки убийцы, католического наемника, подосланного королем Филиппом!

Итак, Вильгельм Молчаливый умолк навеки.

Чтоб его убийце гореть в аду – и королю, который его подослал?

Я закрыла глаза, сползла на пол и попыталась молиться. Я слышала, как хрустят бедные старые колени Берли, когда тот

преклонил их рядом со мной.

О, Боже, взывало сердце, это ли Твоя воля? За что Ты караешь Твоих новых святых, святых Реформации, таких, как Вильгельм, кто из последних сил бьется явить миру Твой свет?

Мы, конечно, знали, как изощрялся Филипп в своем ненасытном стремлении погубить Вильгельма. Отважный голландец по меньшей мере шесть раз избежал яда, ножа и пули, однажды был ранен в руку, другой раз – в челюсть, с тех пор и стал для всего мира Молчаливым.

Я слышала, как Берли тихо возносит молитву:

– Per lesum Christum Dominum nostrum, Amen.

И знала, что он, как и я, молит: «Боже, да минует нас чаша сия…»

Ибо то была горькая чаша, полная полыни и желчи. Обезглавленные Нидерланды, словно курица с отрубленной головой, метались в поисках нового вождя. Претендентов было немного. Почему же меня так изумил их выбор?

– Что? Вы предлагаете править Нидерландами мне?!

Я ужаснулась. Важные, облаченные в серое бюргеры из Голландии, Зеландии и Утрехта, крепкие, как их дамбы, откланялись возмущенные и униженные, придется их теперь ублажать лаской и лестью, застольем и звонкой монетой.

Я не могла принять трон Нидерландов – хватало дел и у себя в королевстве! Но Штаты, лишенные вождя, не устоят перед Испанией и года.

– Их надо крепче привязать к нам, – убеждал мой кузен Говард, сын моего старого двоюродного деда, лорда-адмирала. – Пошлите лучшего и знатнейшего, достойного вас!

Глаза у Чарльза были теперь, как у отца, умные, нервы крепче, он понимал Англию. Конечно, он прав. Я уже сама это решила. Послать достойного? Кто и сейчас достойнее Робина?

Перед отплытием он пришел приложиться к руке, с ног до головы сверкая парадными доспехами – ему предстояло быть не только моим наместником, но и моим воителем. По моему приказу на проводы собрался весь двор. Когда он уходил, великолепный, в сопровождении племянника Филиппа Сидни и пасынка Эссекса (свет, что ли, такой в конце ноября? – или глаза устали? – зрение притупляется, разве я так, раньше видела? – или я невольно сравниваю его с юным Эссексом – не мальчиком, но, как ни глянь, юношей, высоким, многообещающим), – только я вдруг спросила себя: «Кто этот незнакомец? Когда это у Робина исчезла талия, а волосы поредели, когда увяла кожа? Откуда бралась та божественная поступь, этот ли человек некогда оседлал, пришпорил и объездил мое сердце?»

Рели, тонкий, гибкий, смеясь, как смеются до тридцати, беззаботно махнул музыкантам и подскочил ко мне:

– Музыка ждет. Вашему Величеству угодно танцевать?

Черные кудряшки блестят, глаза уже пляшут, тугое молодое тело пахнет лимоном и лавандой…

Да, Моему Величеству угодно…

Я танцевала, и он танцевал, я перебирала струны, он сочинял стихи, я была очарована, ибо мой Рели умел песней подманивать птиц.

Я назначила его капитаном своей гвардии, пожаловала прекрасными владениями и рентами, а он платил мне своей любовью.

Я набрасывалась на нее с жадностью, так я изголодалась. Я была в тревоге, в гневе, не в себе.

– Вашему Величеству недостает лорда Лестера, – шепнула Кэт Кэри, убирая мои волосы.

О Господи, да! И недостает его именно таким, каким он был! Мне недостает того Робина!

Как нужен мне был Рели, когда пришли первые сообщения из Нидерландов. «Ваш вице-король держит поистине королевский двор, он окружил себя всяческим великолепием», – наивно докладывали мне.

– Что? – взорвалась я. – Мы выколачиваем деньги, сто, двести, триста тысяч фунтов, а он держит двор? – Я обратилась к письму: «И вскоре, как мы слышали, прелестная вице-королева прибудет разделить его труды и заботы…»

Жгучая досада пронзила меня в самое сердце.

Он послал за ней! Они будут изображать короля и королеву – на мои денежки!

Я с силой запустила в стену бокал, он разбился вдребезги.

– Вернуть его! – воззвала я к Берли. – Отобрать все титулы, швырнуть вместе с волчицей Леттис в ближайшую тюрьму!

– Нет, Ваше Величество, – успокаивал Берли.

«Леди, пощадите, – молил Робин в письмах. – Ежели Вы недовольны, она не приедет!»

«Вы больше не вице-король!» – посылала я с самым скорым гонцом.

«Тогда позвольте мне остаться последним из Ваших слуг! – доставляли мне еще быстрее его пресмыкательства. – Оставьте здесь Вашим конюхом, чистить лошадиные копыта…»

Пришлось оставить его, надо было сдерживать испанцев. А мне пришлось простить.

«Роб, – писала я в слезах, пресмыкаясь не хуже его, – летнее полнолуние помутило мой разум, я не владела собой. В мечтах я

продолжаю беседовать с тобой и шлю печальное „прости“ моим всевидящим очам, что бдят ради меня. Да хранит тебя Господь от всякого зла, да спасает от всех врагов. Прими миллион благодарностей за труды и заботы. Всегда та же, ER».

Да поможет мне Бог…

Но у меня оставался Рели!

Не назло ли Робину (я знала, как он будет досадовать, когда летучая молва достигнет Европы) пожаловала я Рели богатую винную монополию, подарила городской дом, произвела в рыцари? Мой новый сэр Уолтер рыдал у моих ног и клялся, что откроет для меня новые земли и назовет их «Виргиния» – земля девственницы. Дурацкая юношеская похвальба, но и она меня утешала.

Я отчаянно нуждалась и в юности, и в утешении – старость и даже худшее внезапно постигли почти всех, кто был мне близок. Из Франции сообщили, что мой Лягушонок, моя последняя любовь, герцог Анжуйский, скончался от удара, и я его оплакала. Даже Хаттон выглядел на сорок, а Робин, Господи помилуй, ведь он мой ровесник, моих лет – ему тоже полета! – которых при мне и шепотом назвать не смели, но которые рифмовались со всем, что угнетало меня в это тяжкое время: «казна пуста» и «на уме суета».

Полета!

Ненавижу!

И хватит об этом!

– Парри, убери эту жуткую штуку, она живая, глянь, трясется, как кабаний зад!

Яростно обмахиваясь, я глядела в зеркало. Заботливые руки копались в рыжих кудрях – там поддернут, тут расправят.

– Мадам, перрюке – самое роскошное, что носят леди во Франции…

– Чтоб тебе, Парри!.. Не перечь, называй вещи своими именами, эта штука – парик! Мне, по-твоему, нужен парик?

А если и так, немудрено, после всех пережитых скорбей, таких, что и долготерпеливый Иов принялся бы рвать на себе волосы! Но ведь этот зуд кое-где под волосами, конечно, пройдет с весной?

– Просто улучшенные накладки из волос, мадам, мы ими пользовались и раньше, чтоб немножко подправить природу… как только девушка закончит с притираниями и нанесет румяна…

– Слишком много!

Слишком много всего – нависшая копна рыжих завитушек, кармин и кошениль на щеках, под ними белый свинец и бура поверх персиковой пудры, шеллак и гуммиарабик… – но главное,

слишком много надо скрывать, слишком много морщин, слишком много прожитых лет!

Мне недоставало Робина, я жаждала его возвращения, ибо в зеркалах его глаз я не видела своих лет. И месяца не прошло, как мне грубо напомнили, как меня ненавидят, как враги мои, исполненные злобы и зависти, выжидают и строят бесконечные козни.

Однажды, когда я одевалась для присутствия, из прихожей донесся странный шум, а затем гневные крики моих лордов.

– Проклятие, как ее от такого защитить? – сердито и громко возмущался Оксфорд. – Ее Величество не может всякий раз выходить на люди в кирасе! Что она, Боадицея, что ли, королева-воительница?

Голос Уолсингема звучал не меньшей страстью:

– Придется стать!

Отшвырнув фрейлин, я бросилась к дверям:

– Что стряслось?

Ко мне повернулись десять, пятнадцать бледных лиц – горстка моих лордов, стражники…

– Как это вы не можете меня защитить?

Молчание.

Хаттон заговорил первый:

– Ваше Величество слишком уязвимы для нападения. Неусыпный надзор…

– Неусыпный надзор?

Что, опять Вудсток, домашний арест при Марии?

Я не выдержу.

– Лучше умереть, чем жить – в тюрьме!

Оксфорд напрягся:

– Но, мадам, если мы не сумеем вас защитить?

– Бог защитит! Но о чем речь? Зачем тут стража?

– Ваше Величество помнит доктора Вильяма Парри, члена парламента?..

– Нет… да… что с ним?

Берли стиснул руки и шагнул вперед:

– Его задержали в личном саду вашей милости, он бродил с кинжалом и пистолью, клялся прострелить ваше сердце и посадить вашу голову на шест.

Я задохнулась от ужаса:

– Он, верно, безумен!

Уолсингем горько рассмеялся и покачал головой:

– Последние годы он много разъезжал по Европе, миледи. Безумен он или нет, но его подкупили.

– Подкупили? Кто?

Уолсингем пожал плечами:

– Франция – Испания – люди шотландской королевы – папские агенты… – Его черные глаза сузились и заблестели. – Все они заодно, католики и предатели. Все ищут вашей смерти! Надо смотреть строже, надо сузить все дыры, через которые лезут эти крысы!

Вот так его и поймали.

Трокмортон.

Боже! При этом имени слезы наворачиваются на глаза. Помните Николаса, сэра Николаса Трокмортона, кто одним из первых оказал мне поддержку, еще при сестре Марии, кто был моим послом во Франции, потом в Шотландии, когда Мария еще сидела на троне и только-только влюбилась в Дарили?

Когда он умер, я поклялась быть матерью его сиротке, которую он назвал в мою честь, юной Бесс – она незадолго до этого прибыла к моему двору.

И подумать! – его ближайший родственник, сын его брата, поднял на меня руку, участвует в покушении на мою жизнь?

Взяли его очень просто. Из Рима пришла новая Папская булла с требованием меня убить:

«Как есть сия греховная женщина в Англии причина погибели многих миллионов душ, тот, кто избавит от нее мир, сослужит Богу верную службу и исполнит волю священной памяти Святого Отца Пия V…»

Священной? Святого?

– Все заговоры идут из Рима, – божился Уолсингем, – через Францию и Испанию. Надо просто следить за двумя их оплотами в нашей стране – следить и ждать.

И voila! Трокмортона заметили, когда он покидал французское посольство, и схватили дома, когда он пытался сжечь свои предательские бумаги. Уолсингем лично наблюдал за пыткой в присутствии Парламентского комитета, чтобы все было законно и гласно. Предатель клялся выдержать тысячу смертей, но не сказать и слова.

Но сказал все – под конец. Мрачную историю они услышали.

Тут были не мелкие проходимцы вроде Ридольфи, а большой заговор. Возглавляли его герцоги Гизы, Мариина французская родня, поистине родственные души! Они никогда не переставали заботиться о ней, не прекращали усилий вернуть ее сына, маленького Якова, в римскую веру. По плану один из них должен был высадиться на южном берегу, другой вторгнуться через Шотландию, третья колонна из пяти тысяч наемников двинулась бы через Ирландию, а тем временем католики восстали бы по всей Англии.

Меня ждало острие кинжала, Марию – мой трон.

– Зачинщик – не кто иной, как ваш враг Мендоса. – Уолсингем примчался мне доложить. – Вот как он соблюдает посольский нейтралитет!

Я в гневе стиснула зубы, к ярости добавилась боль.

– Отошлите его немедленно, вышвырните его вон! Только сначала обыщите его бумаги, узнайте, кто за это платил!

– Мадам, мы уже знаем это из уст Трокмортона! – возразил Уолсингем. – Кто, как не Папа и не король Испанский?

Так предатель продал меня двум моим заклятым врагам – и все за Марию Шотландскую, старую римскую потаскуху! Слышали его жалобные причитания, когда его снимали с дыбы? «Я предал ту, что мне дороже всего в мире!» – рыдал он. Он любил ее! Она была ему дороже меня, его королевы, законной монархини, матери страны! За свое предательство он умер медленной мучительной смертью. Как ни сжималось мое сердце, я пальцем не пошевелила, чтобы его спасти.

Но не все желали мне смерти. Когда в этом месяце двор перебирался на зиму из Гемптона в Уайтхолл, народ заполнил грязные, раскисшие дороги.

Я не могла сдержать слез при виде этих честных и верных английских лиц.

– Благослови вас Бог, добрые люди!

– Вас любят, мадам, – высказался ехавший рядом французский посол.

Я ехидно рассмеялась:

– По крайней мере некоторые, как видите!

Но как ни сжималось мое сердце от их любви или от ненависти Трокмортона, еще сильнее оно сжималось от злобы к Марии, я ненавидела ее всю, до самых ее накрашенных бровей. Ибо кому же писал Трокмортон, когда его взяли, как не его «почитаемой владычице королеве Марии II, истинной и законной католической королеве Англии»?

– Вот, мадам! – ликовал Уолсингем. – Теперь мы ее поймаем!

Нет, сказали судейские.

Верно, она писала ему.

Ее вычурные французские фразочки помогли ей снова упорхнуть из наших сетей.

И опять Уолсингему осталось только божиться:

– Она себя выдаст. Ждать, мадам, – только ждать.

Глава 7

Ждать.

Кох я это вынесу?

Но ведь и она ждала.

Можно было бы догадаться, что в этой игре выдержка изменит ей раньше.

Когда он явился, великий предатель, она была уже готовенькая, даже перестоялась.

Конечно, он в нее влюбился, как все мужчины.

– Господи Иисусе! – бушевала я перед смущенно поджавшим губы Уолсингемом. – Что, у всех сынов Адама совесть в штанах, а разум – в мужеских признаках, как у ослов?

– Мадам, он полюбил ее чистой любовью еще в детстве, когда служил пажом в доме лорда Шрусбери, где она содержалась! – упрекнул меня этот пуританин.

Значит, как и несчастливец Норфолк, предыдущая ее жертва, как Трокмортон, ни разу ее не видавший, он не обменялся с ней и единым взглядом, что бывает между мужчиной и женщиной. Тешился мальчишеской мечтой о прекрасной юной пленнице-королеве. И он, и другие – пошли бы они на смерть, случись им увидеть ее наяву, крючконосую, горбатую матрону с двумя подбородками, погрязшую в римском пустосвятстве, поглупевшую, расплывшуюся от скуки, от жалости к себе?

– Не то что Ваше Прекраснейшее Величество! – По крайней мере. Рели был при мне.

А вот ведь умела обвести мужчину вокруг пальца: словно, фразочка – и он уже видит себя в десять раз больше и важнее в зеркале лживых взглядов. Как она улестила этого последнего! Он писал, она отвечала, и то был ответ на Уолсингемовы молитвы.

Мой мавр не мог ни смеяться, ни даже рыдать от счастья, только благодарил своего беспощадного Бога. Тих, как никогда, вошел он в мои покои:

– Мадам, кровью Христовой клянусь, она попалась.

Дрожащей рукой я схватила пергамент.

«Боже, дай сил прочесть, я должна это видеть!»

День был ясный, но черточки букв расползались черными пауками.

Проклятие угасающему зрению, что превращает полдень в сумерки! Я открыла окно, впустила солнце. Ужели она наконец-то выдала себя в письме? Я отчаянно щурилась, разбирая слова.

«…Весьма довольна, – писала она. – И когда все будет готово, пусть шесть джентльменов приступают к делу…»

Дрожа, я обернулась к Уолсингему:

– Шесть джентльменов?

– Готовые, с ее согласия, отнять у вас жизнь.

Доколе, Господи, доколе?

Тишина сгущалась, пока не отразилась, как гром, от заставленных книгами стен. Ни один из сидящих вокруг стола мрачных старцев не шелохнулся. Наконец самый старый и самый мрачный отложил документ, тряхнул головой и сказал:

– Она в ваших руках, мадам, сомнений быть не может.

Я обернулась. За рядами париков и черных мантий, за окошком Темпля в сияющем небе неслись наперегонки белые, словно кроличьи хвостики, облачка. В такой вот день, в иное лето, мы с Робином тоже неслись бы верхом наперегонки. Но он – далеко, а я сижу взаперти, как Мария, – ей удалось этого добиться.

И думаю, как ее убить.

За спиной у меня Уолсингем с облегчением выдохнул. Законники сперва тихо перешептывались, потом смолкли.

Лорд-канцлер снова заговорил, тыча пальцем в бесстыдное «Мария R». г – regina, королева.

– Мы все согласны. Подписывая вам смертный приговор, она подписала свой.

С чего начался заговор Бабингтона?

Он возглавлял шестерку так называемых джентльменов, тех, кто должен был меня убить.

Среди них был священник, подлый отец Балла?, и за всем чувствовалась рука старого дона Мендосы, испанского посла, который и за морями не оставил кровавых грез и планов моей погибели. Эти шестеро должны отравить меня, застрелить в поездке или на прогулке в саду, заколоть в присутствии, прикончить во время молитвы.

И я умру, и врата Англии распахнутся перед Испанией. Уже назван тот ужас, который будет расти и шириться, доколе тень его не накроет всю нашу страну. «Чтоб довершить ваше освобождение, король пошлет Армаду, – восторженно писал Марии Бабингтон, – не галионы, но плавучие крепости!»

Она одобрила и вторжение, и мою смерть – по любым законам это измена. Господи Иисусе!

Я смеялась и плакала над этим письмом.

– Когда это было? – сквозь слезы спрашивала я у Берли. – Верно, лет двадцать прошло с тех пор, как меня убеждали одобрить подобные же покушения на мою сестру?

– Да уж почти тридцать, мадам.

Боже, какой он старый, как по-стариковски опирается на

горбуна-сына, юного Роберта.

– Но я их всех прогнала, и Уайетта, и Кортни, всех! Ничего не одобрила, главное, ничего не подписала.

Хаттон подался вперед:

– Госпожа, она подписалась под вашей смертью.

Я оглядела законников и ближайших моих советников. На каменных лицах был четко выписан приговор: «…И за это достойна смерти».

– Никаких новостей о шестерке?

– Пока нет, мадам.

Мы встретили Уолсингема в парке. Лицо его помертвело от усталости. За ним шел Дэвисон, доверенный секретарь, столь же изможденный и решительный, – когда они спят? Однако поклон Уолсингема был по-прежнему изящен и гибок.

– Его последнее письмо у нас, но в нем не названы имена.

Однако, если они берутся меня убить, значит, они тут, рядом, вокруг меня, в нескольких шагах…

Кто они?

Позади нас медленно катила волны река, здесь, в Ричмонде, широкая и ленивая, в тусклом свете августовского заката похожая на расплавленный свинец. Среди зелени, сколько хватал глаз, виднелись пестрые кучки придворных кавалеров и дам, горожан, прохожих, слуг. Подальше справа одинокая фигура приостановилась, ожидая, пока мы подойдем. Я взглянула в ту сторону – незнакомца как ветром сдуло.

Я вцепилась в Хаттона.

– Скажите, кто-нибудь знает этого человека?

Все уставились ему вслед, но ответил лишь юный Сесил:

– Это ирландский джентльмен, недавно прибыл ко двору. Зовут, кажется, Барнуэлл.

Ирландец – и католик?

Дэвисон исчез раньше, чем Уолсингем кивком приказал: «Следи за ним!» В приступе мучительного ужаса я оглядела кучку своих приближенных; Берли и Хаттон, осанистые в длинных мантиях, бедный недомерок – молодой Роберт Сесил, Уолсингем, вооруженный лишь связками бумаг, а за моей спиной – одни женщины, Парри и Радклифф, Анна Уорвик и Елена Нортгемптон.

– Хорошо же меня защищают! – вскричала я с дрожью в голосе. – Ни одного мужчины с мечом поблизости!

Где Рели?

Где Робин?

Но все мы знали, что пуля убийцы, яд и кинжальное острие проникают сквозь ограду из мечей. И в этой тоске мне предстояло прожить немалый срок, срок, нужный Уолсингему, чтобы

распутать следы, ведущие вспять, к Марии.

– Ее место в Тауэре! – объявил Берли.

– Нет! – Я снова разрыдалась. Как мне забыть собственное заключение в этом страшном месте, вид эшафота, запах крови от досок, посыпанных толстым слоем соломы?

– Тогда где. Ваше Величество?

– В каком-нибудь пустом поместье – подальше от Лондона!

Берли задумался:

– Подойдет ли дом молодого графа Эссекса, что сейчас с лордом Лестером в Нидерландах?

– Пусть будет так.

Мой юный лорд, конечно, протестовал, слал возмущенные письма из-под Зютфена, который осаждали тогда английские войска, – но в те далекие дни я могла с ним управиться…

А тем временем Уолсингем схватил Бабингтона, отца Баллара и, да, действительно, ирландского дворянина Барнуэлла (тот оказался одним из них) и остальную «шестерку» – она выросла до двенадцати, нет, двадцати и более человек. Все были казнены за измену, но прежде они словесно или письменно обвинили Марию.

Ее судили в Фотерингее. Я проследила, чтобы все было на высоте. Однажды свежим октябрьским утром Берли тяжело взгромоздился на смирную лошадку и в сопровождении Уолсингема тронулся по Большой Северной дороге.

Тридцать четыре дворянина заседали в комиссии, в том числе даже старые паписты вроде Шрусбери. Уолсингем оставил мне в помощь верного Дэвисона, и первое, что я ему поручила, – написать Берли и Уолсингему, как мне недостает моего Духа и моего Мавра, а затем написать Робину, что его мне не хватает еще больше.

Однако ответ из Нидерландов поверг меня в печаль, более горькую, чем даже горесть разлуки.

«Поплачьте со мною. Ваше Величество, сестра моя понесла тяжелую утрату, лишилась единственного сына…»

Погиб Сидни, молодой Филипп Сидни, бедный неудачник! А его бедная женушка, некрасивая дочь Уолсингема, бездетна – нет у нее даже сыночка от его плоти, опоры вдовства…

Погиб геройски…

Бумага скользнула из рук на пол, в глазах потемнело, но в голове по-прежнему звучало рыдающее:

«…в битве под Зютфеном. В сражении с войсками испанского короля был смертельно ранен в верхнюю часть бедра. Сам, горя в лихорадке, он, когда ему принесли воды, чтобы облегчить муки, велел отдать воду лежащему рядом простому солдату, видя, что тот нуждается в ней больше».

– Ваше Величество, гонец из Фотерингея…

О, мадам, извините мое вторжение… позвать ваших женщин?

– Нет, нет, Дэвисон, минутку, я приду в себя. Сообщите новости, я возьму себя в руки.

Моргая от возмущения, Дэвисон протянул мне депешу:

– Лорд Берли пишет, что королева Шотландская не отвечает на обвинения. Она-де не может быть виновной или невиновной, она самовластная королева, чужая на этой земле, и подсудна только Богу!

– А-ах!

Я взвыла и вырвала у него пергамент:

– Вздумала с нами в игры играть! Перо мне!

Дрожа от ярости, я села за стол, дернула к себе подсвечник, плеснула на руку горячим воском. Перо плевалось чернилами, как змеиным ядом, выплескивая на пергамент мой гнев.

«Вы всячески злоумышляли против меня и моего королевства. Измены сии будут доказаны, а ныне обнародованы. Я желаю, чтобы Вы отвечали дворянам и пэрам моего королевства, как мне самой.

Будьте честны и откровенны и тем скорее обретете мое благоволение. Елизавета, королева».

– Ха! Вот!

Почти задыхаясь, я швырнула пергамент в непокрытую голову Дэвисона.

– Прикажите доставить ее на скамью подсудимых, – прохрипела я, – даже если придется волочь верблюдами! Присмотрите за этим!

– Будет исполнено. Ваше Величество! – Он поклонился и бросился вон.

Само собой, поток протестов хлынул со всего света – посольства Франции, Испании, Священной Римской Империи завалили нас гневными упреками. Спокойней всех оказалась Шотландия – двадцатилетний король Яков узрел наконец возможность и вправду стать королем, даже больше – моим наследником. Чисто по-обязанности, отнюдь не как сын, молил он сохранить Марии жизнь. Многие возмутились, а по мне, мой крестник, каким бы он ни был, хоть не лицемерил. Всем я отвечала одинаково: «Это должно свершиться…»

И это свершилось, торжественно, как и подобает; открытый суд предъявил ей обвинение:

«По делу сэра Энтони Бабингтона – более того, как вы есть глава и пагубнейший источник всех замыслов против нашей законной государыни королевы Елизаветы, вы ныне обвиняетесь в гнуснейшем предательстве, будучи по рождению шотландкой, по воспитанию – француженкой, а по вере – истинным порождением

Испании, а потому – дщерью раздора и сестрой блудницы Вавилонской, Римского Папы…»

– Золотые слова! – восклицала я перед Дэвисоном. – Пусть-ка ответит!

Теперь все шесть ее «джентльменов» были в наших руках, в том числе ирландский предатель Барнуэлл, и мы знали все.

Но она не лезла в карман за ответом – или за наглой ложью.

– Я не знаю Бабингтона! – бросает она.

Суду предъявляется ее собственное письмо.

– Я этого не писала! – звучит новое лжесвидетельство.

Два ее секретаря, даже не под пытками, клянутся на Библии, что писала.

– Они лгут! – твердит она вновь и вновь. – Слово королевы!

Ее слово?

Моя задница – вот что такое ее слово!

Хотя нет, в моей заднице куда больше правды!

К тому времени, когда перед судом предстали Бабингтон, иезуит отец Баллар и другие «джентльмены» – заговорщики, я была вне себя от бешенства.

– Пусть получают полной мерой и по всей строгости! – визжала я.

Во время казни Бабингтон продолжал шептать: «Parce, parce, Domine» – «Помилуй, помилуй, Господи, » – когда палач уже вырезал и вынул из груди сердце. И это я, помнящая сожжения при Марии, распорядилась устроить подобное зверство?! Задыхаясь от слез и тошноты, я отправила новый приказ: «Остальных повесить до полного удушения, лишь затем холостить и потрошить!»

И все это из-за Марии.

Она продолжала биться, как умирающий гладиатор. Вскинулась на Берли:

– Вы негодный судья – вы мой враг!

И что же ответил мой Дух, мой лучший слуга, поистине правая рука моей души, сухим голосом законника? «Вы заблуждаетесь, мадам.

Я всего лишь враг врагов моей королевы!»

Ей нечем было защищаться, помимо лжи и угроз, слез и возмущения, – она могла сколько угодно портить ими воздух, все равно вердикт оказался: «Виновна».

И тут стало видно, как любят меня и как ненавидят ее! От Корнуолла до Карлайла благовестили церковные колокола, пылали праздничные костры, звучали псалмы и молитвы, словно вся Англия желала плясать на ее могиле. Два десятилетия народ ненавидел «гадину», «русалку», «блудницу», теперь он алкал ее

смерти, жаждал крови, требовал возмездия.

А я сражалась за ее спасение, как тигрица сражается за детеныша. Когда Уолсингем вернулся с севера, гордый и предовольный собой, я не подписала смертный приговор.

Он стоял как громом пораженный, потом затрясся с ног до головы.

– Назовите хоть одну причину, мадам, – кричал он, желтый, дрожащий, – по которой надо спасать эту змею, которую вы пригрели за пазухой и которая все двадцать лет пыталась ужалить вас насмерть!

– Дружище, назову три, пять, шесть! – стонала я. – Она – королева, помазанница Божья, она – женщина, моя родственница, она – из Тюдоров и моя наследница! Если подданные начнут распоряжаться монаршими жизнями, кто знает, в какие пучины хаоса мы погрузимся?

Представьте, что я ее казню, – что ж, пройдут годы, и на ее смерть сможет сослаться каждый, кто захочет казнить другого английского короля или даже, упаси Бог, объявит, что королей вовсе не нужно! Прочь, оставьте меня!

И он меня оставил, чтобы тут же слечь с воспалением желчного пузыря. Никто из наших врачей не мог ему помочь, кроме недавно прибывшего в Лондон португальца, бежавшего от Инквизиции еврея Лопеса. Я посылала Уолсингему лекарства, травы, коренья, бульон с моего стола, но в вопросе о Марии не уступала. С ним я справлялась – он-то один. Но парламент – пятьсот разгневанных мужчин, от них не отмахнешься.

Сознаюсь, они меня тогда обошли – Уолсингем, Берли, Хаттон, они все. Когда мне предложили доверить вопрос парламенту, я охотно согласилась – пусть все королевство, весь мир увидят ее вину!

Одного я не учла: если за дело возьмется парламент, мне ее не спасти.

Пылкая депутация подступила ко мне в конце года, когда я гуляла в Ричмонде, тоскливо пересчитывая последние желтые листья. Спикер поклонился весьма учтиво, но его выставленная вперед челюсть и злобный взгляд говорили о другом: «Правосудия, миледи, мы требуем правосудия! Королева Шотландская осуждена, она утратила право жить! Мы не видим законной причины не казнить ее, как любого другого преступника».

– Если б речь шла только о моей жизни, – прослезилась я, – пальцем бы ее не тронула!

Но я думаю не только о себе. Молю вас, добрые люди, примите мои благодарности, извините мои колебания и

удовольствуйтесь сим безответственным ответом!

Но они не удовольствовались.

Они требовали ее крови вот уже десять, нет, четырнадцать лет, с тех пор как казнили Норфолка.

А теперь, когда Филиппу удалось погубить Вильгельма, когда мне что ни день угрожали убийцы, парламент был непреклонен. Я надеялась на свое вето – La Reyne ne Veult! – Королева не дозволяет! – но меня одолели, попрали.

Мой отец бы до такого не довел – у него были свои методы! Но моя задача была сложнее – не отнять жизнь, но спасти, – и вот меня, победили.

И этого я никогда себе не прощу.

Робин взял Зютфен и вернулся в Англию – прямо с корабля вскочил на коня, скакал всю ночь и явился на рассвете – как в прежние дни!

Но в этом зимнем мире не пели птицы. И в первых лучах света даже его любящие глаза не могли заслонить от меня печальных перемен в его облике – волосы уже даже не поредели, а просто вылезли, лицо покраснело и вспотело от долгой скачки, старые мышцы окостенели – слишком долго он был в доспехах, слишком много времени провел в седле.

– Робин – о, сердце мое! – Я отвернулась и заплакала.

Все равно его возвращение – и радость, и триумф!

– Мадам, дозвольте представить моего пасынка, молодого Эссекса! – попросил Робин.

Его так и распирало от гордости – в тот вечер весь двор собрался приветствовать героев. По его знаку из-за канделябров выступил высокий юноша и оказался в залитом светом пространстве у трона.

Ужели это тот мальчик, которого он брал с собой? Если так, он вернул мне мужчину, и великолепного…

Высокий, выше Робина и Рели, гибкий, он был весь огонь, пламя свечей меркло перед огоньками в черепаховых глубинах его ярко-черных глаз. Язычки пламени таились в завитках спутанных кудрей, то ли бронзовых, то ли золотых, а улыбка озарила бы самый сумрачный день. Взгляд без тени злобы, мальчишеская улыбка, словно восход солнца. Поклон, легкий, даже как бы незавершенный, тронул меня до глубины души…

– Окажите ему честь, леди, он прославился при Зютфене, гарцуя на коне, как юный Александр, когда тот впервые обагрил кровью меч и шпоры на полях Херонеи…

Юноша вздрогнул, полуобернулся.

– Молю, сэр, умерьте ваши хвалы! – сказал он гневно. – Я недостоин.

Покраснел!

Сколько лет уже никто при мне не краснел!

Сколько ему? Двадцать? О, Боже, только девятнадцать?

Иисусе, Купидоне, помилуй мя…

Роберт жестом отстранил его.

– Теперь о королеве Шотландской. Возлюбленная госпожа, вы должны подписать смертный приговор…

Все они клялись в любви и, если верить их словам, обожали меня.

Почему же никто мне не помог?

А ведь подобное случалось в нашей истории, и нередко.

«Ужели никто не избавит меня от назойливого попа?» – спросил Генрих II, и просьба его была услышана.

И не одними простолюдинами вроде сына лавочника из Кентербери, Тома Бекета, которого Генрих II заставил умолкнуть навеки. Помните Эдуарда II, Ричарда II, Генриха VI? Тайное убийство – это прилично, это достойно королевской крови, это избавляет от публичной казни, от позора, от нескончаемого ада – дороги на эшафот.

Что? Ни приличия, ни достоинства в смерти Эдуарда II? Дурачье! Господь карает по грехам – и если он умер оттого, что ему загнали в зад раскаленную кочергу, значит, такова Божья справедливость и мера Его гнева.

Бог девственников не любит тех, кто извращает мужскую природу, ложится с юношами и предается содомскому греху, не любит со времен колен Израилевых, вы что, не знали?

Я тогда грезила о человеке, который все сделает за меня – задушит ее во сне подушкой, подольет в пищу медленнодействующий яд.

Я разбрасывала вполне очевидные намеки, даже письменно побуждала ее стражей «исполнить свой долг», и побыстрее. Но, Господи, какие все совестливые! Не могут, видите ли. А я, желая ей смерти, не могла подписать смертный приговор.

Почему? Почему я медлила? Послушайте и все поймете.

Даже Мария, ненавистница, ненавистная сестра, не посмела снести мне голову, когда этого добивались ее лорд-канцлер, мой враг Гардинер и посол Ренар, вонючий испанский лис.

Я видела себя в Марии, в обеих Мариях.

И еще. Как могу я, именно я, послать женщину на плаху?

Она снова стала являться мне в снах и в бессонном бреду, жуткая фигура, бредущая по кровавому Тауэру с головой, зажатой в подмышках, с рукой у горла, с диким смехом: «Не бойтесь, господин палач, у меня такая тонкая шея… Моя мать…»

Знала ли я, что во мне столько слез?

Мрачное Рождество наступило и прошло в Ричмонде, сумрачное Сретенье застало нас в Гринвиче, днем и ночью меня преследовало:

«Мадам, подпишите! Подпишите смертный приговор!»

Сретенье пришло на переломе февраля, и мы славили Очищение Девы Марии. Я всегда любила сияние свечей в этот праздник, золотое облачко, нежное, как милость Божья, что бы там ни болтали пуритане об идолопоклонстве. Не это ли меня так расслабило, когда на закате того дня ко мне явился кузен Гарри Хансдон с одним только секретарем Дэвисоном? Или то было чувство родства по крови, нашей крови, крови Болейнов, той крови, что текла в жилах матери и ее сестры, ведь я – дочь Анны, он – сын Марии Болейн.

Один взгляд на его сумрачное лицо – и у меня упало сердце.

– Ваше Величество, дозволительно ли нарушить ваш покой?

Покой? Это называется покой?

Следом вошел другой кузен, Говард, смуглый, встревоженный. Его отец защитил меня от сестры Марии – может быть, Чарльз, занявший отцовское место лорда-адмирала, в свой черед спасет меня от Марии, теперь уже кузины?

– Мадам, мы пришли сказать только одно слово. Ибо написано: «Сразу, или будь сражен».

Мне почудилась страшная затаившаяся тень, померещился сверкнувший за ковром кинжал убийцы, и я взвизгнула, точно заяц, которого схватила собака:

– Клянусь кровью Господней, я подпишу!

Одним махом вывела я причудливую завитушку ELIZABETA R, то постанывая, то хохоча, словно обитательница бедлама.

– Ну, смотрите, подписала! Бегите, доложите Уолсингему! Он умрет на месте!

Я швырнула тяжелый пергамент на пол. Дэвисон подскочил, поднял, скрутил, запечатал и бережно обернул кроваво-красным бархатом.

– Будет исполнено, мадам.

Боже, они были как псы, взявшие кровавый след! Ладно, по крайней мере на время они уймутся, отстанут от меня. Все равно никто не сможет привести приговор в исполнение, не обсудив со мной время, место и прочие мелочи, как было с герцогом Норфолком. Теперь-то я могу немного поспать?

– Оставьте меня, черт возьми! – завопила я. – Оставьте меня в покое!

Господи Иисусе, Боже милостивый, откуда мне было знать? «На короля, – говорит в пьесе про Генриха V этот уорвикширский писака, сын строгфордского овцевода[14], он еще говорил с

ужасным акцентом, хуже Рели, голосом уроженца срединных графств, плоским, как, адские равнины, – давайте наши жизни, наши души, наши долги, и наших детей, и наши грехи возложим на короля». Мы должны нести все.

Да, я должна нести этот грех. Но когда я предстану наконец перед своим Создателем, я не найду другого оправдания, кроме детского: «Она сама начала! Она первая хотела меня убить!»

Сознаюсь, подписав приговор, я повеселела.

Следующие два-три дня бледное солнце чудесно золотило гринвичские поля, и мы, Робин, Эссекс и я, чуть свет уже были в седле. Теперь я мчалась наперегонки с молодым Робом, старого мы оставили далеко позади, едва мой юный лорд бросил мне вызов и пришпорил коня. На третий день мы уже повернули назад, когда над поймой пронесся звук, который я не посмела узнать.

– Что это?

Эссекс вскинул красивую голову;

– Колокола, Ваше Величество! Но почему сейчас?

– Не спрашивайте! За мной!

Я непрерывно шпорила хрипящую кобылу.

В воротах собралась небольшая толпа, впереди, отдельно, стояли несколько человек, они молчали. Едва я бросила поводья и спрыгнула в сильные руки Эссекса, они уже приветствовали меня: Берли и Хаттон, Хансдон и Говард, Ноллис и эта развалина Уолсингем, позади всех Дэвисон. Все в черном, все с траурно-зловещими лицами.

– Не говорите, что это свершилось! – в ужасе вскричала я.

Берли склонился, подобно ангелу смерти:

– Миледи, это свершилось.

– Как – свершилось?

Берли склонил голову:

– Законным порядком. Ваш совет собрался, как только получил приговор. Он был скреплен печатью лорда-канцлера и направлен в Фотерингей, и там приведен в исполнение над королевой Шотландской.

– Как она умерла?

– Доблестно, Ваше Величество, твердая в своей вере.

Хаттон шагнул вперед:

– Вы не отдаете ей должное! Это был ее высший час! Она умерла в пурпурном исподнем, похваляясь своим мученичеством!

Стон, вздох, рыдание вырвались из самых глубин моего существа:

– Прочь! Подите все прочь!

Только через год я смогла дослушать: как свалился большой

рыжий парик, открыв редкие седые волосы, совсем, как у меня; как больше часа отрубленная голова шевелила губами, шепча молитвы; как она лежала распростертая, и маленькая собачка уткнулась носом в ее юбки, а потом подбежала и стала облизывать лицо, и ее не могли оттащить…

Мне и без этого было невмоготу. Дрожа, лишившись речи, я оглядела своих приближенных.

Лишь алый румянец, опаливший щеки мальчика Эссекса, выдавал его неведение. Лицо Робина говорило о другом – он знал. Все они знали.

Они лишили ее жизни. Они лишили меня, свою королеву, моего права, моей царственной привилегии постановить, как, где и когда, вырвали у меня решение, от которого я увиливала – Боже Всемогущий! – Целых двадцать лет.

Они предали нас в руки Франции, Испании, Папы, даже Шотландии как истых цареубийц, чей грех не пройдет безнаказанно…

Они без спроса сделали молокососа Якова Шотландского моим наследником – теперь уже единственным.

Я пошатнулась, споткнулась, вцепилась в сильную руку Эссекса, повисла на нем:

– Кто отослал приговор?

– Я, Ваше Величество.

Дэвисон, верный слуга – верный Иуда!

– Стража! Сюда! – Задохнувшись, я указала на него, и его увели. Я глотнула воздух. – Повесить его! А вы… вы… – Я обернулась к Берли и Хаттону. – Вы за свое самоуправство заплатите! Отлучаю вас от двора – предаю вас анафеме отныне и до века…

– О, Ваше Величество, нет!

Хаттон на коленях, плача, ловил мой подол.

Но Берли выпрямился и расправил старые плечи.

– Как угодно Вашему Величеству. – Гордо склонил голову. – Только одно слово в нашу защиту. Королева Шотландская действовала подло и предательски, и она справедливо призвана к ответу и понесла наказание. Мы действовали честно, по английским законам, и своевременно. Останься она жить, заговоры против вас, миледи, множились бы, как головы Гидры, доколе у чудовища не вырвано сердце. При ее жизни вы в собственном королевстве не могли спокойно вздохнуть, а народ жил в смертельном страхе.

Толпа не проронила ни вздоха. Он помолчал и продолжил так же ровно и спокойно:

– Ныне мы показали Папе, королям Испании и Франции,

отцам-иезуитам, дьяволам из Дуэ, всему миру, сколь высоко мы ценим нашу веру, нашу страну, нашу королеву. Ныне мы обезвредили «английское дело», католическое возрождение на этих берегах! Ныне все знают, что Англия – протестантская страна и останется протестантской, пока море омывает этот остров! Мадам, помните Латимера, сожженного на костре во дни вашей сестры, как он в огне утешал собрата? «Возвеселись, мастер Ридли, – сказал он, – и будь мужчиной, ибо мы ныне запалим в Англии такую свечу во славу Божию, которая, уповаю, никогда не угаснет!» Ваша милость хранит эту драгоценную свечу, и мы все, да, каждый из нас отдаст жизнь, чтобы ее не погасили.

Он спокойно подобрал длинную бархатную мантию.

– Я же принимаю свою отставку – нет, свое бесчестие как почетную награду из ваших рук, принимаю с радостью. И смею ручаться, что, поразмыслив, ваша милость увидит и поймет, что наше деяние было необходимо и предначертано рукою Божьей. Велите казнить меня за эти слова, я от них не отрекусь!

Он поклонился и, не поворачиваясь ко мне спиной, медленно отступил, и за ним все, шаг за шагом, а я осталась рыдать.

Глава 8

Теперь все были против нас. Началась охота, и Англия, бедная трепетная Англия, загнанная могучими ловчими, отбивалась из последних сил.

Это снова было Марииных рук дело, даже из могилы она продолжала со мной бороться.

В предсмертном письме она завещала английский трон своему дорогому испанскому кузену, теперь в глазах всех католиков Англия принадлежала Филиппу. И Его Католическое Величество, король Испании и Нидерландов, Rex Anglorum[15] шел требовать свое.

А что Яков Шотландский, спросите вы, ее сын, разве не к нему перешли ее притязания?

С женой можно развестись, с мужем тоже, но кто властен развестись с собственным ребенком? Кто бы, кроме Марии, попытался? В завещании она обошла родное дитя в угоду полоумному испанцу, которого и в глаза-то не видела.

А Филипп, ополоумевший от старости и злости, утрат и поражений, принял брошенную перчатку. Он утвердится в законном праве, он возглавит крестовый поход против королевы еретиков, королевы-еретички.

Однако у нас не умирала надежда выиграть другими средствами. Той весной я по-прежнему чувствовала себя калекой – медленно-медленно отходила я после Марииной смерти. Не сразу, но я простила Берли и остальных, вернула их ко двору. А в начале лета произошло событие, которое разом вернуло мне силы. Вновь передо мной стоял плимутский коротышка и докладывал, как исполнил мое последнее повеление. Над залысым лбом озорным нимбом светился легкий пушок редеющих волос.

– Ну, сэр Фрэнсис, я приказала вам грабить их, грабить, грабить. И Дрейк полез в драку с королем Испанским?

В больших синих глазах блеснули озорные искорки.

– Мы наконец-то отдраили их хорошенько!

В Кадисе мы сожгли больше тридцати семи кораблей!

Я прыснула со смеху:

– Значит, вы подпалили испанскому королю бороду!

– Без сомнения – и весьма ощутимо! После этого, бороздя просторы испанских морей, мы захватили и сожгли еще не меньше сотни. А когда, по пути к Азорам, проходили мимо мыса Сан-Висенти, – он невинно закатил глаза, – случайно наткнулись

на «Сан-Фелипе»…

Я подалась вперед, кровь прихлынула к лицу.

– Что, «Святой Филипп»? Плавучая сокровищница самого короля?

– Да, Ваше Величество, да! – Он довольно хохотнул. – Корабль был так нагружен шелками, пряностями и серебром, что еле держался на плаву. – Словно фокусник, он крутанул в пальцах сверкающую монету. – И кроме изумрудов, рубинов, сапфиров, опалов и жемчугов, я привез сто пятьдесят тысяч братишек и сестренок вот этой особы, чтобы сложить их к вашим ногам, – вы ступите на золотой ковер!

Как я ликовала! Берли привел ростовщика, Палавичино.

– Скажите Ее Величеству то, что сказали мне.

Итальянец поклонился, пощипал ус:

– С утратой «Сан-Фелипе», Ваше Светлейшее Величество, король Испанский утратил и доверие европейских кредиторов – никто не даст ему в долг меньше чем под восемнадцать – двадцать процентов!

Вне себя от радости, я жадно подалась вперед:

– А мне?

– Под восемь процентов, светлейшая, и ставки падают. Вы нанесли смертельную рану по главной артерии, снабжающей его золотом.

Я рыдала от счастья. Эта победа подарила нам мирное лето – мирное и радостное…

Должна сказать вам – такой радости я не испытывала ни раньше, ни потом. А первое лето с Робином, спросите вы? Оно давно изгладилось из памяти, он меня оставил, а теперь? – теперь был другой «он», юный Эссекс, он был со мною, он был моим.

Я и сейчас вижу, вот он склоняет ко мне стройный стан, вот шагает ко мне своей стремительной походкой, вижу его чистый взгляд, открытое сердце, распахнутое ко мне со всем жаром юноши девятнадцати весен от роду, – кто бы устоял?

Значит, ему было девятнадцать, а мне – столько, сколько было. Что с того? Мы не переходили никаких границ, он меня развлекал, забавлял, ничего больше.

Все это лето были чудные прогулки меж пышных роз и жимолости, долгие беседы за полночь, когда лишь мы двое бодрствовали средь сонной стражи и припозднившихся придворных. Его не тянуло спать, он уходил к себе с первыми птицами, и то лишь затем, чтобы переменить камзол и снова спешить ко мне…

О, это было чудно, он был такой чудный, такой чудный-пречудный…

Лишь одно портило наше счастье, впрочем, на мой усталый вкус, скорее придавало ему пряность. Рели ревновал и тем ожесточеннее добивался моего расположения! Он отправил в Новый Свет корабли – открывать обещанную «Виргинию», край своей мечты, – и наказал морякам привезти мне чудовищ, индейцев, какие-нибудь занятные дары. И в один прекрасный день он, сверкая синими глазами, с церемоннейшим поклоном вручил мне истинную диковинку.

– Надеюсь, Вашему Величеству понравится, ведь за это мне пришлось вынести основательную головомойку!

– За это? За эту траву? – Я повертела в руках сморщенные бурые листья. – Как так?

– Я употреблял эту, как вы, мадам, выразились, траву, когда крикнул слуге принести эля.

Болван вошел, взглянул на меня да как заорет:

«Хозяин горит!» – и выплеснул мне на голову полжбана; думал потушить, а только испортил хороший камзол.

Во мне взыграло любопытство. Я потрогала вялый, шелковистый на ощупь лист.

– Объяснитесь, сударь. Почему вы горели?

– Мадам, эту траву курят!

Он вытащил большую бурую трубку с чашечкой на конце, набил в нее листьев, поджег и несколько раз сильно вдохнул через мундштук.

– Так делают индейцы в Новом Свете с большой для себя пользой. А-ах! – Он закрыл глаза и втянул ароматный дымок. Лицо его озарилось блаженством. – Теперь вы. Ваше Величество!

Я огляделась. Рядом со мной стояла Мария Радклифф, по обыкновению бледнее лилии. Может, это вернет краску ее щекам.

– Радклифф…

– Мадам?

Бедная неженка! Одна затяжка, и она позеленела, словно примула, ей стало дурно, затошнило, просто страсть смотреть. Дочь Уолсингема Фрэнсис, вдова Сидни, лишь недавно вернувшаяся ко двору по окончании траура, увела ее прочь.

– Вы, мистрис…

Рели протягивал трубку другой моей фрейлине, юной Елизавете Трокмортон – сирота моего старого слуги, сэра Николаев, она, невзирая на близкое родство с предателем Трокмортоном, оставалась в числе моих любимиц.

– Попробуйте для своей госпожи!

– Ладно, сэр, – со смехом отвечала она, ее смуглое скуластое личико озарилось юной проказливой улыбкой. – Я рискну ради Ее Величества – по вашей просьбе.

– Ну что за славная девчушка! – Он замер и впервые взглянул на нее. – Вас ведь зовут Бесс, или Бесси, я прав?

Мы всем двором по очереди раскурили его траву, пробуя на язык и странное слово «табак», и едкий дымок, и кружащий голову, вызывающий тошноту запах, и вкус, и шероховатость листьев, и мне не пришло в голову сказать: «Не зовите ее Бесс, она не про вас, и вы, сэр, не свободны, вы мой служитель…»

Рели был занят Новым Светом, Эссекс еще приноравливался к старому. Однако этим двум жеребцам было тесно на одном лугу. Они ссорились, яростно и часто. Эссекс, хоть и мальчишка, ни в чем не спускал Уолтеру, так что пришлось мне вмешаться.

– Берегитесь, сэр, – взорвалась я как-то вечером в присутствии, – задирать того, кто мне ближе всех, иначе я скажу про вашу матушку такое, что вам не понравится!

Он побелел как полотно.

– Про мою матушку, мадам?

– Да, про эту ведьму Леттис! И вам следовало бы приглядывать за своей сестрицей Пенелопой – она пошла в мать и, по слухам, наставляет рога своему мужу Ричу.

Он вздрогнул, словно пораженный в сердце олень.

– Я не потерплю такого даже от вас! Не потерплю и того, чтобы мою преданность топтали в угоду мерзавцам вроде дорогого вашему сердцу Рели!

Взбешенный, он с проклятиями убежал в ночь. Однако скоро мой сокол вернулся к хозяйке, смирившийся, покаянный, он снова ел у меня с ладони – тогда я умела его приманить…

И все же холодные осенние ветры развеяли чудную летнюю идиллию, враги были уже у самых наших берегов.

– Надо заключить мир! – в слезах взывала я к каждому встречному и поперечному. Однако непреклонные лица моих лордов говорили:

«Быть войне».

Теперь я особенно нуждалась в чистой преданности нового обожателя, в том, чтобы меня развлекали и отвлекали. Он привез ко двору своего нового друга. Кита Бланта, на пару они восхищались мной и сражались в мою честь на турнирах. И в награду я сделала его своим шталмейстером, как некогда Робина.

Однако военные советники не отставали, теребили, ниточку за ниточкой растаскивали ткань моего душевного мира.

– Посудите сами, мадам! – убеждал кузен Говард, лорд-адмирал, устремив на меня пронзительный взор. – У испанского короля десять, двадцать, сорок тысяч человек меньше чем в двадцати милях от нас, под командованием герцога Пармского! У Азорских островов его флот разбил порту гальцев, захватил их

галион.

У Терсейры он нанес поражение французам, испанский адмирал похваляется, что готов хоть через неделю бросить на Англию шестьсот кораблей и восемьдесят пять тысяч солдат. Мы подрываем его религию, грабим его суда, поддерживаем его мятежных подданных, узурпировали «его» трон. Что мешает ему нас уничтожить?

– О, Чарльз!

За четко очерченным мужественным английским лицом я видела прежнего мальчика, сына моего старого дяди Говарда. Как быстро сыновья сменяют отцов!

И все же верно, что Испания не страшится теперь разбитой Франции и что со смертью Марии я потеряла и эту мою защиту…

– Но мы не знаем, действительно ли Филипп так нас ненавидит! – возражала я.

– Дайте мне денег, мадам, и узнаем!

Уолсингем, хоть и пожелтел после болезни, ничуть не утратил внутреннего огня.

– За деньги можно узнать что угодно! Мы выведаем, собирается ли он напасть из Нидерландов или послать войска морем, а если так, то на скольких кораблях и под чьим командованием, куда, когда и что намерен делать потом. Миледи, клянусь, как только испанский король поковыряет в ухе, вы об этом узнаете, и даже узнаете точный вес наковырянной серы!

– Проклятье, Уолсингем, опять деньги?

Сколько?

Que voulez-vous?

Что мне оставалось делать?

К весне восемьдесят восьмого – все-таки Уолсингем гений! – мы знали все, что хотели, и даже больше. Каждый день приносил новые тревожные вести.

– Сто тридцать кораблей стоят в лиссабонском порту, в первой линии двадцать больших галионов, десять галеасов и пять новооснащенных купеческих судов, полностью вооруженных и готовых к отплытию, – мрачно докладывал Уолсингем военному кабинету. – Во второй линии шестьдесят с лишним галионов, каждый вдвое больше самого большого нашего корабля, и с ними семьдесят транспортных и разведывательных судов.

Армада.

В мертвой тишине каждый из нас видел лес мачт, видел гордо рассекающие воду плавучие крепости выше лондонского Тауэра. Уолсингем тем временем продолжал:

– Король Филипп поручил командование флотом первому из

своих сановников, герцогу Медине Сидония. Он набрал девять тысяч матросов, две тысячи галерных рабов, почти три тысячи пушек и более двадцати тысяч солдат.

Нас мало… безнадежно мало…

А Уолсингем все бубнил:

– Герцогу Пармскому в Нидерландах приказано встретить огромный флот и помочь ему людьми – для вторжения в Англию. Он пишет своему повелителю… – Уолсингем вытащил из стопки депеш копию письма, – что приготовит для высадки собственные барки…

Одно, по крайней мере, мне стало совершенно ясно.

– Нельзя допустить высадки!

Хансдон поднял брови:

– Ваше Величество боится, что католики их поддержат?

– Никогда! – воскликнула я. – Никто не поддержит испанского короля! Англия помнит Марию Кровавую и смитфилдские костры – она будет драться!

Но никто не отважился сказать «аминь».

Да, мы были готовы драться, в этом никто не сомневался. Лондонский магистрат спросил, сколько людей выставить для защиты города.

Мы сказали, пять тысяч человек и пятнадцать судов, горожане поклялись удвоить это количество, а понадобится, и учетверить.

Но если все-таки враг высадится?..

– Роб… ты будешь меня защищать?

О, как сильно он сдал… и за бок держится, как Кэт незадолго до смерти… – неужели у него тоже колет в боку?

Он улыбнулся своей старой, той улыбкой.

– Защищать? Мадам, велите умереть за вас, и я умру, ликуя и распевая псалмы, словно ткач, если это спасет вашу бесценную жизнь!

Мы мучительно выкарабкивались из мирной спячки, приводили Англию в боевую готовность. Говард был лордом-адмиралом, Берли заведовал внутренними делами, Хаттон в должности лорда-канцлера уламывал и умасливал непокорный парламент. Если Англию можно спасти, ее спасут эти люди. Однако Робин – мой воитель, мой защитник – должен был спасать меня саму. «Вы будете моим наместником, вам командовать наземными силами и обороной, – сказала я. – Ив этом звании вы должны спасти нас обоих – и наш добрый народ!»

Все мои дворяне и дворянчики до самых упорных католиков со зловещего севера наперегонки предлагали людей и оружие. Берли выставил сто всадников: пятьдесят улан и пятьдесят человек легкой кавалерии, Робинов брат Амброз – сто пятьдесят

всадников и двести пехотинцев. Даже кабинетный воитель Уолсингем снарядил пятьдесят улан и двести пехотинцев; мне сообщили, что он заказал себе полный комплект боевых доспехов и намерен лично возглавить отряд.

– Что ж, и вы, как древний мавр, решились заделаться рубакой? – поддразнивала я его в тщетной попытке сдержать слезы.

Однако чего-чего, а чувства юмора у Уолсингема сроду не было.

– Рубакой? – напрягся он. – О нет, мадам, я приобрел новейшее, лучшее и, – не удержался добавить он, – самое дорогостоящее из современных вооружений…

– Да, сэр?

– Мой собственный батальон карабинеров! – Его глаза излучали торжество.

– Карабинеров?

Абракадабра какая-то!

– Стрелков, Ваше Величество.

– Ха, ружейщиков!

– Мушкетеров, мадам, с вашего позволения – лучших в мире!

Он чувствовал себя задетым.

– Да, да, разумеется, это замечательно – мы благодарим вас от всего сердца.

– Горстка карабинеров?

Мой нежный обожатель Эссекс не желал ни в чем уступать другим. Он явился, разодетый по-царски в огненно-рыжий бархат, сияющий всей гордостью двадцати юных весен, чтобы сложить к моим ногам свой дар. Он и впрямь собрал больше всех – двести пятьдесят конных солдат и пять сотен – пеших.

Что с того, если каждая пуговица на мундирах «его» людей, каждая уздечка и мундштук на «его» конях были оплачены из моих денег? Как мне нравилась его заносчивость! Огонь в очах, ласка во взоре – такому могла бы позавидовать любая женщина, этого не купишь ни за какие деньги!

В целом набиралось вполне приличное войско, и это еще не считая волонтеров, селян, которые сбегутся под мои знамена, едва первый испанец вступит на английскую землю.

Однако, если мы не разобьем противника на море, если мой бедный народ – землепашцы и зеленщики, лесорубы, лавочники и лудильщики, батраки и мелкие фермеры – должен будет противостоять закаленным наемникам герцога Пармского, подонкам Европы, боевым псам, кровожадным гессенцам и беспощадным швейцарцам – тогда держись, Англия!

Довольно!

Мы будем сражаться, мы все будем сражаться и ляжем в бою! А взыгравший в маленькой Англии боевой дух принес мне неожиданного поклонника. Бог любит пошутить! Вообразите, кто ко мне чуть не посватался – сам Папа!

«Что за смелая женщина эта англичанка! – сказал он французскому послу. – Правит меньше чем половиной острова, а готова обороняться от двух величайших наций, Испании и Франции, на суше и на море, и даст их королям сто очков вперед. Как несправедливо рассудил Господь, что нам нельзя пожениться – наши детки изумили бы весь мир!»

И я, и весь мой двор хохотали до упаду. Но в ту ночь в Гринвиче, когда тьма сгустилась и надежда догорела вместе со свечами, навалились страх и сожаления. Выйди я за Филиппа, когда он предлагал сразу же после моего вступления на престол, не спасла бы я этим любимую страну от грядущих бед?

Да, спасла бы.

Но ценой, какую ни один англичанин не согласится платить.

Нет, мы будем драться.

В опочивальне приглушенно сонными голосами переговаривались несколько моих женщин – словно голубки воркуют на ночной страже. У большого очага, где сейчас, по случаю июня, вместо горящих дров благоухал зеленый папоротник, в обнимку с собаками невинно посапывал семилетний паж.

И я знала, что за стеной бодрствуют мои стражники и телохранители, покуда я бодрствую и думаю об Англии.

Англия. Моя Англия. Наша Англия…

Та Англия…

Та Англия, что никогда не склонится под гордой пятой завоевателя. Пусть идут с трех концов земли, и мы отразим их нашествие!

За оконным переплетом невидимо и неслышимо расстилались зеленые английские холмы и пастбища, наши древние замки, полноводные реки и крошечные быстрые речушки, широкие проезжие дороги и надежные гавани – рай Божий. Я думала о своем народе, о честных крестьянах и их приземистых работящих женах, о детях и младенцах, ради которых мы будем сражаться, чтобы им укрепляться в истине, не в страхе, свободно, не под ярмом. За лугом шептала и плескалась вода, в пахучем сыром воздухе рыдал одинокий козодой.

И эта драгоценная земля… та Англия[16].

В душе я видела, как вся наша маленькая страна грудью прокладывает себе дорогу к первым лучам жизни меж таинственных островов, этих затерянных мест на мглистом краю

Вселенной, и при этом движется вперед, всегда вперед, к неведомым странам и народам. Я закрыла глаза и без слов принесла Богу и своей душе тайную клятву: «Мы сохраним веру».

Пусть весь мир идет на нас. Мы будем сражаться до последнего.

Мы будем сражаться, доколе нас поддерживает английская земля, доколе наша кровь орошает английскую почву, доколе хоть одна английская рука держит меч против наших врагов.

Мы будем сражаться, доколе жива Англия.

Мы не сдадимся.

Глава 9

Они не пройдут.

– Кто здесь? Что, высадились? Нет, входите, я не сплю, только задремала… О, Робин, какие вести?

Опочивальню затопило озеро мерцающей тишины. В предутреннем свете я не могла прочесть выражение на его лице.

– Мадам, новая Папская булла.

Папа? Папа опять нас обложил? Какая теперь разница?

– Он призывает всех католиков восстать и сражаться на стороне испанцев, как только их армия достигнет наших берегов.

Я и бровью не повела.

– Он все еще верит, что его слово свергнет меня с трона? Под обычными предлогами: незаконнорожденная, узурпаторша, еретичка и прочая?

– С одним дополнением. Ваше Величество. – Глаза у него сверкнули, как у былого мальчишки Роба, и сощурились на пергамент, который он держал в руке. – «Ибо она различными непотребствами завлекает мужчин на удовлетворение своих мерзких плотских вожделений, прибегает к ворожбе, дабы ввести в грех и завлечь величайших сановников в гнусные беззакония, грязный и неистовый разгул…»

Я состроила серьезную мину.

– А называет ли Его Святейшество кого-нибудь из моих жертв, несчастных, которых я поработила в угоду своей великой похоти? Кого-нибудь знакомого?

Этот притворщик сделал вид, будто справляется с пергаментом, и с нежной улыбкой поднял на меня глаза.

– Тут упомянут некий Роберт Дадли, граф Лестер…

Однако к нам летели куда более страшные вести. Уолсингемово золото – мое золото! – или, еще точнее, короля Испанского – купило нам глаза в самых укромных уголках Эскориала, мы могли заглянуть даже в Филиппов стульчак. Так что мы узнавали о его приготовлениях шаг за шагом, одновременно с ним самим. Мы присутствовали при рекрутских наборах, наблюдали, как вяжется каждый узел в такелаже его судов, знали, как солдаты поднимаются на борт и сколько пушечных ядер готово изрешетить бедную Англию – сто двадцать три тысячи семьсот девяносто два! Мы знали день и даже точный час, когда морское воинство испанского короля повернет на запад от Ла-Коруньи, возьмет курс через Бискайский залив и выйдет в открытое море.

Армада надвигалась.

Испанцы снарядили триста галионов, мой флот не насчитывал и тридцати. Вместе с кораблями Дрейка и Хоукинса, Рели и других моих пиратов, с кораблями, что денно и нощно сколачивались в каждом английском доке, может быть, удастся наскрести сотню.

В лучшем случае один против трех.

У них две тысячи галерных рабов, три тысячи пушек, десять тысяч матросов, двадцать тысяч отборных солдат.

У нас – мальчишки и мужики из Сассекса, Эссекса, Кента.

А у самых наших дверей засел герцог Пармский с пятьюдесятью тысячами солдат, с несчитанными и несчетными варками, которые продолжают строиться быстрее, чем наши лазутчики – доносить.

Однако в Писании Давид победил Голиафа.

И с нами был английский дух, самый несломимый дух в мире.

– Нет, Робин, я не поеду в Виндзор. Если до этого дойдет, Сент-Джеймский дворец можно оборонять не хуже любого другого…

Если мы не остановим испанцев в Ла-Манше и они подойдут к Лондону, все погибло, и я – тоже.

Я взяла Робина за руку – она была сухая и горячая на ощупь, провела пальцами по его лицу – какое же оно холодное и липкое. Ему надо принять вербенового масла или целебного настоя анютиных глазок, которым Екатерина Парр лечила отца, – не забыть бы послать. О, как я его любила! Гладя его бледное лицо, я почти забыла про болезненные спазмы в собственном желудке.

– Езжайте на берег, постройте войска, я сама проведу смотр.

Господь Саваоф, Ты, что не всегда даруешь победу сильному, но можешь поддержать слабых, благослови и укрепи моих бедных солдат, дай им мужество противостоять страшному врагу…

Ибо вести из Испании кого угодно повергли бы в ужас.

– У обоих герцогов, Пармского и Медины Сидония, с собой запечатанные приказы, мадам, – докладывал Уолсингем (откуда он такое узнает? Какой-то несчастный испанский писец, повинный в содомском грехе, под угрозой разоблачения решился взять на душу еще и измену со шпионажем?), – которые разрешено вскрыть лишь при столкновении с нашим флотом и которые предписывают победить или умереть. Им запрещено возвращаться, покуда Англия не будет покорена, даже если они услышат, что английские войска вступили на испанский берег!

Я рассмеялась, немножко громковато:

– Да будет так – победа или смерть!

Кого напомнил мне Уолсингем серовато-поблескивающей

кожей и решимостью бороться в этой жизни и следующей?

О, Господи, бедного священника Кэмпиона…

Уолсингем улыбнулся почти светло:

– Скоро мы узнаем, благоволит ли нам Бог, – моряки говорят, завтра.

Робин ушел, с ним Эссекс, Рели ушел, никого со мной не осталось, кроме жалкого уродца Роберта Сесила, никого, кто бы защитил меня и спас.

Кроме тех, кто всегда меня спасал, – Бога и моей смелости…

В ту ночь я долго сидела перед зеркалом, втирала в виски борец – Господи, дай мне силу борца, чтобы выдержать испытание.

Уединясь в опочивальне, я попыталась молиться:

«Господи Боже, Бог-Отец, Отче любви, которой мне не довелось изведать. Ты вознес меня высоко, но плоть моя слаба и лукава. А теперь на нас надвигается ужасное, и негде спрятаться, и мне нужно быть сильной ради других, не ради себя. И если в день битвы я забуду Тебя, не забывай Свое дитя и дщерь, коснись моего сердца, чтобы мне вспомнить Тебя и то великое дело, которое Ты мне поручил, мою страну и весь мой народ».

Однако, если бы я смела, я бы добавила еще молитву: «0, Господи, дозволь мне быть с ними, не допусти меня умереть в одиночку!»

– С берега заметили испанские корабли, мадам, гонец прискакал и упал замертво.

– Спасибо, Роберт.

Весь тот июль в Европе бушевали шторма, свирепствовали грозы, природа негодовала на человеческую вражду.

В три часа дозорные на мысе Лизард увидели надвигающийся от горизонта ужас, море и небо почернели. Из-за края земной чаши выползал строй боевых кораблей, необъятный, необозримый, – корабли-башни, корабли-крепости, корабли-цитадели, выстроенные в правильный полумесяц рассекали волны, и столько их было, что рога зловещего серпа растянулись на семь миль.

Они шли под всеми парусами, с полным ветром, но так неспешно, что в их чинном неторопливом танце мерещилась насмешка. Под тяжестью их стенало море, ветер с трудом влачил неповоротливые громады.

И тогда же – первая жертва с нашей стороны – бедняга дозорный, подав голос, вскричал: «Господи, помилуй!», упал и умер. Но мой коротышка Дрейк, катавший шары по Плимутской набережной с другом и родичем, старым девонским морским волком Хоукинсом, лишь остановился, взглянул на небо и

беспечно бросил: «Закончим игру! Испанский король любезно позволит нам доиграть».

Однако эти мужественные слова не могли скрыть великую невысказанную правду.

Все было против английских суденышек.

– Господь нам улыбается, мадам! – твердо сказал Роберт, когда прибыли вести из Лондона. – Наш флот здесь и обороняет берег, а не рыщет где-то в море, ловя свой хвост и проскользнувших мимо испанцев.

«Как советовал кое-кто из ваших приближенных», – не сказал деликатный Роберт, и не в последнюю очередь ретивый молодчик лорд Эссекс – он хотел, чтобы мы сами искали битвы, а не дожидались, пока она произойдет в свое время и в наших собственных водах.

В ту ночь страшный гордый полумесяц, не таясь, бросил якоря на Плимутском рейде. А когда на заре следующего дня испанцы проснулись, то обнаружили, что все наши кораблики выскользнули из гавани и обошли их с тыла. Как я хохотала!

– Это послужит им уроком, Роберт! – ликовала я. – Нечего было смеяться над нашими скорлупочками!

Роберт улыбнулся, однако он был очень бледен.

– Дай Бог, чтобы Ваше Величество оказались правы.

Теперь депеши прибывали через каждые полчаса-час. Ко мне их доставляли в считанные минуты – мокрые от морской воды, дождя и грязи, пота или крови.

«Мы знаем, что они возьмут курс на Кале, – писал со своего флагмана кузен Говард, – чтобы встретиться с герцогом Пармским и обеспечить прикрытие его баркам. До той поры мы можем лишь сопровождать их на разумном расстоянии, дабы избежать потерь с нашей стороны».

– Да, – говорила я, – и Бог ему в помощь!

Роберт, прикажите ему держаться поодаль!

Ибо потеря даже одного нашего корабля оказалась бы непоправимой.

Как трудно вести морское сражение на суше. Мы держались поодаль и ощущали всю убогость нашей артиллерии – ядро за ядром с грохотом и дымом вырывалось из пушечных жерл, чтобы тихо плюхнуться в море без всякого ущерба для врага. Я рыдала с досады при мысли об этой расточительности, о напрасно потраченных деньгах, о бессмысленности происходящего.

– Пусть сразятся! – рыдала я. – Может, уничтожим хоть один галион по пути к Кале!

Или мы и на это неспособны?

– Мадам, ваш вице-адмирал сэр Фрэнсис Дрейк прислал

сказать, что именно это они намерены сделать.

– Отлично! Господи, даруй нам победу!

Как быстро Господь карает нас за самонадеянность, как быстро смиряет нашу гордость! Весть застигла меня в уборной, моя фрейлина Уорвик, жена Робинова брата Амброза, заколотила в дверь.

– Мадам, беда!

– Господи, помилуй! Что?

– Кузен Вашего Величества, лорд-адмирал Говард, взял слишком круто к ветру и теперь окружен врагами!

Выбираясь из нужника, я увидела себя глазами Уорвик: старуха, в слезах, с перекошенным от ужаса лицом, лихорадочно оправляет юбки, одергивает платье.

– Глупец! – взвыла я. – Что? Что еще?

– Теперь все ждут прилива, мадам, доложил гонец, и лорд-адмирал, и окружившие его галионы. А дозорные на берегу говорят, едва начнется прилив, испанцы протаранят флагман, потопят его, и тогда всем нашим людям конец!

– Что?! – От моего вопля чуть не вылетели стекла. – Не пощадят нашего великого лорда, первейшего из наших мореплавателей? Даже за выкуп?

Но и крича, я слышала в голове зловещий шепот: победа или смерть… смерть или победа…

Глава 10

Победа или смерть…

Смерть или победа…

– Ваше Величество, вы еще не спите?

– Да, да, Роберт, входите, какие вести?

– Велеть вашим женщинам, чтобы принесли сластей и вина, подкрепить ваши силы?

– Велите что хотите, только выкладывайте новости!

– Из Плимута пока ничего о судьбе лорда-адмирала и его флагмана, однако прилив начался, и мы узнаем все от утреннего гонца.

О, Господи.

О, бедный мой кузен Говард, бедные его люди.

И бедная моя Англия, подмятая львиной лапой.

Господи, помилуй его, помилуй нас всех!

Даруй нам победу – и сохрани моего кузена от смерти!

Испанцы потешались над нашими суденышками – вам это известно? – все потому, что их громадины не могли, в отличие от наших малюток, поворачивать, лавировать, маневрировать при малейшем дуновении ветра. С высоты могучих галионов наши скорлупки казались маркитантскими лодчонками, шлюпочками, рыбачьими шаландами. «Отрава в мелких склянках!» – кричали испанцы моим морякам с палубы своих плавучих крепостей.

Они полагали, что мой Чарльз, мой лорд-адмирал, наш главнокомандующий, у них в руках, а значит – победа обеспечена. Даже благодарственную мессу отслужили! Однако Господь справедлив. И англичанин без боя не сдастся!

Покуда испанские увальни продирали сонные глаза, с первыми признаками прилива три наших суденышка проскользнули у мощных галионов между ног и бросили флагману буксирный конец. В два счета его вытянули кормой вперед, проявив чудеса мореходного искусства, о которых испанцы вспоминают и по сей день.

Пока на больших галионах выбирали якоря, наши уже увели флагман в открытое море и были вне досягаемости!

– Благодарение Богу! – вскричала я и тут же засыпала кузена Чарльза депешами, где были и смех, и слезы, и брань, и ликование, и упреки, и приказы: «Атакуйте без страха и рассуждений!», «Будьте осторожны, действуйте осмотрительно!», «Вперед!», «Назад!», «В наступление!», «Возвращайтесь!» – покуда на моих писцов не напал столбняк.

Но, как в море, в нашем счастье были приливы и отливы. Мы

преследовали врага в Ла-Манше, мои матросы и командиры проявляли чудеса мужества. Сколько сердец билось за Англию, сколько имен предстояло мне вспоминать в молитвах, а грядущим историкам – заносить в книги. И не только моего кузена и его вице-адмиралов – Говарда Эффингема, Дрейка и Хоукинса, но и заместителя Дрейка, Фробишера, который ни в чем не отставал от других.

И еще тех, кто прежде не были моряками, но в трудный для Англии час отдали ей все, – среди прочих я молилась и за некоего Хениджа – помните, был такой юный танцор Том? – кто в числе многих за свой счет построил и вооружил собственные корабли. Мы не брезговали ничьей помощью; другой мой кузен Говард, тоже юный Том, сын предателя Норфолка, снарядил для меня корабль – я молилась и за него.

– Какие новости, Роберт?

– Пока ничего, Ваше Величество.

А непогода по-прежнему бушевала, шторма и грозы не считались с июлем, природа словно обратила счет времен года вспять, карая нас за преступления против мира и Бога.

– Какие новости, Роберт?

– Первая кровь, Ваше Величество, – один из вражеских кораблей, «Розарио», получил пробоину выше ватерлинии и вышел из строя, у галиона «Сан-Сальвадор» сбиты мачты – оба сдались.

– Два корабля! Хорошо, клянусь Богом; наш Бог милостив! – кричала я от радости, а Роберт тихо радовался рядом.

Однако наши тревожные взгляды говорили:

«Два? Всего-то? Что значит два из трехсот?»

Кажется, я не ела и не спала – а кто в Англии ел или спал? Дни и ночи превратились в бесконечную ходьбу взад-вперед, перемежаемую редкими периодами лихорадочного забытья, вызванного телесным изнеможением.

А там, в разыгравшемся сером море, меж бурных валов, не зная ни дней, ни ночей, под проливным дождем, под обезумевшими ветрами в Ла-Манше двигалось адское воинство испанцев, а вокруг, словно терьеры, мельтешили английские суденышки, наскакивали, кусали, выводили из себя слепых испанских медведей.

– Какие новости, Роберт?

– Как только что-нибудь сообщат. Ваше Величество, вы узнаете первой.

– Который день? Я, кажется, сбилась со счета.

– Шестые сутки битвы, госпожа.

– И завтра…

Роберт кивнул. Господи, он с каждым днем делается все бледнее!

– Говорите, не молчите! – чуть не заплакала я. Однако я знала и без слов. Что толку говорить?

Завтра они должны были войти в Кале.

Конечно, мы помнили о брандерах[17], мы думали о них с самого начала. Не кто-нибудь, а сам Уолсингем был в это время в Дувре, распоряжался тоннами дегтя, просмоленными шлюпками, истинным огневым воинством, которое удовлетворило бы и саламандру. Но то ли Филипповы молитвы, то ли круглосуточное завывание трех тысяч ручных монахов во дворце-соборе притупили Божий слух, сделали его нечутким к добрым протестантским молитвам. Так или иначе. Он направил ветер нам в лоб, и Уолсингемовы плавучие трутницы оказались запертыми в Дувре.

И вот великий испанский флот мирно покачивался на якорях вблизи Кале, а наши дозорные тщетно высматривали огнедышащую подмогу. Однако они были не из тех, кто кусает локти и опускает руки. Говард кликнул на флагман всех командиров и капитанов. И на военном совете они приняли судьбоносное решение, и скрепили его рукопожатием, и поклялись великой клятвой рискнуть судьбой Англии в одном решительном броске.

Слава Богу, меня с ними не было! Всемогущий в Своей великой мудрости закрыл мне глаза, заткнул уши – в этом я уверена! Я никогда не согласилась бы с этим решением, не приняла бы эту жертву – я, которая стольким пожертвовала, столько отдала самого дорогого, ради того же самого дела, ради Англии, всегда ради этой нашей Англии…

Говорят, Дрейк вздохнул, прикрыл свои голубые-преголубые глаза, потом открыл их и объявил: «Я отдаю „Томаса“. Хоукинс рыдал в голос, когда сквозь слезы проговорил: „От меня пусть будет «Ястреб“. Тогда слово взял Фробишер, за ним остальные, и вскоре все десять были обречены. Десять лучших, быстрейших английских кораблей, добровольно отданные теми, кто любил их и кто ими владел, стали брандерами, чтобы выкурить беса испанской Армады.

Итак, вместо старых развалюх, корабельных остовов, которым уже не ходить под парусами, не держать строй, а только дрейфовать по воле ветра и волн, – эскадра адских брандеров, направленная в сердце испанцам. Они шли во всей красе, с них не сняли мачт и парусов, как с обычных брандеров, – не жалкие просмоленные лодчонки, но четырехмачтовые красавицы шхуны; под всеми парусами, выдраенными втугую, неслись они к

стоящей на якорях Армаде, как мечта моряка о собственной смерти.

И мнилось, то погребальный флот великого норвежского воителя из дней героев и саг в клубах дыма мчит на Валгаллу могучего конунга и его дружину, ибо они шли безупречным строем и так ровно держали курс, что испанцы не верили – они без команды. И они врезались в самую сердцевину испанского флота, неся с собой пламень и серу, ужас и смерть.

– Ну, сударь, какие новости?

Дозорный стоял передо мной – лицо в крови, разбито при падении во время бешеной скачки.

– Ваше Величество, Господь взял-таки нашу сторону. Он топчет наших врагов, попирает их Своею пятой! – Гонец рыдал от обуревающих его противоречивых чувств, смеси горя и яростного ликования. – Сам Господь умеряет их гордость Своими бурями, поражает ядрами, они обрубают якоря и в панике топят друг друга… О, Господи, слышали бы вы их крики, когда мы осыпаем их зажигательными снарядами, льем на них расплавленный свинец, рубим их на куски, – мы видели, как у одного галиона из подветренных шпигатов сочилась кровь, столько убитых истекали на палубе кровью, море почернело, словно вино, на милю вокруг…

Победа или смерть…

Смерть или победа…

Даже Роберт немного порозовел:

– От лорда-адмирала. Ваше Величество, – что до битвы, все пока хорошо.

Я вырвала пергамент, сощурилась, как Горгона, на разбегающиеся слова:

«Ваше Величество, Королева! Ваш слуга приветствует Вас! Этой ночью Ваши командующие, возглавляемые вице-адмиралом Дрейком, который теперь воистину огнедышащий дракон, изрыгающий пламя и ярость, распаляемые праведным гневом, послали брандеры на врага, стоящего на якоре возле Кале, испанцы разбиты и бегут. И хотя Ваши командиры до сих пор оплакивают свои корабли, они смеются от радости и торжества, и таков наш день.

Теперь, благодарение Богу, мы рассеяли врагов, и они бегут с попутным ветром. Иные повреждены, команда затыкает пробоины телами убитых – мы не спеша захватываем одно судно за другим. Вблизи Кале, где была назначена встреча с герцогом Пармским, нам пришли на помощь голландские боевые корабли, дабы этой встречи не допустить.

По три, по пять, а то и по шесть-семь вражеские корабли

покидают Ла-Манш. Наши преследователи видят повсюду бочки и тюки, дохлых лошадей и мулов, даже корабельных кошек, которых команда покидала за борт, стремясь облегчить корабли для бегства. Посреди этой неразберихи мы заметили флагманский галеас и загнали на мели вблизи Дувра – теперь зловещему полумесяцу уже не выстроиться.

Последних беглецов видели вблизи Ярмутского рейда под всеми парусами, они направляются в Северное море. Мы будем преследовать безжалостно, пусть даже придется гнать их вокруг Шотландии и снова в море…

Вашего Величества преданнейший ликующий родич и слуга, лорд-адмирал лорд Чарльз Говард Эффингем».

Они рассеялись.

Высокие корабли побеждены. Армада развеяна и бежит от Божьего гнева.

В трепещущем предутреннем свете мы смотрели друг на друга, мои лорды и я, не смея даже ликовать в эту бесценную минуту победы. Из Дувра прискакал Рели – синие глаза потускнели от усталости, рот мрачно сжат.

– Битва не выиграна! Она просто переместилась в Ярмут, где испанцы могут перестроиться и вернуться, чтобы высадиться на южном берегу…

Берли кивнул:

– Они и сейчас могут попытаться войти из моря в Темзу и напасть на Лондон, выполняя приказ короля, который велел им победить или умереть. А герцог Пармский со своим воинством по-прежнему в Кале…

– Лорд Лестер!

Мы и не слышали, как церемониймейстер торопливо постучал, прежде чем открыть дверь, увидели только самого Робина, когда он вошел, срывая с головы шляпу. При виде него сердце у меня мучительно встрепенулось, потом упало. Он был весь зеленый от усталости, его перекошенная улыбка без слов говорила: случилось что-то ужасное.

– Да, наземная оборона. – Он набрал в грудь воздуха, его печальные глаза отыскали мои. – Дурные вести. Ваше Величество, я решил сообщить их сам. Герцог Пармский несмотря ни на что намерен доставить из Кале войска. Наши корабли преследуют Армаду, Ла-Манш открыт. Враг не встретит сопротивления – мы беззащитны.

Глава 11

Беззащитны…

Я собрала остатки мужества:

– Едем к войскам!

А что еще оставалось?

– Робин, возвращайтесь моим лордом-наместником к нашим войскам, ободрите их от моего имени. Скажите, я прибуду в Тилбери и проведу смотр для поднятия боевого духа.

Чтобы вдохновить мужчин? Или чтобы вдохновиться одной женщине – сиречъ мне? Или потому, что я так соскучилась по одному мужчине, что рвалась непременно его увидеть?

Одно точно – я умирала от бездействия, умирала от чего-то еще и после мучительных дней и недель битвы с Армадой должна была сломать ход этой войны нервов – или сломаться самой.

Ни один священник не готовился так к свадьбе с Христом, ни одна девушка не рядилась так под венец, как я к той встрече с войсками.

– Даже на коронацию, мадам, вы наряжались с меньшей любовью и заботой! – лепетала, качая седой головой, Парри. – А этот лимонный оттенок всегда вам шел – может быть, надеть к желтому шелку янтарь, миледи? Или агаты, или ваши любимые жемчуга?

Радклифф в это время пристегивала мне рукава: мы переглянулись и грустно промолчали. Бедная подслеповатая Парри зарылась в шкатулках с драгоценностями, а сама уже не отличает агатов от эгретов – и платье на мне не желтое, а белоснежно-белое…

Оно и должно быть белым – Парри, соображай она, как раньше, догадалась бы сама, – белым, как каша правота, как чистота нашего дела, как мое целомудрие, моя девическая сила. И к нему серебро – знак царственного достоинства, золото как знак божественности и еще что-нибудь, что символизировало бы королеву-воительницу; пусть люди видят, я сражаюсь вместе с ними, я готова и хочу разделить их тяготы.

Под конец я остановилась на белейшем из белых бархатном платье, мягком, как кроличий хвостик. Роба и корсаж переливались серебряной вязью, по верхней юбке и пышным буфам рукавовиними звездами рассыпались сребротканые розы Тюдоров. Затем жемчуга – неизменные жемчуга, жемчуга к слезам, непролитые слезы природы – огромные жемчужины с Востока, из далекой Индии, по три и по четыре в ряд вдоль выреза платья, по корсажу, по парику, в ушах и на пальцах, под

горлом. Вокруг шеи – кисейный воротник и парчовая вуаль, на плечах – длинный развевающийся шарф золотой парчи.

Однако я должна была выглядеть не только королевой, но и воительницей.

– Ваше Величество, дозвольте послать в Арсенал, – предложил молодой Сесил. – Только Господь Бог – и хранитель Арсенала – знают, что там может сыскаться!

Как кстати оказывались все его предложения!

Посланец вернулся с изящной серебряной кирасой, как раз к случаю, и, вот ведь удивительно, как раз по мне. «Кто ее носил? – гадала я, покуда девушки затягивали ремешки. – Мой бедный покойный брат? Отец в детстве, когда играл в турнирах? Или мать на торжественном маскараде?»

К кирасе прилагался изящный серебряный же шлем. Я велела нести его передо мной на белой атласной подушке – пажа, выбранного на эту роль, нарядили, словно принца эльфов, в белый с серебром атлас. Сама я выступала с непокрытой головой, словно древние девы-воительницы Ипполита и ее подруга Пентезилея, и понимала, что выгляжу амазонкой, царицей амазонок.

В руке я сжимала свое оружие – серебряный, оправленный в золото жезл.

Берли разослал по графствам приказ: «Собрать столько солдат, сколько может английская земля». Они выстроились по холмам Тилбери, заполонили долину и дальше, до самого горизонта.

Со сколоченного на скорую руку помоста меня приветствовали военачальники. Долгие часы подготовки – Господи, как много времени теперь на одевание, платье, парик, белила, румяна – сполна окупились секундным восхищением в глазах моего юного лорда Эссекса, когда я подъехала на могучей белой лошади и увидела его стоящим рядом с Робином во главе ратников.

Мой лорд, о мой милый лорд, каково-то тебе теперь?

Однако заговорил не он, а Робин – взял моего коня под уздцы и начал спокойно, хотя я отлично понимала, что творится у него на душе.

Отряд сомкнулся вокруг нас тесным ограждающим кольцом.

– Мадам, пока никаких определенных вестей о герцоге Пармском. Для нас ветер встречный, мы не знаем никаких новостей из Кале, кроме того, что он вроде бы начал грузить войска. Если так, он будет здесь затемно. Наши корабли по-прежнему преследуют Армаду, врага остановить некому.

– А что голландцы? Ведь их корабли должны были

преградить путь герцогу Пармскому?

– Не сообщают.

Я взглянула на него – лицо тревожное, решительное. Глаза запали, веки почернели от бессонницы. Рука держится за сердце. О, Робин… Я глядела на тысячные войска, безмолвные, неподвижные, исходящие потом на солнцепеке. Мои моряки сделали что могли. Нельзя с одним флотом вести два морских сражения. От этих крестьян-солдат – но, судя по первым шеренгам, это по большей части мальчишки! – от их рук, их плеч зависит наше будущее.

– Я пойду к солдатам.

Робин покачал головой:

– Мадам, дражайшая миледи, позвольте вас отговорить. Цель всего вторжения – свергнуть вас с трона. Сейчас враг высаживается, и любой из ваших солдат, католик либо просто недовольный, легко может выступить против вас. Если вы пойдете между рядов, то подвергнете себя опасности, достанет одного пистолетного выстрела, и цель их достигнута!

За спиной у него стоял Эссекс. Удивительно, как глаза могут быть такими черными и вместе с тем такими яркими?

– А вы как полагаете, милорд?

Он вскинул голову;

– Вашему Величеству следует удалиться.

Я сам отвезу вас в Лондон и позабочусь о вашей безопасности.

О, да…

Нет…

Я улыбнулась в его нахмуренное лицо. Господи, как я устала! Я такая старая, я вижу и понимаю больше, чем они оба, вместе взятые.

– Милорды, подумайте. Никто из вас не в силах меня защитить. Моя единственная защита – любовь Англии и желание моих подданных, чтобы ими правила я, а не король Испанский. Если им предстоит сразиться с герцогом Пармским, швейцарцами и шотландцами-гессенцами, с семиязычным воинством, я встречу удар вместе со всеми. У меня одна жизнь, и я с радостью отдам ее за Англию.

Эссекс напрягся, но по Робинову лицу я видела: для него это не неожиданность. Его улыбка лучилась нежностью и любовью.

– Коли так, мадам, позвольте проводить вас к войскам.

– Ив войска, – поправила я. – Я не допущу, чтобы хоть один человек пропустил редкое зрелище, приготовленное мною для всех!

Мы разъезжали между рядами взад-вперед, взад-вперед,

чтобы повидать всех, до последнего солдата. В тесно сомкнутых боевых порядках никто не шевелился, весь Тилбери словно затаил дыхание. Наконец мы вернулись к помосту, от которого начали смотр. Я поворотила коня и начала говорить:

– Народ Англии…

Легкий ветерок с реки подхватил и унес прочь слова. Слишком тихо! О, Господи, укрепи, молю, дай мне силы, сейчас или никогда.

Я возвысила голос:

– Мой любящий народ!

При этих словах первые ряды смешались, словно волна прокатилась по людскому морю, строй за строем, как один человек, опускался на колени. Молоденький паренек в первом ряду рыдал, не таясь, и шептал вполголоса: «Господь да благословит Ваше Величество! Благословенно ваше прекрасное лицо!»

Сквозь слезы я продолжила:

– Мой любящий народ, нам сказали, чтобы мы, из страха перед изменой, не выходили к войскам. – Я бросила взгляд на Робина – тот улыбнулся грустно и нежно, кивнул. – Но клянусь вам, я не хотела бы жить, если б не верила в свой любящий и преданный народ! Пусть страшатся тираны! Я всегда вверяла себя Богу и моим верным подданным! Сейчас я с вами и полна решимости жить и умереть в бою, среди вас, за Бога и мое королевство, за мой народ, повергнуть свои честь и кровь пусть даже и во прах!

Я плакала вместе со всеми.

– Знаю, что плоть моя – плоть слабой и немощной женщины, но сердце мое и дух – дух и сердце короля, и короля Англии!

Теперь кровь бурлила в моих жилах, словно вино, я дерзко выкрикивала:

– Всем сердцем презираю герцога Пармского, короля Испанского и любого из европейских владык, кто решится вторгнуться в пределы нашего королевства! Сама возьмусь за оружие, сама буду вашим водителем и судьей, сама вознагражу каждый ваш подвиг на поле брани.

Вижу, что каждый уже заслужил награду, и, слово королевы, вы ее получите. Покуда же с вами будет мой наместник, и, клянусь, ни у одного из князей земных не было подданного достойнее и благороднее! Не сомневаюсь, что послушание ваше моему военачальнику и ваше мужество в бою принесут нам скорую победу над врагами Божьими, моего народа и моего королевства!

От возгласов заложило уши. Однако слаще всего был шепот

моего юного лорда, когда он сильными руками снимал меня с лошади: «Ваше Величество – владычица мира, владычица всех сердец! Сегодня вы вдохнули мужество в последнего труса и зажгли любовью первого храбреца!»

Эти слова утешали, нет, питали меня в последующие часы выматывающего ожидания. Высадился ли герцог Пармский? Или играет с нами в кошки-мышки? До темноты расхаживала я по склону холма и беззаботно болтала со своими военачальниками. Однако все время я не спускала глаз с далекого горизонта, с дороги к морю.

Серебристые ли летние сумерки тому виной или мои старые глаза меня подвели, но, когда он прискакал, я его не увидела. Только крики в окружающей войско толпе известили нас о его приближении. А вот и он, не простой курьер, а лазутчик из Кале, запыхавшийся от долгой скачки.

– Пармский не придет! Он раздумал высаживаться, распустил войско и отплывает в Испанию!

– Слава Богу! Благодарение Господу!

– И слава Ее Величеству! Господь да благословит королеву!

– Королева!

– Королева!

– Королева!

Ликующие крики толпы заглушил тихий голос, шептавший в самое ухо: «Я это сделала, я, Елизавета, королева Елизавета!»

В тот вечер мы ужинали в Робиновой палатке, ели поросенка и сочный ростбиф, при свете свечей то и дело поднимались бокалы с алым вином и звучали здравицы в мою честь – никогда я не была так счастлива, никогда в такой мере не чувствовала себя королевой.

Мы говорили себе, что угроза не миновала, напоминали друг другу, что в любую минуту можем услышать зловещий крик: «По коням! По коням! Испанцы идут!» Но сейчас мы не хотели верить в это.

Наши сердца праздновали победу, тешились ею, наслаждались до полного пресыщения. И если бы я могла хоть на секунду остановить ход времен, задержать вращение земного шара, замедлить землю на оси, я бы сделала это тогда – в ту ночь я коснулась, мы коснулись недвижного центра бытия…

– Положить вам еще, милорд?

С коротким «нет» Робин отмахнулся от слуги. Я взглянула на его тарелку – добрый кусок мяса почти не тронут.

– Вы не едите?

– Дражайшая миледи, предоставляю это вам и молодому поколению! – Он нежно улыбнулся Эссексу. – Я не голоден.

Я вдруг вспомнила:

– Вы ведь нездоровы? Вы получили лекарства, посланные мной?

– Получил, мадам, благодарю вас, они очень меня поддержали. – Он снова рассеянно потер бок. – Как только подтвердится наша победа, я думаю заглянуть к тому еврею, что вылечил Уолсингема от разлития желчи, – португальскому доктору Лопесу. А затем буду просить вашего дражайшего дозволения поехать на север к Бакстонским водам – они славились еще во времена римлян, надеюсь, помогут и мне.

– Осмелюсь заверить, вам недолго осталось ждать! – вставил разгоряченный вином юный Эссекс. – Бьюсь об заклад, доны бегут без оглядки! Герцог Пармский больше сюда не сунется! Победа за нами!

Мы с Робином переглянулись: «Ах, молодость, дай ему Бог счастья!» Однако мой юный лорд оказался прав. Потихоньку-помаленьку, из поспешных посланий и запоздалых депеш, со слов и из писем, из предсмертных записок и брани, вздохов и слез, молитв и хрипа умирающих вырисовывалась истина.

Мы победили.

Мы отбросили воинства Велиаловы, низложили сильная со престол. Разбитый испанский флот не решился ни вернуться на место встречи, ни даже обменяться продовольствием и боеприпасами, каждый спасал свою шкуру. Иные затерялись в море возле Шотландии, иных выбросило на ирландский берег, где вероломные керны катали их головы вместо шаров, выедали глаза и уши на завтрак. Из тех, кто благополучно обогнул Англию и вышел в открытое море, многие обессилели от голода, попали в руки корсаров и были проданы на галеры, где и мучаются по сей день. Из всего великого испанского воинства на родину вернулась лишь тысяча человек.

Таков был Божий вердикт: им смерть, и поношение, и тяжесть Его гнева.

Нам – торжество. Когда стало известно, что враг разбит, я заказала благодарственный молебен и сама выбрала текст. По моему приказу архиепископ, мой Уитгифт, которого я звала не иначе как своим черным муженьком, начал с краткой молитвы:

– Ныне наша могущественная и великая королева Елизавета, как древле Дебора, воспряла, чтобы воспеть песнь радости:

«Израиль отмщен, народ показал рвение; прославьте Господа! Слушайте, цари, внимайте, вельможи: я Господу, я пою, бряцаю Господу, Богу Израилеву.

Воспряни, воспряни, Дебора, воспряни, воспряни! Воспой песнь! Тогда немногим из сильных подчинил Он народ; Господь

подчинил мне храбрых. Попирай, душе моя, силу! Тогда ломались копыта конские от побега сильных Его.

Тако да погибнут все враги Твои, Господи!

Любящие же Его да будут как солнце, восходящее во всей силе своей!»[18].

– А после Деборы, – вкрадчиво заметил на рассвете Сесил, когда мы с ним, с его сыном Робертом, Робином и Уолсингемом в дружеском кругу потягивали винцо (ложиться никому не хотелось), – после великой воительницы Деборы, помните ли, любезная госпожа, земля Израильская покоилась сорок лет?

Я рассмеялась:

– Нет, позвольте мне изречь пророчество для Англии – она будет покоиться в мире и радости четыреста сорок лет!

И мы выпили за это предсказание, и потребовали еще вина, и развеселились, и даже разошлись не на шутку.

Но радостные возгласы заглушал все тот же тихий внутренний голос.

Пусть в этой стране наступит тысячелетнее царствие, все равно эти дни и часы не изгладятся в памяти людской. До скончания веков всякий, кто зовет своей родиной этот бесценный остров, будет трепетать от радости, вспоминая, как маленькая Англия сокрушила Великую испанскую Армаду и рассеяла ее по волнам!

Послесловие к моей четвертой книге

Nos nobis, Domine.

Не нам. Господи[19], сила и слава, победа и мощь.

Не нам прозревать в будущее, не нам видеть темную руку, разрезающую бесценную нить жизни даже и в минуту величайшей любви, радости и благодарности.

Откуда мне было знать?

Я так и не сказала «прости, любимый», так и не попрощалась с ним.

Он пригнел откланяться и приложиться к руке, его глаза лучились любовью и обычной теперь печалью.

– Когда ждать вас обратно? – спросила я. – Вы будете нужны мне перед открытием парламента. Несговорчивые представители графств наверняка оспорят новые налоги на нужды обороны… а тут еще неприятности с Ирландией…

Он задержал мою руку в своей чуть дольше, чем велит учтивость.

– Мадам, неприятности с Ирландией будут всегда. Эта

проклятая Богом страна такова, что исцелить ее может разве что Бог – или какое-нибудь юное земное божество.

Он полуобернулся к дверям, где его слуга держал на руках теплый дорожный плащ – было заметно, что он мерзнет, несмотря на сентябрьскую теплынь.

– Заботься о Ее Величестве, мальчуган! – Он игриво потрепал Эссекса по подбитому ватой корично-алому крылышку модного камзола. – Если можно доверить столь священную особу неоперившемуся юнцу!

Разумеется, прелестное золотисто-смуглое лицо моего юного лорда нахмурилось и яростно вспыхнуло от обиды на «мальчугана» и «юнца», посыпались яростные возражения, мы с Робином рассмеялись, и так, со смехом, он ушел.

Знал ли он тогда?

Думаю, знал.

Ибо напоследок он поднес мою руку к губам и сказал:

– Поручаю вас любви этого лорда – и Англии. Прощайте, моя королева, моя бесценная…

Проговорил ли он вполголоса, уже на ходу, или я домыслила это позже: «Прощай, любовь моя»?

Надо было проводить его до коня, подержаться за стремя, поцеловать на прощанье – ведь я всегда так делала!

Но «танцуем!» приказал мой одетый в алое юный лорд, и я, охваченная пламенем его молодости, закружилась в галлиарде, не проводив Робина даже взглядом.

Потом, в конце августа, пришло письмо – о, как он лгал мне, какие писал успокоительные слова: «Я принимаю ваши лекарства, и они помогают мне много лучше других. Но я пишу лишь затем, чтобы осведомиться о своей дражайшей госпоже, чье счастье и здоровье для меня дороже всего в жизни…»

Я улыбнулась, прочитав письмо, и отложила его в сторону.

Отвечу завтра… или послезавтра… или после-послезавтра…

Но вместо следующего письма прискакал дрожащий молодчик, бледный и запинающийся со страху.

Робин…

Нет, нет, даже сейчас я не могу выговорить это слово без горя и ярости – да, ярости, потому что, напиши он правду, я послала бы ему своих врачей.

По крайности я послала бы первому вельможе королевства слуг и сиделок, рыцарей и оруженосцев, да, и даже фрейлин, чтоб ему умирать в почете и роскоши.

А так он умер, брошенный всеми, одинокий, за ним ухаживали всего лишь двое или трое слуг, простаки, которые, в отличие от остальных, не разбежались из страха подхватить

заразу. Его бывший секретарь – ирландский стихоплет Спенсер, так вот, этот Эдмунд один из немногих оплакал его кончину в стихах. «Величье его испарилось в ничто», – написал он.

Красиво сказано, красиво! Но когда мой лорд испарялся в ничто, горел в лихорадке, стискивал больной бок и рыдал, кто был с ним? Как и в Уонстеде, когда он заболел после того, как я узнала про его свадьбу с волчицей, и при нем не было никого, кроме дряхлых старух и деревенских мужиков, так и теперь некому было облегчить его страдания, поцеловать на прощанье, с любовью прикрыть веки.

И некому оплакать.

Разумеется, не Леттис, ведь эта волчица, упыриха, гарпия, ведьма, не успели его отпеть и заколотить гроб, снова вышла замуж.

Да, воистину с похорон на брачный пир пошел пирог поминный[20]. Похотливая бабенка выскочила за мальчика, который годился ей в сыновья, да он и был ближайший друг моего лорда, ее сына – юный Блант, Кристофер Блант, который за меня сражался с Эссексом на турнире, и он попался на ее чары.

Ладно, эта измена Робину вышла ей боком! Я отняла у нее все его имения, поместья, дома, выставила ее из Кенилворта и записала его на себя, вытащила из нее все его долги, до последнего фартинга. Я преследовала ее, как волчицу, травила, как могла.

Он оставил мне все, а как же иначе, ведь все, что у него было, подарено мной. Однако он завещал мне одну вещь, которую купил сам, – свой прощальный дар.

Жемчуга.

Жемчуга – символ целомудрия, Луны, Дианы, богини девственниц, жемчуга – слезы Природы, символ земного горя.

Тройная нить в шесть сотен жемчужин, превосходнейших, лучших в мире, с подвеской из алмазов, что символизирует величие, и изумрудов, что означает его ревнивую любовь.

Но их доставили позже.

Тогда я не могла ничего.

Ровным счетом ничего.

Он умер в мой день рождения.

Что Господь пытался мне этим сказать?

Умирая, шептал ли он мое имя, звал ли меня, плакал ли обо мне? Бормочущий скот, деревенский придурок, который привез весть, не мог сказать ничего путного.

– Он умер, госпожа. Это все, что я знаю. Он умер.

– Оставьте меня.

Я не бушевала, не кричала. Я сидела тихо, пока они все не

вышли, начиная с Парри и кончая последним пажом, а потом прошла через комнату и захлопнула щеколду. Я была очень спокойна.

Прощай, любовь.

На столе лежала его записка, та самая, про лекарства и про здоровье. Я аккуратно написала на ней «его последнее письмо» и завязала ленточкой. Потом села и стала ждать.

Ждать, пока горе отпустит.

Я ждала и ждала.

Но я не была одинока. Я слышала его голос, он все время был рядом, в комнате. Мы о многом поговорили. Но больше всего я упрекала его за небрежение к себе, за небрежение ко мне!

«Как могли вы меня покинуть? – рыдала я. – Как могли покинуть?»

«Миледи, – отвечал его милый голос, – любовь моя, я никогда вас не покину».

Солнце взошло и село, я не шевелилась. Ночь наступила и прошла, я несколько раз вставала, но всякий раз возвращалась к своему стулу и нашему разговору.

Иногда мне мерещилось, что я напеваю песню, которую мы пели когда-то вместе. Какие-то люди без конца подходили к дверям, заговаривали, стучались, звали: «Ваше Величество, вы здесь? В комнате?»

Дурачье – где же мне еще быть?

Разве что в могиле, с моим лордом. Здесь мы были бы одни, обнялись бы, как встарь, в тот чудесный день, в Кью.

О мой лорд, мой лорд!

Приходил и мой новый лорд, юный, но его голос за дубовой дверью казался грубым и резким, молодой задор не трогал моих ушей, не задевал слуха. И он тоже уходил.

Наконец послышался по обыкновению тихий голос Берли:

– Мадам, надеюсь, с вами все хорошо. Прошу отойти от двери, мы ее сейчас высадим.

Бах! Бах! Бах!

Грохот, как при конце света.

Бах, бах, бах.

Бах, бах…

Не знаю, как долго они ломились. Наконец прочный, как железо, черный дуб раскололся. В пролом ввалились четверо дюжих привратников, взопревшие, запыхавшиеся, встрепанные, с такими лицами, будто я сейчас заору: «Отрубите им головы! Всех в Тауэр!»

За ними пролез Берли, деловито подбирая одежды, с таким видом, словно прогуливался по собственному саду.

– Здравствуйте, дражайшая миледи, – сказал он как ни в чем не бывало. – Надеюсь, за эти четыре дня с вами ничего плохого не приключилось.

Его сын Роберт, Уолсингем, Хаттон, кузены Ноллис и Хансдон, стараясь не зацепиться за острые щепки, один за другим протискивались в пролом, и, протиснувшись, кланялись. Берли махнул рукой. Мигом влетели Радклифф и Бесс Трокмортон, Кэри и Уорвик, а с ними все горничные.

– Смотрите, мадам, вот ваши женщины, они нарядят вас для встречи с народом, – все так же спокойно продолжал Берли. – Ваши люди требуют вас, они хотят радоваться вместе.

Впереди торжества, молебны в аббатстве и в соборе Святого Павла, послы Италии и Франции, Савойи и Венеции, Австрии и Польши четыре дня дожидаются очереди сложить к вашим ногам приветственные послания.

Маленький Роберт выступил вперед на скрюченных ножках и подхватил:

– Ведь вы теперь королева всего мира, и весь мир жаждет вашего совета и помощи. Посмотрите сюда, ваша королевская милость. – Он раскрыл тяжелую кожаную папку и взял пергамент. Под ним лежали указы с печатями и без, декреты и патенты, назначения и награждения, и все они ждали моей подписи. – Вам необходимо скрепить вот это своей рукой… распорядиться насчет того…

Разумеется, они меня уговорили.

За тридцать лет Берли научился со мной управляться.

И жизнь пошла дальше.

И я пошла дальше. Меня раздели, накрасили, увенчали новым париком, нарядили в сверкающий атлас, алмазы и жемчуга, так что я воссияла солнцем величия, подобно нашей победе, и мой народ ликовал, жег фейерверки, кричал и распевал баллады, бил в колокола, трезвон стоял аж по всему городу.

Три дня гремели турниры и петушиные бои, травили медведей, разыгрывали пантомимы и гуляли, и в каждом из этих действий по двадцать раз кряду разбивали Армаду ко всеобщей радости и ликованию.

А я никогда больше не называла его имя вслух.

Однако по-своему, в свое время, я сказала, что хотела.

Прощай, любовь моя.

Здесь кончается четвертая книга моей истории

Книга 5 Глориана

Мы разбили Армаду, величайшую силу в истории человечества. Мы, Англия и я, Елизавета, королева Елизавета.

Я стала живой легендой, на которую дивился весь мир, несравненной женщиной и непревзойденной королевой. Женщиной по-прежнему уязвимой и даже, увы, еще более отягощенной плотью. К вечной головной боли из-за политики прибавилась другая – не так-то просто быть живой богиней.

Мы подпалили испанскому королю бороду, оттаскали его за нос, стащили штаны, повернули ко всему миру голой задницей и так всыпали, что ему до конца жизни неуютно было сидеть.

То была великая, могучая, прогремевшая на весь мир победа. Однако надо было жить дальше. И мне и Англии, сейчас и потом, сей же час.

Сейчас? Невозможно.

Надо.

Итак, в мою жизнь вступил мой новый лорд.

Покуда приходилось отбиваться и от Испании, и от миссионеров из Дуэ, смирять внутренних врагов, как в восьмидесятых, я еще могла держать Купидона в узде.

Но теперь…

Для него, для моего юного лорда…

Иметь то, чего не купишь ни за какие деньги, свободный доступ ко мне, в мою опочивальню, возможность нашептывать мне на ухо, близость к трону, за которую мужчины соперничали всю мою жизнь, а тем паче теперь, на вершине нашего триумфа, – разве это не лучше, чем владеть золотыми рудниками в Индии, и разве человеку, достигшему столь заоблачных высот, не следовало почитать себя небожителем?

Вы не согласны, что мой лорд, взысканный такой благосклонностью, мог числить себя в сонме земных богов?

Когда я его полюбила, я была уже сказочной королевой, легендой из прошлого и в то же время стержнем – нет, архитектором нынешнего миропорядка, королевой былого и грядущего. Едва ли хоть одна живая душа в Англии помнила время, когда я не сидела на троне.

И еще я была не такая, как прочие женщины, – богатая, властительная, источающая желания и восторги, терзания и муки на каждом шагу – танцевала ли я, скакала ли верхом, смеялась ли над житейской дуростью, рыдала от горя и утрат или улыбалась в глаза возлюбленного.

Так что с того, если мне было чуть за пятьдесят, а ему –

несколько меньше? Чего бы ни отдали другие молодые люди, бесчисленные молодые люди, за эту безраздельную близость, за прогулки и беседы с глазу на глаз в ту весеннюю пору нашей любви?

О, любовь моя – теперь можно это сказать, – моя сладкая любовь, повелитель моей любви…

Когда я вас полюбила, мой лорд, возлюбленный, я была замечательна, талантлива, величава и прежде всего – обворожительна в своих и в ваших очах.

А вы? Постепенно вы становились грубее, громогласнее, решительнее – уже не тот краснеющий мальчик, но горячая голова, необузданный рубака, из-под вашего бархатного с кружевами камзола рвалась наружу неуправляемая стихия.

А я? Господи, зачем прикидываться и юлить?

Вы были высоченный, рыжебородый, своенравный и взрывались гневом, чуть что не по-вашему.

А меня это пугало, сердило, заставляло ежиться – почему бы не сознаться, что после стольких лет всеобщей шелковой вкрадчивости и атласной лести это меня возбуждало.

Я не скрывала от себя, что люблю лорда Эссекса, как отец любил мою мать. И как иной меряет свое достоинство весом тугой мошны, так Генрих мерил свою любовь дороговизной посланных даров.

Он, как и я, одаривал свою единственную любовь золотыми цепями и серебряными шнурами, рубиновыми сердцами и ожерельями из изумрудов в цвет ее зеленым шелкам – он любил, чтоб она одевалась в зеленое, это напоминало ему о майских гуляньях, когда он впервые ее заметил.

Ей полагалось все новое, словно королеве, – новый охотничий лук и стрелы с наконечниками из серебра, собственные часы с выгравированными на гирьках Г» и А». Она спала на ложе из чистейшего утиного пуха, на белоснежных простынях, за тканными занавесями, в опочивальне, где стены украшали надушенные шпалеры с любовными сценами, а пол устилали мягчайшие шелковые ковры.

Как-то он вошел в ее покои и объявил:

– Я приготовил тебе дар почище прежних.

– Почище этого, милорд?

Анна гордо повернулась к нему. Ее грудь украшал утренний дар Генриха – жемчужная нить, которая оборачивалась вокруг шеи, спускалась к талии длинной, в целый фут, петлей и заканчивалась подвеской из чистого золота с буквой Б» – Болейн и тремя огромными висячими жемчужинами.

– Не в пример лучше, милая, – серьезно заверил он.

Она набросилась на него, вывернула карманы, открыла кошель, даже разжала его шутливо сжатые кулаки – ничего. Служители украдкой пересмеивались. Она взорвалась:

– Вы насмехаетесь надо мной, милорд!

Генрих хлопнул в ладоши. В маленький покой вошли глава Геральдической палаты и лорд-помощник герольда, их карточное великолепие озарило комнату. Преклонив колена у ног Анны, они вручили ей огромный пергаментный свиток с лентами и алыми государственными печатями.

По королевскому знаку все упали на колени.

Анна, трепеща, присела в глубоком реверансе.

– О нет, мистрис, не преклоняйте колен, – сказал Генрих, поднимая ее с пола, – теперь вы – маркиза Пембрук, выше вас в королевстве только король.

Что такое любовь без власти или власть без любви – любви, которую можно дарить, власти дарить – дарить, дарить?..

Я не могла увенчать моего лорда титулом, я уже пожаловала одним из величайших титулов его отца, а как Девере он был одним из родовитейших людей страны. Однако я могла позолотить лилию пышными почестями. И еще я могла дать ему денег, даровать монополии, как, например, на сладкие вина (от нее пошло начало его богатства), и, что куда важнее для него, возможность блистать во главе государства, где он сиял звездой, королем меж людей, божественным ребенком.

Однако я стремилась дать ему не блеск, а сущность, не внешний лоск, но само одеяние, до которого он бы постепенно дорастал, пока бы в действительности не стал тем, кем казался, – звездой, королем и божеством в одном лице. Я хотела, чтоб он научился повелевать – собой и другими, – как повелевал мной.

Безнадежно. Я любила его той любовью, какой раньше не знала. Да, я любила Робина – вы теперь знаете, как сильно я его любила. Я всем сердцем любила верного Хаттона, такого рослого, такого божественного танцора, – любила Рели за глаза цвета берлинской лазури и едкое остроумие – однако никого из них я не желала, как желала моего лорда.

Да, видит Бог, оттого, что стареет лицо и сморщиваются груди, живот становится дряблым и отвисает зад, пламя в чреслах не утихает! И если бы только в чреслах – ибо теперь я горела в двойном огне, мучительного вожделения к моему лорду и презрения к себе за эти неотступные похотливые мысли.

– Поставьте на меня, ваша милость!

Смотреть, как он играет в теннис, закатав рукава, так что видны золотисто-смуглые локти, без камзола, в одной рубахе, любоваться его безупречным римским торсом, ловить очертания

мускулов, сильные коричневые соски, курчавую поросль на груди…

– Что вы сказали, Ваше Величество?

Видеть его рядом с собой в присутствии, когда, ловя мой повелительный шепот, он сгибает благородный стан, склоняет голову, касается моей щеки пламенно-русыми кудрями, отчего я вся вспыхиваю…

Видеть, как он преклоняет предо мною колена, видеть его смеющиеся глаза и губы вровень с моим лицом, вдыхать цветочный аромат, жаркую пряность его духов, видеть сильную руку на подлокотнике трона, смуглую щеку меньше чем в футе от моих любящих пальцев – видеть все это и не потянуться к этому теплу, к этой благоуханной мужественности, ни единым пальчиком не провести по жестким темно-русым волосам, не зажать в ладонях это лицо, не покрыть его поцелуями, не впиться в полные мужские губы, не выпить его душу, не умереть самой…

Не сделать ничего из того, к чему денно и нощно толкали меня любовь и стосковавшаяся плоть, – что же дивиться, если я стала сварлива и раздражительна, порою слезлива, а порою мстительна, злилась, когда мне перечили, и еще больше – когда меня пытались задобрить, умаслить, словно ребенка или умалишенную?..

Как же шутит Господь! Теперь, когда я могла завести наконец любезника, когда у меня больше года не было месячных и, значит, не приходилось бояться беременности, бояться бесчестья и унижения, – теперь, когда весь мир, за исключением испанского короля, восхищался иною настолько, что простил, бы мне любые безумства, когда я могла выбирать любого мужчину, любого короля, я по уши влюбилась в мальчишку, который так и не заметил моей любви, даже когда она клокотала перед самым его носом и звала: Люби меня! Люби меня и возьми меня! Обладай мною, как пастух обладает коровницей, так чтоб у меня закружилась голова, перед глазами пошли круги, а из легких вырвался, хриплый крик о пощаде» – круженье, затменье, удушье, смерть…

Однако он так этого и не увидел.

Потому что всегда видел одно, с нашей первой встречи, когда ему было девять и он с отвращением отвернулся, не дал себя поцеловать, пусть даже и королеве.

Потому что он видел морщинистую старуху, с лицом, как у ящерицы, набеленную и нарумяненную так, что при каждой улыбке краска на лице трескалась, словно старая штукатурка.

Я не просила его о любви, я не могла приказывать. Я не могла заставить его полюбить во мне женщину, раз он не видел меня

как мужчина. Поэтому я брала, что могла, радовалась тому, что имею.

И никогда не переставала вожделеть то, что не получила и не могла получить, никогда не получу.

Я замерзаю, я горю…

Хоть бы раз он поцеловал меня, провел ладонью по груди, коснулся губами соска, повалил, раздел, восхитился моей наготой – хоть бы раз…

Но он так никогда этого и не сделал – хуже того, ему явно никогда это не приходило в голову.

Я не могла выкинуть из головы эти мысли…

При том что мне следовало думать о многом, многом другом.

Глава 1

Дунул Господь, и они рассеялись.

Хорошо звучит, правда? Я сама выбрала этот девиз для медали, которую Монетный двор чеканил в честь победы над Армадой. Народу понравилось. Мне тоже. А о том, чтобы угодить вам, тогда и речи не было.

Enfin[1].

Allora[2].

Довольно!

Война окончилась, начиналась война.

Мы посеяли драконьи зубы, и нам предстояло пожать бурю, бурю испанского гнева. Сидеть ли и ждать, пока она снова подберется к нашим берегам, или, как встарь, выступить самим, жечь испанские суда в их собственных гаванях, атаковать войска, укрепившиеся в собственных стенах?

А мне следовало позаботиться о преемстве – подумать о том, чтобы оставить по себе страну, сильную изнутри, крепкую за морем. Мне доносили, что юный Яков Шотландский – большой книгочей и не склонен воевать… По крайней мере в этом он наполовину Тюдор. Должна ли я восполнить недостающую воинственную половину, чтобы сохранить для Англии мир?

Мой юный лорд, распаленный победой, а еще больше – орденом Подвязки, которым я его наградила к великой досаде Рели, ратовал за войну – не спускать испанцам, напасть на них немедленно.

– Самое время накрепко вбить им в головы полученный урок, Ваше Величество! – убеждал он, сверкая золотисто-черными очами. – Они повержены, мы можем сделать с ними что угодно!

Даже заклятый соперник с ним соглашался.

– Верьте вашим воинам, мадам, вашим латникам, вашим защитникам, а не книжным червям, что заседают в совете, не худосочным писарям! – уговаривал Рели. – Самое время разнести Великую Испанскую Империю в клочья, пусть испанский король, как во время оно, повелевает цыганами, смоковницами и апельсинами!

Только прикажите, мадам! Мы их сразим!

Сразить, или быть сраженным. Сразить, или быть сраженным.

Однако Берли, скрюченный подагрой до такой степени, что с трудом думал о чем-нибудь другом, закрывал усталые от боли глаза и через силу повторял:

– Осмотрительность, миролюбие и осмотрительность.

– Осмотрительность? Черт возьми, осмотрительность?!

Слово жгло моему лорду глотку. Он разразился гневными упреками и поливал Берли грязью, так что мне пришлось прекратить заседание. Через несколько часов, когда я за ним послала, он все еще кипел.

– Мадам, простите, но эти старые зануды кого угодно выведут из себя! – с порога выругался он.

Я рассмеялась над его серьезной миной, над стремительной, прыгающей походкой, когда он заходил взад и вперед по комнате.

– Неужто вы ничему не научились за то время, когда вас опекал мудрейший человек в Англии?

У него глаза полезли на лоб, лицо исказилось презрением.

– Кто, миледи? Милорд Берли? Умнее вашего тайного секретаря Уолсингема или даже Рели, при всей моей к нему ненависти? Конечно, нет!

Умнее своих племянников, братьев Бэконов, сыновей вашего старого лорда-хранителя печати?

Ваша милость с ними еще не знакомы, они пока в Кембриджском университете, но могу заверить вас по проведенным в доме Берли годам, Англия еще не видела таких острых умов!

Я заинтересовалась.

– Почему же тогда лорд Берли не приставит их к какому-нибудь месту в правительстве?

На это он, как я и думала, ничего не ответил, потому что отвечать было нечего. Если Берли не счел нужным представить мне своих близких родственников, значит, они недостойны мне служить! Тем временем к его собственному сыну, карлику Роберту, я с каждым днем все больше привыкала, словно к любимой кухонной вещице, с которой все делается сподручнее. Он был редкая умница, сообразительный, спокойный, усидчивый, твердый как гранит, и внушал если не любовь, то по крайней мере доверие, такое же, как я испытывала к его отцу.

А вот мой лорд не разделял этих чувств.

– Ваш лорд-казначей Берли недооценивает и несправедливо обижает своих племянников! Господь свидетель, мадам, вы увидите, что они годятся для королевской службы, в первую очередь Фрэнсис, я должен подыскать ему достойный пост! Потому что я ваш рыцарь на веки вечные, лучше меня у вас нет и не будет, я вам докажу, вот увидите!

Мне нравилась та дерзость, с которой он указывал мне, что делать, его уверенность, что он вправе выбирать мне людей и требовать должностей для тех, кого считает достойными. После стольких лет раболепного обожания, когда меня называли то Дианой, то Белфебой, воспевали в стихотворном лепете и в

рифмованном нытье: О, нежная царица Ночи», и все в таком роде, после этого меня пленило его грубое очарование – сердитый блеск в глазах, всплески яростного негодования, пусть даже быстро подавляемого, его уверенность в собственном превосходстве, – от всего этого меня бросало в холод и в жар, я замерзала, я горела…

Да, да, придержите язык, черт вас подери! Не смейте говорить, что надо было предвидеть расплату – расплату, которая ждет всякую женщину, которая выбирает мужчину причинным местом, а не головой, слабым телом, а не царственным разумом…

Я все знала.

И очень скоро он показал, что обо мне думает.

– Идите на компромисс, – учила я его, – держитесь среднего пути, в этом и состоит дипломатия!

Мне не следовало воевать с Испанией, война стоит денег, а их у меня не было. Однако не следовало мне и сидеть на троне, подпершись рукой, и ждать, пока Испания соберется с силами, чтобы напасть снова! В те лето и осень я вечер за вечером штудировала бесконечные списки, рапорты, депеши – сколько испанских кораблей достоверно уничтожены, сколько считается пропавшими, сколько, по нашим подсчетам, вернулось в Испанию и в каком состоянии. И шаг за шагом вырисовывалась стратегия.

Однако в эти победные дни мне не давали особенно засиживаться над бумагами: нельзя было пренебрегать народным и придворным ликованием. Все, начиная с рассудительного Берли и угрюмого Уолсингема и кончая последним слугой, выносящим ночную посуду, – нет, кончая последним городским золотарем, все веселились и бражничали от зари до зари. Я тоже музицировала – да, на вирджиналах, на чем же еще? – мы смотрели столько представлений, сколько никогда прежде.

Надо сказать, и пьесы и сочинители стали заметно лучше. Лорд Оксфорд покровительствовал самому выдающемуся из них, некоему Лили.

А в это Рождество мой недавно назначенный лорд-камергер, кузен Хансдон, решил сделать мне приятное.

Бедный Гарри! Он раздался вширь, его юношеская красота осталась в прошлом, как и шевелюра. Однако любовь к проказам и веселью осталась.

– Ваша милость, протеже лорда Оксфорда предлагает для празднества пьесу, он говорит, слабенькую, но его собственную, бойкую вещицу, как раз для новогодней ночи…

Наступил Новый год, на замерзший Лондон опустилась ночь, фонари озарили потолочные балки, я воссела впереди придворных. Вышел юноша – красивый? – не то слово,

обворожительный, с первым росистым пушком на подбородке, с усиками мягче, чем у бедной старушки Парри, однако изломанный, извращенный, развратный, один из тех, кто навсегда потерян для женщин, – и представление началось.

О, Синтия!» – воскликнул красавчик, кланяясь направо и налево, но прежде всего – самой Синтии, как он именовал меня, богине Луны, царице Ночи – мне, облаченной в атлас цвета белейшей слоновой кости, в алмазы и жемчуга, блистающей в парадной зале Уайтхолла, словно луна в окружении звезд-придворных…

О, Синтия, я – Эндимион, влюбленный Эндимион, в моих очах ничто не ярко, кроме твоих очей, ничто не прекрасно, кроме твоего лика, ничто не достойно восхищения, кроме твоих добродетелей…»

Правда, красивая легенда, история Эндимиона, юноши, который влюбился в Луну и будет спать тысячу лет, пока она не разбудит его поцелуем?

А рядом с моим собственным Эндимионом, моим сладостным юным лордом, который, покуда шла пьеса, опирался на подлокотник моего кресла и отпускал скороспелые замечания по ходу действия, я и впрямь была Луной, воистину плывущей в облаках.

– Как Вашему Величеству пьеса?

Бедный старательный Хансдон, вечно-то он стремится угодить, доставить мне удовольствие.

Я улыбнулась, как моя маска, как милостивая королева, а не как глупая коровника в любовном забытьи.

– Мне понравилось. Скажите этому Лили, что он может рассчитывать… – Тут я вспомнила, как туго у нас с деньгами, и слегка поправилась, – на искреннее и должное признание с нашей стороны.

Старое лицо Хансдона просветлело.

– Мадам, ему скажут.

Сказать – дешево. Обнадежить и вовсе ничего не стоит. Собрать войско, начать войну – вот что дорого. А без войны никак.

Они все хотели воевать: Рели, и Дрейк, и мой лорд, и все мои юные ястребы, и этот глупец Норрис – впрочем, не совсем глупец, он успешно воевал в Нидерландах под началом Робина, – нет, поскольку время на исходе, скажем всю правду: сэр Жан» Норрис, как называли его голландцы, был опорой нашей армии и Робиновой правой рукой, опытным военачальником, нет, ведущим актером на театре военных действий. Он поднаторел и в морской войне, иначе я не включила бы его вместе с Рели в число

тех немногих, кто тайно известили меня о нескольких уголках нашего маленького острова, где могли бросить якорь испанские галионы – глубокая осадка не позволяла им заходить в обычные бухты. Норрис знал все.

Так зачем же он – зачем же они в один голос настаивали на новом походе, зачем дали мне такой неудачный совет?

И если уж говорить правду – разве я слушалась не моего лорда, который поддерживал этот замысел с самого начала? Разве я, не хотела быть с ним заодно, в надежде сблизиться хоть так, раз иная близость между нами невозможна?

Если так, то я жестоко поплатилась! Чтобы снарядить флот, пришлось залезть в оба кармана, вывернуть их наизнанку, наскрести фунты и пенсы, которых требовали мои вояки. Пришлось одалживаться в Казначействе, занимать у чужеземных ростовщиков, вот до чего я дошла. Черт их всех побери, у меня сердце изошло кровью!

– Повторите, – говорила я Дрейку, – зачем нужна эта авантюра? И какую добычу вы с товарищами обещаете на этот раз?

– Ваше Величество, мне нечего добавить к тому, что сэр Джон Норрис и ваш собственный граф Эссекс говорили вам двадцать раз! – отвечал он скорее по-моряцки грубовато, нежели придворно-учтиво. – Мы плывем в Лиссабон, где укрываются последние уцелевшие после разгрома Армады крысы, и поджигаем их. Этим мы окончательно ставим крест на испанском военном флоте, после чего и вы, и вся Англия можете не опасаться Испании и Рима, Папы и всех попов-заговорщиков, вместе взятых! Оказавшись в Лиссабоне, мы поднимаем португальцев на восстание против испанского короля, напоминаем им об истинном короле, низложенном доне Антонио…

Дон Антонио – Господи, конечно! – жертва Филиппова властолюбия, он и сейчас, как докладывает Уолсингем, умоляет Англию помочь ему против испанского супостата…

– Да, да, продолжайте, я слушаю!

– Затем, Ваше Величество, мы направимся к Азорам, где надеемся поживиться богатой добычей…

– Да, да, богатой добычей.

Я алчно смаковала эти слова. Деньги, сокровища, средства, наличность – как они мне нужны!

Страсть к золоту мучила меня ничуть не меньше, чем страсть к моему лорду, и почти так же сильно, как несчастные гнилые зубы…

Мои кошельки пусты! Военная казна пущена на борьбу с

Испанией, потрачена, истощена, – золота! золота! Я нуждаюсь в нем, мы нуждаемся, Англии нужно…

Мне, нам, Англии? Я и мы – одно, я – это Англия, и Англия – это я, родимая страна, страна, которую я родила, мое единственное дитя…

А что говорит Дрейк?

– ..в это время года в Испанию приходит караван с золотом и серебром, добытыми на рудниках Перу, – если вы захотите, мы их перехватим, целые корабли, груженные слитками и самородками, сокровищами и самоцветами, какие вы видели в прошлый раз…

О да, я видела, я обладала огромными изумрудными распятиями, алмазными коронами, рубиновыми, сапфировыми, агатовыми, аметистовыми реликвиями – разумеется, грубыми, аляповатыми, – истинным протестантам ничего другого не оставалось, кроме как сломать их, камни похуже продать, получше – оправить заново к вящей славе Елизаветы, Англии, нашего Бога.

Да! Золото, драгоценности, богатая добыча, да!

Большой, обрамленный сапфирами алмаз одобрительно подмигнул, когда я протянула Дрейку унизанные перстнями пальцы.

– Отправляйтесь, сэр Фрэнсис! И, как в былые времена, покажите себя истинным драконом!

Однако, предупреждаю, в этот раз я не удовлетворюсь одной подпаленной бородой – извольте зажарить их и прокоптить, потушить и хорошенько подрумянить с обеих сторон!

Коротышка поклонился, венчик редеющих волос весело заколыхался.

– Милостивая государыня, я отвечу, как старый охотник: покажите ловчим дичь, покажите гончим оленя, и кровь вам обеспечена – считайте, что желанный ливер уже шипит на вертеле и охота на испанцев будет продолжаться, пока сама Англия не воскликнет: Довольно, я сыта, уже в горло не лезет!»

И так, стараясь убедить меня, говорили все, кроме Берли и его сына, – а мой лорд громче всех.

Зачем я их слушалась, зачем слушалась кого-либо, кроме Берли и маленького Роберта, слушала эти хвастливые бредни?

Не говорите, не отвечайте, знать ничего не желаю.

А покуда они готовили свой грандиозный поход – воистину грандиозный, если судить по затраченным деньгам! Сперва у меня просили всего пять тысяч фунтов, и этого хватило бы за глаза! Потом всякими но» и если», ложью и экивоками, уловками и увертками сумма увеличилась до восьми, потом до двенадцати тысяч, – пока разворачивалась эта суматоха, мой синеглазый Рели

(все такой же синеглазый, но давно не мальчик по сравнению с моим лордом) обнаружил себя на вторых ролях и впал в приступ ревности.

– Вынужден просить вашего дозволения покинуть двор, – натянуто объявил он как-то весенним утром, когда хмурая погода, казалось, просочилась в присутствие – такими мы все выглядели серыми, – и поехать в Шерборн, Ваше Величество, в свои земли, а затем в Ирландию, где мои поместья приходят без меня в запустение.

У него хватало забот и с заморскими прожектами.

– Выдумал какую-то собачью чушь – сажать в Ирландии корнеплоды, которые его люди вывезли из Нового Света, – громко потешался мой лорд. – Я их видел и вареными, и жареными – белые, мучнистые, в бурой кожуре, называются чудно – картошка». Хуже репы, люди эту гадость есть не станут, даже деревенские, одним словом, на наших островах это не привьется!

– Гм! Значит, самая подходящая пища для ирландцев, желаю Рели успеха!

Итак, Рели покинул двор, и я тут же его позабыла за новой суматохой.

– Мадам, гонец из Шотландии, от короля Якова.

Вот и он, низкорослый, веснушчатый, белобрысый, скуластый, – не успел открыть рот, как я перенеслась во времена кузины Марии Шотландской, когда то она, то ее посланцы одолевали меня своими грубыми притязаниями. Господи, что за выговор! Как же я ненавижу шотландцев! Интересно, правду ли говорила Кэт, что волосы у них растут даже между пальцами ног? Откуда она узнала?

Что он говорит?

– ..мой король и повелитель надеется, что вы, дражайшая миледи, дадите ему совет… …вы, дра… Выдра? Точнее не скажешь. Впрочем, ладно, незачем выискивать обидные каламбуры там, где они возникают ненамеренно.

– Мой повелитель король Яков хочет вступить в брак, как заповедал нам Господь, и его взор устремлен на принцессу Датскую, юную Анну Сканденборг, дочь короля Фридриха.

Прежде чем посвататься, он смиренно просит вашу милость высказать свое мнение.

Так вот, значит, как? – радостно фыркнула я про себя. – И правильно! Еще бы ему не спрашивать моего совета, еще бы не рассыпаться в горячих благодарностях! Разбив Армаду, я укрепила и его притязания на английский престол, вопреки усилиям дуры-матери завещать этот трон Филиппу. А как дела пойдут дальше, зависит уже от его почтения ко мне – своей

крестной, кузине и – пусть и дальней – тетке!»

Я нахмурила брови и сделала вид, что советуюсь со стоящими возле трона Берли и Уолсингемом.

– Жениться на датской принцессе? Нам следует это обдумать.

На самом деле предполагаемый брак меня вполне устраивал. Он означал, что Яков, невзирая на все Мариины козни, на все усилия католических дядьев Гизов, намерен крепко держаться протестантской веры: ведь, подобно Англии, Дания – одна из немногих протестантских держав мира. Датчане!

Я рассмеялась. Они сватались ко мне еще до моего восшествия на престол, в те времена, когда меня так рьяно домогался Эрик Шведский, – сейчас я вполне могла бы быть датской королевой, величайшей из датчан…

Я кивнула шотландцу и улыбкой показала, что аудиенция закончена.

– Я подумаю. Приходите завтра и отвезете королю наш ответ. Мне многое нужно ему сказать, многое посоветовать. По-прежнему ли его осаждают оголтелые ковенантеры вроде Нокса?

Нам с ним надо остерегаться мерзких пуритан, пресвитериан, как бы они себя ни называли, ибо эти гусеницы вредят содружеству не меньше католических слизняков! Что до его брака – ладно, об этом завтра.

Я повернулась, чтобы уйти, и тут заметила, что Бесс Трокмортон украдкой всхлипывает.

Что на нее нашло?

– Бога ради, милая, неужто одно упоминание о браке вызывает у вас слезы?

И вдруг меня осенило. Она сдуру вообразила, будто Рели в нее влюблен, а он тем временем доказал свою верность мне – предпочел скорее покинуть двор, чем лицезреть возвышение соперника, – и Бесс посчитала себя обманутой! А теперь, когда разговор зашел о браке, наверное испугалась, что вместо Уолтера ее силком выдадут за какое-нибудь постылое чудовище, о котором я и слыхом не слыхивала.

После смерти отца бедняжка осталась на попечении брата и в полной его власти. Однако, пока я – ее хозяйка, никто не посмеет принуждать мою фрейлину к ненавистному браку! Я взяла ее за руку, грубовато похлопала:

– Поверьте, милочка, вы не пойдете замуж против своей воли, обещаю вам. Можете не бояться – вместе со мной вы останетесь девственницей, пока не высохнет Северное море.

Она потупила взор и прошептала:

– Благослови вас Бог, мэм.

Лживая потаскушка! Ей было с чего прятать глаза! А я-то

пребывала в полной невинности, или меня очень ловко провели. Круглая дура – я так ничего и не заподозрила.

Как и тогда, когда мой сладостный лорд крутился вокруг трона, ловил каждое мое слово, будто все его мысли со мной, возле меня, а на самом деле улетал в своих мечтах далеко-далеко…

Я не могла отпустить его с Дрейком – тут и говорить было не о чем. Однако он вынудил меня произнести это вслух. Да еще как вынудил – одолевал неотступно, пока я не завопила в голос, не завизжала ему прямо в лицо:

– Не разрешаю!

– Клянусь Божьим телом, кровью и костями, мадам, – вскричал мой лорд (и откуда он узнал, что это было любимое отцовское ругательство?), – на коленях молю не унижать меня так!

Вы лишаете меня мужественности, когда не дозволяете сражаться! Зачем вы удерживаете меня здесь, когда я мог бы стяжать славу и вам, и Англии?

– Вы слишком уверены в победе! – рявкнула я. – Быть может, я удерживаю вас здесь, чтобы мне не пришлось расхлебывать ваши поражения и потери?

Однако, говоря потери», я имела в виду не деньги – я боялась потерять его или даже одну секунду, проведенную в его обществе…

И вот однажды я просыпаюсь, швыряю в голову служанке принесенный хлеб – ибо, видит Бог, он был тверже, чем ее дубовая башка, – и спрашиваю:

– Какие сегодня вести о милорде?

– О милорде? Об Эссексе?

По окнам хлестал дождь – я и сейчас отчетливо вижу ее лицо в сером утреннем свете.

– О ком же еще, дура? Сию же минуту пошли за ним!

Она не двинулась с места, только захлопала ресницами, широко открыв рот, заламывая руки, принялась лепетать какую-то чушь. Я кликнула фрейлин, но ни одна не посмела сказать что-нибудь путное. Господи, после смерти Кэт ни на кого нельзя положиться! Я рыдала, вопила, выла:

– Где он?!

И снова неблагодарную роль вестника взвалил на себя Берли – один взгляд на него, и я снова забилась в истерике. Господи Боже милостивый, как я буду обходиться без этого человека, когда он умрет?

Разжиревший, скрюченный, постоянно страдающий одышкой, он тем не менее слез с носилок и отвесил положенный поклон,

прежде чем печально сообщить:

– Мадам, его нет.

Глава 2

О, западный ветер, новей ты вновь,
И маленький дождик пролей,
Была бы со мною моя любовь,
А я – в постели моей.

– Как… почему… нет?

Старческие глаза Берли были тоскливы, как дождливая весна за окном. Вспоминает ли он прошлые случаи, когда вынужден был сообщать другие скорбные новости? Он чуть слышно вздохнул:

– Лорд Эссекс уехал, мадам, дабы присоединиться к флоту – к походу против Испании – и стяжать вам и Англии славу.

– Себе! – рыдала я. – Он хочет славы для себя! Плевать ему на меня и тем более на Англию!

О, совершенно ясно, что он обо мне не думал.

Любил бы – не бросил. Надо забыть его, выкинуть из головы эту жестокую и бесплодную любовь, немедленно, ради спокойствия моей души! Но разве словами рассудка уймешь расходившееся сердце, укротишь своевольную любовь? Я любила его тем больше (если это возможно), чем меньше его интересовала, – история, ведомая каждой женщине…

– Дайте перо, чернила, велите оседлать самого резвого коня, и пусть гонец ждет!

Берли поклонился:

– Сию минуту, мадам.

Дышащим яростью пером я выводила огненные буквы – требование немедленно возвращаться. Однако корабль уже вышел в Ла-Манш, его было не вернуть.

Недели тянулись нескончаемо; я жила по-вдовьи. Фрейлины пытались меня развеселить, все, кроме самой вдовы, Фрэнсис Сидни. Ее лицо стало желтее отцовского, пуританское благочестие сделалось еще более истовым, в церкви она молилась за успех нашего флота дольше и ревностнее, чем последняя дура-горничная. С чего бы это? Такая набожность у фрейлины неуместна.

Надо подыскать ей мужа.

Как все, кто никогда не засыпает простым сном невинного изнеможения, кто ночи напролет зовет божество забвения и не получает ответа на свои мольбы, я ненавижу утро. Ворочаясь с боку на бок в последней ускользающей полудреме, я услышала за

опущенным балдахином щебет, нет, немелодичное чириканье:

Говорят, что черноват,
А по мне, так всем хорош.
О мой славный, мой забавный,
Лучше Джонни не найдешь.

– Кто там? – сварливо осведомилась я.

Слуги еще не вынесли ночную посуду, в комнате омерзительно воняло нужником. Я сердито повернулась на другой бок. Зубы в эти дни болели нестерпимо, не отпускали, пока Радклифф не смазала их клеверным маслом и Анна Уорвик не прополоскала мне рот aqua vitae. Занавеси раздвинулись, появилась раскрасневшаяся сияющая физиономия Бесс Трокмортон.

– Я, мадам, с приятным сообщением. Сэр Уолтер Рели прибыл ко двору с вестями из Ирландии, Америки, о своих людях и плантациях…

– Придержи язык! – резко оборвала я. – И не будь дурой! Он тебя не любит, иначе бы не уехал.

Она подняла брови и сделала круглые глаза.

Меня захлестнула ярость – она что, смеет думать то же самое обо мне? – и от злобы я заговорила резко:

– Прикажите немедленно подавать завтрак – хлеб и крепкий эль, никакого жидкого пива! И выбросьте сэра Уолтера из своей дурацкой башки! Он не женится, покуда вынужден покупать мою любовь, дабы расплачиваться с кредиторами, – а тем более на нищей бесприданнице вроде вас, без отца и семейства! А теперь задерните балдахин и дайте мне отдохнуть!

Лежа на подушке и тщетно пытаясь снова заснуть, я слышала, как она ходит по комнате и тихонько хлюпает носом. И не ей одной пришлось плакать в этот день.

Наутро снова пришел Берли, дай ему Бог здоровья, – ночные свечи уже догорели, взошло солнце, пригожая английская заря разбудила крапивника и малиновку, голубку и скворца, когда запоздалый соловей еще оглашал мокрые леса своими тягучими трелями.

Берли поклонился:

– Ваше Величество, донесения с флота. Мы взяли Корунью, не потеряв ни одного человека убитыми. А лорд Эссекс – герой дня!

Слезы, непрошеные слезы…

– Прикажите ему вернуться! Пообещайте военную службу, если ему уж так нужно геройствовать, только поближе к моему трону, чем на Азорских или Канарских островах, или где он там…

А ближе к Англии – ближе ко мне…

Еще один провал во времени, еще одна пустыня в сердце, еще один скудный сорокадневный пост.

И все меньше времени, а оно все драгоценнее…

Наконец он вернулся, чтобы выслушать все мои гневные укоры. Когда он входил в двери, когда шел мимо телохранителей, солдаты широко раскрывали глаза, вытягивались во фрунт и улыбались во весь рот, словно вернулся некий великий Цезарь или непобедимый Александр. Внезапно на дне моего сердца шевельнулся червячок ревности – нет, скорее страха. Значит, теперь толпа его любит, обожает доблестного покорителя испанцев, которыми ее пугают с колыбели. Не в ущерб ли мне он добивается народной любви? Вспоминалась роковая историческая аналогия. Именно так во времена Ричарда, Ричарда И, сын Гонта, узурпатор Генри Болингброк привлек на свою сторону чернь и сбросил Ричарда с престола!

И это в довершение вопиющего непослушания и дерзости, с которыми он оставил меня вопреки четко выраженному приказу, – Боже Праведный! Я не могла дождаться, когда он подойдет к помосту, – соскочила с трона и бросилась навстречу, чтобы накинуться на него, задать ему жару…

По крайней мере, это я намеревалась сделать – а затем увидела его лицо, глаза, и вся моя ярость испарилась, выплеснулась слезами, затем шепотом, он целовал мне руки, я приникла к нему. А потом – сильное тепло его рук, утешительное ощущение близости, запах помады от волос, нежно склоненная голова, губы, шепчущие: Ваше Величество, это все ради вас, я отправился ради вас, только ради вас…»

Как могла я поверить, как, могла на такое клюнуть?

Как, могла потребовать музыки и яств, представлений и интерлюдий, плясать так, как не плясала с Робиновой смерти, и даже, утомившись, милостиво приказать Эссексу пригласить на танец, Бесс Трокмортон, а Рели – Фрэнсис Сидни, чтоб девчушки поразвлеклись, – так щедра была я в своей любви?

Как я могла?

Легко вам спрашивать! Притом что великий поход – война в Испании, которая должна была завершить войну, экспедиция за сокровищами – закончился грандиозным провалом, полным и разорительным поражением, с какой стороны ни глянь.

Кузен Говард, докладывая, прятал свои всегда смелые глаза: как лорду-адмиралу, ему хотелось провалиться сквозь землю, однако, Господь свидетель, его командиры подчинялись ему не больше, чем мне. Он говорил и говорил, покуда я не взорвалась:

– Что? Эти дураки натолкнулись на половину испанского

флота, запертую в Кадисе, и, перессорившись между собой, дали ей уйти?

Говард поджал губы, потянул себя за светлую бородку:

– Они сожгли один галион.

– Потом в Лиссабоне португальцы отказались восстать ради возвращения дона Антонио? А что до сокровищ – ха! Всего-то добычи – полные трюмы французской болезни!

Говард сердито топнул ногой:

– Ваше Величество забыли про корабли с зерном, захваченные у островов Зеленого Мыса!

– Ничего я не забыла. Все ваше зерно не покроет и десятой части моих расходов на снаряжение флота!

Дрейка я видеть не пожелала. В моих глазах он растерял все свои заслуги в разгроме Армады, весь ореол героизма. Я поклялась, что больше не поручу ему экспедиций, и сдержала слово.

А мой лорд? Укоряла ли я его? Да, но не слишком искренне. И почему я верила ему, когда он сваливал вину на других, когда клялся и божился, что все это время сражался, жил и дышал исключительно ради меня?

Почему?

Он уверял, что любит меня.

Спросите любую женщину, которая выслушивает подобные слова, ловит их, пьет их, вбирает, глотает, упивается ими и всем своим существом пресмыкается перед ничтожеством…

Нет, не произносите этого слова, я заговорилась, он не был ничтожеством, нет, никогда…

Я любила его! Значит, он никак не был ничтожеством, я бы этого не потерпела, я, Елизавета, королева Елизавета!

Однако, Боже милостивый, пока он дурил и чудил по всему миру, играл в войны и посвящал их мне, складывал их к моим ногам, как кот убивает полуразложившуюся чумную крысу и гордо несет вам свою вонючую, никчемную добычу…

…Покуда он безумствовал, Франция раскололась надвое, разорвалась от горла и до пупа, распоролась от темечка до зева в последних конвульсиях гражданской войны. Здесь, на задворках Европы, в Англии или в Дании, в Нидерландах или даже в Португалии, пока ее не завоевали испанцы, мы избегли самых страшных проявлений католической ненависти, страшной папской власти, направленной против Реформации, борьбы с протестантизмом, которая калечила, душила и жгла, мучила и убивала. Однако по Испании и Франции пришелся главный удар, и обе эти страны претерпели немыслимые муки.

О чем я?

Просто о том, что последний из сыновей регентши Екатерины, бедной старой ведьмы Медичи, матери стольких сыновей, каждому из которых выпало есть свинец, пить яд, глотать сталь, погибать страшной насильственной смертью, ее последний сын, Генрих III…

При виде гонца из Франции я тяжело вздохнула:

– Мсье, сколько ваших черных собратьев стояли передо мной с подобными же вестями?

– Что, Ваше Величество?

Бедный лягушатник, ему невдомек было, о чем я говорю.

Он поведал о смерти очередного французского короля, об очередном убийстве, ибо этого Генриха, Генриха III, тоже убили, и теперь на трон Валуа вступил очередной Генрих, Генрих IV. Однако не Валуа, этот французский король, благодарение Богу, – протестант.

– Чернила, бумагу, все самого лучшего качества! – кричала я окрыленно. – И пусть приготовят королевскую печать!

Дражайший король и кузен, наш брат во Христе…»

В то лето я пять или шесть раз писала ему собственноручно, советовала, ободряла, посылала молитвы и пожелания успеха и не очень обижалась, когда он не отвечал. Разумеется, он вел гражданскую войну, сражался за жизнь и трон, даже за свою столицу, которая оставалась в руках папистов. Роберт Сесил соединил отцовское провидение с донесениями Уолсингемовых лазутчиков, когда сообщил: Все протестанты, по всей Европе, стекаются под его знамена».

Он заглянул мне в глаза ясным и умным взором, и я прочитала подтекст.

Как раз по душе моему лорду. Если не запретить, он сейчас же помчится во Францию, а запретить – сбежит тайком, ускользнет, и я не буду знать, где он…

Летняя ночь была в разгаре, мы танцевали на берегу Темзы. Фонари сотнями рыдающих лун отражались в черной реке, когда я разрешила ему ехать.

– Если вы так желаете сражаться, милорд, – сказала я, трепеща от усилия говорить спокойно, – отправляйтесь, ради всего святого, во Фратрию!

Светлая кожа – его лучший барометр – вспыхнула румянцем изумления и радости.

– Во Францию, милостивая государыня?

– Не повторяйте моих слов, как полный болван, дубина стоеросовая! – вызверилась я.

Теперь он побагровел, сердитый закатный румянец предвещал бурю.

– Я не болван! Даже для вашей добрейшей милости!

– О, отправляйтесь во Францию и помогите королю Наваррскому отбить у папистов Париж – ведь он до сих пор король без трона!

– Будет исполнено, мадам!

Едва он умчался, появился Уолсингем с писцом и ворохом бумаг.

– Депеши, мадам, вам на подпись.

– В такой час? Дурные вести из Франции?

– Нет, Ваше Величество, все хорошо.

Но сам он был изжелта-серый, хуже обычного, впервые его сопровождала и поддерживала под руку дочь, скучная Фрэнсис, вдова Сидни.

Неужто он тоже стареет? Я грубовато попыталась его ободрить.

– Ради всего святого, милорд, эти вести из Франции, что королем стал Генрих Наваррский, должны бы согреть вашу печенку, выгнать из нее всякую хворобу! Армада разгромлена, Франция обратилась к нашей вере, можете с полным основанием утверждать, что Бог показал себя протестантом! – Я хлопнула в ладоши, подзывая слугу. – Выпьем за это?

Тонкие губы Уолсингема задрожали.

– Увольте, мадам, бумаги ждут… – И он заспешил прочь.

Я с улыбкой отослала виночерпия. Воистину, печенку старому Уолсингему греет исключительно ненависть к папистам, ни разу в жизни не видела, чтоб он пропустил хоть каплю чего-нибудь существенного. Надо послать ему моего лейб-медика, еврея Лопеса.

А пока испробуем, не поможет ли травяная настойка. Едва возвратившись к себе, я кликнула Парри.

– Где вы, мадам, где?

– Здесь, Парри, глупая, возле очага…

Она стала слепая, как крот, но ума не растеряла, без нее я по-прежнему была как без рук.

– Велите послать лорду Уолсингему настойку вербены и анютиных глазок, ту, что готовила отцу мадам Екатерина Парр.

Парри задумалась.

– Валерианы и анютиных глазок, насколько я помню, не вербены, мы еще готовили ее милорду Лестеру во время его последней болезни, так ведь?..

– Парри, проследи, чтобы приготовили настойку, и не будем ворошить прошлое…

Господь – большой шутник. Он любит с нами позабавиться.

Однако по части шуток смерть даст Ему сто очков вперед.

Покуда я своими снадобьями отгоняла ее от Уолсингема, Косая нанесла мне неожиданный удар в спину. Направляясь в кладовую, чтобы распорядиться насчет лекарства для Уолсингема, Парри как шла, так и рухнула – когда к ней подбежали, она не могла ни говорить, ни шевелиться. Я навещала ее каждый день, собственноручно поила бульоном, приказывала поправляться – под страхом смерти! На третий день она открыла глаза и заговорила. Знаете, а ведь я нянчила вас в колыбели», – нежно произнесла она, опустила веки и заснула.

Я впервые об этом слышала. А теперь, когда мне о столъком хотелось бы ее расспросить, было уже поздно.

Смерть занесла свое острое лезвие и, похоже, решила выкосить всех моих близких. Следующей жертвой пал Амброз, Робинов старший брат.

– Мужайтесь, Уорвик! – говорила я его вдове Анне.

Фрэнсис Сидни взяла ее за руку, погладила заплаканное лицо.

– Господь любит вдов и заботится о них, – уговаривала она. – На все Его воля, надо терпеть.

Однако слова эти не утешали – как и юная Фрэнсис, Анна была бездетна, Амброз оказался последним в этом злополучном роду…

Super flu mi na Babylonis…

На реках Вавилонских мы сидели и плакали…

Похороны были роскошные, гроб сопровождали пятьсот плакальщиц. Я молилась и вспоминала старого Нортемберленда, каким его впервые увидела – когда он на зависть всем выступал впереди пятерых красавчиков сыновей: Джона, Амброза, Робина, Гилдфорда и Генри. Где они все? Кто бы поверил, что его род оборвется, что ни один из них не оставит потомства, кроме Робинового побочного ребенка от Дуглас, незаконнорожденного, который не может наследовать.

Отступи, смерть…

Уолсингем умер в следующем апреле, когда только-только вылезали нарциссы. Убитая горем Фрэнсис, верная дочернему долгу, убивалась теперь по отцу и снова надела траур. Бесс Трокмортон тоже рыдала. Бог весть с чего у нее случилась водянка, груди и живот, ноги и руки раздулись, мне пришлось отослать ее на поправку в деревню. Мы с Берли вместе молились и плакали о старом соратнике, после этих похорон я долго не могла отойти, и Берли пригласил меня отдохнуть в Теобалдсе.

Однако даже в разъездах, в разгар летних каникул, когда мы весело перебирались с места на место, все было не как раньше. Распустить двор и совет, уложить все наши пожитки в сундуки и

на подводы, разместить до двух тысяч человек (в те дни наш двор вырос до размеров целого города), а потом недели и месяцы проводить в дороге – все это утратило для меня былую прелесть и превратилось в тяжкое испытание. О да, я сберегала денежки, пользуясь щедрым гостеприимством подданных! И мне по-прежнему нравилось встречаться с народом, видеть радостные лица и слышать немудреные выражения любви. Но все это не окупало затраченных сил.

Потом занемог Хаттон и, глупец, до последнего скрывал от меня свою болезнь. И снова я посылала за доктором Лопесом, бежавшим от Инквизиции португальским врачом, снова сидела у постели больного, подавала бульон и грозила всеми мыслимыми карами, если посмеет умереть, а он улыбался, по обыкновению, ласково и обещал слушаться.

Но, как мы все, Хаттон подчинялся закону, который даже я не властна отменить.

– Он не мочился уже больше недели, – сказал Лопес, чуть заметно пожимая плечами. – А внутри у него от груди вниз все сплошной гной, ноги чернеют…

Меня передернуло.

– Не говорите так! Бога ради, вы же можете его спасти. Леди Стрэчи целый месяц пролежала в обмороке, а потом все обошлось.

Он поднес тонкие пальцы к губам, поднял на меня свои печальные библейские глаза – в них стояла смерть.

– Ваше Величество, велите повесить меня, как Александр повесил врача, не сумевшего вылечить его любимого Гефестиона, но я не в силах его спасти.

– Будьте благословенны вовеки, дражайшая, сладчайшая королева!

Он умер, улыбаясь и сжимая мне руку. Господи, неужели такое красивое рослое тело, созданное для танцев и слегка раздавшееся от возраста и почестей, не могло продержаться чуть дольше?

Кит – единственный мой преданный воздыхатель, единственный, кто не женился, кто хранил мне верность, до последнего издыхания служил своей королеве и ни одной другой женщине. Ты – последний, кого я целовала, целовала так, что кровь застывала в жилах, дыхание учащалось, а сердце колотилось о грудную клетку, как пленная голубка.

Жди меня на небесах, я мечтаю о нашей встрече, ты будешь мне там нужен…

Мой Хаттон умер в последнюю неделю ноября, я плакала о нем всю долгую зиму, да и сейчас плачу при воспоминании о нем

– его легкой поступи в галлиарде, темной бородке, его прикосновениях, поцелуях, его любви…

Не плачь, королева, слезы – суета…[3].

Кажется, это сказал тот стратфордский проныра, лысый актеришка и сочинитель, похожий на дамского портного. Я считала, что он пишет вещицы побойчее. Но я забыла.

Неужто все мои старые лорды умерли? С кем поговорить, к кому обратиться за помощью? Господи, избавь меня от этой нескончаемой вереницы черных гонцов, возвещающих смерть, пахнущих смертью – напоминающих мне о собственной бренности. И кем заменить ушедших?

– Роберт? Где мастер Сесил?

– Здесь, мадам, к вашим услугам!

Я взглянула на его узкое, бледное, так похожее на отцовское лицо, сияющие глаза, старческую голову на молодых плечах, изящные маленькие руки и сказала себе: Пришло ваше время, сэр».

В Теобалдсе я посвятила его в рыцари, а по возвращении в Лондон произвела в тайные советники. В тот вечер я с удовольствием смаковала свое вино. Роберт. Да. Он будет хорошим советником – умный, верный, в строгих шелках и длинных черных мантиях, которые скрадывают горб и уродство фигуры. Он уравновесит лихих вояк вроде моего лорда. Он будет честно служить Англии, служить государству.

Вдруг меня пронзила острая боль – зубы, что ли, от цукатов? Или сердце? У Англии служители есть, а у Елизаветы? Рели снова уехал в Ирландию, Оксфорда больше занимали актеры, чем королева, молодежь вроде графа Саутгемптона или братьев Пемброков, сыновей моего старого графа, по мне еще слишком зелены и неотесаны.

Меня должны окружать мужчины, молодые мужчины, а не мальчишки! Где мужчина, сияющий в огненно-алом пламенеющем бархате, где цветущий лорд в зеленом, вихрь в небесно-голубом, юный росток в одеянии цвета первого желтого крокуса, человек, который будет служить не государству, а мне?

Где мой лорд?

Мой майский лорд был в Нормандии, куда отправился воевать за меня, за короля Генриха и за торжество истины во Франции. Он посылал письма, исполненные такой нежности, какой только может желать женщина.

Чудесная, дражайшая, превосходнейшая государыня!

Покуда Ваше Величество дозволяет мне выказывать свою любовь, моя радость, как и обожание, неизменна. Запретите мне – и Вы погубите мою жизнь, но не сломите моего постоянства.

Пусть приятства Вашей натуры обратятся в величайшую недоброжелательность, Вы увидите, что даже могущественнейшая королева не властна умерить мою к Вам любовь…

Вашей прекрасной милости слуга навеки Роберт Девере, граф Эссекс».

Господи Боже мой, я больше не в силах без него жить.

– Прикажите милорду возвращаться… немедленно!

Что мне до пересудов о нем, обо мне, о том, что молодой человек лезет вверх, пользуясь тем, что старуха окончательно рехнулась… Я хотела, чтоб он вернулся, и могла это приказать – так почему бы нет?

А потом я нуждалась в нем, чтобы отпраздновать некое событие. Мне преподнесли новую игрушку – зато какую огромную!

Нонсач![4].

Бесподобный – лучший дворец в нашей стране.

Когда отец его строил и нарекал, он имел в виду именно это – Sans Egal, несравненный, не имеющий равных. Больше, чем его драгоценный Уайтхолл, дворец Нонсач должен был стать одним из чудес света. И кто, кроме сестры Марии, боявшейся всего великолепного, щедрого, чувственного, бьющего по чувствам, мог бы его подарить?

Чтоб ей ни дна ни покрышки! Взойдя на престол, она подарила Нонсач графу Арунделу, дабы заручиться верностью этого скользкого старого паписта. Берли говорил, она ненавидела дворец, потому что острые шпили, вздымающиеся к облакам башенки и огромный горделивый фасад представлялись ее запуганной душе самой сущностью нашего отца. Генрих ее черных дней жил в каждом кирпиче и камне, в каждой лепной розетке, в каждой уродливой горгулье, в каждой огромной, великолепной статуе, и прежде всего – в королевском размахе! – еще бы, даже башня над главными воротами вознеслась на целых пять этажей! И Мария его подарила! Однако теперь старый граф умер – смерть нет-нет да и прольется серебряным дождем, – и наследник посчитал разумным предложить дворец мне.

Лучший дворец в Англии, построенный на века.

Я вцепилась в него обеими руками. Да! Мое!

Теперь для полного счастья мне недоставало только моего лорда.

И он вернулся, в огненном камзоле, из перехваченных золотым шнуром разрезов рукавов выглядывала золотая парча, – и что же я? Я готова была съесть его золотые пуговицы. Да, веселье будет бесподобное, как я и мечтала – как и должно быть…

Стоял солнечный май, зима давно кончилась, Бесс вернулась ко двору, счастливо исцелившись и от водянки, и от слабости к моему Рели. А поскольку, как я знала точно, он к ней и раньше был равнодушен (я нарочно подсылала к нему Роберта, и Рели высмеял само предположение, поклялся спасением души, что любит меня и никогда не женится), то теперь и он и она не обращали друг на друга ни малейшего внимания.

Даже несчастная Сидни немного оправилась, сняла вдовий траур, охотно улыбалась моим лордам в присутствии и вместе со всеми дразнила сэра Уолтера его ньюфаундлендом».

Однако в тот вечер мой лорд был не в духе и, как ребенок, не успокоился, пока не испортил настроение и мне. Опираясь на подлокотник моего трона, наблюдая за танцующими и рассказывая о Франции, о тамошней бойне, о том, как часто видел смерть, почти касался ее, смотрел ей в лицо, он вдруг сказал:

– Смерть и желание идут рука об руку, леди.

Мне двадцать четыре, и кто знает, когда позовет смерть? Если я умру на вашей службе, как лорды Лестер и Уорвик, не оставив потомства, мой род прервется. Мужчина обязан жениться, обязан стремиться к браку.

– Жениться? И не заикайтесь!

И думать не смейте!

Он замолк. Однако у меня на душе осталось беспокойство – он пригласил на танец попрыгушку Бесс Трокмортон, потом, правда, танцевал с Радклифф и несколькими другими дамами, но затем снова с Бесс. Мало того, она о чем-то его с жаром расспрашивала и опасливо косилась в мою сторону.

Может быть, все-таки спокойнее, когда он во Франции…

Но не могла я с ним так скоро расстаться!

А пока я изводилась сомнениями, привели ее.

Близилось время обеда, небо наконец прояснилось после дождливого утра, мой лорд прислал с конюшни сказать, что лошади готовы. Мы собирались выезжать, и помеха была исключительно некстати.

– Черт побери, кто это?

Стражники втащили в комнату огромную жирную бабищу – шея мощная, что твой дуб, харя поперек себя шире, исполинские груди выбились из-под сальной повязки, соски в грязных потеках. Господи, и это чудовище – мать? – перемазанная, вонючая…

От нее разило прогорклым выменем и хлевом.

Меня замутило, я в отчаянии обернулась к своим дамам:

– Нюхательную соль, скорее! И пошлите за благовониями! Кто эта женщина?

От группы стражников отделился Роберт:

– Кормилица, мадам, арестована в Детфорде за пьяную драку. Болтала во хмелю, и я решил, что вам интересно будет это услышать. – Он повернулся к женщине:

– Говори. Расскажи Ее Величеству, что сказала мне.

Поблескивая хитрым звериным глазом из-за спутанных косм, словно только что опоросившаяся свинья, она запричитала:

– А вы, ваша честь, обещаете, что меня не вздернут?

– Обещаю, что вздернут, – ласково сказал Роберт, – сию же минуту, если не заговоришь.

И она рассказала, сморкаясь, всхлипывая, божась и постоянно умоляя ее не вешать. Некая придворная дама оказалась в интересном положении, тайно разрешилась на квартире в Ист-Энде, родила мальчика и наняла эту свинью в кормилицы. Сразу после родов в дом приходил джентльмен и был восприемником на крестинах младенца – высокий лорд с курчавыми темно-русыми волосами, слегка сутулится при ходьбе…

– Довольно. – Роберт кивнул стражникам. – Уведите ее.

Я на мгновение перестала ломать руки:

– Не… не вешайте ее за это…

Роберт улыбнулся.

– Вполне достанет и хорошей порки. Если бидлы постараются, ты, женщина, возможно, лишишься части кожи с нижней половины твоих телес, – дружелюбно сообщил он женщине, – но, судя по твоим габаритам, потеря невелика. За жизнь свою можешь не бояться, пока держишь язык за зубами.

Бабу уволокли, но ее крики из-за двери еще долго вторили моим.

Придворная дама и джентльмен, отец ребенка.

Я знала, кто они.

Роберт терпеливо ожидал, что я прикажу.

Я подняла руку:

– Прикажите мистрис Трокмортон оставаться в своей комнате. И пусть ко мне немедленно приведут лорда Эссекса – под вооруженной охраной.

Он пришел бледный, дрожащий, в сопровождении стражников, которые, видя унижение своего героя, выглядели ничуть не лучше того.

– Мадам, что это значит?

– Изменник! – завопила я. – Вы женились на ней, на Бесс Трокмортон, у нее от вас ребенок!

– Изменник? Я? – Он походил на человека, который тонет в трясине и не может спастись. – Нет, Ваше Величество! – Он едва шевелил побелевшими губами. – Я не женился на ней, и детей у

меня нет. Между нами ничего не было.

– И почему же, сэр, почему, – взвыла я, – я обязана вам верить?

Он запрокинул голову, набрал в грудь воздуха и закрыл глаза.

– Потому что, дражайшая миледи, изменник, которого вы ищете, – не здесь, это не я… потому что я… я уже женат.

Глава 3

Он стоял передо мною в моем покое, скалясь, как пес, и думал, что я по-прежнему счастлива его видеть. Из Ирландии он привез стихотворца Спенсера, тщедушного, коротко и некрасиво остриженного на манер проклятых пуритан, в бедном черном наряде с завязками на воротнике, словно у клерка, – впрочем, он, похоже, и был теперь клерком. В другое время я приняла бы его тепло и даже сейчас старалась держаться вежливо.

– Если не ошибаюсь, мастер Эдмунд, до отъезда в Ирландию секретарем губернатора вы служили у графа Лестера?

Он поклонился рывком:

– Вашему Величеству, надеюсь, приятно слышать, что то был мой первый и самый лучший покровитель. – Нервный смешок. – Он благосклонно относился к моим маленьким сонетам, любовным стишкам, которые я назвал Аморетти», и хотел, чтобы я писал пасторали.

Да, а еще он использовал ваше перо для нападок на мой предполагаемый брак с Франциском Анжуйским, я отлично помню, что вы написали тогда Сказку мамаши Хабберд». Ладно, не будем поминать старое – они оба теперь мертвы.

– Пасторали, мастер секретарь? Так вы верите, что в тот золотой век мир был лучше, мужчины верны, клятвы нерушимы и честь еще не превратилась в пустой звук?

Рели воззрился на меня, прощупывая мое настроение. Потом весело вскочил:

– Раз уж речь зашла о пасторалях, мадам, велите этому человеку открыть вам свое сердце.

Он пишет поэму, замечательную уже тем, что будет длиннейшей из написанного в вашу честь!

Эпическую поэму, которая поспорит с Энеидой» – да и с Одиссеей» Гомера – и на веки вечные утвердит ваше неоспоримое место как поэтической музы этих островов, богини, которую все мы любим и чтим.

Он повернулся к беспомощно хлопающему глазами Спенсеру и потрепал его по плечу:

– Прочтите Ее Величеству отрывок!

– Стихотворец без долгих слов начал:

Достойный рыцарь устремился вдаль,
Навстречу великому приключению,
Что поручила ему величайшая Глориана…

– И все про меня? Все в мою честь? Что ж, сэр, даю вам свое благословение.

– В таком случае. Ваше Величество, могу ли я… – Он едва осмеливался просить. – Могу ли я умолять вас о милости… чтобы вы любезно позволили… могу ли я назвать ее в вашу честь – Королева фей»?

– Называйте!

– О, мадам! – И он, раскрасневшийся от успеха, убежал договариваться с издателем.

Мы остались одни.

Теперь я могла поиграть с Рели, как он играл со мной.

– Вина, сэр? – ласково улыбнулась я. – Милорд Эссекс сказал мне, что хочет жениться.

Я ответила, что считаю это изменой, прогнала его от двора и велела сидеть в поместье, пока придумаю наказание. Каково ваше мнение на этот счет? Что вы думаете о женитьбе?

Уловила ли я тень тревоги в глубине этих по-прежнему чудных синих глаз?

– Я думаю, – осторожно начал он, нащупывая почву, – что это почетные узы, которые наш Господь назвал священными…

Он говорит священными»? Колкость напрашивалась сама собой.

– Однако наш Господь не женился!

Рели натянуто хохотнул:

– Однако мы, Его недостойные дети, слабы плотью, и нам трудно следовать Его примеру…

О да, сэр, извивайтесь своей слабой плотью сколько хотите, вы у меня на крючке!

– А распространяется ли Его заповедь на деторождение? – спросила я как бы между прочим.

Теперь он вспотел, верхняя губа под тугими черными завитками усов покрылась тонкой пленочкой страха. Однако годы, проведенные в боях, закалили его нервы. Он не дрогнул.

– Да, мадам.

– Разумеется, если мужчина и женщина спят вместе, они рано или поздно приживут младенчика, вы согласны?

Теперь он понял. И принял мужественно.

– Ваше Величество совершенно правы – тайное станет явным.

– Ладно, сэр, убирайтесь прочь.

Я не любительница отрывать паукам ноги и смотреть, как они корчатся в тщетной попытке уползти. Поэтому я его отпустила. Однако не успел он поклониться, взглянуть на меня и выйти в двери, как я уже кликнула одного из кавалеров.

– Пусть ко мне немедленно явится капитан гвардии с

вооруженным отрядом.

Чтобы взять под стражу.

И препроводить изменника в Тауэр.

Шли вы из Святой Земли,
Уолсингам, Уолсингам,
Повстречать мою любовь
Не случалось вам?

Как узнать, о коей речь?
Многих встретил я тогда
По пути или навстречь:
Кто туда, кто сюда…

Не бела и не черна,
Но яснее, чем рассвет,
Столь великих совершенств
На земле и в небе нет.

Доводилось повстречать:
Ликом – ангел во плоти,
Нимфе царственной под стать
Так смотреть, так идти.

Здесь она меня забыла,
Здесь ни с кем я не знаком,
А бывало – в бой водила,
Нарекла своим бойцом.

Верная любовь в душе,
Словно в пламени, живет.
Не стареет, не болеет,
Не изменит, не умрет.

Он посылал из заключения эти и другие любовные мольбы, но я была непреклонна. Вернее, я заболела от ярости, занемогла от расстройства чувств – впрочем, расстроились не только чувства, как всегда, от переживаний у меня скрутило живот. Елена, Уорвик и горничные смущенно смотрели в пол, когда я, воняя нужником, выходила из уборной.

Одна Елена не растерялась, шагнула вперед и спокойно взяла меня за руку.

– Послать за доктором Лопесом, мадам, или еще за кем из врачей?

– Нет, не надо, – плакала я. – Они не вылечили меня от измены лорда Лестера, не вылечат и теперь.

Подошла Радклифф с серебряным подносом, на котором были бокал миндальной настойки и вишневые вафельки.

– Ваша милость с утра ничего не кушали, пожалуйста, возьмите хоть чуть-чуть для подкрепления сил…

Я отмахнулась. Однако любовь и нежная тревога в ее глазах пронзили меня до глубины души, я не могла более сдерживаться.

– О, Господи, – запричитала я, – неужели все снова, как с Робином? Или это Божья кара за то, что я зажилась на этом свете? Видеть, как события повторяются и вновь переживать прежние муки?

Уорвик и Радклифф уложили меня в постель, Елена взяла за руку и ровным голосом, из которого так и не изгладился шведский акцент, зашептала на ухо:

– За тем исключением, мадам, что Ваше Величество никогда не любили, – она замялась, – и не привечали сэра Уолтера, как лорда Лестера.

А сейчас у вашей милости по-прежнему есть любовь лорда Эссекса.

Уорвик наклонилась с другой стороны.

– Госпожа, отхлебните чуточку лекарства, которое приготовила Радклифф, – оно очень сильное, вы сразу уснете…

Любовь Эссекса… Я начинала дремать. Да! Она, по крайней мере, у меня, есть, истинная правда. Он ежедневно шлет мне нежные и мужественные любовные послания: Я женился не ради себя, но ради нее – из жалости… я вынужден был ее пожалеть…»

Я сжала руку Уорвик:

– У мерзавца Рели нет даже такого оправдания. Он спал с ней из похоти! И под самым моим носом.

И притом несколько лет – по меньшей мере два года…

– Отвезли его в Тауэр?

– Как Ваше Величество и приказали. Обоих.

Они ждут вашего решения.

Загадку раскрыл Роберт – ему не потребовалось много слов. Глаза его горели искренним сочувствием, когда он с поклоном протянул мне пергамент:

– Сэр Уолтер Рели шлет вам письмо с извинениями и покаяниями. Ваше Величество, а с ним стихи…

Я взвыла и вышибла из рук Роберта пергамент:

– Не желаю извинений и стихов, хочу знать правду!

– Вы ее услышите, миледи. – И Роберт защебетал:

– Сэр Уолтер и дама приглянулись друг другу, и он лишил ее невинности. Затем она понесла…

Я знала! Вот чем была ее водянка – а я-то ее пожалела, отправила в деревню на поправку, подышать чистым воздухом.

– И сэр Уолтер на ней женился. А когда вы отправили ее в деревню, она вместо этого укрылась в доме брата в Мил-Энде, где и родила сына. А сэр Уолтер уговорил графа Эссекса стать крестным отцом ребенка. Сэр Уолтер рассчитывал на сочувствие графа – они хоть и соперники, но граф тоже скомпрометировал себя тайным браком, заключенным без воли Вашего Величества…

Я вскочила и заходила по комнате.

– Это не одно и то же! Женитьба графа – совсем другое дело.

Рядом с постелью лежали письма, в которых мой лорд объяснял все:

Внемлите мне, Ваше Величество, Вашей душой заклинаю, внемлите!

Я впервые увидел ее в Зютфене, куда она приехала к раненому мужу, сэру Филиппу Сидни, за которым ухаживала до самой его смерти, – и он сам, умирая, поручил ее моим заботам. В моих глазах он был безвременно павшим героем, а его последнее желание – законом. Покойный лорд Лестер, который любил Ваше Величество так же страстно, как я, если такое возможно, обойдись с ним судьба помягче, подтвердил бы мои слова. Жениться на даме было долгом чести, от которого рыцарь уклониться не может. Однако, если честь и связала меня с нею, к вам меня влечет любовь, безмерная любовь…»

Да! Он по-прежнему меня любит! Я схватила последнее письмо и прижала к губам. Да и кто бы не предпочел меня ей, его жене, жалкой вдове Сидни.

Сказать по правде, я не имела ничего против его брака с Фрэнсис. Я даже жалела ее, когда вспоминала ее худосочное мальчишеское тело, благочестиво опущенные долу коровьи глаза, бледную кожу, излишне темные глаза и волосы – в то время как в моде мои золотисто-рыжие локоны и фарфоровый цвет лица. Конечно, он ее не любит. Он любит меня, хоть и не может этого проявить, слишком велико расстояние между нами. А уж кому-кому, а ему обязательно нужно продолжить род, чтобы его титулы – и красота – сохранились в потомстве.

Да, этот брак больше походил на суровый долг, даже на кару Господню, чем на потворство греховной плоти.

Я могла если и не простить его, то по крайней мере сделать вид, что ничего не произошло. А мне его так не хватало! Надо было его вернуть.

И не только для себя. Это вдруг стало совершенно ясно. Теперь, когда старики поумирали, надо ради блага Англии возвышать новых людей, молодых. Мой лорд силен и отважен,

неутомимый боец и верный англичанин до мозга костей. Он может пригодиться – надо ввести его в Тайный совет в качестве одного из первых лордов и советников.

Однако я по-прежнему колебалась.

Можно ли совместить интересы Англии и мои собственные? Да? – говорила гордость. И почему бы нет? Мне всегда это удавалось. Я его обуздаю, приструню. Его можно исправить, простить.

В отличие от Рели. Вот без кого прекрасно можно было обойтись. Тем более что вдруг отпала нужда в рубаках.

Перемена произошла просто, быстро и мощно, как всегда. Мир наступил самым мокрым днем того ужасного лета, когда дождь хлестал не переставая и казалось – Бог открыл небесные шлюзы. Запертые в Нонсаче, мы извелись от тоски и скуки, стали замкнутыми, и тем более изумила нас пришедшая извне весть.

Война во Франции окончена.

Нашим войскам не нужно больше поддерживать протестантского короля Генриха против его подданных-католиков.

Я лихорадочно расхаживала взад-вперед по террасе, куда вышла подышать воздухом, пока снова не начался дождь.

По крайности мы сбережем деньги, а то – сколько? – двести, триста тысяч крон истрачены безвозвратно… Я пыталась отыскать хоть зернышко утешения в сообщенных Берли вестях – бедняга, он едва встал с носилок, на которых принесли его слуги.

– Что? Что он сказал? О, сядьте же, милорд, не надо стоять!

Берли со вздохом опустился на подушки. Рядом стоял помрачневший Роберт.

– Мадам, король сказал: Париж стоит обедни».

– И ради этого он отвернулся от истинной веры, от света нашей религии, отказался бороться за торжество протестантизма в своей стране и перешел в католичество? Господи, была бы я мужчиной! – рыдала я в гневе. – Зубами бы вырвала у него сердце и съела на ярмарке! Дайте перо и пергамент и пошлите за моим лордом!

Мне надо утешиться.

Слова лились с пера:

Моему кузену королю и повелителю Франции Генриху IV.

Мне сообщили, что ради достижения мира в своей стране Вы отреклись от нашей веры и бросились в объятия Рима. Ах, как Вы меня огорчили, как стенает моя душа! Неужто вы ожидаете добрых последствий от поступка столь нечестивого? Надеюсь только, что Вы одумаетесь. Вписала Вас на первое место в свой поминальник, молюсь о Вас денно и нощно.

Ваша по-прежнему любящая сестра, если Вы – прежний, а нет – так между нами все кончено.

Королева Елизавета».

Берли прочел и улыбнулся:

– Вижу, упреки Вашего Величества по-прежнему разящи. Однако не бойтесь, миледи. Союзника мы не потеряли, Генрих никогда не решится воевать с нами, его страна слишком истощена.

И вы увидите, что теперь, когда Франция объединилась, испанский король переключит внимание на нее – его злейший враг там, а мы так, сбоку припека, и этот шаг, безусловно, пойдет нам на пользу.

Я, немного успокоенная, кивнула в ответ:

– Будем надеяться, потому что, боюсь, у нас хватит хлопот и здесь!

Ибо я уже знала, что мир не приносит мира несчастным, тем, кто подобно мне постоянно борется с любовью и с собой. А поскольку мой лорд любит войну, он не даст мне пожить в мире. Казалось бы, отделавшись от главного соперника, Рели, мой лорд, погубивший себя глупой женитьбой, и зная, что повелевает мною и множеством моих даров – сладкими винами, лесами и полями, огромными поместьями и соответствующими доходами, аккуратно выплачиваемыми четыре раза в год, – мог бы угомониться. Но – и это превратилось в мой вечный рефрен – надо было предвидеть…

Я послала за ним в твердой решимости использовать его дарования на благо Англии.

Я старалась держать его на расстоянии вытянутой руки, обходиться более сдержанно, когда он возвращался из деревни, где жила его жена. Однако эта пьеса, наша осенняя трагедия, была еще не доиграна. А в трудную минуту мудрый обращается за помощью к философии.

Чтобы смириться с отступничеством французского короля, я вновь обратилась к школьным занятиям, переводила великое творение Боэция, De Consolation Philosopiae – Об утешении философией», с благородной латыни на не менее благородный английский, до того довел меня гнев на короля, на Рели, на всех вероломных мужчин.

Однако занятия принесли плоды. Я возобновила переписку с заблудшим королем, выпустила Рели и его шлюшку Бесс Трокмортон из тюрьмы. Я даже обнаружила, что он еще может быть полезен – это выяснилось, когда мои каперы захватили самую богатую добычу, Madre de Dios».

Madre de Dios. Воистину, Матерь Божья! То был купеческий

корабль самого испанского короля, величайший в его флоте, плавучий семипалубный красавец с шестью сотнями матросов. Словно дворец, высился он над водой, нагруженный несметными сокровищами Ост-Индии!

Драгоценные камни и слоновая кость, сандаловое дерево, шелка и пряности, тигровые зубы и китайские кровати, мускус и амбра, перец и павлиньи хвосты! Я послала Рели в Плимут забрать это все для меня, а потом не пустила ко двору и отправила в Шерборн к Бесси», посмотреть, как ему понравятся хваленые священные узы».

Захват Madre de Dios» принес мне сто тысяч фунтов от продажи одного только перца. Мы, как и предсказывал Берли, жили в мире с Францией, Испания нас не трогала. Можно было подумать о том, как наполнить казну и наши тощие кошельки, можно было играть, ездить верхом, охотиться и веселиться, приглашать актеров хоть каждый вечер, слушать лютни, танцевать и смеяться до зари. Теперь и двор обновился, на волне радости от победы над Армадой в Лондон повалила молодежь: новые имена, новые лица, Кэри и Пембрук, Коук и Кемберленд, Саутгемптон, Говард и Харингтон, да, и даже братья Бэконы, любимцы моего лорда. Ну и пусть это сыновья и дочери моих первых придворных, пусть я износила целое поколение и затребовала новое! Разве я когда-нибудь жаловалась на юность и красоту?

У нас было все, о чем можно мечтать, у меня и у моего лорда, однако по-прежнему любовь его и гордость были как трутница – того и гляди, вспыхнут!..

И по-прежнему шел дождь. Июль и август дорыдались до мокрого сентября, урожай погиб, наступил ноябрь, и турниры в честь очередной годовщины моего восшествия на престол утонули в грязи и в лужах, как ни доблестно сражались мои рыцари. Я по обыкновению раздавала награды и хвалы, однако сердце мое напоминало красное глиняное месиво под конскими копытами. Но как-то с вечера я долго не могла уснуть. а проснулась на заре, чистой и ясной, словно утро нового мира.

– Быстрее! – Я нетерпеливо ткнула ногой спящую на приставной лежанке горничную. – Буди моих женщин, зови кавалеров, я немедленно еду кататься! Пошли за лордом Эссексом, пусть ждет в конюшне!

Счастливая, я бежала к нему по закоулкам и дворикам Нонсача, свита едва поспевала следом.

Он, как всегда, будет в конюшне, выберет мне лошадь, подставит под ступню сцепленные ладони, забросит в седло, поправляя стремя, возьмет за лодыжку сильными загорелыми

пальцами, тронет руку на уздечке…

Потом повернется ко мне: Нравится, Ваше Величество?» – и вскочит на своего скакуна, перебросит великолепную ногу через заднюю луку седла, и мы помчимся во весь опор, в карьер – как пожелает моя душа…

Я уже чувствовала расходящееся изнутри знакомое тепло, жар, я дрожала, стыла, жила и умирала…

– Нет, надо ей сказать! Все равно не утаим!

Внезапно из-под низкой арки впереди высыпала толпа разгоряченно спорящих придворных – кузен Гарри Хансдон, лорд Говард, женоликий новичок граф Саутгемптон и его друг молодой граф Пембрук, с ними слуги… Откуда они тут взялись ни свет ни заря?

– Милорды?

Все прятали глаза. Даже кузен Хансдон, одиннадцатью годами меня старше, толстый, лысый, выглядящий на все семьдесят, вел себя словно пойманный с поличным воришка, перед которым маячит виселица.

– Мы не ждали Ваше Величество так рано!

Я оскалилась:

– Говорите, кузен, – почему же?

– Мадам, я…

Он запнулся. Остальные смотрели на молочно-белое небо, в пол, только не на меня. Наконец красивое лицо Пембрука, одного из молодых, горячих и неотесанных, вспыхнуло, и он выпалил:

– Лорд Эссекс и сэр Кристофер Блант повздорили из-за Вашего Величества и решили рассудить спор поединком. Они сошлись на заре, на лугу возле реки…

– О, Господи, нет!

Саутгемптон улыбнулся кривой кошачьей усмешкой:

– Оба живы, Ваше Величество. Но…

Он выдержал томительную паузу. Я поборола минутный гнев:

– Что но», сэр? Говорите.

– Милорд Эссекс ранен…

– Ранен?! – В ужасе я ударила Хансдона по руке. – Пошлите за моими врачами, сейчас же, немедленно, позовите доктора Лопеса!

– Не надо, не надо! – успокоил Хансдон. – Рана неглубокая, с ними были цирюльники, они сейчас ей занимаются.

– Неглубокая?

Ему неглубокая – мне глубокая…

Саутгемптон снова вроде бы ухмыльнулся – или просто лицо у него такое? – и провел ладонью по мясистой стороне бедра вверх.

– Сюда, в пах, – ехидно заметил он. – И, я полагаю, рана мучит его меньше, чем уязвленная гордость, поскольку победа осталась за сэром Китом – тот только отделался царапинами.

Я почувствовала облегчение и гнев одновременно.

– Клянусь Богом, он знает, что при нашем дворе строжайше запрещены драки и дуэли! В отцовские времена за такое руки рубили! Как посмел он вызвать Бланта? Давно пора было кому-нибудь сбить с него спесь и поучить хорошим манерам! – Я повернулась к Хансдону:

– Какая муха его укусила? Почему он полез в драку?

Хансдон вздохнул:

– Потому что Ваше Величество отметили Кита Бланта после турнира – послали ему свою золотую с красной инкрустацией шахматную фигурку, и милорд объявил, что никакому мерзавцу» не достанется его королева»…

Что на это сказать?

Когда надо было сбить с него спесь, я принимала ее за любовь. И мне нравилось.

Однако отлично известно: когда мужчины дерутся из-за женщины, им нужна не женщина, а драка. А человек, который подрался с ближайшим другом, каким был моему лорду Блант, не пощадит никого.

Господи, попадись он мне в ту минуту, я бы отхлестала его по щекам за то, что так глупо, по-детски рисковал жизнью! Однако он, как необъезженный жеребенок, все делал по-своему.

А делать по-своему для него значило воевать.

Не во Франции, так в Испании. Испания!» – был теперь его боевой клич; он оправился от раны и теперь требовал отправить его на войну.

А вокруг него собрались все молодые ястребы, те, кто, подобно ему, рвался отыскать славу или смерть в пушечном жерле. Эссекс как их вожак сам принялся искать достойный повод взяться за меч и, разумеется, нашел.

– Привечайте дона Антонио, мадам, оказывайте ему расположение, – убеждал он. – Его превосходительство – вот тот, кто нам нужен, мы потребуем от Испании восстановления его законных прав.

Дон Антонио. Да. Можно было догадаться, что два таких искателя приключений споются. У меня самой не было времени на дона Антонио – по правде говоря, я избегала встречаться с коротышкой-португальцем, который вечно терся возле двора, отказывалась его принимать. Филипп вторгся в его пределы, отнял страну и трон, все верно. Однако я была так же далека от мысли ввязываться в чужие войны и свары, как от полета на Луну.

Верно, что Филипп ввел в завоеванной Португалии свою жуткую Инквизицию, чем вынудил бежать многих честных людей, евреев и христиан, в том числе и моего нынешнего лейб-медика доктора Лопеса. Однако мне вполне хватало борьбы с местными католиками. Не хватало только вести войну в тысяче миль от дома!

Нет, дону Антонио я не помощница. Юному Кемберленду, воспитаннику старого графа Бедфорда, а значит, человеку надежному, я сказала, что мне не нравятся пышные усы португальца. Они и впрямь были нелепы и ужасны, но я гораздо больше боялась возможных осложнений с Испанией. Не стану же я рисковать жизнями своих англичан, чтобы впутываться в чужие дела и тягаться с Филиппом в ею собственных пределах!

Однако для моего лорда дон Антонио был героем рыцарского романа, несправедливо обиженным, которого мы должны восстановить в законных правах.

С тем же жаром, с каким мой лорд ратовал за войну, Берли и Роберт, старый кузен Ноллис и лорд-адмирал Говард призывали к миру.

– Я докажу вам всю мерзость Испании, – клялся и божился мой лорд.

Сцены, разыгрывающиеся при нашем дворе, все больше напоминали сражения времен Армады. Жаль моих надежд сделать из него разумного советника – он не слушал ничьих мнений, кроме своего. Все чаще и чаще мой лорд вскакивал из-за стола – вещь прежде неслыханная – и, подобно Ахиллу, удалялся с поля боя в свою палатку.

И, как Ахилла при осаде Трои, его приходилось выманивать щедрыми подношениями…

…которые шли и шли от меня – и расставалась я, не только с деньгами…

После того как он особенно сильно вспылил, мне пришлось пустить кровь. Когда блестящая карминная струйка замутила воду в стеклянном тазу, я поняла, что исхожу кровью сердца ради него, ради возлюбленного-пеликана, который вытянет из меня любовь, жизнь до последней капли.

– Вашему Величеству дурно?

– Нет, доктор, нет – давите дальше!..

А она все продолжалась, наша любовная песнь, наша трагикомедия.

– Ваше Величество дозволит…

– Мадам, мне надо…

– Ваша милость не может отказать…

Он окреп, расцвел от моей любви, требования звучали все

чаще.

– Желания лорда Эссекса написаны у него на лбу, – сухо заметил Роберт. – Всем видно, кому он благоволит.

– Я благоволю всякому, кто служит Ее Величеству как мужчина, а не как евнух! – сердито отвечал мой лорд. – Мужчинам, которые доказывают, что нам надо воевать с Испанией!

– Как милорду угодно.

Если кто-нибудь и подставлял ближнему левую щеку, так это мой Пигмей, как звала я про себя Роберта. Любезный, бодрый, даже веселый в бесконечных придворных передрягах, он, помимо своих обязанностей, исполнял теперь и немалую долю опювских. На требования моего лорда у него всегда находился благожелательный ответ. Однако это не меняло дела.

– Сэр Роберт и его отец терпеть меня не могут! – утверждал мой лорд. – Но они еще увидят, что я умею воевать не только в совете! Мне нужны свои люди в правительстве, люди, которым я могу доверять. Я должен получить пост генерал-адвоката для Фрэнсиса Бэкона и должность для его брата Энтони, моего ближайшего советника, у него целый штат лазутчиков, он знает подноготную всех наших врагов…

– Гром и молния! Нечего мне указывать и тыкать в лицо этим Бэконом. Ваш Фрэнсис мне ни к чему, и враги эти существуют только в вашем воображении! Королевство живет в мире, подданные меня любят, мне не грозит никакая опасность!

Агатовый блеск в его глазах потух, он посмотрел на меня без всякого выражения и сказал тихо:

– Мадам, скоро вы убедитесь в обратном.

В то лето мы далеко не уехали – не то что в прежние дни, когда я ни за что почитала добраться, скажем, до Нортгемптоншира. Теперь я держалась ближе к Лондону, но по-прежнему не давала поводов думать, будто не могу сидеть на лошади или весь день напролет трястись в дорожном паланкине. Впрочем, худые новости доберутся всюду и быстрее, чем следовало бы. Так что мы оказались в Теобалдсе, поместье Берли в Герфордшире, которое я всегда любила.

Берли знал, как мне угодить! Каждый камень в его доме укладывался с мыслью сделать мне приятное, каждое крыло пристраивалось из соображений моего удобства. Для меня каменщики соорудили в центральном дворе Зеленую галерею, где я могла расхаживать перед написанной во всю стену картой Англии, в Фонтанной галерее после всех английских королей и королев стоял мой мраморный бюст, а Большая галерея была столь просторна, что я могла идти по ней со всем двором,

наехавшими погостить послами и их свитой. Мне нравились высокие арки, башенки, нравился и здешний теплый прием.

И этот приезд ничем не отличался от предыдущих – поначалу.

Свет-королева, мы тебя встречаем.
С радостным сердцем тебя привечаем…

Меня встречала толпа детей в зеленых туниках, с венками на голове – они пели прелестные песенки, играли на свирелях, прыгали вокруг коней и радостно сообщали, как их хозяин счастлив меня принимать. После обеда Берли удалился, сославшись на возраст и усталость, но когда Роберт повел меня по цветникам мимо журчащих фонтанов, мраморных статуй и липовых аллей, Берли выглянул из летнего домика, одетый отшельником, со свечой, книгой и колоколом, и сообщил, что удаляется от мира, а посему просит меня о милости – передать должность его сыну.

– Нет-нет, милорд! – Я от души хохотала над его проделкой. – Не могу отправить вас на покой, вы мне слишком нужны! И зачем мне вас отпускать, если сейчас у меня два Сесила по цене одного.

Берли горестно улыбнулся, но я видела, что он явно польщен. И, что радостно, он снова был на ногах, носили его только тогда, когда надо было переходить из здания в здание.

В тот вечер в Большом зале мне прислуживали по высшему королевскому разряду: сперва мои телохранители в геральдических плащах алого атласа, со златотканными королевскими гербами на груди и на спине, внесли козлы и доски. Едва стол был установлен, вошла процессия с булавами; пройдя несколько шагов, служители троекратно кланялись. Затем другие слуги, тоже с поклонами, внесли камчатную скатерть и хрусталь, тарелки и вилки, королевскую солонку в форме корабля, такую большую, что в ней поместился бы ребенок. Потом мои фрейлины присели в реверансе, кавалеры склонились в поклоне, внесли кушанья, от каждого отрезали кусочек и сняли пробу, как положено по ритуалу. Наконец мне подали хлеб, вино, и все, что я пожелала из сотни предложенных блюд – рыбы, мяса, птицы, сластей, десертов и засахаренных фруктов на любой вкус.

Я была очень довольна, говорила тихо, как всегда в конце дня, после сытной трапезы. В углу мальчик перебирал струны лютни и нежным голосом напевал один из сотни сонетов, сочиненных в мою честь поэтами и просто поклонниками:

Прелестных уст ее увидев цвет,

Стыдом зардевшись, розы пламенеют,
И лилии от ревности бледнеют
К ее рукам, белее коих нет.
В глубоких чашах маков кровь густеет
Сердечных ран моих, ее победы след.

Мне было так хорошо, так покойно, не хватало одного – моего лорда. Он обещал к вечеру вернуться из Сити, куда отпросился на день под предлогом срочного дела.

– Здравствуйте, Ваше Величество!

Как всегда, он налетел свежим весенним ветром, разгоняющим любые тучи. Однако я давно научилась читать в этих глазах, как на небосклоне, и сейчас видела грозные предвестники бури.

– Воистину, милорд пропустил большую потеху! – вскричал мой bete noire[5], молодой Саутгемптон, одним махом оказываясь возле Эссекса. – Сегодня мы в честь королевы травили медведя. Видели бы вы его, когда он красным глазом зыркал на очередного мастифа, слышали бы, как он ревел, когда собаки рвали его в клочья…

Мой лорд прервал Саутгемптона коротким поклоном:

– Простите мою грубость, сэр, но моя обязанность не оставляет времени для вежливости.

Как и мой долг перед королевой.

Он опустился на одно колено, тепло сжал мою руку. Вот какими крохами довольствуются нищие – он держит мою руку в своей, подносит к губам, покрывает поцелуями сморщенную тыльную сторону ладони…

– Слушайте меня, все! Эй, стража! Ближе к королеве!

Нас всех охватило предчувствие чего-то ужасного. Волнение его передалось мне, когда он с жаром возгласил:

– Покуда вы тут веселились или спали, я охранял Ее Прекраснейшее Величество! Один я люблю ее настолько, чтобы бодрствовать и бдеть! И я раскрыл гнусный заговор в ближайшем ее окружении! Ее Величеству ежечасно грозит гибель! И я самолично отправил убийцу в Тауэр!

Глава 4

Отправлять в Тауэр – исключительное право монарха. Но пусть будет так.

Доверие ведет к предательству – пословица, старая как мир. Если волк повадился в стадо, смотри не только за овцами, но и за пастухом.

Hac urget lupus, hoc canis angit, сказал старый поэт Гораций – так и я попалась между волком и собакой.

– Не зря его назвали волком». Ваше Величество, – взволнованно продолжал мой лорд, – ибо, если мерзкая тварь коварно подкрадывается, чтоб укусить, под покровом доброты Вашего Величества…

Говард и Ноллис, Уорвик и Радклифф, Берли и Роберт, братья Пембруки, Саутгемптон и Кемберленд – все разинули рты, как деревенские актеры, забывшие свою реплику. Я не дышала.

Кто возьмет решение на себя, кто мне поможет?

– Мой лорд?

Он сжал мою простертую руку, прижал к губам, покрыл торопливыми поцелуями.

– Ваше Величество полностью доверяли ему, а он тем временем злоумышлял против вас…

Кому я доверяла? Я тоскливо оглядела моих верных лордов, кузенов, придворных. Господи, когда же воцарится мир, когда же воцарится покой?

– О ком вы, мой лорд?

– О волке, дражайшая миледи, и о том, кто натравил его на вас, – о короле Испанском!

И вот мы прощаемся с Теобалдсом, возчики и грузчики пыхтят и бранятся, мулы спотыкаются под кое-как собранной поклажей, тщательно составленные кровати разобраны на доски и перекладины, и каждую вилку и ложку, каждую брошку и пряжку, каждый сапог и башмак нужно упаковать и отправить в Лондон, где мы переждем неприятности. Пока мужчины во дворе переругиваются, а девицы в доме носятся туда-сюда, я созвала военный совет, чтобы обсудить известия. Мой лорд в своей стихии. Сверкая глазами, поминутно меняясь в лице, он смеется, вскакивает, садится, словно места себе не находит.

– Пока вы, сони, грелись на солнышке, – вопиет он, – я бдел и стерег ради Ее Величества и Англии. Мой Энтони, – он не удержался, важно поклонился мне, – старший Бэкон, коего Ваше Величество столь недооценивает, сплел мне такую паутину слежки, что и муха не пролетит. И мы таки поймали ядовитую

тварь!

Я больше не могла терпеть.

– Кто? Что? Говорите!

– Ваш секретарь знает, – мой лорд кивнул на Роберта, бледного, сидящего в спокойной позе, но, как и все, взволнованного, – что было решено следить за домом дона Антонио и его приближенными португальцами, дабы испанцы не похитили его или не убили здесь, в Лондоне, как Вильгельма Молчаливого в Голландии и как многократно пытались убить вас руками северных графов, итальянца Ридольфи, предателей Трокмортона и Бабингтона.

– Господи, что вы меня мучите? Чего ради ворошите прошлое? (Напоминаете про эти страхи, эти муки, эти бессонные ночи, вы же сами помогли мне их пережить, о мой лорд, мой лорд, что происходит, что вы, со мной творите?) К делу!

Его лицо вспыхнуло.

– Что ж, тогда к делу, мадам! – сердито сказал он. – Двух слуг дона Антонио заподозрили, что они подкуплены испанцами и состоят в заговоре против хозяина, их взяли – сэр Роберт знает! (Роберт снова безмолвно кивнул.) и подвергли подвешению, они полностью и добровольно сознались.

Подвешению? Помилуй, Боже. Пытка неописуемая, подвешивают за связанные сзади руки, а затем – Иисусе, выговорить трудно! – когда после многочасовых мук сознание милостиво покидает страдальца, его спускают, приводят в чувство, и все начинается снова.

Я вышла из себя:

– И что они сказали, милорд?

Он ликовал, как школьник, подставивший под розги главного врага.

– Они сознались, что покушались не на дона Антонио, а их мишенью были вы, мадам, и что агенты короля Филиппа подкупили вашего врача, этого еврея Лопеса, чтобы вас отравить.

Лопес – lupus[6].

Волк.

Вот на что он намекал.

Но мой Лопес, который лечил Робина, поддерживал жизнь Уолсингема, когда природа от того отступила, заботливо смягчал последние муки бедного Хаттона, когда тот гнил заживо… Лопес?

Если я хоть что-то понимаю в людях, он не предатель, не отравитель!

Слезы хлынули неудержимо.

– Этим негодным слугам вывернули руки?

Да под такой пыткой вам скажут что угодно, обвинят кого

угодно! Безрассудный юнец, у вас нет ничего против доктора! Вы ничего не докажете! Я знаю, он невиновен!

Надо было догадаться, что противодействие только раззадорит моего лорда. Я пыталась обуздать его, назначила Роберта и Берли допросить Лопеса вместе с ним.

– Ваше Величество, он невиновен, никакого заговора нет, – уверял меня Берли после долгих часов допроса.

– Мадам, вас обманывают! – настаивал мой лорд и вознамерился это доказать.

Итак, пробудился старый испанский страх, и теперь страхи и заговоры плодились быстрее скорпионов. Пока жив был Уолсингем, нити его паутины были так прочны, что, если ловилась муха, если билась оса, если кому-то отрывали лапки и крылышки, даже если рабочая пчела, вылетев из улья, исчезала невесть куда, я этого не слышала, не замечала. Теперь выползло наружу что-то склизкое, мерзкое, непонятное, мутило липкий ил, испускало зловонные вредоносные пары. В начале лета довольно странно погиб один сочинитель пьес.

– Марло, с дозволения Вашего Величества, – в Детфордской таверне, во время ссоры из-за счета, – доложил лорд Бакхерст, мой новый тайный советник, боевой, но сдержанный. – И драка, и поножовщина – пустяки, но как бы не было за этим чего. (Боже, опять заговор?) Убитый молодой человек уже был взят на заметку, лорд Берли распорядился допросить его в Звездной палате.

– И?..

Бакхерст брезгливо сморщил длинный нос:

– Мужеложец он был, мадам, да еще этим бравировал, хвастался, мол, мальчиков с ним лучше не оставлять. Вообще скользкий тип – вроде бы он Марло, а назывался то Марли, то Морли, Марлин, Мерлин – одно слово, мерзкий…

– Хватит каламбурить, сэр! Ближе к сути!

Он склонил голову. По его знаку мне подали пергамент. Я пробежала глазами строки:

Кристоферу Марло, сочинителю пьес, перед Звездной палатой Ее Величества надлежит ответить за вменяемые ему речения, а именно:

Во-первых, что религию выдумали, дабы держать людей в страхе.

Во-вторых, что Христос был ублюдок, а его мать – шлюха.

В-третьих, что Иисус держал в любовниках Иоанна Крестителя.

В-четвертых, что все, кто не любит табак и мальчиков, глупцы».

Я глазам не верила – что за богохульство!

И неприкрытая содомия вдобавок, если я что-нибудь в этом понимаю, так и слышится скулеж пухлозадого Ганимеда.

В то лето в Лондоне скулили и другие. Еще одного грамотея, сочинителя для сцены, взяли по делу Марло и допросили. Кид, как его, Фрэнсис? Нет, Томас. С ним наш главный палач Топклифф чуток перестарался, а тот возьми да умри под пыткой. Бедняга только в том и провинился, что снимал комнату пополам с коллегой. Но и пытками не вырвали у него темных тайн жизни и смерти Марло. Он клялся, что тот был благонамеренный горожанин и никакого злого умысла против меня не существует.

– Ваше Величество, Кида загубили беззаконно! – протестовал лорд Оксфорд. – Он писал новую пьесу, которая затмила бы даже его шедевр, Испанскую трагедию». Ваше Величество видели ее на Масленицу…

– Где призрак орет: Справедливость, месть!», а кто-то притворяется безумным и представляет пьесу, чтобы убийца признал свою вину?

– Она самая, мадам. Замысел просто отличный.

Замысел действительно хорош, можно перекроить и со временем подать снова, ибо с похорон Кида поминный пирог сгодился на пир другого писаки. Видели здесь, при дворе, пару месяцев назад пьесу «Гамлет, принц Датский»? Не подумали, что Шекспир, мастер урвать там и сям, уволок у покойного собрата целую историю, здесь убрал, там вставил и сляпал вещицу, которую пристало бы назвать датской трагедией»?

– Что слышно о докторе Лопесе?

– Пока ничего, Ваше Величество. Но милорд убежден, что со временем он сознается.

– Я не велела пытать его – никоим образом, это известно?

– Мадам, известно – и исполнено.

Нет сил продолжать, а надо продолжать.

И смерть продолжается, и жизнь продолжается.

И вот бедный Лопес дрожал до смертного пота в стенах Тауэра, а над нами сгущались иные тучи. Солнечные дни в Теобалдсе, в парке старого Берли, застыли в воспоминаниях третной картинкой, похищенной у вечности, вставленной во время, в рамку серого неба и беспросветных дождей. Когда в сентябре наступил мой день рождения, я запретила все празднества, не до веселья нам было.

И уж конечно, не потому, что перевалило на седьмой десяток, и думать не смейте! Что значит шестьдесят лет для такой женщины, как я!

Но как веселиться, если в нашей многострадальной стране

вновь неурожай? Пшеница заросла сорняками и полегла, ячмень почернел и заплесневел, вороны жирели на падали – свирепствовал ящур, деревенский люд исхудал.

Каждое воскресенье в каждой церкви слышалось одно и тоже: Domine ut quis, ut quis, Domine? Почто, Господи, почто отступил от нас, почто воспылал гневом на овцы Твоя?

Роберт неусыпно собирал сведения.

– В Лондоне зерно подорожало с семи до десяти шиллингов за бушель, Ваше Величество…

– Десять шиллингов?! Что с нами будет?

– Пятнадцать в Бристоу, восемнадцать в Шрусбери…

– Господи помилуй!

Бедняки начали умирать в начале осени. Но каждый сгинувший младенец, каждый до срока угасший старик радовал жестокосердных. Поистине никогда не были счастливее недовольные, возмутители спокойствия, смутьяны, что питаются бедствиями и недовольством. Теперь-то они обнадежились, теперь-то искали случая взбрыкнуть и сбросить нас, и я с растущим страхом чувствовала, как бразды правления ускользают из моих рук.

Ибо моль в наше государство летела не только из Рима, вскармливалась не только Римом, приносилась не только жаркими дуновениями Рима. Нет, были и свои, доморощенные скребуны и грызуны, жадные и невежественные, уверенные в себе почище иного папского прелата и самого антихриста.

А начали мои парламентарии, эта горстка самодовольных властолюбцев, назойливых болтунов! Ныне как раз была сессия, и мой лорд-хранитель печати, верный сэр Джон Пакеринг, имел с ними уйму хлопот. Во главе кучки моих лордов он пришел из палаты общин ко мне в Уайтхолл. Я кисла от скуки в своих покоях, лень было даже побренчать на вирджиналах, подсесть к играющим в карты дамам. Мой лорд занимался делом Лопеса, и мне было не до забав. Но от доклада Пакеринга у меня запылало нутро.

– Он требует что? – Я не поверила своим ушам.

– Свободы слова, мадам, согласно древним вольностям, дарованным парламенту…

– Вы сказали, Уэнтворт? Депутат от Барнстепла? Который надоедал мне своими памфлетами?

– Теперь он от Лизарда, мадам, да, Питер Уэнтворт, вольнодумец и памфлетист. У него есть сторонники.

– От Лизарда? Пятка Англии – да что там пятка, большой палец! – будет учить голову?

Какой-то дурак наставляет меня, что мне делать! Свобода

слова ему, видите ли, понадобилась! Вот что происходит, когда подданные сомневаются в исключительном праве королей, поучают королеву, когда простолюдинам вбивают в голову, что и они могут править! Да если столь богохульная измена укоренится, кому будет нужна монархия? Король?

– Но в его словах нет измены. Ваше Величество, – твердил Пакеринг. – Древнее право…

– Под властью короны! Только под моей властью!

– Но подобные права…

Я топнула ногой, словно вгоняла в землю всех вольнодумцев разом.

– Я его удавлю! Передайте мастеру Уэнтворту мое почтение и пошлите его в распоряжение Тауэра – пусть наслаждается там свободой! Любой из его сторонников может отправиться с ним, если пожелает! И ни слова больше о них!

Наступила оглушительная тишина. Наконец поднял голову кузен:

– Ваши парламентарии нередко досаждают Вашему Величеству… – Смуглое лицо Ноллиса сияло пуританским огнем. (Я так и знала, что он бросится защищать эту инакомыслящую букашку, ничтожного Уэнтворта!)

– Но все же, мадам…

– Досаждают? Дело не в подлом Уэнтворте.

Сколько я царствую, они вечно подкапываются под меня! То право наследования, то замужество, потом королева Шотландская, притом постоянные вмешательства в денежные дела, в церковные…

– Но, мадам, они безотказно голосовали за все субсидии, потребные вашей милости…

– Потребные мне? Потребные им! Воевать за них, хранить мир для них, для их женушек, для их деток!

– Вам не следует сомневаться в их преданности! Или наказывать за честные речи о злоупотреблениях в церкви и государстве! – Он впился в меня взглядом и погрозил тощим пальцем. С ужасом я увидела на его лице печать двадцати с лишним лет, на которые он старше меня. Он казался старше самого времени. – Предостерегаю вашу милость, если вы вместо изменников-папистов начнете карать добрых людей…

– Пуритане и проповедники – не добрые люди! Это мятежные вредители, алчные, невежественные! Кузен, вы знаете, изуверы одинаково опасны для государства, что те, что другие! – Я страстно сжала руки, прошлась взад-вперед. – Помните сестру Марию – все для Рима? И вот приходит брат Эдуард, мир переворачивается вверх дном ради иной догмы? Нет, долой

фанатизм! Во всем золотая середина! Давайте прикроем деликатно окна души, чтобы никто не подглядывал.

Снова молчание, но уже одобрительное. Верный Пакеринг вздохнул:

– А что с Уэнтвортом, мадам? Я бы предложил…

Боже, как я от них устала!

– С Уэнтвортом? Не трудитесь просить за него. Будет гнить в Тауэре, пока не раскается всей душой, на коленях.

Конечно, он не смирился, твердолобый самоуверенный фарисей, как все пуритане! Я разрешила ему любые удобства, вплоть до мистрис Уэнтворт – малышка вслед за мужем вселилась в Тауэр, и жили они там – за мой счет! – как у Христа за пазухой. Но я не смягчилась и его не выпустила. Его судьба во многом пошла на пользу парламентариям, вдруг обнаружившим, что не так-то им нужна свобода слова, и больше они ко мне не приставали.

Но в любое время найдется иная порода – чем больше их топчешь, тем упрямее лезут они вверх. Следом шла рыбка позубастей – некто Марпрелат, Мартин Марпрелат.

Что скрывать? Встреться мы сейчас, я бы со смехом хлопнула его по плечу, пожала руку и сказала: Сэр, я, бывало, славно охотилась, травила зайца и кабана, гоняла и стреляла в лесу могучих оленей – но вы таки заставили нас побегать!»

А тогда мне было вовсе не до смеха. По правде говоря, я взбесилась, ибо в ушах моих по-прежнему отдавались грозные слова кузена, сказанные о Марии Шотландской: Сразу, или будь сражен!»

– Ваше Величество, вы звали?

– Нет, нет, спи, девочка, я разбужу, если нужно.

Милая девушка, новая фрейлина, внучка Берли Елизавета, в мою честь, конечно, и – о Боже! – снова кровь Сесила у меня на службе, дочь его любимой дочери Анны, сестры Роберта, так неудачно выданной за лорда Оксфорда, давно покойной. Я взяла девушку к себе, чтобы утешить после смерти матери, вместе с другой малюткой Бесс, Елизаветой Верной, – сколько этих Бесси нынче развелось, видимо-невидимо! – но она осталась печальной и озабоченной. Замуж бы ей. За кого-нибудь из сыновей Пембрука? Нет, за молодого Саутгемптона – пустой малый, болтается с моим лордом, женитьба его выправит! Надо этим заняться, отбить моего лорда у собутыльников вроде Саутгемптона, отучить его выслеживать заговорщиков, ловчить с братьями Бэконами, чтобы мне осталось больше его времени и внимания… больше любви, больше радости…

Но прежде всего надо поймать этого пуританского

разбойника, Мартина Марпрелата, он уже стоит нам поперек горла. Незримая рука пишет непристойности о церкви, обвиняет епископов, оскорбляет в сатирах даже меня. Народ голодает, беспокоится, шепчется, случились даже вспышки недовольства законным правительством, и если не схватить его, начнется мятеж.

Однако как его схватить? Никто не знал, кто он, откуда берутся трактаты, как попадают на каждый угол, в каждую таверну, в каждый карман. Все, что я могла, – напустить на него лучшие умы королевства и ждать, что будет.

Запертая в покоях дождем, я рассеянно играла в шахматы с моим дорогим лордом, когда Берли и Роберт вошли с докладом. Вездесущий Саутгемптон болтал в уголке с Верной, новой фрейлиной, но и он умолк при их появлении.

С болью в сердце я увидела, что Берли снова в кресле-носилках. Впрочем, повадка его была по-прежнему суровой.

– Трактаты выходят из печатни в Лондоне, мадам, это мы узнали, – говорил Берли, – поскольку нашли их в Чипсайде и Хайхолборне с непросохшей краской. Мы взяли печатника – на исходе прошлой ночи он с другими работниками пытался перепрятать станок.

– Чудно! – воскликнула я. – Теперь недолго и до автора добраться, до этого самого Мартина Марпрелата, и уж тогда…

Я мстительно умолкла, оставив незаконченной зловещую угрозу.

Мой лорд вскочил и прошелся по комнате.

– И что тогда. Ваше Величество? – спросил он с деланным смехом.

Я взглянула на него. О, как хорошо, как любовь все дробит в осколки, всякую сосредоточенность, – но хватит!

– Его – в Тауэр, если не на галеры! Мы измараем его перо и его писульки, раз он грозится замарать наших священников и прелатов, самих князей нашей церкви. Такая же участь ждет всех тех, кто связался с этим подстрекателем, кто читал эти трактаты, хранил или передавал другим.

Он опять засмеялся, но каким-то диким смехом:

– А со мной, миледи, что будет со мной?

Сунул руку в карман штанов – я уже знала, что он оттуда вынет. Я не могла прочесть мелких черных строк на листке, который он мне протянул, но знала, что там написано:

«Послание Мартина Марпрелата в укор и ниспровержение всех рогатых господ, именуемых епископами, всех надменных прелатов, мелких антихристов, врагов Слова Божия, и свинского сброда ничтожных завистников, называющих себя викариями церкви…»

И он говорил о внутренних врагах?

– Дурак, дурак! – заорала я. (Отхлестать бы его по щекам!) – Неужто вам не дорога собственная безопасность, собственная жизнь?

Можно ли так ничего не видеть, ни о чем не думать, не видеть даже, что мы живем в карточном домике, что мы, власть, по воле Божьей устоим или падем вместе? Уберите епископов, уберите веру в истинную власть, исходящую от Бога! Уберите эту власть – и прощайте лорды, прощайте короли!

Я разрыдалась и вцепилась в молча стоящего рядом Роберта:

– Найдите Марпрелата! Если он и дальше будет марать прелатов, он вымарает все: и священников, и королей!

Его так и не поймали. Печатник под пыткой губ не разжал. Вот ведь упрямые безумцы эти пуритане! Но выборочные налеты на дома пуритан, преследование тех, кто звал себя «праведными», открыли нам их убежища, и мы наконец вырвали змеиное жало. После семи бурных выступлений, семи отдельных книжиц, каждая новая злоехиднее предыдущих, Марпрелата втоптали в землю, больше он ничего не писал. Но я приказала не ослаблять слежку. Головы и глаза гидры по-прежнему грозили мне и моему королевству. Они появлялись, появлялись отовсюду.

Ибо мельница измен в Дуэ вертелась непрерывно, и венец мученика оставался высшей наградой, какую Рим мог предложить юному семинаристу. Временами их пытались щадить – Рели велел не вешать одного священника в западных графствах, потому что этот малый жарко молился обо мне. Велел не вешать и вдруг понял, что негодник в свою последнюю земную минуту молил Бога вернуть королеву Англии в лоно католической церкви!

Тут я сам вышиб из-под него лестницу, Ваше Величество! – мрачно сообщал он в письме. – Но, жалея его больше, чем гнусные паписты пожалели бы нас, я позволил ему висеть, пока не умрет, так что он не видел и не чувствовал, что проделывали с его потрохами и срамными частями, а другим пришлось».

Что ж, все какая-то жалость, которую большинство упрямо отвергало. Особенно один – упрямец – не то слово. Но душа его была полна красоты…

Морозной ночью я дрожал среди сугробов снега.
Внезапный жар меня объял, в груди тепло и нега.
Взор поднял в страхе, посмотреть, что тут пылает рядом:
Младенец дивный, весь в огне, моим явился взглядам.
Он лил потоки слез, но огнь, которым он палим,
В потоке слез не угасал, а разжигался им.

Увы, – сказал, – едва рожден, пылаю я в огне,
Но хладные сердца возжечь кому же, как не мне?
Как я пылаю ради вас в огне своей любви,
Купелью стану, чтобы всех омыть в моей крови».
С тем он исчез из глаз моих, растаяли слова.
Я вспомнил, что сегодня день Христова Рождества.

Кто бы подумал, что иезуит может носить в себе такое? Конечно, он не был обычным папистом, попом-исповедником, этот Роберт Саутвелл. Он назвал свои стихи Горящее Дитя» и, томясь в Тауэре, рвался в огонь. Само собой, его не сожгли – он был не еретик, но предатель.

Мужественный. Хуже, чем Кэмпиона, пытали его, целых тринадцать раз. И душа его цвела в этом кровавом саду, изумляя видевших. Подобно Кэмпиону, он шел на смерть, как на свадьбу, светясь от радости.

Но не считайте их мучениками. Он умер законно! В моей земле всегда будет только одна религия. А всем другим никакой пощады!

Лордам моим, народу, всего больше лондонцам, после ареста Саутвелла не по нраву было щадить папистов, а уж тем паче евреев. Месяцами, не допуская допросчиков, длили жизнь Лопеса – день за днем, пядь за пядью. Как-то в апреле выглянуло солнце, мне захотелось на реку. Грозил дождь, но я все же послала за моим лордом. Мы бы дышали воздухом в королевской барке, под королевскую музыку, а вся свита, следуя в другой барке, распевала бы мадригалы в честь весны…

– Мадам, милорд идет сюда.

– Где? О, вижу!

Один взгляд на величавую фигуру в белом и золотом, которая идет ко мне вдоль пристани, высясь над спутниками, жеманным Саутгемптоном и славным Блантом, – и сердце мое заплясало. Но ненадолго.

Он небрежно поклонился – кажется мне или он действительно стал менее почтителен? – но глаза его пылали.

– Я доказал, я говорил, что докажу! Я разоблачил самый отчаянный и опасный заговор, дражайшая миледи!

Голос его разносился над водой – он что, радуется?

– Я говорил, цель заговора – отравить Ваше Величество, орудие – Лопес, и вот он наконец сознался!

У меня остановилось сердце.

– бы его пытали.

Он привычно вспыхнул от гнева:

– Да нет же, мадам, – вы запретили!

– Как же тогда?

Он беззаботно рассмеялся:

– Я распорядился показать ему орудия пытки.

Показать орудия пытки. Parce, parce, Domine, помилуй мя, Боже. Человеку впечатлительному, мнительному, напуганному после этого палач в кожаном, переднике уже не нужен.

Мой лорд красовался передо мной, как летний лебедь.

– И я оказался прав – он во всем сознался!

Тучи сгустились над моим бедным волком».

После признания из собственных уст я уже его спасти не могла. Три месяца я медлила с подписанием приговора, но толпа требовала его крови. И мой лорд вцепился в него, как пес в крысу. Я сделала, что могла, – приказала оставить его висеть, пока не умрет. Иное дело – Саутвелл; должна же толпа получить и пинту крови, и кишки, и все прочее.

Я отказалась конфисковать собственность Лопеса, все оставила вдове. Но долго еще мои сны посещала его темная тень.

И сейчас посещает.

Он говорит со мной словами пьесы[7], которые сочинили против него и поставили на сцене, они звенят у меня в ушах. Он стоит и произносит, как тот, другой еврей, что требовал у купца фунт мяса из груди, после того как венецианские христиане его до этого довели:

Ваш лорд охлаждал моих друзей, раззадоривал моих врагов; а какая у него для этого была причина? Только та, что я еврей. Да разве у еврея нет глаз? Разве у еврея нет рук, органов, чувств, привязанностей, страстей, как у других? Разве не та же самая пища насыщает его, разве не то же оружие ранит его, разве он не подвержен тем же недугам, разве не те же лекарства исцеляют его, разве не согревают и не холодят его те же лето и зима, как и христианина? Если нас уколоть – разве у нас не идет кровь? Если нас пощекотать – разве мы не смеемся? А если нас отравить – разве мы не умираем?» – спрашивает он меня, а я не могу ответить.

Мой лорд звал Лопеса волком» и радовался его погибели. Но я смотрю на эти крепкие белые зубы, эту довольную ухмылку и боязливо вспоминаю строки Теренция, читанные когда-то с Грин-Валом.

Auribus teneo lupum, nam neque quo amitam a me invenio, neque ut retinam scio. Я обнаружил, что держу волка за уши, и не знаю, как быть: избавиться от него или отпустить.

Глава 5

Ах, порой веселой мая,
Когда мальчики играют…

Он одолел еврея, короля Испанского, португальских предателей-слуг и Сесилов в придачу – теперь мой лорд был на коне. И хотя мой дикий жеребец разрывал мне сердце каждым своим новым коленцем, Бог свидетель, это было ему к лицу. В счастье он был щедр, ласков. добр – тем летом он одаривал меня, как пастух одаривает возлюбленную, – и у меня теплело на сердце. Как мне нравились причуды его внимания!

– Вашей милости следует носить белое, оно вам идет, – походя распоряжался он и заказывал мне сверкающее платье иерусалимской парчи, белое, как перламутр устрицы.

– У меня для вас новая кобыла, серая в яблоках, глаза у нее почти такие же красивые, как у Вашего Величества, и сердце под стать вашему – львиное. Она весело промчит вас много миль – когда желаете покататься?

Знал ли он, что так говорил Робин?

Но лучшим подарком был поздний летний вечер, когда придворные дремали по углам, стража прикорнула на полу в присутствии, во всем мире не спали лишь мы двое, как в первую весеннюю пору нашей любви. Он лежал рядом со мной, откинувшись на огромную красную бархатную подушку, яркий в шафраново-алом шелке, привольно вытянув свои бесподобные ноги. Я глядела на него и вздыхала про себя, как много раз прежде.

О, мой сладостный лорд…

Ты пахнешь лавандой и гранатовым цветом…

Что, если соскользнуть сейчас с кресла и лечь рядом, с тобой на подушку?

Гладить твое лицо, перебирать каштановые кудри, пока они не вспыхнут охрой и пламенем… трогать подбородок, щеку, вести пальцем по шее, по мягкому кругляшку на загривке…

Притянуть тебя к себе, поцеловать, как хочется впиться в крупный мужской рот, ощутить острый подвижный язык. Потом – твою твердую руку на своей груди, пальцы, нащупывающие застежки корсета, снимающие юбку, оставляющие меня в одной сорочке.

Справиться с сорока гербовыми пуговицами на твоем камзоле, помочь твоим дрожащим рукам стянуть панталоны и чулки. А потом ты одним сильным движением сдернешь мне через голову сорочку, со смехом воскликнешь: Ну, мадам, ну!

Зачем вам больше покровов, чем мужчине?»

Почувствовать твою руку, твою печать на моей груди, твое прикосновение к моему телу, твой восторг, твое умение, твое длинное сильное тело, твою плоть, твое мужское естество, твою любовь во мне – тебя, тебя всего…

О, как сладко!

Я была уже не в тех летах, чтобы краснеть от подобных мыслей. Я только закрыла глаза, чтобы скрыть их от него, и лежала то ли во сне, то ли в раю, когда он коснулся моей руки.

– Взгляните, Ваше Величество!

Он надевал мне на безымянный палец перстень. Из тяжелой золотой оправы подмигивала камея: тонкий белый профиль на черном фоне, высокий воротник, блестящие каштановые волосы. Это лицо я знала, как свое, – нет, лучше, потому что гляделась в него чаще, чем в зеркало. Это был мой лорд.

– О-о…

Я ничего не могла сказать, только сняла кольцо с пальца и поднесла к глазам, чтобы насладиться мастерством. Изнутри камень был инкрустирован крошечными незабудками на белом фоне, они были голубые и такие же живые, как те, что цвели вместе с белыми маргаритками и желтыми калужницами на заливном лугу.

Глаза его во мраке были иссиня-черные, когда он прошептал:

– Мадам, не забудьте меня!

Забыть? Я пообещала ему носить это кольцо всегда – и на руке, что водит этим, пером, царапает этот пергамент, несмотря ни на что, сверкает все та же камея.

Я в свой черед заказала ему кольцо, надела на палец как-то ночью в присутствии, когда мы жарко танцевали, разгоряченные любовью или чувствами, называйте как хотите, – словом, тем, что между нами росло.

– Если я когда-нибудь вам понадоблюсь» мой дорогой лорд, – прошептала я, – пошлите мне это кольцо и требуйте чего угодно.

Он поднес палец к губам и поцеловал кольцо – простое, золотое с черной эмалью, мужское, – однако внутри был начертан невидимый снаружи девиз, краткая любовная мольба, выраженная все теми же его словами: Не забудьте меня…»

В то лето Рели покинул нас, томимый жаждой приключений. Он уплыл в заморские владения, увлекаемый помимо своей любви к новому, неизведанному в еще большей степени страстью к деньгам, ибо, подобно мне, страдал от почти рокового истощения кошелька. Деньги!

Мы, словно ростовщики, оплакивали свою пустую мошну и потирали руки в предвкушении золота, которое он должен был

привезти.

– Оно где-то там, Ваше Величество, я знаю, это не просто моряцкая мечта, – серьезно убеждал он, глядя за окно тем же отсутствующим взглядом, что я видела когда-то у Дрейка. – Эльдорадо! Золотая земля!

Однако вернулся он всего лишь с несколькими кусками руды и яркими камешками, которые лондонские ювелиры отвергли как ничего не стоящий марказит, и ни у него, ни у меня в кошельке не прибавилось.

Однако, наслаждаясь богатствами любви, я расстраивалась из-за бедности казны меньше, чем следовало бы, и гораздо меньше, чем расстраивалась бы, случись это прежде. В то Рождество у нас были невиданные пиры и празднества. Началось со свадьбы моей маленькой фрейлины Елизаветы, внучки Берли.

Перед церковью она пришла ко мне в свадебном платье за благословением. Образцовая невеста – белая, как лилия, в венке из красных и белых гвоздик, платье скромное, почти монашеское.

– Ну, Бесс, – поддразнила я, – разве королева не обещала тебе подыскать хорошего мужа? А вы, старый друг, – обратилась я к Берли, которого внесли вслед за невестой, – извольте-ка встать с носилок и плясать на свадьбе!

Водянистые старческие глаза блеснули радостью.

– Мадам, только прикажите, и затанцуют даже калеки! Мысленно я буду плясать от радости за вашу доброту к моей внучке.

Однако я шутила, чтобы скрыть собственное замешательство – первый мой план устроить ее будущее закончился обидным отказом. Поначалу я прочила ее за этого гадкого Саутгемптона, одного из товарищей моего лорда, но тот, к моей досаде, наотрез отказался жениться не только на малютке Бесс, но и вообще на комлибо. Мадам, я следую вашему примеру, – усмехнулся он (Что в этом человеке не так?), – и предпочитаю благословенное одиночество. блаженствам семейной жизни!»

– Вот как, сэр?! – в ярости прошипела я, глядя на длинные шелковистые локоны, которые водопадом золотых завитков сбегали с левого плеча, осторожные, скрытные глаза, тонкие чувственные губы. Неужто и этот – совратитель юношества? Одно точно – он путается с актерами; кузен Хансдон, мой лорд-камергер, сказал, что сочинитель из его труппы, некто Шекспир, написал для графа поэму, где воспевает любовь Венеры к прекрасному юноше Адонису. Следует ли он по пути содомлян или просто Онана?

Как бы там ни было, хоть лопни, жениться его не заставишь!

Однако мы с Берли в конце концов подыскали девушке

приличную партию и отлично повеселились, приглашали комедиантов или плясали каждый Божий вечер. Кузен Гарри насилу меня дождался, его толстое лицо так и сияло.

– Вот программа празднества на ваше одобрение, мадам.

Нелегко быть лордом-камергером: кузен Хансдон с ног сбился, все устраивая, за всем приглядывая, однако, по правде сказать, он, несмотря на возраст, делал это с охотой. Мало того, я слышала, что кузен содержит черноволосую шлюшку, которую зовет смуглой леди», дочь музыканта Эмилию Ланье. Однако я не лезу мужчинам в панталоны! Покуда у Хансдона наготове музыка и танцы для нас, пусть хороводится хоть с приходской кошкой, мне до этого дела нет!

А танцев, музыки и спектаклей на эти Святки было хоть отбавляй. Едва в покои внесли пахучие охапки темно-зеленого плюща и колючего, усыпанного алыми ягодами остролиста, а лошади, скользя копытами на льду, притащили из лесу новогоднюю елку, повара внесли быка и дикого кабана, павлина и поросенка, лебедя и барашка, пироги, пудинги и парфе, как актеры и музыканты забегали взад-вперед, словно они тут самые главные.

– С вашего разрешения, сэр!..

– О, добрый сэр, простите меня!

Разумеется, они соперничали, все эти расплодившиеся труппы: мои люди – с людьми лорда-адмирала, актеры графа Пембрука – с актерами Оксфорда и комедиантами Вустера и все вместе – с труппой лорда-камергера, которая слыла лучшей. Еще бы ей не быть, за такие-то деньги!

– Вы не шутите, этот сын плотника Берберри действительно выйдет на сцену в плаще за шестнадцать фунтов? – опешила я.

– Бербедж, мадам, его зовут Ричард Бербедж, а его отец был не просто плотник, он построил театр, мало того, он владел первым театром в Лондоне…

– Театр, футы-нуты! Почему не играть в гостиных и во дворах, как раньше?

– Мадам, видели бы вы новые театры вроде Глобуса» в Саутуорке, с большими сценами, балконами, артистическими уборными…

– Черт, Гарри, вы вскружите этим людям головы! В конце концов, они всего лишь слуги, они носят наши ливреи. Этот ваш Берби…

– Бербедж, ваша милость.

– ..пусть расстарается, когда будет играть передо мною в плаще за шестнадцать фунтов – не то отниму плащ и отдам кому-нибудь из разорившихся придворных!

Я шутила, но за шуткой порой скрывается серьезная боль. Я была уверена, что мой лорд не на дело тратит свои деньги – мои деньги! У него и гроша не было своего, только то, что давала я.

Подумать только – завел свою сеть лазутчиков, копает под Сесилов, вербует себе сторонников!

Мало-помалу я начала отбирать у него ренты и откупа. Когда Англия голодает, пусть и мой лорд кроит себе кафтан из того что есть!

Однако в то Рождество я не позволила своему скопидомству испортить нам развлечения.

– Мадам, пьеса замечательная, – убеждал Хансдон, обеспокоенный моим разговором про плотников и плащи, – вот увидите!

И мы увидели – я, и все мои фрейлины, и мой лорд, и его приятели, Блант, Саутгемптон и прочие прихлебатели, и Берли, Роберт, Рели и Кемберленд, граф Оксфорд, юные Пембруки и все остальные – в Большом зале. Пламя очага и принесенные актерами большие подсвечники бросали на вышедшую поклониться труппу причудливые колеблющиеся тени. Загремели барабаны, зазвучала труба, мальчонка, которому явно не исполнилось и десяти, вышел вперед и пропищал:

Послушайте, любезные, сейчас
Мы вам представим скромный свой рассказ.

– Видите актера, одетого стариком в черной шапочке и мантии, который будет играть педанта? – зашептал мне на ухо Хансдон. – Это Шекспир, мой человек, который сочинил пьесу, – до чего живой ум! Говорят, он не вымарывает ни единой строки.

– А коллеги по сочинительству ругают его остроумие и желают, чтоб он вымарал тысячу! – рассмеялся Саутгемптон.

Мой лорд фыркнул и обнял его за плечи:

– Говорят, милорд, он кропает стишки о вас – из дружеских чувств, разумеется, – и называет вас другом» в своих слащавых сонетах, которые, говорят, ходят меж его друзей.

– Фи, дружище, фи! – Саутгемптон гневно схватился за шпагу. – Вы намекаете, что мы с ним…

– Милорды, милорды! – яростно зашипел Хансдон. – Тише, представление начинается!

Первой я заказала комедию, и вещица мне понравилась – любовная история про французскую принцессу и короля Наварры под названием Бесплодные усилия любви», затейливая и остроумная. Я одобрительно кивала, когда представление закончилось так: Слова Меркурия режут ухо после песен

Аполлона» – правильно сказано и к тому же изящно. Я окликнула Оксфорда, внимательно наблюдавшего за спектаклем со сцены.

– В духе вашего Лили, не правда ли, только менее цветисто?

Тонкое лицо Оксфорда неприятно скривилось.

– Магистр Лили, мадам, – произнес он с нажимом, – человек образованный, закончил университет, его собираются включить в совет колледжа Магдалины. Его труды будут жить, когда эту деревенщину, этот уорвикширский сорняк давно позабудут! Помяните мои слова, Ваше Величество, хорошее воспитание возьмет верх. – Он замолк, кашлянул. – Я и сам пописываю пьесы, возможно, вам угодно будет прочесть – их ставят мои актеры…

Читать его пьесы? Упаси Бог.

– Ладно, сэр. – Я решила отделаться шуткой. – Если вы наймете этого потрясателя сцены»[8] и выпустите его сочинения под своим именем, вы и впрямь прославитесь! А теперь ш-ш-ш, начинается следующее представление!

Следующим, как предупредил меня Хансдон, должны были давать историю короля Генри Болингброка, называемого Генрихом IV.

– Что? – нахмурилась я. (Это тот негодяй, что сверг Ричарда Второго, – опять измены и заговоры под видом развлечения?) Хансдон, видя мой гнев, встревожился и поспешил успокоить:

– Там нет ничего о низложении законного короля, Ваше Величество, ничего оскорбительного, ровным счетом ничего!

Я не поверила:

– Но этот же ваш Шекспир описал падение Ричарда Второго, то, как его свергли и убили!

– Оно было поставлено для простонародья, мадам, и успеха не имело. Эта пьеса вам понравится, клянусь честью!

Она мне и впрямь понравилась. Хансдон не сказал про лучшее, что в ней было, – толстого рыцаря в войне двух Генрихов, сэра Джона Фальстафа, ну и острый же на язычок негодяй.

Что ни слово, то истина! Одно из украшений храбрости – скромность»[9], – сказал старый трус, и я хохотала от души. Люблю таких!

Последняя пьеса меня утомила, я устала смотреть, хотела говорить, танцевать и веселиться, хотела быть с моим лордом. Но nobless oblige[10] – я одобрительно кивала, хотя не запомнила ни слова.

– Актеры здесь, поблизости, – гордо объявил Хансдон, когда представление окончилось. – Вашему Величеству угодно их видеть?

Угодно ли мне их видеть, вместо того чтобы веселиться с моим лордом? Я подумала, взглянула на Эссекса, потом на кузена

и смилостивилась:

– Пусть подойдут.

Вне подмостков они выглядели, как все актеры, потрепанными и выжатыми как лимон. Главный, Бербедж, тот, что играл короля, был мал ростом и, как ни выпячивал грудь, на короля совсем не походил; шут был печален, с опухшими веками; прекрасная принцесса оказалась тощим мальчишкой с огромным выпирающим кадыком; толстяк сжался до обычных человеческих размеров. Позади скромно держался низенький человек. Я подозвала его:

– Это вы написали пьесы?

Он поклонился:

– Если Вашему Величеству угодно.

Он был в костюме старика, которого играл в спектакле, однако по лицу и глазам ему можно было дать лет тридцать или чуть более. У него был ужасный, свойственный срединным графствам выговор, что калечит каждую гласную и неизбежно взмывает к концу фразы. Я взглянула на смиренное лицо, лоб с залысинами – ни дать ни взять торговец сукном.

– Мастер Шекспир, ваш толстый рыцарь мне угодил. Хотелось бы увидеть сэра Джона Фальстафа влюбленным.

– Коли Ваше Величество приказывает, он уже влюблен; вы увидите его…

Он замолк, что-то быстро прикидывая в уме.

Его товарищи постарались скрыть живой интерес к делу, которое заставит всех их попотеть.

– ..влюбленным в прелестную особу – нет, в целую стайку насмешниц! – в ближайшие две недели.

Комедианты незаметно расслабились. Главный, Бербедж, расправил плащ за шестнадцать фунтов (алый плюш, золотой галун, ворот обшит венецианским кружевом, отделан гранатом и черным кораллом, воистину по-королевски!) и отвесил поклон, который сделал бы честь даже испанцу.

– Ричард Бербедж к услугам милостивой королевы. Ваше Величество оказывает своим недостойным слугам слишком большую честь.

– Похоже на то! – Я зевнула. Голос замечательный, но я утомилась. – Ваша последняя пьеса, сегодняшняя комедия, как она называлась?

Стратфордский сочинитель поклонился:

– Успешные усилия любви», ваша милость.

– Она мне не понравилась.

Он солнечно улыбнулся:

– Тогда она проклята, истреблена с лица земли, мертва с этой

самой минуты. Мы никогда ее больше не дадим. Коли Вашему Величеству не понравилась, считайте, ее нет!

Разумеется, он получил за это золотом, как и рассчитывал. Умный человек.

Мы заставили попотеть и его, и остальных, мы славно повеселились в то Рождество при дворе, я и мой лорд. Несмотря даже на то, что гадина Рич, леди Пенелопа, выбрала именно это время для того, чтобы приехать из деревни и одолевать нас своим обществом.

– Вашего Величества смиреннейшая слуга.

Она сделала реверанс. Я смотрела с явным неодобрением – она стала еще развязнее и толще. Живот выпирает, как нос у боевого корабля, – Господи, да она снова с пузом! Сколько у нее детей от мужа? – по слухам, последний появился без всякого участия со стороны лорда Рича. А как разряжена, несмотря на свое положение, – шляпка и все прочее. Но мне-то что? Если ее муженек смотрит и улыбается, то я и подавно.

Улыбалась я и в другой пикантной ситуации: разгневанная обер-фрейлина приволокла ко мне зеленую от слез Елизавету Верной и заставила ту сознаться, что беременна. О, я отхлестала дурочку по щекам, когда она, всхлипывая, призналась, что отец ее будущего ребенка – Саутгемптон; я-то все время считала, что этот писаный красавчик бегает за мальчиками, а я не люблю ошибаться! Хуже того, он не только соблазнил ее, но и взял в жены, лишив меня законного права выбрать своей фрейлине мужа. За это я наградила ее еще парой оплеух, а вдобавок оттаскала за волосы и бросила обоих в Тауэр – охладиться. Но я была довольна жизнью и могла себе позволить быть доброй.

Даже когда я узнала, что эта распутница Пенелопа Рич предоставила Саутгемптону и Бесс Верной дом для свиданий и, более того, уговаривала девушку, я все равно решила, что не позволю им испортить мне радость общения с моим лордом.

А он был такой ласковый! Можете потешаться над старухой, которая оплачивает благосклонность молодого человека, однако, клянусь, это стоило любых денег, вернее, такую благосклонность не купишь за все сокровища мира! Конечно, я никогда не видела его жены – она меня не волновала. В любом случае, бедная Фрэнсис была мне не помеха – она, как верная жена, жила в деревне и рожала.

Мой лорд скрывал это от меня, никогда о ней не говорил, но когда Роберт сообщил мне, что она родила сына, я за него порадовалась. Он поселил ее у матери – ненавистная Леттис по-прежнему, хоть и в опале, жила и здравствовала, чтоб ей пусто было, – я так и не простила их брак с Робином. Бесс Трокмортон,

теперь леди Рели, проживала в Шерборнском аббатстве, имении Рели, так что я могла, не страшась волчиц, наслаждаться близостью моего лорда.

Но тут случился Кадис.

Глава 6

Кадис.

Мария божилась, что, когда ее вскроют, то прочтут на ее сердце кровавые буквы Кале». Когда будут вскрывать меня, этим словом окажется Кадис».

Оно будет вписано рядом с Ирландией» в эти каменные развалины, кладбище моего сердца. Однако Кадис был раньше.

Кадис. Он должен был стать величайшей победой моего лорда, часом его торжества. Я-то считала его только придворным, а он, оказывается, грезил о ратной славе. Я любила его в шелках и атласе, он мечтал о коже и стали. Я радовалась, что Испания дремлет; он всегда был готов разбудить спящую собаку, просто чтобы послушать лай. Я предпочитала войну без войны – когда испанский король не решался на нас напасть, а мне не приходилось тратиться на военную потеху. Но моему лорду любая потеха была не в радость, кроме военной, а раз так – подавай ему потеху в его вкусе.

Она началась в Гринвиче в самый разгар нашего веселья: как-то утром меня разбудило от тяжелой дремоты глухое, похожее на гром ворчание. Однако для грозы время года было еще раннее, кроме того, звук не раскатывался по округе, как гром. Мне не пришлось в страхе звать моего лорда; он уже ждал в смежной комнате и с жаром приветствовал меня одним ненавистным словом: «Война»!

– Господи Боже мой, что это значит?

– Пушки, мадам, испанцы осадили Кале! Вы слышите войну!

За ним стоял лорд-адмирал – кузен Говард, Роберт и Берли, Рели, старый кузен Ноллис и лорд-хранитель пяти портов – лорд Кобем. Он-то и шагнул вперед, посеревший от бессонной ночи, поклонился скованно, и немудрено, ведь ему пришлось скакать несколько часов, чтоб поспеть с вестями к заре.

– Ваше Величество, испанцы вторглись во Францию, они на северном берегу, у врат Кале!

Я потянулась, чтобы опереться на моего лорда.

– А что французы?

Он подал мне руку, сказал хриплым от волнения голосом:

– Французы и голландцы сражались, как защитники Трои, но они разбиты.

Рели покачал головой:

– А если испанцы вступят в Кале…

Кобем не мог сдержаться:

– Тогда мы опять вернемся во времена Армады, когда ждали,

что десятки тысяч под командованием герцога Пармского вот-вот хлынут на нашу землю!

Роберт шагнул вперед:

– Они не вторгнутся!

– А дела другого суверенного государства нас не касаются, – устало вымолвил Берли. – Надо сохранять мир.

– Мир! – оскалился мой лорд. – Надо воевать!

Однако, чтобы сохранить мир, нередко приходится воевать. В ту ночь мне приснился бог войны Марс – то был юноша в черненых боевых доспехах, как у моего лорда, в черном шлеме с опущенным забралом. Он стоял на высоком холме и громко обращался к стоящей внизу черной толпе, все было черно, голос его гремел: Ныне мы вновь должны вынести войну вон из нашего королевства, как горящие уголья, а не ждать, пока они с шипением обрушатся нам на голову!»

Он повернулся ко мне, снял шлем с колышущимся черным плюмажем. На меня смотрело лицо моего лорда.

Я вновь стала Беллоной, богиней брани, – его матерью, возлюбленной, но прежде всего – королевой!

– Ладно, если только война принесет нам мир, пусть будет война, но подальше от наших берегов.

– Тогда отправьте нас в Кадис, мадам, – настаивал мой лорд, его прекрасное лицо лучилось боевым пылом. – Мы подпалим королю Филиппу бороду, сожжем его боевые корабли, ограбим галионы! Озолотим вас, обескровим его – ему придется убраться из Европы, из Кале на веки вечные!

Он вкратце набросал мне план кампании. Какая же я дура! Пока я считала его образцовым придворным, он продумывал планы ведения войны! Он собирался взять Кадис, потом отплыть к Тринидаду в Вест-Индии, потом к Испанскому материку.

– А когда назад?

– Ваше Величество, как мне знать это?

Господи, зачем я его отпустила?

И зачем согласилась дать на эту авантюру пятьдесят тысяч фунтов?

А если бы ценой оказалась его бесценная жизнь?

После Зютфена Робин говорил мне, что мой лорд бесстрашен в бою. Чтобы сдержать его порывы, я назначила командовать флотом кузена Говарда, лорда-адмирала, а Эссексу поручила сухопутные войска. Рели отправился с ними – он одинаково хорошо сражался на суше и на море и знал что делает. Опытный воин, он умел служить под чужим началом, умел подчиняться.

Не то что мой лорд – тот умел только командовать и не признавал ничьей власти, кроме собственной. Он начал затевать

ссоры, писал мне Говард, еще до выхода из Ла-Манша.

Говард писал мне по две-три депеши на дню, негодовал на заносчивость моего лорда, на его грубость и нежелание слушать советы, не говоря уж о подчинении, стремление единолично завоевать всю славу. И в каждом столкновении мой Говард, который умел сохранить согласие между семью командующими во времена Армады, теперь терпел поражение от одного.

– Господи! – плакала я, читая его письма. – Надо смирить это дерзкое сердце, сломить эту гордыню!

Но тихий голос в ушах рыдал: Поздно!»

Кадис взяли.

– Они сообщают, что одержали великую победу, – с такими словами промозглым осенним утром вбежал ко мне маленький Роберт. – Часть галионов захвачена, часть сожжена, город разграблен, и там, как пишет милорд Говард, взята богатая добыча.

Мой лорд тоже писал, в духе истинно воинском:

Вообразите битву, Ваше Величество: Ваши могучие пушки сотрясают землю и оглашают грохотом, небеса, я тесню Ваших врагов, начертав на мече и в сердце Ваше имя; Ваши солдаты сражаются, как тигры, и вот уже брешь открылась в стене, сквозь которую, казалось, не пролезть и крысе…»

Я поцеловала пергамент и, как дура, залилась слезами. Роберт сочувственно помолчал, потом подмигнул и сказал:

– Я слышал, что лорд Эссекс как лорд-генерал показал истинное рыцарство в отношении женщин!

Я рассмеялась сквозь слезы:

– Каких женщин?

Роберт сделал большие глаза:

– Он запретил своим солдатам всякое насилие – вещь доселе неслыханная! И велел им стоять в почетном карауле – весьма галантный жест с его стороны, – пока женщины покидали город!

Эти и другие вести летели из Испании быстрее самой любви. И когда он вернулся, его внесла в Лондон волна народной жажды иметь героя, радоваться победе и хоть чем-то отвлечься от вечных мыслей о пустом желудке. Ладно, раз так, Глориана примет своего героя как подобает!

Я ехала встречать его к пристани – да, я вся извелась, я не могла дождаться, когда он сам ко мне явится, – а на улицах, как всегда в таких случаях, толпился народ: от врат Уайтхолла и дальше, сколько хватал глаз, люди шумели и выкрикивали приветствия.

И немудрено! Ведь я так тщательно нарядилась: роба золотой парчи, сплошь расшитая агатами, алмазами и жемчугами, юбка и

шлейф блестящего белого атласа, огромные серебряные буфы рукавов, прозрачная серебряная кисея на плечах.

Поутру я взглянула в зеркало, с воплем швырнула его об пол и зарыдала:

– Клянусь Божьими костями, я никогда не выглядела хуже! Позовите Уорвик! Где Радклифф? Принесите… принесите…

Принесите новое лицо, без этих ужасных морщин, без ввалившихся, как у ведьмы, глаз; новые зубы вместо желтых и черных пеньков, шатающихся, как жертвы голода; новые волосы вместо редких седых косм; новую шею вместо этой утиной гузки; новую грудь, достойную ласк моего юного лорда…

– Ваше Величество никогда не выглядели привлекательнее.

Мои женщины знали свое дело и тут же к нему приступили: сперва белила густым, как побелка, слоем поверх легчайшего налета розовой краски, затем румяна на щеки, яркий кармин для губ, а поверх всего блестящая пленка яичного белка – главное, не улыбаться, чтобы она не лопнула. И завершение – парик: триумф густых рыжих локонов и завитушек, усыпанный звездочками блесток и высящийся словно Филиппов галион, – да, так-то лучше! А ведь меня ждет мой лорд – разве его любовь не делает меня краше, краше обычного?

День был пасмурный – вот-вот закапает дождик; никому из моих придворных не хотелось ехать на пристань, портить свои шелка и бархат.

Однако я решилась. Мое сердце от радости исходило слезами, нет, кровью – он вернулся, он здесь, прощай, печаль, прощайте, одинокие бессонные ночи…

Стражники распахнули большие ворота Уайтхолла, мой кортеж выехал на улицу. Я ликовала.

Выглянуло солнышко – конечно же дождя больше не будет. Солнечные лучи вспыхнули на золотой парче и, судя по приветственным возгласам, по обыкновению, зажгли толпу. О, мой добрый народ! Я любила его всем сердцем.

Однако по мере того, как мы подъезжали, я начинала разбирать слова.

– Лорд Эссекс! Хотим видеть лорда-генерала!

– Храни Господь доброго графа! Благодарение Богу, что он вернулся невредим!

– Где граф? Граф! Добрый граф!

По всей набережной, по всей Флит, до вершины Ладгейтского холма, за старым собором Святого Павла, в Ист-чипе и Бай-уорде слышалось одно и то же:

– Граф! Граф!

– Господь да хранит героя Кадиса, нашего избавителя!

– Покажите графа!

Разумеется, кое-что перепало и мне.

– Небеса благоволят Ее Величеству!

– Вот наша добрая королева Бесс!

Однако мои губы, которые произносили Благодарю тебя, мой добрый народ», были холодны, еще холоднее было на сердце. Никто не крикнул: Вспоминаю доброго короля Гарри!», никто не благословлял мое прекрасное лицо». И никто не кричал: Многие лета!», только: Лорд-генерал! Лорд-генерал! Когда мы увидим графа?!»

Он стоял на носу корабля и тянул шею, высматривая меня. Я подъехала, он спрыгнул на сходни, сбежал на берег в сопровождении роя своих спутников, схватил мою руку, прижал ко лбу, припал губами к стремени.

– О, моя сладкая королева!

Он рыдал в открытую, плакал светлыми слезами радости. А что я?

Ничего.

Я мечтала о его возвращении, молилась и плакала. Вот он здесь – радость обернулась во рту пеплом, болью, желчью.

Как я вырастила эту гадюку, которая того и гляди обернется против меня и ужалит? Кто спасет меня от многоглавого чудовища, грозы всех королей, от черни, враждебного народа, рассерженной толпы?

Сейчас она занята его великой победой над нашим давним врагом, ненавистной Испанией. Но четыре дождливых года, четыре года неурожая, – и они начнут голодать, а тогда, как сера, вспыхнут от малейшей искры…

Я хотела вернуться той же дорогой, по улицам Лондона, во главе пышной церемониальной процессии: я – на серой в яблоках кобыле, он – на черном жеребце, которого вели за мной в поводу. Но какой дурак покажет народу человека, которого любят больше меня? Раз так, вернемся по реке. Я сказалась усталой и потребовала королевскую барку.

Его возвращение зажгло меня ревностью, новости, которые он привез, подлили масла в огонь. Кузен Говард, вернувшийся вместе с ним, насилу дождался, когда сможет высказать свое негодование. Когда мой лорд утратил расположение моего доброго Чарльза?

Они сожгли меньше галионов, чем полагали вначале, стиснув зубы, докладывал Говард. Испанская угроза отодвинута, но не уничтожена.

Придется спускать с цепи моих каперов – Хоукинса, Джильберта, Фробишера, – чтобы они довершили дело, а значит –

снова платить за каждый нанесенный Испании удар.

Из-за своих разногласий они упустили купеческий флот – мой лорд не послушал главнокомандующего. Покуда они телились, испанский адмирал хладнокровно распорядился поджечь корабли, лишив меня – и своего короля – примерно двадцати миллионов флоринов.

Я молча выслушала взбешенного Говарда, поблагодарила и отпустила. Оставшись одна, уронила голову на руки. Что за скорбная повесть о гордости и безумии! Одна подробность сразила меня в самое сердце. Этого так оставлять нельзя!

– Милорд, кузен сказал, что в этом плавании вы посвятили в рыцари шестьдесят с лишним человек?

– Это награда за доблесть! – вспылил он. – Привилегия полководца – самому посвящать в рыцари.

Привилегия?

Привилегии бывают у королей. У подданных – нет.

Я была очень спокойна.

– В таком путешествии уместно было посвятить двоих, самое большее – четверых, шестеро было бы уже чересчур. Но шестьдесят?

Он страстно возвысил голос:

– Не сомневайтесь в действиях вашего верного слуги, мадам, сердце подсказывает мне, когда и как я должен поступить!

Иными словами: Я буду делать, что мне заблагорассудится!»

Может быть, я разозлилась из-за того, что один из его скороспелых трехгрошовых рыцарей – Робинов бастард, побочный сын от Дуглас? Даже видеть, что он вырос и является ко двору как сэр Роберт Дадли – так называли в молодости самого Робина, – с Робиновыми глазами, носом, ртом, походкой, осанкой, было достаточно тяжело, а если еще и знать, что это мой лорд вывел его в люди…

Однако хуже всего был страх – нет, уверенность, – что мой лорд присвоил себе королевское право осыпать милостями и вершить суд. Я выкормила чудовище.

И не я одна это видела. Его же креатура Фрэнсис Бэкон, которого я не любила, но которым поневоле восхищалась, предостерегал его. Добивайтесь расположения государыни личной преданностью, как лорд Лестер, – убеждал он, – не войной и не поисками народной любви.

Ныне вы любимец Англии, а не английской королевы – может ли образ более опасный представиться воображению монарха, тем паче столь чувствительной женщины, как Ее Величество?»

Любимец Англии.

Верно, толпа его любила, верила, что он во всем прав. Она

считала, что ее герой спас меня от заговора и выиграл войну. Его ум доказан разоблачением Лопеса, его доблесть – осадой Кадиса.

Его обожали.

Как когда-то обожали меня.

И все-таки я по-прежнему его обожала.

Как дура, как все дуры – скажите уж, как все старые дуры! – я по-прежнему за него цеплялась. Несмотря на страхи, на злость, мое глупое сердце всякий раз его прощало – спустя дни, часы, даже минуты оно оттаивало, как было с Робином… я нуждалась в нем, в его молодости и жизни, особенно теперь, когда смерть вновь перешла в наступление и скосила тех, кто заслонял меня своими телами, – одного за другим.

Я потеряла двух старых кузенов – прежде всего Хансдона, дорогого старого Гарри Кари, моего лорда-камергера, сына моей тетки Марии, затем старого советчика, сурового пуританина, но верного друга, моего родственника со стороны его жены Кэт, сестры Гарри.

И снова, как дура, я в полубезумии выкрикивала вслед их отлетающим душам: Как вы посмели, как посмели!» Ноллиса я назначила своим советником в день вступления на престол, Хансдона вскоре после того. Оба оставили сыновей, которые тут же заняли отцовские места и должности, добрых и верных, подобно своим родителям. Оба прожили долгую жизнь в почете и довольстве, оба умерли своей смертью, мне не из-за чего было убиваться. Однако я скорбела, и не только о себе: вслед за Робином, Хаттоном, Уолсингемом еще два звена моей золотой цепи распались навеки.

И кто теперь скажет мне правду?

Этот же год унес и третьего, и четвертого: Пакеринга, лорда-хранителя печати, и старого Кобема, хранителя пяти портов, ничем особо не выдающегося до последних трагических событий, но тем не менее незаменимого. Одиночество подступало ко мне все ближе.

Последняя потеря была самой горькой. После первого поражения в Кадисе я больше не отпускала Дрейка в плаванье. Однако мой морской дракон вымолил себе последнюю экспедицию, и здесь, в море. Фортуна его покинула.

Он не пожелал бы себе другой могилы, кроме Испанского материка: теперь его душа плывет с Богом в вечно золотеющих водах, а рыбы проплывают сквозь его скелет.

А в пучине самого черного человеческого моря зрели по мою душу, пробуждались и шевелились новые бедствия.

Глава 7

Ирландия.

Наигоршая из моих горестей, безбрежное море бедствий, земля гнева Господня.

Родился ли тот, кто исцелит этот недужный край?

Какая женщина по-детски не любит подарков? Особенно на Благовещенье, когда кончается время сбора податей и наступает март, когда подснежники сменяются примулами и в память Пресвятой Богородицы всем женщинам дарят подарки. Было позднее утро, и я нежилась в постели, когда в дверь постучали. Я приподняла голову с локтя.

– Радклифф, что там?

– Подарки, мадам.

Вошел дюжий детина-привратник с книгой и ящиком.

– Открой!

Радклифф тонкими руками с трудом подняла тяжелый том, уложила на стол возле меня, раскрыла кожаный переплет. Нашей Глориане, высочайшей и великолепной Императрице, прославленной своими добродетелями, благочестием и милостивым правлением, Елизавете, – прочла она, – милостью Божией королеве Англии и Франции, Ирландии и Виргинии, защитнице нашей веры. Ее покорнейший слуга Эдмунд Спенсер со всем смирением посвящает и преподносит свой труд. Да живет Королева фей» в вечности Ее славы».

Я рассмеялась от радости:

– Значит, маленький сочинитель завершил эпическую поэму обо мне?

– По крайней мере шесть книг, – сказала Радклифф, заглядывая в конец. (Пусть ее глаза на тридцать лет моложе моих, зрение – не в пример хуже!) – Угодно Вашему Величеству почитать?

– Может быть, позже. Эй, любезный! – окликнула я привратника. – Что это за ящик?

– Из Ирландии. – Он потянул себя за вихор. – С письмом.

– Открой.

Он широко улыбнулся щербатым ртом:

– Нет, мэм, я читать не умею!

– Уорвик!

Уорвик сделала мне реверанс, приняла из рук носильщика письмо и начала читать:

– *«Небесную правительницу наших земных небес приветствует ее вассальный воин Томас Ли, рыцарь.*

В Лимрике во время казни великого ирландского бунтовщика на моих глазах престарелая дама взяла сей предмет двумя руками и пила из него, словно на празднестве богов. Посему я взял на себя смелость послать сие Вашему Величеству как дань Вашему могуществу. Бессловесный, он тем не менее скажет за себя. Шлю вместе с ним заверения, что буду и впредь так же поступать с Вашими врагами в этой богомерзкой стране.

Ваш во всем,

Томас Ли, капитан».

– Из него пила престарелая дама? – задумалась Радклифф. – Красивый кубок, мадам, или круговая чаша, отбитая у гнусных бунтовщиков. – Она повернулась к привратнику:

– Ну, открывай!

Ящик был заколочен гвоздями, пришлось вскрывать кочергой. Внутри оказался круглый, обернутый тряпьем сверток. Тонкое стекло, может быть, даже венецианское.

Привратник вытащил сверток.

– Осторожно, осторожно! – вскричала Уорвик.

Поздно. Что-то вывалилось из тряпья и шмякнулось об пол. Здесь оно, к моему ужасу, подпрыгнуло и – о. Господи! – покатилось, докатилось до моих ног и остановилось, оскалившись в улыбке.

Голова, человеческая голова, черная, полуразложившаяся, мертвые, кишащие личинками мух губы шевелились, будто пытались что-то произнести, открытые глаза пялились, из черных глазниц выглядывало по червю…

Я не могла даже вскрикнуть – меня безудержно рвало, снова и снова я харкала кровью и желчью, и только проглотив лекарство, погрузилась в обморочное забытье…

Ирландия.

Я велела устроить розыск в отношении дарителя», Томаса Ли. Мне сообщили, что этот жуткий рыцарь служил под началом моего лорда в Нидерландах и Франции. Он действительно видел, как сумасшедшая старуха, у которой казненный злодей убил сына, схватила отрубленную голову и жадно пила хлещущую из нее кровь. Этот же человек убил троих собственных сыновей и брата, прежде чем Ли без суда и следствия повесил его, утопил, четвертовал и обезглавил – а затем сжег старуху, подозревая в ней ведьму.

Жестокий и беспощадный человек, крутой и скорый на расправу, – но, говорят, только такие могут служить в этой дьяволовой заднице, Ирландии.

Забытой Богом стране.

Такова Ирландия.

Однако и Англия была не намного лучше, мой лорд постоянно добивался власти, он вознамерился быть и конем, и возничим английской судьбы. В Кадисе он отрастил бороду, я говорила? Каждый мужчина когда-нибудь это делает, потом одни сбривают, другие оставляют, кто предпочитает усы, а кто, как Робин, – бородку клинышком. Однако всегда это означает возмужание, стремление к силе, к положению, к самостоятельной власти. Или к власти как таковой…

Борода заступом, рыжая, как у лиса. Я ее ненавидела.

А еще больше я ненавидела и еще больше боялась его растущую жажду ссор. У меня были серьезные причины опасаться многого другого: народной любви к нему, его враждебности к лорду-адмиралу Говарду, которого он публично обвинял в провале Кадисской экспедиции, разногласий, которые он вносил в совет, его давней ненависти к Берли и Роберту, которые всегда были для него писаришкоми», мужчинами, лишенными мужских качеств, евнухами, проклятьем всякого мужественного воина. Однако все мои страхи коренились в его любви к войне, которой он жаждал все сильнее, чтобы восстановить ореол героизма и вернуть утраченное в Кадисе доверие. Я видела, что его влечет к предначертанному крушению, видела письмена на стене, хотя и не могла разобрать дату. И когда это случилось, оно, как все худшие крушения в жизни, случилось неожиданно.

Мы собрались отпраздновать добрую весть, я и горстка моих тайных советников, – нам сообщили о смерти моего старого друга и врага Филиппа Испанского. Человек, который когда-то любил и желал меня, предлагал руку, потом ненавидел и преследовал даже в моем собственном королевстве, отошел в мир иной. Я говорю добрую весть» не из злорадства, смерть пришла к нему желанным избавлением от чудовищных телесных мук. Черви, что завелись в голове ирландского бунтовщика после смерти, владели Филиппом при жизни – три месяца он, оставаясь в сознании, гнил заживо, пожираемый червями, которые копошились в его открытых зловонных ранах, жутких гниющих язвах, которые он не позволял врачам промывать, считая их Божьей карой за грехи своей плоти.

Мы глядели друг на друга, Берли и Роберт, мой лорд, кузен Говард и новичок в совете, молодой Ноллис, недавно заступивший на место отца. Он был еще совсем юный и нежный, этот Вильям, едва за двадцать – тот возраст, когда считаешь себя бессмертным, – и явно мой лорд, и даже маленький умница Роберт ощущали себя такими же. Однако кузен Говард давно достиг средних лет, и его суровые, пронзительные глаза, которые сейчас пристально следили за моим лордом, видели смерть и

знали – она придет.

А Берли – о, как больно было на него смотреть! Скрюченный подагрой, страдающий одышкой, каждое слово дается ему с трудом – сколько он еще протянет, долго ли будет помогать мне так, как умеет он один? Ведь ум его по-прежнему остер, чутье – верно, хватка – тверда.

Кузен Говард нарушил молчание, и я поняла – он вспоминал Армаду, когда во главе английского флота вел собственную войну против короля Испанского.

– Упокой Господи его душу, – мрачно сказал Говард, – и избави нас от такого конца.

– Аминь! – подхватила я. – Благодарение Богу, теперь он покоится в мире!

– Очень может быть, мадам, мир осенит и нас, – просипел Берли. – Его сын, молодой Филипп, не унаследовал отцовского нрава, он не будет искать войны.

– Ха! – Мой лорд громко рассмеялся прямо в лицо старику. – Значит, сэр, самое время ее ему навязать!

Роберт отцовским жестом задумчиво свел пальцы и прошептал:

– Блаженны миротворцы…

Мой лорд снова вспылил.

– Чтоб вам провалиться, миролюбцы трусливые! – с жаром вскричал он. – Разве вы не видите, что лишь война доставит нам почетный мир и что единственный почет, который может сыскать мужчина, достигается на войне! Сейчас мы можем разнести их в клочья, размолоть их мясо, растереть их кости в муку, чтобы псам войны не осталось на поживу ничего, кроме вражеских ладоней! А для Ее Величества, – поспешно добавил он, почти не удостоив меня взглядом, – будут сожженные галионы, захваченные города и сокровища, честь и слава!

Столько же, сколько после Кадиса и других ваших авантюр!» – желчно подумала я. Он словно прочел мои мысли – вскинул голову и гневно посмотрел на меня.

– И все ради вас. Ваше Величество, все, все ради вас!

Берли устало покачал головой. Он подвинул вперед маленькую книжку, которую держал под рукой, и дрожащим пальцем указал на пятьдесят пятый[11] псалом: Кровожадные и коварные не доживут и до половины дней своих».

Лицо моего лорда почернело от возмущения.

– Клянусь ранами Божьими, сэр, мне не возражают! – Он схватился за шпагу.

Как, угрожать Берли? Больному старику? Я в испуге схватила его за руку – не то бы он вскочил.

О чем он думает? Я с ужасом видела, что не он один держится за эфес – кузен Говард тоже привстал. Я мотнула головой, он плюхнулся в кресло, но глаза его, суровые и пронзительные, следили за моим лордом, как за ядовитой гадиной. У меня голова пошла кругом.

– Ладно, милорды, – пролепетала я, – оставим этот разговор. Как насчет Ирландии? Депеши день ото дня все мрачнее. Бунтовщики копят силы, я боюсь мятежа – как его избежать?

– Его не избежать, – мрачно сказал Говард. – Ирландия – это бродильный чан, нам никогда не удавалось ее усмирить! Единственный выход – послать туда войско, возглавляемое крупным военачальником, чтобы объединить тамошних наших людей, которые действуют каждый на свой страх и риск и не способны сдержать восстание.

Ирландия всегда воюет… никогда не замиряется… послать войско… если не справится, послать другое… вечная история с Ирландией…

Сердце мое упало, желудок свело – обычная свистопляска.

Люди и деньги!

Всегда их мало!

Всегда!

Я ухватилась за мыс корсета, с силой вдавила его в живот, чтоб унять расходившееся нутро.

Потом подождала и заговорила уже спокойно:

– Кто будет этим видным военачальником?

Ноллис, молодой Ноллис, белокурый в мать и ничуть не похожий на моего старого кузена, впервые подал голос:

– Это должен быть знатный вельможа, дражайшая миледи, наделенный Вашим Величеством полной властью, чтобы не только подавить бунтовщиков, но и увлечь за собой честных людей.

– Милорд казначей? – повернулась я к Берли.

– У нас есть лорд Маунтжой, мадам, верный слуга и опытный воитель.

– Или молодой лорд Кобем, – вставил Роберт. Он пристально взглянул на меня. – Если Ваше Величество не намерены назначить его на отцовскую должность хранителя пяти портов.

Я улыбнулась: он угадал верно.

– Хранителя пяти портов? – грубо вмешался мой лорд. Тряхнул головой. – Нет, нет. Ее Величество не отдаст это место Кобему!

Он повернулся ко мне, заговорил без тени учтивости. Как же он изменился! Кадис его преобразил!

– Я должен получить этот пост для Саутгемптона, он на мели

и нуждается в доходах, – легко объявил он. – И Маунтжоя в Ирландию я как главнокомандующий вашими сухопутными силами не пущу.

Нуждается в доходах?

Он не пустит?..

Он – главнокомандующий?..

Все навалилось на меня разом – Испания, Ирландия, враги засели в Кале, четыре года подряд недород, люди голодают, в казне ни пенса, ни фартинга, чтобы как-то помочь, а мой, видите ли, лорд не пустит…

Что-то сломалось у меня в голове.

– Он нуждается в доходах? – в ярости завопила я. – А вам нужна война, вам нужно командовать? – Я повернулась к моим лордам:

– Клянусь Богом, он здесь король, не я! – В бешенстве я перегнулась через стол, схватила его за мантию. – Не будет по-твоему! Кобем получит должность хранителя пяти портов, и я – я, Елизавета, королева Елизавета, – решу, кого отправить в Ирландию!

Мои лорды как стояли вокруг стола, так и застыли в ужасе. Берли придвинулся ко мне, словно желая заслонить своим бедным старческим телом, Говард, сидящий рядом с моим лордом, следил за ним, как следят за скорпионом.

Мой лорд грохнул кулаком о зеленую скатерть.

– Господи, вам нравится все делать мне наперекор! – вскричал он страстно. – Однако ваша милость должна понимать…

– Малыш, малыш! – Не помня себя от ярости, я тоже стукнула по столу. – Слова вы должны» не обращают к венценосцам![12] Нет, это вы должны согнуть свою жестокую шею, повиноваться, приходить и уходить по моему зову, как делают те, кто старше и лучше вас!

У юного Ноллиса от ужаса глаза полезли на лоб, кузен Говард с каменным лицом медленно подвигался на край стула.

– И вы уйдете! – визжала я. – Уберетесь прочь от двора, в свои поместья, и будете сидеть там, покуда не научитесь служить мне со всем почтением!

Я, задыхаясь, вскочила на ноги. Казалось, все это происходит во сне – мой лорд тоже встал.

Его лицо только что было красным от гнева – теперь оно побелело и сверкало, словно у смертельно больного. Вся комната замерла.

– Что ж, – сказал он непривычным глухим голосом, – теперь я понял, каково это – служить… – Он замолк и выпустил каждое слово, будто стрелу с отравленным наконечником:

– Служить… незаконнорожденной… бабе!

Из глотки его вырвался звук, похожий на дикий хохот. Он оттолкнул стул и полуобернулся к дверям. В эту секунду я метнулась к нему, схватила за высокое плечо и развернула к себе лицом. Я не слышала слов, брыжжущих из моего открытого рта. Но эти, я знала, вырвались из глубин моей души: Никто не смеет называть меня незаконнорожденной…» Я отвела руку и с размаху дала ему пощечину.

– Ну, берегитесь!

Он молниеносно выхватил шпагу, убийственная ярость исказила его лицо. Говард с грохотом отшвырнул стул и очутился между нами, лицом к моему лорду.

– Ради всего святого! – заорал он. – Придите в себя! Это королева. Ее Величество, ваша государыня! Обнажать в ее присутствии шпагу – измена! Прочь! Прочь!

Он грубо вытолкал его за дверь, крича на ходу:

– Стража! Стража! Отведите милорда в его комнату, ему дурно. И пришлите Ее Величеству фрейлин с нюхательной солью, сию минуту!

Ему дурно.

Мне дурно.

Все дурно.

Однако когда я, задыхаясь и теряя сознание, рухнула на руки юному Ноуллзу, одно я знала наверняка – кто отправится в Ирландию.

Глава 8

Незаконнорожденная.

Я сидела в своей комнате, бесилась и смеялась.

Процарствовать сорок лет, чтобы снова услышать такое!

Это ли слово убило во мне любовь? Ибо она ушла, сердце окаменело. Однако оставалась Англия…

Женщина подлого рождения. Ублюдок.

Может, надо было отправить его в Тауэр? Бросить в тюрьму, казнить? Видит Бог, я желала его смерти. Но, как прежде с Марией, я не хотела стать его палачом… Раз так, может быть, дать ему большую веревку и он, подобно Марии, сам сплетет себе удавку?

– Вы не спите, мадам? Мне показалось, вы ненадолго уснули.

– Нет, милая, нет. Скажи, кто там прискакал к черному крыльцу?

– Гонец из Теобалдса, миледи, – лорд-казначей прислал сообщить, что благополучно добрался до места. Он благодарит Ваше Величество за дозволение не сопровождать вас этим летом в путешествии и надеется вернуться к вам в полном здравии до того еще, как заалеют ягоды на кустах.

Однако и он покинул меня, как покидали все, умер мирно в своей постели, молясь Господу до последней сладкой капли смерти». И, как после смерти Робина, на меня нашло помрачение, я лежала в постели и трое суток молча прощалась с ним.

Как мог он оставить меня в самую трудную минуту?

Впрочем, какая минута за пятьдесят лет не была самой трудной?

О, мой старый, самый лучший, самый любимый друг, встречай меня на небесах, я не заставлю тебя ждать долго. Позаботься, чтобы меня приняли по-королевски – ты всегда отстаивал мои интересы, всегда заботился обо мне, надеюсь, что и в вечном царствии мы будем править вместе, как правили здесь, внизу.

А год уходил, оставляя после себя единственное слово.

Незаконнорожденная.

Он сказал мне это в лицо.

Я – женщина подлого рождения?

Возможно, я и цинична, возможно, и должна быть стоиком, но подлая?

Пусть поцелует меня в самое подлое место!

И так я сказала про себя, когда решила отправить его в Ирландию. Несколько месяцев он протомился в поместье, я его не

трогала. Но в Ирландию отправится он.

Пусть докажет свою верность.

Пусть хоть что-то выйдет из тлеющих развалин моей гордости и нашей любви, не для меня, так хоть для нашей страны!

Эта дьяволова плотина, Ирландия, прорвалась, из нее потоком хлынули напасти. Потерянный, дрожащий вернулся ко двору мой прежний поэт-лауреат Спенсер, ему пришлось уносить ноги из Ирландии, его перспективы были тоскливы, как день за окном.

– Эти скоты-ирландцы разрушают все прекрасное и доброе, что мы построили и насадили в их гнусном болоте! – доложил он, трясясь всем телом. – Пес-полукровка, их вождь, идет во главе своего песьего войска, подлых мужиков кернов и галоуглассов, по которым плачет виселица, он берет английские поселения, деревню за деревней, город за городом, режет людей, как скотину, а скотину – как чумных крыс!

Разумеется, он потерял все, как и остальные.

Молодой лорд, которого я послала командовать войском, лишился сестры – ее увез и обесчестил ирландский злодей, а затем и жизни в битве, которую назвали Бойней у Желтого Брода – величайшем поражении из всех, что случались на английской земле. Спенсер вслед за многими другими умер от страха и горя. А одна из потерь опечалила меня едва ли не так же, как смерть Берли: моя любимая фрейлина Радклифф, потеряв в Ирландии двух братьев, после того как двое других погибли в Нидерландах, зарылась бледным лицом в подушку и отошла в слезах.

Я тоже каждый раз умирала вместе со своими любимыми людьми. Однако одно было ясно, словно маяк, в этом черном море скорбей.

Кто-то должен отправиться в Ирландию.

Так пусть это будет он.

Покуда он готовился к отъезду, наступило Рождество. Я не хотела расставаться по-плохому, напротив, постаралась всячески ему помочь.

Назначила графом-маршалом – этот геральдический титул присваивается высшему полководцу Англии. И когда под музыку в присутствии он в сияющем прорезном камзоле цвета слоновой кости на черной подкладке, весь – нежность и пылкое обожание, повел меня в танце, последнем, – я знала это и решила последний раз его предупредить:

– Милорд, я многое стерпела…

Он сразу вспыхнул:

– А я, мадам? Разве подданные всегда не правы? А властитель

не может ошибаться? Я не спустил бы такого даже вашему батюшке, королю Гарри! Вы преступили все законы нашей привязанности…

И это – человек, назвавший меня незаконнорожденной?

Я была само спокойствие.

– Довольно, я спрятала ваше оскорбление в карман, оно никогда не будет использовано против вас. Однако поостерегитесь ставить под сомнение мою власть. Я могу простить то, что затрагивает мою особу, но не скипетр и не государство. Задеть меня как женщину – одно; замахнуться на монарха – значит заслужить смерть.

– Я замахнулся на вас? О, Ваше Величество!

Он откинул великолепную голову и громко расхохотался.

Шут часто оказывается пророком, сказал сочинитель Шекспир.

Его отец успешно торговал овцами в Стратфорде-на-Эвоне. Откуда уорвикширский скототорговец знал больше, чем первый граф королевства?

Спросите Того, Кто сотворил нас всех, Он один знает.

Двадцать с лишним лет, с тех пор как впервые увидела его ребенком, наблюдала я за расцветом моего лорда. Теперь, словно летящему вниз метеору, ему оставались уже не годы – недели.

Однако он до последнего озарял небеса. Никто не покидал Англию с большими надеждами и с большей шумихой – женщины и дети бежали за его конем, целовали стремя, засовывали под поводья розы.

Приблизившись на прощанье к моей руке, он просил дозволения вернуться, когда пожелает.

Замялся, с трудом выговорил:

– Потому что… я буду тосковать в разлуке… не смогу долго жить вдали от вас.

Я поборола слабость:

– Разбейте бунтовщиков и возвращайтесь немедленно!

Он, словно не слыша резкого ответа, задержал мою руку в своей.

– Берегите себя, – сказал он тихо. Коснулся кольца – своего подарка, повернул на пальце. – О, моя сладчайшая королева, молю, заботьтесь о моих друзьях, охлаждайте моих врагов и… не забывайте меня.

Господи Боже, если б только он всегда был таким…

Если только…

Я ходила по острию ножа. Легко погладила кольцо – мой дар ему.

– Не бойтесь, мой лорд, – пообещала я из темных глубин

своей души, – я вас не забуду!

Да, я плакала при расставании – а вы бы сдержались? Его последние слова внесли в мою душу разлад. Охлаждать его врагов? Боже правый! За что он так взъелся на Сесилов, которые, и живой и мертвый, всегда служили мне верой и правдой?

И даже ему! Ни у одного полководца не было армии лучше – шестнадцать тысяч пеших и тысяча конных, вся английская молодежь в едином порыве продавала луга, чтобы купить коня и следовать за Эссексом на войну. Ни один поход за все мое царствование не стоил мне столько денег – более четверти миллиона фунтов, до сих пор больно вспоминать. А деньги собрал именно Роберт – выпрашивал, занимал, вымогал угрозами, чтобы мой лорд в ранге вице-короля засиял истинно королевским блеском.

За это я и назначила Роберта лордом-попечителем – пост, дающий власть и деньги. Знаю, мой лорд сам метил на это место. Ну что ж!

Пусть это послужит ему предупреждением. Берегите свои денежки, милорд, – говорила я, – и то, что уже от меня получили; выгодными должностями распоряжаюсь я, хочу – дам, не захочу – нет; моя сила, моя должна быть и слава, недаром я – Глориана, Елизавета, королева Елизавета».

Однако первые же депеши из его лагеря доказали, как мало внимал он моим советам и как далек был от исправления. И хотя я этого ждала – да, можете сказать, присвоив себе роль Божества, сама и подстроила, – он все равно каждый раз доводил меня до исступления.

Хоть вы и приказали немедленно выступить против Тирона О'Нила, – писал он, – Ваше Величество должны доверять своему полководцу на месте определить время боя».

Слышался все тот же рефрен: Я буду делать, что мне заблагорассудится».

Он взял с собой любезного дружка, этого негодяя Саутгемптона – вот кого я ненавидела и кому не доверяла с тех пор, как тот похитил у меня Бесс Верной. Я считала его извращенцем и мужеложцем и ужасно досадовала, узнав, что ошибалась. Если он едет, пусть едет вашим спутником, а не моим офицером», – предупредила я. И вот читаю дерзкий ответ: Графа Саутгемптона я назначил в этот поход шталмейстером Вашего Величества».

– Клянусь Иисусом и Его страстями! – Я в гневе обернулась к Роберту. – Шталмейстером?! Человека, который на ристалище не смел тягаться даже со слабейшими, который и сидел-то разве что на кургузом мерине! Что он понимает в лошадях?

– В депешах содержится еще не все, – тихо сказал Роберт. – Один из офицеров, он здесь, доложит…

Господи, я стала совсем слепая! Не заметила офицера, пока он с торопливым поклоном не выскользнул из-за Робертова плеча – бывалый вояка с пустыми холодными глазами и старым шрамом на подбородке.

– Мой человек, – пояснил Роберт. – Ирландский офицер под началом вашего главнокомандующего.

И ваш осведомитель?

Офицер вытянулся в струнку и начал:

– Войско редеет с каждым днем, офицеры пьянствуют ночи напролет, интенданты воруют и жиреют, у нас нет боеприпасов. Ваш граф-маршал говорит о наступлении, но кавалерия, единственное, чего страшатся бунтовщики, не может двинуться с места.

– Черт! А что шталмейстер, граф Саутгемптон?

– Проводит время в палатке с молодым офицером, смазливым юношей по имени Пирс…

– Довольно! (Господи, как мало утешения в моей правоте.) А главарь заговорщиков?

– Боя не было. Но по слухам ночами тайно приезжают гонцы – ходят толки о перемирии…

О перемирии…

Я запретила это наотрез, запретила даже переговоры – он должен сражаться. Вперед! Вперед! Я велела ему не мешкать, не обсуждать, главное – не заключать перемирия.

Всякий, заключающий перемирие с бунтовщиком и предателем, – предатель.

Что ни день, то темнее – его планета неслась к затмению.

– Посвятил двадцать новых рыцарей? Уже сорок? Пятьдесят? Что же, напишите ему, пусть уж посвятит сотню!

Зачем он посвящал в рыцари? Чтобы собрать людей, верных ему, не мне.

– Он говорит, солдаты мрут от болезней и дезертируют? (Конечно, Ирландия – одно большое болото, его собственный отец умер там от дизентерии.) Но чтобы из армии в шестнадцать тысяч осталось только четыре?

Если только он не отправил тысяч пять – восемь в другое место для собственных целей, словно свое личное войско.

Итак, что мы имеем на сегодняшний день? Он создает свою партию, свою армию. Трудно ли было угадать ответ на мое последнее требование, которое перешло в вой, затем в визг, когда я слала упрек за упреком: почему он не выступает?

Я отменила свое разрешение вернуться ему, когда он

пожелает. Не думайте возвращаться, пока повеление мое не исполнено! – в гневе писала я. – Немедленно выступайте против О'Нила! Атакуйте, убейте, уничтожьте гнусных мятежников, пусть ни одна крыса не останется в живых!»

Я и сейчас не понимаю, почему он не послушался. Это был raison d'etre, изначальный смысл всей войны – удар, который вернул бы ему имя и доверие, звание любимца Англии, а главное, это было то, чего я от него хотела.

Боялся ли он? После всех разговоров о войне он, едва дошло до дела, спрятал голову в домик, словно улитка. Неделю за неделей он торчал в Дублине, теряя время, теряя людей. И когда наконец ему пришлось схватиться с О'Нилом, мятежным Тироном, который из презрения спустился со своими людьми на равнину, у него оставалась лишь четверть армии, и ни кавалерии, ни желания сражаться – теперь он понимал, что просто не может победить. Немудрено, что он согласился встретиться с косматым бунтовщиком и проговорил с ним сорок минут наедине – они беседовали, сидя на конях посреди быстрой реки, а на милю вокруг не было ни одного человека.

Когда я это услышала, то поняла, что он предал.

И я знала, что он знает, что я узнаю. Знает, что, едва начнутся переговоры, человек вроде Робертова осведомителя выскользнет из рядов, вскочит на самую резвую лошадь и на скорейшем корабле привезет мне весть об этом немыслимом отступничестве, этой сокрушительной дерзости.

Так и случилось. Меня разыскали в Нонсаче.

В тот год мне снова пришлось мучительно трогаться в летний переезд, проводить дни в дороге, на подводах и сундуках. И этот переезд из Гринвича еще на семь лиг отодвинул моего лорда от меня. Я велела вынести из покоев его пожитки – даже если он вернется, ему рядом со мной не жить. Эджертон, лорд-хранитель печати, которого я назначила на место старого Пакеринга, и принес мне это.

– Нашли в жилище лорда Эссекса, мадам, и принесли мне.

Я взяла книгу из его рук, попыталась разобрать золотую вязь на корешке – тщетно.

Проклятье слабеющим глазам! С болью в сердце я открыла форзац. Достославному графу Эссексу, лорду-маршалу Англии, виконту Херефорду и Буршьеру, барону Феррерзу и Чартли, лордумаркизу Бурже и Лиона посвящается эта история Генриха, называемого Четвертым, с описанием его вступления на престол и низвержения суетного тирана Ричарда II…»

Больно? О, как больно!

Предательский желудок схватывало при каждом прочитанном

слове, я сдавливала руками живот.

– Милорд хранитель печати, верните имущество моего лорда в его покои, пусть он не знает, что мы видели. Что до автора…

Эджертон понял с полуслова:

– Он уже в наших руках, миледи. На допросе он клялся, что посвятил это книгу великому графу и написал об узурпаторе без всякой задней мысли…

Я взвизгнула от гнева:

– Еще бы ему этого не говорить! На дыбу его!

На дыбе сочинитель держался своего, пришлось его отпустить. Однако было слишком ясно, что ниточки сплетаются в узор. И вот теплой, бледной сентябрьской ночью, когда смертная земля спала, а в чистых небесах по-прежнему вставала Дева, я у себя в покоях сидела и складывала их воедино.

Не так давно был мой день рождения – не спрашивайте, который! Впрочем, вычтите тридцать третий, год моего рождения, из нынешнего девяносто девятого, и получите две из трех цифр, знаменующих присутствие дьявола – и он, похоже, был недалеко.

Задней дверью короля Испанского назвал Ирландию Рели. Тот, кто удерживает этот остров, держит Англию на мушке.

Кусочки сложились, словно в детской головоломке.

Мой лорд решил сделать Ирландию своей вотчиной, плацдармом, чтобы угрожать мне. Он создает свою армию, свою воинственную партию из своих новых рыцарей в качестве офицеров и солдат, которых записал пропавшими».

Он не станет драться с О'Нилом, тем более – исполнять мой приказ и выкорчевывать мятеж, бунтовщик станет его вассальным королем, чтобы править Ирландией от его – не моего – имени.

Ради этого он добивался популярности, заигрывал с толпой, ставил под сомнение мою власть и пытался подменить ее своей. Этому всему он научился у Генри Болингброка, именно так тот сверг Ричарда II! Он хочет низложить меня! Самому стать королем!

Слава Богу, он в Ирландии! И не может вернуться без моего приказа – так пусть остается там, покуда я не призову моих верных лордов выгнать его из берлоги на открытое место, где я сумею с ним справиться.

Худые бледные пальбы новой безжизненной зари робко ощупывали небо. Я подняла отяжелевшую голову. Из зеркала на меня глянула одетая в линялый шлафор не Глориана, не я, а дряхлая старуха, с запавшими глазами, с ненакрашенным лицом, с седыми взлохмаченными космами.

О, мой лорд, мой лорд…

Будь я молочницей с подойником в руках, ты – юным

пастухом с холмов, были бы мы счастливей?

Если я плачу сейчас – последние ли это слезы?

О, мой сладкий лорд…

Мой сладкий предатель…

Что-то происходило – суета внизу расколола росистую утреннюю тишину, словно стекло: крики, звон стали о сталь. Топот бегущих ног – при дворе бегут только из страха. Или, упаси Бог, желая убить? Мужские шаги, громкие, они приближаются, они здесь…

Шум в дверях, женский визг, Уорвик бросается ко мне, тщетно пытается заслонить своим телом, и вот он врывается, в руке его обнаженный меч, направленный мне в сердце!

Глава 9

– Ни с места, если вам дорога жизнь!

Так ли оно было, когда лорд Сеймур ворвался к моему брату, – и пронзил ли тогда Эдуарда тот же смертельный, оглушительный ужас?

Domine, in manus tuas… В руце Твои, Господи, предаю дух свой…

В ту секунду я видела свою смерть, и она была прекрасна. Даже под слоем дорожной грязи лицо его было краше обычного, щеки раскраснелись от утренней скачки, локоны падали в живописном беспорядке, тело возмужало, свежий шрам на руке сиял, как другой шрам на другой руке, впервые разбудившей жар в моей крови, научившей пламень в чреслах то согревать, то распаляться…

Если в разговоре о том, что люди думают перед смертью, вам начнут вещать о высоком и священном, не верьте. Когда умирал Сократ, его мужской орган принял боевую готовность, это видели все ученики. Чудо! – вскричал порочный старый мудрец. – Эрекция на смертном одре! От моего имени принесите в жертву Богу любовь петушка!»

Так и я в эту минуту умирала от блаженства при виде моего лорда, его глаз, его тела и думала о том, что могла бы им обладать.

Сгорая…

Я горела, горела – может, я умерла и попала в ад? Но нет, руки мои, сердце, голова были холодны как лед.

И я заставила себя холодно встретить этот опасный взгляд.

– Что все это значит, милорд?

Он рассмеялся странным диким смехом:

– Это не измена, хоть и выглядит подобием измены! Я не замышляю никакого предательства, хотя вернулся очистить себя от предательских наветов, разогнать подлых наушников, что клевещут вам на вашего преданнейшего и вернейшего слугу…

Кто с ним? Я не сводила глаз с его искаженного лица, однако боковым зрением видела в дверях частокол обнаженных мечей – это не мои люди.

– Где стража? Я не решалась позвать из страха быть заколотой.

– Милорд, пощадите королеву, коли надеетесь на милость Божью!

Это воскликнула моя верная Уорвик. Мой лорд взглянул на нее так, будто это она повредилась в рассудке, а не он сам.

– Бог с тобою, женщина! – сказала он удивленно. – Угроза Ее Величеству исходит не от меня!

– В этом никто не сомневается, милорд, – проворковала я. – Так зачем же было бряцать оружием? – Я махнула в сторону двери. – Здесь одни женщины, они все любят и чтут вашу светлость.

Я сделала отчаянный жест, и они, слава Богу, поняли, зашептали синими от страха губами:

Да, да, сэр! Да!» – напоминая собой хор в греческой трагедии.

Он кивнул все так же странно, словно во сне:

– Да, мадам, коли вы так говорите.

Похоже, он немного успокоился; я поспешила этим воспользоваться;

– Так что умоляю, дорогой лорд, удалитесь к себе, переоденьтесь с дороги и предстаньте передо мной во всем вашем блеске. Теперь, когда вы вернулись и у меня нет причины сидеть горюющей вдовицей, мы устроим музыку и танцы, сегодня будем пировать, праздновать ваше возвращение!

И, Господи, меня помилуй…

Он бросился передо мной на колени, облобызал руку:

– Ваше Величество, будет исполнено!

И, словно ураган, унесся так же, как и ворвался, увлекая за собой солдат.

Он видел меня в таком виде, в каком не видел никто другой, – голой в спальне. Господи, в наказание ли Ты послал мне этот последний позор? Что стало с Глорианой? Отражение в зеркале смотрело на меня с тем тупым, бессловесным выражением боли и стыда, которое я видела на лицах городских шлюх, когда на потеху ярмарочной толпе их заголяют для публичной порки.

О, я горела, горела, я горела и все же стыла…

Но я не заплакала. Повернулась к Елене, мраморной статуей застывшей позади моего кресла.

– Дайте платок, пожалуйста, накрыть голову, и меховой шлафор. И попросите слугу развести огонь, я замерзла.

Все ожили, засуетились. Я подняла руку:

– И немедленно пошлите за сэром Робертом Сесилом.

– Если Ваше Величество позволит… – Маленькая горничная еще не оправилась от ужаса и говорила с трудом. – Он уже в прихожей, однако говорит, что не покажется пред ваши светлейшие очи, пока вы не одеты, и будет ждать, пока Ваше Величество соизволит выйти.

Роберт сказал, что мой лорд не привел с собой войска. Ни воинственных сподвижников, ни солдат для дворцового переворота, только кучку ближайших друзей, отчаянных голов,

которые вместе с ним сбежали из Ирландии в надежде, что я по доброте сердечной прощу и забуду неуспех тамошнего похода. Великий полководец бросил ирландскую войну и поставил все на эту последнюю карту – так, понятно. Однако столковался ли он с ирландским бунтовщиком, или с королем Испании, Папой, или с католическим французским королем сбросить меня и мое правительство – это по-прежнему оставалось загадкой.

– Вашему Величеству надо выпытать у него всю подноготную, – мрачно сказал Роберт, – пока он не взят под стражу и не отдан под суд.

– О, Господи, обязательно ли его судить?

И кто это должен, я?..

Роберт поднял на меня отцовский взгляд, взгляд законоведа.

– Ваше Величество, подумайте. Ваш граф-маршал в Ирландии вопреки всем вашим приказам вступает в переговоры с бунтовщиком и вашим врагом, возвращается наперекор ясно высказанному запрету и врывается к вам с обнаженным мечом. За каждое из этих преступлений он достоин смерти. Даже мой отец, соверши он такое, не избежал бы обвинений в измене и оскорблении величества. У нас нет выхода.

Я взвыла от горя:

– Ваш отец, будь он жив, не посмел бы так со мной говорить.

Роберт дипломатично сменил тему и продолжал настаивать.

– Однако мы должны знать, скрывается ли за ним кто-либо из недругов вашей милости – поставил ли он вашу жизнь в опасность по собственной горячности или в результате заговора.

Тогда, зная, кто вам грозит, мы, ваши защитники, сразим их без всякой жалости.

Сразу, или будь сражен. Сразу, или будь сражен.

О, Господи, снова?

По собственной горячности или в результате заговора?

Сердцем, а точнее, нутром я знала ответ.

Мои страхи, а не его злокозненность, сплели ту паутину тайного сговора, которая померещилась мне вчера при восходе Девы, в холодные пустые предрассветные часы. Однако, чтобы убедиться, надо за ним послать. Придет ли?

Напрасные опасения! Он явился без всякого зова еще до обеда, когда теплое сентябрьское солнышко заглядывало в окно, а в покоях стояло золотистое благоухание воска, бархатцев и белых, как звездочки, маргариток. Я вновь стала Глорианой, разодетая пышно и дерзко, словно для парадного обеда в честь дюжины заморских послов. На мне было платье тяжелого черного бархата, скроенное по новой моде целиком, но по-прежнему утянутое в талии. От ворота к подолу шла причудливая цветочная

кайма – маргаритки, составленные из жемчужин, с листочками-изумрудами, рубиновые розы на золотых стебельках, плоскогранные сапфиры цвета синих чернил. Воротник был выше, шире, белее, жестче, ажурнее всех прежних, парик венчала диадема – жемчужно-сапфировый нимб. На поясе и плечах победно пламенели алые банты. Теперь я была Глориана, Венера, Юнона, Ирида с радугой в руках, языком молнией и карающими громами наготове.

– Пригласите милорда – скажите, он может войти.

А к левому рукаву я прицепила рубиновое сердце на золотом, любовном, узелке». Заметит ли он, отметит? Он вошел, свободный от всякого чувства вины, словно райская газель на заре времен.

При нем не было меча, кинжал в золоченых. инкрустированных ониксом ножнах висел на боку – я знала это – исключительно для красоты. В перламутровом шелке, расшитом золотыми и топазовыми бусинами, с золотой цепью на шее, с кружевными отворотами, с большой жемчужиной – моим символом! – в ухе, он, как и прежде, умел пустить пыль в мои слабеющие глаза.

– Навеки ваш. Ваше Величество, – покуда вам угоден!

О, он был очарователен!

И снова жар, идущий от женской сердцевины, женского нутра, пышущий жар…

Он преклонил колено, смиренный, ласковый, приложился к руке:

– Окажите мне милость. Ваше Величество, одарите хоть словечком.

Я отвечала спокойно и очень тихо:

– Это будет слово упрека за вашу дерзость…

Он по старинке вскинул было голову, но одумался, покаянно опустился рядом со мной на колени:

– Покарайте меня, миледи, накажите за содеянное.

Он, словно цветок, поник головой. Я с трудом овладела собой:

– Зачем вы вернулись?

Глаза у него были дикие, напуганные, как у ягненка, лицо – очень бледное.

– Чтобы вас видеть!

– Чего вы хотите?

– Ничего, только служить вам смиренным, благодарным сердцем.

Он рассеянно провел рукой по лбу, по волосам.

– Вы изменились, милорд.

– Да. – Он отвечал тихо и растерянно, словно заблудился в тумане.

Здоров ли он? Это не тот человек, который переступил через меня, через мои приказы.

Будь начеку! Будь начеку!» – звучало в голове.

Однако предательское сердце ликовало.

Неужто ом усвоил урок? Неужто гордый дух смирился, неужто мой дикий жеребец укрощен, объезжен, послушен моей руке, узде, шпорам?

Мои приближенные неестественно замерли, словно актеры в живой картине. Теперь они расслабились. Елена выступила вперед, за ней горничные.

– Ваша милость отобедает с милордом? Желаете вина, или цукатов, или десерта? С кухни только что принесли бузинного желе…

– Нет, ничего не надо, оставьте нас.

По моему знаку все выскользнули из комнаты, мы остались вдвоем.

После стольких обид и горестей он здесь, сейчас…

Он стоял на коленях рядом с моим креслом, совсем-совсем близко, солнечный луч из окна превратил его локоны в золотую кудель, нимб, как и у меня. Я впервые увидела золотой ободок вокруг его дивных зрачков, увидела их черные коралловые глубины. Он сбрил ненавистную бороду, оставил лишь коротенькую эспаньолку, как у Робина, прелестную, мужественную, ее так хотелось погладить…

Он смотрел мне в глаза, потом потупился, словно девственник в первую брачную ночь.

Дыхание его участилось, как и мое, пряный аромат его волос пронизывал мое существо, с неестественной четкостью я различала каждый кориандровый завиток волос на его шее, нежный румянец щек, алый колодец дивного большого рта…

Он поднял голову, заглянул в глаза, на ощупь отыскал руку, повернул на пальце перстень, свой давнишний подарок, мои пальцы тем временем нащупали и гладили теплый ободок, кольцо, которое я ему подарила.

– О, мой лорд, мой лорд!

Отныне мне звать тебя отверженным…

Из глубины его души вырвался вздох:

– О, моя сладкая королева!

Он закрыл глаза.

Он был здесь, со мной, он был мой…

О, Робин, Робин, любовь моя, моя единственная любовь…

Я, как и он, закрыла глаза, скользнула рукой по его шее,

погладила лицо. Потом, словно и не я, не понимая, что делаю, сжала его лицо ладонями, притянула к себе, припала к его губам в долгожданном, желанном, запретном поцелуе…

Поцелуй был немыслимый, невообразимый, поцелуй, от которого трепещет изумленная плоть, манна небесная, амброзия, поцелуй, долгий, как мое изгнание со брегов любви.

Долгий, как жизнь…

…как смерть…

Он вздрогнул, словно жеребенок, отпрянул, уставился на меня, чувства молниеносно сменялись на его лице. И вдруг я увидела мальчика, того самого, что вырвался из моих объятий двадцать лет назад, в нашу встречу у Берли.

Любой ребенок назвал бы меня тогда старой – накрашенную, в морщинах, ничуть не более желанную, чем Медуза Горгона или древняя королева змей.

Что он подумал сейчас?

Мне все равно.

Я получила, свой поцелуй, поцелуй Пуды, горький и сладкий, ведь за, дверьми стояла стража, чтобы его взять. Но поцелуй, которого я желала, – поцелуй, которого я заслужила.

Бери что хочешь и плати за это, говорит Бог.

Женщина Елизавета свое получила. Теперь дело за королевой.

– Стража!

Его допрашивал Тайный совет, все, кто был со мной, и все, кого удалось в спешке собрать, – Роберт и Говард, Бакхерст и лорд-хранитель печати, молодой Ноллис и молодой Кобем.

– И хотя допрос длился пять часов. Ваше Величество, решение приняли меньше чем в пять минут, – доложил Роберт.

Роберт никогда не носит ароматического шарика и не душит волос; когда он входит, от него никогда не пахнет мужчиной. С чего бы это? Я закрыла глаза.

– И?..

Я не хотела слышать ответ.

– Выяснилось лишь то, что было известно и ранее. Однако милорд Эссекс не объяснил своих действий и не представил оправданий. Даже за малейший из его проступков кара – смерть.

Вряд ли остается другой путь, кроме как немедля заключить его в тюрьму и сразу судить.

Я набрала в грудь воздуха:

– Больше ничего не известно?

Роберт сделал паузу, потом сказал со старательным нажимом:

– Ничего больше не выяснилось, никаких новых признаний не

получено. Однако переговоры с ирландским бунтовщиком так и не получили объяснения.

Я сухо рассмеялась:

– Однако это уже не такая и загадка, сэр Роберт. Если мой лорд не замышлял низложить меня и захватить трон, если он не в сговоре с нашими внешними врагами, то с кем же?

Роберт притворился, что раздумывает.

– Верно, госпожа, он мог помышлять о том, кто, возможно, унаследует ваш трон. Однако согласно завещанию вашего покойного батюшки вмешиваться в дела престолонаследования само по себе измена.

Измена – рассуждать о том, кто меня сменит?

Измена – думать о последнем из Тюдоров, короле, более известном как Стюарт, о молодом Якове, говорить о нем с Тироном?

Уверена, они все о нем думают, ведут с ним переговоры, состоят в тайной переписке. Как королева на пороге библейских семидесяти лет, я не могла бы уважать человека, который не заглядывает вперед, не взвешивает возможности, да, и не старается подстелить соломку!

Наши взгляды встретились. Очи Роберта были чисты, как омут, точь-в-точь у его отца, когда тот особенно лукавил.

– Да, милорд секретарь, – сказала я с недрогнувшим литром, – надеюсь, что всякому, кто участвует в таких изменнических сношениях, достанет ума и сноровки сохранять их в тайне.

Я смотрела на Роберта в упор, но он выдержал мой взгляд.

– Безусловно, мадам, – согласился он. – В противном случае такой человек не годился бы в советники кошке, не имел бы права жить, тем паче – жить и служить Глориане, такой, как Ваше Величество.

Я кивнула:

– Совершенно верно.

Роберт заколебался:

– Так что же делать с милордом?

Действительно, что?

Бросить в тюрьму – разумеется, однако, пока я в силах этому помешать, его не казнят!

Сколько ни возмущались Говард и Рели, сколько ни писал мне Фрэнсис Бэкон (бывший протеже и соратник моего лорда, державшийся за него, покуда тот, словно Икар, не подлетел слишком близко к солнцу, после чего люди поумнее поспешили отыскать покровителей в других сферах), я не могла лишить его жизни.

– Ваше Величество, назовите мне хоть одну причину, по

которой этот негодяй не достоин смерти! – взывал Рели.

Я не могла назвать ни одной, кроме твердого убеждения, что он не совершил измены, не злоумышлял против моей короны. Да, он по-детски тщеславен и бесконечно обидчив, но совершенно не опасен, разве что для моей гордости. Он оскорбил меня лично, но угрозы державе не было. Опрометчивость его поступков доказывала, на мой взгляд, что он не в себе. И впрямь, недуг, тлевший в нем со дня приезда в Ирландию, разыгрался не на, шутку. Заключенный в Йорк-хауз, он слег с болезнью настолько тяжелой, что все удивлялись, как он вообще добрался до Англии живым.

Дьяволовой задницей называют Ирландию – даже дизентерия там хуже, чем где-либо еще.

Господи, не дай ему умереть, как умер его отец!

Он находится между жизнью и смертью, не ведая, что творится в мире и какое ему готовится наказание. Мне показалось излишним издавать королевский указ, подтверждающий его арест, воспрещающий ему занимать государственные посты, являться ко двору и приближаться к моей особе ближе чем на двадцать миль, когда у него сил меньше, чем у самого слабого в помете суточного поросенка, и, подобно этому жалкому существу, он не в силах даже открыть глаза.

Суждено ли ему было умереть?

Господь так не считал.

Однако что-то умерло. Ибо тем поцелуем я с ним попрощалась, и лорд, которого я любила, для меня умер.

Однако не для него самого. В те дни, когда год катился к Рождеству Христову, раскручивая маховик следующего столетия, и весь мир, затаив дыхание, молился о наступлении новой эры, когда в 1600 году обновлялся век, мой лорд, подобно Лазарю, воскрес. Но что такое жизнь без любви, занятий, общества? А особенно без денег – теперь, когда мои щедроты и его кошельки истощились, кредиторы слетелись, словно стервятники на раненого зверя. Запертый в Йорк-хаузе, мой лорд гнил без употребления, а мир шел вперед без него. Я мечтала его отпустить – нужно быть извергом, чтобы держать такую птичку в клетке. Ведь простил же Господь блудного сына! Однако меня и так бранили за опасную снисходительность, и едва ли хоть один из моих лордов не обрадовался бы, увидев его в гробу, и не побежал бы босиком, приплясывая, за его катафалком.

И все же я пыталась! Словно нежная мать, я не оставляла надежды, что непутевый отпрыск наконец исправится.

Подходящее поручение, чтобы испытать одного из моих юных лордов – того, кто никогда не был его врагом и может еще стать

другом.

– Передайте моему лорду в любезных выражениях следующее. Если он хотя бы выкажет раскаяние, проявит искреннее сожаление, если он решится служить мне, как я сочту нужным…

– Будет исполнено, Ваше Величество!

Юный Вильям Ноллис, раскрасневшийся от спешки, вернулся из Эссекс-хауза раньше, чем, я думала, он ушел. Я протянула ему руку для поцелуя:

– Ну, что он сказал?

Он замялся, изменился в лице, смущенно прошелся по комнате:

– Ручаюсь, милорд не в себе, и телом, и духом! Когда я пришел…

– Что он сказал?!

Ноллис упал на одно колено.

– Простите меня, мадам, – воззвал он. – Не вините за грубость его языка!

– Говорите!

Он пробормотал так тихо, что я еле разобрала слова:

– Ваше Величество, милорд Эссекс сказал:

Клянусь Богом, ее условия так же кривы, как и ее стан!»

Я улыбнулась. Почти так же кривы, мой сладкий лорд, как ваш бедный заблудший дух. Взглянула на обмершего от ужаса Ноллиса и ободряюще хохотнула:

– Ладно, сэр, посмотрим, может быть, кривая старая черепаха еще обгонит молодого зайца! Благодарю за услугу…

Жаль моего бедного лорда! Вместе с благоразумием он утратил теперь и ясность рассудка.

– Он просыпается по ночам. Ваше Величество, и страшно кричит во сне, – докладывал человек, чьему надзору я его поручила. – Трепещет за свою жизнь и ругает сэра Роберта Сесила виновником своих бед!

Господи, за что? Как мой лорд, рожденный любимцем природы и королем меж людей, отмеченный ростом, статью, лицом, мог так забыться, чтобы ревновать к горбуну, бедному пигмею, выброшенному на свет недоделанным, уродцу, чью тень облаивает каждая собака!

Ради его душевного и телесного здоровья я разрешила моему лорду вернуться в собственный дом на набережной.

– Пусть остается под надзором моих тайных советников! – предупредила я Бакхерста. – Однако я позволяю ему получать и отправлять письма, принимать гостей и начинать жизнь снова, покуда он никому не причиняет вреда.

Воспользуется ли он этим шансом, этой отсрочкой? На следующий же день, как я и ожидала, от него пришло первое письмо. Я, словно школьница, спрятала его на груди, под корсажем, и на весенней пойме у Ричмонд-парка, когда моя свита прогуливалась в отдалении, дрожащими руками развернула пергамент:

Сладчайшая королева!

Вашему всеведущему Величеству известно, что через неделю истекает срок моего откупа на продажу в Англии сладких вин. Без него я не смогу содержать себя, оплачивать кредиторов или держать голову прямо, как самый жалкий из людей.

Если б я мог рассчитывать на милостивое продление…»

От реки сильно тянуло вонью, жадные голоса дерущихся из-за корма птиц резали слух.

О мой лорд, мой корыстный пеликан! Я ждала любви, смирения, нежности, а он просит денег.

И даже не просит, а громко требует: Возобновите мои доходы, позаботьтесь о моих долгах, или я погиб!»

Я в тупом отчаянии расхаживала по берегу.

О, вы страдаете от эгоизма, мой лорд, и от неуемного аппетита. Голова шла кругом, страхи и желания вились вокруг меня, словно комары. Неужто никакой надежды?

Однако что такое любовь, если не один нескончаемый акт любви? А загубленная любовь, когда она возвращается, становится лучше прежней, сильнее, слаще. Из сильного выходит сладкое»[13], учит нас Господь устами Самсона.

Я сжала его глупое письмо в ладонях, поцеловала. Я не брошу моего Самсона львам. Я буду делать, что делала всегда: ждать, ждать и надеяться.

Весь тот год мир ждал от него, от меня, что мы выскажем нечто недосказанное. За каждым моим приближенным, за каждым поступком маячила тень моего невидимого лорда, он не шел у меня из головы. Что греха таить, мне было приятно угадывать его руку за каждым усилием его друзей напомнить мне о его существовании. На то Рождество в моде был новый сочинитель, очень остроумный каменщик Джонсон, Бен Джонсон или что-то в этом роде. На Крещенье он поставил пьесу под названием Забавы Синтии», там пели прелестную песенку в мою честь:

Час царице воссиять!
Феб на отдых отошел,
Так войди в чертог и сядь
На серебряный престол.

Однако и в этой бочке меда оказалась ложка дегтя, а именно последние две строчки:

Как ты Гесперу мила,
Превосходна и светла!

Неужели мой лорд устами каменщика намекает, что я мила ему светом своих щедрот? Ободренная духом нового начала, я решила быть великодушной, снова стать Синтией, Дианой, Юноной, Глорианой. Месяц спустя, когда февраль начался новым Сретеньем, новым празднеством света, новым величаньем Пресвятой Богородицы, я пролила свой свет на моего лорда, даровав ему полную свободу.

Впрочем, я и сейчас не верю, что к нему действительно вернулись здоровье и силы, что он вновь стал собой. А ухаживали за ним, распаляя собственную ненависть ко мне, две волчицы – мать Леттис и сестра Пенелопа.

Леттис ревновала ко мне с младых ногтей. Она отняла у меня Робина, за что поплатилась двадцатью годами позора. Теперь она была замужем за Китом Блантом, ближайшим другом и соратником моего лорда, который последовал за ним в Ирландию и разделил тамошнее поражение. Ее дочь, наглая Пенелопа, познакомилась с Блантом у матери и воспылала преступной страстью к его родичу, другому Бланту, барону Маунтжою, став его любовницей. А сам Маунтжой в Ирландии – командует войсками вместо моего лорда и держит в руках ключи от ненадежной задней двери в Англию…

Вот какой узелок завязался, вот какое гадючье гнездо, включая отвратительного Саутгемптона и толпу ирландцев, в том числе чудовищного Ли, того самого, что прислал мне голову казненного бунтовщика, обреталось каждый день в Эссекс-хаузе, питая тщеславие моего лорда и раздувая его безумие.

Да, безумие. Я сознательно употребляю это слово. Уж если кого боги желают погубить, лишают разума. И только безумец швырнул бы свою жизнь, как перчатку, под ноги женщине – тем более женщине, которая, как я, столько боролась за его бесценную жизнь.

На что он употребит дарованную свободу?

Как покажет мне свои замыслы, свои чаяния?

Я по-прежнему надеялась и ждала с замиранием сердца.

И вот оно пришло, налетело из-за левого плеча, черное, страшное против солнца. Однако нацелено было точно в основание моего трона.

Актерам, труппе лорда-камергера, заплатили, чтоб те

поставили Ричарда II», разыграли свержение короля. Я потребовала Хансдона, моего лорда-камергера, и, расхаживая по комнате, заливаясь гневными слезами и ломая веер, завопила:

– Ваши актеры – изменники! А этот борзописец Шекспир, он же взял мой шиллинг, я заплатила ему из собственного кармана! Сочинители хуже шлюх, нет ни одного, кто бы не продался за деньги!

Бедный честный Хансдон побелел от моего гнева.

– Ваше Величество, лондонские театры ставят по двадцать пьес в неделю, в том числе из нашей истории. Ручаюсь, – продолжал он дрожащим голосом, – в этой пьесе нет ничего опасного, никакой угрозы государству, ровным счетом ничего предосудительного!

Я не выдержала.

– Ради всего святого, кузен, – простонала я, – откройте ваши слепые глаза. Ричард Второй – это я! Разве вы не поняли?

Когда ее ждать, попытку государственного переворота?

Потому что теперь каждая собака на улице знала о неизбежности мятежа.

Первым его вспугнул Рели, мой старый морской пес и землепроходец, который чуял врага за милю. Он первый выбежал с криком мне навстречу тем горьким воскресным днем после Сретенья, когда я выходила из церкви:

– Ваше Величество, вооружайтесь! Милорд Эссекс поднял оружие на вас!

Глава 10

Я отдала бы обе жизни, и свою и его, чтобы этого не случилось. Но так предначертал левой рукой Господь. А нам. Его детям, должно склоняться перед Его карой и, рыдая, целовать бич.

– Меня предупредили за час до рассвета, миледи, – продолжал Рели. – Старый офицер, служивший под моим началом в Ирландии, пришел сказать, чтобы я держался подальше от двора и Сити, ибо, клялся он, сегодня там прольется кровь.

Dies irae, dies sanguinus… День гнева, день крови, вот ты и наступил?

О, мой лорд, мой лорд!

Мы стояли в замерзшем церковном дворе, мои лорды тихо сомкнулись вокруг меня.

Роберт с жаром подался вперед:

– И больше вы ничего не выпытали?

– Когда они начнут? – подхватил Говард.

– Клянусь Божьей кровью, я пытался! – взорвался Рели. – Хотя он пришел как друг, я приставил ему к горлу кинжал, и, даю руку на отсечение, он больше ничего не знает! Однако не секрет, где в Лондоне собираются сбежавшие из Ирландии крысы!

Вот уж действительно не секрет, кто привечает у себя бывалых вояк, будь то последняя мразь.

– Так что я первым делом вскочил в лодку и велел, грести к дому милорда Эссекса, – торопливо продолжал Рели. – При моем появлении дозорный поднял тревогу. В следующий миг рядом с нами просвистела пуля.

Значит, вооруженный мятеж – неужто он все-таки замахнулся на измену, которую даже я не смогу простить! Я взглянула в бледное и разгоряченное лицо Рели и чуть не расцеловала его в васильковые глаза.

– Благодарение Богу, что вы целы, сэр Уолтер! Его рука спасла вас от смерти!

– Скажите лучше, крепкие руки моего доброго гребца., – мрачно отвечал Рели. – После первого же выстрела он быстро развернул лодку, и мы полетели, словно за нами черти гонятся! Однако ошибки быть не может, они там вооружены!

– Кто зачинщики? Кто засел в Эссексхаузе?

Роберт ответил без запинки:

– Все – хорошие знакомые Вашего Величества, все, за кем мы в последнее время установили надзор: сам милорд, его сподвижники, лорд Саутгемптон и сэр Кит Блант, с ними

ирландское отребье, сержанты, капитаны и всякая мелкая сошка.

О, мой лорд, мой лорд, ни один из них не достоин развязать завязки на вашей обуви! И в таком-то худом решете вы отважились выйти в море?

Они говорили, а я рыдала, не потому что, как они думали, испугалась вашего мятежа, но потому что скорбела о вашем падении, вашей роковой ошибке, вашей бесконечно обидной глупости.

Запах страха сгущался. Мы сбились в кружок, словно дети, ожидающие возгласа Отомри!», когда вбежал гонец с раскрасневшимся диким лицом и криком, которого мы все страшились: Заговор против королевы! Мятежники хотят отнять у нее корону, а затем и жизнь!»

Я предупреждала его, я сказала прямо – личное оскорбление я простить могу, умысел против моего трона – никогда. Моего трона? Нашего трона, державного трона королей, наследия Тюдоров, которое досталось мне от сестры, ей – от нашего брата, ему – от отца, а отцу – от основателя нашей династии. Как могла я простить подобное посягательство?

За этот трон я в юности чуть не поплатилась жизнью. За то, чтобы продержаться на нем сорок лет, я заплатила жизнью, несбывшейся надеждой иметь детей, здоровьем, душевным спокойствием, кровью в моих жилах.

Взять, удержать, сберечь – так говорят в народе. Ему бы следовало знать это.

Значит, никакой пощады Икару, которого безумие увлекло к самому Солнцу. Однако даже сейчас, бессильный помочь себе и тем более мне, он еще может помочь Англии. Он покажет нашим заморским друзьям и доморощенным недругам, что Англия верна Тюдорам, как в день Босворта, в день воцарения нашей династии. Пусть поднимает мятеж. Тогда мир увидит, что Англия признает лишь одну владычицу, Глориану, королеву Елизавету!

– Сэр Роберт!

– Ваше Величество?

– Не будем действовать сгоряча – будем искать мира даже на острие меча. Пошлите к моему лорду и его союзникам депутацию тайных советников, пусть учтиво попросят его предстать перед советом и объясниться.

– Будет исполнено, мадам.

Я знала повадки моего лорда. И если мой зов подействует на эту мягкую, но яростную глину, как я рассчитываю…

Ладно, посмотрим.

Разгадал ли Роберт мой замысел, унюхал ли, почувствовал ли нутром, как это нередко случалось прежде? Ибо он осуществил

его быстрее мысли.

Однако не его рука качнула весы, нет, и не моя.

То, что произошло, было предопределено силой, рядом с которой мы все – ничто.

Ибо события устремились по предназначенному пути, в направлении, указанном на небесах до начала времен, до того, как земля обрела форму и субстанцию, по пути, положенному нам в тот миг, когда Божья рука, лепя человеческий род, подарила нам наше обиталище, сотворила планеты и зажгла звезды.

Мои лорды вступили в Эссекс-хауз и увидели, что он кишит отчаянным сбродом, а в воздухе висит безумие, словно в охваченном чумой городе, где каждый кричит: «Sauve qui pent! Спасайся кто может!» Лорд-хранитель печати Эджертон, сопровождаемый королевским герольдом, остановился посредине двора и зычно повелел моему лорду распустить соратников, сложить оружие и немедленно явиться ко двору, и его примут со всяческим почетом. За эту любезность все четверо посланцев в пять минут были схвачены моим лордом и заперты в Эссекс-хаузе.

Итак.

Сработало.

И вот, пока мы расхаживали по прихожей Уайтхолла, вбежал другой запыхавшийся гонец:

Милорд поднял восстание, весь Лондон идет за ним. Сити вооружается против королевы!»

Я коротко рассмеялась в бледные лица окруживших меня придворных:

– Мужайтесь, милорды! Пусть восстает – за ним не пойдут! Против меня – нет!

Самый воздух прошелестел общей молитвой:

Дай Бог, чтобы она оказалась права!»

Однако, подобно Кассандре, которую отвергнутый Бог наказал даром прозрения, я не радовалась своему предвидению. Ведь, если я права, мой лорд бросается в пучину заблуждений столь глубокую, что самому Богу его не вызволить.

Каждую минуту поступали новые вести.

– Милорд вышел на улицу, за ним бежит его сброд!

Я должна была убедиться.

– Как он выглядит?

– Дико, мадам, словно сбежал из бедлама.

Думаю, так оно и было, им владело исступление. В последующие годы будут писать о восстании» моего лорда, о его мятеже», однако в действительности это больше походило на парад шутов или умалишенных – он, словно оглашенный, бегал по Сити, сопровождаемый своим разношерстным воинством, и

вопил: За королеву! За королеву! Ко мне, добрые люди! Меня хотят убить!

Ради Бога, ко мне!»

Безумие, безумие, он был одержим семью бесами, его пожирал его собственный нечистый дух.

– И впрямь все нечистые духи взялись ему помогать! – мрачно заметил Бакхерст, когда подоспели новые вести: сэр Кит Блант велел своим людям убивать всякого, кто станет на их пути, свирепая Пенелопа раскатывает по городу в экипаже, убеждает первых встречных поддержать брата.

– Впрочем, один лорд, едва она затащила его в карету, выпрыгнул в другую дверцу. Он поспешил сюда засвидетельствовать свою верность. Ваше Величество хочет с ним поговорить?

– Позже, позже, успеется…

Пенелопа. Без сомнения, она уже видит себя королевой рядом с братом в этом новом королевстве-без-королевы. Однако она, как и он, мочится желчью против ветра.

– Новости, мадам, о войске милорда Эссекса: общим счетом меньше двух сотен.

– Они направляются к собору Святого Павла с целью поднять народ после службы…

– Но они опоздали, прихожане разошлись по домам, нигде ни души…

– И на каждой улице, где они ищут поддержки, к ним поворачиваются спиной…

О, Господи, я видела все так ясно, словно сама присутствовала! Он, перед которым открывались все сердца, все двери, бегает, словно грешник в аду, под дьявольский стук хлопающих дверей и ставен, а женщины, которые целовали его стремя и забрасывали его путь розами, прячут детей, словно у него рога и раздвоенные копыта.

Наконец он подбежал к дому лондонского шерифа, потребовал ополченцев из Сити и свежую рубашку, потому что сильно вспотел (а день был февральский, морозный).

– Сию минуту, милорд, – учтиво отвечал шериф, а сам выскочил с заднего крыльца и поднял тревогу.

Они прождали час с лишним, а потом, утратив всякую надежду, вернулись в Эссекс-хауз.

И здесь я потеряла его: потеряла чувство сострадания к нему, потеряла человека, которого любила.

Когда мой лорд понял, что побежден? Что проиграл игру, а с нею и жизнь? Что одним отчаянным поступком лишился всего в этом мире и своего места в нем?

Или он уже знал, что у него нет будущего без моей любви и поддержки, без моих денег, моего долготерпения? Знал с тех пор, как потерял меня после бегства из Ирландии, после того, как вторгся в мою опочивальню, надругался над моей женской гордостью, – понял ли он тогда, что обречен?

А он был обречен. Словно великий Гектор на стенах Трои, когда того покинули боги, он остался в одиночестве. Вернулся в Эссекс-хауз, заперся в своих покоях, и что он там перестрадал, никто сказать не может.

– Милорд, милорд! – весь вечер не смолкал настойчивый стук в дверь и крики. – У причала ждет лодка, начинается отлив, бегите, сядьте на корабль, бегите во Францию!

Однако ответом была лишь неземная тишина.

День клонился к закату, Лондон затихал в воскресной дремоте, даже мыши не шебаршили.

Под вечер мэр и все олдермены, яркие в своих золотых цепях и мантиях, явились ко мне с приветствием от Сити:

– По правде сказать, Ваше Величество, войска, которые мы поставили охранять Сити, жалуются, что замерзают от безделья, им нечего делать!

И едва затеплились свечи, едва догорел его последний вольный денек, мой лорд отпустил заложников, сломал меч и сдался на милость судьбы.

Их судили в Вестминстере, его и Саутгемптона, судили двадцать три пэра. Кроме вооруженной попытки свергнуть меня с престола ему вменялась изменническая переписка с Испанией и с Шотландией – со всеми, кто соглашался выслушать его дикие предложения посадить их на мой трон в обмен на сохранение за ним должности лорда-генерала. Я получила мрачное удовлетворение от вести, что юному Якову Шотландскому достало ума не согласиться ни на что определенное. Однако он, как и следовало мудрому политику, держал моего лорда про запас.

Начался суд. Бланта судили на следующий день, признали виновным и еще через день обезглавили. Тогда же казнили и негодяя Ли, которого взяли в Уайтхолле на пути к моей опочивальне – он удумал взять меня в плен и потребовать жизнь моего лорда в обмен на мою. Как простолюдин, он не сподобился топора, но к виселице шел бодро и, по правде сказать, заслужил не одну смерть. Приятно подумать, что старая ведьма, которую он сжег, четвертованный ирландский бунтовщик и многие другие, кто вполне обоснованно проклинал час его рождения, дождались, когда он к ним спустится, – теперь у них впереди целая вечность, чтобы потолковать по душам.

Однако мой лорд, мой дикий жеребец, бился до последнего. Даже на суде, когда обличали его вину, он пытался сразить обвинителей их же оружием.

– Слушайте меня, милорды! – кричал он, его звонкий голос отдавался под гулкими сводами Вестминстер-холла. – Слушайте, если дорожите жизнью королевы! Ибо возле нее притаился изменник, чьи преступления много гнуснее тех, в которых обвиняют меня!

– Что он сказал?! – вскричала я, когда Роберт сообщил мне об этом. – Что советник, которому я доверяю больше всех, доверяю всем сердцем, повинен в государственной измене?

Роберт склонил голову. Он был очень бледен.

– И что этот советник в сговоре с врагами королевы, что он переписывается с Испанией и Шотландией.

Я не знала, смеяться мне или плакать.

– И милорд говорит, что этот изменник близок ко мне?

Роберт вытянулся во весь свой крошечный рост с достоинством, которым может похвастаться не всякий здоровяк.

– Ближе некуда. – Его глаза блестели от слез, он дрожал всем телом. – Ваше Величество, он обвинил меня.

О, мой бедный пигмей! Даже сейчас ему было не укрыться от застарелой ненависти моего лорда.

– Я не верю в это, не поверила и на секунду! – страстно вскричала я. – Никто не поверит! Не считайте себя обязанным защищаться от такого жестокого поклепа!

Однако он был уязвлен в самое сердце.

– Мадам, я должен!

Всю ночь он трудился над речью в свою защиту и на следующем заседании попросил у судей, чтобы ему позволили отвести прозвучавшие обвинения. Господи, какая жалость, что меня там не было! Многих королей, лордов и вельмож перевидал Вестминстер-холл, это тысячелетнее седалище правосудия, но Роберт в тот день произнес, наверное, самую благородную речь из всех, что когда-либо звучали в защиту жизни и правды.

– Милорд, – начал он с вызовом, – вы бросили мне страшное обвинение, и я презираю вас от всей души. Ибо по уму я уступаю вам, вы наделены им в избытке. Уступаю я вам и в знатности рождения, ибо я не знатен, хотя и горжусь званием джентльмена. Я не воин, а ваша светлость оделены и этим даром, здесь вы тоже впереди.

Однако у меня есть честность, совесть и искренность, чтобы защищаться от пересудов и от жала клеветнических языков. Я отстаиваю верность, которой никогда не изменял. Вы отстаиваете измену, которая владеет вашим сердцем. Я признаю, что

размышлял о будущем королевства. Я говорил, что король Шотландский может претендовать на этот трон и что король Испанский мог, когда шотландская королева объявила его своим наследником, и я отрицаю, что это – измена. Вы же, милорд, поставили себя в один с ними ряд, вы домогались власти, вы искали возможность низложить королеву!

Ах, мой добрый лорд, если бы это была только ваша трагедия! Однако вы увлекли в свой мятеж дворян и джентльменов, и кровь их вопиет об отмщении!

Роберту хлопали так, что дрожали потолочные балки, его признали невиновным. Вся Англия ликовала и благодарила Бога за мое спасение. Снова я стала Глориана, королева Елизавета. Однако для моего лорда приговор был только один, только одно решение одетых в черное судей, возглашенное парламентским приставом. Я сказала ему, что прощу любые проступки против меня как женщины – и. Господь свидетель, мужчину, которого я любила, любила когда-то, я продолжаю любить.

Однако он пренебрег моим предупреждением. Человек, который не захотел стать моим возлюбленным, стал возлюбленным смерти. Суд был честный, судьи – достойные, вердикт – единственно возможный.

Вскоре мне принесли смертный приговор.

И вчера ночью я его подписала.

Эпилог

Дворец Уайтхолл
25 февраля 1601 года

Больше свечей, в последний раз, чтобы разогнать тени прошлого! И подбросьте дров, ибо мороз приберегает самые жестокие щипки на этот кладбищенский час, час перед рассветом. Однако не переусердствуйте с огнем, не переусердствуйте, ибо в часах пересыпаются последние песчинки, и наша пьеса почти доиграна. Немного вина промочить горло, немного aqua vitae для моих зубов, и дайте мне зажечь последнюю свечу в пятисвечье моей повести.

Он назвал меня незаконнорожденной.

О, Господь любит не только шутить. Он еще обожает водить свои смертные создания по кругу.

И вот, с тем же пятном, с каким и родилась, я приближаюсь к смерти.

Незаконнорожденная ли я?

Мой отец надрывал пупок, чтобы этого не случилось. Оправдай Папа Климент свое имя, которое означает милосердный», прояви он снисхождение к Генриху, когда тому понадобилась новая жена, никакой вопросительный знак меня бы не коснулся. Однако тогда наша страна осталась бы под римской клюкой, вам такое в голову не приходило?

Честные английские граждане и их краснощекие жены по-прежнему бормотали бы мессу, перебирали четки, вымаливали бы (и оплачивали) индульгенции Святого Отца, били поклоны и тряслись над святыми мощами.

Получи Генрих развод с королевой Екатериной, он никогда не порвал бы с Римом. Да, да, знаю, это ересь, добрый король Генрих сжег пятнадцать человек за куда более умеренные высказывания, хотя он, как защитник нашей веры, и назвал их лоллардами[14].

Однако это правда.

Суровый Климент подпортил Генриху климат для свадебного путешествия, а помог ему в этом Священный Римский Император Карл. Его Императорское Величество не особенно пекся о своей старой тетке Екатерине Арагонской, однако предполагаемое оскорбление семейству и собственной испанской гордости проглотить не пожелал. Священная кавалерия поскакала на север, римские копейщики взяли в кольцо Престол святого Петра, где раздумывал над ответом Папа. Как только Карл приставил меч к папскому горлу, на Климента снизошло озарение. Брак королевы

Екатерины останется нерушимым.

Однако королю было уже наплевать на все это. Не любовницей, но супругой, получившей титул маркизы из рук самого короля, повез он Анну во Францию. Грудь ее украшали изумруды и сапфиры, она кушала черепаховый паштет и павлинов в тесте, танцевала на атласе и спала на шелке. Тем теплым сентябрем, веселясь день и ночь на глазах у своего давнего обожателя, французского короля, Анна замечательно проводила время.

А когда Анна и Генрих вернулись из Франции, стало известно, что она беременна.

Беременна и не замужем.

Как ни верти, а ребенок такой женщины называется ублюдком.

– Не бойся, душа моя! – кричал Генрих, гладя ее живот на глазах у всего двора и потчуя Анну гороховыми стручками и веретенником, перепелками с ягнячьими сердцами и розмарином, спелыми вишнями, взбитыми кремами и первыми абрикосами, всем, чего желала ее душа, ради сына, которого она носила под сердцем. – Это не повредит ни ему, ни тебе!

Однако принц не должен был родиться ублюдком. А природа торопила. В начале лета Господня 1533, невиданно морозным январем, Генрих женился на Анне, потом объявил о своем разводе с Екатериной, и Англия развелась с Римом.

В мае, раздавшуюся в талии, разодетую в белую камку и горностаев, украшенную алмазами и жемчугами, Анну провезли через Сити на коронацию в Вестминстерское аббатство.

Анна – королева, королева Генриха, королева Англии.

Жена и королева.

Пусть вопящая чернь на улице перевирает ее титулы, превращая их в похабные прозвища, кричит: «Девка! Шлюха!», требует вернуть добрую королеву Екатерину» и покончить с пучеглазой потаскухой Анной». Она будет смеяться последней.

К жене» и королеве» для полноты торжества осталось добавить лишь «Мать», и это тоже не за горами. Последняя месть побежденной сопернице из Арагона – она родит королю сына.

В августе после мессы королева Анна, скрытая под покрывалом золотой парчи, удалилась к себе, лорд-камергер и вся английская знать сопровождали ее из Гринвича. Съехавшиеся со всей Европы астрологи утверждали, что звезды, под которыми родится младенец, сияют мужским огнем. Не столько для жены, сколько для будущего сына король велел принести из сокровищницы парадное ложе в виде корабля под всеми парусами, отделанное золотом и застланное восточными

шелками.

В сентябре королеве подошел срок родить, начались схватки.

Весь двор замер, король затаил дыхание, весь мир ждал.

И родилась я.

Я – Елизавета, я – маленький ублюдок.

Да-да, чего ради теперь утаивать истину! Мои мысли устремляются к последнему отчету, когда все сердца и деяния обнажатся. Так почему же не поделиться с вами тем, в чем я усматриваю Божью последнюю, лучшую, царственную шутку?

Когда отец женился на моей матери, он уже был женат. Если б он формально развелся с Екатериной, расторг брак с ней до того, как венчаться с моею матерью, моя совесть была бы чиста. Но Генрих – не Софи[15], а наш Господь не разрешает мужчине иметь двух жен сразу.

Однако он рассуждал, как Софи. Он верил, что может лепить мир по своему желанию, актом своей воли. И кто скажет, что он ошибался? Его дети наследовали ему именно так, как он пожелал, как указал в своей последней воле. И только справедливо, по Божьим законам и в порядке старшинства, что законные дети, Эдуард и Мария, предшествовали младшей дочери, чей герб отмечен ублюдочной полосой.

Но почему же, имея власть осуществлять свою волю, он не объявил меня законной? О, что пользы упрекать его сейчас! Когда дело касается власти, фактическое обладание равносильно закону. Законно, незаконно, я владела, царствовала, правила, я передам по наследству. И на помощь незаконным, боги![16].

И, если я незаконнорожденная, все, знавшие моего отца, поймут, что откуда взялось!

Господи, неужели я его любила? Ведь я же его ненавидела! Неужели во всех, кого я любила, я искала лишь его тень? Неужели я выбрала своего последнего лорда, чтоб навеки истребить в себе страх, власть этих больших, грубых, рыжеволосых верзил, от которых разит мужественностью, чувственностью, энергией?

Не думаю…

Нет, его смерть послужит лучшей, более темной цели. Пусть он разбил мое женское сердце, завтра он окажет последнюю и величайшую услугу королеве Елизавете. Пусть женщина утратила любовь, надежду, будущее. Зато королева во мне взяла верх над внутренним врагом.

Кто видел или угадал мой глубочайший замысел? Все считали, что глупая старуха увлеклась юным красавчиком, любимцем Англии, и не задавались дальнейшими вопросами. Думаю, Роберт догадывался; он единственный из моего окружения настолько поднаторел в политике, что видел скрытый

замысел и прослеживал его исток до самых глубоких колодцев, что лежат под поверхностью наших мыслей.

Позволяя моему лорду расцветать во всей его задиристости, во всей его дерзости, во всей готовности бросать вызов и ставить других на место, я тем самым удерживала других моих воинственных и честолюбивых лордов в границах, которые для них установила.

А допустив – нет, я не согласна на слово спровоцировав» – его мятеж, я вместе с мятежом убила и самый дух мятежа. С его помощью я показала Сити и двору, Лондону и всей стране, Европе и всему миру, что мой народ никогда, никогда против меня не пойдет! Мы волна за волной отражали тех, кто считал, что с настоящим вождем, с настоящим претендентом на трон вся народная любовь ко мне рассыплется в прах, обратится против меня. Но раз народ не восстал даже ради любимца Англии, своего великого воителя, который взял Кадис и помочился в глаза могучему испанскому королю, значит, мой трон действительно неколебим.

Теперь мы можем трубить в трубы по всему миру, доказывать, что мое правление надежно и угодно народу, что я выиграла мир, как выиграла перед этим войну, победила Папу и Францию – Францию, которая побеждала даже великого Гарри! – расквасила нос и выпорола задницу Испании, никто из них не посмеет двинуться на нас войной.

Я смеялась. Кто знает? Очень может быть, что до конца света наши берега еще увидят испанских сватов и в крике: Испанцы!» – будет звучать не ужас, а ликование.

И теперь я могу мирно передать королевство преемнику.

Преемнику? Вы спрашиваете, кому?

Спросите себя, памятуя о моей любви к порядку и законности, предпочту я передать трон по старшей или по младшей линии? Предпочту ли я потомка какой-нибудь из этих дур, дочерей младшей сестры моего отца, всех этих тщеславных Грей, умнице и книгочею вроде меня? Не напоминайте мне о сыновьях Екатерины Грей! Я не допущу, чтоб потомки этой мерзавки сели на мое место, на английский королевский трон!

Ну же, пошевелите мозгами!

Кто это должен быть, как не наш шотландский кузен?

Яков Шестой в Шотландии, он будет Первым в нашей стране – потомок старшей сестры моего отца, которую Генрих лишил права наследовать, счастливо перескочивший через свою дуру-мамашу, жирную католическую лгунью Марию Шотландскую.

В моей долгой жизни много утешений – и прежде всего радость, что я пережила других.

Особенно ее!

Маленький шотландский король получит королевство по всем правилам и, если мой секретарь Роберт прав, перешагнет с трона на трон без всяких помех. Однако я еще не намерена умирать!

В этом, 1601 году исполнится ровно сто лет с тех пор, как маленькая арагонская инфанта Екатерина, хорошенькая, розовощекая, набожная, высадилась на английский берег будущей женой юного принца Артура.

Король Артур и королева Екатерина – как оно было бы, проживи они подольше?

Мой отец вступил на престол в девятый год шестнадцатого столетия – если я проживу еще несколько лет, можно будет сказать, что целых сто лет Англией правил один человек и его дети. Однако я многое сделала для Англии – я отдала ей все! Ради нее я так и не вышла замуж, даже за самого любимого, за Робина, ради нее я заигрывала с половиной мира и сражалась с другой половиной, ради нее уготовила моему последнему лорду его судьбу – все, все ради Англии! – не требуйте от меня большего!

А теперь взгляните за окно – светает, ночь на исходе. Сегодня Пепельная среда, день пепла, день его смерти, начало моей скорби.

Рядом с моей кроватью спят две горничные – почти девочки, на мой взгляд, когда я различаю их своим угасающим зрением! Они тихо посапывают во сне, свернувшись на тюфяках у камина рядом с комнатными собачонками. Мне хочется общества, мне одиноко.

Сейчас самое зловещее время ночи. Как там мой лорд ожидает своего часа? Молится ли он, плачет ли, как, я, думает ли обо мне?

– Ваше Величество! Эй, в комнате!

Господи, как напугал меня этот стук.

– Кто там?

Это Уорвик, глаза растерянные, заспанные, – судя по туалету, ее только что подняли с постели.

– Странное послание, мадам, и странный гонец из Тауэра. Мальчик…

Из Тауэра.

– Пусть войдет.

Крошечный рядом с дюжим стражником, он казался даже не мальчиком, а маленьким эльфом – глаза ошарашенные, стриженые волосы от холода встали дыбом. Казалось, он принес с собой холод Тауэра, запах страданий, беззвучные крики боли.

Меня передернуло.

– Кто ты, дитя?

– Сын тауэрского тюремщика.

Я закрыла глаза, воспоминания нахлынули волной. Когда я была в Колокольной башне, а Робин – в Бошамп, он подкупил мальчишку, чтобы тот передал мне цветы и яйцо малиновки…

Я разрыдалась от слабости. Уорвик деликатно вмешалась:

– Так поговори с королевой, мальчик. Говори, зачем пришел.

– Лорд, который сейчас в Тауэре и которого утром казнят, шлет Ее Величеству вот это.

Он разжал худой кулачок. Уорвик шумно выдохнула – она узнала. Черный, блестящий, на детской ладони лежал золотой с эмалью ободок, мужское кольцо.

Носите его ради меня, мой дорогой лорд, сказала я тогда, и, если когда-нибудь у вас возникнет нужда во мне, пошлите его мне, он принесет вам все, чего бы ни пожелала ваша душа.

О Боже, Боже…

Меня захлестнула горечь. Он должен понимать, что я не отменю приговор. Смерть будет самым красивым поступком в его жизни – как может он разменивать последние часы на жалкую, тщетную, униженную мольбу о милосердии!

Однако так умер и лорд Сеймур; ослабевший, озлобленный, он всю последнюю ночь строчил ядовитые письма ко мне и к сестре Марии, распалял в себе ненависть к брату, к лорду-протектору, обреченному вскорости поцеловать ту же самую плаху.

Меня охватила страшная душевная усталость. Я попыталась собраться с мыслями. Скажите милорду…

Скажите ему – что?

О, неужто эти слезы никогда не кончатся?

– Иди, мальчик, ты утомил королеву. – Уорвик взяла протянутое кольцо и подтолкнула ребенка к двери.

Однако тот не сдавался:

– А послание? Мне велено было передать кольцо и послание. Милорд поклялся своей душой, что, если я не передам послание, его призрак не даст мне покоя.

– Послание? – Я не узнала свой голос.

– Я его выучил! Он заставил меня выучить наизусть! Милорд сказал, – детский голос сделался старательно-сосредоточенным, – он сказал, что возвращает вам его вместе с жизнью, добровольно, как любящий рыцарь – даме своего сердца. Он молится, чтобы любовь его и привязанность жили и после него и чтобы смерть смыла с него бесчестие и унижение. Он надеется по Божьей милости – не по своим заслугам – встретить вас на небесах. А

покуда вы за ним не последовали, он надеется освещать Вашему Величеству вашу долгую-предолгую жизнь и быть с вами в час вашей смерти, что есть лишь врата, которыми, как сказал он, любящий радостно проходит вперед.

О, мой лорд, мой лорд.

Любовь моя, моя сладчайшая любовь.

Детские глаза горели, как фонари.

– Скажите моему лорду… что королева взяла кольцо.

Его кольцо. Оно на моей руке рядом с тем, что подарил мне он. Знаю, коронационный перстень придется срезать с мясом, он врос так глубоко, что его не снять. Но эти два я унесу с собою в могилу.

Что дальше?

Будущее расстилается передо мной – дрожащее, безмолвное. Уорвик ушла с мальчиком дать ему денег – горничные медленно просыпаются, пока их добудишься…

И я, и мой лорд ожидаем рассвета.

Очень скоро он покинет каземат, чтобы в последний раз пройти по земле, и каждый его шаг я пройду вместе с ним. Я буду с ним в те секунды, когда он вступит на эшафот, когда положит голову на плаху и раскинет руки, обнимая смерть. И я знаю так же точно, как если б сидела у него в головах, что его последняя молитва, последняя надежда будут обо мне, Елизавете, его королеве Елизавете.

А я буду ждать, когда Господь позовет меня следовать за ним. И здесь я его увижу – не смертного, не отягощенного пороками, но такого, каким он был и каким должен был быть.

Здесь, где души почивают на цветах, нам подарят вечную любовь и радость. С нами будут Дидона и Эней, Антоний и Клеопатра – можно ли желать общества лучше?

Я уже наполовину влюблена в смерть. И ничуть не боюсь. Не боюсь отправиться туда, где мои Кэт и Робин, Берли и Кранмер, Гриндал, Парри и ее брат и все мои возлюбленные лорды.

И здесь я наконец увижу свою мать, прикоснусь к той, что подарила мне жизнь, познаю материнский поцелуй и эту всеобъемлющую любовь.

Они все ушли в мир света, все зовут меня к себе. В моих снах наяву я вижу их в сиянии лучей, и душа моя рвется к ним.

– Интересно, как это будет?

Что видела Мария Шотландская, подходя к плахе, мы никогда не узнаем. Сестра Мария, умирая, рыдала от радости и говорила женщинам, что видит маленьких деток в золотом и белом, они резвятся и поют вокруг нее – призрачные младенцы, которых несчастная так и не родила. Однако я надеюсь и верю, что

детский ангельский хор не станет докучать престарелой девственнице – я бы предпочла место потише, подальше от телесной или бестелесной малышни, которая, сказать по правде, никогда меня не интересовала.

А что теперь?

Жизнь – чтобы жить, пост – чтобы горевать, а за ним весна, а там и Пасха. Всякой вещи, учит Господь, свое время, время убивать и время целить; время разрушать и время строить; время плакать и время смеяться; время сетовать и время плясать[17].

Я буду плакать, да, а потом плясать. Думаю, до последнего дня я буду плясать пляску самой жизни, Эроса и Танатоса – любви и смерти.

Так, не изменяя своим покойным лордам, моему Робину, моему последнему лорду, я присмотрю себе новых кавалеров. Что до танцев, ко двору недавно прибыл юный красавчик из графства, высокий, с росой на щеках, с горящим взором, телом наездника, рыжим отливом в шевелюре и бороде…

Да, я испытаю, каков он в танце. И, Господь свидетель, я молюсь, чтобы годы не помешали мне слегка полюбезничать зимней порою в темном уголке. Я по-прежнему люблю флирт и всегда буду нуждаться в обожании.

Через несколько недель, когда нарциссы зажелтеют по нашим зеленеющим лугам и черные ясеневые почки выпустят хрупкие пятипалые листики, когда вязы оденутся голубовато-зеленой дымкой, я вновь отправлюсь навстречу Англии. Я, как всегда, поеду в летнее путешествие по уютным пастбищам и заливным лугам, мимо ухоженных хлевов и упитанных ферм.»

Передо мной раскинутся благородные леса и возвышенные нагорья, нивы и пажити, меловые холмы и горные кряжи, становой хребет Англии. Широкие реки и резвые ручьи будут журчать в мою честь, улыбчивые озера и задумчивые леса – ожидать меня, вся мощная первобытная твердыня земли, существующая со времен, когда те, кто ныне скрываются в ее недрах, были ее королями.

Англия, моя Англия – как я люблю эту землю! Ее реки струятся в моих жилах, ее суглинок – это моя плоть, ее душа – моя душа, ее гордый дух – моя надежда, мое вдохновение.

И я любила, как жила, будучи англичанкой до мозга костей, до нутра, до сердцевины! И когда я умру, какая постель, какое место упокоения мягче, чем складки этой возлюбленной почвы?

Какая мать обнимает нежнее, чем родимая сторона? Я буду сладко спать в этой священной земле, совершающей свой дневной путь, стану частью державного острова, страны великих душ, обиталища славы, Англии – моей первой и последней самой

большой любви.

Отныне и вовеки я – душа Англии, я – Елизавета, я – королева Елизавета.

Конец

Действующие лица в моей истории

Альба, Фердинанде Альварес, герцог Толедо, командующий испанскими силами в Нидерландах в годы перед разгромом Армады.

Анжуйский Франциск, герцог, претендент на руку Елизаветы I, прежде герцог Алансонский.

Анна Клевская, немецкая принцесса, отвергнутая четвертая жена Генриха VIII, позже провозглашенная Королевской сестрой».

Артур, принц Уэльсский, сын Генриха VII и старший брат Генриха VIII, умер в пятнадцатилетнем возрасте.

Арундел (Эрандел), Генри Фицаллан, граф, поклонник Елизаветы I.

Бабингтон, сэр Энтони, католический заговорщик против Елизаветы I.

Барнуэлл, Роберт, ирландский католический заговорщик, казненный при Елизавете I.

Бедингфилд, сэр Генри, тюремщик принцессы Елизаветы в пору ее заточения в Вудстоке.

Бедфорд, Фрэнсис Рассел, граф, военный и тайный советник Елизаветы I.

Бербедж, Ричард, ведущий актер в труппе лорда-канцлера, коллега Вильяма Шекспира, сыгравший заглавные роли во всех его пьесах.

Берли, см. Сесил, сэр Вильям.

Берли, Хью, клеветник Елизаветы I.

Блант, Бесси, любовница Генриха VIII и мать Генри Фитцроя.

Болейн, Анна, вторая жена Генриха VIII, мать принцессы Елизаветы, обезглавлена по ложному обвинению в неверности.

Болейн, Мария, сестра Анны Болейн и любовница Генриха VIII, жена Вильяма Кэри, одного из приближенных Генриха VIII.

Болейн, Томас, отец Марии и Анны, позже граф Ормонд и Уилтишир.

Боннер, Эдмунд, епископ Лондонский при Марии I.

Босуэлл, Джеймс Хэпберн, глава шотландских лэрдов и третий муж Марии, королевы Шотландской.

Бофорт, леди Маргарита, мать Генриха VII.

Брайан, леди Маргарита, воспитательница Марии I, Эдуарда VI и Елизаветы I.

Брайан, сэр Томас, придворный, муж леди Маргариты.

Браун, леди, фрейлина при дворе Эдуарда VI и Марии I.

Бэкон, Энтони, сын сэра Николаев Бэкона, придворный и тайный агент, сподвижник графа Эссекса.

Бэкон, Фрэнсис, сын сэра Николаев Бэкона, младший брат Энтони, придворный и ученый, сподвижник графа Эссекса, впоследствии его оставивший.

Бэкон, сэр Николае, лорд-хранитель печати, свояк Вильяма Сесила.

Вайи, Фрэнсис, церемониймейстер принцессы Елизаветы.

Вавасур, Анна, впавшая в немилость фрейлина Елизаветы I и любовница графа Оксфорда.

Венди, доктор Томас, врач Генриха VIII.

Верной, Джеймс, брат Ричарда, приближенный принцессы Елизаветы.

Верной, Ричард, приближенный принцессы Елизаветы.

Вильгельм Завоеватель, побочный сын Роберта, герцога Норманского, узурпировавший английский престол в 1066 – 1087 гг.

Вулси, Томас, кардинал, премьер-министр Генриха VIII, основатель Гемптон-корта.

Гардинер, Стивен, епископ Винчестерский при Генрихе VIII, позже гонитель протестантов и премьер-министр при Марии I.

Гастингс, лорд Эдвард, тайный советник Марии I.

Гейз, сэр Джон, комендант лондонского Тауэра.

Генрих II, король Англии в 1153 – 1189 гг.

Генрих II, король Французский, свекор Марии, королевы Шотландской, любовник Марии Болейн, убит на турнире.

Генрих III, король Франции, убит фанатичным приверженцем Католической Лиги Яковом Клеманом.

Генрих VII, король Англии, отец принца Артура и Генриха VIII.

Генрих VIII, король Англии, отец Эдуарда VI. Марии I и Елизаветы I.

Герберт, леди, сестра и фрейлина Екатерины Парр.

Гертфорд, леди, впоследствии герцогиня Сомерсет, жена лорда-протектора при Эдуарде VI.

Гилберт, сэр Гемфри, воин и мореплаватель, родственник сэра Уолтера Рели.

Говард, лорд Чарльз Эффингем, лорд-адмирал и сын лорда Вильяма Говарда, лорда-главнокомандующего во времена Армады.

Говард, Екатерина, кузина принцессы Елизаветы и пятая жена Генриха VIII, казнена за супружескую неверность.

Говард, лорд Вильям Эффингем, тайный советник и двоюродный дед Елизаветы I.

Грей, леди Екатерина, внучка принцессы Марии Тюдор, сестра леди Джейн Грей и кузина (двоюродная племянница)

Елизаветы I, незаконно обвенчанная с графом Гертфордом.

Грей, леди Фрэнсис, графиня Дорсет, позже герцогиня Сеффолк, дочь принцессы Марии Тюдор, сестры Генриха VIII, мать Джейн и Екатерины.

Грей, леди Джейн, внучка принцессы Марии Тюдор, старшая в семье, кузина Елизаветы I, королева в течение девяти дней, казнена при Марии I.

Грей, лорд Генри, граф Дорсет, позже герцог Сеффолк, отец Джейн и Екатерины, казнен при Марии I за организацию заговора.

Грешен, сэр Томас, финансист, советник Елизаветы I, основатель Королевской Биржи.

Гриндал, Вильям, наставник принцессы Елизаветы.

Дадли, Амброз, граф Уорвик (Варвик, Уорик), третий сын герцога Нортемберленда и брат Роберта Дадли.

Дадли, Гилфорд, четвертый сын герцога Нортемберленда и муж леди Джейн Грей, казнен при Марии I.

Дадли, лорд Генри, младший сын герцога Нортемберленда и брат Роберта Дадли.

Дадли, Джон, лорд Лил, впоследствии герцог Нортемберленд и премьер-министр Эдуарда VI, казнен при Марии I.

Дадли, Джон, герцог Уорвик, старший сын герцога Нортемберленда и брат Роберта Дадли.

Дадли, Мария, см. Сидни, Мария.

Дадли (Дедлей), Роберт, см. Лестер, Роберт Дадли (Робин).

Дарили (Дарнлей), лорд Генри, потомок принцессы Маргариты Тюдор и второй муж Марии, королевы Шотландской, убит шотландскими лэрдами.

Даун, мать Анна из Брентфорда, клеветница Елизаветы I.

Дейкрс, Леонард, католический заговорщик против Елизаветы I.

Дерби, Эдвард Стенли, граф, тайный советник Елизаветы I.

Девере, Доротея, дочь первого графа Эссекса и Леттис Ноллис, сестра Пенелопы и Роберта, позже – жена рыцаря сэра Томаса Перрота.

Девере, Пенелопа, дочь первого графа Эссекса и Леттис Ноллис, сестра Роберта, жена лорда Рича.

Девере, Роберт, см. Эссекс, Роберт Девере.

Денни, сэр Энтони, придворный кавалер при Генрихе VIII, при Эдуарде VI принимавший у себя принцессу Елизавету.

Димок, сэр Эдвард, придворный и рыцарь-защитник на коронации Эдуарда VI.

Дормер, Джейн, участница академии ученых дев» Екатерины Парр, тайная католичка.

Дрейк, сэр Фрэнсис, мореплаватель и морской пират, командующий английским флотом во время разгрома Армады.

Дэвисон, Вильям, государственный секретарь, навлекший на себя немилость участием в казни Марии, королевы Шотландской.

Екатерина Арагонская, испанская инфанта, первая жена Генриха VIII, мать Марии I.

Екатерина Медичи, королева Франции, свекровь Марии, королевы Шотландской.

Елизавета, принцесса Йоркская, жена Генриха VII, мать Артура, принца Уэльсского, и Генриха VIII.

Иннокентий V, Папа Римский.

Карлос, дон, испанский инфант, сын Филиппа II.

Карл Австрийский, эрцгерцог Габсбургский, сын Фердинанда и брат Максимилиана, претендент на руку Елизаветы I.

Карл V, король Испанский, император Священной Римской Империи, отец Филиппа II Испанского, племянник и защитник Екатерины Арагонской.

Карл IX, король Французский, претендент на руку Елизаветы I.

Де Квадра де Авила, епископ Альварес, испанский посол при дворе Елизаветы I, преемник Ферии.

Кид, Томас, драматург, друг Кристофера Марло.

Кларенсье, леди Сусанна, хранительница гардероба Марии I.

Климент VII, Папа Римский во времена Генриха VIII.

Клинтон, леди, фрейлина, жена лорда Клинтона.

Клинтон, Эдвард, граф де Фьенн, лорд, тайный советник и первый лорд Адмиралтейства.

Кобем (Кобгем, Кобхем), Генри Брук, лорд-хранитель пяти портов при Елизавете I.

Колиньи, адмирал Гаспар де, предводитель гугенотов в гражданской войне во Франции.

Кортни, Эдвард, потомок Эдуарда IV и претендент на престол, которого прочили в мужья Марии I и Елизавете I.

Кранмер, Томас, архиепископ Кентерберийский при Генрихе VIII, протестантский мученик.

Крофтс, сэр Джеймс, придворный, протестантский заговорщик против Марии I.

Кук, сэр Энтони, эллинист и королевский наставник.

Кук, Милдред, дочь сэра Энтони, входившая в академию ученых дев» Екатерины Парр, жена Вильяма Сесила и мать Роберта.

Кэмпион, Томас, иезуитский священник и поэт, казненный при Елизавете I.

Кэри, Генри, барон Хансдон, двоюродный брат Елизаветы I,

тайный советник и лорд-камергер.

Кэри, Екатерина, дочь Марии Болейн, сестра Генри Кэри, двоюродная сестра Елизаветы I, жена Фрэнсиса Ноллиса, фрейлина.

Кэри, Екатерина, дочь Генри Кэри, фрейлина Елизаветы I.

Латимер, Хью, епископ Вустерский, протестантский мученик.

Леннокс, Маргарита Дуглас, графиня, дочь принцессы Маргариты Тюдор и мать лорда Дарили.

Леннокс, Мэтью, граф, англо-шотландский лэрд, отец лорда Дарили.

Лестер, Роберт Дадли (Робин), граф, третий сын герцога Нортемберленда, придворный и воин, фаворит Елизаветы I.

Лили, Джон, поэт и драматург.

Максимилиан, император Священной Римской Империи, сын Фердинанда и брат Карла, претендент на руку Елизаветы I.

Маргарита Тюдор, английская принцесса, старшая сестра Генриха VIII, жена Якова IV Шотландского, бабка Марии, королевы Шотландской, и второго мужа Марии, лорда Дарили.

Марло, Кристофер, драматург и правительственный агент, убит в кабацкой потасовке.

Марпрелат, Мартин, псевдоним неизвестного пуританского памфлетиста при Елизавете I.

Мария I, королева Англии, дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской, жена Филиппа II Испанского, ярая католичка, гонительница протестантов.

Мария, королева Шотландская (Мария Стюарт), дочь Якова V, жена сначала Франциска I Французского, затем лорда Дарили и затем графа Босуэлла, католическая претендентка на английский трон.

Мария Тюдор, английская принцесса, младшая сестра Генриха VIII, вышедшая впоследствии за Чарльза Брэндона, герцога Сеффолка.

Матильда, дочь и наследница Генриха I, королева Англии, так и не допущенная к власти.

Медина Сидония, герцог, командующий испанскими войсками во время Армады.

Мелвилл, сэр Джеймс, посол Марии, королевы Шотландской, при дворе Елизаветы I.

Мендоса, Бернардино де, последний испанский посол при дворе Елизаветы I.

Монтегью, Энтони Браун, лорд, тайный советник при Марии I.

Морей (Меррей, Марри), граф, шотландский лэрд, побочный единокровный брат Марии, королевы Шотландской, регент при

Якове VI.

Мэтленд, лорд Вильям Летингтон, посол Марии, королевы Шотландской.

Нокс, Джон, шотландский протестантский проповедник и писатель.

Норрис, Генри, придворный Генриха VIII, казненный по ложному обвинению в блудодеянии с Анной Болейн.

Нортгемптон, Эдвард, маркиз, брат Екатерины Парр.

Нортгемптон, маркиза, см. Снакенборг, Елена.

Нортемберленд, восьмой граф, отец Гарри Перси, влюбленного в Анну Болейн.

Нортемберленд, девятый граф, участник католического заговора, казнен при Елизавете I.

Нортемберленд, герцог, см. Дадли, Джон, лорд Лил.

Норфолк, Томас Говард, третий герцог, отец Генри Говарда, граф Серри, тайный советник Генриха VIII.

Норфолк, Томас Говард, четвертый герцог, сын графа Серрея, тайный советник Елизаветы I, участник католического заговора.

Норфолк, вдовствующая герцогиня, мать третьего герцога.

Ноллис, Леттис, дочь сэра Фрэнсиса Ноллиса и Екатерины Кэри; жена виконта Херефорда, впоследствии первого графа Эссекса, мать Пенелопы и Доротеи Деверe и Роберта Деверe, второго графа Эссекса; позднее – жена Роберта Дадли, графа Лестера, и сэра Кристофера Бланта.

Ноуллз (Ноллис), сэр Фрэнсис, тайный советник, муж Екатерины Кэри, дочери Марии Болейн.

Оксфорд, Эдвард де Вер, граф, придворный и покровитель театров, муж Анны Сесил, дочери лорда Берли.

Паджет, Вильям, впоследствии лорд Паджет, секретарь Тайного совета при Генрихе VIII, Эдуарде VI и Марии I.

Палавичино, сэр Горацио, международный финансист.

Пакеринг, сэр Джон, лорд-хранитель печати при Елизавете I.

Паркер, Мэтью, архиепископ Кентерберийский.

Пармский, Александр Фарнезе, герцог, командующий испанскими войсками в Нидерландах.

Парр, Эдвард, см. Нортгемптон, Эдвард.

Парр, дама Екатерина, шестая жена Генриха VIII, впоследствии замужем за Томасом Сеймуром, бароном Садли, умерла родами.

Парри, Томас, казначей принцессы Елизаветы, впоследствии тайный советник Елизаветы I.

Парри, Бланш, фрейлина и подруга Елизаветы I.

Парри, доктор Вильям, член парламента, замышлявший убить Елизавету I.

Пембрук, сэр Вильям Генри, граф, воин и тайный советник.

Перси, Генри (Гарри), наследник графа Нортемберленда, влюбленный в Анну Болейн.

Пикеринг, сэр Вильям, сподвижник графа Серри, участник заговора против Марии I, посол во Франции и претендент на руку Елизаветы I.

Полет, сэр Вильям, впоследствии маркиз Винчестер, тайный советник при Генрихе VIII, Эдуарде VI, Марии I, Елизавете I, лорд-казначей.

Пул, Реджинальд, кардинал, папский легат при Марии I, архиепископ Кентерберийский, гонитель протестантов.

Радклифф, Маргарита, фрейлина Елизаветы I.

Рандолф, сэр Томас, английский посол к Марии, королеве Шотландской.

Рассел, Анна, фрейлина Елизаветы I, дочь графа Бедфорда, затем жена Амброза Уорвика, брата Роберта Дадли, графа Лестера.

Рассел, леди, фрейлина при дворе Эдуарда VI.

Рели (Релей), сэр Уолтер, придворный, воин и поэт, фаворит Елизаветы I.

Ренар, Симон, испанский посол при Марии I.

Ридли, Николае, епископ Лондонский, протестантский мученик.

Ридольфи, Роберто, участник католического заговора против Елизаветы I.

Ризли (Рисли), сэр Томас, тайный советник Генриха VIII, впоследствии граф Саутгемптон при Эдуарде VI.

Рич, сэр Ричард, впоследствии лорд Рич, судейский и придворный при Генрихе VIII.

Рич, Ричард, лорд, внук сэра Ричарда, муж Пенелопы Девере, сестры графа Эссекса.

Ричард II, король Англии в 1377 – 1400 гг., низложен и убит.

Ричард, герцог Йоркский, брат Эдуарда IV, впоследствии Ричард III, убит Генри Тюдором, будущим Генрихом VII в битве при Босворте.

Ричард, принц Йоркский, сын Эдуарда IV, брат Эдуарда V и племянник Ричарда III, убит в Тауэре.

Риччьо, Давид, личный секретарь Марии, королевы Шотландской, убит лордом Дарили.

Робсарт, Эми, жена Роберта Дадли, графа Лестера.

Рочфорд (Рокфорд), Джордж, виконт, брат Анны Болейн, казненный по ложному обвинению в блудодеянии с ней.

Сассекс, Томас Радклифф, граф, воин и тайный советник Марии I и Елизаветы I.

Саутвелл, Роберт, иезуитский священник и поэт, казненный при Елизавете I.

Сеймур, Эдвард, брат Джейн Сеймур и Томаса Сеймура, граф Гертфорд, впоследствии граф Сомерсет, лорд-протектор при Эдуарде VI.

Сеймур, Джейн, третья жена Генриха VIII, мать Эдуарда VI, сестра Эдварда и Томаса Сеймуров.

Сеймур, Томас, барон Садли, брат Эдварда и Джейн Сеймур, четвертый муж Екатерины Парр, придворный, воин, сватавшийся к принцессе Елизавете, участник заговора против своего брата – лорда-протектора.

Сент-Джохан, граф, казначей Генриха VII.

Сент-Джон, граф, лорд-гофмейстер при Генрихе VIII.

Сесил, сэр Вильям, впоследствии барон Берли, государственный секретарь и лорд-казначей, премьер-министр Елизаветы I.

Серрей (Суррей, Серри, Сарри), Генри Говард, граф, сын третьего герцога Норфолкского, отец четвертого герцога, казнен при Генрихе VIII.

Сидни, сэр Генри, приближенный Эдуарда VI, муж Марии Дадли и отец сэра Филиппа Сидни.

Сидни, Мария, фрейлина Елизаветы I, сестра Роберта Дадли, жена сэра Генри и мать Филиппа.

Сидни (Сидней), сэр Филипп, сын сэра Генри Сидни и Марии Дадли, придворный, воин и поэт, убит в битве при Зютфене.

Смитон, Марк, лютнист Анны Болейн, казненный за якобы совершенное с ней прелюбодеяние.

Снакенборг, Елена, шведская дворянка, фрейлина Елизаветы I с детских лет, впоследствии маркиза Нортгемптон.

Спенсер, Эдмунд, секретарь лорда-наместника Ирландии, поэт.

Стаббз, Филипп, пуританский памфлетист.

Стефан, король Англии в 1135 – 1153 гг., узурпировавший трон королевы Матильды.

Стори, доктор Джон, ярый католик, преследовавший протестантов при Марии I, член парламента.

Тиррит, леди Елизавета, падчерица Екатерины Парр и ее первая фрейлина.

Тиррит, сэр Роберт, муж леди Елизаветы, допрашивал принцессу Елизавету при Эдуарде VI.

Томас, Вильям, секретарь Тайного совета при Эдуарде II, участник заговора против Марии I.

Трокмортон, Елизавета, фрейлина Елизаветы I, дочь сэра Николаса и жена сэра Уолтера Рели.

Трокморюн, Фрэнсис, племянник сэра Николаев, участник католического заговора, казнен при Елизавете I.

Трокмортон, сэр Николае, посол во Франции и Шотландии при Елизавете I.

Уайет, сэр Томас, придворный и поэт, влюбленный в Анну Болейн.

Уайет, сэр Томас, сын сэра Томаса Уайета, сподвижник графа Серрея, придворный и участник заговора против Марии I, казнен.

Уэстерморленд, Чарльз Невил, граф, участник католического заговора против Елизаветы I, бежал на чужбину, где и умер.

Уолсингем, Фрэнсис, дочь сэра Фрэнсиса Уолсингема, жена сэра Филиппа Сидни, а после – графа Эссекса.

Уолсингем, сэр Фрэнсис, посол во Франции, государственный секретарь и руководитель тайной разведки при Елизавете I.

Уорнер, сэр Эдвард, комендант лондонского Тауэра.

Уорвик, Анна, см. Рассел, Анна.

Фаулер, Джон, приближенный Эдуарда VI, состоявший на жалованье у Томаса Сеймура, барона Садли.

Фелтон, Джон, мятежный католик, казнен за распространение Папской буллы против Елизаветы I.

Фердинанд I, император Священной Римской Империи, отец Максимилиана и Карла, претендент на руку Елизаветы I.

Ферия, дон Гомес Суарес де Фигероа, испанский посол при дворе Елизаветы I.

Филибер, Эммануэль, герцог Савойский, претендент на руку Елизаветы I.

Филипп II, король Испании, муж Марии I, претендент на руку Елизаветы I.

Фитцрой, Генри, герцог Ричмонд, побочный сын Генриха VIII от Бесси Блант, умер в возрасте семнадцати лет.

Форестер, Джон, управлякнций графа Лестера в Кумноре.

Франциск II, король Франции, муж Марии, королевы Шотландской, умер в возрасте шестнадцати лет.

Фуа, Поль де, французский посол при дворе Елизаветы I.

Фэйрфакс, лорд Вильям, сподвижник Генриха VII в битве при Босворте, придворный Генриха VI И.

Хантингдон, Генри, граф, придворный Елизаветы I, отдаленный потомок Эдуарда III.

Хаттон (Хэтон), сэр Кристофер, придворный, впоследствии лорд-канцлер, фаворит Елизаветы I.

Хенидж, сэр Томас, придворный, фаворит Елизаветы I.

Хоукинс (Гаукинс, Хокинс), сэр Джон, мореплаватель, один из организаторов разгрома Великой Армады.

Хуан Австрийский, дон, побочный единокровный брат дона

Карлоса, испанский регент в Нидерландах.

Цецилия, принцесса Шведская, присланная своим братом королем Эриком сватать за него Елизавету I.

Чертей, сэр Джон, кавалер из свиты принцессы Елизаветы.

Чик, сэр Джон, эллинист и королевский наставник.

Шапюи, Юстас, посол Священной Римской Империи.

Шекспир, Вильям, актер и драматург, ведущий участник труппы лорда-гофмейстера.

Шеффилд, леди Дуглас, дочь лорда Вильяма Говарда, впоследствии связанная узами сомнительного брака с Робертом Дадли, графом Лестером; мать его единственного оставшегося в живых сына.

Шрусбери, Гилберт Тэлбот, граф, президент совета Севера, тайный советник.

Эскам, Роджер, наставник Елизаветы I в бытность ее принцессой и королевой.

Эскью, Анна, протестантская мученица, сожженная при Генрихе VIII.

Эшли, Джон, муж Кэт, дальний родственник Анны Болейн.

Эшли, Екатерина (Кэт), гувернантка принцессы Елизаветы в детстве, хранительница гардероба и старшая фрейлина Елизаветы-королевы.

Эдуард Исповедник, король Англии в 1042 – 1066 гг.

Эдуард II, король Англии в 1307 – 1327 гг., любовник Пирса Гавестона, низложен и убит.

Эдуард V, принц Йоркский, сын Эдуарда IV и племянник Ричарда III, убит в лондонском Тауэре при Ричарде III.

Эдуард VI, единственный сын Генриха VIII и Джейн Сеймур, умер в возрасте шестнадцати лет.

Эджертон, сэр Томас, лорд-хранитель печати при Елизавете I, преемник сэра Джона Пакеринга.

Эрик, король Шведский, претендент на руку Елизаветы I.

Эссекс, Роберт Девере, второй граф, сын Уолтера Девере, первого графа, и Леттис Ноуллз, воин и придворный, фаворит Елизаветы I, казнен за организацию заговора.

Яков V, король Шотландский, отец Марии, королевы Шотландской, умер, когда Марии была всего неделя от роду.

Яков VI, король Шотландский, сын Марии, королевы Шотландской, и лорда Дарнли.

notes

1

Наконец (фр.).

2

Итак (ит.).

3

В. Шекспир. Генрих IV», часть 1, акт 2, сцена. 4.

4

None such – не такой, как все (англ.).

5

Неприятный человек (фр.).

6

Волк (лат.).

7

В. Шекспир. Венецианский купец», акт 3, сцена. 1. Пер. Т. Щепкиной-Куперник.

8

Потрясателем сцены» неодобрительно назвал Шекспира один из современников. Каламбур основан на том, что фамилия Шекспир буквально переводится как Потрясающий копьем». Разговор о вымарывании строк основан на письме Джонсона.

9

В. Шекспир. Король Генри IV», часть 1, акт 5, сцена 4. Пер. Б. Пастернака.

10

Положение обязывает (лат.).

11

В русской и английской Библии нумерация псалмов несколько отличается. У нас это пятьдесят четвертый псалом.

12

В заключительных главах многие исторические высказывания Елизаветы и ее современников приведены в переводе Е. А. Суриц по книге Королева Елизавета и граф Эссекс». М.: Слово, 1992.

13

Самсон нашел в трупе убитого льва пчелиный рой и мед, что дало ему повод для загадки: Из сильного вышло сладкое». (Суд. 14, 8 – 14)

14

Лолларды были противниками иерархии, монашества и учения о таинствах Католической церкви, подавали Генриху петицию с предложением реформировать англиканскую церковь на новых началах. Подвергались гонениям.

15

Софи (Сефевиды) – династия персидских шахов, правившая в 1499 – 1732 гг.

16

В. Шекспир. Король Лир», акт 1, Сцена 2. Пер. Т.Щепкиной-Куперник.

17

Екклезиаст, 3, 3 – 4.

1

Самсон в Газе. Самсон – ветхозаветный герой; враги ослепили его и привели на посмешище в свой храм во время праздника, а он обрушил столб, на котором держалась крыша храма, погиб сам, но уничтожил при этом множество врагов.

2

Строчка из «Энеиды» Вергилия – «Оружье и мужа пою…».

3

Начало фразы, произнесенной Нельсоном спустя двести лет после смерти Елизаветы: «Англия ожидает, что каждый выполнит свой долг».

4

Здесь, по-видимому, допущена историческая неточность. Брат короля Карла IX, Генрих, герцог Анжуйский, один из претендентов на руку Елизаветы, пережил Карла и два года спустя взошел на французский престол (при этом его младший брат, Франциск, герцог Алансонский, следующий претендент на руку Елизаветы, действительно стал герцогом Анжуйским). Когда в этой главе Франсуа приезжает в Англию, во Франции правит уже Генрих III.

5

Самая утонченная женщина в мире (фр.).

6

Ср.: В. Шекспир. «Венецианский купец», акт 1, сцена 2 – «Моя маленькая особа устала от этого большого мира».

7

Вестником сердца (фр.).

8

Моя прекрасная госпожа, если осмелюсь… (фр.)

9

Любовная песнь, любовные удовольствия, любовная болезнь, все время любовь (фр.).

10

Конечно же. Ваше Величество! (фр.)

11

Первый день Великого поста у западных христиан.

12

«Обратитесь ко Мне…» Иоиль, 2, 12 – 13; 17.

13

Мидяне – в ветхозаветные времена соседний с персами народ, искусные и жестокие воители.

14

Речь идет о Вильяме Шекспире.

15

Король Английский (лат.).

16

В. Шекспир. «Ричард II», акт 2, сцена 1. Пер. М. Донского.

17

Брандер – судно, нагруженное горючими или взрывчатыми веществами, которое поджигали и пускали но ветру или течению на неприятельские корабли.

18

«Израиль отмщен…» (Суд. 5, 2 – 31)

19

Пс. 113, 9.

20

В. Шекспир. «Гамлет», акт 1, сцена 2.

1

Фраза, навеянная видением Макбета «До Судного ли дня продлится эта ветвь?» В. Шекспир, IV акт.

2

В греческой мифологии дочь Зевса и Деметры, похищенная Аидом. Две трети года проводит с матерью, и та, радуясь, посылает на землю изобилие, когда же Персефона спускается в подземное в царство, Деметра скорбит и на земле наступает зима.

З

Сокращенное от лат. regina – королева.

4

Сторонники «Ковенанта» – соглашения между английскими и шотландскими пресвитерианами, боровшимися против католичества в Шотландии и англиканства в Англии.

5

Спаси меня, Боже… (Пс. 68, 2 – 3)

6

В. Шекспир, «Гамлет», пер. Б.Пастернака.

7

В. Шекспир, «Король Лир», пер. Т. Щепкиной-Куперник.

8

Господи, сколь умножились… (Пс.3, 2)

9

Господь пасет мя… (Пс. 22, 1, 4)

10

Персонаж английской детской песенки.

11

По закону казнь следовало отложить до разрешения от бремени.

12

Цитата из пьесы В. Шекспира «Два веронца», акт II, сцена 4.

1

Noblesse oblige – положение обязывает (фр.).

2

Согласно учению ортодоксальной церкви, признаваемому в том числе и англиканами, Христос рожден по божественному естеству от Бога Отца прежде всех веков, а по естеству человеческому в начале первого века нашей эры от Девы Марии, и оба естества соединены в Нем слитно, то есть не образуют смешанную природу полубога-получеловека. Елизавета, учившая в детстве катехизис, не могла этого не знать.

3

Латинское название (по первым словам) благодарственного песнопения «Тебя, Бога, славим…».

4

Святому старцу Симеону было обещано, что он не умрет, доколе не увидит Мессию. Когда Мария принесла младенца в Иерусалимский храм, Симеон взял Его на руки и произнес слова, начало которых и повторяет здесь Фэйрфакс.

5

Анютины глазки… – слегка измененная цитата из «Гамлета», акт 4, сцена 5, перевод Б. Пастернака.

6

По-английски New-Found-Land переводится как «вновь открытая земля».

7

Латинское название (по первому слову) песни Пресвятой Богородицы, начало которой (Лук. 1, 46 – 47) приведено выше.

1

Казнь государственных изменников отличалась особой жестокостью: их вешали не до удушения, оскопляли, потрошили и четвертовали.

2

Морской разбойник.

3

Приведенные слова – парафраз реплики шута из последней сцены «Двенадцатой ночи» В. Шекспира – «Одни рождаются великими, другие достигают величия, к третьим оно приходит».

4

Екатерина Арагонская была вдовой Артура, старшего брата короля Генриха. Поскольку церковь запрещала подобные браки, Генриху пришлось получать разрешение Папы Римского.

5

Образ из Апокалипсиса (Откр. 7, 1).

6

Неточная цитата из «Короля Лира». У Шекспира – «получила дитя в колыбель раньше, чем мужа в постель».

7

Саллюстий (86 – ок. 35 до н.э.) – римский историк, автор нескольких книг, в числе которых «О заговоре Катилины».

8

Герб Тюдоров был составлен из алой розы Ланкастеров и белой розы Йорков.

9

В греческой мифологии божество сна Гипнос – брат Танатоса (смерти).

10

Фехтовальный термин, означающий «задел!» (фр.).

11

«Салическая правда» – древнейший свод законов у франков, некогда владевших Францией; одно из ее положений утверждало, что женщина не может наследовать престол.

12

Веселые итальянские любовные песенки, рассказывающие о проделках Амура.

13

Библия рассказывает, что когда евреи бежали от египетского фараона, воды Чермного (Красного) моря расступились перед ними, но поглотили преследователей (Исход XIV, 2).

14

Стоун – старинная английская мера веса, равная 6, 35 кг .

15

На первое мая в Англии украшают столб – «майское дерево», вокруг которого устраивают танцы.

16

Имеется в виду Римский Папа, которого протестанты не считают главой церкви.

17

По-английски «смотреть больше» (see more) созвучно фамилии Сеймур (Seymour).

18

Фамилия Гертфорд (Hertford) созвучна сочетанию слов heart (сердце) и ford (брод).

19

В «Энеиде» Вергилия карфагенская царица Дидона, возлюбленная Энея, не перенеся разлуки с ним, взошла на костер. В поздних легендах о троянской войне Крессида – дочь жреца Калхаса, влюбленная в троянского царевича Троила. Геро – в греческой мифологии жрица Афродиты, в которую влюбился юноша Леандр. Когда Леандр утонул, она бросилась в море.

20

Цитата из плача Давида по Саулу и Ионафану: «Не рассказывайте в Гефе, не возвеиряйте на улицах Аскалона, чтобы не радовались дочери Филистимлян, чтобы не торжествовали дочери необрезанных» (2 Царств 1, 20).

21

У В. Шекспира: «Ваша дочь в настоящую минуту складывает с мавром зверя с двумя спинами» (Отелло).

22

В Апокалипсисе говорится, что в последние дни из кладезя бездны выйдет саранча и будет жалить подобно скорпионам (Откров. VI, 3 – 5).

23

Без страха и упрека (фр.).

24

«Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу» (Псал. 8, 3).

25

То есть как малолетних сыновей Эдуарда IV, Эдуарда и Ричарда, заключенных в Тауэр и убитых по приказу своего дяди, короля Ричарда III.